

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

Юридический факультет

Ежегодная Международная научно-практическая конференция

**РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В НОВЫХ УСЛОВИЯХ:
ЕДИНСТВО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ-2020**

Сборник докладов

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2020

УДК 34 – 043.86(063)
ББК 67я43
P17

Составители:

Тищенко Екатерина Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана по науке и инновационной деятельности юридического факультета Южного федерального университета;
Саядова Асмик Саргисовна — преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Ответственный редактор:

Зиновьев Игорь Петрович — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета

P17 Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики : сборник докладов по материалам Международной научно-практической конференции ; отв. ред. И. П. Зиновьев ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. – 600 с.
ISBN 978-5-9275-3639-9

В сборнике представлены материалы ежегодной Международной научно-практической конференции «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики», организованной юридическим факультетом Южного федерального университета 23 октября 2020 года. В рамках конференции были представлены более 150 научных докладов в десяти тематических дискуссионных площадках, выделенных в соответствии с отраслями права.

Издание может быть полезно научным сотрудникам, преподавателям, студентам, магистрам, аспирантам и всем, кто интересуется проблемами и перспективами юридической науки в современной России.

Публикуется в авторской редакции.

ДК 34 – 043.86(063)
ББК 67я43

ISBN 978-5-9275-3639-9

© Южный федеральный университет, 2020

СЕКЦИЯ № 1

КИБЕРПРАВО, ЦИФРОВОЕ ПРАВО, РОБОПРАВО: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Батиев Левон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент
(Южный научный центр Российской академии наук)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: batiev@ssc-ras.ru

МОРАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА: СТАРЫЕ СПОРЫ И НОВЫЕ РЕАЛИИ

Новые технологии рожают новые возможности, но при этом сохраняются, и даже могут получить более острое звучание, и старые проблемы. Одной из таких является проблема соотношения права и морали. Современное видение проблемы этой проблемы сложилось исторически: мораль трактуется как система более высоких, чем право притязаний к духовному миру и деятельности человека, право ограничивается умеренными требованиями к внешнему поведению индивида.

В рамках традиционных религиозно-мифологических представлений древних греков не было места для дилеммы закон или мораль, противопоставление закона и морали было принципиально невозможно. Позднее софисты не разграничили сферу закона и морали, но сам закон истолковали как выгоду сильнейшего и вывели из сферы традиционной этики, поставив его «по ту сторону добра и зла». Платон противопоставил релятивизму и эгоистическому индивидуализму традиционную коллективистскую мораль. В идеальном государстве Платона практически нет различия между законом (юридическим законом) и моральными нормами, законностью и моральностью. И поэтому также нет, и не может быть двух параллельных или соперничающих систем – правовой и моральной. Сам писанный закон как конечное внешнее формальное выражение идеи (воспринятой разумом) содержит максимум нравственных требований, в соответствии с социальным статусом каждого адресата.

Аристотель различает два вида законов – частный и общий всем народам (естественный) закон [3, 59]. Частный закон, установленный каждым народом для самого себя, бывает и писанный, неписанный. Неписанные законы «бывают двух родов: одни из них имеют в виду крайние проявления добродетели и порока, например, признательность по отношению к благодетелям, воздаяние добром за добро, помощь друзьям и т.п.» [1, 61]. Из данного положения следует, что Аристотель различает сферу, которую мы сегодня определили бы как сферу морали и сферу юридическую. В первой действует один род неписанных законов, во второй – другой род неписанных законов, а также частные, т.е. полисные законы. Законы нравственные отличаются от собственно юридических также предметом регулирования (или уровнем притязаний: «крайние проявления добродетели») и санкциями. Воздаянием за несоблюдение/соблюдение неписанных законов первого

рода (относящихся к сфере морали) служат «порицания и похвалы, бесчестие и почести, изъявление общего уважения» [1, 61], т.е. эти законы не обеспечены государственным принуждением, а «писаная правда имеет характер принуждения, чуждый неписаной» [1, 63]. Согласно Аристотелю, юридическим законом регулируются все группы отношений – как имущественного характера (а также связанные с ними), так и другие – те, которые не могут быть к ним сведены. Однако это не означает, что полисными законами регулируются все отношения в каждой группе. Можно требовать исполнения воинского долга, но нельзя требовать героизма, требовать исполнения обязательств по договору, но нельзя требовать признательности и т.д. В сферу собственно юридическую не входят отношения дружественности (по крайней мере, не полностью) [2, 219 - 220, 230]. Таким образом, Аристотель достаточно четко ограничивает как сферу действия юридического закона, так и уровень его притязаний. По Аристотелю, именно «среднее» должно считаться наилучшим, поскольку оно определяет справедливый характер отношений в этой жизни, внутри полиса.

«Снижение» моральной ценности закона произошло в средневековой христианской философии. Согласно Августину, закон – внешнее требование, вера – внутреннее убеждение [3]. Гражданский закон «не распространяется за пределы того, чтобы у того, кого он карает, отнимать и забирать эти [мирские] вещи. ... Он принуждает страхом...» [4]. Закон не может воспитать моральную (религиозную) личность. «Из страха наказания ... заповедь еще не исполняется надлежащим образом, хотя и кажется, что исполняется» [3, 880]. Более того, если «повелевающий закон существует, а в духе нет соответствующего ему расположения, то запрещение подстрекает греховное желание» [5, 478]. Закон юридический требует обязательного минимума нравственности, он необходим лишь «для поддержания смертной жизни, чтобы, поскольку обща сама смертность, в вещах, к ней относящихся, сохранялось согласие между тем и другим градами» [5, 351]. Гражданские законы допустимы только в том, что касается «внешнего образа и обычая жизни» [5, 353]. Принципиально значимым является внутренний моральный закон, записанный богом в человеческом сердце – его совесть. Важно не само поведение, а внутренняя психологическая мотивация. Так была открыта возможность различения «легальности» и «моральности» на основе деления субъективной и объективной сторон поступка. Аналогичной являлась и позиция Аквината [6].

С точки зрения представителей естественно-правовой теории Нового времени, в естественном состоянии моральные ограничения либо не существовали, либо не имели значения, как не обеспеченные принудительной силой государства. Для естественного состояния характерна своя собственная мораль, происходящая из стремления к самосохранению и опирающаяся на силу каждого отдельного индивида. Юснатурализм исходил из различия права (минимума нравственности, необходимого для жизни в обществе) от морали (максимума требований христианской этики или естественного права и т.п.). Но конкретные решения сильно различались. Г. Гроций указывал, что распространение термина «естественное право» на то, что разум признает достойным или наилучшим, хотя и не обязательным, является злоупотреблением этим понятием [7, 70].

Гоббс фактически отказал морали в праве на самостоятельное существование. По его мнению, только в государстве существует общая мера для добродетелей и пороков, именно – законы каждого государства. В итоге оказывается, что «закон есть совесть государства» [8, 252]. Но в концепции Локка законность устанавливается государством, а вопросы добродетели и порока, напротив, остаются за обществом. [9, 409 – 410.].

Позитивизм в XIX в. не только отказался естественного права, но и изгнал мораль из права позитивного. Возрожденное естественное право, напротив, стремилось подчинить право нравственности. На практике в XX в. право оказалось подчинено политике (в право вкладывалось специфическое моральное содержание – классовое или расовое). В особенности это проявилось в леворадикальном и праворадикальном вариантах тоталитаризма, которые опирались на позитивистское (в его этатистской версии) понимание права. Поэтому после II мировой войны вновь актуализировались естественно-правовые течения.

Сегодня история повторяется в виде фарса, как своеобразное соперничество между леволиберальным направлением на Западе и консервативно-охранительным – в России. И в том и в другом случае происходит навязывание политико-правовыми средствами определенных стереотипов (которые камуфлируют зачастую интересы различных финансовых или политических элит) в таких вопросах как семья, гендерная идентичность и гендерные роли, экология и климат, традиционные ценности, история, религия и чувства верующих, экстремизм. Происходит это, в том числе, посредством расширения правового поля и соответствующей правоприменительной практики. Благодаря развитию цифровых технологий несоизмеримо с предыдущими эпохами возросли возможности социальной коммуникации, идеологической обработки населения и средств контроля «старшего брата». Насколько допустимо применение правовых инструментов в целях воспитания «правильного» гражданина? Должно ли право содержать минимум нравственности или стремиться к максимуму, и насколько широки пределы влияния права в вопросах морали. Сегодня это далеко не праздные вопросы. Обратная их сторона – кем и как, при устранении/самоустранении, государства будет решаться эти вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Риторика // Античные риторика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15-164.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 53-293.
3. Августин. Энхиридион к Лаврентию // Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. – Мн.: Харвест, 1999. С. 806-881.
4. Суини М. Лекции по средневековой философии. Вып. 1. Средневековая христианская философия Запада. – М., 2001. URL: http://logic-books.info/sites/default/files/suini._tom_1.pdf
5. Августин. О граде Божиим. / Августин Блаженный. Творения. Т. 4. – СПб., – Киев: Алетейя, УЦИММ-Пресс. – 1998. – 586 с.

6. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 90-114. – Киев: Ника-Центр, 2010. С. 93-104.

7. Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: «Ладомир», 1994. – 868 с.

8. Гоббс Т. Левиафан, или Материя форма и власть государства церковного и гражданского/ Гоббс Т. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. С. 3-545.

9. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1985.

Беляев Валерий Петрович

доктор юридических наук, профессор
(Юго-Западный государственный университет)

г. Курск

e-mail: belvp46@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)

г. Белгород

e-mail: gala.belyaeva2014@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Приступая к рассмотрению вопроса, отраженного в заглавии работы, обратим внимание, что цифровая экономика как концепция обязана своим появлением Н. Негропonte, который, используя метафору о «переходе от обработки атомов к обработке битов», отметил недостаток классических товаров в их «физическом» воплощении таком, как вес, сырьё, транспорт, и заявил о преимуществах новой экономики, основанной на отсутствии веса товаров, виртуальности, отсутствии потребности в сырье, мгновенном глобальном перемещении [1].

Следует отметить, что в юридической науке понятие «цифровая экономика» сосуществует с такой, по сути, синонимичной конструкцией, как «интеллектуальная экономика» с тем лишь исключением, что цифровизация здесь сопряжена с широким использованием инноваций, включая искусственный интеллект [2].

Комитетом по конкуренции Управления по вопросам финансов и предпринимательства Организации экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD) цифровая экономика называется своеобразным базисом для «обозначения рынков, ориентированных на цифровые технологии, которые, как правило, вовлечены в торговлю информационными товарами или услугами посредством электронной торговли. Цифровая экономика функционирует на многоуровневой основе с отдельными сегментами, связанными с передачей данных» [3].

Как результат, специфические характеристики цифровой экономики, отличающиеся от постиндустриальной, требуют качественно иной модели нормативно-правового регулирования: цифровая экономика не может быть охарактеризована, как единая структурированная система, и, следовательно, не может быть урегулирована «пакетом» законов или путем реформы государственного управления в этой сфере. Данная система носит комплексный характер и объединяет в себе самые разнообразные институты и направления деятельности, носит собирательный характер, при этом не охватывая тотально все отрасли экономической деятельности.

Так, в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации с 2017 по 2030 годы» цифровая экономика характеризуется, как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [4].

Конкретизирующим Стратегию документом, в части цифровой экономики, является Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации» [5], где определены функциональная структура системы управления; порядок разработки, мониторинга и контроля выполнения федеральных проектов; ответственные органы и организации. Данный документ «заменяет» действующую ранее одноименную программу, однако сохранил большинство ее недостатков, а именно: отсутствие в тексте определения понятия цифровой экономики и ее структуры; неполная разработанность количественных показателей перспективного развития ее национального сектора; низкая проработанность вопросов интеграции отечественных субъектов экономической отношений в виртуальном сегменте (отсутствие указания на институт «блокчейн»); декларативность, необеспеченность конкретными правовыми предписаниями.

Несомненно, интересным представляется использование зарубежного опыта в правовом регулировании рассматриваемой проблемы. Так, в США с 2016 года разработана и реализуется комплексная программа развития цифровой экономики «Digital Economy Agenda» [6, с. 51], которая регламентирует одновременно либерализацию доступа и обеспечение информационной безопасности граждан в сети Интернет, а также ряд вопросов поддержки деятельности производителей и продавцов ИКТ на северо-американском и мировом отраслевых рынках. Позитивный опыт такого правового регулирования может быть воспринят и отечественной системой правового регулирования рынка ИКТ, в частности, в связи с продвижением отечественных технологий на развивающихся ИКТ рынках «дружественных» государств в рамках таких экономических блоков, как ЕАЭС и БРИКС.

Для реализации указанных направлений предлагается решение следующих основных вопросов.

Во-первых, при модернизации системы правового регулирования цифровой

экономики необходимо произвести тщательный анализ и оценку актуальности существующих моделей правового регулирования, а также наличия коллизий и пробелов в действующем законодательстве.

Во-вторых, необходимо пересмотреть и, по возможности, устранить административные барьеры для функционирования институтов цифровой экономики (речь, в частности, идет о примере, приведенном в начале настоящей статьи относительно предпринимательской деятельности на виртуальных мировых рынках).

В-третьих, создать единые, унифицированные для всех стран-участниц Евразийского экономического союза, подходы в области правового регулирования цифровой экономики, способствующие развитию цифровой экономики в соответствующем правовом пространстве;

В-четвертых, разработать и утвердить необходимые методические документы (регламенты), направленные на формирование соответствующих компетенций в сфере цифровой экономики у юристов, государственных служащих и иных лиц, принимающих непосредственное участие в процессе разработки, принятия и реализации нормативных правовых актов в сфере регулирования цифровой экономики на территории РФ, а также осуществлять необходимые мероприятия по развитию данных компетенций (профессиональная переподготовка, повышение квалификации, конференции и т.д.).

Доклад подготовлен в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» (тема № FZWG-2020-0008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Negroponte Nicholas Bits & Atoms. University of Phoenix. <https://web.archive.org/web/20131016092846/https://www.phoenix.edu/lectures/nicholas-negroponte/bits-and-atoms.html>.

2. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

3. The Digital Economy / The Competition Committee of Directorate for Financial and Enterprise Affairs of OECD. 2012. 195 p. P. 5 // <http://www.oecd.org/daf/competition/The-Digital-Economy-2012.pdf>.

4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации с 2017 по 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20.

5. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. Ст. 1119.

6. Regulatory modernization in the digital economy: developing an enabling policy environment for innovation, competition, and growth. policy statement / The International Chamber of Commerce Commission on the Digital Economy. 2016. 6 p. P. 2 // <http://www.iccindiaonline.org/policy-statement-files/11.pdf>

Бондаренко Инна Александровна
аспирант юридического факультета
(Таганрогский институт управления и экономики)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: innuchi@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Цифровизация общественных отношений неизбежно вызывает потребность реорганизации органов юстиции, составной частью которых в настоящее время являются пенитенциарные учреждения. Однако их принадлежность Министерству юстиции Российской Федерации с учётом принципа историзма не является абсолютной. Органы исполнения наказаний в виде лишения свободы продолжительный период времени являлись составной частью «полицейского ведомства», а в составе Российской империи имели свою региональную специфику, например, на территории Донского казачьего войска.

Истоки уголовного наказания в целом (не только лишения свободы) уходят далеко вглубь истории. [1] В связи с этим, до того как приобрести нынешнюю структуру и вид пенитенциарная система Российской Федерации прошла длинный и сложный путь исторического развития. Одновременно с тем как развивалось государство, основываясь на принципах централизации власти, усилении законотворческой деятельности, базирующейся на гуманных принципах, принятых в западноевропейских странах, менялись цели и задачи уголовно-исполнительной политики. Вплоть до периода правления императрицы Екатерины II в понимании роли российской пенитенциарной политики преобладал правовой вакуум, тюрьмы подчинялись разным государственным органам, в некоторых из них имелось независимое от государственного управления внутреннее начальство из числа арестантов. Однако попытка Екатерины II регламентировать деятельность тюремных учреждений Российской империи так и не была реализована, проект Устава о тюрьмах 1787 года, являвшийся её собственноручным законопроектом, не был принят и не вводился в действие, поскольку его положения сильно расходились со сложившимися в то время традициями и устоями общества.

Спустя почти 100 лет российское государство постепенно пришло к тому, что систему управления местами лишения свободы необходимо централизовать, а её деятельность чётко регламентировать. В связи с этим 27 февраля 1879 года в составе Министерства внутренних дел было учреждено Главное тюремное управление, которое стало высшей руководящей организацией, в подчинении которой находились органы тюремного ведомства на местах. [2, 3] В дальнейшем 13 декабря 1895 года система мест заключения передана Министерству юстиции и просуществовала в нём до Октябрьской революции, после которой установить точную организационную структуру мест заключения не представляется возможным поскольку правительство того времени не имело чёткого мнения по данному вопросу и пенитенциарные ведомства фактически находились в совместном ведении органов юстиции и внутренних дел.

Тем не менее, организационная структура и материальная база мест лишения свободы революционного периода во многом определялись системой, сложившейся в царской России, но с определённым идеологическим подтекстом. В 1922 году управление местами заключения передано Народному комиссариату внутренних дел СССР, а в 1998 году в целях совершенствования системы исполнения уголовных наказаний Российской Федерации, в соответствии с рекомендациями Комитета Министров Совета Европы о единых европейских пенитенциарных правилах уголовно-исполнительная система возвращается в ведение Министерства Юстиции Российской Федерации [4], к которому она относится и в настоящее время.

Применительно к истории развития пенитенциарных учреждений на территории Ростовского региона можно сделать вывод о том, что большое влияние на трансформацию данной системы во времена Российской империи оказало Донское казачье войско, располагавшееся на обособленной административно-территориальной единице государства и управлявшееся по особому положению. Зарождение пенитенциарной системы на Дону относят ко времени правления Екатерины II, поскольку в исторических документах, отнесённых к сентябрю 1768 года имеется упоминание о наличии в крепости Святого Димитрия Ростовского острога, который явился прародителем пенитенциарной системы Донского края.

Всего в дореволюционной России на территории земель Войска Донского находилось более десяти учреждений пенитенциарной системы, к которым относились тюремные замки и одна исправительная колония для несовершеннолетних. Представители Донского казачества на всех этапах становления пенитенциарной системы на Дону принимали непосредственное участие в работе тюремных заведений. Так, самой старейшей в регионе Ростовской тюрьмой, более известной под названием «Богатыновский централ» на этапах её становления руководил начальник из казачьих офицеров (1886 год - войсковой старшина Рыковсков Калистрат Федорович, 1895 год - есаул Сычев Иван Андреевич, 1897 год - сотник Попов Иван Евгеньевич).

В настоящее время уголовно-исполнительная система региона и всей страны в целом квалифицируется как силовое ведомство и передана в непосредственное подчинение Президенту Российской Федерации, то есть фактически имеет статус самостоятельного федерального органа исполнительной власти.

Таким образом, пенитенциарные учреждения являются неотъемлемой частью правовой системы современного государства и изменения правовой реальности, например связанные с информатизацией, безусловно влияют на её развитие, совершенствование профессиональной деятельности, частично её цифровизацию, например внедрение в практическую деятельность осуществления допросов осуждённых посредством проведения видеоконференцсвязи. В этом видится одно из прикладных направлений виртуализации правовой реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII - XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. - СПб, 2004. – 608 с.

2. Тюремное управление как элемент тюремной системы в контексте стратегии уголовно-пенитенциарной системы (1879-1917 гг.) // Человек: преступление и наказание. 2013, № 2 (81). С. 93.

3. Закон от 27.02.1879 «Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. LIV.-Спб. 1881. № 59360.

4. Указ Президента РФ от 08.10.1997 № 1100 «О реформировании уголовно - исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации»// «Российская газета», № 200, 15.10.1997.

Власов Василий Иванович
доктор философских наук, профессор
(Российский государственный университет
правосудия Ростовский филиал)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: vlasovvi@mail.ru

МИРОВОЙ ДУХ, ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И Г.В.Ф. ГЕГЕЛЬ (К 250 – ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО МЫСЛИТЕЛЯ)

Летом 2020 г. прошла незамеченной одна дата. 250 лет назад 27 августа в немецком городе Штутгарт родился Георг Вильгельм Фридрих Гегель, чье творчество стало вершиной в развитии немецкой классической философии. Его произведения стали гигантским вкладом в развитие философской и философско-правовой мысли.

Г.В.Ф. Гегель был современником великих событий. В 1783г. образовались Соединённые Штаты Америки, а в 1787г. в этой стране была принята первая в мире конституция. В 1789г. началась Великая Французская революция, была принята Декларация прав человека и гражданина и 14июля стало праздничным днём для великого философа. В течение всего первого пятидесятилетия XIX в. Европу сотрясали наполеоновские войны, а в 1815г. завершил работу Венский конгресс, перекроивший политическую карту Европы (и в немалой степени Германии) и определивший её судьбу на последующие сорок лет, а в 1820-х и в 1830 гг. по Западной Европе опять прокатилась революционная волна.

Этот калейдоскоп великих событий не мог не отразиться на творчестве Гегеля. На годы Великой революции во Франции пришлись его студенческие годы в Тюбингенском теологическом институте. С1801 по 1806 гг. философ работал приват-доцентом в Йенском университете. Его привлекало античное наследие и литература эпохи Просвещения. Итогом его работы и жизни в Йене стало создание «Феноменологии духа», первого крупного философского произведения. Это было своего рода введение к его знаменитой науке логики. [1, с.218]

С 1808 по 1816 гг. Гегель руководил в Нюрнберге гимназией. И в 1812 г. произошел резкий поворот в его творчестве. Он начал осуществление издания своего главного труда, вышедшего под названием «Наука логики». В этом фундаментальном произведении Гегель выдвинул логику в качестве основополагающей философской дисциплины, утвердив логицизм в качестве

основной и окончательной системной парадигмы. «Наука логики» стала первой частью и фундаментом всей системы гегелевской философии. Итог этой работы был подведен в 1817 г. в его труде «Энциклопедия философских наук».

В 1816 – 1818 гг. Гегель работал профессором в Гейдельбергском, а с 1818 и до конца своей жизни 1831 г. в Берлинской университетах.

Исследование и изложение логики как целостной системы логических категорий, построенной как процесс, стало одной из главных заслуг Гегеля. Он считал, что движение мышления вперед складывается из трех стадий. Логика является собой всеобщее, философия природы – частное, философия духа – единичное, а вся система Гегеля есть ни что иное, как умозаключение, в котором логическая идея есть основа и исходный пункт развития, а природа представляет собой звено, связующее идею с духом.

Однако итоговой работой Гегеля стала «Философия права», изданная в 1826 г. Она была посвящена рассмотрению объективного духа, под которым имелся ввиду разум в человеческой родовой жизни. Гегель вел речь о формах развития, в которых в действительной жизни человечество реализует себя. Низшей из этих форм является абстрактное право, за ним следует моральность, имеющая дело уже не с чисто внешними, а с внутренними формами объективного духа, и, наконец, нравственность, в которой сущность объективного духа находит свое завершение за счет совпадения его внешней и внутренней форм.

Во введении «Философии права» Гегель уделяет внимание воле, как основному понятию данного труда. Именно с волей связано гегелевское понимание права, Все произведение великого философа состоит из трех частей. В первой части рассматривается проблематика собственности, договора и неправа. Во второй поднимаются вопросы умысла и вины, намерения и блага, добра и совести. В третьей части речь идет о семье, гражданском обществе и государстве.

Первичной ячейкой общества для Гегеля была семья. «Семья есть, прежде всего, то субстанциональное целое, которому надлежит заботиться об этой стороне индивида как в отношении средств и умения, чтобы он мог, пользуясь общим имуществом, приобретать необходимое, так и в отношении его содержания и заботы о нем в том случае, если он оказался неспособным добывать необходимые ему средства». [2, с.639] Однако главное внимание автор уделил гражданскому обществу и государству. Он рассматривал их как относительно самостоятельные институты. Гражданское общество не поглощается государством, а сосуществует параллельно с ним. Оно «должно защищать своего члена, отстаивать его права, а индивид в свою очередь обязан соблюдать права гражданского общества» [2, с.640].

Однако главное внимание было уделено государству, ведь «государство есть действительность нравственной идеи» [2, с.641]. Оно не является средством обеспечения свободы и прав граждан. Это «цель в себе» или самоцель. «Государство в себе и для себя есть нравственное целое, осуществление свободы и абсолютная цель разума состоит в том, чтобы свобода действительно была» [2, с.641].

Придерживаясь божественной идеи происхождения и функционирования государства, философ подчеркивал, что эта идея получает свое осуществление в

межгосударственных связях и в отношении государств ко всемирной истории. Иными словами, реализация идеи государства может иметь место лишь в историческом развитии человечества – то есть во всемирной истории, представляющей собой полное осуществление объективного духа. Образцом государственного строя Гегель считал конституционную монархию, в которой должно быть разделение властей. Право расценивалось им как наличное бытие свободы, призванное отстаивать политико-юридические нормы и принципы взаимоотношений между государством, обществом и гражданами, в основе которых лежит частная собственность – священный институт бытия индивида.

Таким образом, философия духа была развернута в «Философии права», а затем в лекциях по философии истории, эстетики, философии религии и истории философии, которые были изданы уже после смерти великого философа. Гегелем была продолжена линия, разрабатывавшаяся Аристотелем, Фомой Аквинским, Макиавелли, Гоббсом, Локком, Монтескье, Руссо и Кантом. Его учение оказало значительное влияние на последующее развитие философии и социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История политических и правовых учений: учебник/ под общей ред. О.В. Мартышина. М., 2016.
2. Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.1. Зарубежная политическая мысль. Истоки и эволюция. М., 1997.

Вовк Елена Викторовна

начальник юридического управления
(ООО «Группа Агроком»)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: vev.412@mail.ru

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СФЕРЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Стремительные процессы информатизации и цифровизации окружающей действительности оказывают значительное влияние как на развитие всей системы общественных отношений, так и на законодательную и правоприменительную деятельность. Влияние процессов цифровизации на явления правового порядка тяжело недооценить. Речь идет как об изменении облика права в целом, так и о переходе значительной части правовых процессов в цифровую информационную среду. Последнее замечание касается не только реализации значительной части государственных и муниципальных услуг посредством использования цифровых информационных технологий, но и значительной актуализации цифровых способов реализации политических прав граждан. Не менее активно используются цифровые технологии в правоохранительной деятельности: от использования средств электронной фиксации правонарушений, до цифровых «помощников» при вынесении правоприменительных решений. Нельзя также не заметить появления новых сфер общественных отношений, нуждающихся в принципиально ином законодательном регулировании. Так, например, на то, чтобы легализовать идею

«цифровых» прав претендовали одновременно представители двух отраслей права – конституционного и гражданского [1, с. 64]. Своего законодательного разрешения требуют проблемы виртуальной собственности, виртуального заработка, неприкосновенности виртуальной жизни, защиты личных данных и др. Отдельного внимания заслуживают проблемы так называемого «цифрового интеллекта» и соответствующей коррекции круга субъектов правоотношений, а также их прав, обязанностей и ответственности.

Не менее важной проблемой выступает защита интеллектуальных прав (защита авторских и смежных прав), нарушение которых в эпоху цифровых технологий приобрело иные формы и контуры, нежели до активного внедрения разнообразных способов цифровой коммуникации во все составляющие человеческой жизнедеятельности. С одной стороны, «воровство» интеллектуальной собственности значительным образом упростилось. С другой стороны, существенно расширился и сам круг объектов воровства (разнообразные информационно-цифровые среды, программы, оболочки, информационные базы и др. При этом следует согласиться с учеными, которые утверждают, что интеллектуальное право развивается и усложняется, в соответствии с принципами справедливости и рациональности, при обязательном следовании национальным культурным традициям соответствующей исторической эпохи [2, с. 5-10]. Нельзя не заметить, что современный период развития человеческой цивилизации отмечен особым отношением к защите объектов авторского права в цифровой сфере, что, однако не отменяет возможности рассмотрения проблемы защиты социальной справедливости применительно к соответствующей сфере правового регулирования.

Справедливо ли то, что значительная часть людей может быть отрезана от изобретений современного мира, значительно облегчающих жизнь и открывающих доступ к знаниям, культуре, истории и др. в силу невозможности тратить деньги, кроме как на самое необходимое? Можно ли позволить себе нарушение авторского права в интересах других людей, не имея от этого экономической выгоды? С точки зрения современного российского законодательства данный вопрос разрешается совершенно однозначно, однако, на уровне соответствующей правоприменительной практики, а также общих тенденций правового регулирования и обеспечения данной сферы отношений можно рассмотреть ситуацию в несколько ином ключе.

О том, что проблема нарушения авторских прав в цифровой сфере имеет целый ряд конфликтных точек соприкосновения с обеспечением идеи справедливости свидетельствует целый ряд объективных обстоятельств. Не случайно в свое время компания Microsoft старалась максимальным образом дистанцироваться от уголовного преследования (ч. 2 ст. 146 Уголовного Кодекса РФ) директора сельской школы, за установленные на школьных компьютерах пиратские версии операционной системы Windows. Обращая внимание на незначительность ущерба и на незаинтересованность в уголовном наказании, компания-гигант в полной мере осознавала, что имиджевые потери от этого процесса в конечном итоге перевесят все возможные материальные выгоды и сейчас и в будущем. История уголовного преследования учителя окончилась

оправдательным вердиктом Пермского краевого суда, отменившего приговор суда первой инстанции и полностью снявшего с последнего предъявленные ранее обвинения, что впоследствии позволило ему получить материальную компенсацию и официальные извинения районного прокурора от имени государства в связи с прекращением уголовного дела вследствие отсутствия в деянии состава преступления (п. 2. ч. 1. ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Вне всякого сомнения, Пермский краевой суд принимал окончательное решение в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Однако не вызывает сомнения и тот факт, что на окончательное решение суда оказали влияние и широкий общественный резонанс и отсутствию материальных претензий компании Microsoft к ответчику (сам А. Поносов благодарил за поддержку, в том числе, и ныне действующего Президента РФ В.В. Путина, который в свое время счел необходимым прокомментировать данную ситуацию). В конечном итоге вопрос о том, кто виновен в установке нелегального программного обеспечения на школьные компьютеры остался открытым и судя по сообщению средств массовой информации не получил своего дальнейшего рассмотрения.

Такое «трогательное» отношение компании Microsoft, стоимость которой на сегодняшний день достигла одного триллиона долларов, к школьному образованию в России вполне объяснимо. Как мы уже отметили репутационные потери в отдельных случаях могут зачеркнуть многочисленные достижения по завоеванию российского рынка цифровых услуг (школа, в которой А. Поносов работал директором впоследствии перешла на операционную систему Linux, как минимум, на какое-то время). В этой связи следует также напомнить, что в последнее десятилетие прошлого века подавляющее количество операционных систем Windows, стоящих на компьютерах пользователей, имело нелегальное происхождение. Причем данная ситуация распространялась и на компьютеры, находящиеся на балансе органов государственной власти, в том числе правоохранительных, и местного самоуправления. Как отмечают исследователи, истоки такого отношения к программным продуктам следует искать в бывшем СССР, в котором программное обеспечение ввиду особенностей социалистической системы распределения благ и ресурсов в качестве объекта авторского права не воспринималось, вследствие чего первый подобный юридический прецедент появился только в 1996 году [3, с. 52]. Активная борьба с нелегальным программным обеспечением в органах публичной власти началась в начале нынешнего века. Похожая ситуация наблюдалась и в отношении других популярных цифровых продуктов. Следует ли рассматривать указанные обстоятельства как следствие «гениальной» и ориентированной на будущее политики компаний гигантов цифровой индустрии, или же речь идет о недостатках функционирования молодой российской правоохранительной системы, во всем, что касается защиты интеллектуальных прав, вопрос достаточно актуальный и дискуссионный. Что же касается обычных пользователей, то современная стратегия таких цифровых гигантов как Adobe и Microsoft основана в большей степени на разработке разнообразных программ лояльности (скидок для всех участников образовательного процесса, возможностей разнообразных подписок и др.) нежели упоре на репрессивные меры. Таким образом, речь идет о реализации

идеи социальной справедливости в сфере использования цифровых информационных продуктов, когда для людей использующих информационные продукты в образовательных целях (в отличие от тех, кто преследует исключительно экономическую выгоду) создаются условия наибольшего благоприятствования. Анализ соответствующей судебной практики позволяет заметить, что подавляющее число выявленных случаев нарушения интеллектуальных прав, касается тех или иных способов получения коммерческой выгоды, нежели, например, случаев использования программных продуктов в образовательном процессе. В крайнем случае соответствующие претензии обращены непосредственно к поставщикам информационного оборудования в образовательные учреждения.

Не вызывает возражений ставший традиционным тезис о том, что защита интеллектуальных прав во всех сферах человеческой жизнедеятельности должна основываться на принципах социальной справедливости, по возможности избегая прямого столкновения интересов правообладателей и интересов общества и государства. Речь идет об обязательном учете как личных, так и общественных (общественно значимых) интересов, при этом огромное значение придается деятельности самих правообладателей, которая должна быть основана на понимании важности максимального доступа к объектам интеллектуального права максимально широких кругов населения. Особенную актуальность в этой связи приобретают вопросы защиты интеллектуальных прав в цифровой сфере, что предполагает необходимость совершенствования уголовного, административного и гражданского регулирования в данной области, а также полноценного развития системы досудебного разрешения соответствующих конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов П.П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. №2. С. 63-69.
2. Энтин В.Л. Интеллектуальная собственность в праве Европейского союза. М.: Статут, 2018. – 174 с.
3. Монахов М. Ю. Защита авторских прав на программное обеспечение: актуальные вопросы информационного права: учеб. Пособие. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. – 59 с.

Дзидзоев Валерий Дударович

доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой теории государства и права и политологии
(Горский государственный аграрный университет)

главный научный сотрудник
Владикавказский научный центр Российской академии наук
профессор кафедры политологии
(Северо-Осетинский государственный университет
имени К. Л. Хетагурова)
г. Владикавказ
e-mail: dzidzoevv@mail.ru

АБХАЗИЯ И ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ – СУВЕРЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА

Абхазия и Южная Осетия стали, как известно, суверенными государствами с 26 августа 2008 г. Хотя национально-освободительную борьбу против тбилисского диктата вели на территории Абхазии и Южной Осетии даже в советский период. С начала 90-х гг. XX в. парламенты Абхазии и Южной Осетии приняли декларации о государственном суверенитете, о выходе из состава Грузинской ССР. Разумеется, в Тбилиси такие декларации не только не признавали, но и вызвали бурю возмущения у общественности Грузии, которая не признавала права нации на самоопределение ни за абхазским, ни за югоосетинским народами. Однако, после принуждения М.Саакашвили к миру в августе 2008 г., после недельной вероломной и кровопролитной войны на территории Южной Осетии, Абхазия и Южная Осетия стали суверенными государствами. Именно 26 августа 2008 г. в Москве обе палаты Парламента РФ, проголосовав за суверенитет двух тогда еще непризнанных государств Южного Кавказа, стали суверенными, заметно повысив ступень своей государственности.

Применительно к Абхазии и Южной Осетии можно утверждать, что основные характеристики суверенитета присутствуют здесь. Необходимо также отметить, что суверенитет Абхазии и Южной Осетии не мешает им тесно сближаться с Российской Федерацией и, особенно, с ее составными частями – Республикой Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарской Республикой, Карачаево-Черкесской Республикой и Республикой Адыгея (в последних трех субъектах Российской Федерации проживают близкие этнические родственники абхазов). Специально отмечу и то, что Республика Абхазия и Республика Южная Осетия в своем государственном строительстве заимствуют многое из государственного строительства Российской Федерации. Это лишнее свидетельство того, что не только в государственном строительстве и во всех других вопросах современной политико-правовой жизни Абхазия и Южная Осетия ориентируется на Москву. В этой связи большой интерес вызывают многие вопросы и проблемы государственного строительства в Абхазии и Южной Осетии, как небольших суверенных иностранных государств, степени влияния Российской Федерации на молодые суверенные государства Южного Кавказа, а также другие страны Ближнего зарубежья. Почти двенадцатилетнее существование независимых государств Республики Абхазия и Республики Южная Осетия позволяет утверждать о сложившихся тесных экономических, торговых и культурных связях огромной Российской Федерации и небольших по территории Республики Абхазия (8 тыс. км²) и Республики Южная Осетия (3,9 тыс. км²).

Любая нация, в том числе абхазы или южные осетины, хотят быть на своей исторической (исконной) территории распоряжаться своей судьбой, перспективами собственного развития. Другими словами, «каждая нация должна обладать способностью политически самоопределяться, включая отделение и образование самостоятельного независимого государства» [1, с.3]. Это и есть национальный суверенитет – полновластие нации, проявляющееся в решении таких вопросов, как свободный выбор взаимоотношений с другими нациями,

устройство национально-государственной и государственно-правовой жизни, выбор языка в школах и других учебных заведениях, включая средние специальные и высшие, развитие и совершенствование всех вопросов национальной жизни, собственной культуры и т.д. Важно подчеркнуть, что никакая посторонняя сила в решении этих вопросов не может навязывать нации свою волю, под каким бы предлогом это не делалось. Если происходит насильственное вмешательство, тайное или открытое во внутреннюю жизнь нации, как это было в советский период у южных осетин (и не только у них), то о национальном суверенитете не должно быть и речи. Решая самостоятельно вопросы внутренней жизни, каждая нация должна решать и проблемы собственного национально-государственного устройства, а также вопрос о том, «оставаться ли ей в составе данного государства или выйти из него и образовать самостоятельное национальное государство» [1, с.3]. Абхазы и южные осетины вышли из состава Грузии в самом начале 90^х гг. XX в., куда они, кстати сказать, добровольно никогда и не входили. Таким образом, с правовой точки зрения они создали суверенные государства на своей исконной территории проживания, признанные 26 августа 2008 г. Российской Федерацией, а затем рядом других государств. В соответствии с канонами международного права. Дальнейшая судьба двух малочисленных наций Южного Кавказа зависит от них самих. В соответствии с международным правом они могут войти в состав того или иного государства, которое по современным законам демократии и международного права пожелает их принять, образовав, таким образом, в той или иной форме союз с другими нациями. При этом каждая нация должна иметь возможность сохранять и развивать свой язык, культуру, традиции, обычаи, духовность и т.д. Национальный суверенитет является гарантией главных социально-политических прав. Важно подчеркнуть и то, что эти права находятся в непосредственной взаимосвязи с принципами демократии и концепцией право нации на самоопределение вплоть до отделения и образования нового независимого государства. Напомню, что они зафиксированы и в Уставе ООН. Таким образом, принципы демократии и право нации на самоопределение зафиксированы в главной и наиболее авторитетной международной организации. Эти принципы очень часто в зависимости от конъюнктурных обстоятельств нарушаются. Там, где признается не на словах, а на деле действительное равенство нации, не признаются какие-либо национальные преимущества, привилегии, превосходства, «богоизбранность» и т.д. Там, как правило, проблемы межнациональных отношений, в том числе национальное самоопределение решаются вполне демократично. Исключительно в политико-правовой сфере. В качестве примера можно привести мирный вполне демократичный и цивилизованный «развод» в 1905 г. Швеции на два государства – Швецию и Норвегию, а также мирное отделение Финляндии от РСФСР в декабре 1917 г. и Польши от РСФСР в 1918 г. К разряду мирных и правовых можно отнести также раздел Чехословакии в 1993 г. на Чехию (Чешскую Республику) и Словакию. После принятия Декларации о государственном суверенитете Словакии (в июле 1992 г.) в ноябре 1992 г. Парламентом Чешской и Словацкой Федеративной Республики был принят Федеральный закон «О прекращении существования Чехословацкой федерации к 1 января 1993 г.». Обращаю особое внимание, что при мирном и

цивилизованном «разводе» шведов с норвежцами, а также чехов со словаками не было никаких особых проблем в межнациональных отношениях в этнополитической и правовой сферах. Они решили свои проблемы достаточно демократично, мирно и цивилизованно за столом переговоров. Другими словами, все они признавали национальное самоопределение, как «ключевой принцип национальной политики, наиболее полное выражение демократизма в национальных отношениях» [2, с.202]. Мировое сообщество более совершенного и более уникального в решениях между различными нациями ничего еще не придумала кроме национального самоопределения. Этот международно-признанный принцип появился на свет из опыта национальных движений и формирования национальных государств XVIII-XIX вв., из мирового опыта решения национального вопроса. Подчеркну и то, что национальное самоопределение взаимосвязано с суверенитетом государства, т.к. без нового государства не может быть и государственного суверенитета. Национальное самоопределение нашло воплощение не только в возникновении многих новых национальных государств, но также и в мирном, добрососедском сожительстве наций в федеративных и конфедеративных государствах. В то же время необходимо отметить, что национальное самоопределение является очень сложной и противоречивой проблемой в теоретическом плане и острой в политической сфере. Националистические силы отделившейся территории государства, как правило, настаивают на немедленном отделении, добываясь методами сепаратизма и искусственного возбуждения межнациональной вражды распада многонациональных государств. Политические силы, стоящие на великодержавных и шовинистических позициях, наоборот, всегда стремятся любой ценой, в том числе и силой оружия, сохранить все старое, отжившее, консервативное, держать в повиновении другие народы, особенно малочисленные, которые по всем законам демократии и цивилизации хотят отделиться и создать свои новые суверенные государства. Проще говоря, великодержавные и шовинистические силы стараются законсервировать отношения неравноправия во взаимоотношениях разных наций, что заставляет борцов за создание своего государства братья за оружие и вести национально-освободительную войну. Мировой опыт многочисленных проблем в сфере межнациональных отношений и особенно практического воплощения национального самоопределения свидетельствует о необходимости «добровольного объединения народов в едином многонациональном государстве или в другом более широком федеративном или конфедеративном образовании, что является подлинно демократическим решением национального вопроса, реализация права народов на свободное самоопределение» [2, с.202]. Таким образом, национальный суверенитет представляет собой политическую, территориальную, языковую, культурно-психологическую самостоятельность нации. Все эти характерные черты должны проявляться во всем объеме суверенных прав жизни и деятельности нации, создавая им необходимые условия для практического воплощения. Важно также иметь в виду, что суверенитет нации обеспечивается политическим и государственным строем общества, различными мероприятиями в сфере экономической, политической, духовной и национальной сферах. Национальный

суверенитет является необходимым атрибутом каждой нации. Это качество свойственно не только миллионным многомиллионным нациям, добившимся создания своих суверенных государств, но и другим нациям, вынужденным на протяжении длительного времени вести национально-освободительную борьбу за создание собственной национальной государственности. Другими словами, национальным суверенитетом обладают и угнетенные нации, в которых живет чувство национального самосознания, элементарной гордости, достоинства и т.д. Под национальным самосознанием подразумевается «совокупность взглядов, оценок, мнений и отношений, выражающих содержание, уровень и особенности представлений членов национально-этнической общности о своей истории, современном состоянии и перспективах своего развития, а также о месте среди аналогичных общностей и характере взаимоотношений с ними» [2, с. 203]. К этому следует добавить, что национальное самосознание включает в себя два объективных фактора: а) рациональные; б) эмоциональные. К рациональным можно отнести, например, признание человека формально или фактически к той или иной нации. При этом не обязательно, чтобы индивид признавал себя тем, кем является по существу от рождения. Так, например, в современной Грузии есть десятки тысяч огрузинившихся южных осетин, абхазов, армян, турок-несхетинцев, дагестанцев и представителей других негрузинских народов, которые считают себя грузинами не только по формальным показателям (по переписи населения они проходили как этнические грузины, хотя таковыми не являются по происхождению, но некоторые из них даже гордятся своей «грузинской принадлежностью»). Что касается эмоционального фактора, то его иногда очень трудно определить даже специалистам высокой квалификации. Он может проявляться в неосознаваемом сопереживании своего единства с другими представителями национально-этнической группы [2, с. 203]. Следует подчеркнуть, что национальное самосознание является основой национального сознания в основном и чаще всего на эмоциональном уровне (хотя иногда происходит восприятие окружающей действительности и на рациональном уровне), «Выступая в качестве ядра системы эмоционально-оценочных отношений и рационально-ценностных представлений национально-этнического характера, необходимых для соответствующего самоопределения человека в духовной и социально-политической жизни» [2, с. 203]. Обращаю внимание и на то, что национальное самосознание проявляется, прежде всего, в степени усвоения тех или иных ценностей национальной жизни. Например, времени появления той или иной нации и их предков на земле, вклад ее представителей в мировую культуру (создание эпоса, письменности, других духовных шедевров, которые сохранились на протяжении веков) героизация предков, в том числе далеких, защищавших отцовские земли, т.е. отечество от различных завоевателей и т.д. Одним словом, все то, что ласкает слух, приятно воспринимается, когда речь заходит о предках, в том числе очень далеких. Национальное самосознание имеет закономерный характер и проявляется еще и в том, чем должен гордиться достойный потомок древнего народа. Замечу, что феномен национального самосознания проявляется по-разному у представителей единой национальной общности (нации). У одних в крайне националистических формах, заметно искажающих реальное положение с

мифическими элементами, а у других - в более или менее соответствующих исторической правде формах. Как правило, у всех членов национальной общности в той или иной степени проявляется национальное самосознание. Его возникновение имеет глубокие исторические корни, когда в человеческом сознании стали формироваться первые представления антитезы «мы» и «они». При этом под «мы» подразумевалась целостная группа – род или племя через противопоставления другой такой же группе людей – «они». В основе такой антитезы, генезис которой представляет собой длительный исторический процесс, как правило, лежат несколько наиболее четко выраженных внешних признаков, свойственных как «нам», так и «им». Например, цвет кожи, внешний облик, язык, религия, традиции, обычаи и т.д. Антитезу «мы» и «они» формировали также социально-экономические факторы, например, кочевой или оседлый образ жизни народа, род занятий – земледельцы или скотоводы, а также политические факторы (устройство власти, управленческие структуры и т.д.). Не последнюю роль здесь играли также идеологические факторы, благодаря которым разные народы на протяжении веков выработали различные концепции ценностей (одни почитали родителей и других более дальних предков, в другие признавали исключительно-собственное материальное благополучие). Таким образом, на протяжении длительного времени народы, особенно проживавшие по соседству, привыкли фиксировать несколько непривычных, несвойственных «нам», а только свойственных «им», характерных признаков. Фиксация многих из них в памяти людей, свойственных «им», сопровождалось наделением негативной оценки («они» отсталые в социально-политическом, экономическом, культурном отношении, у «них» другая религия, другое божество, другие культы, а «нас» не уважают, не любят, так как «мы» на порядок выше «их» во всех отношениях). Таким образом, за столетия совместных контактов выработались стереотипы, согласно которым «мы» всегда хорошие, прогрессивные, культурные, передовые, а «они» всегда недоразвитые, которым постоянно чего-то не хватает. Проще говоря, «им» приписывается все негативное, а «нам» - все отличное, прекрасное и даже чудесное. Антитеза «мы» и «они» способствовала осознанию своей особой роли в содружестве других народов, когда различные объективные и субъективные причины и обстоятельства диктовали необходимость крепко держаться за клан, род, племя и т.д., отождествляя себя со «своими», которые всегда и во всем отличаются от «них». Следует подчеркнуть, что катализатором, ускоряющим развитие национального самосознания у народов, которые длительное время вели национально-освободительную борьбу, будь то курды на Ближнем Востоке, или абхазы и южные осетины на Южном Кавказе, служил факт их присоединения в состав другого государства помимо их воли, захват исконной территории проживания, угроза ассимиляции в чужеродном государстве, этническое и физическое уничтожение народа (нации). Или его части. В таких сложных условиях формирования этого феномена национальной жизни у абхазов и южных осетин резко ускорилось национальное самосознание, которое стало движущим фактором длительной и тяжелой национально-освободительной борьбы. Данная борьба, в которой активно участвовало абсолютное большинство коренных народов Абхазии и Южной Осетии против тбилисских властей, привела к

становлению развитых форм национального самосознания. Этот фактор в конечном итоге привел к созданию двух молодых суверенных государств Южного Кавказа.

Обращаю внимание, что суверенитет является одной из важнейших категорий правовой науки, свидетельством чего является ее широкое применение в юриспруденции, политологии, социологии, истории и других гуманитарных науках. Различают три вида суверенитета:

1. **государственный суверенитет** как верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость во внешнеполитических отношениях. Верховенство и независимость как суверенные свойства государственной власти «выражают ее политико-правовую сущность и проявляются в соответствующих формах во внутренней и внешнеполитической деятельности государства» [3, с.431];

2. **национальный суверенитет** как полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер национальной жизни, включая, прежде всего, способность политически самоопределяться вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Полновластие нации проявляется, в том числе в реальной возможности самостоятельно и суверенно решать вопросы, относящиеся к ее национальной свободе, государственно-правовой организации, взаимоотношениям с другими народами. Каждый народ «вправе отстаивать свои национальные интересы, сохранять и свободно развивать свой язык, обычаи, традиции, иметь соответствующие национальные учреждения и т.д.» [3, с. 431];

3. **народный суверенитет** как полновластие народа, т.е. реальное обладание народом социально-экономическими и политическими средствами, «всесторонне и последовательно обеспечивающими конкретное участие всех социальных групп и слоев в управлении делами общества и государства» [3, с. 431].

Необходимо подчеркнуть, что понятие суверенитета ввел в политическую науку французский ученый Жан Боден, который в 1576 г. издал работу «Шесть книг о республике», где автор дает характеристику этой категории правовой и политической науки. Подчеркну, что французский мыслитель использовал термин *Republique* в трех значениях: **во-первых**, как государство, управляемое сувереном (фр. *souverain*; англ. *sovereign*) – носителем верховной государственной власти; **во-вторых**, как государство в плане текущей системы власти (англ. *state*); **в-третьих**, как сообщество людей (граждан), в котором сувереном выступает скорее коллективный орган, чем один человек (англ. *republic*) [4, с. 28]. Специалисты-правоведы и политологи считают, что термин *republique* следует рассматривать как государство (англ. – *commonwealth*). В то же время в Российской Федерации наиболее распространенным переводом научного труда Ж. Бодена является, как было отмечено выше, «Шесть книг о республике». Следует подчеркнуть, что со времени разработки концепции суверенитета Ж. Боденом прошло несколько веков, и, таким образом, проблема суверенитета, в целом государственного строительства теоретически заметно продвинулось вперед. После Октябрьской революции 1917 г. в России, когда большевики с начала теоретически (со второго съезда РСДРП в 1902 г.), а затем и на практике в 1917 г. признали право нации на самоопределение

вплоть до отделения и образования нового независимого государства, Грузия, которая была с 1801г. составной частью Российской империи (точнее говоря, Картли-Кахетинское и Имеретинское княжества), в 1918 г., воспользовавшись этим международно-признанным правом, отделилась от РСФСР. Провозгласив себя Грузинской Демократической Республикой (ГДР), начала строить с 1918 г. суверенное независимое государство. То же самое пытались осуществить Абхазия и Южная Осетия, но им такую возможность не дали политики в Тбилиси и Москве, ни в 1918, ни в 1991 г. Замечу, что на территории Абхазии и Южной Осетии в 1918-1920 гг. проходили кровопролитные бои между Грузинской национальной гвардией под руководством палача осетинского народа Валико Джугели и коренными народами Абхазии и Южной Осетии. Бои эти следует классифицировать как гражданские и межнациональные¹. Тбилисские власти всячески стремились удержать абхазов и южных осетин, проживавших в Абхазии и Южной Осетии в «территориально целостной» Грузии. Обращаю внимание, что этой актуальной научной и политической проблеме посвящена целая историография [5]. С распадом СССР в 1991 г. Грузия снова воспользовалась правом нации на самоопределение вплоть до отделения и образования нового суверенного государства. Грузинское государство, получившее официальное название Республика Грузия, появилось в начале 90-х гг. XX в. Однако, на этот раз продолжительная национально-освободительная борьба абхазского и югоосетинского народов увенчалась успехом. Абхазия и Южная Осетия, провозгласившие в начале 90-х гг. XX в. де-юре свой суверенитет (от «суверен» - властелин, позднелатинское слово, производное от лат. *super* – «над») добились фактического признания (де-факто) своей независимости в 26 августа 2008 г. Поясню, что «суверенитет (от фр. *souverainete* – верховная власть) означает верховенство и независимость власти» [6, с.829]. Различают государственный суверенитет, как верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость во внешнеполитических отношениях [6, с.829]. Практически после приобретения суверенитета Абхазии и Южной Осетии 26 августа 2008 г., коренные народы (и не только они), проживающие в этих государствах Южного Кавказа стали суверенными, так же, как грузины в Грузии, белорусы в Белоруссии, россияне в Российской Федерации, чехи в Чехии, шведы в Швеции и т.д. Обращаю внимание, что в Конституциях Абхазии и Южной Осетии прописано суверенное право абхазского и югоосетинского народов. Так, в статье 1 главы 1 Конституции Республики Абхазия подчеркивается: «Республика Абхазия (Апсины) – суверенное

---

¹ Межнациональная война – масштабное социально-политическое явление, представляющая собой жесточайший акт разрешения территориальных, национальных, религиозных и других противоречий между народами, в том числе в одной федерации, вооруженными средствами. Межнациональная война порождается глубинными причинами, носящими как объективный, так и субъективный характер. Ее содержание соответствует национально-стратегическим целям, достигаемым насильственными методами. Главным орудием ведения межнациональной войны являются незаконные, то есть не предусмотренные конституцией государства вооруженные формирования - боевики, способные вести активные боевые действия. Межнациональная война приводит к большим человеческим жертвам, утрате материальных и духовных ценностей, созданию «образа врага», разрушительно воздействует на общественно-политическую, демографическую, межнациональную обстановку не только в зоне боевых действий, но и за ее пределами (Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Издание второе. Владикавказ, 1998. с.200).

демократическое, правовое государство, исторически утвердившееся по праву народа на свободное самоопределение. Наименование Република Абхазия и Апсны равнозначны» [7, с. 3]. Примерно тоже самое сказано и в Конституции Республики Южная Осетия, где подчеркивается: «Республика Южная Осетия - суверенное демократическое правовое государство, созданное в результате самоопределения народа Республики Южная Осетия. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Южная Осетия является ее народ» [8, с. 37]. Исходя из Конституций независимых государств Южного Кавказа, а также из реальной политико-правовой системы Абхазии и Южной Осетии, можно говорить о суверенитете этих молодых государств. Однако, одно дело завоевать суверенитет, зафиксировать это бесценное достижение любого независимого государства в Конституции, и реальная действительность, в которой обнаруживается множество проблем, «мелочей», нюансов, которые в совокупности не дают полностью реализоваться государству, как полноценный и настоящий субъект международного права. При этом отмечу, что государственность Абхазии и Южной Осетии в целом обладает необходимой внутренней легитимностью. Это определяется в первую очередь многолетней и изнурительной борьбой за собственный суверенитет. Заметная роль здесь играет и коллективное сопротивление абхазов и южных осетин грузинской экспансии, а также историческая память государственной жизни и государственного строительства коренных народов Абхазии и Южной Осетии. Вообще суверенитет предполагает, что в любом государственном образовании публичная власть, которая, как правило, выступает от имени государства, следующие признаки. **Во-первых**, в государстве функционирует высший орган государственной власти или совокупность этих органов, представляющих высшую государственную власть. Юридическими признаками такой власти должны быть: а) разные полномочия различных ветвей власти, вместе взятые должны осуществлять функции государства; б) различные ветви власти государства не могут одновременно издавать предписания, постановления, установки и т.д. в одно и то же время, которые бы находились в противоречии друг с другом. Замечу, что указанные юридические принципы могут дополняться и совершенствоваться, однако в своей основе они обязательны для функционирования государственной власти. **Во-вторых**, концентрация власти в руках государства в лице его органов – правительства, прокуратуры, суда и т.д. Принуждение в отношении отдельно взятого гражданина или группы граждан может осуществляться исключительно государством. **В-третьих**, огромные полномочия государственной власти, разумеется, в рамках конституции государства и других законов. По существу вышеперечисленные признаки представляют собой полновластие любого государства, в том числе Республики Абхазия и Республики Южная Осетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевцов В.С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М., 1979.
2. Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.

3. Юридическая энциклопедия. М., 1998.
4. Порфирьев А.И. Национальный суверенитет в правовой природе российского федерализма. М., 2009.
5. Ачугба Т.А. О национальном составе Абхазии: вторая половина XIX-XX вв. Сухум. 1999; Он же. К обоснованию статуса «грузинских беженцев». Сухум. 2006; Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ. 1995; 1997; 2000; Он же. Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ. 1994; 1998; 2002; Он же. Проблема стабилизации межнациональных отношений на Северном Кавказе: опыт, тенденции, итоги // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX-XXI вв.). М., 2009; Он же. Конституция неправового Грузинского государства как основание аннексии Южной Осетии и геноцида южных осетин (Материалы VI съезда осетинского народа 18-19 сентября 2007 г. в Цхинвале). Владикавказ. 2009. с. 172-180; Чибиров А.Л. Южная Осетия: тернистый путь к признанию независимости // Исторический и правовой вестник (Сборник научных трудов). Выпуск 3 и 4. Владикавказ. 2010. с.43-49; Абдуллаев М.-З.Н. Местные юридические обычаи и традиционные системы права в регулировании межэтнических отношений в Республике Дагестан // Исторический и правовой вестник (Сборник научных трудов). Выпуск 3 и 4. Владикавказ. 2010. с.68-70; Габараев А.Ш. Признание независимости Республики Южная Осетия и Республики Абхазия в контексте развития российского федерализма // Исторический и правовой вестник (Сборник научных трудов). Выпуск 3 и 4. Владикавказ. 2010. с.188-194; Тадтаев Т.В. Национально-освободительная борьба в Южной Осетии в начале XX в. (1900-1922 гг.). Цхинвал. 2014 и др.
6. Юридическая энциклопедия. Издание пятое, дополненное и переработанное (под ред. М.Ю. Тихомирова). М., 2007.
7. Конституция Республики Абхазия. Сухум. 1994.
8. Конституция (Основной закон) Республики Южная Осетия. Цхинвал. 2007.

Ермолова Ольга Николаевна
кандидат юридических наук, доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)
г. Саратов
e-mail: olga_ermolova@bk.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время процессы цифровой трансформации пронизывают все экономические преобразования. Цифровая среда воздействует на предпринимательскую деятельность, изменяя ее как в технологическом, так и в содержательном аспектах.

Изменения, происходящие в экономике, ее разворот в сторону цифровизации определяют необходимость анализа в этом ключе правовых основ предпринимательства, выявления тенденций их изменения.

Как отмечает П.У. Кузнецов, интеграционный характер цифровой информации как объекта общественных отношений не может не влиять на правовую систему, что проявляется не только в цифровизации, но и в наполнении законодательства нормами, регулируемыми общественные отношения информационного типа [7].

Позиции экспертов по вопросу необходимости изменения законодательства в этом случае разделились. Одни исследователи, полагают, что регулирование предпринимательской деятельности даже с учетом новых моделей развития может осуществляться с помощью имеющихся правовых средств, в том числе гражданско-правовых договоров [11]. Другие же отмечают в качестве основной проблемы появление таких форм экономического взаимодействия, которые не вписываются в нормативы правового регламентации, разработанные для форм нецифровой экономики [6], а, следовательно, цифровая трансформация экономики, по их мнению, требует изменения правовой системы [8].

А.В. Михайлов приводит пример с проведением эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», подчеркивая, что уже сейчас отдельные юридически значимые действия могут совершаться исключительно в цифровой среде. Автор отмечает и дальнейшие перспективы технических возможностей применительно к регистрации предпринимателей, сбору отчетности, проведению собраний органов управления юридических лиц, заключению и исполнению предпринимательских договоров [9].

О необходимости смещения акцентов в условиях цифровизации при регулировании экономической деятельности в сторону использования новых технологий, обеспечивающих возможность ускоренного развития базовых механизмов цифровой экономики и отражающих специфику технологического взаимодействия в цифровых отношениях, указывает В.А. Вайпан [2].

В качестве одного из новых направлений правотворческого процесса исследователи указывают формирование условий для использования технологий децентрализованного ведения реестров и удостоверения прав [2]. Активно высказываются идеи о том, что цифровые технологии блокчейн способны кардинально изменить многие реестры, привести к созданию коммерческих аналогов государственных реестров, сращиванию их со справочными правовыми системами и в последствии – к созданию полноценных роботов-юристов [10].

Так же необходимо обратить внимание, что в механизм регулирования и контроля экономических отношений заложены учетные процедуры, начиная с момента государственной регистрации и далее по иным направлениям. При этом в цифровой экономике учет и последующее прогнозирование происходят благодаря компьютерной технике и вычислительной мощи всей сети [6], в связи с чем в литературе выдвигаются обоснованные прогнозы о том, что предпринимательский оборот в условиях цифровой экономики будет отличаться подробной фиксацией данных о субъектах и об объектах экономических отношений, что, возможно, приведет к усилению контроля практически во всех областях деятельности предпринимателей [9].

Цифровизация экономики, по мнению ученых, приведет к усилению прозрачности отношений, при которой значительные стороны экономической жизни будут открыты как для общества, так и для контролирующих органов. В частности, отмечается, что существующее применение онлайн-касс приводит к практически полному контролю операций. Несмотря на возможные негативные последствия доступность информации в целом характеризуется как положительное явление [10].

Еще один пример усиления прозрачности осуществления предпринимательской деятельности за счет использования цифровизации в регулировании экономики – это проект создания единой системы прослеживаемости товаров как одна из инициатив глав государств Евразийского экономического союза.

Система цифровой прослеживаемости товаров призвана обеспечить комплексное преобразование товарооборота за счет отражения в единой цифровой среде объектов, субъектов, торговых процессов, а также получения информации о любом из этапов жизненного цикла товара на основе его цифрового образа и связанности информационных ресурсов.

Предполагается, что за счет внедрения этой системы потребители получат возможность доступа к достоверной информации о продукции, бизнес снизит операционные издержки, а государства смогут контролировать уплату налогов, свести к минимуму уровень контрабанды и обеспечить защиту потребителей [4].

В целях создания национальной системы прослеживаемости товаров с июля 2019 года в России был запущен эксперимент в соответствии с постановлением Правительства РФ от 25.06.2019 № 807 «О проведении эксперимента по прослеживаемости товаров, выпущенных на территории Российской Федерации в соответствии с таможенной процедурой выпуска для внутреннего потребления». Целью эксперимента является апробация механизмов прослеживаемости для противодействия незаконному ввозу и обороту товаров. Внедрение механизма осуществляется по ограниченному списку товаров, определенных в постановлении. В ходе эксперимента предполагается выявление и устранение возможных проблемных моментов функционирования национальной системы прослеживаемости товаров. Эксперимент по прослеживаемости действует до 1 января 2021 года (в редакции постановления Правительства от 23.06.2020 № 913).

Участие в эксперименте добровольное, в нем могут принимать участие юридические лица и индивидуальные предприниматели, совершающие операции с товарами, подлежащими прослеживаемости. В январе правительство сообщало, что имеется 24 участника эксперимента, из которых 17 представили счета-фактуры или цифровые передаточные документы, оформляемые при совершении хозяйственных операций с товарами [5].

Необходимо подчеркнуть, что идет активная работа по разработке правовой базы прослеживаемости товаров в целях ее внедрения в экономический оборот на условиях обязательности использования. Законопроект, направленный на создание национальной системы прослеживаемости товаров, Госдума приняла 15 сентября текущего года в первом чтении [1]. Согласно этому документу под национальной системой прослеживаемости понимается информационная система государства-

члена, обеспечивающая сбор, учет и хранение сведений о товарах, подлежащих прослеживаемости, и операциях, связанных с оборотом таких товаров. Участвовать в системе будут все хозяйствующие субъекты, которые совершают операции с прослеживаемыми товарами.

В соответствии с проектом федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (о создании национальной системы прослеживаемости товаров)», система прослеживаемости вступает в силу с 01.01.2021 г. Предполагается установление четкой процедуры, наделение участников системы новыми обязанностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В России создается национальная система прослеживаемости товаров. Подробности: <https://regnum.ru/news/economy/3063954.html> (дата обращения 08.10.2020).

2. Вайпан В.А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 12 - 17.

3. Госдума одобрила в I чтении создание национальной системы прослеживаемости товаров. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9462149> (дата обращения 08.10.2020).

4. ЕЭК представила проект единой системы прослеживаемости товаров в ЕАЭС. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-03-18-3.aspx> (дата обращения 08.10.2020).

5. Законопроект о национальной системе прослеживаемости товаров внесен в Госдуму. URL: <https://iecr.ru/news/item/428119-zakonoproekt-o-nacionalnoj-sisteme-proslezhivaemosti-tovarov-vnesjon-v-gosdumu> (дата обращения 08.10.2020)

6. Ивардава Л.И. Изменение сферы и пределов правового регулирования в условиях цифровой экономики // Безопасность бизнеса. 2019. № 1. С. 39 - 47.

7. Кузнецов П.У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал, 2018. № 6. // Доступ из СПС Гарант.

8. Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Предпринимательское право в условиях инновационной (цифровой) экономики: пути развития // Юрист. 2019. № 5. С. 45 - 50.

9. Михайлов А.В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2019. № 3. С. 7 – 13.

10. Михайлов А.В. Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 68 - 73.

11. Рубцова Н.В., Чумакова Л.П. Некоторые особенности правового регулирования предпринимательской деятельности в контексте цифровой экономики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 94 - 98.

Желдыбина Татьяна Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент

ДЕЙСТВИЕ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Формирование национальной и международной стратегии в сфере цифровизации невозможно без изучения одного из правовых механизмов – механизма обеспечения процесса законотворчества. Указанный механизм является сложным, комплексным явлением, на действие которого оказывают влияние многочисленные факторы не только правового характера.

Роль информации в том числе и в юридической сфере в настоящее время все больше увеличивается. Создается всемирное глобальное мировое пространство.

Однако не всегда новые веяния цифровой реальности имеют положительный «оттенок». Среди недостатков можно указать на неуправляемость искусственного интеллекта, тотальный цифровой контроль, цифровое мошенничество, рост киберпреступности, сокращение рабочих мест и др.

Цифровизация представляет собой настолько мощный по степени воздействия на человека фактор, что последний меняет саму модель человеческого мышления, влияя на ее некоторые ключевые параметры. В итоге утрачиваются навыки анализа текстов, выявления их сущности, навыки комплексного восприятия проблем. Пропадает потребность в выявлении истины, которая в итоге становится ситуативной. Таким образом, утрачиваются ключевые аналитические навыки и способности, необходимые для успешной законотворческой деятельности и толкования права [1].

Внедрение цифровых технологий в правовой области неизбежно. Хотя весьма сомнительно, как типичные дела начнет рассматривать судья – автомат или робот – полицейский [2].

Однако переход к цифровой модели развития российского общества неизбежен. И положительные изменения в этом направлении возможны с учетом слаженного действия механизма обеспечения процесса законотворчества.

Успешное действие данного механизма в новых условиях обеспечивает результативность законопроектной работы, надлежащее правоприменение, а также повысить эффективность правового регулирования. Данный механизм при условии действия всех его составляющих вносит определенность в процесс законотворчества, в конечном итоге совершенствуя систему не только национального, но и наднационального законодательства.

Автоматизация процессов законопроектной работы, внедрение информационных новшеств позволят создать условия для стабильного функционирования указанного механизма.

Процесс развития юридической науки в настоящее время имеет устойчивую тенденцию к объединению областей правового знания в крупные комплексы, на пересечении которых возникают сложные многоплановые фундаментальные и прикладные научные проблемы, которые не могут быть решены в рамках какой-то

одной юридической науки и требуют междисциплинарного подхода. Развитие цифровых технологий предполагает расширение такого рода исследований.

Еще одной важной проблемой являются пределы контроля со стороны государства информационной среды. Здесь в полной мере можно увидеть действие механизма обеспечения процесса законотворчества, предполагающего правовые средства-регуляторы.

Например, увеличение массива нормативных правовых актов, а также потребность в комплексном анализе с применением знаний из различных областей при их создании ведут к постановке вопроса цифровизации законотворческой деятельности, в частности, для получения общественного мнения и проведения экспертиз проектов нормативных правовых актов.

Правовое регулирование цифровизации пока находится в стадии формирования.

В условиях универсализации и усиления роли цифровой экономики – деятельности, сосредоточенной на цифровых и электронных технологиях, позиции механизма обеспечения процесса законотворчества как одного из важных правовых механизмов усиливаются.

Механизм обеспечения процесса законотворчества постоянно наращивает свой категориальный аппарат; аналитически обобщает факты, связанные с цифровизацией экономики и права и дает возможности для развития не только правовых, но и междисциплинарных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пашенцев Д.А. Алимova Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 103.
2. Тонков Е. Цифровизация права: проблемы и перспективы // Вестник судейского сообщества Белгородской области. 2019. № 10. С.7-8.

Кравцов Николай Александрович

кандидат юридических наук
доцент кафедры теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: nikikrvtsv@yandex.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ ПРАВА

Биоэтика права в нашем понимании – наука, которая изучает правовые аспекты витальности и корпоральности человека в связи с этическими проблемами. Направление — это не новое и основной круг его проблематики относительно давно очерчен. Однако, в те годы, когда складывалась биоэтика вообще и биоэтика права, в частности, создание искусственного интеллекта было темой в большей степени научной фантастики, нежели науки, ибо наука делала только первые робкие шаги в этом направлении. В настоящее время искусственный интеллект уже вышел из сферы фантастики. Он совершенствуется, научные разработки во всех

направлениях и в этом тоже ускоряются в геометрической прогрессии. Уже всё больше ведется дискуссий о киберправе, о статусе искусственного интеллекта. То и дело озвучиваются предложения о юридическом оформлении искусственного интеллекта, о признании за ним личных прав, о даровании ему гражданства и пр. В этой ситуации классический круг проблем биоэтики права расширяется и уточняется.

Одна из главных проблем – проблема научной легальности. Имеется в виду установление ограничений в сфере научного поиска и эксперимента. Первая и главная аксиома биоэтики права в этом вопросе заключается в запрете искусственного создания жизни, в особенности – жизни разумной. Этот запрет возник не на пустом месте. Ещё до формирования современного права, ещё задолго до возникновения биоэтики, человечество чувствовало страх перед разработками в этом направлении. Этот страх получил яркое выражение в фольклоре и в искусстве. Вспомним средневековые легенды о докторе Фаусте. Не забудем и легенду о Големе, которого мудрый раввин оживил, чтобы сделать своим помощником, но который оказался опаснейшим чудовищем, сокрушающим всё на своём пути. Литературная и философская версия легенды о Фаусте, гениально созданная Гёте, также содержит тему искусственного создания разумной жизни. Ученик Фауста, Вагнер создаёт Гомункула. Создание оказывается романтическим и пылким существом, обреченным погибнуть в суровой реальности. Вновь трагедия. Мери Шелли пишет в своё время абсолютный шедевр «романа ужасов» - «Франкенштейн». Тема та же – опасность искусственного создания жизни. Вспомним и отечественный шедевр – «Собачье сердце» Булгакова. Ещё чаще эта тема поднимается в кинематографе. При этом сейчас проблема искусственного интеллекта всё ближе к проблеме искусственного создания жизни. Интеллект естественный – главнейший из аспектов человеческого существования. Создавая искусственный интеллект, мы, тем самым, создаём некое подобие разумной жизни. Да, пока искусственный разум не способен чувствовать, любить, ненавидеть, действовать интуитивно, но наука делает шаги и в этом направлении. Отсюда и все разговоры о правах искусственного интеллекта. С точки зрения биоэтики права здесь более чем уместен вопрос: не является ли создание искусственного интеллекта, максимально приближенного к естественному, нарушением запрета на искусственное создание жизни? То есть, не происходит ли здесь нарушение границ научной легальности?

Применительно к искусственному интеллекту расширяется и круг биоэтических проблем, связанных с корпоральностью. И без того эти проблемы были сложны. Если оставаться в рамках «чистой» юриспруденции, и на время забыть о теологии, которая трактует человеческое тело, как собственность Бога, то тело принадлежит человеку безоговорочно с момента его рождения. Статус его двояк: тело есть и моё физическое воплощение, «материальный я», и моя исключительная собственность. Биоэтику права всегда волновал вопрос о режиме этой собственности, и более глобально – о соотношении двух упомянутых ипостасей тела. К примеру. Некто заключает договор о продаже своей почки. С точки зрения этого договора почка есть товар, а значит – вещь. Но пока она не отдалена от тела – это физическая часть лица. Как это сочетать? И что делать в

случае обнаружения после извлечения почки «скрытых недостатков в проданном товаре», тем более что возврат вещи ненадлежащего качества продавцу здесь если не совершенно исключён, то чрезвычайно труден. И за чей счёт должна осуществляться дорогостоящая операция по возвращению почки?

Мы уже говорили, что создание искусственного интеллекта отчасти подобно искусственному созданию разумной жизни. Однако проблема корпоральности здесь не только не исчезает, но приобретает новые аспекты. Да, маниакальное желание представлять себе искусственный интеллект, физически воплощённый в форме андроида – скорее кинематографическая, чем научная тенденция. В реальности это не рационально в подавляющем большинстве случаев. Но искусственный интеллект в любом случае существует на некоторых материальных носителях, представляющих собой, в случае признания за ним личности, условно говоря, его «тело». И как тут может в будущем решаться проблема корпоральности, остаётся только гадать. Ведь в отличие от естественного тела, у механизма нет незаменимых блоков. Он не может сделаться «пожизненным инвалидом» в случае нарушения целостности его материального носителя.

Вторая аксиома биоэтики права, касающаяся научной легальности – запрет на эксперименты, потенциально, а, тем более, заведомо опасные для человеческой жизни, или жизней. Здесь мы, к сожалению, сталкиваемся с постоянным нарушением этого запрета на практике. Чего стоят одни только первые испытания термоядерного оружия, при которых учёные, по существу, не знали, остановится ли термоядерная реакция, или в нее будут вовлечены все необходимые элементы из земной атмосферы, что приведет к гибели планеты. Можно привести и другие примеры. Но ведь применительно к созданию искусственного интеллекта давно существует страх по поводу его потенциальной опасности для человечества. Ещё создатель термина «робот», Карел Чапек в одноимённой пьесе строит сюжет трагически. Что же касается возможных вариаций на темы взбунтовавшихся роботов и глобального восстания машин, то они многочисленны и в научно-фантастической литературе и, тем более – в кинематографе. Одни только эпосы, вроде «Терминатора» и «Матрицы» чего стоят! Радикальным решением этой проблемы, как и предыдущей, был бы полный запрет на ведение любых разработок в области создания искусственного интеллекта. Но этот запрет, во-первых, был бы искусственным торможением прогресса, ретроградством, не соответствующим научно-техническим запросам сегодняшнего дня. Во-вторых, он неминуемо повлёл бы за собой возникновение нелегальной и оттого еще более опасной сферы научных исследований. А значит, если полный запрет и невозможен, и нежелателен, должны быть установлены минимальные правовые требования к использованию искусственного интеллекта, призванные устранить наиболее серьёзные из связанных с этим потенциальных опасностей.

Прежде всего, должен быть определён правовой статус искусственного интеллекта. На наш взгляд, этот вопрос, да простят нас всякого рода «робогуманисты», должен решаться предельно жёстко. Независимо от степени своего совершенства, даже если речь однажды зайдёт об эмоциональности и индивидуальности искусственного разума, он с точки зрения права никогда не должен будет рассматриваться как лицо. Только, как разумная вещь, говорящее

орудие. Иными словами, его статус должен быть практически аналогичен статусу раба в античном мире. Следовательно, ни о каком признании личных прав и дарования гражданства речи идти не может. В этом контексте весьма сомнительны призывы использовать роботов-судей. Раб не может быть судьёй! Машина не должна решать человеческие судьбы! Да, искусственный интеллект не оценим, как помощник судьи. Мгновенное обобщение законодательства и судебной практики более чем полезно. Мгновенное обнаружение противоречий в показаниях, к примеру, свидетелей и формулирование списка дополнительных вопросов к ним тоже – здорово. Но все пропозиции машины должны носить только информативно-рекомендательный характер. Окончательное решение должно приниматься только живым судьёй.

Классическое правило робототехники, сформулированное ещё Айзеком Азимовым: «робот не может навредить человеку», должно быть законодательно закреплено как основополагающий принцип программирования искусственного интеллекта. За человеком должна всегда быть закреплена функция принятия окончательного решения, должна всегда существовать классическая компьютерная опция «да, нет, отмена». Машина должна быть запрограммирована таким образом, чтобы «понимать» угрозу выключения или уничтожения. С этим связана проблема формирования у искусственного интеллекта «страха смерти». Эта проблема не имеет пока однозначного решения. С одной стороны, наличие такого «страха» - некоторая гарантия безопасности. Но, с другой стороны, искусственный интеллект, испытывающий такой «страх» будет максимально экзистенциален. И это может усилить опасный соблазн придать ему статус личности со всеми вытекающими правами. Одновременно опасна сама эта экзистенциальность. Искусственный интеллект, испытывающий «страх смерти» одновременно начнёт воспринимать человека как носителя потенциальной опасности для его экзистенции. А это потенциально значит формирование враждебности. Если же у человечества хватит глупости для признания юридической личности искусственного интеллекта, такая враждебность вдвойне опасна. Особенно, если искусственный разум познакомится с мыслью Гоббса о том, что естественное право, прежде всего, состоит в возможности сохранять свою жизнь и безопасность всеми доступными способами.

Наконец, необходимо законодательно исключить возможность свободного, произвольного вступления носителей искусственного интеллекта в общение друг с другом, без контроля человека.

Получается, что процессы, связанные с созданием и использованием искусственного интеллекта, неизбежно создают проблемы и биоэтико-правового, и юридико-прикладного и практического характера, которые должны быть и наукой, и законодателем разрешены заблаговременно.

Ларионов Алексей Николаевич
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: anlarionov@sfedu.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И КИБЕРНЕТИКИ В УСЛОВИЯХ ТЕНДЕНЦИИ К ЦИФРОВИЗАЦИИ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

В настоящее время в условиях все большего проникновения цифровых технологий в самые разные сферы жизнедеятельности человеческого общества в том числе и перед юристами возникает вопрос поэтапного вовлечения процессов правотворчества и правоприменения в область применения автоматизированных систем управления и иных приспособления, являющихся прямым достижением развития кибернетики. Действительно, интеграция достижений разных направлений науки зачастую приносит положительные результаты. Однако, так происходит именно в результате взаимного проникновения сопоставляемых между собой отраслей знаний, но не полного включения ранее обособленных научных направлений в состав одного из них. Напротив, в современной науке прослеживается ярко выраженная тенденция к обособлению и относительно самостоятельному развитию отдельных ветвей научного познания, что делает еще более актуальным сохранение их взаимных связей и взаимодействия. В таких условиях попытки найти точки соприкосновения юриспруденции и кибернетики становятся еще более актуальными, тем более лежащая на поверхности стремительная автоматизация деятельности юриста не является здесь единственно возможной темой для обсуждения.

«Собственно слово «кибернетика» в качестве названия для новой науки об управлении и связи у животных и человека и, конечно же, в машинах было, как мы уже отмечали, введено Норбертом Винером (1948). Он понял необходимость выделить и изучить как таковые задачи, являющиеся общими для проблем управления и связи и возникающие, в сущности, в недрах физики, электротехники, вычислительной техники, философии, математики, физиологии, психологии, социологии и других наук» [1, с.15]. Иными словами, сама сфера научных интересов кибернетики значительно шире автоматов и вычислительной техники и распространяется практически на все сложные системы, в том числе и на такую из них, как человек, который безусловно, является системой самообучающейся. Однако, в свою очередь, человек является существом общественным, в результате чего само человеческое общество и такая его важнейшая часть как государство, безусловно, могут быть рассмотрены с точки зрения кибернетики. При этом именно государство представляет для данной науки наибольший интерес, так как основной функцией этой системы как раз и является управление жизнедеятельностью всего общества. То есть, так же как в живом организме или сложной самоприспосабливающейся машине существует определенный управляющий модуль, либо просто приспособливающий систему к условиям среды, в которой она существует, либо умеющий накапливать информацию, обрабатывать ее и использовать для своего дальнейшего функционирования (самообучение), так и в человеческом обществе в целом в процессе его эволюции появляется соответствующий управляющий модуль, который мы именуем государством. И именно с этой точки зрения для наиболее полного понимания закономерностей функционирования государственного аппарата совершенно

небезынтересно будет изучение наработок кибернетики. Тем не менее, несмотря на некоторые попытки регламентации деятельности тех или иных государственных органов и их должностных лиц путем создания соответствующих нормативно-правовых актов в виде различных административных регламентов и инструкций, именно в этом направлении достижения кибернетики юристы практически не используют. И это несмотря на то, что, например, эффективное существование «разомкнутых систем» в отличие от «абсолютно -» или «относительно замкнутых» систем, не способных взаимодействовать с окружающей средой вполне изучены данной наукой и описаны, в том числе, математическими методами [1, с. 27-28].

И, напротив, обсуждение различных попыток моделирования деятельности конкретного юриста техногенными способами, в том числе проблема создания искусственного интеллекта, прочно занимают умы как ученых, так и практических деятелей. А между тем в данном направлении кибернетика еще очень далека от решения соответствующих задач.

В целом, рассматривая направления исследований кибернетики, Фрэнк Джордж писал:

«Сейчас мы попытаемся определить основные классы кибернетических задач.

1. Создание эффективной теории (сопровождающееся или не сопровождающееся разработкой реальных устройств, воспроизводящих соответствующие модели), позволяющей имитировать различные аспекты поведения человека и других форм поведения организмов или обеспечивающей создание искусственного интеллекта. Это задача синтеза (Джордж (1965)).

2. Создание моделей и теорий поведения человека и других форм поведения организмов. В этих моделях функции, присущие человеческим существам или иным системам, реализуются точно таким же образом, как они осуществляются человеком или другими системами. Другими словами, в данном случае недостаточно просто воспроизвести такой же результат, но необходимо получить такой же результат, используя аналогичные или даже идентичные средства. Это задача моделирования (имитации).

3. И, наконец, воспроизведение, или моделирование, поведения человека или животного в целом с помощью моделей, «конструкция» которых идентична «конструкции» человеческого существа или животного. Это означает, что в сущности такие модели должны представлять собой «протоплазменные системы» [1, с.22].

Исследователь указывает, что от решения второй и особенно третьей категории задач современная кибернетика еще очень далека и способна осуществить вторую из них лишь на уровне воссоздания функций отдельных человеческих органов, однако, как правило аналогичным, но отнюдь не идентичным способом [1, с. 22-23]. Да и с точки зрения юриспруденции в настоящий момент отсутствует насущная необходимость для восполнения юридических кадров аналогичными или идентичными человеку моделями. Следовательно, речь идет лишь об имитации различных проявлений деятельности юриста, причем исключительно средствами автоматизации или вычислительной техники. В перспективе венцом данной имитации может стать искусственный

интеллект. Однако и этот аспект, по причине достаточной обеспеченности юридическими кадрами, может быть актуален исключительно с экономической точки зрения.

Таким образом, подводя итог изложенному следует указать на тот факт, что в настоящее время существует реальная возможность использовать достижения кибернетики в разрезе рассмотрения государства как особой самоприспосабливающейся системы, предназначенной для управления обществом и с этой точки зрения кооперация юриспруденции и кибернетики представляется наиболее целесообразной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джордж Ф. Основы кибернетики // М: Радио и связь, 1984.

Лунёва Екатерина Владимировна

кандидат юридических наук

старший преподаватель

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

г. Белгород

e-mail: lunyeva@bsu.edu.ru

ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В самом общем виде относительно определения понятия «экологической безопасности» отметим, что в юридической науке и практике имеется множество теорий. Вместе с тем, анализ научной литературы по рассматриваемой проблематике дает основание говорить об отсутствии системного и многогранного понятия «экологическая безопасность». Многими российскими учёными и практиками отмечается, что подобная закономерность наблюдается и в системе обеспечения национальной безопасности, в целом.

Обратимся вначале к понятию национальной безопасности, являющемуся родовым по отношению к безопасности экологической.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации понятие «национальная безопасность» сформулировано достаточно широко и включает не только «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», но и оговорку о том, что оно является основой обеспечения «... реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойного качества и уровня их жизни, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации» [2].

Официальное понятие «экологическая безопасность» сформулировано в Федеральном законе «Об охране окружающей среды»: «экологическая безопасность – состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их

последствий» [1, ст.1]. При этом, данное легальное определение нельзя признать удачным, о чем свидетельствует имеющая место научная дискуссия по этому вопросу.

Так, Н.Н. Веденин определяет понятие «экологическая безопасность» как «состояние защищенности человека, общества, государства и окружающей природной среды от негативного природного и техногенного воздействия, обеспечиваемое организационно-правовыми, экономическими, научно-техническими и иными средствами» [5].

А.Г. Шмаль, в свою очередь, выделяет следующие недостатки данного определения: «отсутствие ориентации на предупреждение факторов экологической опасности, а также конкретизации источников опасности» [6, с.100-101].

Обобщая процитированные мнения и учитывая приведенные нормативные положения, можно констатировать, что экологическая безопасность чаще всего рассматривается как «состояние защищенности не только «природной среды», но и «всей окружающей среды в целом, включающей, как природные (так и антропогенные объекты), созданные человеком для обеспечения своих потребностей и не обладающие свойствами природных объектов»; обеспечение экологической безопасности рассматривается как соответствующая деятельность (мероприятия), иногда как цель этой деятельности. Однако встречаются взгляды, в соответствии с которыми обеспечение – это совокупность определенных мер.

С некоторыми аспектами приведенных точек зрения следует согласиться.

Так, например, не вызывает сомнений, что обеспечение экологической безопасности может рассматриваться в практической плоскости как деятельность. В то же время, такой подход представляется слишком односторонним. На наш взгляд, правовое обеспечение экологической безопасности – это явление многоаспектное, представляющее из себя определенный механизм, включающий как статичные, так и динамичные составляющие, которые только в совокупности и взаимосвязи образуют искомое понятие.

Обобщая высказанное, делаем вывод, о том, что понятие «экологическая безопасность» в современных условиях требует переосмысления и научного обоснования. Исходя из проведенного анализа, следует предложение о необходимости в виду отсутствия специального законодательного регулирования вопросов экологической безопасности и его обеспечения в Российской Федерации, а также вследствие утраты актуальности ряда положений Федерального закона «Об охране окружающей среды» современным условиям и основным стратегическим документам в области обеспечения национальной и экологической безопасности – Стратегии национальной безопасности РФ 2015 года и Стратегии экологической безопасности РФ 2017 года, принятия специального федерального закона «Об экологической безопасности в Российской Федерации» и закреплении в данном законе основных понятий и терминов в сфере обеспечения экологической безопасности (понятийного аппарата межотраслевого правового института экологической безопасности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1. ст. 212.
3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
4. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.
5. Веденин Н.Н. Экологическая безопасность как институт экологического права // Журнал российского права. 2001. № 12.
6. Шмаль А.Г. Национальная система экологической безопасности (методология создания). М., 2004. С.100-101.

Мазуренко Андрей Петрович
доктор юридических наук, доцент
(Северо-Кавказский федеральный университет)
г. Пятигорск
e-mail: decanpetrovich@mail.ru

ПРАВOTBOPЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

XXI век справедливо называют веком новых технологий, в том числе и в информационной сфере. Новейшие цифровые разработки приходят на помощь не только отдельным людям, организациям, но и обществу в целом. Россия, как и другие страны, постепенно, но неуклонно становится электронной, цифровой, технологичной.

Этот тезис разделяется многими специалистами, которые справедливо полагают, что современное общественно-политическое развитие России требует оперативного использования информационных, цифровых технологий, особенно в сферах наиболее остро нуждающихся в комплексном воздействии, как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества, бизнеса и транснациональных, экстерриториальных, сетевых социальных групп, союзов, единств, к которым уже сейчас можно отнести блогосферу, пользователей социальных сетей, мировое экспертное сообщество и др. [1; 2]

Однако темпы работ по созданию в России полноценного информационного общества не вполне отвечают требованиям сегодняшнего дня. Особенно актуально эта проблема проявилась в условиях очередного мирового экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19 [3], когда правотворческие решения должны приниматься оперативно, но при этом, пройдя все необходимые процедуры подготовки, обсуждения и экспертизы. Данную истину – *periculum in mora* (опасность в промедлении) знали еще в Древнем Риме, однако из ее бесспорности следует не совсем очевидный вывод о том, что в современном российском праве отсутствует достаточное количество механизмов, позволяющих

в периоды кризисов быстро выработать необходимые в данной ситуации нормы права и проводить процедуры их легитимации, а затем также быстро добиваться реализации этих норм, столь необходимых в данный момент времени. В решении названных вопросов возможности современных цифровых технологий сложно переоценить.

По мнению С.М. Миронова, информационные и коммуникационные технологии в законодательном процессе – не технический вопрос. Это, прежде всего, вопрос участия людей в законотворчестве, возможность влияния на процесс принятия законов [4]. С данным мнением трудно не согласиться, поскольку, таким образом, коммуникативные каналы становятся проводником идей общества в кабинеты законодателей. С помощью подобной «электронной демократии» люди получают широкий доступ к информации, возможность участвовать в подготовке правотворческих решений.

Благодаря активизации общественного диалога с использованием Интернет-технологий демократические процессы способны придать мощный импульс дальнейшему развитию правотворческой политики государства. Создание новой информационной основы такой политики позволит снизить барьеры между властью и обществом, властью и личностью.

У проблемы информатизации есть еще одна – инструментальная сторона. Суть ее заключается в решении задачи полной цифровизации правотворческих процессов и комплексной систематизации законодательства. Решение этой задачи связано с преодолением рисков, которые невольно возникают в результате невысокого технико-юридического качества и недостаточной согласованности правовых актов. Конечно, данное направление информационного развития правотворческой политики является весьма важным, но здесь не стоит вдаваться в крайности.

Так, нельзя, на наш взгляд, согласиться с предложенным Л.В. Голоскоковым пониманием современной юридической доктрины как симбиоза права и информационно-коммуникационных технологий, которые позволят создать особый правовой механизм, основанный на автоматизированном, полуавтоматическом или даже автоматическом процессах правотворчества и правоприменения [5]. Подобное понимание представляется слишком утилитарным даже в рамках концепции информационного общества. Данная позиция фактически сводит систему правового регулирования на технократический уровень и нивелирует ценностно-культурную составляющую права как сложного социального феномена.

В то же время, без использования подобных технологий уже трудно себе представить развитие и функционирование современных правовых институтов и, вероятно, поэтому у представленной точки зрения есть свои сторонники. Так, С.В. Батурина, например, полагает, что автоматизация правотворческих процессов вполне может найти применение в некоторых узких сферах, где машине не нужно обладать даже толикой интеллекта, чтобы успешно делать такую работу [6]. В подтверждение своей мысли автор приводит высказывание А.В. Малько о том, что «правовое регулирование осуществляется главным образом именно с помощью управленческой информации, где четко конструируется модель требуемого

действия, и в этой связи стоит вспомнить, что функционирование обычного светофора абсолютно точно укладывается в данное описание: работая в простейшем двоичном коде, он посылает управленческую информацию – сигнал либо стимула, либо ограничения, при этом никого не удивляет его «способность» успешно регулировать поведение миллионов людей на дорогах, а люди уже давно забыли, что когда-то отдали часть своих, казалось бы, незаменимых нормотворческих полномочий простейшему автомату» [7].

На наш взгляд, в данном случае, подобное сравнение неуместно. Передача автомату (компьютеру, роботу) части функций правотворческого органа пусть даже «в некоторых узких сферах» правотворческого процесса неизбежно приведет к усугублению существующих проблем, и кроме того, сведет на нет решение вопроса ответственности за результаты правотворческой деятельности. Следовательно, дальнейшее развитие информационного направления правотворческой политики состоит в том, чтобы не допустить возможности «полуавтоматического или автоматического» исполнения даже некоторых публично-правовых функций государства, тем более в сфере правотворчества.

На наш взгляд, автоматизация и информатизация правотворческой деятельности, как и рассмотренное выше использование цифровых технологий, являются перспективными направлениями развития отечественного правотворчества, однако их внедрение требует вдумчивого и критичного отношения со стороны всех субъектов, так или иначе участвующих в формировании и реализации правотворческой политики.

Подводя же итог сказанному, представляется необходимым сделать ряд выводов обобщающего характера:

1. Цифровизация правотворческой деятельности является перспективным направлением развития правотворческой политики в сфере ее информационного обеспечения. Широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий, автоматизация правотворческих процессов выступают важными факторами повышения эффективности правотворчества в условиях кризисов, требующих оперативного принятия правотворческих решений, обеспечивая при этом, все необходимые процедуры легитимации проектов нормативных правовых актов в короткие сроки.

2. Автоматизацию правотворческих процессов не следует отождествлять с автоматическим исполнением с помощью соответствующего программного обеспечения публично-правовых функций представительных органов власти. Передача автомату (компьютеру, роботу) части функций правотворческого органа пусть даже «в некоторых узких сферах» правотворческого процесса неизбежно приведет к усугублению существующих проблем и сведет на нет решение вопроса ответственности за результаты правотворческой деятельности.

3. Темпы работ по созданию полноценной информационной основы правотворческой деятельности представительных и исполнительных органов власти не вполне отвечают требованиям сегодняшнего дня. К числу первоочередных мер в этом направлении следует отнести: создание цифровой модели архива национального законодательства России, который должен стать стимулом для проведения аналогичных работ на региональном уровне; дальнейшее

развитие системы мониторинга действующего законодательства и правоприменительной практики [8]; совершенствование форм и методов цифрового общения в целях оперативного получения обратной информации от населения о правильности или неправильности проводимой государством правотворческой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овчинников А.И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации общества и государства // Антикоррупционная политика. – Ежегодник. – 2020. – № 5. – С. 29.
2. ЦБ анонсировал разработку цифрового рубля // [Электронный ресурс] URL: <https://news.mail.ru/economics/43734171/?frommail=1> (дата обращения 13.10.2020).
3. Бондаренко С.И. Социально-правовая политика в условиях пандемии // Теория и практика правовой политики современного государства: монография / Под ред. А.П. Мазуренко. – В 2 т. – Том II. – Пятигорск: Изд. ПФ СКФУ, 2020. – С. 122.
4. Миронов С.М. Электронная демократия // Парламентская газета. – 2008. – 24 апреля.
5. Голоскоков Л.В. Юридическая доктрина как основа правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2004. – № 4. – С. 38.
6. Батурина С.В. Правовая доктрина как элемент российской правовой системы // Юристъ-Правоведъ. – 2008. – № 4. – С. 34.
7. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве // Общая теория государства и права: Академический курс в 3 т. / Под ред. М.И. Марченко. – М.: Зерцало-М, 2002. – Т. 3. – С. 236.
8. Мазуренко А.П. Правотворческая политика (опыт научного исследования). – М.: Изд. «Логос», 2018. – С. 121.

Маслова Ирина Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского права
(Ростовский государственный экономический университет)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: irinamaslova@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТВОРЧЕСТВО» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Определение правовой природы творчества без преувеличения – задача, носящая межотраслевой характер.

Выдающиеся мыслители исследовали творчество применительно к вопросам творения мироздания и человека, исторического развития, динамики процессов, происходящих в обществе, а также сущности человеческой деятельности: определения роли человека-творца, возможности личности оказывать преобразующее воздействие.

Приступая к исследованию сущности творчества, логичным, в первую очередь, представляется обращение к словарям, раскрывающим лексическое значение слов, для формирования единообразного понимания «творчества» как одного из ключевых понятий в юриспруденции.

Изучение лексического и философского аспектов творчества позволит наиболее полно сформулировать понятие творчества в юридическом смысле.

Так, в толковом словаре Д.Н. Ушакова творчество - действие по глаголу творить (давать бытие, сотворять, созидать, создавать, производить, рождать). Результат этого действия, совокупность созданного, сотворенного кем-нибудь [1].

В словаре Ожегова творчество определено как создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей [2], В.И. Даль трактует «творить» как творенье, сотворенье, созидание, деятельностьное свойство [3].

Разные исторические эпохи характеризуются различными взглядами на сущность творчества: Средневековье характеризовалось взглядами на творчество как божественную волю, Бог – творец всего (И. Скотт, Ф. Аквинский); интерес к творчеству как акту, процессу появляется в эпоху Возрождения, и выражается в рассмотрении его как искусства в широком значении; для эпохи Нового времени свойственно многообразие трактовок понятия творчества, однако их объединяет идея о творческом характере человека. Творчество в современном понимании как процесса или результата создания новых культурных или материальных ценностей возникло лишь в конце XVIII-начале XIX вв.

В связи с тем, что объем данной работы не позволяет осветить весь процесс эволюции научных взглядов на феномен творчества, будут приведены воззрения отдельных исследователей, нашедшие отражение в основных сущностных характеристиках данного явления как юридической категории.

Одним из первых философов, рассматривающих проблему творчества, можно назвать Платона. В его трудах [4] (в частности, диалоги «Пир», «Федр», «Феаг») не анализируется понятие творчества специально, однако можно найти высказывания о природе и механизмах творчества, смысловой структуре творческого процесса. Платон рассматривает творчество в широком смысле, придавая ему универсальный характер: оно проявляется всякий раз, когда любое нечто обретает свое бытие (переход из небытия в бытие), при этом каждый человек обладает творческим потенциалом. Понятие творчества тесно связано с понятием «блага»: последнее является исходной причиной и целью творчества. Смысл же творчества определяется постоянным совершенствованием всего мироздания.

Платон осуществил и иерархическую классификацию видов творчества, в которой высшим оказывается творчество государственных деятелей)- общественно-политическое, затем научное, техническое, художественное и, наконец, физическое.

Заслуживающей отдельного внимания представляется идея Платона о свободе волеизъявления: творчество человека протекает согласно его свободному волеизъявлению, не обусловленному внешним принуждением.

По мнению В.А. Яковлева [5], мысли, сформулированные Платоном относительно проблемы творчества, не потеряли своей актуальности и в настоящее

время, позволяют характеризовать творчество как сущностную характеристику, атрибут человека.

Канатов Т.К. [6, с. 15] отмечает, что впервые в науке законченная концепция творчества была сформулирована И. Кантом, обозначившим двойственную природу творчества: «Мы обладаем способностью выносить эстетическое суждение о формах без посредства понятий и ощущать благорасположение... С другой стороны, мы обладаем и интеллектуальной способностью суждения, которая априорно определяет благорасположение к чистым формам практических максим (поскольку они пригодны для всеобщего законодательства) [7]».

По мнению Гегеля, природа творчества заключается в том, что оно имеет своей предпосылкой наличный духовный мир и, усваивая его себе, оно и преобразовывает его. На примере художественного творчества Гегель отмечает свободный характер творчества, рассматривает произведение как продукт духовной человеческой деятельности (сознательное продуцирование), причем эта деятельность не является формальной деятельностью по заданным правилам, творец опирается на собственное богатство. Отмечал, что для творчества не достаточно одного лишь вдохновения или таланта, необходима сознательность в деятельности субъекта (культура мысли, приобретение навыков, изучение, размышление и упражнение).

Гегель ставит вопрос о том, какая потребность (или потребности) побуждает людей творить? Это игра случая, каприз? Ответ он находит в разумном стремлении человека духовно осознать внутренний и внешний мир, представив его как предмет, в котором он узнает собственное «я», удовлетворить свою духовную свободу: делает наглядным и познаваемым то, что существует внутри него. Произведение воспроизводится из чувственного восприятия человека [8].

Размышления о художественном творчестве представляли интерес для представителя классической немецкой философии Шеллинга, подчеркивающего в нем бессознательные компоненты и, представляя его как единство сознательной (того, что обдуманно и рефлексированно, чему можно обучить и научиться) и бессознательной (врожденного, свободного дара природы) деятельности [9].

Одним из исследователей, в круг научных интересов которого входило понятие творчества, являлся французский философ А. Бергсон. Пытаясь понять причину творческих изменений, ученый отмечал двойственную природу человека: с одной стороны, он лишь часть природы, эволюционного потока, с другой - свободный творец, субъект культуры и культурной деятельности. Творчество, по его мнению, представляет собой одно из условий прогресса: от личного усилия человека, напряжения воли и сознания зависит дальнейшее развитие.

Бергсон описывает творчество следующим образом: «когда мы помещаем наше существо в акт нашей воли, а этот акт – в тот импульс, продолжением которого он служит, мы понимаем, мы чувствуем, что реальность есть непрерывный рост, без конца продолжающееся творчество» [10, с. 236]. С творчеством философ связывает такие понятия как свобода (свободное действие, свободное решение), спонтанность, привнесение нового. Он считал, что творчество невозможно там, где жизнь осуждена на автоматизм, пробуждается, когда появляется возможность выбора.

Проведенное исследование позволяет выявить основной подход к пониманию понятия творчества. Его сущность состоит в том, что творчество воспринимается в европейской философско-правовой мысли как неотъемлемая от человеческой деятельности ее характеристика, выражающаяся в свободе волеизъявления каждого человека, его созидательных проявлениях. Сочетание бессознательного и сознательного в творчестве способствует качественно новому переосмыслению внутреннего и внешнего мира и созданию социально значимых духовных и материальных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: А ТЕМП, 2007. – 944 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. – М.: Рус. яз. Медиа, 2006. 683 с.
4. Соловьев В.С. Диалоги/ Платон. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 576 с.
5. Яковлев В.А. Философия творчества в диалогах Платона// Вопросы философии, № 6, 2003. - С. 142-154.
6. Канатов Т.К. Понятие творчества в науке и в авторском праве// Право интеллектуальной собственности, № 1, 2019. С. 15-18.
7. Кант И. Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994. 367 с.
8. Гегель Г. Введение в историю философии. Лекции по эстетике. Наука логики. Философия природы. - Эксмо, 2018. – 600 с.
9. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2 т.: Т. 1.- М.: Мысль, 1987.- 637 с.
10. Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН- пресс-Ц, 2001. – 384 с.

Нинциева Тамила Магомедовна

кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданского права и процесса
(Чеченский государственный университет)
г. Грозный
e-mail: tamila761076@mail.ru

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЦЕССУОЛОГИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

С нашей точки зрения, отечественная процессуология может быть подразделена на три периода: дореволюционный, советский и современный. При этом за основу такой периодизации предлагаем взять такие критерии, как временные рамки (границы), динамика проявления научного интереса, а также значимые и исторически важные события.

Если говорить о дореволюционном периоде, то с большой долей уверенности можно отметить следующее обстоятельство: несмотря на наличие процессуального законодательства, научный интерес к вопросам процессуологии

проявлялся весьма слабо, лишь отдельные ученые занимались этой проблематикой. Причем, что характерно, фактически – с начала прошлого столетия, и предметом их исследования были вопросы юридического (говоря современным языком – авт.) процесса и судебного права.

В качестве примера обратимся к работе Н.Н. Розина под названием «Процесс как юридическая наука», в которой детально анализируется судебная деятельность, и она «педантично регулируется особыми правовыми нормами». Ученый употребляет такой термин, как «процессуальный легализм», и отмечает, что теория судебного права есть самостоятельная учебная дисциплина со специальным объектом исследования и специальными задачами. Он также изучает содержание процессуального отношения, а также делает следующий вывод (актуальный и на сегодняшний день – авт.): могучее государство и слабая личность перед судом только стороны, совершенно равные, и победа в их споре зависит не от силы, а только от права [1].

Также публикуются работы И.В. Михайловского [2] и И.Я. Фойницкого [3], по названию которых можно вполне судить и об их содержании. Надо заметить, что, конечно же, на труды названных и некоторых других дореволюционных ученых в определенной степени повлияли взгляды и идеи зарубежных авторов на эту проблематику [4; 5].

Таким образом, были заложены определенные основы для дальнейшего научного освоения судебного права и юридического процесса, послужившего своеобразной матрицей для ученых-процессуалистов советского периода.

Однако, прежде чем перейти к названному периоду, полагаем целесообразным остановиться на работе известного ученого В.А. Рязановского, родившегося, получившего образование и занимавшегося научной деятельностью на стыке двух, дореволюционного и советского, периодов и издавшего в 1920 году книгу (названную автором очерком) о единстве процесса [6]. Идея данного труда заключается в единстве трех основных процессов – гражданского уголовного и административного, в основе которого – концепция, распространенная в странах Западной Европы в XIX – начале XX века. Общность процесса объясняется схожестью форм (наличие исков) и единой целью – необходимостью защиты прав и свобод личности, в то числе в споре с государством.

Сам В.А. Рязановский считает, что автономность гражданского, уголовного и административного процесса основывается на таких критериях, как независимость права на иск, самостоятельность процессуальных задач и включение в процесс судоустройственных вопросов, не входящих в состав материального права. Далее автор приходит к выводу о наличии значительного сходства процессуальных институтов во всех указанных процессах, что является причиной появления нового малоизученного (на тот период времени) учения, объединяющего вышеназванные процессы в единое целое в качестве его составных отраслей, - единой науки процессуального или судебного права [6, с. 30-31]. Далее автор подытоживает свое исследование следующим единым (верховным, по его мнению) постулатом, единым для всех видов процесса - «... раскрытие материальной истины, задача всякого процесса одна и та же: установить право, осуществить и охранить его, юридическая природа права на иск идентична,

основные принципы судопроизводства совпадают, равно как совпадают и основные принципы судопроизводства (принципы процесса), единая юридическая конструкция процесса применима ко всем видам последнего». [6, с. 77]. На этом основании, по мнению В.А. Рязановского, говорить о единстве процесса и наличии единой процессуальной науки преждевременно, однако имеется тенденция их развития, объединения и создания в перспективе единого процессуального или судебного права, для чего должна быть проведена подготовительная работа, в том числе, как в сферах теории процесса, так и законодательной практики [6, с. 79].

Таким образом, можно говорить о том, что отечественная процессуальная наука основывается первоначально на единстве гражданского, уголовного и административного процессов и тенденции образования единого процессуального (судебного) права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розин Н.Н. Процесс как юридическая наука (из лекций по судебному праву) // Журнал Министерства юстиции. Октябрь 1910.
2. Михайловский И.В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука // Право. 1908. № 32.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. СПб, 1912.
4. Kein Theil des Criminalrechts, sondern ein Theil des Processrechts. Lehrbuch d. StrafrechtswissenschaftL 1827.
5. Ihering. Zweck im Recht; Juosserandot Du pouvoir judiciaire. 1878.

Овчинников Алексей Игоревич

доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

научный сотрудник научно-учебного центра противодействия коррупции
(Институт права и национальной безопасности РАНХиГС)

г. Ростов-на-Дону
e-mail: k_fp3@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРОГРАММА И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ¹

Важнейшим средством противодействия негативным явлениям в сфере общественно-политического развития следует признать стратегическое планирование [1]. Под стратегическим планированием, согласно п.1 ст.3 ФЗ «О стратегическом планировании» следует понимать деятельность специальных субъектов государственного управления по «целесообразному, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте России по теме 5.6. «Разработка системы мер и юридических механизмов противодействия коррупции в условиях цифровизации государственного управления и экономики».

Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации». Исходя из данного определения, следует сделать вывод о том, что программа противодействия коррупции в условиях цифровизации государственного управления и социально-экономического развития должна включать разделы по прогнозированию, обнаружению самых разных тенденций коррупционного характера, объясняющие цели, прогноз, план мероприятий. Только так, по нашему мнению, должна разрабатываться Программа профилактики и противодействия коррупции в условиях цифровой экономики.

Программа профилактики коррупции в условиях цифровизации государственного управления представляет собой комплекс нормативно-правовых и организационных мероприятий, направленных на предупреждение коррупционных отношений и связей в обществе и государстве. В этой связи необходимо отметить основные задачи Программы профилактики и противодействия коррупции в цифровой сфере.

Первое. Цифровизация должна обеспечить повышение уровня открытости при принятии решений при сохранении в статусе недоступной той информации, которая может считаться критически важной и значимой для цифрового суверенитета государства. Использование цифровых технологий и электронных форм коммуникации должно происходить только в целях существенного упрощения форм властной коммуникации в системе личность – общество – государство, снижения бюрократических механизмов, документооборота и упрощения различных административных процедур. Развитие цифровых каналов и мобильных форм обратной связи между обществом и государством, цифровой организации общественного контроля за процессом принятия и реализации управленческих решений заключается в обеспечении цифрового мониторинга и контроля за публично-властной деятельностью и процессом принятия (реализации) властно-управленческих решений, а также разветвленной системы социального порицания коррупционеров, через публикацию списков коррупционеров в социальных сетях, публичных ресурсах и проч. Цифровые публичные сервисы (e-services), связанные с электронным форматом оказания государственных и муниципальных услуг, минимизирующие возможности для злоупотребления служебным положением и коррупционного взаимодействия, здесь вполне применимы.

Второе. Цифровые технологии позволяют создать систему, обеспечивающую реализацию принципов независимости, открытости и объективности судебной системы при проведении судов над коррупционерами, использовании интерактивных судебных заседаний, а также разнообразных форм электронного правосудия (опыт США, Германии, Франции).

Третье. Цифровое обеспечение интеллектуального контроля за доходами и расходами госслужащих, активное внедрение цифровых технологий и систем

искусственного интеллекта в процесс административной реформы и, прежде всего, в систему разграничения полномочий государственных служащих и согласования административных решений следует применять наряду с цифровыми формами коммуникации в рамках кадровой политики, сбора информации и подбора государственных служащих;

Четвертое. Усовершенствование антикоррупционного законодательства, реагирование на кардинальные изменения в развитии коррупции в современном мире, а также использование big data и систем машинного обучения для прогнозирования и моделирования развития коррупции диктует необходимость новых институциональных решений. Через массивы big data возможно с помощью средств искусственного интеллекта осуществлять антикоррупционный контроль за деятельностью должностных лиц, т.к. этот инструмент позволяет из фрагментарных данных получать общую картину системной коррупционной деятельности, а также прогнозировать развитие коррупции.

Пятое. Применение E-democracy позволит сделать публичной организацию политического процесса, демократических форм, способов, средств и инструментов организации и осуществления публичной власти, основанных на цифровых формах и сетевой Интернет-культуре граждан. Голосование с помощью электронных устройств должно осуществляться только при условии общественного контроля, организованного как с помощью электронного дублирования при подсчете голосов избирателей, так и посредством доступа общественных экспертов к программно-аппаратным комплексам, и применения офф-лайн-форм выяснения общественного согласия по важным голосованиям.

Шестое. Важнейшей проблемой в противодействии коррупции является вопрос исполнения судебных решений, особенно при конфискации имущества коррупционеров – граждане должны видеть результаты разоблачения последних и привлечения их к ответственности. На данном этапе деятельность по искоренению коррупции может осуществляться более эффективно благодаря цифровым технологиям. Исполнение должностных обязанностей судебных приставов требует повышенной ответственности от физических лиц Федеральной службы судебных приставов России, что предполагает рассмотрение цифровых информационных механизмов профилактики коррупции в качестве дополнительных мер. Прежде всего, с помощью цифровых технологий необходимо добиваться прозрачности отношений между представителями бизнеса и государственными служащими, особенно в сферах, основанных на материальных интересах.

Седьмое. Цифровая трансформация ведёт к трансформации форм и технологий коррупционного взаимодействия, «смещает» коррупционные риски с повседневного взаимодействия на уровень разработки и внедрения технических систем, следовательно, необходима программа отбора технических специалистов для создания программно-аппаратных комплексов, учитывающая психологические, моральные, деловые качества кандидатов на эти должности. Открытым остается вопрос антикоррупционных экспертиз самого программного обеспечения, учет рисков коррупционных факторов (технических возможностей совершать коррупционное взаимодействие) в государственных системах коммуникации.

Восьмое. Цифровизация системы госзакупок, формирование политики открытых публичных торгов на электронных площадках, сформировали прозрачность финансовых расходов бюджетных денежных средств и создали условия их общественной подконтрольности. Необходимо и далее развивать эти направления.

Профилактика и противодействие коррупции в условиях цифровизации государственного управления и общественной жизни осуществляется в соответствии со следующими принципами:

1) Принцип верховенства прав человека и гарантий цифровой безопасности личности;

2) Принцип солидарности в отношениях между органами государственной власти, осуществляющих антикоррупционную деятельность и гражданином, предполагающий вовлеченность последнего в процессы противодействия коррупции;

3) Принцип обеспечения национальной безопасности в процессах цифрового контроля за деятельностью органов публичной власти при обеспечении их транспарентности и общественного контроля;

4) Принцип информационной поддержки в сети Интернет и социальных сетях принимаемых антикоррупционных решений в цифровой среде;

5) Принцип соразмерности при использовании цифровых мер контроля за деятельностью государственных служащих с обеспечением права на частную жизнь граждан;

6) Принцип взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества в процессах цифровизации антикоррупционной деятельности государства;

7) Принцип международного сотрудничества с международными структурами, правоохранительными органами иностранных государств в целях обнаружения граждан, совершивших преступления либо подозреваемых в них, их имущества, связей и отношений с иностранными коммерческими и иными структурами, получения необходимой для цифрового контроля информации и согласования взаимных действий;

8) Принцип соответствия всех принимаемых мер цифрового противодействия коррупции традиционным духовно-нравственным ценностям народов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) "О стратегическом планировании в Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.06.2014

Осинский Александр Сергеевич
специалист по учебно-методической работе
юридический факультет
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: 6111991gods@mail.ru

КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ¹

Развитие и широкое использование цифровых технологических посредников – платформ, способных объединить в себе неограниченное количество участников-субъектов, расширило возможности для совершения громадного количества юридически значимых действий посредством обмена информацией. Учитывая современные темпы развития информационного, а теперь уже все более цифрового общества, мы приходим к установлению новых процессов, получивших в научных трудах термин «new normal», что означает «новая нормальность» или «новая реальность» [2, с. 8]. Такая реальность, состоит из множества социальных процессов, каждый из которых имеет свой отдельный объект и субъект регулирования, свои отдельные правовые формы, в которых такой процесс может быть представлен и реализован. Условия цифровизации уже реально существующих социальных процессов – это и есть одна из возможных форм реализации этих процессов. По смыслу правовая форма представляется нам в качестве условия осуществления социальных процессов, включая те из них, которые реализуются посредством цифровизации.

Цифровая экономика, во-первых, становится таковой в процессе цифровизации экономики. Это процесс глубокого проникновения идеи создания и использования цифровых моделей в экономическую практику. При этом речь идет не о решении отдельных экономических задач с помощью цифровизации, а о создании, как сейчас модно говорить, экосистем. И во-вторых — собственно сама цифровая экономика как результат повсеместной цифровизации или оцифровки процессов, что позволяет все более эффективно решать, комплексные и масштабные экономические задачи, например, оптимально управлять бизнес-процессами с помощью цифровых моделей.

В настоящее время достаточно большой круг авторов как отечественных, так и зарубежных рассматривают вопрос правового статуса робота, потенциал его участия в совершении различных сделок. Отсутствие четкого установления статуса робота как субъекта создает предпосылки к появлению ряда противоречий в законодательстве государства. В связи с этим существует необходимость четкого определения правового статуса машины.

Многие авторы, являющиеся сторонниками признания робота в качестве субъекта права, предлагают законодательно наделить роботов правосубъективностью, указывая на уже давно известное нам понятие – юридическая фикция. Так, юридическое лицо, представляя собой ни что иное как юридическую фикцию, обладает правами и обязанностями, установленными законом. Логично, что при такой аналогии возникает вопрос признания роботов и робототехники также юридической фикцией. Однако, по мнению автора, такое

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 А «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования»

сравнение недопустимо ввиду того, что юридическое лицо, являясь фиктивным субъектом права, обладает имуществом, которое может включать в себя, в том числе, и робототехнику. Справедливо заметить, что при этом номинальным владельцем такого имущества является учредитель – реальный человек (физическое лицо), обладающее волей. Так, любое действие робота, в конечном счете, определяется волей человека [3, с. 12].

В свою очередь, государство, понимая значение роста скорости технологических инноваций в рамках «четвертой промышленной революции» организует новую политическую ветвь. Так, Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 № 203 утверждена Стратегия информационного общества Российской Федерации на 2017-2030 годы.

В центре определенных Стратегией информационного общества Российской Федерации целей устанавливается перечень национальных интересов, на обеспечение которых направляется вектор развития цифровых технологий, среди которых устанавливается формирование новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы, развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации [4], что позволяет говорить о начале цифровизации российского государства.

Так, на основании указанной стратегии Центром стратегических разработок в 2018 году была разработана и представлена идея (доклад) «Государство как платформа», в рамках которой подробно изложены предпосылки для создания и задачи цифровой трансформации системы государства, определены основные элементы предлагаемой платформы, а также ее архитектура и система.

В рамках доклада «Государство как Платформа» определяется как «трансформация государственного управления с использованием возможностей, которые предоставляют новые технологии» [1, с. 111].

По мнению разработчиков «в результате внедрения Платформы Россия получит гибкий, объективный, быстрый механизм принятия стратегических решений и государственного управления. Этот механизм станет драйвером роста доверия к государству со стороны граждан и бизнеса» [1].

Цифровую трансформацию государства можно представить как часть реформы государственного управления. Как известно, любая реформа требует баланса между гражданами государства (обществом), государством и бизнес-сообществом, при учете особенности внешней среды. Такая трансформация направлена на улучшение качества жизни людей, на обеспечение доступности услуг, оказываемых государством, на основании чего, можно представить платформу цифрового государства в следующем виде:

1. Конкретная жизненная ситуация: удовлетворение потребностей граждан и бизнеса посредством представления государственных и коммерческих услуг.
2. Каналы: механизмы и интерфейсы взаимодействия с гражданами.
3. Прикладные сервисы: набор универсальных сервисов – ключевых составляющих цифровой платформы государства.
4. Ядро: базовые системные сервисы и инструменты, которые используются на уровнях платформы.

5. Данные: инструмента управления данными, накопления, обработки и анализ данных.

6. Инфраструктура: элементы, обеспечивающие функционирование цифровой платформы и средств информационного взаимодействия.

Одной из базовых задач платформы является обеспечение связности цифрового государства в единую синхронную систему, позволяющую актуализировать все обрабатываемые ею процессы, а также установить плотную взаимосвязь между ее элементами, на основании чего установим следующую взаимосвязь:

На сегодняшний день в России уже заложен базовый фундамент для построения цифрового государства, а именно:

- наличие ведущих мировых практик, внедренных в ряде регионов (например, mos.ru в Москве);

- запланировано развитие экосистемы государственных сайтов на основе ГосВеб;

- запланирована реализация Цифрового профиля в качестве ключевого платформенного сервиса Цифрового государства и учетом большинства лучших мировых практик;

- частично реализованы или запланированы прикладные сервисы цифровой платформы (государственная электронная почта, цифровое голосование);

- существует и развивается интеграционная шина СМЭВ, отучающая требованиям межведомственного взаимодействия;

- запланировано создание НСУД – системы управления данными, соответствующей большинству лучших практик;

- запланировано создание Государственной облачной инфраструктуры.

Однако, учитывая политику развития цифровых технологий, а также направленность программ по развитию суперсервисов в России, для предоставления гражданам сервиса высшего класса, предполагается реализовать ряд инициатив, выдвигаемых органами исполнительной власти. В своем докладе заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Качанов О.Ю. определяет перечень таких инициатив, среди которых:

- расширение охвата 25 пилотных суперсервисов;

- включение в план реализации дополнительных суперсервисов;

- разработка мобильных приложений для приоритетных суперсервисов;

- разработка Smart ID на основе смартфона и обязанность ведомств использования его для идентификации граждан;

- обязанность ведомств использования государственной электронной почты;

- создание центра компетенций и углубленной аналитики;

- фиксация запуска ГосОблака, и др.

Так, в качестве яркого примера государственной платформы, уже реализованной в качестве сервиса и активно используемой гражданами, можно привести Портал государственных услуг Российской Федерации.

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что в условиях изменений, обусловленных развитием цифровой сферы и появлением новых возможностей

построения жизни и общества, адекватной реакцией государства и права представляется уже запущенный процесс перехода отдельной части общественных отношений на базу цифровых платформ посредством сервисов и иных обеспечивающих технологий. Важно понимать, что перед современным правом стоит глобальная задача обеспечения возможности комфортного и безопасного перехода к новой концепции построения взаимоотношений между человеком и государством. Подобные изменения должны восприниматься обществом не как цифровая революция, а как плавный переход (по смыслу не сломать и построить новое, а улучшить (модернизировать) то, что имеется). Отдельного внимания требует и юридическая техника в области правотворчества и правоприменения. В условиях внедрения искусственного интеллекта становится вопрос о юридико-технических параметрах системы правовых актов в условиях информационного общества. В этой связи достаточно остро встает вопрос информационной безопасности. Необходима разработка и правовое обеспечение безопасного перехода к новому виду правоотношений, как в социальной сфере, так и в экономической и правовой. Цифровые технологии проникают практически во все сферы жизнедеятельности россиян, включая том числе сферу правосудия и отношений граждан и организаций с публичной администрацией. Изменяется и сама форма права, появляются новые объекты и субъекты права, новая реальность, в рамках которой зарождаются и развиваются отношения, требующие протекции со стороны государства и права. Российской государство уже стало на путь пока еще частичной цифровизации взаимоотношений с обществом, однако вопрос целесообразности использования искусственного интеллекта в отдельных сферах, характеризующихся влиянием субъективного компонента, остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государство как платформа: Люди и технологии/под ред. Шклярчук М.С., - М:РАНХиГС, 2019.
2. Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы//Вопросы экономики. 2015 № 10.
3. Петров Д.А. «Роботизация» на торгах в эпоху цифровой экономики: бизнес-процесс или способ обходы закона// Гражданское право. 2018. № 5.
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»// СПС «КонсультантПлюс».

Павлов Вадим Иванович

кандидат юридических наук, доцент
(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь)
г. Минск
e-mail: vadim_pavlov@tut.by

ЧЕЛОВЕК В ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В современном гуманитарной мысли роль и значение стремительного развития технологий, прежде всего цифровых технологий, оцениваются по-разному. В сфере права и правовых отношений в основном доминирует оптимистичный подход, согласно которому с помощью цифровых технологий удастся достичь максимально возможных успехов в правовом регулировании общественных отношений. Инновационность цифровизации правовой реальности и привлекательность новых правовых средств правового регулирования делают это направление развития юридической науки и практики весьма популярными. Однако в настоящей публикации мы бы хотели обратить внимание на обратную сторону этих процессов с позиции антропологии права – направления правовых исследований, которое в качестве методологического основания познания права использует принцип человекомерности (человекоразмерности). В соответствии с этим принципом при любой правовой инновации исследователю всегда следует руководствоваться не формально-юридическим анализом изменения правовых конструкций, а оценкой изменения реального положения человека вследствие внедрения новых подходов как он есть в мире права и в правовой жизни. В одной публикации [1] мы уже подробно останавливались на некоторых теоретико-методологических аспектах цифровизации в связи с разработкой в России концепции «Государство-как-Платформа» [2]. Эта концепция была спроектирована группой исследователей международной консалтинговой компании The Boston Consulting Group (BCG) совместно с государственными чиновниками. В рамках этой концепции обосновывается четыре приоритета цифровизации социальной реальности: «цифровая приватизация», «цифровой скачок», «самоцифровизация» государства и «цифровое реинвестирование» [3]. Не вдаваясь в подробный анализ этого проекта здесь мы лишь обобщим отдельные аспекты антрополого-правовой характеристики процессов развития информационных технологий.

С позиции целостного рассмотрения процесса эволюции общества и человека, включая не только технологическое, или, техническое оснащение повседневности, но также и нравственное, культурное, эстетическое, психологическое и иные измерения существования социума и личности, стремительное развитие техники на современном этапе однозначно является односторонним процессом. Для внимательного исследовательского взгляда очевидно, что положительный социальный и гуманистический эффект технологического прорыва явно преувеличен, но медийная зависимость социума, управленческих элит, а нередко и научного сообщества приводит к эффекту создания сюрреалистичного образа реального положения дел и перспектив технологического будущего. Действительным же показателем роли техники в социальном развитии являются господствующие в обществе антропологические практики, как правомерные, так и противоправные. В особенности это касается процесса становления личности, особенно личности молодого человека, вовлеченного в мир техники современной дигитализированной культурой. Какое место занимает техника в сохранении и защите ценностных оснований социума и, главное, в их передаче в традиции? Делает ли техника человека лучшим? Предполагает ли цифровизация улучшение нравственного облика человека? Ведь,

в конечном счете, именно с этим связано благополучие в развитии любого общества и культуры?

Полагаем, что главное негативное последствие цифровизации для человека заключается в том, что она не то что не способствует, а препятствует формированию личности в онтологическом смысле. В технике просто нет возможностей онтологизации человека, т.е. нет такой антропологической модели существования, при которой человек, работая с самим собой, преодолевает личное нравственное несовершенство, заложенное в своей человеческой природе, и стремится к воспроизведению на личностном уровне нравственно идеального способа существования. А это очень важно для обеспечения правомерного поведения в социуме. Перспективы технического развития направлены не на работу человека с самим собой, а на постепенное вытеснение ценностных, личностно-конститутивных антропологических практик из социального пространства с заменой их на технические «аналоги», «цифровые двойники». Да, техника облегчает жизнь человеку, однако предлагаемые вместо человека тот же «цифровой двойник», «интеллектуальный агент» и другие сервисы еще больше приводят к отчуждению человека в современном мире.

Пожалуй, можно согласиться с исследователем рисков цифровизации реальности О.Н. Четвериковой в том, что основной причиной стремительного развития цифровых технологий является определенная антропологическая практика, инициируемая неолиберальной экономической моделью развития, моделью потребления: «В центре цифровой экономики находится клиент, вокруг которого располагаются производители товаров и услуг, желающие до него дотянуться. Последняя «информационная миля» на этом пути – частная жизнь человека – является самой дорогой. Все за неё бьются, потому что компаниям и банкам хочется знать о клиенте абсолютно всё» [4]. Глава рабочей группы российской программы «Цифровая экономика» по направлению «Информационная безопасность» Н.И. Касперская также указывает на риски дигитализации реальности. В частности, среди них она выделяет роботизацию человека (его сознания), деградацию собственных компетенций и традиций, утрату тайны личной жизни и приобретение зависимости, потерю рабочих мест, высокую юридическую неопределенность, этические проблемы, рост социального отчуждения и снижение эффективности юридической ответственности и др. [5]. Не лишено резона и следующее опасение, высказанное экспертом: «Мы и так крайне зависимы от Windows, MS Office, Oracle, SAP, Facebook, Google. А если мы построим новую экономику на чужих криптовалютах, если нашим производством и транспортом станет управлять ИИ, разработанный Гуглом или Микрософтом, если мы отдадим большие данные о нашей экономике, наших АЭС и заводах, гражданах и госучреждениях западным игрокам – мы окончательно станем Цифровой колонией США» [5].

Конечно, возможно рядовому гражданину мало интересна такая постановка вопроса о технике в его стране. Однако завтра технические решения будут касаться его и его близких самым непосредственным образом, и ответственность, а также последствия этих решений будут возложены на государство, что совершенно логично.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павлов В.И. Человек – право – государство – техника: трансформация ценностных оснований правового регулирования в современном мире / В.И. Павлов // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск: Академия МВД, 2019. – С. 163–177.
2. Петров М. Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров. М.: Центр стратегических разработок, 2018. – 51 с.
3. Четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике // Интернет-портал «Vestifinance». – Режим доступа: <https://www.vestifinance.ru/articles/92525>. – Дата доступа: 12.03.2019.
4. Четверикова О.Н. Под властью техники. Пойдут ли на пользу человеку блага цифровой экономики? / О.Н. Четверикова // Интернет-издание «Аргументы и факты» в Беларуси. AiF.by». – № 2 от 09 января 2018 г. – Режим доступа: http://www.aif.by/social/pod_vlastyu_tehniki_poydut_li_na_polzu_cheloveku_bлага_cifrovoy_ekonomiki. – Дата доступа: 15.03.2019.
5. Касперская Н.И. Цифровая экономика и риски цифровой колонизации / Н.И. Касперская // Интернет-портал «МедиаМера». – Режим доступа: <https://mediamera.ru/post/25799>. – Дата доступа: 12.03.2019.

Плотникова Татьяна Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент
(Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина)
г. Тамбов
e-mail: plotnikova-tmb@mail.ru

Харин Вадим Витальевич

(Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина)
г. Тамбов
e-mail: vadimka.va@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ «BIG DATA»: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВООГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Одной из наиболее востребованных и интересных технологий инновационного и технологичного XXI века является технология «Big Data». Она стала своеобразным прорывом в информационной и экономической сфере, создав новую сферу экономической деятельности и новый актуальный продукт для постиндустриальной экономики - «данные». «Big Data» позволяет аккумулировать и оперативно обрабатывать огромные объемы разнообразных данных (изображения, аудио файлы, текстовые документы и т.д.) и предоставлять

актуальные, основанные на «переработанной информации» данные в коммерческих, государственных и других целях. Многие специалисты сравнивают технологию «Big Date» с «новой нефтью», т.к. ни одна современная и процветающая компания не может осуществлять свою деятельность без обработки и анализа рынка данных, статистических данных, данных относительно спроса и потребностей, обратной связи и т.д.[1].

Базой для технологии могут служить как данные сети «Интернет», так и данные с устройств, документальные базы коммерческих организаций, государственных органов и т.д. В данном случае рассматриваются первичные данные – «сырые». В последующем, при обработке и анализе «сырых данных» возникают новые – «информационные продукты».

В настоящее время серьезной проблемой для развития технологии как на международной арене, так и на отечественных просторах является отсутствие законодательного закрепления правил использования новой технологии.

Ограничение доступа и передачи данных, которые закреплены нашим законодательством (в частности, ФЗ «О персональных данных» [4, Ст. 3451]), препятствуют развитию бизнеса и активному применению технологии «Big Date», т.е. оборот «сырых данных» в нашем государстве сведен к минимуму. В частности, это касается огромного объема персональной информации, распространение которой не возможно без согласования (разрешения) с субъектом данной информации. Данные ограничения не позволяют использовать новые технологии на максимальной, прогрессивной мощности, т.к. отправление и получение (положительного ответа) от каждого пользователя при обработке информации, которая может иметь статус персональных данных, тормозит и замедляет процесс (к тому же, не все пользователи могут согласиться предоставлять свои данные).

При предоставлении возможности алгоритмам работать с персональными или другими видами данных возникают спорные вопросы относительно ответственности при неправомерном использовании таких данных (разглашение и т.д.). При наличии живого человека, который работает с такими данными и несет полную ответственность за их сохранность, вопрос о субъекте ответственности не возникает. Но кто подлежит наказанию, и как реализовывать сам механизм наказания, при условии, что обработка и работа с данными поручена искусственному интеллекту (алгоритмам)?

Отталкивающим аспектом в данном направлении также является относительная незащищенность виртуального пространства и «бум» компьютерных преступлений (киберпреступлений), который мировое сообщество переживает в настоящее время. Данный факт увеличивает угрозу получения незаконного доступа третьих лиц к данным с дальнейшим их неправомерным использованием в корыстных целях.

В настоявшее время значительным является вопрос относительно безопасности данных, которые предоставляются на сайтах и в социальных сетях. В частности, социальные сети и сайты могут хранить огромные объемы данных (в том числе и персонального характера), однако практических эффективных и юридически закрепленных механизмов по их защите в нашем государстве нет:

операторы самостоятельно определяет состав и перечень мер, необходимых и достаточных для обеспечения выполнения обязанностей перед субъектами. Как отмечает управляющий компании «Зуйков и партнеры» Сергей Зуйков, в настоящее время не существует эффективных средств и методов защиты владельцев баз данных, что также подчеркивает необходимость оперативных и продуктивных изменений в действующее законодательство [2].

Основанная проблема, с которой сталкивается как отечественный, так и зарубежный законодатель, – это поиск той необходимой «золотой середины» между использованием новой технологии и усиленных административных и правовых барьеров по защите персональных и других данных.

Попытки урегулирования использования технологии «Big Date» неоднократно предпринимались. Однако только 1 октября 2019 года был принят официальный «маленький шаг» в сторону развития технологии: были введены изменения в Гражданский кодекс РФ (ст. 783.1 ГК РФ). Законом легализовали сбор и обработку значительных массивов обезличенной информации. В частности, стороны договора получили возможность закреплять условие о конфиденциальности передаваемой информации [3, с.108].

Однако, наиболее актуальной проблемы данные нововведения не решили: разграничения режимов «Big Date» и законодательства «О персональных данных». Анализируя судебную практику, можно отметить, что в настоящее время Роскомнадзором и судами обработка данных пользователей без их согласия, даже из общедоступных источников (социальные сети), признается противоречащей законодательству о персональных данных. Именно поэтому в настоящее время в бизнес-среде высказываются инициативы по разграничению режимов на данные, а также по созданию специализированных посредников для хранения реестров метаданных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коммерциализация персональных данных и понятие «биг дата» – злободневные вопросы IT-сферы // Информационно-правовой портал «Гарант.ру» Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1229761/>
2. Цифровое право: развитие рынка больших данных потребует точечных изменений в законодательстве// Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/10/cifrovoe-pravo-razvitie-rynka-bolshih-dannyh-potrebuet-tochechnyh-izmenenij-v-zakonodatelstve.html>
3. Овчинников А.И. Цифровые права как объекты гражданского права// Философия права. 2019. № 3 (90). С. 108.
4. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24 апреля 2020 г.) // Собрании законодательства РФ. 31.07.2006. № 31. Ст. 3451.

Серегин Андрей Викторович
кандидат юридических наук
доцент кафедры
теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА

Грандиозные задачи, цивилизационные проекты, социально-экономические трансформации, направленные на модернизацию общества, государства и права немислимы без мировоззренческого фундамента человека, основанного на ценностях, определяющих категории должного, справедливого, допустимого, запретного, поощряемого и осуждаемого поведения. Кроме того, практически невозможно опровергнуть точку зрения, Л.И. Петражитского о том, что психологическая потребность верить в существование справедливости, дарует человечеству, «успокоение и утешение в бедствиях и страданиях жизни» [7, с. 494]. Данный факт является идеологической константой разумного сосуществования людей на нашей чудесной планете, который постоянно пересматривается лишь с точки зрения его реального толкования.

Анализируя ведущие философско-правовые доктрины, влияющие на социально-значимое поведение миллионов и даже миллиардов человек современного мира, с точки зрения аксиологического подхода, допустимо говорить о ценностях божественного (теологического или канонического) порядка; человеко-натуралистического (антропного или естественно-правового) закона; социально-экономического (гедонистического) общества благоденствия и потребления, а также этно-этноистского или национально-государственного эталона политического сообщества различных народов, национальностей, племён, этносов и этнических групп.

Истоки априорных духовно-нравственных констант, приобретают моральную и юридическую форму восприятия, благодаря трансцендентной эманации герменевтического правопонимания, имеющего собственную методологию деонтологического мерила признанного в качестве наилучшей модели человеческого бытия, включающего в первую очередь и варианты юридически значимых деяний (действий или бездействий) [5, с. 24-28]. Восприятие метафизических (т.е. идеологических) ценностей человеком, как правило, происходит благодаря воспитанию, образованию или собственному практическому опыту (например, переживанию определённых событий – войны, преступного нападения, получения помощи в безвыходной ситуации и т.д.).

Вместе с тем, как справедливо отмечает Н.П. Патрушев, «интерес к вопросу о том, какие ценности нужны, возникает, как правило, когда перед обществом и государством встаёт вопрос о выборе путей дальнейшего развития» [6]. При этом, «морально-этическая санкционируемость права обществом, - отмечает Д.В. Зорькин, - состоит в едином понимании должного, благого и справедливого» [3, с. 54], т.е. трансцендентных категорий философско-правового, метафизического характера.

Стоит сказать, что в ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации 1993 г. [4] нравственные ценности стоят не только над позитивным правом, но и над

правами человека, которые можно ограничить в целях защиты самой нравственности. Проблема состоит в том, что для правоприменителя не ясно на какие ценности ему ориентироваться, так как одни из них могут быть общечеловеческими (например, справедливость, безопасность или благополучие), а другие носить традиционалистский, национальный, цивилизационный или религиозный характер. При чем, эти ценности не могут не прийти в противоречие друг к другу. Не секрет, пишет Н.П. Патрушев, что «на Западе умышленно размывались такие базовые понятия, как семья, мать и отец, мужчина и женщина. Искусственно насаждаемые взамен нормы типа «родитель 1» и «родитель 2» сформировали в силу их противоестественности с чисто биологической точки зрения основы для цивилизационного конфликта в самом западноевропейском обществе», поэтому «любые попытки стандартизировать российские или иные ценности под «универсальные», являются проявлением социокультурной агрессии» [6].

Для предотвращения размывания суверенного правопонимания традиционной российской нравственности в п. 78 Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», специально отмечается, что «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [15]. Полагаю, что гуманизм, милосердие, справедливость и взаимопомощь являются общечеловеческими ценностями, присущими большинству народов мира.

В «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [9] от 29 мая 2015 г. в числе духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России названы человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьёй и Отечеством.

Среди данных ценностей нет **свободы, уважения к праву и законопослушание**, но в перечне важнейших отечественных духовно-нравственных ценностей России признаны воля и совесть. На Руси *воля* всегда противопоставлялась, точнее не совпадала по ценности с категорией *свободы*. «Свободный казак», звучит глупо и нелепо, ибо он **вольный. Свободные люди живут по закону, а вольные – по совести**. Воля сочетает в себе природную независимость, личную самостоятельность и силу характера. Вольным, человек может остаться даже в темнице, ибо воля есть состояние правосознания.

Вместе с тем, состояние духа вольного человека всегда обременено чувством справедливости, «потому что жить с этим чувством в несправедливом мире трудно, а когда бывает невыносимо, происходят бунты, восстания и революции» [1, с. 49]. Сила духа находится в статическом состоянии покоя пока не появляется сила воли (энергия) как желание, страсть, заставляющая действовать. Поэтому, чтобы побеждать, мы должны быть самими собой: жить по совести,

общинно в братской любви к друг другу, тогда и появится духовная сила способная преобразить нашу жизнь к лучшему. Русские люди не могут руководствоваться в жизни только писанным законом, их право строится на **воли, справедливости и совести**.

Вольнолюбие славян – неискоренимое природное качество душевного склада, переданное нам нашими предками. Поэтому при отсутствии внешнего врага, славянские народы разделяются и даже воюют друг с другом. Как правило, мы братаемся лишь на краю могилы, при прямом вторжении неприятеля и ссоримся на следующий день после победы. Война и смута духовно оздоравливают наше общество [11, с. 44].

Одной из особенностей русской этнопсихологии является стремление к общинности (братству) жизни. Традиция славянского вечевого управления имеет настолько глубокие исторические корни, что память о ней существует на генном уровне. Несмотря на столыпинскую земельную реформу, призванную разрушить крестьянскую общину, в Сибири хутора образованные переселенцами через несколько лет сбегались в деревни, наплевав на приволье и возможность разжиться. Благодаря братскому коллективизму русскому народу удалось пережить княжеские междоусобицы, татарские погромы, нашествие поляков, самозванство, Смутное время, революцию и т.д. Переживём и нынешние невзгоды, возникшие в результате геополитического краха СССР. Жёсткий индивидуализм, который нам прививали в 90-е гг. XX в. либеральные вожди, обрекает человека на одиночество и противоречит самой человеческой природе.

Общинность и братство немыслимы без любви – самого неискоренимого чувства, не подвластного ни времени, ни пространству. В индивидуалистическом обществе господствует концепция себялюбия (эгоизма) – её юридическое порождение антропоцентричность мышления выраженное в конституционной формуле, признающей права и свободы человека высшей ценностью общества и государства. Но есть права народа, предков, общества, семьи и государства, без реализации которых теряется ценность индивидов. Следовательно, вполне логично и своевременно в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» [14] от 21 июля 2020 г. в п.п. б п. 2 одной из целей национального развития провозглашается «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций».

После общероссийского голосования 1 июля 2020 г. в Конституции Российской Федерации 1993 г. появились новые ценностные ориентиры, защищаемые государством, такие как историческая правда, подвиг народа, память защитников отечества, (ч. 3 ст. 67.1.), память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, преемственность в развитии Российского государства (ч. 2 ст. 67.1.), дети (ч. 4 ст. 67.1.), русский язык как язык государственно образующего народа (ч. 1 ст. 68), культура Российской Федерации и культурная самобытность всех народов и культурных общностей России (ч. 4 ст. 68 и ч. 2 ст. 69); институт брака как союз мужчины и женщины (п.п. ж.1) ч. 1 ст. 72); и труд граждан (ч. 5 ст. 75). Фактически, в результате проведённой реформы отечественного Основного закона, начались

процессы одухотворения конституционных целей и социализации задач российского государства [2, с. 3-8].

Президент Российской Федерации В.В. Путин в статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим», опубликованной в Российской газете 19 июня 2020 г. в качестве фундаментальных, стержневых ценностей современного российского общества назвал готовность «исполнять свой долг, не жалеть себя, если того требуют обстоятельства. Самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству...»[8]. Поистине народным движением сохраняющим память о героях Великой Отечественной войны является всероссийское движения «Бессмертный полк». Думаю, что в преамбуле Конституции Российской Федерации 1993 г. необходимо закрепить итоги победы советского народа над нацистской Германией и её союзниками в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. [13, с. 14-17].

В связи с тем, что российское государство в ч. 3 ст. 69 обязалось оказывать «поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности», изучение историко-правового наследия евразийской и славянской государственности актуализирует развитие юридической славистики [16, р. 1626-1635] и теории евразийства. К сожалению, в ряде современных славянских государств (Украине, Польше, Босния и Герцеговине и др.) создаётся мифическая, идеализированная история эволюции формы их государственности, призванная поспорить народы на почве националистических и шовинистических идеологий. Для этого, так же, как и в Средние века, используется разжигание религиозной вражды: например, на Балканах противопоставляют католиков хорватов и православных сербов, мусульман боснийцев и христиан сербов; на Украине сталкивают католиков и униатов с православными и т.д.

Считаю, что нравственным долгом учёных-юристов, занимающихся проблемами юридической славистики, истории российского государства и права, отечественных государственно-правовых и юридико-философских учений должна стать борьба с антинаучными, экстремистскими и националистическими догмами, фальсифицирующими историко-правовые факты, а также деформирующими теоретико-юридические концепции.

Российские юристы должны предложить новый, культурно-исторический план интеграции братских народов России, Белоруссии и Украины на основе союзной государственности, социально ориентированной экономики, нравственно-гуманистическим отношением в обществе, уважающем и ценящем свою историю, культуру и государственность [12, с. 35 - 41]. Юридической формой такого политического союза должна стать коллегиальная республика с конфедеративной формой государственного устройства и с социально-гарантийным государственным режимом, основанным на духовном, кровном, культурном и историческом родстве великоруссов, белорусов, украинцев (малороссов), русинов и казаков – единого русского народа[10, с. 321].

Таким образом, традиционные духовно-нравственные ценности российского народа должны стать идеологической основой нового политико-правового объединения славянских народов, общин и государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.Т. Россия: мы и мир: [роман-эссе]. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 252 с.
2. Бабурин С.Н. О духовности целей и социальности задач российской конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. – С. 3 -8.
3. Зорькин Д.В. Право против хаоса: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 368 с.
4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета – Федеральный выпуск № 144 (8198), 4 июля 2020 г.
5. Мельников В.Ю., Серегин А.В. Теория правовой нравственности // Российский судья. 2020. № 1. – С. 24 – 28.
6. Патрушев Н. Нужны ли России «универсальные» ценности? // Российская газета - Федеральный выпуск. № 132 (8186), 17 июня 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/17/nuzhny-li-rossii-universalnye-cennosti.html> (дата обращения: 20.06.2020 г.).
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий; [сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский.] – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - 798 с.
8. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. – Федеральный выпуск. № 133 (8187), 19 июня 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html> (дата обращения: 30.08.2020 г.).
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета - Федеральный выпуск. № 122 (6693), 8 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 30.08.2020 г.).
10. Серегин А.В. Державное наследие Древней Руси: опыт юридического исследования от Скифии до пресечения династии Рюриковичей: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 342 с.
11. Серегин А.В. Духовно-нравственное учение о правовой культуре: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 336 с.
12. Серегин А.В. Идеология Славянского единства и философские проблемы юридической славистики в современном мире // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 2 (19). – С. 35 – 41.
13. Серегин А.В. О необходимости закрепления итогов победы советского народа над нацистской Германией и её союзниками в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. в преамбуле Конституции РФ 1993г.: теоретико-правовой аспект // История государства и права. 2020. № 5. С. 14 – 17.

14. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» от 21 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 30.08.2020 г.).

15. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 29.11.2019 г.).

16. Melnikov V.Y., Seregin A.V., Sizko I.A., Cherkasova M.A., Tsechoyev V.K. PROBLEMS OF GENESIS OF SLAVIC STATEHOOD IN THEORETICAL CONCEPTS OF LEGAL SLAVISTICS // Опцион. 2020. Т. 36. № Special Edition 26. - P. 1626-1635.

Стабровский Егор Игоревич

адъюнкт научно-педагогического факультета

(Академия МВД Республики Беларусь)

г. Минск

e-mail: egor_stab@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В современном мире актуальна проблема использования информационных технологий для привлечения человека к юридической ответственности. Для обеспечения правопорядка органы государства все чаще прибегают к использованию различного рода программных и технических систем. Юридическая ответственность призвана, с одной стороны, удерживать от противоправного поведения, а с другой стороны, в случае правонарушения восстанавливать нарушенный правопорядок. В этой связи встает вопрос о том, в какой мере привлечение к юридической ответственности с использованием информационных технологий способно влиять на формирование правового сознания личности.

Формирование правового сознания личности является основной целью, достижение которой должен преследовать правоприменитель при установлении и реализации юридической ответственности. Успешно формировать правовое сознание человека возможно в том случае, если имеются представления о структуре правосознания. Без понимания того, как устроено и действует правосознание индивидуального субъекта права, на что и каким образом необходимо воздействовать, привлечение к юридической ответственности не будет давать необходимых результатов, т. е. устойчивого правомерного поведения человека.

Разработка структуры правового сознания личности, основанной на структуре сознания, стала возможной благодаря достижениям в области современной психологии сознания [1, с. 111]. Важно подчеркнуть, что в структуру правосознания входят только те содержания сознания, которые имеют юридическое значение. Структура правосознания представляется в виде трех

уровней: бытийного, рефлексивного и личностно-ценностного. Бытийный уровень правосознания представляет собой часть реакции сознания на правовую реальность, обусловленную соматическими особенностями человека. К ним относятся те содержания сознания, которые традиционно связываются с правовой психологией. Рефлексивный уровень является рациональной, знаниевой частью правосознания. К нему относятся правовые знания, идеи и прочие компоненты, которые усваиваются человеком в правовой жизни. Рефлексивный уровень правосознания отчасти сопоставим с традиционно выделяемыми компонентами правовой идеологии. Однако особенностью предлагаемой структуры правосознания является выделение личностно-ценностного уровня правового сознания, отражающего личностные правовые ценности человека [2, с. 210–213]. Выделение данного уровня правосознания основано на различии в рамках антропологии права двух видов правовой реальности – нормативной и личностной (антропологической), что позволяет определить место в ней человека как реального участника правовой жизни [3, с. 215]. А.И. Овчинников обращает внимание на потребность человека не столько «в знаниях о действующем позитивном праве, сколько в усвоении и формировании собственных нормативных суждений, ... ценностных ориентаций» [4, с. 3]. Данные положения позволяют выделять и разделять нормативные и личностные правовые ценности в правовом сознании человека, а также отражают реальное функционирование ценностных компонентов в правовом сознании. Правовое сознание человека определяется личностными правовыми ценностями.

Правовые ценности, существующие в системе права, формируются на прочной основе социального взаимодействия людей в течение определенного времени. Система права обуславливает формирование правового сознания субъекта права с учетом той или иной правовой традиции, особенностей цивилизационно-культурного развития. Однако восприятие человеком нормативного содержания еще не служит основанием для утверждения ценности как реального регулятора поведения, а является для человека только правовой информацией. В масштабе правового поведения индивидуальный субъект права не всегда выбирает то, что является ценностью для субъекта нормотворческой деятельности. Человек готов выбрать то, что является ценным для него [5, с. 140]. Отсюда следует, что утверждение ценности должно произойти не только на нормативном, но и на личностно-ценностном уровне правового сознания. После этого правовая ценность начинает нести в себе личностно-ценностное, личностно воспринятое регулятивное содержание, определяющее поведение субъекта права.

Многообразие и индивидуальность усвоения личностных правовых ценностей находит выражение в правовой жизни. Судить о правовом сознании конкретного человека представляется возможным постольку, поскольку человек проявляет себя вовне. Таким же образом вести речь о наличии или отсутствии личностных правовых ценностей у конкретного человека возможно в той мере, в которой человек проявляет себя в правовой жизни, как в правомерном поведении, так и в противоправном. Поскольку личностная правовая ценность всегда проявляется в конкретных фактических обстоятельствах правовой жизни, то в случае совершения правонарушения, как правило, можно предполагать отсутствие

личностной правовой ценности. Однако противоправное поведение не всегда будет говорить об отсутствии у человека личностной правовой ценности. Противоправное поведение может быть лишь свидетельством того, что в конкретной ситуации личностная правовая ценность не была актуализирована. Человек ввиду различных причин (незнания, невнимательности, состояния здоровья, заблуждения и т. п.) может оказаться в ситуации, когда он не идентифицирует ее как правовую или неверно определяет пределы правомерного поведения. Как правило, это имеет место в правонарушениях с неосторожной формой вины. В подобной ситуации это может означать, что личностная правовая ценность существует в правовом сознании человека, более того она была задействована при выборе правомерного поведения, но ввиду неправильного или неполного определения внешних обстоятельств личностная правовая ценность не была в полной мере реализована. Это не означает, что правовое сознание такого человека является низким. Такое рассмотрение действия правового сознания подчеркивает недостаточность опосредования правового поведения человека только правовыми знаниями. Этим отмечается важная роль личностных проявлений человека в правовой жизни. Личностные правовые ценности являются частью правового сознания человека и выступают необходимым условием восприятия явлений правовой жизни.

Внедряемые в правоприменительную деятельность подходы, которые не учитывают связь правового поведения человека с его личностными правовыми ценностями, не всегда оправдывают себя и не приводят к предполагаемому положительному эффекту. В качестве примера обратимся к внедрению системы фотофиксации нарушений правил дорожного движения, которое расширило механизм привлечения к юридической ответственности. Подобная процедура привлечения к ответственности в общем виде представляет собой уведомление индивидуального субъекта права о соответствующем правоприменительном решении. Реализация юридической ответственности заключается в уплате штрафа, которая может быть произведена удаленно с помощью технических средств коммуникации. Привлечение к юридической ответственности для человека связано с получением письма, оплатой выставленного счета через интернет-ресурс. В таком механизме нет места проявлению ни нормативных, ни личностных правовых ценностей. У человека не формируется личностная правовая ценность такой нормы, также не воспринимается нормативная ценность данной нормы права. Представленная в таком образе правовая жизнь не включает в себя необходимость проявления человеком личностного отношения к правонарушению, личностного участия в разбирательстве, личностного участия в исполнении мер ответственности. Подобный механизм представляет собой оплату «услуг», «вынужденных услуг». Исключив человека из механизма юридической ответственности, утрачивается ценностное основание правового регулирования. Остается в доминирующем виде только должностное основание необходимости правомерного поведения. Даже не столько как должное, а сколько как денежное обязательство перед государством, которое человек взял на себя, например, за движение с превышением скорости. В результате, утрата ориентации на формирование личностно-ценностного отношения, личностной правовой

ценности приводит к девальвации правовых ценностей, а, в конечном счете, к деаксиологизации правового сознания человека.

Таким образом, различение нормативных и личностных правовых ценностей открывает понимание действия правового сознания в правовой реальности. Формирование правового сознания человека связано с развитием личностных правовых ценностей. Использование информационных технологий в сфере юридической ответственности без учета личностных проявлений человека в правовой жизни не способствует успешному воздействию на правовое сознание правонарушителя. Установление и реализация юридической ответственности с использованием информационных технологий должны быть ориентированы на формирование личностных правовых ценностей в правовом сознании человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинченко, В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
2. Стабровский, Е. И. Нормативные и личностные правовые ценности в правовом сознании человека / Е. И. Стабровский // Вестник Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2020. – № 1. – С. 210–213.
3. Павлов, В. И. Антропологическая концепция права и юридическая герменевтика : методологические параллели / В. И. Павлов // Парадигмы юридической герменевтики : колл. монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2017. – С. 207–218.
4. Овчинников, А. И. Правовое мышление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А. И. Овчинников; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2004. – 48 с.
5. Павлов, В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В. И. Павлов ; учр. образ. «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 262 с.

Фастович Галина Геннадьевна

старший преподаватель

(Красноярский государственный аграрный университет)

г. Красноярск

e-mail: Fastovich-85@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В современной России формируются новые правовые средства и технологии претворения в жизнь задач и функций государственных структур. При этом содержание правового управления формируется в рамках имеющегося конституционно-правового потенциала российского государственного механизма.

В свою очередь, состояние организационно-правовых форм и институтов, создаваемых для решения стоящих перед государством задач и функций должно подвергаться системному мониторингу. Так, вопросам механизма государственного управления, принципам, элементам, функциям управленческого

процесса с участием общественности уделялось внимание еще в советской юридической литературе [1, с. 20-24]. Сегодня также важно определить имеющийся потенциал действующих на сегодня правовых средств и технологий в сфере государственного управления.

Такие сложные правовые средства как правотворчество, толкование права, правоприменение, в т.ч. элементы механизма правового регулирования, подвержены соответствующей модернизации. В основу такого изменения положены объективные и субъективные факторы. Объективными основаниями служат: научно-технический прогресс, усложнение социальной структуры общества, внешние военно-экономические угрозы и пр. К числу субъективных допустимо относить: возникновение новых интересов и инициатив со стороны общества, модернизация демократических форм деятельности, возникновение новых элементов законодательства и др.

В современной российской действительности следует обратить внимание на следующие перспективные формы государственного управления:

1. Системное взаимодействие органов государства и общественных структур. Это деятельность Общественной палаты Российской Федерации, а также палат (ассамблей, советов) на региональном уровне, общественных советов при органах государственной власти и органах местного самоуправления [2, с. 22-26]. Кроме того, сегодня можно наблюдать примеры принятия нормативных актов государственным органом совместно с негосударственной организацией – так называемое сорегулирование, выступающее формой реализации взаимных интересов законодателя и общественных организаций [3, с. 146-147]. Эти и другие формы деятельности общественных структур выступают локомотивом в механизме комплексного диалога общества и государства.

2. Формирование кадровых резервов и подготовка управленцев на федеральном уровне. Например, в России с 2017 года в рамках проекта «Россия – страна возможностей» положен старт конкурсу управленцев «Лидеры России». В рамках проводимых ежегодно конкурсов отбираются победители – будущие управленцы.

3. Отчет государственных органов за результаты своей деятельности, т.ч. в рамках парламентского контроля (ежегодный отчет Правительства РФ перед Государственной Думой РФ).

4. Формирование системы управленческого курирования территорий государства со стороны государственных структур (Правительства РФ, федеральных министерств).

5. Принятие и реализация целеполагающих правовых актов, также правовое регулирование основных направлений совершенствования права и государства. Это принятие и действие стратегий, планов, доктрин в конкретных сферах государственного управления [6, с. 31-32]. В общей сложности на сегодняшний день подобных документов установилось порядка двадцати.

В итоге, система государственного управления, которая сегодня активно формируется, существенным образом влияет на эффективное функционирование государственного механизма.

Полагаем, что активная роль по эффективной деятельности государственного механизма возлагается на следующих субъектов, участвующих в государственной и общественной жизни:

1 группа – это государственной структуры (куда входят Президент РФ, Правительство РФ и органы субъектов РФ, государственные и муниципальные организации и учреждения).

2 группа – негосударственные структуры: а) субъекты общественного контроля: Общественная палата РФ, Общественные палаты (советы) субъектов РФ, общественные эксперты, общественные инспекторы; б) научное и профессиональное сообщество; в) молодежные движения (парламенты, правительства, избирательные комиссии); г) профессиональное сообщество; д) предпринимательское сообщество; е) сообщества национальных меньшинств.

На основании вышеизложенного следует констатировать:

1. Современное состояние государственного механизма отражает качество его функционирования – легитимность, легальность, устойчивость, которые определяют качественные характеристики реализации публичных задач и функций.

2. Деятельность государственных органов и учреждений, направленная на достижение конкретного результата, а также основные направления деятельности государства во внутренней и внешней сферах показывают правовые и организационные возможности, а также потенциал (ресурсы) данной организационно-управленческой системы, которые находятся в пропорциональной зависимости с эффективностью государственного механизма.

3. Эффективность как социально-правовое качество любой системы выступает институтом, который основывается на правовых, государственно-управленческих и общественных показателях реализации задач и функций данной системы. В качестве одного из важнейших факторов становления в Российской Федерации эффективной государственности выступает формирование и модернизация государственных услуг.

4. Институт информационных технологий в современной России является одним из критериев эффективности деятельности государственного механизма [4, с. 97-99]. Развитие цифровой экономики в Российской Федерации привело к тому, что повседневная жизнь граждан, функционирование государственных институтов и гражданского общества становится немыслимым без применения информационных технологий, и в том числе, использования электронного документооборота [5, с. 40]. Так цифровые технологии повсеместно внедряются в деятельность государственных структур, институтов гражданского общества, физических и юридических лиц.

5. В настоящее время в российской правовой системе формируется комплект стратегических правовых актов, рассчитанных на целевую реализацию публичных задач и функций (акты, направленные на формирование адекватного внешним угрозам уровня национальной безопасности, контролируемой модели правоохранительной политики) [6, с. 32]. Указанные правовые положения продиктованы необходимостью создания устойчивой модели государственного управления, рассчитанной на долговременную реализацию в условиях внутренних

и внешних угроз, вызовов.

6. Степень эффективной деятельности государственного механизма, находится в прямой зависимости от качества работы государственных органов, где особое место отводится функционированию органов внутренних дел. Пристального внимания заслуживает в деятельности органов внутренних дел система их взаимодействия с институтами гражданского общества [7, с. 37]. Так, уровень состояния правового коэффициента доверия граждан к деятельности правоохранительных органов приводит к достижению социальных благ, законных интересов людей и обеспечивает гарантии правового порядка, развитие гражданского общества.

7. Только при реализации принципов законности, разделения властей, приоритета прав и свобод человека и гражданина может быть достигнута эффективная деятельность государственного механизма, а значит и правовое совершенство всего государства в целом. Кроме того, такие принципы как открытость, гласность и общественное присутствие позволят повысить эффективность, динамичность и оперативность функционирования органов государственной власти современной России.

В условиях гармонизации национального права и внешних вызовов государственный механизм меняет отдельные свойства, систему своего функционирования и технологию решения публичных задач и функций. Стоит подчеркнуть, что проводимые в нашей стране с 2002 г. административные реформы всегда должны быть ориентированы на конечную цель, которая выражается в реформировании государственного механизма современной России как адекватного государства с действенным государственным аппаратом. Ключевыми для новой модели государственного управления должны стать следующие принципы: ориентация работы всех звеньев государственного механизма и уровней власти на измеримый, прозрачный и понятный для общества результат работы и повсеместное внедрение новых форм и методов контроля.

Главным критерием оценки эффективности власти, предоставляющей услуги гражданам, а также учреждений социальной сферы, должно стать общественное мнение, мнение самих граждан. Реформирование государственного механизма Российской Федерации может выступить приоритетным направлением государственной политики в сфере управления

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихомиров Ю.А. Механизм социалистического государственного управления // Советское государство и право. 1975. № 4. С. 20-28.
2. Костюков А.Н., Маслов К.В. Местное самоуправление в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2009 - 2014 годов // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. С. 22-26.
3. Романовская О.В. Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 143-154.

4. Гончаров Е.И., Шатковская Т.В. Проблемы применения цифровой подписи в электронном документообороте России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2. С. 97-103.

5. Шатковская Т.В. Правовые аспекты государственного регулирования инфраструктуры в Российской Федерации // Наука и образование. 2016. № 5. С. 40.

6. Хижняк Д.С. Соотношение законодательных актов, государственных концепций и стратегий в осуществлении правовой политики: российский и зарубежный опыт // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 30-34.

7. Безруков А.В., Тепляшин И.В. Роль общественности в укреплении конституционного правопорядка в России // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 36-40.

Феодорова Марианна Христефоровна
аспирант кафедры теории и истории права и государства
(Ростовский государственный экономический университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: mari_anna.08.1988@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕОРИЮ КОДИФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВТОРОЙ КОДИФИКАЦИИ СОВЕТСКОГО ПРАВА)

Ход развития правовой системы связан со стремлением переформулировать и выстроить в иерархические структуры юридические материалы, исторически возникших сборников правовых текстов, определявших формирующиеся во времени границы правового регулирования.

Правовая система обладает динамической и статической природой, представляющей собой непрерывный процесс обретения и утраты юридическими нормами своей действительности в результате деятельности людей. Поэтому функционирование современной российской правовой системы не может быть рассмотрено вне взаимосвязи с наиболее крупными, фундаментальными, определяющими блоками кодификационных работ в Российском государстве.

Особый интерес в этом отношении представляет советская кодификация, в ходе которой в строгом соответствии с установками политического руководства на удержание государственной власти, было создано новое право, отличающееся революционной целесообразностью и хозяйственной необходимостью.

Специфика начального этапа первой кодификации (25 октября 1917-1919 г.), выраженная в ее обусловленности политическими целями установления революционного правопорядка, основанного на незыблемых основаниях марксистско-ленинской идеологии, диктатуре пролетариата и государственно-партийном управлении, отразилась на созданной в результате системе законодательства, которую можно назвать революционной. Процесс ее создания проходил в условиях преобразования общественно-экономических отношений, воздействия множества неучтенных стихийных факторов на формы и методы государственного управления, проведения социально-политических экспериментов, и вытекающих из них ошибок и поражений переходного периода,

поиска оптимального способа правового регулирования на огромной территории с неоднородными местными особенностями.

В результате создаваемые юридические предписания носили общий декларативный характер и нередко подменялись политическими лозунгами, характеризовались отсутствием четкости и ясности формулировок, порядка внесения изменений, дополнений и отмены нормативно-правовых актов. Последние не имели определенной структуры и механизма их конкретной практической реализации, объединяли политические мотивировки и законодательные положения с использованием простых, но неоднозначных с юридической точки зрения терминов и возлагали проблему выбора наиболее оптимальных целесообразных способов их осуществления на непосредственных правоприменителей.

Только в начале 20-х годов, когда произошла некоторая стабилизация общественных отношений и активизация экономического оборота, стало возможно из массы общих положений права нового типа, зачастую имевших временное значение и слабую юридико-техническую проработку, и источников юридической практики создать связную, единую, по возможности свободную от противоречий и логически однозначную нормативную систему, включавшую пять кодексов и иные акты, регламентирующие деятельность судебных органов, прокуратуры, адвокатуры.

Данная система предназначалась не только для осуществления политических задач, но и установления единой законности и эффективного контроля за исполнением изданных юридических предписаний [2, с.60]. Как писал П. Стучка, «государственный характер власти в значительной степени характеризуется именно законодательством» [5, с.191].

Основы, заложенные первой кодификацией в конструкцию советского, предполагали развитие ее юридико-технической разработанности как «основного специфического государственного инструмента руководства обществом, организации и развития общественных отношений» [6, с.66]. Кроме того, в рамках второй кодификации необходимо было преодолеть заблуждения кодификаторов-революционеров и исправить ошибки, совершенные вследствие ложных представлений о целях и назначении кодификации.

Речь идет, о стремлении разрушить старое и построить новое законодательство на иных основаниях, игнорировании постулата о том, что право составляют не только акты власти, но и иные неорганизованные правовые источники, а также отказ от использования опыта предыдущих кодификаций.

Серьезной ошибкой революционеров-кодификаторов считаем устранение представителей российской юридической науки от участия в кодификационных работах и последовательный отказ от использования достижений мировой юридической научной мысли. Как справедливо отмечал С. Жинульях, «кодификация, надлежащим образом осуществленная, не отвергает науки, постоянно воздействующей на законодательство для применения его положений, ... для его усовершенствования и постоянно имеет влияние на него» [1, с. 76].

Юристы первых десятилетий советской власти, разрабатывали социалистическую юридическую доктрину, исходя из отрицания ценности,

социальной значимости права и идеи его верховенства [4, с.83] и практической целесообразности правового регулирования в условиях диктатуры пролетариата; отождествления права и закона, закона и акта государственного управления; восприятия государства как создателя права и «источника прав отдельных личностей» [3, с. 26]. Это предопределило специфику понимания смысла и задач систематизации правовых норм, представлений о формах самих правовых норм в их отдельности и иерархии, а также содержании и форме желаемой кодификации права [8, с.32].

Массив юридических предписаний и норм первых десятилетий советской власти строился в условиях постоянно изменяющейся политико-государственной обстановки и подчинялся разнонаправленным вплоть до волюнтаристских замыслам политико-правовой политики власти [6, с.235]. Судебно-административная система находилась в неведении о состоянии действующей правовой ситуации, в том числе по вопросу оценки действия или не действия законодательных предписаний. Так, идея цельной комплексной обработки накопленного нормативного массива с одновременным восполнением недостающих норм, разработанная в Институте советского права, не получила логического завершения.

Наличие факторов, воздействующих на правотворческий и правоприменительный процесс в направлении их упорядочения, следует рассматривать в качестве необходимого, но недостаточного основания кодификации. Совершенствование и целостное обобщение юридических норм предполагало разработку теоретических конструкций нормативных комплексов, соответствующих правовой политике социалистического государства на этапе строительства коммунизма, а также создание стройной системы юридических норм, соответствующей особенностям правового регулирования различных видов общественных отношений, устанавливающей необходимые связи, соподчинение и координацию этих норм.

В отличие от первой вторая кодификация советского права основывалась на принципе верховенства закона, выразившемся в строгой иерархии нормативно-правовых актов во главе с Конституцией СССР в соответствии со сложившейся в СССР практикой правового регулирования общественных отношений.

Принципы второй кодификации советского права можно разделить на теоретически разработанные и затем легально закрепленные в юридических предписаниях, а также определенные в ходе анализа и обобщения юридической практики. И те и другие представляли собой систему властных общеобязательных императивных требований, взаимосвязанных между собой и другими элементами нормативной системы, и выступающих ориентирами и критериями оценки деятельности субъектов юридической деятельности.

Подводя итоги отметим, что успешность кодификации советского права определялась наличием социальных потребностей в ней и политической воли, способной ее осуществить. Юридическая деятельность по упорядочению советского права в конце 50 – первой половине 80-х годов является кодификацией, поскольку именно в данный период была создана обладающая внутренней логикой система юридических норм и предписаний, реформирующая действующее право и

по своим масштабам и значению сопоставимая, а некоторых смыслах превосходящая, российские и европейские кодификации XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жинульяк С.О кодификации и ее влиянии на законодательство и на науку права // Журнал Министерства Юстиции. 1876. Кн.8/9. – С.76.
2. Ленин В.И. Список Полное собрание сочинений. Т.45. – С.60.
3. Малицкий А. Советская конституция. Харьков, 1924. – С.26.
4. Рейснер М. Право. Наше право, чужое право, общее право. М., 1925. – С.83.
5. Стучка П. Революционная роль советского права. М., 1931. – С.191.
6. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. М.: Юридическая литература, 1962. – С.66.
7. Шатковская Т.В. История отечественного государства и права: Учебник. Учебник Гриф Учебно-методического объединения РАЕН. Учебник Ростов-на-Дону, Феникс, 2008. – С.235.
8. Шатковская Т.В. Социальная реконструкция источников обычного права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. №4. – С.32-41.

Хабиева Заира Докуевна

старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
(Чеченский государственный университет)
г. Грозный
e-mail: zaira.khabieva@gmail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Вопрос о признаках юридического процесса является центральным в отечественной процессуальной науке, они образуют сущность данной категории.

В этой связи целесообразным представляется анализ различных точек зрения по этому поводу с тем, чтобы на их основе сформулировать собственный авторский подход к проблеме исследования.

Так, Н. А. Грешнова выделяет следующие основные признаки юридического процесса: «наличие последовательно сменяющих друг друга стадий, направленных на достижение конечного результата; наличие субъекта, обладающего государственно-властными полномочиями; динамичный характер процесса; нормативное установление и закрепление юридического процесса в соответствующих нормативных актах (правовая природа процесса)» [1, с. 41-42].

В целом можно согласиться с названными этим автором признаками юридического процесса. Однако, полагаем, вряд ли в качестве признака следует называть «динамический характер процесса»; общеизвестно, что процесс – это всегда движение, ход событий, действий и т.п., что, кстати, также подтверждается таким, названным самим автором, признаком, как стадийность.

В свою очередь, П.П. Ланг отмечает: «в теории права юридическому процессу в широком его понимании свойственны следующие признаки: нормативность, т. е. правовой характер, регулирование соответствующей нормой; динамичность (деятельностная природа); процедурно-процессуальный характер (другими словами, юридический процесс осуществляется посредством различных процедур, правил, требований и т. д.); направленность на достижение юридически значимого результата, конкретной цели; стадийность (юридический процесс состоит из последовательно сменяющихся друг друга стадий)» [2, с. 230].

И в этом случае речь идет и о динамичности, и о стадийности как признаках исследуемой правовой категории.

На наш взгляд, следует обратить особое внимание на признак стадийности, который, как уже отмечалось, свойствен любому процессу, ибо процесс подразумевает последовательную динамическую деятельность, направленную на достижение каких-либо результатов.

Вместе с тем, не все авторы отмечают признак стадийности, и отдельные из них считают, что юридический процесс обладает признаками целенаправленности; состоит в реализации властных полномочий публичными субъектами; направлена на конкретный юридический результат – «решение индивидуально-конкретного дела»; ее результаты оформляются официальными документами; детально регламентирована правовыми нормами (имеет процессуальную форму) [3, с. 152-153].

Думается, что названные этим автором признаки могут относиться не только к характеристике юридического процесса, поэтому они не подчеркивают его специфику, что не позволяет в полной мере раскрыть сущность юридического процесса.

О стадийном характере юридического процесса пишет также И.С. Куксин: «1) это деятельность любого субъекта права, а не только специально уполномоченного, имеющего права и обязанности; 2) правовая регламентация данной деятельности, что свидетельствует о ее юридической, правовой природе. Такая деятельность обладает собственной моделью (программой) развития, предварительно установленной на нормативном уровне; 3) наличие самостоятельного объекта деятельности. Им является спор о праве, защита охраняемого законом интереса, блага; 4) наличие в рамках процесса определенной юридической процедуры, организующей процесс. При этом процедура выступает в качестве организационного обеспечения процесса; 5) динамический характер деятельности, при которой субъекты стремятся к ее скорейшему завершению; 6) стадийный характер юридического процесса» [4, с. 78].

Однако считаем, что этот автор не вполне корректно заявляет о том, что юридический процесс – это деятельность *любого* (подчеркнуто нами – авт.) субъекта права. Для юридического процесса характерно наличие особого субъектного состава – в нем принимают участие, как лидирующие субъекты (государственные органы и их должностные лица), так и другие участники этого процесса (свидетели, понятые, специалисты и т.д.). Кроме этого, И.С. Куксин называет «в качестве организационного обеспечения процесса» юридическую

процедуру, но не раскрывает это понятие; по нашему мнению, таковой выступает процессуальная форма.

Можно считать фактически аналогичным является и мнение Д.Н. Бахраха, который пишет о таких признаках юридического процесса, как: а) организованный деятельностный характер; б) властность; в) процессуальная форма; г) цель – «принятие правового акта или исполнение его»; д) документирование начала процесса, его результатов, действий его участников [5, с. 83].

Названный ученый по-иному выделяет субъектный состав юридического процесса, а также четко формирует свое представление о процессуальной форме; такой подход разделяется и нами.

Далее отметим также, что на такой признак, как системность (в числе других) указывает П.Г. Казанцев в статье о признаках юридического процесса [6]. Его мнение следует поддержать, поскольку системность присуща этому процессу, и она проявляется во взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимодействии всех его элементов.

Проведенный аналитический обзор мнения относительно признаков юридического процесса свидетельствует о том, что к их числу следует отнести нормативность, динамичность, стадийность, особый субъектный состав, процессуальную деятельность и некоторые другие.

Со своей стороны обратим внимание на такой признак юридического процесса, как его связь с юридической технологией (технологиями), даже, подчеркнем, обусловленность, опосредование юридического процесса названными технологиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грешнова Н.А. Понятие и общая характеристика юридического процесса (теоретический анализ) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3 (92). С. 41-42.
2. Ланг П.П. Некоторые методологические основы юридического процесса [Some methodological bases of the legal process] // Вопросы российского и международного права [Matters of Russian and International Law]. 2017. № 7 (1А). С. 225-232.
3. Солдатова О.Е. Юридический процесс как категория общей теории права // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 2. № 2. С. 153-156.
4. Куксин И.С. Юридический процесс: сущность и значение // Современное право. 2008. № 6. С. 77-79.
5. Бахрах Д.Н. Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 6-7.

Шатковская Татьяна Владимировна

доктор юридических наук
профессор кафедры теории и истории права и государства
(Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при
Президенте РФ)
профессор кафедры теории и истории государства и права
(Южный федеральный университет)

«ЦИФРОВОЕ» ПРАВО ИЛИ ЦИФРОВИЗАЦИЯ БЕСПРАВИЯ: К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Нынешние времена, которые как известно никогда не бывают простыми, в лучших традициях диалектики демонстрируют с одной стороны, видовую стабильность угроз, стоящих перед человечеством (эпидемии, войны, голод), с другой стороны, их новое содержание, преломляемое, осложняемое и требующее новых нестандартных решений в условиях создаваемой цифровой (дополненной) реальности.

Некоторые промежуточные итоги цифровой революции демонстрируют иллюзорность представлений о возможном решении большинства угроз, стоящих перед человечеством техническими способами. Как выяснилось дальнейшее развитие цифрового уровня техники стало реальной угрозой существования homo sapiens, то есть решая одни проблемы, создаем другие, причем качественно новые и рационально не познаваемые.

Речь идет о стабильности человека как вида, разрушении сложившихся коммуникативных социальных связей, делающих человека тем самым особым видом живого, обладающего сознанием и мышлением. Такая ситуация, не на секции по «киберправу» будет сказано, заставляет отложить гаджеты и подумать о главном, без чего любая человеческая, в том числе и юридическая деятельность лишаются смысла. Пора всерьез задуматься о пределах тотальной оцифровки, предполагающей создание цивилизации, в которой не только появляются «лишние люди», но и понятие «человека» как биологического вида, одушевленного наличием у него свободы выбора и уникальных когнитивных способностей, подвергается сомнению.

Разработчики новых технологий перешагнули черту, отделявшую понимание информационных технологий как технических помощников человека, от формирования генерации новых оцифрованных людей, волеизъявление которых ставится под контроль не «лучших», более «сведущих» индивидов, а технологий, обладающих более совершенной чем у человека рассудочной рациональностью и не обремененных грузом «человечности» в виде морально-нравственных и религиозных ценностей и представлений.

«Опьянение» ролью «сверхчеловека» - создателя новой реальности лишает многих современников здравого смысла, понимания пределов человеческих возможностей прежде всего в плане осознания последствий информационной революции. Последнее отнюдь не означает требования ограничения научно-технического развития. Этими словами автор присоединяется к тем представителям мирового научного сообщества (нейробиологам, психологам, филологам, физикам, экономистам, социологам, юристам и др.), которые выступают против тотальной оцифровки человечества в условиях отсутствия

выработанного на уровне общественного консенсуса понимания целей, способов осуществления, ожидаемых результатов и пределов данного процесса.

Выстраивание пределов в течение последних тысячелетий истории человечества связано с правом, получившим свою институционализацию в юридических формах. В этой связи оцифровка общественных отношений ставит перед юридическим сообществом ряд принципиальных вопросов, не разрешимых принятием некоторого количества новых нормативно-правовых актов, а требующих концептуального осмысления.

Во-первых, следует оценить возможности современного юридического инструментария на предмет его использования в цифровой сфере. Глубоких исследований по этому вопросу не проводилось, но мнения озвучены. Как выяснилось они диаметрально противоположны. Так, Т.Я. Хабриева высказывает позицию, поддерживаемую рядом юристов, о том, что новый объект регулирования настолько своеобразен, что «старые подходы и шаблоны здесь не работают» [6, с. 14,15,19]. Другие коллеги полагают, что общеправовые принципы и подходы применимы и к цифровой сфере [3, с. 43].

Научно-объективный подход к этому вопросу позволяет выявить следующие очевидные моменты. Современная юриспруденция обусловлена общественными отношениями, складывающимися между людьми, и предназначена для упорядочения человеческой коммуникации. В виртуальном мире нам предлагают взаимоотношения не с людьми, а с машинами. В девизе разработчиков «искусственного интеллекта» - компьютеры могут быть как люди, ключевым выступает слово «как».

Разработка законов, определяющих поведение роботов во взаимоотношениях между ними, так и прежде всего с человеком из области научной фантастики переходит в сферу практической юриспруденции. И первый вопрос, встающий на этом пути, заключен в самой возможности урегулирования поведения искусственного интеллекта нормами «человеческого» права. Что значит для робота реализация закона, предполагается, что он будет его соблюдать, исполнять, использовать или станет правоприменителем? А если высокоинтеллектуальная машина откажется осуществлять «несовершенные» человеческие законы и автоматически обновит их?

На данном этапе человечество развлекается играми с машиной, удивляется их сверхспособностям к обучению, коммерциализирует невероятные для человеческого ума компьютерные навыки обработки данных и пр. Однако с учетом темпов «интеллектуализации» машин реальностью может оказаться не только автоматизация жизни, но и автоматизация человеческой смерти как в узком, так и в широком смысле этого слова.

Во-вторых, необходима теория целеполагания в сфере юридической деятельности. Причем как в долгосрочном перспективном стратегическом планировании основных направлений юридического регулирования, так и на уровне оперативного принятия управленческих решений [4, с. 28-32].

К примеру, в проекте Общенационального плана действий по нормализации деловой жизни, восстановлению занятости, доходов граждан и роста экономики, разработанном Правительством РФ [1], цель антикризисного регулирования

определена следующим образом: «выход на устойчивую траекторию экономического роста и роста доходов населения, обеспечивающую реализацию национальных целей развития экономики на основе использования новых технологий, включая цифровизацию, новых возможностей рынка труда, экспортной ориентации и активного импортозамещения, а также обеспечение высокой степени устойчивости экономики к шокам в будущем». Данная формулировка имеет декларативный характер и не отражает сущности того, что в русском языке понимается как «корень» дела, из которого следуют четкие средства достижения намеченного.

В-третьих, требуется философско-правовое осмысление, основанное на междисциплинарном научном сотрудничестве, пределов цифровизации как в сфере оцифровки человека, так и в области установления законодательной защиты от вытеснения человека искусственным интеллектом в общественных отношениях. Нет сомнений, что новейшие технологии (машинное обучение, искусственный интеллект и др.) становятся безграничными. Финансисты поют дифирамбы машинным трейдинговым системам, утверждают, что они могут обойтись даже без энергичных менеджеров. Только в финансовом секторе в 2018г. более 81% услуг стали электронными [5, с.98]. Это и пугает.

В условиях сиюминутного возрастания угрозы потери контроля человека над дальнейшим ходом технологического прогрессизма он становится не только источником повышенной опасности, но и реальной угрозой жизни, здоровья и существования человечества. Как известно установление законодательных границ служит надежным инструментом человеческого выживания. Современные научные достижения позволяют не только менять человеческие органы, но и геном человека, манипулировать его ДНК. Однако есть и другой научный факт, состоящий в том, что ученые не могут не только просчитать, но даже и предсказать всех последствий от такого вмешательства. Поэтому как на международном, так и на национальном уровне установлен запрет на коммерциализацию технологий, позволяющих «творить» человеческую природу.

В большинстве технологических развитых стран, включающих «золотой» миллиард человечества, в том числе и в Российской Федерации, если не запрещены, то законодательно ограничены эвтаназия и право на смерть в целом; получение патента на изобретения, связанные с модификацией клетки человека и др.

Вместе с тем, в России усиленными темпами внедряются информационно-технологические механизмы тотального контроля за населением [2], позволяющие получать карательным органам информацию не только о месторасположении граждан, но и об их уровне жизни и прочие персональные данные. Кроме того, активно продвигается внедрение системы биометрических данных в контексте общемировой тенденции, посягающей на конфиденциальность и в конечном счете свободу человека.

Подводя итоги, отмечу, что сегодня как никогда, следует помнить о человеческой природе права и его цивилизационном предназначении охранять людей, их социальные свойства, эмоциональное своеобразие, духовно-культурный потенциал, уникальные коммуникативные и когнитивные способности. Развитие юридической деятельности в направлении ее технологизации (после

промышленного переворота) в условиях тотальной оцифровки заходит в тупик. Юрист не сможет быть более эффективным чем машина в силу своей человечности. Однако джин из бутылки выпущен и поэтому теперь необходимо четкое понимание стратегии будущих действий.

В связи с вышесказанным полагаю, что современный юридический интеллектуальный научный поиск должен осуществляться в двух основных направлениях: первое и главное состоит в том, что в общем виде можно назвать философией права цифровой эпохи, а именно теоретическое переосмысление юридического образа мышления и категориально-понятийного аппарата юриспруденции, то есть исследования дающие целостную картину происходящего в дополненной реальности. Действующие модели правового регулирования создавались для отношений с определенным кругом субъектов по поводу в большинстве своем конкретных материальных объектов и совершенно очевидно, что их «элементарной оцифровкой» дело не ограничится.

Второе направление исследований связываем с разработкой новых видов юридических специальностей, востребованных на рынках юридических услуг, и требований к ним. Как следствие необходима переориентация образовательного процесса на подготовку таких кадров как юридический аналитик, специалист по правовому алгоритмированию и моделированию, то есть переход от юридического инжиниринга (решения типичных проблем) к интеллектуальной юриспруденции, ориентированной на принятие правовых решений в нестандартных ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <https://e.law.ru/npd-doc?npmid=97&npid=479497&anchor=tit53#tit53> (дата обращения 27.08.2020).
2. <https://zakupki.gov.ru/epz/contract/contractCard/documentinfo.html?reestrNumber=2770203815018000094&backUrl=502233c8-d3a6-4018-b8e9-eca1737704d9> (дата обращения 26.07.2020).
3. Минбалеев А.В. Формирование системы принципов института правового регулирования цифровых отношений (цифрового права) // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. - С.43.
4. Подробнее об этом: Шатковская Т.В. Цели и интересы в праве цифровой эпохи // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. – С. 28-34.
5. Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – С.98.
6. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровизации. – СПб., СПбГУП, 2019. – С.14,15,19.

Шматова Елена Сергеевна
кандидат философских наук, доцент
(Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова)
г. Новочеркасск
e-mail: alena_80_05@mail.ru

ЦИФРОВОЕ ПРАВО В ОБЪЕКТИВНОМ И СУБЪЕКТИВНОМ СМЫСЛЕ: ОСНОВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Цифровизация в нынешнем столетии диктует новые стандарты прав человека. В сети Интернет создаются профили, аккаунты, совершаются покупки, идет процесс дистанционного образования, проводятся онлайн-конференции и иные мероприятия. Это далеко не полный перечень возможностей современных цифровых и сетевых технологий. Помимо принятия ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5], активно формируется соответствующая отрасль права, связанная с правами в данной сфере. Среди таких вопросов особняком стоит содержание используемых в юридической доктрине, законодательстве и юридической практике терминов «цифровая экономика», «электронное лицо», «электронное государство», «цифровое право». При этом все настоятельнее необходимость адекватного и своевременного правового регулирования отношений в цифровом пространстве. Так, в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития на период до 2024 г. [6]» в сфере цифровой экономики предусмотрена разработка системы правового регулирования цифровой экономики и использования искусственного интеллекта [8]. В настоящее время сфера действия цифрового права расширяется с тем, как цифровизация все больше охватывает новые сферы общественной жизни. С одной стороны, большинство людей сталкиваются с цифровым правом в повседневности, где вступление в правоотношения в этой среде проходит уже привычно, например, при согласии на электронную трудовую книжку, когда работодатель переводит документооборот в электронный формат, оплате покупки в Интернет-магазине. Зачастую такие действия происходят автоматически, к примеру, если карта привязана на сайте Продавца и создан профиль покупателя и т.д., также оплата-списание коммунальных платежей пользователя услугами газоснабжения через онлайн-приложение конкретного банка и т.п. Следовательно, всё чаще происходят киберпреступления, связанные с нарушением приватности, и другие неблагоприятные события при переходе в цифровую среду. Они возникают в связи с неосторожностью пользователей, слабой защищенностью аккаунтов, а также действиями мошенников и по многим другим причинам. Однако, даже простому пользователю, необходимо знать основные законодательные нормы и правила, чтобы, например, понимать, за публикацию какой информации в сети можно быть привлеченным к юридической ответственности (то есть рекомендуется соблюдать запретительные нормы). Так, к примеру, выполнять необходимые обязательства - совершать оплату в срок, если оформлены платные электронные подписки. С другой стороны, цифровое право

важно для тех, кто запускает проекты в IT-сфере, владеет сайтами, оказывает какие-либо услуги в цифровой среде, ведут видео-блоги и чаты-консультации, то есть имеет заработок от такой деятельности. При столкновении со всем этим многие люди задумываются об обращении к специалистам, компетентным именно в сфере цифровых прав.

Таким образом, цифровое право — это отрасль права, которая включает в себя сразу несколько отраслей российского права и регулирует отношения, связанные с IT. В российском законодательстве нет отдельных разделов, связанных только с регулированием цифровой среды, и эти нормы рассредоточены по разным законам. В цифровое право входит регулирование отношений в сфере деятельности IT-проектов, публикации информации в сети, блокчейна, обработки персональных данных, больших данных, искусственного интеллекта, размещения информации на сайтах, сервиса электронных услуг и других сферах. Они пересекаются между собой и дополняются все более новыми направлениями цифровизации. Все же следует согласиться с мнением В. В. Архипова о том, что интернет-право не может рассматриваться как самостоятельная отрасль права. Скорее, речь может идти об особой отрасли законодательства при условии появления совокупности фундаментальных нормативных правовых актов относительно регулирования отношений в связи с использованием Интернета [7, с. 29-33].

При этом цифровое право (интернет-право) в объективном смысле как совокупность норм права, регулирующих отношения по поводу применения Интернета, характеризуется рядом особенностей: 1) отношения в сфере Интернета могут регулироваться на уровне технического кода; 2) цифровое право объединяет предметное единство по поводу разрешения с помощью юридических, технических и программных средств целого ряда системных вопросов использования интернет-пространства (юрисдикция, защита информации, виртуальная валюта и т.п.) [7, с. 29]; 3) цифровые отношения протекают в особой интернет-среде и приобретают виртуальный характер. Однако, защита таких правоотношений, при нарушении норм законодательства вполне реальны.

Цифровые права — новое понятие в Гражданском кодексе. Цифровые права в ГК РФ введены законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ, который был опубликован 18.03.2019 [4].

Проект закона был внесен в Государственную думу группой депутатов, среди которых В. В. Володин, П. В. Крашенинников и член Совета Федерации О. М. Бурико (проект закона «О внесении изменений...» № 424632-7 о цифровых правах). Причем первоначально проект был более широким и предполагал введение понятия «цифровая валюта (криптовалюта)» и норм о цифровых правах — изменения в Гражданский кодекс, однако, были внесены только в отношении цифровых прав, а криптовалюты в окончательный текст документа не вошли. Цель принятия закона — заложить основу для формирования законодательства, которое будет регулировать различные отношения по использованию или распоряжению цифровыми активами. Без закрепления в гражданском праве базовых понятий невозможно регулировать рынок цифровых объектов и принимать специальные законы в сфере цифровой экономики, развитие которой происходит очень

быстрыми темпами. И так, в ГК РФ внесены дополнения - статья 141.1. «Цифровые права» [1]. Так, «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. 2. Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо. 3. Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву» [1]. К цифровым правам граждан и организаций применяются правила, сходные с правилами, описанными для объектов гражданского права (может отчуждаться, переходить от одного лица к другому и т. д.). Требования граждан и организаций, вытекающие из сделки с цифровым правом, подлежат судебной защите. Понятие «утилитарных» цифровых прав введено законом «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ...» от 02.08.2019 № 259-ФЗ [3]. Принят ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который регулирует отношения, в том числе, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации [2]. Он вступит в силу 1.01.2021 года.

Таким образом, можно отметить формирование особой отрасли законодательства и научного направления - цифрового права (интернет-права). Понимать его стоит в двух значениях. В объективном смысле цифровое право есть совокупность норм права, направленных на разрешение системных проблем интернет-права. С другой стороны, это совокупность электронных данных, удостоверяющих права на такие объекты гражданских прав, как вещи, иное имущество, исключительные права, результаты работ, оказание услуг. В субъективном смысле цифровое право представляет собой юридическую возможность использования информации и иных благ с помощью интернет-пространства. В научном сообществе рассматривают цифровое право как комплексную отрасль права. Появляются учебные пособия в области цифрового права. Например, учебник по цифровому праву под ред. Блажеева В. В., Егоровой М. А [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020 № 251-ФЗ) // URL: <http://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения 10.10.2020).

2. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации» (документ не вступил в силу) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74351466/> (дата обращения 10.10.2020).

3. Федеральный закон от 2.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ) // URL: <https://base.garant.ru/72362156/> (дата обращения 10.10.2020).

4. Федеральный закон от 18.03.2019 г. 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса РФ» // URL: <http://base.garant.ru/72198096/> (дата обращения 10.10.2020).

5. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. ФЗ от 8.06.2020 г. № 177-ФЗ) // URL: <http://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения 10.10.2020).

6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. N 20. Ст. 2901.

7. Архипов, В. В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. В. Архипов. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 249 с.

8. Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-tsifrovoye-pravo-v-doktrine-i-pravovyh-tekstah>

9. Цифровое право: учебник / А. Дюфло, Л. В. Андреева, В. В. Блажеев и др.; под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. Москва: Проспект, 2020. 640 с.

Шошин Сергей Владимирович

кандидат юридических наук

доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии
юридического факультета

(Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского)

г. Саратов

профессор кафедры права и правоприменительной деятельности
факультета экономики и права

(Поволжский кооперативный институт (филиала) автономной
некоммерческой образовательной организации высшего образования

Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»)

докторант философского факультета Карлова университета (Прага)

аспирант филологического факультета

(Санкт-Петербургский государственный университет)

г. Санкт-Петербург

e-mail: serguei8@mail.ru

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Существующие сегодня учебные пособия [1] по международному экологическому праву не содержат указания на востребованность в нем ценностей лингвоэкологии. Вместе с тем, автором усматривается новизна в предложении

включить в структуру международного экологического права элемент лингвоэкологии. В итоге, содержание международного экологического права, несомненно, будет существенно обогащено. Такая ситуация в полной мере соответствует оценке международного экологического права как одной из наиболее динамично развивающихся отраслей права.

Экологический баланс и его нарушения в сфере языка, используемого при межличностном общении сегодня можно охарактеризовать как имеющие множество деформаций. Некоторые из подобных проявлений экологических угроз рассматриваются в учебнике Савельевой Л.В. [2]. Рассматриваются отдельные проблемные моменты лингвоэкологии не только на монографическом уровне [3], но и на уровне научной полемики [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9].

Об отдельных угрозах лингвотоксичности, анализируемых в лингвоэкологии, рассматривается в работах российских ученых [10]. В практике международных отношений подобные проявления нарушений приобретают, порой, особый оборот. Это может стать причиной конфликтов разной степени остроты.

Глобальная лингвотоксическая угроза способна возникнуть при переводе, сопровождающем межкультурную коммуникацию [10]. Разнообразные стратегии манипулирования способны инициировать серьезное разрушающее (минимум - психику) воздействие. Спектр таких стратегий - может продемонстрировать самое широкое разнообразие. Далеко не всегда насилие в современном мировом политическом пространстве оказывается применяемым в грубой физической, дерзкой вооруженной форме. Иногда насилие значительно мягче выглядит. С учетом этого сейчас стоит подвергнуть обновлению господствовавшие на протяжении многих десятилетий, а, порой, и столетий, традиционные догмы международного права. Концепция использования мягкой силы способна заинтересовать специалистов в сфере международного права.

Власти ряда государств сегодня реализуют концепцию лингвоэкологии, принимая меры по защите национальных слушателей (читателей, зрителей). Например, это реализуется в Армении [11]. Весьма широкий возможен разброс точек зрения, связанных с правовой оценкой подобных практик. В целом ряде случаев для введения оптимальных режимов регулирования (в том числе - и международно-правового) подобных практик общественной жизни может потребоваться заключение соответствующих международных соглашений, договоров, конвенций. Традиционно, таким международным актам предшествует значительная подготовительная работа как внешнеполитических органов соответствующих государств, так и международных организаций, например, ООН и других.

Позитивным моментов в данной траектории развития лингвоэкологии как структурного элемента международного экологического права может стать организация широкой научной полемики по указанной проблематике и смежным с ней вопросам. Для такого обсуждения как специалистами в сфере международных отношений, так и иными компетентными лицами, стоит также предоставить итоги обсуждения данного сегмента общественных отношений и простыми (рядовыми) представителями отечественного электората. Большое значение здесь может

приобрести и рассмотрение подобной проблематики в рамках международных научных, научно-практических и учебно-методических конференций. С другой стороны, включение соответствующей актуальной тематики в число рекомендуемых тем для подготовки курсовых и выпускных квалификационных работ студентами бакалавриата и магистратуры, обучающимися по юридическим направлениям, также способно оказать благоприятное влияние на развитие международного экологического права в рассматриваемом нами направлении. Позитивным образом можно будет оценить и предложение подобной тематики для объявления по ней серьезных грантовых программ, например, российскими научными структурами, в частности, РФФИ (Российским фондом фундаментальных исследований). Международное сотрудничество в решении указанной научной задачи сможет дать свои наглядные результаты.

Включение лингвоэкологии в структуру международного экологического права, несомненно, способно в существенной мере обогатить последнее. Новое позитивное направление его развития серьезно может повлиять не только на выработку интересных и оригинальных траекторий развития собственно, теории международного экологического права, но и на процедуру поиска решений и организации международного (межгосударственного) сотрудничества по соответствующим конфликтным и неоднозначным в этическом (гуманитарном) плане ситуациям международного государственного строительства. Важную роль здесь способна сыграть научная полемика по данной проблематике, организуемая сейчас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолина, М. А. Международное экологическое право и природоохранные режимы : учебное пособие для вузов / М. А. Ермолина. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 149 с. — (Высшее образование). - Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/467335> (дата обращения: 20.10.2020), (режим доступа - платный).

2. Савельева, Л. В. Лингвоэкология : учебник для вузов / Л. В. Савельева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 206 с. — (Высшее образование). — Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/455669> (дата обращения: 20.10.2020), (режим доступа - платный).

3. Сущенко Е.А. Лингвоэкология как субъект научной реальности (монография-эссе) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 3-2. — С. 220-222; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=4956> (дата обращения: 20.10.2020), (режим доступа - свободный).

4. Макарова Е.С. Сущность лингвоэкологии // Символ науки. 2016. №12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-lingvoekologii> (дата обращения: 20.10.2020), (режим доступа - свободный).

5. Шежева Б.А., Абрегов А.Н. Лингвоэкология: речевая культура молодого поколения как составляющая общей культуры личности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. №3

(182). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoekologiya-rechevaya-kultura-molodogo-pokoleniya-kak-sostavlyayuschaya-obschey-kultury-lichnosti> (дата обращения: 20.10.2020), (режим доступа - свободный).

6. Иванян Е. Проблемы лингвоэкологии русской речи // АСТА UNIVERSITATIS LODZIENSIS FOLIA LINGUISTICA ROSSICA 12, 2016. URL: <http://dx.doi.org/10.18778/1731-8025.12.07> (дата обращения: 18.11.2020), (режим доступа - свободный).

7. Шошин С.В. Общественная лексика в русском языке и языках романогерманской группы: проблемы экологии. В сб.: Правовые институты и методы обеспечения экологической и природоресурсной безопасности в России, странах СНГ и Европейского Союза: законодательство, социальная и экологическая эффективность. Материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов: сборник научных статей. Под ред. Разгельдеева Н.Т., 2019.- Саратов: Саратовский источник.- С. 191.

8. Шошин С.В. Применение информационных технологий и особенности реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду (в условиях современной России) // URL:<https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/242662/1/537-542.pdf> (дата обращения: 20.10.2020), (режим доступа - свободный).

9. Шошин С. В. Лингвоэкология как перспективное направление развития экологического права // Актуальні проблеми юридичної науки: збірник Міжнародної наукової конференції Вісімнадцяті осінні юридичні читання (м. Хмельницький, 25 жовтня 2019 року). — Т. 1. — Хмельницький університет управління та права імені Леоніда Юзькова Хмельницький, 2019. — С. 470–472.

10. Молчанова Г.Г. Лингвоэкология и современное состояние языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №2. 2016. С. 47–54. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-47-54.

11. Халятян А. Армения ограничивает себе доступ к российскому телевидению// Коммерсантъ. 05.08.2020. URL:<https://www.kommersant.ru/doc/4443065> (дата обращения: 20.10.2020), (режим доступа - свободный).

СЕКЦИЯ № 2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА О ПОПРАВКЕ К КОНСТИТУЦИИ РФ ОТ 14.03.2020 Г.

Берлявский Леонид Гарриевич
доктор исторических наук
кандидат юридических наук
профессор кафедры конституционного и муниципального права
(Ростовский государственный экономический университет)
г. Ростов-на-Дону

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2020 Г. В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ

В XXI веке новые Конституции были приняты в 57 странах мира. Причем в некоторых из них, например, в Конго, Сербии и Черногории, Основной закон страны меняли дважды, а в Кыргызстане - трижды. Кроме того, в XXI веке государства 785 раз рассматривали поправки к Конституциям. Из 95 наиболее заметных конституционных реформ в мире 86 удачно состоялись, а в девяти странах мира инициативы по изменению Основного закона страны натолкнулись на политические проблемы и противодействие части политических элит [3].

Пояснительная записка к Закону о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ, таблицы поправок к нему, заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 позволяют определить характер и особенности конституционной реформы в нашей стране:

- 1) необходимость зафиксировать в Основном законе комплекс конституционных ценностей, которые должны стать ориентиром для законодателей и правоприменителей;
- 2) решение проблемы соотношения государственного суверенитета и процессов глобализации;
- 3) совершенствование вопросов организации и функционирования органов публичной власти.

1. В главах 1 и 2 Конституции Российской Федерации 1993 г. установлена иерархия системы конституционных ценностей (статья 2, часть 3 статьи 4, часть 2 статьи 8, часть 1 статьи 45).

В результате реформы 2020 г. конституционный текст дополнен следующими конституционными ценностями (статья 67, часть 2.1; статья 67.1; статья 68, части 1 и 4; статья 69, части 2 и 3; статья 79.1):

- целостность территории Российской Федерации, запрете на ее отчуждение;
- исторически сложившееся государственное единство Российской Федерации; почитание памяти защитников Отечества и защита исторической правды;
- признание детей важнейшим приоритетом государственной политики России и создание государством условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим;
- обеспечение приоритета семейного воспитания и принятие государством на себя обязанностей родителей в отношении детей, оставшихся без попечения;
- государственный язык Российской Федерации - русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации;

- признание культуры уникальным наследием многонационального народа России, защита культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации;

- поддержка соотечественников, проживающих за рубежом;

- принятие Российской Федерацией мер по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства.

Данные конституционные новеллы в качестве ориентиров приобретают особый смысл в условиях обвального роста законодательства всех уровней. В частности, по данным СПС «Гарант», в ее базах находится 100 млн. нормативных актов, а «регуляторная гильотина» в последние годы смогла отсечь только 20 тыс. нормативных актов (0,2%).

Как установлено в п.3 заключения Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3, включение данных положений в текст Конституции Российской Федерации не может рассматриваться как несовместимое с положениями глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации, в частности ее статей 1, 13, 14, 28 и 29, поскольку данные нормы носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер и не могут расцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию, изменяющие принципы плюралистической демократии и светского характера Российского государства, вводящие какие-либо недопустимые с точки зрения глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации ограничения прав и свобод человека и гражданина и вмешательство в них [2].

В частности, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23 сентября 2014 года № 24-П, по смыслу статьи 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации, семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства [1].

Вместе с тем, вызывает возражения вывод Конституционного Суда РФ о том, что включение в текст Конституции Российской Федерации указания на веру в Бога, переданную народу России предками (статья 67.1, часть 2), не означает отказа от светского характера Российского государства, провозглашенного в ее статье 14, и от свободы совести, гарантируемой ее статьей 28, поскольку по своей формулировке не сопряжено с конфессиональной принадлежностью, не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательным в Российской Федерации, не ставит вопреки статье 19 (часть 2) Конституции Российской Федерации граждан России в неравное положение.

Подобная конституционная ценность отнюдь не носит универсального характера, поскольку не разделяется сторонниками атеистических убеждений, политеистических религий, анимизма, тотемизма и иных верований, которых немало среди граждан России.

2. В результате конституционной реформы окончательно решен вопрос государственного правопреемства Российской Федерации как правопреемника СССР на своей территории, в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах (статья 67.1, часть 1).

Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в стране (ст.79). При этом согласно п.3.3 заключения Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г., данный механизм предназначен не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конституционно приемлемого способа исполнения таких решений Российской Федерацией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции Российской Федерации в российской правовой системе, составной частью которой являются односторонние и многосторонние международные договоры России, в том числе предусматривающие соответствующие правомочия межгосударственных юрисдикций.

К ведению Российской Федерации впервые отнесено установление ограничений для замещения государственных должностей, должностей государственной службы (пп. «т» ст.71). В несколько статей конституции внесены изменения, предусматривающие новые ограничения для президента России, сенаторов Совета Федерации, депутатов Госдумы, уполномоченного по правам человека, судей, прокуроров.

Причина принятия данных конституционных новаций состоит, в частности, в том, что гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство иностранного государства, находится в политико-правовой связи одновременно с Российской Федерацией и с соответствующим иностранным государством, перед которым он также несет конституционные и иные, вытекающие из законов данного иностранного государства, обязанности (Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 года № 797-О-О).

3. Совершенствование вопросов организации и функционирования органов публичной власти на основе принципа единства системы последней. Данный принцип, хотя и не нашел буквального закрепления в главе 1 Конституции Российской Федерации, вместе с тем имплицитно следует из ряда конституционных положений. Общая суверенная власть данного политического союза распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией Российской Федерации (статьи 5, 10, 11 и 12) (п.7 заключения Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г.).

Таким образом, к числу новелл конституционного регулирования следует отнести конкретизацию важнейших конституционных ценностей, изменения в предметах ведения Российской Федерации, в системе организации публичной власти, конституционное определение прокуратуры Российской Федерации, новации, касающиеся органов местного самоуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.
2. Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.
3. Эксперты рассказали, как разные страны мира меняли Конституции в XXI веке // <https://www.google.com/amp/s/www.znak.com/amp/203884> (дата доступа – 28.09.2020).

Булуктаева Киштя Юрьевна

кандидат юридических наук
доцент кафедры теории и истории государства и права
(Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова)
г. Элиста
e-mail: kbuluktaeva@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НАРОДОВ РОССИИ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РФ

Первого июля 2020 года были приняты поправки в Конституцию России, которые обсуждала вся страна. Поправки затронули почти все сферы жизнедеятельности нашего государства, но особое внимание было уделено конституционно-правовому статусу народов в Российской Федерации.

В. В. Путин неоднократно подчеркивал, что для России — с её многообразием языков, традиций, этносов и культур — национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие [1].

Необходимо отметить, что государство в последнее время уделяло недостаточное внимание малочисленным народам. Вследствие чего самобытный уклад жизни этих народов, их культура подверглись существенной деформации, и само их существование оказалось под серьезной угрозой [2]. В связи с этим была расширена статья 69 Конституции РФ, где:

— закрепляется, что Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации;

— подчеркивается о защите культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантируется сохранение этнокультурного и языкового многообразия;

— появляется понятие «общероссийской культурной идентичности». В России на уровне Конституции закрепляется факт оказания поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности;

— появляется новая статья 67.1 Конституции РФ, в части 2 этой статьи

говорится, что Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство [3].

Российская Федерация является многонациональным государством имеющим большое количество трудно разрешимых проблем и одной из них можно назвать проблему межнациональных, межэтнических отношений.

Процессы, происходящие в настоящее время, в России в сфере межнациональных отношений зашли в тупиковое положение. Вопросы национальной идентичности являются острыми и требуют деликатности, терпения и благоразумия, но чем дольше государство откладывает разрешение этой проблемы, тем сложнее будет ее урегулировать.

Нельзя забывать, что население не только РФ в целом является многонациональным, но и население субъектов состоит не только из одной титульной нации.

Очень точно подчеркнул И. Н. Титаренко о том, что вполне естественно, что в условиях исторически сложившейся полиэтничности и взаимодействия различных культурных тенденций поиск оснований бесконфликтности приобретает огромную актуальность [4].

По мнению Умновой И. А., нужно очень корректно употреблять термин «нация» и отказаться от его использования в отношении лиц титульной национальности, проживающих на территориях республик в составе России, независимо от их численности. Во-первых, если признавать, что лица титульной национальности составляют нацию, которая имеет право на самоопределение, то как быть с лицами, принадлежащими к другой национальности, доля которых также весьма значительна на территории республики или даже превышает численность лиц титульной национальности и составляет абсолютное или относительное большинство в республике? По логике и справедливости они также имеют право называться нацией и требовать права на самоопределение. В многонациональной России проживает более 140 лиц разной национальности, и пытаться определить, кто из народов сформировал на территории России общность в виде нации, а кто нет — дело не благодарное. Во-вторых, если исходить из посылки, что лица титульных национальностей, проживающие в республиках, и есть нации, тогда возникает вопрос: а почему лица титульной национальности, проживающие в автономной области и автономных округах, не составляют нации? Объявление бывшей автономной республики государством еще не означает, что проживающие в нем лица титульной национальности автоматически преобразуются в нацию, претендующую на государственный суверенитет. Наконец, в-третьих, если за основу понимания субъекта права на самоопределение берется нация, а не народ, то понимание нации не только в этническом, но и одновременно в этатическом значении в республиках-государствах может привести к претензиям на самоопределение в форме суверенного государства. Вместе с тем республики сами являются составными частями суверенного государства и имеют лишь статус субъектов Федерации [5].

Довольно интересным, по нашему мнению, является мнение психологов, рассматривающих этническую идентичность, как внутреннее состояние человека, его восприятие и самоидентификацию внутри этноса.

Например, Н. Ф. Гусарова считает, что этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, осознание своей принадлежности к определенной этнической общности. В ее структуре обычно выделяют два основных компонента — когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как ее члена на основе определенных характеристик) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства).

Выделяют следующие измерения этнической идентичности:

- моноэтническая идентичность со своей этнической группой, когда у человека преобладает позитивный образ своей этнической группы при позитивном отношении к другим этносам;

- измененная этническая идентичность человека, живущего в полиэтнической среде, когда чужая этническая группа расценивается как имеющая более высокий статус (экономический, социальный и т. п.), чем своя. Это характерно для многих представителей национальных меньшинств, для иммигрантов во втором поколении;

- биэтническая идентичность, когда человек, живущий в полиэтнической среде, владеет обеими культурами и осознает их как одинаково позитивные;

- маргинальная этническая идентичность, когда человек, живущий в полиэтнической среде, не владеет в достаточной мере ни одной из культур, что приводит к внутриличностным конфликтам (ощущение неудачливости, бессмысленности существования, агрессивность и т. д.);

- слабая (или даже нулевая) этническая идентичность, когда человек не относит себя к какому-либо этносу, а декларирует космополитическую (я — азиат, я — европеец, я — гражданин мира) или гражданскую (я — демократ, я — коммунист) идентичность [6].

По мнению В. В. Путина тот, кто приезжает в регионы с другими культурными, историческими традициями, должен с уважением относиться к местным обычаям. К обычаям русского и всех других народов России. Всякое другое — неадекватное, агрессивное, вызывающее, неуважительное поведение должно встречать соответствующий законный, но жесткий ответ, и в первую очередь со стороны органов власти, которые сегодня часто просто бездействуют.

В Республике Калмыкия также проживают разные народности, этносы, народы и т.д. По мнению автора, Республика Калмыкия и её население является более спокойным регионом в вопросах межнациональных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В. В. «Россия: национальный вопрос» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.putin2012.ru/>

2. Булуктаева К. Ю. Статус коренных народов России: теоретические и политические аспекты в вопросах взаимодействия // «Актуальные проблемы социально-экономического развития Прикаспийского региона в условиях

инновационной экономики», Российско-Казахстанская Международная науч.-практ. конф. – Элиста: изд-во Калм. Ун-та, 2012. – С. 126-129.

3. Конституция РФ от 12.12.1993 г. с изм. от 01.07.2020 г. // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW

4. Титаренко И. Н. Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации: толерантность или борьба за культурную идентичность // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 3. – С. 17.

5. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М.: Дело, 2000. – 161 с.

6. Гусарова Н. Ф. «Психология профессионального образования» // [Электронный учебник] URL: http://de.ifmo.ru/bk_netra/select.php

Данихно Светлана Николаевна

кандидат исторических наук

аспирант

(Ростовский государственный экономический университет)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: danihno@mail.ru

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПОПРАВК К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принятые в июле 2020 г. поправки к Конституции Российской Федерации впервые за всю новейшую историю конституционных изменений существенно затронули духовно-нравственные, идеологические, мировоззренческие сферы жизни общества. О наличии общественного запроса на «исправление исторических ошибок», допущенных авторами Конституции РФ в 1993 г., когда в текст документа не было включено, в частности, понятие «русский народ», не была закреплена возможность формирования общегосударственной идеологии, эксперты писали задолго до президентских инициатив 2020 г. [1].

В частности, в период обсуждения, упоминание в конституционном тексте Бога вызвало раскол даже в среде парламентариев. Очевидно, что многочисленность и разнообразие сфер духовно-нравственной жизни общества, общественных и личных интересов, затрагиваемых поправками, не позволили сложиться в общественном сознании целостному представлению о сущности и целях указанных трансформаций.

В то же время такое целостное, обобщенное и непротиворечивое понимание и атрибутирование рассматриваемого комплекса конституционных новелл было дано ещё весной в Заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. Этим документом было легализовано и введено в актуальный правовой оборот понятие «общероссийская государственная идентичность» [2].

Согласно данному акту, поправки, касающиеся вопросов общероссийской государственной идентичности, сосредоточены в следующих статьях главы 3 «Федеративное устройство» Конституции Российской Федерации: статья 67, часть 2¹; статья 67¹; статья 68, части 1 и 4; статья 69, части 2 и 3; статья 79. Таким образом,

в максимально кратком изложении, категория «общероссийская государственная идентичность» с учётом дополнений включает такие конституционные нормы, как защита суверенитета и территориальной целостности России, недопустимость призывов к отчуждению территорий (ст. 67, ч. 2¹); правопреемство в отношении СССР, государственное единство России, его скрепы, защита исторической правды, приоритеты государственной политики в области воспитания (ст. 67); статус русского языка и национальной российской культуры (ст. 68, части 1 и 4); защита самобытности народов России и поддержка соотечественников за рубежом (ст. 69, части 2 и 3); государственная политика в области поддержания мира и безопасности (ст. 79).

Сопоставляя первоначальный и обновленный тексты Конституции РФ, становится очевидно, что в том варианте, который был принят на референдуме 12 декабря 1993 г., вопросам общероссийской государственной идентичности было уделено сравнительно (в соотношении с другими вопросами) небольшое внимание. Условно эти положения можно подразделить на две группы.

Первая содержит совокупность конституционных норм, прямо и однозначно идентифицирующая российское общество и отдельных его представителей в системе ценностей. К таковым относятся, прежде всего, положения, включенные в Преамбулу Конституции РФ.

Вторая группа – это конституционные нормы, которые наполняют указанные тезисы реальным содержанием и смыслом. Так, например, ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, закрепляя многообразие форм собственности, отрицает опыт советского этапа истории нашей страны, апеллируя к истории России до конституционного закрепления обобществления частной собственности на средства производства в Конституции РСФСР 1918 г.

В обновленном варианте Основного Закона страны нормативная и семантическая составляющая общероссийской государственной идентичности существенно расширены.

Во-первых, только перечень дополнений конституционного текста, относящихся к категории «общероссийская государственная идентичность», в Заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. составляет без малого страницу текста. Во-вторых, действующие конституционные нормы в контексте поправок приобрели обновленные смыслы.

Проиллюстрируем трансформации на примере лишь одной из рассматриваемых новелл, а именно категории «историческая правда», обязанность защиты которой отныне принимает на себя государство (ч. 3 ст. 67¹).

В первоначальном варианте действующей российской Конституции семантическое поле данной конституционной ценности было ограничено. Это неудивительно, учитывая историческую обстановку принятия документа: anomия, «война с памятниками», масштабный экономический кризис, «парад суверенитетов». Фактически, объектом конституционной защиты выступала не столько история как некая коллективная память, объединяющая предков с нынешними и будущими россиянами (духовные ценности, обычаи, традиции). Во главу угла поставлены ценности материальные, прежде всего, культура, воплощенная в физических памятниках. Другой объект приоритетной защиты –

государственные и общественные институты: государственное единство, федерализм, система социального обеспечения и др.

Следуя тексту первоначальной редакции Конституции РФ, выделим следующие элементы «исторического среза» общероссийской государственной идентичности: во-первых, положения Преамбулы, декларирующие стремление к сохранению исторически сложившегося государственного единства и почитание памяти предков; обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44); косвенно – возложение на государство в целом и составляющие его субъекты охраны памятников истории и культуры (п. «д» ч. 3 ст. 72); защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (п. «м» ч. 1 ст. 72); осуществление местного самоуправления с учетом исторических и местных традиций (ст. 132). Указанная группа конституционных положений непосредственно провозглашает необходимость и обязательность государственной (на всех уровнях публичной власти, включая муниципальную) и общественной защиты неких реальных (исторические и культурные памятники) и достаточно абстрактных («память предков», традиции, наследие) объектов, относящихся к прошлому России.

В обновленном варианте данная составляющая общероссийской государственной идентичности дополнена целым рядом положений.

Разъяснения, помещённые на сайте Государственной Думы Федерального Собрания РФ, к числу средств защиты исторической памяти – новелл 2020 г. относят следующие положения: защита исторической правды на государственном уровне, недопустимость умаления подвига народа при защите Отечества (ч. 3 ст. 67); правопреемство с СССР (ч. 1 ст. 67¹); сохранение исторических традиций и единства (ч. 2 ст. 67¹); запрет отчуждения территорий (ч. 2 ст. 67¹); более полное раскрытие значения русского языка (ч. 1 ст. 68) [3].

Приведенный перечень, на наш взгляд, является не полным, отражая лишь наиболее очевидный пласт конституционных новелл.

Прежде всего, принципиальным является указание на продолжительность исторического прошлого России, ее «тысячелетнюю» историю, которая не только не пресеклась в прошлом, но и оказалась устойчива перед вызовами настоящего (ч. 2 ст. 67). Аналогичную функцию продления исторического прошлого страны, на наш взгляд, выполняет и одно из самых дискутируемых нововведений – упоминание веры в Бога. Той же цели служит и маркировка русского народа как «государствообразующего» (ч. 1 ст. 68). Представляется, что этот термин употреблён не столько для констатации титульного характера русского народа в нынешней исторической реальности, сколько для подчеркивания его исторической роли «собирателя государства» в историческом прошлом страны.

В изначальном варианте Конституции РФ речь шла об обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44). В обновленном варианте акценты смещены: культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством (ч. 4 ст. 68). В первом варианте речь идёт о дошедших до нас из глубины веков

«памятниках», во втором, скорее, об уникальном культурном коде россиян. Этой цели служит и легализация необходимости патриотического воспитания подрастающего поколения (ч. 4 ст. 67).

Таким образом, в новом варианте Конституции РФ объем норм, регулирующих общественные отношения в сфере изучения, передачи, интерпретации, транслирования сведений об историческом прошлом, истории, культуре России и окружающего ее мира увеличился, сами же нормы обрели новые смыслы. Во-вторых, конституционно-правовые отношения, отнесённые нами к сфере общероссийской государственной идентичности, в первоначальном варианте Конституции регулировались преимущественно нормами-декларациями. В обновлённом же варианте они перешли в систему конституционных ценностей, встав, таким образом, в один ряд с ценностями прав и свобод человека, правовой государственности, демократии и другими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Румянцев О. Право русского народа на идентичность // Взгляд. 2013. 12 декабря. — Режим доступа: URL: <https://vz.ru/politics/2013/12/12/663220.html>
2. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» — Режим доступа: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf>
3. Как Конституция защитит историческую память — Режим доступа: URL: <http://duma.gov.ru/news/48231/>

Дюзиков Сергей Александрович
кандидат юридических наук
доктор философских наук, профессор
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: duzhikov@sfedu.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Конституция 1993 года провозгласила Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч.1 ст.7). К важнейшим характеристикам государства как социального относится охрана и укрепление здоровья населения, продление жизни и улучшение ее качества для каждого отдельного человека и всего российского общества в целом, всемерное развитие систем здравоохранения, физической культуры и спорта, обеспечение

экологического, санитарно-эпидемиологического благополучия и на этой основе - гарантирование каждому конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41). Многоаспектность соответствующих задач предопределяет различные механизмы её решения, включающие в себя, наряду со специфическими медицинскими мероприятиями, различные экономические, социально- политические и, не в последнюю очередь, юридические меры.

Предоставляя личности определенные права в сфере здравоохранения, Конституция РФ одновременно возлагает на государство соответствующие обязанности по обеспечению этих прав. Без этого односторонние права граждан носили бы характер простых деклараций. Во исполнение своих обязанностей государство принимает законодательные и иные нормативные правовые акты, создает правоприменительные органы, организует соответствующие предприятия и учреждения, предусматривает источники финансирования.

Бесспорным подтверждением важности этих проблем является то обстоятельство, что в настоящее время вопросы охраны здоровья нашего населения вышли на уровень национальной безопасности. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" дополнил содержание Конституции нормами, создающими дополнительные гарантии обеспечения права на охрану здоровья в Российской Федерации.

Пункт «е» статьи 71 дополняет указание, что в ведении Российской Федерации находятся: «установление единых правовых основ системы здравоохранения».

Пункт «ж» части 1 статьи 72, изложенный в новой редакции относит к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации: «координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью».

Принятые изменения в Конституции стали содержать более четкие разграничения полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации в области охраны здоровья, в то время как ранее были только общие разграничения предметов ведения: государство гарантирует права и свободы человека и гражданина (пункт «в» статьи 71 Конституции РФ). Тем самым Конституция РФ обеспечивает единый правовой статус человека и гражданина, в том числе и в сфере охраны здоровья для всех лиц, проживающих на территории Российской Федерации. В то же время защита прав и свобод человека и гражданина находится также в соответствии с п. «б» ст.72 Конституции РФ в совместном ведении РФ и субъектов РФ.

Вместе с тем координация вопросов здравоохранения, которая с 1993 года является предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (пункт «ж» статьи 72), включает в себя такие основные направления, как законодательное регулирование отношений в области здравоохранения, установление основ федеральной государственной политики в данной области; разработка и реализация программ по развитию здравоохранения;

определение структуры органов управления системой здравоохранения; доли расходов на здравоохранение при формировании бюджетов различных уровней; управление собственностью, организация санитарно-эпидемиологической службы, установление стандартов качества медицинских услуг, единых критериев подготовки медицинских работников и т.д.

Также необходимо подчеркнуть, что осуществление мер по обеспечению проведения в Российской Федерации единой государственной политики в области здравоохранения входит в компетенцию Правительства Российской Федерации (пункт «в» статьи 114 Конституции РФ).

Хотя общее руководство здравоохранением осуществляет Президент и Правительство Российской Федерации, существуют специальные органы, обеспечивающие непосредственное руководство этой сферой.

На государственные органы субъектов РФ возложена обязанность по осуществлению федеральной государственной политики в области здравоохранения, реализация федеральных программ развития здравоохранения. Эти органы осуществляют меры по развитию сети учреждений государственной системы здравоохранения на соответствующей территории, участвуют в обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия, координируют деятельность субъектов государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения в области охраны здоровья, осуществляют лицензирование медицинской и фармацевтической деятельности.

Они разрабатывают и реализуют программы соответствующих субъектов Российской Федерации по развитию здравоохранения, профилактике заболеваний, оказанию медицинской помощи и другим вопросам охраны здоровья граждан, осуществляют меры по реализации федеральных программ развития здравоохранения; в пределах, предусмотренных законодательством, координируют деятельность органов государственного управления, а также предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности в области охраны здоровья граждан.

Особую актуальность данные положения приобретают в период распространения вирусной инфекции. Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 года №239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой короновирусной инфекции (COVID-19)». Весной 2020 года главам субъектов Российской Федерации были предоставлены широкие права, призванные обеспечить сохранность здоровья населения соответствующего региона и устанавливать ограничительные, запретительные и гарантирующие меры, исходя из уровня распространения инфекции. Так например, Указом Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ "О введении режима повышенной готовности" был введен режим «повышенной готовности», было установлено ряд запретов и ограничений для юридических лиц (например, проведение спортивных мероприятий или работа мест общественного питания), так и физических лиц.

Указ Мэра предусматривал ограничение посещения обучающимися образовательных организаций, предоставляющих общее, дополнительное образование, осуществляющих спортивную подготовку, а также

профессиональных образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования, с обеспечением реализации образовательных программ общего и среднего профессионального образования с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в порядке, определяемом администрацией образовательной организации. То есть данный нормативный акт предусматривал большой перечень ограничительных и запретительных мер по возможности перемещения по городу, посещения определенных мест, возможности работать и получать образование.

Данный Указ предписывал также ряд дополнительных обязанностей для граждан (ст.9). Например, сообщать о своем возвращении в Российскую Федерацию; при появлении первых респираторных симптомов незамедлительно обратиться за медицинской помощью на дому без посещения медицинских организаций; соблюдать режим изоляции на дому; использовать средства индивидуальной защиты органов дыхания (маски, респираторы) и рук (перчатки); соблюдать дистанцию до других граждан не менее 1,5 метров (социальное дистанцирование); не покидать места проживания (пребывания), за исключением ряда случаев. Ряд дополнительных обязанностей было предписано юридическим лицам - работодателям. Например, обеспечить соблюдение гражданами (в том числе работниками) социальное дистанцирование и т.д.

Из анализа нормативных актов, принятых в 2020 году, можно сделать вывод, что полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья расширяются. Пандемия продемонстрировала возможности глав субъектов Российской Федерации по обеспечению охраны здоровья населения и возможность переноса ответственности с федерального на региональный уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993.//официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Дюжиков С.А. Права человека в области охраны здоровья (международно-правовые стандарты и действующее законодательство РФ) // Ростов н/Д: РЮИ МВД России.- Сборник статей. -2000.

3. Дюжиков С.А. Реализация права на охрану здоровья на уровне муниципального образования// Ростов н/Д: Изд-во Ростовского Университета.- Сборник статей.- 2000.

4. Дюжиков С.А. Международно-правовые стандарты в области охраны здоровья человека// Материалы Международной научно-практической конференции «Международно-правовые стандарты в области здравоохранения». М.: Изд. Московского государственного университета- 2007.

Жело Валентина Валентиновна
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: valentina-gelo@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ РЕДАКЦИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

В результате конституционной реформы 2020 года в Конституцию России было внесено более 200 дополнений и изменений. Конституционно-правовым основам статуса Парламента России (Федерального Собрания), содержащимся в главе пятой Конституции, посвящено 26 из них [1]. Так, Конституцией существенно расширены полномочия Российского Парламента в системе сдержек и противовесов, тем самым его конституционно-правовому статусу придан новый, качественно более высокий уровень. Данные обстоятельства обуславливают актуальность и новизну исследования проблемы соотношения российского парламентского права с международным парламентским правом в контексте новой редакции нормативного содержания принципа верховенства (примата) международного права в правовой системе России.

В вопросе соотношения российского конституционного и международного права за последние 150 лет своей истории Россия прошла сложный, но достаточно поступательный демократический путь развития научной доктрины и практики ее применения. На наш взгляд, можно выделить четыре этапа этого развития. Начав с дуалистической концепции соотношения международного и национального права в императорский (царский) период (первый этап), Россия в двадцатом веке вступила в период реализации монистической концепции примата советского социалистического права над международным в условиях большевистской идеологии и государства диктатуры пролетариата (второй этап).

В современных условиях целесообразно констатировать, что демократическим ценностям правового государства и правового сообщества государств более отвечает верховенство не национального, а именно международного права либо дуалистическая концепция их соотношения. Хотя при этом следует иметь в виду, что ряд развивающихся стран Африки и Азии продолжает оставаться на позициях монизма (верховенства национального права над международным) и в настоящее время. Наряду с этими государствами далеко уже не развивающаяся страна США в своих внешнеполитических и внутригосударственных отношениях неизменно проводит курс на верховенство американского права над международным. К каким это приводит негативным последствиям является очевидным для всего международного сообщества государств.

В связи с тем, что более зрелым и сбалансированным подходом является дуалистическая концепция соотношения международного и национального (внутригосударственного) права, в период развитого социализма СССР перешел на эти позиции, что было зафиксировано в соответствующих конституциях (СССР и РСФСР) 70-х годов прошлого века (третий этап). Крупным достижением этого периода следует считать тот факт, что все десять основных принципов международного права, которые, в первую очередь, можно относить в число общепризнанных, получили статус конституционных норм - принципов внешней

политики советского государства. Таким образом, мы видим, что дуалистический подход к соотношению международного и национального права является для России достаточно традиционным и плодотворным как в императорский, так и в советский период развития правовой мысли и практики.

Подлинно революционным и новаторским достижением в правовом научном и практическом плане следует считать включение в число основ конституционного строя современной России принципа верховенства (примата) международного права в статью 15 Конституции 1993 года (четвертый этап). Несмотря на то, что этот принцип был закреплен несколько в усеченном виде, Россия тем самым наглядно продемонстрировала свою приверженность общечеловеческим и демократическим ценностям, разделяемым всеми государствами Европы. Большинство конституций европейских государств содержат различные формулировки принципа верховенства международного права. Так, в частности, статья 25 Основного закона (Конституции) ФРГ указывает, что "общие нормы международного права являются составной частью права Федерации. Они имеют преимущества перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории" [6].

В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ в правовую систему России включены общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры РФ. Тем самым, именно конституционному праву принадлежит инициатива в сближении и гармонизации национального права с международным, которые до этого воспринимались как две самостоятельные и непересекающиеся правовые системы. Как следует из содержания статьи 15 Конституции, не все международное право имеет приоритет (верховенство) перед российским правом, а только те международно-правовые принципы и нормы, которые являются юридически обязательными для России в силу добровольно принятых ею на себя обязательств. Поэтому вряд ли можно считать международно-правовые нормы инородными (чуждыми) для российской правовой системы.

Кроме того, при анализе текста Конституции РФ в целом, и на этом делает особый акцент новая редакция Конституции, можно сделать в современных условиях четкий вывод о том, что сама Конституция имеет верховенство по отношению к вошедшим в правовую систему России международно-правовым принципам и нормам, а также иным источникам международного права [8, 88]. Обращает на себя внимание и тот факт, что Конституция отдает верховенство нормам международного права, закрепленным именно в договорно-правовой форме. В связи с этим в российской доктрине конституционного и международного права существует дискуссия о целесообразности распространения принципа примата международного права и на международные обычаи, а также на решения международных организаций, органов и судебных учреждений, которые являются юридически обязательными для РФ.

Дуалистическая концепция соотношения международного и национального права акцентирует внимание на различиях, существующих в данных правовых системах, и не ставит вопрос о верховенстве одной из них. При этом рассматриваются существующие между системами координационные связи (в виде отношений взаимовлияния). В отличие от этого концепция верховенства

международного права берет за основу, в первую очередь, общие черты и тенденции развития правовых систем. Ими применительно к российскому и международному парламентскому праву являются общность юридической природы, предмета регулирования, однородные объекты, субъекты и источники правового регулирования [7, 167].

Так, в частности, основными субъектами российского парламентского права являются, в первую очередь, физические лица - граждане РФ (депутаты, сенаторы, избиратели, кандидаты, доверенные лица и др.) [3]. Наряду с ними в правоотношения вступают парламентские организации и органы (партии и другие избирательные объединения, международные межправительственные и неправительственные организации) [2;4]. Парламентский процесс невозможен и без российского государства, его органов и должностных лиц, осуществляющих организацию выборов, их финансирование, законотворческий процесс, правовую защиту прав граждан и др. [5]

В соответствии с международным парламентским правом субъектами являются эти же три вида участников правоотношений. При этом приоритет принадлежит государствам (основным субъектам), а физические и юридические лица выступают в роли вторичных (производных) субъектов. В заключение следует подчеркнуть, что последовательная реализация конституционных положений о верховенстве международного права приводит на практике к образованию комплексных межсистемных отраслей и институтов, включающих в себя нормы и источники различных правовых систем. Ярким примером этому может служить российское парламентское право, объединяющее в себе международные парламентские стандарты, а также принципы и нормы российского конституционного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru 4 июля 2020.
2. Устав (Статуты) Межпарламентского союза 1976 года (пересмотр. в 1983 г., ред. 2019 г.) // Официальный сайт Межпарламентского союза www.ipu.org [дата доступа 14.10.2020].
3. Регламент Государственной Думы 1998 года (ред. 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 26. Ст. 4084.
4. Правила (Регламенты) главных органов Межпарламентского союза 1976 года (пересмотр. в 1983 г., ред. 2019 г.) // Официальный сайт Межпарламентского союза www.ipu.org [дата доступа 14.10.2020].
5. Законопроект № 1024649-7 Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "О безопасности"" // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации duma.gov.ru [дата доступа 14.10.2020].
6. Конституция ФРГ 1949 года (ред. 2012 г.). // International Constitutional Law www.servat.unibe.ch/icl/gm00000_.html [дата доступа 14.10.2020].

7. Жело В.В. Межпарламентский союз // Право международных организаций: учебное пособие. Ростов н/Д, 2010.

8. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти". М., 2020.

Ирхин Игорь Валерьевич
доктор юридических наук
старший научный сотрудник
(Кубанский государственный университет)
г. Краснодар
e-mail: dissertacia@yandex.ru

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И БИОЭТИКА В КОНСТИТУЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Проблемы выработки оптимального конституционно-правового инструментария, способного обеспечить надлежащий уровень реализации, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, сохраняют высокую степень актуальности в различных сферах социальной жизни на всех мировых континентах. Особое значение данные проблемы имеют в области биоэтики, что обуславливается интенсивными диверсифицированными масштабными исследованиями человеческой природы (как биологического и физиологического существа), результаты которых могут кардинальным образом могут изменить образ жизни человечества (нынешнего и будущего поколений).

Внесенные в 2020 г. поправки в Конституцию РФ не затронули вопросы биоэтики. Между тем данная тематика представляется особенно значимой в свете текущих и перспективных тенденций развития генетических исследований и развертывания соответствующего инфраструктурного базиса. Приняты Указ Президента РФ № 680 от 28.11.2018 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» [14], Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019 - 2027 годы [11]. В Послании Федеральному Собранию РФ на 2020 г. Глава государства отметил, что «генетические исследования, безусловно, будут определять будущее всего мира и будущее России (наряду с исследованиями в области искусственного интеллекта)» [10]. На совещании о развитии генетических технологий в России 14 мая 2020 г. Президент РФ В.В. Путин указал, что «Россия должна обладать целой линейкой разработок, которые позволят предупреждать и лечить тяжелые заболевания, увеличивать продолжительность жизни людей, состояние окружающей среды, очищать от загрязнений землю, воду, воздух, применять экологически чистое биотопливо. То есть речь идет о самых разных областях – от медицины и сельского хозяйства до промышленности и энергетики, где генетические технологии открывают колоссальные возможности» [7].

В данном аспекте актуализуются вопросы выработки и адаптации средств и способов конституционно-правового регулирования биоэтики (в том числе,

применительно к генетическим исследованиям), что предопределяется их непосредственной связанностью с правами человека, механизмами обеспечения их реализации, охраны и защиты. Соответственно, права человека выступают интегративным объектом воздействия биоэтики и права (различных отраслей права).

Вместе с тем особенное значение данный спектр отношений имеет для конституционно-правовой отрасли, что предопределяется ее местом и значением в системе отраслей российского права. В этом плане необходимо также иметь в виду имманентный для конституционно-правовой отрасли функционально-методологический инструментарий квалификации сущностно-содержательных характеристик правового статуса человека в контексте принадлежащих ему права на жизнь, свободу, равенство, признание достоинства личности, право на физическую неприкосновенность, тайну частной жизни, охрану здоровья, недопустимость проведения принудительных научных, медицинских и иных опытов над человеком и др. В этих условиях со всей очевидностью на передний план выступает проблематика поиска и эффективного применения корреспондирующих механизмов синхронизации конституционного права и биоэтики в призме регуляции прав человека.

Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека [5] определено, что данный документ затрагивает этические вопросы, касающиеся медицины, наук о жизни и связанных с ними технологий применительно к человеку, с учетом их социальных, правовых и экологических аспектов.

В научной литературе предлагаются различные подходы к интерпретации понятия биоэтики. Так, под биоэтикой понимается учение о моральном измерении (мировоззрения, решений, поведения, политики) естественных наук и здравоохранения, в рамках которого используются инструменты этической методологии применительно к собственным дисциплинарным установкам [3]. Также биоэтика интерпретируется в качестве междисциплинарного учения о вопросах этики в медицине, возникшего в результате научно-технологического развития, а также непрерывного внимания к правам человека [2].

Выделяются узкая и широкая трактовки биоэтики. В узком смысле биоэтика определяется как «регулятор проблем, связанных со здоровьем человека, спорных ситуаций во взаимодействии врача и пациента, экспериментатора и подопытного, а также прочих проблем, вытекающих из бурного развития медицины и биотехнологии. В широком смысле биоэтика понимается как «этика жизни не только человека, но и других живых организмов, рефлектирующая проблемы экологического характера и вопросы ценности биоразнообразия» [6].

В данном аспекте заслуживает внимания тезис о расширении «повестки и сферы применения биоэтики за пределами медицины, например, к проблемам бедности» [4].

Права человека имплементированы в структуру биоэтики, предопределяют ее мировоззренческие, аксиологические, телеологические и онтологические параметры. Интегративная природа прав человека и биоэтики характерным образом прослеживается в ракурсе генезиса ее формирования. Речь идет о том, что возникновение биоэтики было обусловлено вопиющими нарушениями прав

человека в период Второй мировой войны. В этой связи, обоснованно утверждение о том, что биоэтика «рождена на пепелище Холокоста» [1]. Речь идет о том, что одним из мотивов правового регулирования вопросов биоэтики (имплементации в структуру предмета правового регулирования) выступила ужасающая практика проведения в концлагерях фашистской Германии экспериментов над людьми, осужденная в рамках Нюрнбергского процесса. В 1947 г. был принят Нюрнбергский кодекс [9], который считается первым правовым актом, регламентировавшим требования (условия) к проведению экспериментов над человеком (с позиции соблюдения его прав).

В текущий период в международном праве приняты различные правовые акты, регулирующие сферу биоэтики [12]. Необходимо отметить, что на данном уровне осуществляется наиболее интенсивная проработка вопросов биоэтики, однако, в большинстве своем указанные документы являются актами «мягкого права». В названных документах основная (сквозная) концептуальная линия сосредоточивается на защите достоинства, идентичности и целостности личности человека; приоритете интереса человека над интересами общества и науки. Положения указанных документов также устанавливают необходимость соблюдения соответствующих профессиональных обязательств и стандартов врачей при любых медицинских вмешательствах; необходимость получения добровольного информированного согласия при условии медицинского вмешательства; недопустимость нарушения права на приватность; запрет дискриминации на основе генетической наследственности; запрет коммерческого использования тела человека. Особого внимания заслуживают сформулированные в Международных этических требованиях к медицинским исследованиям с участием человека [8] общие этические принципы уважения к личности¹, достижения пользы², справедливости³.

В национальных конституциях зарубежных государств редко закрепляются правовые нормы, посвященные биоэтике. Наиболее развернутые положения содержатся в Конституции Швейцарии [13], которые регламентируют вопросы охраны здоровья человека, человеческого достоинства, личности, семьи⁴.

---

¹ Уважение к личности включает два этических аспекта: а) уважение к независимости, что требует уважения к самоопределению субъекта, б) защита субъектов с ограниченной независимостью.

² Достижение пользы предполагает обязательство достигать максимум пользы при минимуме вреда.

³ Справедливость означает в данном случае обязательство обращаться с субъектом в соответствии с моральными правилами и предоставить каждому должное. В области исследований с участием человека в основном речь идет о распределительной справедливости, требующей равного распределения между лицами пользы и страданий от участия в исследованиях.

⁴ Статья 119 этого документа определяет, что человек подлежит защите от злоупотреблений репродуктивной медициной и геной инженерией. Союз издает предписания об обращении с человеческим зародышевым и наследственным материалом. Он заботится при этом об охране человеческого достоинства, личности и семьи и в особенности соблюдает следующие принципы: а) все виды клонирования и вмешательств в наследственный материал человеческих гамет и эмбрионов недопустимы; б) нечеловеческий зародышевый и наследственный материал не может вводиться в человеческий зародышевый материал или синтезироваться с ним; в) процедуры медицински поддерживаемой репродукции могут применяться только в случае, если иным образом не могут быть устранены бесплодие или опасность заражения тяжелой болезнью, но никоим образом не для создания у ребенка определенных свойств и не для проведения исследований; оплодотворение человеческих яйцеклеток вне тела женщины разрешается только при установленных законом условиях; вне тела женщины можно развить в эмбрионы столько человеческих яйцеклеток, сколько их можно ей сразу имплантировать; д) пожертвование эмбрионов

Принимая во внимание степень и масштабы интенсивности развития биотехнологий (в том числе биомедицинских) технологий, их неоспоримо высокую значимость для актуального и перспективного состояния прав человека, возможных траекторий их трансформации, целесообразно было бы учесть практики правовой регуляции сферы биоэтики путем фиксации на уровне Конституции РФ базовых положений (принципов), определяющих общие контуры развития данного направления деятельности (признание целостности человеческой личности, ее автономии (самоопределения), обеспечение защиты и реализации интересов нынешних и будущих поколений, условия применения геномных технологий и др.). Референдарный механизм способствовал бы всеобщей легитимации ценностно-мировоззренческого восприятия данных аспектов современной жизни, позволил бы определить возможные консенсусные вариации методологии разработки перспектив данной области научного знания и практики ее применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Annas G. American Bioethics And Human Rights: The End Of All Our Exploring // *Journal of Law, Medicine & Ethics*, Vol. 32, p. 659.
2. Besirevic V. The Gods Must be Crazy: Does Constitution Speak about Bioethics? // *Anali Pravnog fakulteta u Beogradu*, No. 3, p. 114.
3. *Encyclopaedia of Bioethics*, W. Reich (ed.), 1995, p. xxi.
4. Mclean S. Human Rights and Bioethics // *Journal of medical ethics*, Vol. 34 (5), 2008, P. 6. URL: https://www.researchgate.net/publication/5403197_Human_rights_and_bioethics (дата обращения 30.10.2020).
5. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека от 19 октября 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения 30.10.2020).
6. Кожевникова М. Биоэтика: возвращение к истокам // *Знание. Понимание. Умение*. 2017, № 1. С. 97-98.
7. Материалы совещания о развитии генетических технологий в России <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63350> (дата обращения 30.10.2020).

и все виды суррогатного материнства недопустимы; е) запрещается любая торговля человеческим зародышевым материалом и производными из эмбрионов; ф) наследственный материал лица может исследоваться, регистрироваться или раскрываться только с согласия лица или по предписанию закона; г) каждое лицо имеет доступ к данным о своем происхождении. Статья 119-а устанавливает, что Союз издает предписания в области трансплантации органов, тканей и клеток. Он заботится при этом об охране человеческого достоинства, личности и здоровья. Он, в частности, устанавливает критерии для справедливого распределения органов. Пожертвование человеческих органов, тканей и клеток безвозмездно. Торговля человеческими органами запрещается. Согласно статье 120 человек и окружающая его среда подлежат защите от злоупотреблений геной инженерией. Союз издает предписания об обращении с зародышевым и наследственным материалом животных, растений и других организмов. Он, принимает во внимание достоинство Творения, а также безопасность человека, животного и окружающей среды и охраняет генетическое многообразие видов животных и растений.

8. Международные этические требования к медицинским исследованиям с участием человека 2016 г., <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/3027-CIOMS-EthicalGuidelinesRussianLayout2019-1.pdf> (дата обращения 30.10.2020).

9. Нюрнбергский Кодекс, 1947 г. URL: <http://www.psychopravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm> (дата обращения 30.10.2020).

10. Послание Президента Федеральному Собранию // Парламентская газета, № 7, 22-28.02.2019.

11. Постановление Правительства РФ от 22.04.2019 N 479"Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019 - 2027 годы" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.04.2019.

12. Сиднейская Декларация относительно констатации факта смерти 1968 г., Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи 1991 г., Декларация об эвтаназии 1997 г., Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г., Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 г., Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г., Хельсинкская декларация всемирной медицинской ассоциации 1964 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенция о правах детей 1989 г., Конвенция ООН о биологическом разнообразии 1992 г., Международные руководящие принципы этики для биомедицинских исследований на человеке 1982 г. и др. Кроме того, принят ряд актов ЮНЕСКО, Советом Европы, Парламентской Ассамблеей Совета Европы, Комитетом министров Совета Европы, Советом международной организации медицинских наук.

13. Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 года http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm (дата обращения 30.10.2020).

14. Указ Президента РФ от 28.11.2018 № 680"О развитии генетических технологий в Российской Федерации" (вместе с "Положением о совете по реализации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019 - 2027 годы") // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.11.2018.

Кротов Андрей Владиславович
кандидат юридических наук
г. Н. Новгород
e-mail: pravonnov@yandex.ru

ВКЛЮЧЕНИЕ В ТЕКСТ КОНСТИТУЦИИ РФ УКАЗАНИЯ НА ВЕРУ В БОГА, КАК РЕЗУЛЬТАТ ТЕНДЕНЦИИ КЛЕРИКАЛИЗАЦИИ СОЦИУМА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

На сегодняшний день в текст конституций постсоциалистических стран Восточной Европы включены различные по содержанию упоминания о Боге, религии: например, в статье 71 Конституции Грузии отмечается, что при вступлении в должность вновь избранный Президент Грузии произносит программную речь и приносит присягу в которой заявляет «перед Богом и Народом» о выполнении своих обязанностей; члены Сейма Литовской Республики просят божьей помощи в целях службе Родине, демократии (ст. 5 Закона Литовской Республики О порядке вступления в силу Конституции Литовской Республики от 6.11.1992 г.); сходное положение закреплено в ст. 82 Конституции Румынии; в соответствии со ст. 13 Конституции Республики Болгария, установлено что традиционной религией в Республике Болгарии является восточно-православное вероисповедание.

Процесс «возвращения религии в публичное пространство» [6, с.34-44], наиболее ярко в российской системе права проявился с включением в текст Конституции пункт 2 статьи 67.1 «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство», судьи Конституционного суда толкуя содержание данного пункта Конституции пришли к выводу, что «Включение в текст Конституции Российской Федерации указания на веру в Бога, переданную народу России предками не означает отказа от светского характера Российского государства...призвано лишь подчеркнуть необходимость учета при осуществлении государственной политики той исторически значимой социально-культурной роли, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности» [6].

Религия в современных государствах выполняет две функции:

1. Функция единства, объединение населения под едиными философско-религиозными идеями (такая связь усиливается при объединение единоверцев в качестве граждан),
2. Исключение из группы любого, кто угрожает ее жизнеспособности [3].

Возможно ли, путем включения в ст. 67.1 национальной Конституции указания на веру в Бога, переданную предками народу России, достичь объединения населения?

Ответ представляется отрицательным.

Влияние религии (с доминантом православия) на правовую, духовную, экономическую и политическую систему в постсоциалистических странах восточной Европы, не взирая на период воинствующего атеизма XX в., безусловно, как собственно и воздействие западного христианства, иудаизма, на современное западное общество.

Современные авторы отмечают, что: «в условиях, когда не совсем ясно, в чем заключается «русскость» и в чем ее ценность, православие начинает выступать не столько как религия, сколько как символ русского своеобразия и духовной ценности этого своеобразия» [8, с. 23-32], как указывает М. Д. Фоминская «Доктрина прав человека должна разрабатываться с учетом национальных архетипов и этнокультурных представлений о соотношении человека и общества.

В России эти представления обусловлены многовековой традицией православной веры...Русская национальная идея возникла и развивалась в границах православного мироощущения, мировоззрения, миропонимания» [9, с. 23-28].

Согласно статистическим данным (опрос населения) за 2017 г. [2], Россия рассматривается в качестве глобального защитника православия и этнически русского населения, причем и вне пределов России, такое мнение преобладает в том числе в трех православных странах-членах Евросоюза: Болгарии, Греции и Румынии. Аналогичная точка зрения доминирует в Армении, Белорусии, Молдове и Сербии, сильная Россия соответственно обязана защищать православные страны от влияния западной церкви (западного христианства), 57 % населения в России считают, что истинно русским может быть только православный (данные на 14.01.2019 г. [4]).

Соответственно можно сделать вывод о позиционировании России прежде всего в качестве православной страны, именно православие, а не ислам, иудаизм или католицизм, «претендует на статус религии русского народа, выступает как его национальная религия» [8], **указание в тексте Конституции на веру в Бога, переданную населению России предками, фактически предполагает апеллирование к идеям православия, которое на сегодня является наиболее значимой в России религией, и во многом служит символом «национальной идентичности, культурного стержня» [8].**

В тоже время следует отметить существенный прогресс в расширении влияния ислама в России, с 2000 по 2014 год доля мусульман в России выросла почти втрое — с 5,5 до 16%, на сегодня ислам занимает второе место в рейтинге самых распространенных в России конфессий, по прогнозам к 2050 году доля мусульман может составить 80 % населения России [5], в свою очередь в современном мире количество последователей православия резко сократилось, если в 1910 г. их было 20 % (от общего количества христиан), то в 2010 году – 12 %, протестантов в 1910 г. – 32 %, в 2010 г. – 38 %, католиков в 1910 г. – 47 %, в 2010 г. – 50 % [1].

Внутри страны, где исторически сложилась полирелигиозность, достигнуть объединения населения путем апеллирования к каким-либо философско-религиозным идеям невозможно, не существует некой общей «религиозной составляющей», Бога единого для всех учений.

Попытка синтеза неких общих философско-религиозных идей, на базе православия, ислама, иудаизма, и прочих религий, и обоснование таким образом государственной политики, исторической преемственности, попытки объединения населения, представляется утопией, западные авторы небезосновательно отмечают, что опасность клерикализации в том, что ни одни из философско-религиозных идей не найдут повсеместной поддержки у граждан, любое использование политических институтов в поддержку религии приведет к разобщению граждан [3], **тем более если такие религиозные идеи противоречивы, являются основой несовместимых типов общественного устройства.**

На сегодня отсутствуют убедительные доказательства того, что существовал социальный запрос (как результат изменения социальной

реальности) на изменение текста конституции, предполагающий закрепление указания на веру в Бога, переданную народу России предками.

В данном случае, изменение текста Конституции вызвано скорее всего следующим:

1. Борьба с экспансией западноевропейских идей, включая те ценности, которым придан глобальный характер.

2. Обоснование и развитие евразийской идеологии (с формированием особой евразийской идентичности России).

3. Поддержка, оправдание и сохранение авторитарных механизмов управления.

Включение в текст Конституции статьи 67.1, трактовка указанной статьи предлагаемая судьями Конституционного суда, лишь подчеркнула и усилила разрыв между конституцией и общественной практикой, властью и обществом, конституция приобретает черты более политического документа, а конституционный суд выступает в роли политического агента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Orthodox Christianity in the 21st Century url: <https://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century/> (дата обращения 26.02.2020).

2. Orthodox Christians in Central and Eastern Europe favor strong role for Russia in geopolitics, religion MAY 11, 2017 url: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/05/11/orthodox-christians-in-central-and-eastern-europe-favor-strong-role-for-russia-in-geopolitics-religion/> (дата обращения 18.03.2020).

3. Sapir G. Barak-Erez D. Barak A. Israeli Constitutional Law in the Making\Oxford and Portland, Oregon. 2013. 579 p.

4. Split between Ukrainian, Russian churches shows political importance of Orthodox Christianity JANUARY 14, 2019 url: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/14/split-between-ukrainian-russian-churches-shows-political-importance-of-orthodox-christianity/> (дата обращения 18.03.2020).

5. Глава совета муфтиев предсказал рост доли мусульман в России до трети. 04.03.2019 г. url: <https://www.rbc.ru/society/04/03/2019/5c7d312f9a794786546fa2de> (дата обращения 11.10.2019 г.).

6. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 "О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации" / "Российская газета", № 56, 17.03.2020.

7. Овсепян. Ж. И. Конституционные статусы религий в современном мире (государства Европы, Азии, Индостана и Дальнего Востока) \ "Конституционное и муниципальное право", 2017, № 7 с. 34-44.

8. Ситников А. В. Православие, институты власти и гражданского общества в России. СПб., 2012. с. 23-32.

9. Фоминская М. Д. Достоинство личности как правовая ценность: история и современность // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России № 1 (49) 2020. с. 23-28.

Лусегенова Зинаида Сергеевна
кандидат юридических наук, профессор
(Российский государственный университет правосудия)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: zinalus@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ В УСЛОВИЯХ НОВЕЙШИХ ПРАКТИК ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

События последнего десятилетия – глобализация и стремительное развитие цифровых технологий, изменили вектор развития российского государства и права, предъявили совершенно новые требования к правовой науке. Поправки к Конституции РФ 2020 года ознаменовали осознанный переход государства в новый исторический период развития. Какие изменения произойдут во взаимоотношениях государства, общества и личности? Каков характер власти в новых условиях развития? Останется неизменным традиционное понимание права? В каком направлении будет развиваться институт защиты индивида в информациональном обществе?

Лучшие умы человечества всегда мечтали о его прекрасном будущем. Однако, для одних это будущее – общество, основанное на росте сознательности граждан и трудовом героизме, в котором каждый обеспечивается жизненными благами по потребностям, а для других это технологичное общество, в котором сверхприбыли извлекаются при минимальных материальных затратах, а информация (данные) превратятся в богатство наряду с богатством материальным [1].

Реальность развенчала многовековые иллюзии о государстве всеобщего блага. Экономическое поведение россиян в кризисных условиях пандемии сформировалось на основе сокращения доходов, физических ограничений, неопределенности будущего, переоценки ценностей [2]. В XXI веке весь мир стал развиваться по общим глобализационным правилам финансового капитализма, который принял новые технологичные формы в экономике, власти, управлении, пропаганде и культуре. Мир проделал путь от идеи космополитизма древних философов, к концепции мирового государства и права, основанной на таких положениях, как: 1) приоритет наднациональных правил поведения и институтов над национальными; 2) постепенном вытеснении национальных обычаев, традиций, культуры, моральных и иных национальных ценностей и интересов

наднациональными, общечеловеческими; 3) формирование и развитие мирового сообщества как социальной основы мирового государства и воспитание нового человека – космополита, свободного от национальной идентичности; 4) полный отказ от государственного и национального суверенитета [3].

Большое число научных трудов социологов и правоведов посвящено анализу изменений в различных сферах жизнедеятельности под влиянием процессов глобализации, универсализации и цифровизации. Так, социолог Зиновьев А.А. раскрыл не только замысел западников по процессу эволюции мира к сверхобществу, но и описал механизм и формы проявления нового типа социальной организации такого общества. По мнению А.А. Зиновьева после развала СССР возникло новое русло исторического потока западного мира, возник новый функциональный уровень, названный философом стратегическим, надстроечной частью социальной организации общества [1, с.534-536]. Сверхгосударство выросло, отчасти на основе демократии и как ее развитие, а отчасти на основе недемократической государственности как отрицание демократии, из негосударственных источников. Процесс развития сверхобщества сопровождается сокращением государственности за счет увеличения сверхгосударственности, когда высшая представительная часть власти уже не является узаконенной на уровне фундаментального права, она избирается не снизу, а назначается сверху. Возникает сверхвласть, которая подчиняет себе государство и отнимает у него часть суверенитета. Возникает сверхправовой, надстроечный уровень нормативной базы общества. На основе сверхправовых норм формируется сверхправо, которое включает средства использования правовых норм и средства сопротивления им – контрправо, а также нормирование поступков, не охватываемых нормами права. Сверхправо использует принудительную силу и все средства государственного принуждения, а также средства сверхгосударства и сверхэкономики. Основу глобального капитализма составляет глобальный денежный механизм с его наднациональными экономически империями. Складывается сфера экономики на уровне механизма условных, или символических денег. Условные деньги создают символическую экономику, которая значительно превосходит экономику реальную. Условный денежный механизм отчасти функционирует как капиталы, но выходит за пределы государственности и экономики, превращается в сверхкапитал с функцией власти, подчиняя тем самым и государство, и экономику и общество [1, с.546-551]. С конца XX века в работах западных социологов подробно описывалось сетевое общество, государство, основанные на процессах глобализации капитала и глобальных сетях, включая финансовые рынки, транснациональное производство, сеть Интернет с интерактивной, многоцелевой коммуникацией, международные институты, управляющие глобальной экономикой и межгосударственными отношениями. Технизация (цифровизация) общества потребовала нового кодирования права [4]. Вследствие увеличения потоков информации в рамках государств и мирового сообщества возникла необходимость расширительного толкования понятия правовое пространство, как виртуального взаимодействия государства, международных организаций, объединений, ассоциаций в условиях интеграционных процессов. Развитие правового пространства влечет появление

новых предметов и субъектов правового регулирования, возможности обособления самостоятельной отрасли сетевого права [5].

Российские социологи и правоведы, озадаченные кризисной реальностью 2020 года, констатируя смену вектора цивилизационного развития, занялись поиском ценностей нового сетевого общества как ориентиров на будущее, определяющих стратегию построения отношений государства, общества и человека. Ревизия научных представлений о публичных, частных, государственно-правовых ценностях, о соотношении универсальных и национальных ценностей в современной модели мирового устройства и осознание разрыва между декларируемыми в Конституции ценностями и их практической реализацией, обусловили следующие выводы: государство должно играть централизующую роль в обществе; государство должно оправдать надежды общества на его социальную, юридическую защиту; государство должно иметь четко определенную стратегию развития, национальную идею (куда мы идем, и какое общество строим); государство должно учитывать менталитет – национальный характер российского общества, основанный на соединении идей солидаризма, формально-правового равенства, ответственности, ценностях конкурентной и политической среды. Без этого, заявили ученые, нет надлежащих предпосылок для проведения конституционной реформы [6]. Объективный ответ на вопрос что такое ценность в сетевом обществе содержится в исследовании западного социолога М. Кастельса. В сетевом обществе, указал ученый, где глобальный капитализм формирует мир, а накопление капиталов с помощью финансовых инструментов – это то, что движет систему, наивысшей ценностью будет являться накопление капитала, поскольку вопрос о ценностях при разнообразии потенциальных источников сетевого доминирования решается в зависимости от особенностей сети и от ее программы. В сетевом обществе коммуникации между различными культурами будут осуществляться не на основе разделяемых общих ценностей, а на основе процессов коммуникации (коммуникации ради продолжения коммуникации на основе протоколов). Власть в сетевом обществе не тождественна понятию государства. Государство традиционно включает институты управления обществом, законодательную, исполнительную и судебную власть, государственное управление, вооруженные силы, правоохранительные органы, надзорные органы, политические партии на четырех уровнях – национальном, региональном, локальном и международном. Однако, процесс принятия политических решений происходит в сетях путем взаимодействия между национальными, наднациональными, международными, межнациональными, региональными и локальными институтами [7]. Главная цель правовой науки в эпоху информационного капитализма отыскать новые регуляторные модели общественных отношений, при которых защита прав, свобод человека будет определять смысл, содержание и применение законов, будет реальной в новом правовом пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. - СПб.: издательский Дом «Нева», 2004, С.528-529, 534-536, 546-551.

2. Основные выводы ежеквартального аналитического бюллетеня ЦСР, август 2020, URL: <https://www.csr.ru/ru/publications/osnovnyye-vyvody-ezhekvartalnogo-analiticheskogo-byulletenya-tssr/>

3. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. Москва: Проспект, 2016, С. 51-52.

4. Тихомиров Ю.А. «Право: момент покоя или опережающее воздействие на социально-экономические процессы». Выступление на Тринадцатых Сенатских чтениях в Конституционном Суде РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceTihomirov.aspx> дата обращения 15.10.2020.

5. Правовое пространство: границы и динамика: монография / Тихомиров Ю.А, А.А. Головина, И.В. Плюгина [и д.]; от ред. Ю.А. Тихомиров – М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019, с. 13-16.

6. Хабриева Т.Я. «Новый концепт соразмерности в конституционном праве». Доклад на Международной конференции «Конституционная идентичность и универсальные ценности: искусство соразмерности». Санкт-Петербург. 14 мая 2019 года. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Pages/Conference2018.aspx>, дата обращения 15.10.2020.

7. Кастельс М. Власть коммуникации Текст: учеб. пособие / М Кастельс: пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. Ред. А.И. Черных; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016, С. 37- 56.

Малиненко Эльвира Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

(Южно-Российский институт управления- филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: lora.alt@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО (УСТАВНОГО) ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РФ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Развитие права в современном контексте связано с совершенствованием конституционного (уставного) законодательства субъектов РФ. Среди факторов, влияющих на развитие указанной проблематики, следует отметить пандемию. Тема пандемии в правовом пространстве безгранична.

В науке конституционного права оптимальный результат тенденций развития конституций, уставов и законов субъектов РФ в условиях пандемии до настоящего времени не выявлен.

Отсутствие оптимальной модели конституций, уставов и законов субъектов РФ в условиях иерархичности законодательства предполагает обращения к данной проблеме [1].

В условиях пандемии. Президент РФ В. В. Путин предоставил возможность высшим должностным лицам субъектов РФ издавать различные нормативные правовые акты по данной проблематике.

В науке конституционного права появилось многообразие нормативных правовых актов в субъектах РФ, различным образом, влияющее на правовое положение человека и гражданина.

Однако данный порядок не был урегулирован не только в отношении конституций, уставов, законов, но и иных правовых актов субъектов РФ.

Автором выявлены проблемы и противоречия, определены возможные подходы в реализации исследуемых актов в современный период.

В процессе проведенного исследования выявлены проблемы совершенствования конституционного (уставного) законодательства субъектов РФ в условиях пандемии.

В период пандемии конституции, уставы и законы субъектов РФ особенно нуждаются в изменениях в части улучшения правового положения человека и гражданина.

С целью выполнения национальных задач необходимо включить в конституции, уставы и законы субъектов правовые нормы, регулирующие улучшение равного правового положения человека и гражданина на территории любого субъекта Федерации и не ограничивающие его права, свободы и обязанности [2].

Представляется, что единое правовое положение человека и гражданина не урегулировано должным образом в условиях пандемии в связи с отсутствием адаптации конституций, уставов и законов РФ к современным реалиям.

Предложенные нами подходы позволят адаптировать конституции, уставы и законы субъектов РФ к тенденциям, происходящим в государстве и обществе в условиях пандемии, а в науке конституционного права выявить новые пробелы и коллизии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барциц И.Н. Конституционные обычаи: риски и способы управления ими»// Журнал российского права. 2020. № 2. С. 29-44.
2. Малиненко Э.В. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации в современных реалиях // Вестник Поволжского института управления.2018. №5.С.87-91.

Мирошник Светлана Валентиновна

доктор юридических наук, доцент

Почетный работник высшего профессионального образования
(Российский государственный университет правосудия)

г. Москва

e-mail: miroshnik67@mail.ru

СТАТУС СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации, требуют своей дальнейшей конкретизации. Перед органами публичной власти стоят масштабные задачи по развитию конституционных положений в соответствующих федеральных конституционных и федеральных законах, приведению в соответствие с ними нормативных правовых актов субъектов РФ и муниципальных образований, их практической реализации в различных сферах общественной жизни - политической, экономической, духовной.

Существенные изменения произойдут в организации судебной власти. Значимость новых конституционных положений закономерно вытекает из характера деятельности органов судебной власти, их исключительной прерогативы по отправлению правосудия. Именно поэтому один из первых законопроектов, внесенных на рассмотрение в Государственную Думу, касается деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

Обновленные нормы Конституции Российской Федерации предусматривают ряд существенных изменений, касающихся его конституционно-правового положения. Конституционный Суд Российской Федерации признается высшим судебным органом конституционного контроля, осуществляющим «судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации» [1].

Внесенными поправками сокращается численность судей Конституционного Суда Российской Федерации с 19 до 11 человек. Данная новелла была неоднозначно воспринята, ряд исследователей увидели в этом способ избавления от «судей-бунтарей». Думается, что это не так. Анализ данного положения следует проводить в системной связи с другими нормами права, и прежде всего, нормами, определяющими требования к претендентам на должность судей Конституционного Суда Российской Федерации.

Судьей Конституционного Суда Российской Федерации может быть назначено лицо, являющееся гражданином Российской Федерации, достигшее ко дню назначения возраста не менее 40 лет, имеющее высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пятнадцати лет, обладающее безупречной репутацией, признанной высокой квалификацией в области права.

Законодательно закрепленные критерии, на наш взгляд, могут быть разделены на две категории: объективные и субъективные. Объективные касаются гражданства, возрастной характеристики, образовательного и профессионального цензов; субъективные – вопросов деловой репутации, профессиональной авторитетности.

Юридическая практика, как и юридическая наука, полна спорных моментов, обусловленных, например, разным толкованием тех или иных принципов и норм

права. Действующим законодательством предусмотрено право судьи Конституционного Суда Российской Федерации письменно изложить свое мнение, если оно не совпадает с мнением большинства судей. Особое мнение – это не проявление бунтарского характера, а позиция ученого, практика по существу рассматриваемого вопроса. И не стоит забывать о том, что Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает наиболее сложные вопросы права. Обращение к нему говорит о том, что право в процессе его реализации оказалось неопределенным. Движение по пути приобретения им большей определенности объективно требует вмешательства высшего судебного органа конституционного контроля.

Сокращение числа судей Конституционного Суда Российской Федерации, думается, обусловлено рядом причин. Прежде всего, тем, что судьи Конституционного Суда Российской Федерации – это Профессионалы с большой буквы (сокращение числа не скажется на качестве работы органа конституционного контроля). Во-вторых, данная новелла учитывает необходимость сокращения расходов на содержание государственного аппарата, что в нынешних тяжелых условиях является немаловажным фактором, позволяющим высвободившиеся бюджетные средства использовать для решения новых социальных задач, вытекающих из обновленной Конституции Российской Федерации.

Правовое положение судьи Конституционного Суда Российской Федерации определяет целая система правовых ограничений и стимулов. Обращаем внимание на то, что законодатель в первую очередь четко очерчивает круг видов деятельности, не совместимых со статусом судьи, что объективно обусловлено характером работы судьи Конституционного Суда Российской Федерации как представителя судебной власти.

Изменения и дополнения, внесенные в Конституцию Российской Федерации, расширяют перечень правовых ограничений. Данные ограничения учитывают, с одной стороны, особый конституционно-правовой статус судьи Конституционного Суда Российской Федерации (авторитетность и значимость), с другой – возможность дальнейшего саморазвития и самовыражения судей Конституционного Суда Российской Федерации в форме осуществления ими, например, преподавательской, научной и иной творческой деятельности. Но ее выполнение не должно мешать исполнению прямых служебных обязанностей, не может считаться уважительной причиной отсутствия на заседании Конституционного Суда (для этого необходимо получить согласие Конституционного Суда Российской Федерации).

Новые правовые ограничения имеют форму абсолютных правовых запретов. Судье Конституционного Суда Российской Федерации запрещается, в частности, открывать и иметь счета (вклады) в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

В то же время обращаем внимание на то, что дополнение, касающееся местонахождения иностранных банков является излишним, поскольку на территории Российской Федерации в соответствии с нормами международного и

национального права банковская деятельность иностранных банков не допускается [2].

Правовые стимулы, являющиеся составным элементом конституционно-правового статуса судьи Конституционного Суда Российской Федерации, затрагивают различные аспекты материального обеспечения его деятельности. Они выступают как материальные гарантии принципа независимости судей. Теперь данные вопросы будут определяться положениями, содержащимися, прежде всего, в федеральных конституционных законах. Данные правовые стимулы не имеют ограничительных границ. Это означает, что в случае принятия нормативных правовых актов в отношении судей, предусматривающих иные общеобязательные правила их правовой защиты, материального и социального обеспечения, они в полной мере распространяют свое действие и в отношении судей Конституционного Суда Российской Федерации.

Поправками, внесенными в Конституцию Российской Федерации, более четко определяются и обстоятельства, являющиеся основанием для прекращения полномочий судьи Конституционного Суда Российской Федерации. Теперь в качестве таковых могут выступать, в частности, не только:

1. нарушения порядка назначения на должность судьи, но и несоблюдение при его назначении требований к кандидату на должность судьи (соответственно, имеет место единство материального и процессуального);

2. утрата гражданства, но и приобретение гражданства (подданства) другого государства либо получение вида на жительство (учитывается фактор двойного гражданства).

Ряд специалистов критиковали положение, согласно которому основанием для прекращения полномочий судей Конституционного Суда Российской Федерации является совершение ими поступка, порочащего честь и достоинство судей. По их мнению, оно имеет расплывчатый характер. Думается, что это не так. При рассмотрении правового положения судьи с точки зрения научно обоснованного интегративного правопонимания следует учитывать не только нормы, содержащиеся в Конституции, федеральных конституционных законах, но и нормативных правовых актах, принимаемых самим судебским сообществом. Кодекс судейской этики, основанный на международном и национальном опыте, содержит четкие основания привлечения судей к дисциплинарной ответственности [3]. Нарушение как правовых, так и этико-правовых норм рассматривается судебским сообществом как умаление авторитета судебной власти, как действия, несовместимые со статусом судьи.

Выводы: изменение правового статуса судьи Конституционного Суда Российской Федерации, равно как и другие поправки к Конституции Российской Федерации, выступают как необходимая правовая основа для нового этапа развития российской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020)// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. Дата обращения 01.10.2020.

2. Протокол от 16.12.2011 «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.07.2012. Дата обращения 01.10.2020.

3. Кодекс судейской этики: утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 (ред. от 08.12.2016)// Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

Овсепян Жанна Иосифовна
доктор юридических наук , профессор
Заслуженный работник высшей школы РФ
зав. кафедрой государственного (конституционного) права
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: ovsepyan-G-I@yandex.ru

О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РФ

В связи с принятием Закона «О поправке к Конституции РФ», от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти") в ряду иных преобразований особое внимание привлекают новеллы, связанные с статусом Государственного Совета РФ (ст. 83 Конституции РФ 1993г. в ред. Закона 2020г.). В контексте концептуального подхода суть изменений в следующем.

Прежде всего отметим, что если ранее статус Госсовета регулировался только Указом Президента РФ «О Государственном Совете РФ» (от 1 сентября 2000 г. №1602) и его положение характеризовалось как общественного органа, содействующего «реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти» (преамбула, гл. 1 «Общие положения» в Указе Президента от 1 сентября 2000 г.), то в Конституции РФ в редакции Закона 2020 г. юридическая характеристика Государственного Совета радикально меняется. В отличие от Указа Президента, в Конституции РФ Госсовет уже не именуется совещательным органом при Президенте РФ, статус Государственного Совета значительно повышается, но, по-прежнему, его формирование относится к компетенции Президента РФ.

В проекте ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», внесенном в Государственную Думу РФ Президентом РФ, статус Госсовета получает свое развитие в контексте впервые введенного в текст Конституции РФ понятия «публичная власть». Государственный Совет определяется как конституционный государственный орган, формируемый Президентом РФ, функционирующий в единой системе публичной власти (п.1 ст.3 проекта ФЗ «О Государственном Совете РФ»). При этом, согласно ФЗ, «под единой системой публичной власти понимаются» органы власти трех уровней: «федеральные

органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции РФ и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства» (п.1 ст. 2 проекта ФЗ).

В сравнении с одноименным Указом Президента РФ (в редакции 2016г.), в Федеральном Законе «О Государственном Совете» (проект, 2020 г.) закреплены не только основные задачи, но и формулируются основные функции Госсовета (ст.5, 6 проекта Закона). Ключевые направления деятельности Госсовета связаны: с осуществлением скоординированного между различными уровнями публичной власти стратегического планирования в сфере социально-экономического развития государства, с определением приоритетных направлений и целей социально-экономического развития России и «основных направлений регионального и муниципального развития, а также с формированием механизмов эффективного осуществления такого развития и содействием их реализации, «в том числе на созданных в соответствии с федеральным законом федеральных территориях». Ключевыми направлениями деятельности названы также: мониторинг и анализ достигнутых показателей развития регионов и муниципальных единиц, представление соответствующего доклада Президенту РФ; обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, в том числе по вопросам передачи полномочий между названными органами, в целях достижения согласованного их решения (стст. 5-6 Проекта ФЗ).

В сравнении с Указом Президента «О Государственном Совете РФ» в одноименном Законопроекте предусмотрены новеллы состава членов Госсовета: в число членов Госсовета по должности, помимо тех, что названы и в Указе «О Государственном совете», включены также Председатель Правительства и Руководитель Администрации Президента РФ. В число лиц, которые могут быть введены в состав Госсовета по решению Президента, впервые упомянуты «представители местного самоуправления», др. (пп.1-2 ст.9 проекта ФЗ).

Для понимания политико-правовой природы Государственного Совета важно обратить внимание и на положения проекта ФЗ, в которых предусмотрены нормы, регулирующие взаимодействие Государственного Совета с органами и организациями системы публичной власти: «взаимодействует с Правительством Российской Федерации, другими федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами, органами местного самоуправления, консультативными и совещательными органами при Президенте 17 Российской

Федерации, организациями, институтами гражданского общества(ст. 15. проекта ФЗ).

Как и в одноименном Указе Президента РФ, в анализируемом ФЗ закрепляется система органов Госсовета, необходимых для решения текущих (оперативных) вопросов деятельности Государственного Совета: Президиум Государственного Совета, Секретарь Госсовета комиссии, рабочие группы и иные рабочие органы Государственного Совета (стст. 10-11 проекта ФЗ). Секретарь Государственного Совета назначается Председателем Госсовета «из числа членов Государственного Совета» (п.2.5 ст. 8 проекта ФЗ). Персональный состав Президиума определяется Председателем Госсовета (п.2 ст.10 ФЗ).

В завершение отметим, что конституционная легитимация Государственного Совета в РФ и его новая концепция, предусмотренный Законопроектом о Государственном Совете РФ (2020г.) круг органов публичной власти РФ, входящих в систему взаимодействия с Государственным Советом, к наряду с предусмотренным изначально в ст.71 Конституции РФ 1993г. институтом предметов совместного ведения Федерации и ее субъектов дают основания для вывода, что конституционными новеллами 2020г. в форме государственного устройства России усиливаются признаки кооперативного федерализма. Однако, понимание концепции Государственного Совета в контексте законодательного регулирования его статуса, на наш взгляд, не является завершенным в части ответа на вопрос, чем статус Государственного Совета отличается от Статуса Совета Федерации: нет ли пересечения компетенций. В этой связи представляется заслуживающим внимания опыт организации кооперативного федерализма в ФРГ, где субъекты этой Федерации (земли), через особую конструкцию верхней палаты парламента – Бундесрат- имеют возможность на постоянной основе участвовать не только в законодательстве, но и в «управлении Федерацией и в делах Европейского Союза», «через Бундесрат земли участвуют в осуществлении законодательной и административной власти Федерации»(ст.50 Основного закона ФРГ, от 23.05.1949г.). Причем: «Бундесрат состоит из членов правительств земель, которые их назначают и отзывают. Их могут замещать другие члены этих правительств» (ч.1 ст. 51). «Каждая земля располагает не менее чем тремя голосами; земли с населением свыше двух миллионов имеют четыре голоса, земли с населением свыше шести миллионов – пять голосов», при этом: «Голоса земли могут подаваться только одновременно и только присутствующими членами Бундесрата или их представителями» (ч.1 ст. 51). Обращают внимание нормы о взаимодействии Бундесрата не только с Бундестагом (палатой парламента – основного органа законодательной власти), но и с Федеральным Правительством: «Члены Федерального правительства имеют право, а по требованию – обязаны принимать участие в заседаниях Бундесрата и его комиссий. Они должны быть заслушаны в любое время. Федеральное правительство обязано держать Бундесрат в курсе текущих дел» (ст.53 Основного закона ФРГ). В этом контексте конституционного регулирования статуса Бундесрата – как органа, обеспечивающего участие регионов в осуществлении как законодательной, так и административной власти германской Федерации, очевидно, можно определять, в связи с характеристикой проекта и концепции Закона РФ о Государственном

Совете РФ и, возможно, в этом направлении совершенствовать российский Законопроект. В нашем понимании использование опыта ФРГ не должно быть механическим заимствованием, не означает необходимости преобразований Совета Федерации (верхней палаты российского парламента) по подобию Бундесрата ФРГ. Применительно к Российской модели устройства приемлема особенность, которая прослеживается в организации формы государственного устройства Германии как идея, как методологический подход: обеспечение постоянного присутствия (и участия в реализации федеральной функции) регионов (субъектов РФ и представителей муниципальных образований) не только в законодательном органе государственной власти РФ (что обеспечивается через Совет Федерации Федерального Собрания (парламента) РФ, но и обеспечение постоянной связи регионов (субъектов РФ и представителей муниципального сообщества) с Федеральным Правительством, общее руководство которым осуществляет Президент РФ; участие регионов в деятельности Федерального Правительства под общим руководством Президента РФ (что обеспечивается через Государственный Совет, возглавляемый Президентом РФ). Повышение роли регионов в общефедеральном управлении – важный шаг к повышению эффективности Российского федерализма. Функциональное объединение трех уровней публичной власти в современной России актуально для эффективного решения социально-экономических задач развития государства, а также обеспечения единства и территориальной целостности России.

Чушенко Дмитрий Николаевич
кандидат юридических наук
старший преподаватель
(Южно-Российский институт управления РАНХиГС)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: Retwizan@yandex.ru

О ВЛИЯНИИ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РФ ОТ 14.03.2020 ГОДА НА СУДЕБНУЮ ВЛАСТЬ

Четвертого июля этого года вступили в силу поправки, внесённые в Конституцию РФ Законом Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и одобренные в ходе общероссийского голосования 25 июня – 1 июля 2020 года.

Процесс принятия указанных поправок является уникальным для нашего государства в новейшей истории, как по процедуре¹, так и по обстановке, в которой он проходил². Вопреки имевшимся возражениям со стороны ряда политических

---

¹ Некоторые поправки при рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации вносились непосредственно в ходе обсуждения законопроекта в третьем чтении и согласовывались с Президентом РФ в режиме реального времени посредством мобильной телефонной связи, что, судя по всему, является неким «ноу-хау» отечественного нормотворческого процесса.

² Имеется ввиду режим самоизоляции, связанный с распространением коронавируса COVID-19 в нашей стране, а также непосредственно процесс голосования, продолжавшийся одну неделю.

сил, большинство граждан, принявших участие в голосовании, высказалось в поддержку законодательной инициативы Президента РФ.

Однако, несмотря на определенные позитивные моменты, которые несут ряд поправок, некоторые из них вызывают существенную тревогу в научной среде. Но, так как изменения, внесенные в Конституцию РФ, касаются многих сфер, автор предлагает оценить те изменения, которые касаются судебной власти как одной из ветвей государственной власти в России.

К числу позитивных изменений, без сомнения, стоит отнести поправку, внесенную в часть 2 статьи 118 Конституции РФ, согласно которой арбитражное судопроизводство, существовавшее более четверти века лишь в теории, получило закрепление в Основном законе, став наравне с уголовным, гражданским, административным и конституционным судопроизводством одной из полноправных форм отправления правосудия. В связи с этим хочется добавить, что, возможно, конституционному законодателю стоило бы продумать вопрос о выделении в самостоятельную форму, помимо арбитражного еще и судебное производство по делам об административных правонарушениях, процессуальный порядок которого закреплен в разделах III – V Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. По мнению автора, судопроизводство по административным делам, осуществляемого в соответствии с Кодексом административного судопроизводства РФ, существенно отличается от судебного разбирательства в отношении административных проступков, что свидетельствует о необходимости закрепления данной формы в тексте Конституции РФ.

Также позитивно можно оценить нынешнюю редакцию части 3 статьи 118 Конституции РФ, в соответствии с которой раскрывается общая структура судебной системы Российской Федерации, а именно: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды и мировые судьи субъектов РФ. Хотелось бы отметить, в ней не указаны военные суды, что, несмотря на их принадлежность к судам общей юрисдикции, говорит о потенциальной возможности их упразднения, о необходимости чего нами ранее уже поднимался вопрос в научной литературе [5].

Однако, невзирая на указанные положительные изменения, следует сказать о негативных моментах, тревожащих автора. По его мнению, ряд поправок отрицательно скажутся на функционировании некоторых судебных органов, уменьшат независимость судей и снизят эффективность судебной власти в целом.

Какие же поправки к Конституции РФ могут отрицательно повлиять на органы судебной власти?

Во-первых, беспокойство вызывает уменьшение количества судей Конституционного Суда РФ. Современное право, как система частично связанных, но в то же время достаточно обособленных отраслей, настолько обширно и многогранно, что познать его во всех его проявлениях и быть т.н. «юристом-универсалом» вряд ли возможно. Современные светила юридической мысли имеют свою, зачастую довольно узкую специализацию в нескольких смежных отраслях. Именно эти обстоятельства, по нашему убеждению, будут негативно влиять в дальнейшем на эффективность работы Конституционного Суда РФ, т.к. уменьшение численности его судей (более чем на 40%) безусловно снизит качество

выносимых судом судебных актов. Коллегиальное решение 19 судей будет более продуманным и взвешенным, нежели 11 судей, т.к. вероятность различных точек зрения и различных суждений судей по тем или иным обстоятельствам дела будет заведомо выше.

В пояснительной записке к проекту закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» [1] никоим образом не раскрывается причина столь радикального сокращения числа судей Конституционного Суда РФ, что может свидетельствовать о неких мотивах, недоступных нашему пониманию либо основанных на неких конъюнктурных соображениях, не имеющих возможности быть озвученными.

Уменьшение численности судей Конституционного Суда РФ тем страннее, что в свете текущих изменений на Суд возлагается дополнительная обязанность по запросам Президента РФ осуществлять проверку конституционности законов, принятых палатами Федерального Собрания РФ, до их подписания.

Во-вторых, еще большие опасения вызывают положения пункта е³ статьи 83 Конституции РФ, в соответствии с которыми Президент РФ наделяется полномочиями по внесению в Совет Федерации представлений о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий председателей, их заместителей и судей Конституционного и Верховного судов РФ, кассационных и апелляционных судов в тех случаях, когда ими совершен поступок, порочащий честь либо достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, указывающих на невозможность осуществления судьей своих полномочий. До недавнего времени указанные полномочия в отношении данной категории судей (кроме судей Конституционного Суда РФ) находились в ведении Высшей квалификационной коллегии судей [3], а в отношении судей Конституционного Суда РФ принадлежали Конституционному Суду РФ и Совету Федерации [4]. Очевидно, что передача указанных полномочий от органа судейского сообщества, коим является Высшая квалификационная коллегия судей, Президенту РФ и Совету Федерации изменит сложившийся баланс между ветвями государственной власти.

В политическом аспекте, Президент РФ получил дополнительные рычаги влияния на судей тех судов, которые в большинстве своем осуществляют формирование судебной практики в России, а в отношении Конституционного Суда РФ – еще и дающих толкование положений Конституции РФ (помимо иных весьма значимых полномочий). Очевидно, что это может негативно сказаться на независимости судей, являясь одним из факторов потенциально возможного воздействия на них.

Также стоит отметить то обстоятельство, что указанная норма вступает в противоречие с положениями Европейской хартии о статусе судей 1998 года, согласно которой нарушение судьей любого требования, прямо установленного судьейским статусом, должно влечь за собой применение в его отношении установленных санкций, но только по решению, предложению, рекомендации или с согласия судейского органа, при условии, что он не менее чем на половину состоит из действующих судей, при этом указанное решение о наказании должно

предусматривать механизм обжалования в вышестоящую инстанцию судебного характера [2]. Данные процессуальные особенности и гарантии не отражены в Конституции РФ.

В-третьих, нельзя не отметить закрепленную в Конституции РФ неприкосновенность Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий. Анализ положений статьи 92.1, 93 и части 7 статьи 125 Конституции РФ в их системном толковании указывает на деформацию одного из основных принципов правосудия – равенстве всех перед законом и судом.

Не вызывает сомнений, что особый порядок привлечения к ответственности отдельных должностных лиц государства – необходимая мера для обеспечения их независимости, однако конституционное закрепление неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, снятие которой возможно лишь в случае выдвижения обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления – не является, на наш взгляд, обоснованным. Отметим, что формально, исходя из буквального толкования указанной нормы, Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, не может быть лишен своей неприкосновенности и, как следствие, привлечен к уголовной ответственности за совершение им преступлений небольшой и средней тяжести.

Такая «избыточная» защита лица, оставившего пост главы государства, не может, по мнению автора, быть оправдана с точки зрения обеспечения его независимости, т.к. согласно статье 95 Конституции РФ Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки, становится пожизненным сенатором – лицом, который также наделен существенными личными иммунитетами.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что несмотря на ряд положительных нововведений, большинство изменений, внесенных в Конституцию РФ в сфере судебной власти и правосудия, несут, по мнению автора, отрицательный потенциал, негативно влияют на судебную власть и в перспективе могут нести угрозу ее независимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пояснительная записка к законопроекту № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» [Электронный ресурс] // sozd.duma.gov.ru: официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – 2020. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7/> (дата обращения: 19.09.2020).

2. Пункт 5.1 Европейской хартии о статусе судей (Принята в г. Страсбурге 08.07.1998 – 10.07.1998).

3. Статья 17 Федерального закона от 14.03.2002 г. № 30-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации».

4. Статья 18 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации».

СЕКЦИЯ № 3

ПУБЛИЧНЫЕ И ЧАСТНЫЕ НАЧАЛА В МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВОМ И ПРИРОДООХРАННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: В ПОИСКАХ БАЛАНСА

Абрамова Марина Алексеевна
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: Rostov_abramova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЛАНОВЫХ (РЕЙДОВЫХ) ОСМОТРАХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

С 2001 года контрольно-надзорные полномочия в сфере земельных правоотношений осуществляют как государственные (государственный земельный контроль, соответственно, (с 2011 г. - надзор), так и муниципальные (муниципальный земельный контроль) органы.

Новеллы земельного законодательства, вступившие в силу с января 2015 года, такие как новая редакция 12 главы Земельного кодекса РФ [1], Постановление Правительства РФ от 02.01.2015 № 1 "Об утверждении Положения о государственном земельном надзоре" [5], изменения в Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля"[4], нацелены, прежде всего, на устранение пробелов, коллизий, неопределенности в законодательстве, повышения эффективности публичных контрольно-надзорных функций, а также гармонизацию публичных и частных интересов при проведении государственного надзора и муниципального контроля в сфере земельных правоотношений.

Однако, правоприменительная практика указывает на то, что проблем в указанной сфере еще много. Остановимся на некоторых из них.

От правовой регламентации, организации муниципального контроля в сфере земельных отношений во многом зависит состояние правопорядка и соблюдения норм земельного законодательства на территориях муниципальных образований.

Статьей 26 п.10 федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" от 14.10.2014 № 307-ФЗ [3] в федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при

осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [4] введена ст. 13.2 «Плановые (рейдовые) осмотры».

Плановые (рейдовые) осмотры в соответствии со ст.8.3. выше указанного закона являются мероприятиями по контролю без взаимодействия с юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями [4].

Эти мероприятия призваны, в первую очередь, придать государственному земельному надзору и муниципальному земельному контролю более действенный, мобильный, оперативный характер.

Тем не менее, на наш взгляд, данная статья носит рамочный характер и в отличие от другой формы мероприятия по контролю [4] - административным обследованием [6] объектов земельных отношений, менее урегулирована.

Нормы раскрывающие суть административных обследований объектов земельных отношений содержатся в ст.71.2 ЗК РФ [1], в постановление Правительства РФ от 18.03.2015 № 251 (ред. от 19.06.2019) "Об утверждении Правил проведения административного обследования объектов земельных отношений [6]".

В тоже время в ст.13.2 не раскрывается содержание понятия плановых (рейдовых) осмотров, требований к ним, а также на федеральном уровне не утверждены Правила проведения плановых (рейдовых) осмотров.

Вызывает сомнение отнесения законодателем плановых (рейдовых) осмотров к мероприятиям по контролю.

Согласно 294-ФЗ [4], мероприятия по контролю -это действия должностного лица или должностных лиц органа государственного контроля (надзора) либо органа муниципального контроля по рассмотрению документов юридического лица, индивидуального предпринимателя и иной информации, по проведению плановых (рейдовых) осмотров, обследований в том числе земельных участков.

В тоже время в соответствии с законом, проверка [4] — это совокупность проводимых органом государственного контроля (надзора) или органом муниципального контроля в отношении юридического лица, индивидуального предпринимателя мероприятий по контролю [4].

Для качественного проведения планового (рейдового) осмотра необходим набор мероприятий, в частности, по рассмотрению документов юридического лица, индивидуального предпринимателя [4] и иной информации по объекту осмотра, сам осмотр земельного участка.

С учетом этого плановые (рейдовые) осмотры по своей сути больше подходят под дефиницию проверка.

Некоторые авторы пытаются сформулировать понятие плановых (рейдовых) осмотров, так, к примеру А.В. Кнутов и А.В. Чаплинский в статье «Рейдовые осмотры и обследования как форма осуществления государственного и муниципального контроля» «под рейдовым осмотром предлагают понимать специальную форму государственного или муниципального контроля (надзора)». [7, с. 5]

В соответствии, с п.1 ст. 13.2 294 -ФЗ [4], порядок оформления и содержание таких заданий и порядок оформления результатов плановых (рейдовых) осмотров, обследований устанавливаются федеральными органами исполнительной власти,

осуществляющими нормативно-правовое регулирование в соответствующих сферах государственного контроля (надзора), органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органами местного самоуправления [4].

На наш взгляд это приводит к чрезмерной вариативности нормотворчества, которое зачастую исходит из собственных (ведомственных) понятий и интересов.

В тоже время, постановлением Правительства РФ от 18.03.2015 N 251 (ред. от 19.06.2019) утверждены Правила проведения административного обследования объектов земельных отношений [6].

На основании, с п.2 ст. 13.2 294 -ФЗ [4], в случае выявления при проведении плановых (рейдовых) осмотров, обследований нарушений обязательных требований, требований, установленных муниципальными правовыми актами, должностные лица органов государственного контроля (надзора), муниципального контроля принимают в пределах своей компетенции меры:

- по пресечению таких нарушений,
- доводят в письменной форме до сведения руководителя (заместителя руководителя) органа государственного контроля (надзора), муниципального контроля информацию о выявленных нарушениях для принятия решения о назначении внеплановой проверки юридического лица, индивидуального предпринимателя [4].

В тоже время ст. 28.1 КоАП РФ (п. 1 ч. 1) [2] устанавливает, что поводом к возбуждению дела об административном правонарушении может стать непосредственное обнаружение должностным лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, достаточных данных, указывающих на наличие события правонарушения.

В соответствии со ст. 28.5 КоАП РФ [2] этот протокол составляется немедленно после выявления факта совершения правонарушения.

В соответствии с этим, при выявлении нарушения законодательства, к примеру, по ст. 7.1 КоАП РФ, орган муниципального земельного контроля должен одновременно возбудить дело об административном правонарушении, а муниципальный земельный контроль такими полномочиями не обладает.

Пробелы в правовом регулировании плановых (рейдовых) осмотров в результате приводят к конфликту публичных и частных интересов.

Однако, согласно выводам Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации "контроль как правовая форма деятельности нуждается в четкой процедурно-процессуальной регламентации.» [8, с. 187], а отсутствие этого «может привести к неправильному или неполному использованию контролирующими органами и должностными лицами предоставленных им полномочий, нарушениям законности в ходе контрольной деятельности» [8, с. 187].

Представляется целесообразным восполнить данный пробел в законодательстве, внося соответствующие дополнения в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

С учетом того, что плановые (рейдовые) осмотры проводятся различными федеральными органами, муниципальными органами, наделенными соответствующей компетенцией, в целях унификации требований к плановым (рейдовым) осмотрам предлагается утвердить постановлением Правительства РФ «Правила проведения плановых (рейдовых) осмотров объектов земельных отношений».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. "Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 № 136-ФЗ. (ред. от 28.08.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> .

2. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

3. Федеральный закон от 14.10.2014 № 307-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

4. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 13.07.2020) "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> .

5. Постановление Правительства РФ от 02.01.2015 № 1 (ред. от 07.09.2020) "Об утверждении Положения о государственном земельном надзоре" //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> .

6. Постановление Правительства РФ от 18.03.2015 № 251(ред. от 19.06.2019) "Об утверждении Правил проведения административного обследования объектов земельных отношений". //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> .

7. А.В. Кнутов и А.В. Чаплинский. Рейдовые осмотры и обследования как форма осуществления государственного и муниципального контроля. // СПП Консультант-плюс. С. 5

8. Правовое регулирование государственного контроля: Монография. / Отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: Анкил; ИЗИСП при Правительстве РФ, 2012. С. 187.

Алимов Дмитрий Александрович
кандидат юридических наук
(Ростовский государственный экономический университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: gorbao99@gmail.com

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ 2020 Г. НА ЭКОЛОГО-ПРАВОВУЮ СФЕРУ

Конституция РФ, находясь на вершине отечественной политико-правовой системы, всегда находится в поле зрения ученых и политиков. Особое внимание к Конституции РФ представителей юридической науки не случайно. Являясь документом, обладающим высшей юридической силой, Конституция РФ выступает одновременно и правовой основой, и правовым ориентиром для последующего регулирования всей системы общественных отношений. Именно в Конституции получают свое оформление не только правовые положения общего характера, объективно нуждающиеся в последующей конкретизации на уровне отраслевого законодательства, но и достаточно конкретно сформулированные предписания, юридические дефиниции и юридические процедуры, отступление от которых невозможно в процессе последующего законодательного регулирования. И если положения глав первой и второй Конституции традиционно рассматриваются в качестве своеобразного правового ориентира, то положения глав с третьей по восьмую традиционно обладают большей конкретикой. Последнее утверждение в меньшей степени относится к главе восьмой, посвященной конституционно-правовым основам местного самоуправления и отдельным положениям главы третьей, посвященной федеративному устройству, которая по итогам конституционно-правовой реформы 2020 г. вместила в себя часть положений, которые по своему характеру и политико-правовому содержанию в большей степени соответствуют главам первой и второй.

Проблемы так или иначе, затягивающие предмет экологического права (в его разнообразных трактовках) не были обойдены вниманием в тексте Основного Закона. Нельзя сказать, что проблемам дальнейших путей эколого-правового развития уделялось какое-либо особое, пристальное внимание, но, так называемый, необходимый минимум эколого-правовых норм в Конституции РФ всегда был представлен. В этой связи небезынтересным будет краткий анализ изменений конституционного текста по итогам конституционно-правовой реформы 2020 г., в частности, тех из них, которые так или иначе затрагивают правовое регулирование эколого-правовых отношений.

Учитывая тот факт, что первоначальная концепция конституционно-правовой реформы не предусматривала изменения глав первой и второй, отметим, что статьи, закрепляющие конституционное право на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции) и обязанность сохранять природу и окружающую (ст. 58 Конституции РФ) остались без изменения, как и другие экологические статьи второй главы. Однако, на наш взгляд, данные положения Конституции РФ сформулированы не идеально. Обращает на себя внимание тот факт, что в ст. 42 говорится об окружающей среде, а в ст. 58 – природе и окружающей среде, тогда как в формально-юридическом смысле категория «окружающая среда» включает в себя понятие «природа». Подобную ситуацию можно списать на то, что текст действующей Конституции РФ создавался в период действия Закон РСФСР от 19.12.1991 «Об охране окружающей природной среды» [1], т. е. тогда, когда четкое и однозначное понимание разницы в терминах «окружающая среда» и «природная

окружающая среда» на законодательном уровне отсутствовало. Для сравнения, ныне действующий закон имеет название «Об охране окружающей среды» и предполагает понимание окружающей среды как совокупности компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов [2]. Однако это все равно не объясняет, почему в ст. 42 говорится только об окружающей природной среде, а в ст. 58 – о природе, природных богатствах и окружающей среде.

В ходе конституционной реформы 2020 г. положения ст. 71 Конституции в части основ федеральной политики и федеральных программ в области экологического развития Российской Федерации не изменились. Одновременно, в ст. 72 Конституции РФ были внесены изменения. Предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов наряду с природопользованием, охраной окружающей среды и обеспечением экологической безопасности, особо охраняемыми природными территориями, охраной памятников истории и культуры, дополнены «сельским хозяйством» (п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Надо отметить, что наличие в одном «пункте» природопользования и охраны памятников истории и старины и раньше вызывало определенные вопросы. Что же касается «сельского хозяйства», то его нахождение в одном ряду с природопользованием и охраной окружающей среды можно как поддержать, так и оспорить. Причиной этому будет традиционная размытость и неопределенность предмета отечественного экологического права.

Оригинальная редакция п. «к» ст. 72 ч. 1 Конституции предполагает, что к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов относится административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах и об охране окружающей среды. Данные положения остались без изменения по итогам конституционной реформы 2020 г., однако, на наш взгляд в ходе редакции соответствующей статьи можно было бы сделать и некоторые дополнения. Речь идет о том, что, условно разграничив предмет экологического права на природопользование и природоохрану, законодатель упомянул не все природные ресурсы, а лишь часть из них. Если предположить, что атмосферный воздух относится исключительно к объектам охраны, то неохваченными остаются объекты животного мира и водные биологические ресурсы.

Значительной редакции подверглась статья о полномочиях Правительства РФ. В оригинальной редакции Правительство РФ обеспечивало проведение политики, в том числе, в области экологии (п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Теперь политика стала «социально ориентированной» и характеризуется как политика в области охраны окружающей среды. Возможно, что, добавив в соответствующую статью иные эколого-правовые полномочия, законодатель посчитал необходимым внести в текст стаю большую ясность и точность. Однако, вопрос о том, как именно должна выглядеть социально ориентированная политика в области охраны окружающей среды остается открытым.

Как мы уже отметили, в данную статью в ходе реформы были внесены дополнительные полномочия Правительства РФ в сфере экологии. В частности, теперь Правительство РФ осуществляет меры, направленные на создание

благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным (п. «е.5» ч. 1. ст. 114 Конституции РФ). Последнее полномочие вызывает особенно много вопросов. Кроме того, Правительство РФ создает условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры (п. «е.6» ч. 1. ст. 114 Конституции РФ). Каким образом данные новые полномочия получают конкретизацию в новом законе о правительстве покажет время. Однако, уже сейчас можно утверждать, что эколого-правовая направленность в деятельности Правительства РФ на конституционно-правовом уровне усилена.

Следует заметить, что все эколого-правовые новшества обновленной Конституции РФ не вызвали сколько-нибудь серьезных споров и обсуждений в научной среде. Ни на стадии подготовки конституционных поправок, ни на стадии их принятия. Конституционный Суд РФ в своем Заключении от 16.03.2020 г. [3] также не уделил им какого-либо особого внимания, ограничившись в отношении статьи 71 и 72 Конституции РФ указанием на то, что такие изменения не расходятся с принципом федерализма и проистекающими из него критериями разграничения предметов ведения, а в отношении ст. 114 тем, что изменения в регулирование элементов конституционного статуса Правительства РФ согласуются с местом Правительства Российской Федерации в системе органов государственной власти, характером его функций и взаимоотношений с другими федеральными органами государственной власти. Возможно, что поправка об ответственном отношении к животным чуть более активно использовалась в ходе агитации перед голосованием. В остальном соответствующий блок экологических поправок остался вне сферы внимания общества. Однако, изменение конституционного текста произошло. Отметим, что в официальном перечне актов подлежащих изменению в связи с принятием конституционных поправок, специальных экологических законов нет. Какое влияние соответствующие поправки окажут на всю сферу конституционно-правового регулирования эколого-правовых отношений можно будет судить по прошествии значительного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» // Ведомости СНД и ВС РФ. 05.03.1992. № 10. Ст. 457.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 14.01.2002. № 2. Ст. 133.
3. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 23.03.2020 № 12. Ст. 1855.

Баринов Эмиль Эдуардович
кандидат юридических наук, доцент
(Ростовский государственный экономический университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: emil.barinov@yandex.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дискуссия о дальнейших путях развития местного самоуправления в России является традиционной для современной российской политико-правовой науки. Такому положению дел, отчасти, способствуют непрекращающаяся реформа местного самоуправления и недостаточно высокий уровень муниципально-правовой культуры россиян. Сама сущность местного самоуправления и его место в системе публичной власти выступает постоянным предметом для обсуждения. Тот факт, что конституционно-правовая реформа 2020 года затронула и институт местного самоуправления, не вызывает удивления.

Надо сказать, что разговоры о том, что реализация идеи местного самоуправления в России может подвергнуться определенной коррекции, ведутся достаточно давно, причем, не только на уровне юридических споров, но и на уровне выступлений представителей высшей политической элиты России. Анонсируя предполагаемый пакет конституционных поправок в части организации местного самоуправления в России и говоря о имеющем место «разрыве» между государственным и муниципальным уровнями власти, Президент РФ В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ 2020 г. обратил внимание на необходимость закрепления в Конституции РФ принципов единой системы публичной власти. Отмечая важность эффективного взаимодействия между государственной и муниципальной властью, Президент РФ обратил внимание на необходимость расширения и укрепления реальных возможностей местного самоуправления как «самого близкого к людям уровня власти» [1].

Еще раньше председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, комментируя отдельные недостатки текста Основного Закона, обращал внимание на то, что ст. 12 Конституции РФ дает необоснованный повод для противопоставления органов местного самоуправления органам государственной власти, тогда как органы местного самоуправления «по своей природе являются лишь нижним, локальным звеном публичной власти в Российской Федерации» [2]. Напомним, что изначально Конституция РФ придала местному самоуправлению особый статус, гарантировав его самостоятельность и выделив органы местного самоуправления из системы органов государственной власти (ст. 12 Конституции РФ). Оценивая сущностные характеристики института местного самоуправления в России, судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь призывает избегать излишней «романтизации» самоуправленческих отношений, а также не относиться к идее местного самоуправления как к способу «поголовного» привлечения местного населения к управлению делами общества. По мнению ученого, власть местного самоуправления не должна противопоставляться власти государственной [3, с. 33], а его самостоятельность и независимость должна определяться на основе

критерия оптимальности в выработке способов обеспечения интересов личности на местном уровне [4, с. 48]. Не являясь частью системы государственной власти, местное самоуправление характеризуется обязательным присутствием публично-властного аспекта [5, с 48-66], тем более что задачи, решаемые посредством обращения к институтам местного самоуправления, нередко выступают как продолжение государственных управленческих задач. Местное самоуправление представляет собой власть населения на относительно обособленной территории, которая тем не менее является частью территории государства. Уровень местной власти нередко характеризуется как «своеобразный "третий" уровень российского федерализма... децентрализация в децентрализации» [6]. В этой связи следует напомнить, что в свое время Конституционный Суд РФ, по сути, допустил возможность создания в России наряду с органами местного самоуправления, так называемых местных органов государственной власти [7], хотя в дальнейшем эта идея, так и не получила своего развития на уровне отраслевого законодательства.

Следует отметить, что проблемы организации местного самоуправления на концептуальном уровне обсуждались и в советской юридической науке, в частности, в контексте анализа вопросов, характеризующих особенности построения нового государственного аппарата в молодом советском государстве. Речь шла, в том числе, о том, какая часть власти будет «приоритетной» - центральная или местная. Как отмечали в этой связи советские ученые исследователи «между местными Советами и центральной властью нет и не может быть каких-то противоречий», и только откровенно деструктивные элементы могут увидеть в Советах не «боевое орудие пролетариата», а лишь органы местного самоуправления, подобные земствам. Теме не менее, в последнее десятилетие существования советского государства наметилась активная тенденция, касающаяся расширения компетенции местных органов власти, предоставлении новых прав и возможностей органам местного самоуправления в крупных административно-территориальных единицах страны, что получило свое отражение в новом законодательстве СССР, в частности, в принятом в июне 1980 г. законе «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов» [8, с. 64-69, 233]. Нетрудно заметить, что в аналогичном ключе вопрос о местном самоуправлении рассматривается и в современной юридической науке.

По итогам конституционной реформы 2020 г. содержание Основного Закона обогатилось положением о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ). Кроме того, в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ оговаривается тот факт, что Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Конституционный Суд РФ, давая заключение о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов

организации и функционирования публичной власти», отметил, что принцип единой системы публичной власти, буквально не закрепленный в главе первой Конституции РФ, вытекает из иных конституционных положений, посвященных государственному единству, федеративному устройству, народному суверенитету [9].

В обязательных сопроводительных документах к президентскому пакету конституционных поправок, в перечне нормативных актов, в которые предполагается внести изменение, присутствовал и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Какой будет давно ожидаемая крупномасштабная реформа местного самоуправления и будет ли она вообще, предсказать достаточно сложно. Возможно, речь будет идти о развитии идеи конституционной иерархии различных уровней осуществления местного самоуправления. Принцип «особого» отношения к реализации местного самоуправления на территории городских и, в большей степени, сельских поселений не раз получал свое обоснование в правовых позициях Конституционного Суда РФ, однако, напомним, что в ходе конституционной реформы 2020 г. упоминание об отдельных видах муниципальных образований (городских и сельских поселениях) из текста Конституции было изъято. Можно предположить, что мы стоим на пороге учреждения принципиально иной системы взаимоотношений между отдельными звеньями публичной власти – государственной и местной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года // Российская газета. 2020. 16 января.
2. Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 октября.
3. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 6. Ростов н/Д: Профпресс, 2016.
4. Бондарь Н. С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении: учебное пособие. М.: ОАО «Издательский дом "Городец"», 2004.
5. Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2009.
6. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Н. Кокотова по Постановлению Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области "Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года "О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике"» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 5. Ст. 708; Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года "Об органах исполнительной власти в Республике Коми"» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 4. Ст. 532.

8. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. - 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987.

9. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. № 56. 17 марта 2020 г.

Джагарян Наталья Владимировна
доктор юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: ndjagaryan@yandex.ru

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ – УНИВЕРСАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ НАРОДОВЛАСТИЯ

Представительная демократия – при существующем многообразии оценок относительно ее современного состояния и перспектив развития, прочно утвердилась в качестве составной части доктрины и юридической практики современного конституционализма. Говоря о том действительно важном месте, которое принадлежит представительной демократии при осуществлении современного народовластия, нельзя упускать из вида, что в основе народовластия лежит единство власти народа, различные формы реализации которой обеспечивают ее целостность и полноту. Каждая из форм осуществления народом своей власти, как представительная демократия, так и прямая (непосредственная) демократия, равным образом относятся к высшим социальным правовым ценностям, соотношение которых не может строиться по упрощенно-иерархическому принципу, так, чтобы одна из них имела примат в сопоставлении с другой.

Связь ценностей представительной и прямой демократии имеет не субординационный, а координационный характер, выражает их равную социальную и юридическую значимость. Сама постановка вопроса – какая форма народовластия главная – неверна: в современных условиях нельзя обойтись как без представительной демократии, так и без прямой демократии, можно говорить

только об их синтезе, единстве. Признание равноценности и равнозначности форм осуществления народовластия не отменяет того обстоятельства, что реальные отношения, связанные с функционированием соответствующих институтов, могут демонстрировать и демонстрируют в действительности не совпадающие по уровню и качеству их организованность, активность и развитие, фактическое преобладание одних институтов над другими. Но неравномерная конкретно-историческая и социокультурная динамика форм прямой и представительной демократии не делает одни такие формы первостепенными, а другие – вторичными, их ценностное значение в условиях правовой государственности остается в сущности равновеликим, тогда как возможными изменениями и колебаниями охватывается только их реализация, обеспечивая которую законодатель должен поддерживать необходимый конституционный баланс.

В современных условиях идея представительного правления как основы правовой демократии получила широкое признание и распространение на различных уровнях правового регулирования. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., признавая право каждого человека принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избираемых представителей (ч. 1 ст. 21), вместе с тем предусматривает, что воля народа должна быть основой власти правительства и должна находить свое выражение в периодических и нефальсифицированных выборах (ч. 3 ст. 21). Из этих взаимосвязанных положений следует, что власть правительства (понимаемого здесь в широком значении) обосновывается и призвана служить главным выражением воли народа, а образующие народ граждане вовлекаются в процесс публичновластной деятельности на основе непосредственного и опосредованного (представительно-обусловленного) участия в управлении делами государств и общества. Граждане соучаствуют в управлении делами государства и общества, а их воля должна быть в полной мере представлена в правительстве. Поэтому сам смысл, глубинная правовая идеология представительного правления, как призванного обеспечивать волеобразование и адекватное выражение воли и интересов народа в публичной власти, имеют не только организационно-функциональное (властно-управленческое) измерение, связанное с устройством и механизмом функционирования современной суверенной демократической правовой государственности, но и они непосредственно связаны с идеей правовой свободы человека.

Устав Организации американских государств от 30 апреля 1948 г. принят, согласно его преамбуле, на основе убежденности его создателей в том, что представительная демократия является неременным условием для стабильности, мира и развития региона. Американская конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 г. при установлении ограничений, касающихся ее толкования, исходит из того, что ни одно положение настоящей Конвенции не должно пониматься как устраняющее другие права и гарантии, которые неотъемлемы от человеческой личности или являются производными представительной демократии как формы управления (п. «с» ст. 29). Как видно, правам, характеризующим представительную демократию («производным» от нее), Конвенция придает основополагающий для жизнеустройства современного общества

характер. Представительная демократия также является важной объединяющей идеей для Европейского сообщества. Уже в Декларации принципов государств – членов Европейского сообщества по вопросам европейской идентификации (1973 г.) было провозглашено, что государства-члены согласны действовать совместно «для защиты принципов представительной демократии, господства права, социальной справедливости». Функционирование Европейского Союза также основано на представительной демократии, что получило прямое закрепление в его учредительных документах (ч. 1 ст. 10 Договора о Европейском Союзе).

Идея представительной демократии как ценности, относящейся к основам конституционного строя, и важнейшего механизма управления делами государства и общества так или иначе находит свое отражение в содержании большинства действующих конституций зарубежных стран. Если в одних случаях она закрепляется посредством установления форм реализации народом своей власти – непосредственно и через своих представителей (например, ст. 2 Конституции Республики Албания, ст. 4 Конституции Литовской Республики, ст. 2 Конституции Республики Македония, ст. 4 Конституции Польской Республики, ст. 1 Конституции Румынии, ст. 3 Конституции Французской Республики, ст. 1 Конституции Республики Хорватия), то в других случаях происходит непосредственно-текстовое конституционное оформление представительной демократии в качестве формы (системы) правления данного государства (например, ст. 2 Конституции Доминиканской Республики, ст. 1 Конституции Соединенных Штатов Бразилии, ст. 1 Конституции Республики Венесуэлы, ст. 2 Конституции Республики Гватемала, ст. 10 Конституции Республики Никарагуа). Конституция Азербайджанской Республики наряду с этим вводит самостоятельное право представлять народ (ст. 4). Вместе с тем конституции отдельных зарубежных стран, прежде всего Латинской Америки, идут дальше и связывают осуществление принадлежащего народу суверенитета именно и только с формами представительной демократии. Так, согласно ст. 22 Конституции Аргентинской Нации народ не решает и не управляет иначе, как через своих представителей и через власти, учрежденные настоящей Конституцией. В Конституции Республики Гаити закреплено делегирование осуществления национального суверенитета трем властям – законодательной, исполнительной и судебной, – которые и образуют Правительство Республики, являющееся по существу своему «гражданским, демократическим и представительным» (ст. 33). В соответствии со ст. 2 Конституции Республики Сан-Марино суверенитет Республики принадлежит народу, который осуществляет его в государственных формах представительной демократии. А Конституция Японии, провозглашающая в своей преамбуле, что «государственная власть, основывается на непоколебимом доверии народа, ее авторитет исходит от народа, ее полномочия осуществляются представителями народа, а благами пользуется народ», рассматривает данный принцип представительного правления как «общий для всего человечества».

При этом за представительной демократией признается значение универсального императива, связывающего все территориальные уровни публичной власти. Как это провозглашено во Всеобщей декларации по вопросам

демократии, принятой на 98-й Конференции Межпарламентского союза (Каир, 7-16 сентября 1997 г.), «демократия основана на праве каждого принимать участие в управлении публичными делами; поэтому она требует наличия представительных институтов на всех уровнях» (п. 11).

Джикия Михаил Давидович
научный сотрудник
(Волгоградский государственный университет)
г. Волгоград
e-mail: dzhickiamd@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЧИНЕНИЯ И ВОЗМЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

В ст. 42 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на благоприятную окружающую среду, а также право на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Однако практика показала, что мало закрепить в основном законе возможность возмещения экологического вреда, необходимо создать функционирующий механизм ее реализации.

Эффективный экономико-правовой механизм возмещения экологического вреда является признаком прогрессивности и разработанности экологического законодательства, однако в нашей стране он должным образом не функционирует. Среди причин отсутствия государственной системы возмещения экологического вреда как социальные и политические причины, так и наличие правовых пробелов.

С юридической точки зрения одной из самых больших сложностей в части регулирования рассматриваемого института является его межотраслевой характер, ведь возмещение экологического вреда должно выполнять ряд важнейших функций как в рамках экологического, так и в рамках гражданского и уголовного [1] права России. Одной из главных проблем является то, что экологический вред часто невозможно устранить полностью, а негативные последствия для окружающей среды могут иметь необратимый характер и не иметь экономической оценки.

При этом необходимость сохранения окружающей среды и негативные экономические последствия, вызванные ее ухудшением, не вызывают никаких сомнений. Так, ежегодные экономические потери Российской Федерации, обусловленные ухудшением качества окружающей среды, без учета ущерба здоровью людей составляют 4...6 % ВВП [2].

Вышесказанное повышает актуальность изучения и оценки способов возмещения экологического вреда в современных условиях развития экосистемы и биоемкости Земли.

Прежде всего необходимо определиться, что же собой представляет экологический вред. Основные дискуссии среди правоведов-экологов вызывает

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00864

«узкое» и «широкое» толкование экологического вреда. Так, М. М. Бринчук считает, что экологический вред — это любое ухудшение состояния окружающей среды, произошедшее вследствие нарушения правовых экологических требований, и связанное с ним любое умаление охраняемого законом материального и нематериального блага, включая жизнь и здоровье человека, имущество физических и юридических лиц. Составными частями экологического вреда, по его мнению, являются ущерб, упущенная выгода и моральный вред [3].

По мнению А. Я. Рыженкова, экологический вред — это негативные изменения качества окружающей среды, обусловленные хозяйственной или иной деятельностью человека, выразившиеся в разрушении экологических связей, загрязнении, разрушении или истощении отдельных природных компонентов, которые могут причинить вред жизни, здоровью или имуществу граждан (юридических лиц) [4].

Нельзя не отметить, что неоднозначность толкования понятия «экологический вред» берет свое начало в правовом регулировании, а именно в нормах ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ. Данный нормативный акт не расшифровывает понятие «экологический вред», зато упоминает *вред окружающей среде*, определяя его как негативное изменение окружающей среды и *негативное воздействие на окружающую среду*, т. е. воздействие хозяйственной и иной деятельности, последствия которой приводят к негативным изменениям качества окружающей среды.

Считаем необходимым внести в ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды» понятие экологического вреда, которое включало бы как изменения качества окружающей среды, так и негативное изменение всей среды или ее компонентов.

В последние десятилетия на территории нашей страны сложился ряд особенностей в области правового регулирования экологического вреда, в частности:

1. Экологический вред тесно связан с восстановлением нарушенного права на благоприятную окружающую среду, т. е. с одним из субъективных прав человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

2. Специфика экологического вреда в том, что нередко объективная оценка его размера не представляется возможной (отсрочка появления негативных последствий во времени).

3. Отдаленность последствий свидетельствует о том, что причинно-следственные связи между негативным воздействием на окружающую среду и его последствиями часто неочевидны.

На нормативном уровне не создано адекватной современным реалиям системы расчета экологического вреда (иногда используются методики, закрепленные в СССР).

Упрощенно, экономическая составляющая экологического вреда подразумевает экономическую оценку природного ресурса (нанесенного ему ущерба). В более широком смысле экономический вред окружающей среде подразделяют на природоресурсовый (вред причинен природному объекту), гуманитарный (вред причинен человеку) и имущественный (вред причинен имуществу в результате нарушений экологического законодательства).

Ст. 77 Закона об охране окружающей среды предлагает два варианта определения [5] размера вреда окружающей среде: таксы и методики или по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды [6]. Об оторванности таксовой системы от экономических реалий (устаревании нормативных документов) юристы говорят достаточно давно. Согласимся с мнением В. Н. Гузенко, которая обосновывала необходимость имущественной оценки всех природных ресурсов России тем, что это «позволит установить единые величины компенсационных платежей, взыскиваемых за вред, причиненный в процессе хозяйственной деятельности» [7].

Нельзя не упомянуть изъяны судебной практики по вопросам возмещения экологического вреда. Основным истцом по таким спорам выступают контролирующие и надзорные органы, они зачастую не могут адекватно оценить обстоятельства дела и необходимые (либо уже проведенные) природовосстановительные мероприятия, что приводит к отказам в удовлетворении требований [8].

Другой проблемной частью, названной ст. 77 Закона, является закрепление полного возмещения вреда только экологическим правонарушением, что сужает сферу правового регулирования. Получается, что правомерно причиненный вред окружающей среде возмещать не обязательно. Как следствие, процедурные аспекты возмещения правомерного экологического вреда остаются неразработанными, отсутствуют также и четкие требования к оценке планируемого экологического вреда (например, при проектировании производственных и хозяйственных объектов).

В заключении отметим, что невысокая эффективность существующих способов возмещения экологического вреда связана с полным отсутствием системы экономического стимулирования участников отношений, поэтому, например, такой способ возмещения, как экологическое страхование, пока в России так и не прижился.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецова Н. И., Шкеле М. В. Экологический вред и общественно-опасные последствия экологических преступлений // Вестник Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2019. № 2(82). С. 161—169. DOI: 10.35750/2071-8284-2019-2-161-169.
2. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.04.2017 г. № 176 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.
3. Бринчук М. М. Экологическое право: учеб. М.: Российское юридическое образование, 2017. С. 494—495.
4. Рыженков А. Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 3(67).
5. Мельникова В. Г., Суранова Е. М. О формах и порядке возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 415. С. 193—199.

6.Владимирова К. В., Галкина А. Б. Возмещение экологического вреда // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. 2019. № 5(17). С. 38—39.

7.Гузенко В. Н. Возмещение убытков, причиненных природным ресурсам, как мера гражданской ответственности : автореф. дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.

8.Проставление Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 49. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-30112017-n-49/>.

Жегалова Анна Андреевна
ассистент кафедры конституционного
и муниципального права
(Ростовский государственный экономический университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: moi.arbitr.cp@yandex.ru

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

Современная действительность человечества характеризуется активным течением глобализационного процесса, в результате которого правовые системы различных государств подвергаются корректировке под общие универсальные нормы, стандарты и ценности. Однако, несмотря на восприятие странами «новых» правил и укоренение их в национальном законодательстве, также наблюдается процесс обращения народов к собственным правовым традициям обычаям, предпринимаются действия к их сохранению.

Российская Федерация как активный участник международных отношений также подвергается влиянию множества внешних факторов, которые в той или иной мере оказывают влияние на ее правовую систему. Именно поэтому, так важно сохранять внутри государства те ценности, которые позволяют ему на протяжении столетий противостоять внешнему натиску, которые составляют на сегодняшний день его незыблемые основы. Аралова Е.В. подчеркивает: «Важнейшей задачей современного этапа развития России является возрождение ее национальной культуры, что совершенно невозможно без научного осмысления ценностей, созданных предшествующими поколениями, и трансляции их современной молодежи. Однако этот процесс нельзя сводить лишь к простой реставрации духовных ценностей, созданных в прошлом, игнорируя принципиально новые условия, сложившиеся в стране и в мире» [1].

Путин В.В. выступая в 2013 году на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» также отметил: «Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции» [2].

Одной из национальных конституционных ценностей выступает местное самоуправление, которое, на наш взгляд, является не только правовым институтом, но и характерной чертой русского народа, поскольку в различных формах (вечевая демократия, земства) сопровождает его практически на всем пути

государственного развития России. Важнейшая роль муниципальной демократии и механизмов самоуправления в российском обществе обусловлена рядом обстоятельств:

Во-первых, местное самоуправление является одной из важных содержательных характеристик современного конституционализма, признанной основой конституционного строя демократической государственности [3, с. 31]. Отнесение местного самоуправления к основам конституционного строя определяет его воздействие в той или иной мере на развитие всех конституционных характеристик российской государственности.

Во-вторых, местное самоуправление играет ключевую роль в развитии демократических начал современной государственности, а тот вклад, который местные органы способны внести во взаимодействии с национальными и региональными властями в достижение устойчивого развития, провозглашенного общегосударственной целью, является сегодня общепризнанным.

В-третьих, через реализацию местного самоуправления происходит укрепление и развитие социально-политического разнообразия, достигается высокий уровень проявления демократических начал в социально-политической организации общества, а степень развитости и реальный демократизм местного самоуправления служат укреплению конституционного строя как государственно-правового выражения гражданского общества.

В-четвертых, посредством права на местное самоуправление могут получать наиболее оптимальные, комфортные формы реализации другие — социальные, экономические, культурные конституционные права и свободы человека и гражданина, многие из которых осуществляются по месту жительства [3, с. 9].

В-пятых, местное самоуправление тесно связано с демократией, так как в основе демократии лежит идея политической свободы, благодаря которой принцип самоопределения и самоуправления распространяется как на отдельного человека или народ в целом, так и на сообщества граждан.

Таким образом, само местное самоуправление выступает высочайшей конституционной демократической ценностью, как средство реализации основных конституционных прав и свобод человека и гражданина и элемент укрепления российской государственности.

Подводя итог, также отметим, что местное самоуправление как историческая и конституционная ценность обогащает российское общество другими значимыми свойствами, такими как традиционализм, поскольку на местном уровне создана благоприятная почва для сохранения национальных культурных традиции различных этносов, составляющих многонациональный народ России, патриотизм, который начинается с любви к «малой Родине», соборность – основа единения населения для решения местных вопросов и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Аралова Е.В. Соборность как фактор духовной культуры России // Власть. 2014. №7. С. 132.

2.Путин В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Вестник российской нации. 2013. №6. С. 5.

3.Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 6. - Ростов-на-Дону: Профпресс, 2016. - 176 с.

Жуков Алексей Петрович

кандидат юридических наук

(Северо-Кавказский федеральный университет)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: azhukov@ncfu.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Проблема решение вопроса правовой природы полномочий местного самоуправления в сфере образования достаточно сложная и во многом противоречивая. С одной стороны, органы местного самоуправления, выступая элементом системы российского образования, выполняют роль фактического организатора и исполнителя единой государственной образовательной политики, с другой стороны в соответствии с конституционными принципами самостоятельности местного самоуправления, местные органы публичной власти самостоятельны в решении вопросов местного значения,[1] в том числе вопросов, связанных с организацией предоставления образовательных услуг.

В соответствии с п. 11 ч.1 ст.15 и п.13 ч.1 ст.16 Федерального закона от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] органы местного самоуправления в сфере образования:

1. организуют предоставление общедоступного и бесплатного: а) дошкольного образования; б) начального общего образования; б) основного общего образования; в) среднего общего образования.

2. организуют предоставление дополнительного образования детей в муниципальных образовательных организациях;

3. создание условий для осуществления присмотра и ухода за детьми, содержания детей в муниципальных образовательных организациях;

4. организация отдыха детей в каникулярное время;

5. реализация мероприятий по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей в каникулярное время.

Анализ полномочий органов местного самоуправления, как участников образовательных правоотношений может дать наиболее полное представление о правовой природе данных полномочий. Для этого, вначале необходимо определиться какие полномочия относятся к таковым, а которые можно отнести к образовательным услугам.

Из всех вышеназванных полномочий муниципальных органов в сфере образования к образовательным услугам можно отнести организацию дополнительного образования детей и детского досуга в каникулярный период. Эти

формы образовательной деятельности не носят обязательного характера, осуществляются преимущественно на платной основе и действительно относятся к вопросам местного значения, решаемых органами местного самоуправления самостоятельно и в соответствии со спецификой того, или иного региона. Сам термин «образовательные услуги» предполагает, что образовательная организация, учредителем которой является муниципалитет, заключая договор о предоставлении указанных услуг с родителями ребенка, выступает в качестве участника частно-правовых отношений, а именно гражданско-правовых. В пользу такого вывода говорит аргумент, что указанные формы образовательной деятельности не относятся в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 №273-ФЗ [3] к обязательным. Полномочия органов местного самоуправления в этой области сводятся к созданию условий для того, чтобы у родителей была дополнительная возможность организовать досуг и гармоничное развитие своих детей. Важно отметить, что пользование указанными образовательными услугами всегда остается правом родителей, а не обязанностью. С учетом вышеизложенных аргументов, можно сделать вывод о *частно-правовой природе* полномочий органов местного самоуправления по организации дополнительного образования детей и организации их каникулярного отдыха. С этой же точки зрения дошкольное образование, предоставляемое муниципальными учреждениями, также можно отнести полномочиям органов местного самоуправления с частно-правовыми началами: во-первых, дошкольное образование является не обязательным; во-вторых, предоставление дошкольных образовательных услуг предполагает денежную компенсацию со стороны родителей (родительская плата).

В отличие от уже рассмотренных полномочий органов местного самоуправления в сфере образования, организация начального общего, основного общего и среднего общего образования являются публично-правовыми полномочиями. Такой вывод частично можно сделать проанализировав особенности указанных уровней образования. У обучающегося, получившего среднее общее образование, должны сформироваться нравственные убеждения, эстетический вкус и здоровый образ жизни, высокая культура межличностного и межнационального общения; он должен овладеть основами наук, государственным языком Российской Федерации, навыками умственного и физического труда и др., и самое главное, обучающийся должен к концу обучения сформироваться как личность и быть готов к началу профессиональной деятельности (ч.1-3 ст.66 ФЗ от 29.12.2012 №273-ФЗ). Таким образом, органы местного самоуправления через функционирование муниципальных образовательных учреждений, выполняют важнейшую для всего общества и государства задачу – формирование полноценного, разностороннего, максимально социализированного члена российского общества. В этой части согласимся с тезисом, что «являясь одним из социальных институтов, образование удовлетворяет потребности общества в сохранении и передаче от поколения к поколению системы научных знаний и социальных норм, в создании необходимых условий для социализации личности: ее обучения, воспитания и развития» [4]. Задачи, которые ставятся перед общим образованием, осуществляемым муниципалитетами, никак нельзя отнести к вопросам местного значения.

Законодатель устанавливает всеобщую обязательность и гарантирует каждому получение общего образования, предавая тем самым особую значимость общего образования для государства и общества. Поэтому организацию общего образования следует рассматривать только как государственную задачу и только как государственную функцию.

Таким образом, говоря о публично-правовой природе обозначенных полномочий органов местного самоуправления, следует признать, что муниципалитеты в силу требований федерального законодательства обязаны осуществлять государственные функции.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, «...Отсюда берут начало все разногласия в понимании того, как должно происходить воспитание и обучение. Объем полномочий местных органов власти зачастую понимается как остаточная разница, получаемая при вычитании от реализации полномочий региональных и федеральных властей. Иными словами местные органы власти должны сделать и выполнить то, что не сделали или не доделали государственные структуры и всячески восполнить пробелы федерального законодательства собственными актами» [5].

Не является секретом тот факт, что у разных муниципальных образований разные организационные, материальные, финансовые возможности, в том числе и в сфере общего образования, от качества которого, как мы неоднократно указывали ранее, зависит полноценность развитие личности. Такое положение на практике приводит к тому, что даже в пределах одного российского региона качество общего образования может сильно отличаться.

На основании вышеизложенного, учитывая публично-правовую природу общего образования, считаем необходимым передать полномочия по организации общего образования государственным органам субъектов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Эфрикян Р.А. Полномочия органов местного самоуправления в сфере образования и их реализация: Автореф. диссер. ... канд. ю. н. – Ростов-на-Дону, 2010, - С. 3.
5. Уткин Э.А., Денисов А.Ф. Государственное и муниципальное управление. М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем». Издательство «ЭКМОС», 2006. С. 47.

Закаталова Анастасия Сергеевна
главный специалист отдела юридических экспертиз

РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

В условиях нестабильной ситуации в российской экономике и обществе в целом, в виду непрекращающейся сегодня трансформации социально-экономических отношений, существенным образом возрастает потребность в выстраивании эффективной системы управления процессами территориального развития на местном уровне. Именно муниципалитет призван решать вопросы местного значения исходя из интересов населения, опираясь на права, обязанности и ответственность органов местного самоуправления и реализуя закрепленные государством полномочия.

Развитие местного самоуправления – процесс, получивший большое значение в XX веке во многих странах мира, в том числе и в России. Принцип самоуправления является одним из универсальных инструментов управления социумом. З.Б. Зотов по данному вопросу утверждал, что управление предполагает воздействие на систему извне, тогда как самоуправление подразумевает внутреннее воздействие, инициируемое непосредственно самой системой [2]. Можно говорить о том, что местное самоуправление – это, прежде всего социальная система, на которую оказывается воздействие для сохранения ее структуры, поддержания режима функционирования, а также реализации программ и действий внутри ее.

Отметим, что развитая система местного самоуправления один из основных признаков демократического общества, поскольку именно на уровне местного самоуправления представляется возможным наиболее полно реализовать один из основополагающих принципов демократии - равное право и возможность всех дееспособных граждан на управление делами сообщества. Нельзя не подчеркнуть значимость следующих фундаментальных принципов местного самоуправления: недопустимость раздвоения власти, что может привести к политической нестабильности и упадку государственных институтов, обеспечение участия населения в управлении делами общества и государства, повышая культурно-правовой уровень граждан; государству следует вникать в местные проблемы для принятия решений, которые затрагивают интересы населения каждой отдельной территории.

Современный этап крупного реформирования местного самоуправления связан с принятием Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года [1]. Границы осуществления местного самоуправления установлены Конституцией РФ, федеральными законами, только в отдельных случаях, предусмотренных федеральным законом, местное самоуправление регулируется законами субъектов РФ. В полном объеме закон вступил в действие на территории всех субъектов Федерации в 2006 году. Данный федеральный закон существенным

образом изменил концепцию местного самоуправления, в наибольшей степени пересмотрев территориальные основы местного самоуправления. Положения других нормативных актов по вопросам местного самоуправления создают общую систему правового регулирования в данной сфере. Таким образом, принятие Федерального закона от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», запуск муниципальной реформы, сыграли важную роль в укреплении системы местного самоуправления в России. Важно отметить, что согласно Конституции РФ, местное самоуправление в государстве предполагает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, реализацию прав владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью [7].

На сегодняшний день в системе местного самоуправления в Российской Федерации идет тенденция на сокращение поселенческого звена, объединение всех поселений в пределах муниципального района и, как следствие, образование из объединенных населенных пунктов городского округа. Самостоятельность местного самоуправления ослабляется как ограниченностью финансовых средств и материальных ресурсов, так и сдерживанием нормативно-правового характера: противоречивость законодательных актов в области местного самоуправления, не разработанность конкретных механизмов реализации норм законодательства [5].

В России вопросы регламентации местного самоуправления распределены между регионами и центром [3]. Проведение реформы местного самоуправления в Российской Федерации не должно проходить исключительно в коридорах власти, ведь демократическая система предполагает управление на всех уровнях власти не только в интересах граждан, но и при непосредственном и решающем участии самого народа, населения в управлении. Процесс вовлечения населения в работу муниципалитетов, к тому же, решает проблему общественного контроля за властью [4].

Наиболее важной для России является такая особенность современного этапа реформы как нацеленность на формирование гибкой и эффективной системы управленческих отношений, соответствующих целям государства.

Как справедливо отмечают М.В. Сабанчева и Л.А. Мосина, в России пока нет четкой продуманной общегосударственной стратегии по реабилитации кризисных городов и территорий, отсутствуют механизмы координации принятия решений, используются преимущественно налогово-бюджетные инструменты [6].

Выступая перед членами рабочей группы, Президент РФ подтвердил, что в нашей стране еще не создана оптимальная модель взаимоотношений местного самоуправления и государственной власти. Но создание такой модели уже началось. Первым шагом стали поправки к Конституции, дальнейшие шаги будут направлены на создание соответствующей нормативной базы в форме проектов федеральных законов. До 01.01.2025 установлен переходный период для приведения статусов и уставов муниципальных образований, а также законодательства в соответствие с изменениями, внесенными Федеральным законом от 01.05.2019 № 87-ФЗ. Стоит отметить, что сейчас, в местном самоуправлении усиливаются государственные черты и ослабляются общественные. Тем не менее, такой процесс может парадоксальным образом

повысить эффективность муниципальной власти. Это сложно, но теоретически возможно, при выполнении следующих условий:

-должна быть четко сформулирована компетенция органов местного самоуправления

-должен получить свое развитие институт гражданского общества

-деятельность местного самоуправления должна соответствовать интересам населения.

При реализации указанных условий, мы получим эффективно действующую систему власти, с развитой государственной и муниципальной властью.

Органы местного самоуправления – наиболее приближенный к людям уровень власти, призванный обеспечить основы существования человека. Поэтому успех любых реформ и национальных проектов зависит от того, что делается для их реализации на местах. Проводимая в России реформа местного самоуправления в последние годы не решила задачу обеспечения муниципальных образований финансовыми средствами для решения вопросов местного значения. Сложившаяся ситуация требует серьезного анализа и оценки существующих возможностей развития конкретной территории, поиска эффективных механизмов реализации полномочий органов местного самоуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 06.10.2003, № 40. Ст. 3822.

2. Баранов, П.П. Местное самоуправление как форма публичной власти и институт гражданского общества / П.П. Баранов // Философия права. – 2008. – №5. – С. 23-26.

3. Зуева, Ю.А. Местное самоуправление как институт современной демократии: зарубежный и российский опыт в историко-правовом и доктринальном измерении / Ю.А. Зуева // Философия права. – 2010. – №6. – С. 99-103.

4. Колобов, О.А. Вопросы совершенствования взаимодействия власти и общества в свете преобразований системы местного самоуправления на современном этапе / О.А. Колобов // Историческая и социально – образовательная мысль. – 2015. – №3. – С. 82-86.

5. Превращение сельских районов в городские округа продолжается. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/363262> (Дата посещения: 13.10.2020).

6. Сабанчева М.В. Проблема моногородов России: теоретические и практические аспекты решения / М.В. Сабанчева, Л.А. Мосина // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 12. С. 23.

7. Салов, Д.О. Местное самоуправление как фактор политического развития современной России. Автореф. дис... канд. полит.наук. – Москва, 2008. – 32 с.

Капранова Юлия Витальевна
кандидат юридических наук, доцент
(Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: kapranova2000@yandex.ru

О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ И ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Конституция Российской Федерации выступает основой национальной безопасности, которая сочетает в своем содержании различные виды безопасности, в том числе государственную и общественную безопасность. Общественная безопасность, как состояние защищенности, безопасности личности, общества и государства является целью общественного порядка. Общественный порядок шире правопорядка, регулируется помимо правовых норм, также нормами морали, нравственностью, традициями и обычаями. Правопорядок как определенное состояние общественных отношений, урегулированных правовыми нормами, принятыми в РФ в установленном порядке, есть результат деятельности государственных органов, достигнутый в результате обеспечения общественной безопасности.

Произведенные изменения текста Конституции Российской Федерации в связи с принятием Закона о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» № 1–ФКЗ [2] привнесли ряд новелл в регламентацию конституционных основ правоохранительной деятельности, затронувшие, в том числе и сферу местного самоуправления. Следует отметить, что в п. «г» ст. 71 [3], впервые закреплено, что в ведении Российской Федерации находится организация публичной власти, в том числе, установление системы федеральных органов исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности, формирование федеральных органов государственной власти. Таким образом, учитывая, что правоохранительная деятельность находится в сфере ответственности государственных органов, входящих в систему исполнительной власти, а также судебной власти, в тексте Основного закона впервые правоохранительная деятельность определяется как функция публичной власти. В главе 7, посвященной регулированию вопросов местного самоуправления появилось новое положение, раскрывающее содержание понятия «публичная власть». А также согласно поправок, внесенных в данную главу, в ч. 1 ст. 132, функция охраны общественного порядка выведена из компетенции органов местного самоуправления.

Необходимо отметить, что после принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году возникла проблема самостоятельной реализации полномочий органов местного самоуправления в осуществлении охраны общественного порядка, поскольку в ч. 1 ст. 132 указывалось, что органы местного самоуправления осуществляют охрану общественного порядка, однако властно-принудительными полномочиями они наделены не были. Следует отметить, что

функция по обеспечению правопорядка в структуре российского государства традиционно возлагается на специализированные правоохранительные органы, в настоящее время МВД России, Росгвардию, органы местного самоуправления взаимодействуют с ними по вопросам обеспечения охраны общественного порядка. Более того, до 2011 года органы местного самоуправления воздействовали на милицию общественной безопасности посредством установленных в законодательстве возможностей по ее финансированию, согласования назначений на должности начальников милиции общественной безопасности и др. После реформирования МВД России в 2011 году, финансирование полиции как федерального органа исполнительной власти осуществляется исключительно из федерального бюджета, органы местного самоуправления утратили влияние в данной сфере. Безусловно, милиция общественной безопасности не могла подменить собой муниципальные органы охраны общественного порядка, которые в России так и не созданы до сих пор. Реализация положений п. 8 ст. 15, п. 9 ст. 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5], предусматривающих организацию охраны общественного порядка на территории муниципального района, городского округа силами муниципальной милиции подразумевала принятие федерального закона «О муниципальной милиции». Проект данного закона был разработан в 2014 году, но был отклонен. Представляется, в настоящий момент вопрос о принятии закона, который определил бы порядок организации и деятельности муниципальной милиции снят с законодательной повестки в связи однозначным отнесением вопросов охраны общественного порядка, которые неизбежно сопряжены с применением огнестрельного оружия, применением иных принудительных мер государственно-властного воздействия к нарушителям, к компетенции федеральных органов исполнительной власти, и соответствующие положения из федерального закона о местном самоуправлении следует исключить.

В настоящий момент согласно законодательства возможность создания региональных сил правопорядка отсутствует, равно, как и у органов местного самоуправления отсутствуют административно-юрисдикционные полномочия в области охраны общественного порядка, которые подразумевают наличие у органов местного самоуправления и их должностных лиц полномочий по разрешению административных дел в указанной области и применению мер административной ответственности в целях поддержания общественного порядка. Однако в ряде регионов организованы, так называемые, местные «псевдополицейские», «парамилицейские» структуры (в г. Москве ГКУ «АМПП» и МАДИ, в г. Санкт-Петербурге - СПб ГКУ «Городской центр управления парковками», в г. Казани - МКУ «Организатор городского парковочного пространства», в г. Екатеринбург, Тюмень – службы квартальных) [1], выполняющие задачу по наполнению местных бюджетов путем назначения штрафов за различного рода административные нарушения в сфере городского благоустройства, в области дорожного движения и др. Данная практика возможно и оправдана в крупных городах, подобный опыт в рамках деятельности муниципальной милиции в зарубежных странах очень востребован, но в

российских реалиях требует тщательного изучения и оценки правомерности их деятельности в свете последних изменений законодательства.

В целом, положения Конституции Российской Федерации, связанные с реализацией функции охраны общественного порядка органами местного самоуправления долгое время оставались не конкретизированными, затем в связи с принятием федеральных законов в 2014 году: «Об основах общественного контроля» [6], «Об участии граждан в охране общественного порядка» [4] получили развитие. В настоящий момент участие органов местного самоуправления в охране общественного порядка заключается в создании условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка, а также во взаимодействии и содействии органам полиции, осуществляющим несение службы на территории муниципального образования, в том числе через предоставление помещений участковым уполномоченным полиции и др. Участие граждан муниципальных образований в охране общественного порядка выступает неотъемлемым институтом гражданского общества, одним из элементов общественного контроля, реализацией права на участие в управлении делами государства посредством реализации инициативы граждан по охране общественного порядка в границах муниципальных образований. Таким образом, учитывая, что органы местного самоуправления, пусть и не обладая юрисдикционными полномочиями, так или иначе участвуют в обеспечении охраны общественного порядка посредством создания гарантий для его надлежащего установления, представляется изъятие функции «осуществление охраны общественного порядка» из текста ст. 132 Конституции Российской Федерации выступает достаточно спорным решением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов С.Н., Молчанов П.В. Особенности имплементации отдельных конституционных норм, затрагивающих права и законные интересы граждан, в законодательство в области обеспечения безопасности дорожного движения и охраны общественного порядка // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 76 – 82; Авдейко А.Г., Кононов А.М. Проблемы реализации административно-юрисдикционных полномочий органов местного самоуправления в области охраны общественного порядка и предупреждения правонарушений // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 4. С. 45 – 51.

2. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1–ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» № 1–ФКЗ // Собрание законодательства РФ, 16.03.2020, № 11, ст. 1416.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Колесникова Кира Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
(Северо-Кавказский федеральный университет)

г. Ставрополь

e-mail: mail.kira@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЛЕСОВ ИНОСТРАННЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ И ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Отсутствие в национальном законодательстве стран-участниц Евразийского Экономического Союза единых требований и ограничений к иностранным участникам лесных отношений приводит к необходимости исследования как самих нормативно-правовых актов, устанавливающих правила доступа к лесным ресурсам, так и актов определяющих содержание таких требований и ограничений.

При анализе норм Лесного кодекса РФ становится очевидным, что законодателем не предусмотрен порядок использования лесных участков иностранными субъектами (физическими и юридическими лицами).

Несмотря на то, что Лесной кодекс РФ не называет указанных субъектов в качестве возможных участников лесных отношений, он же не содержит прямых запретов для такого их участия. Основываясь на анализе норм Лесного кодекса РФ, можно констатировать, что иностранные юридические лица, иностранные граждане и лица без гражданства могут быть стороной, как договора аренды лесного участка, так и договора купли-продажи лесных насаждений. На эти обстоятельства указывает А.А. Ялбулганов [1].

Согласно статье 22 Лесного кодекса РФ и Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» иностранные субъекты осуществляют инвестиционную деятельность в области использования лесов.

При этом иное федеральное законодательство, включая Лесной кодекс РФ, не содержит норм о соответствующих запретах, иностранные субъекты могут являться участниками имущественных отношений, в том числе тех, где в качестве объекта отношений выступают лесные участки.

Таким образом, можно прийти к выводу, что, хотя лесное законодательство и не содержит прямого запрета на пользование лесами иностранными резидентами (правда участвовать в данных отношениях возможно лишь в рамках осуществления инвестиционной деятельности), субъекты предпринимательской деятельности государств-членов Евразийского Экономического Союза, несмотря на создание

общего с Российской Федерацией экономического пространства, уравниены в правах (и обязанностях) с любыми иными иностранными инвесторами и не имеют никаких преференций.

Надо сказать, что законодательство иных стран-участниц Евразийского Соглашения совершенно по-разному регулирует данные отношения. Так, в лесном законодательстве Республики Армения, аналогично с Российской Федерацией ничего не говорится о возможности использования лесов иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами. Лесной кодекс Республики Армения, принятый 2 октября 2005 года, определяет лесопользователя как физическое и юридическое лицо, которое имеет право пользоваться полезными свойствами лесов и лесными землями, в закрепленном законодательно порядке.

Закон Республики Армения «Об иностранных инвестициях» в статье 4 называет формы таковых. К ним относится приобретение права землепользования и концессий по использованию природных ресурсов на территории Республики Армения. Речь идет, в том числе, о самостоятельном приобретении иностранными инвесторами этих прав. Однако статья 19 того же закона, гласит, что данные отношения регулируются соответствующими законодательными актами Республики Армении, то есть так же как и российские правовые акты отсылает к специальному законодательству. Как указывают авторы С.А. Белов, Е.В. Гриценко, Д.А. Жмулина в стране отсутствует специальное регулирование концессионных договоров, но в Законе Республики Армения «Об иностранных инвестициях» установлена норма, в соответствии с которой с иностранными инвесторами могут заключаться договоры на право пользования как возобновляемыми, так и невозобновляемыми природными ресурсами [2].

Казахстанские законодатели пошли дальше, императивно закрепив в Лесном кодексе Республики Казахстан от 8 июля 2003 года прямой запрет на предоставление иностранцам участков государственно лесного фонда. В статье 29 Лесного кодекса РК установлено, что принимать участие в тендере на право долгосрочного лесопользования на участках государственного лесного фонда имеют право граждане Республики Казахстан и юридические лица Республики Казахстан без иностранного участия.

Пункт 2-1 статьи 31 Лесного кодекса РК также содержит норму о том, что к участию в тендерах по предоставлению права долгосрочного пользования лесными ресурсами с целью заготовки древесины допускаются граждане Республики Казахстан и юридические лица Республики Казахстан без иностранного участия.

Статья 23 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан, в которой перечисляются субъекты предпринимательства, в качестве таковых не содержит упоминания об иностранных юридических или физических лицах, однако они названы в статье 164 как участники рынка.

Складывается ощущение, что казахские законодатели не очень последовательны в правовом регулировании той области отношений, которая касается привлечения иностранных инвесторов в национальную экономику, что не совсем согласуется с принятым 22 августа 2017 года Постановлением Правительства Республики Казахстан № 498 «Об утверждении Программы по привлечению инвестиций «Национальная

инвестиционная стратегия» и внесении дополнения в постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2015 года № 1136 «Об утверждении перечня правительственных программ и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан».

Совсем по-другому обстоят дела с законодательством Республики Киргизия и Республики Беларусь.

Статья 14 Лесного кодекса Киргизии гласит, что участки лесного фонда могут предоставляться в пользование организациям и гражданам Кыргызской Республики, иностранным юридическим лицам и гражданам, а также международным организациям.

Лесной кодекс Республики Беларусь от 24 декабря 2015 года в статье 7 устанавливает, что субъектами отношений в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов являются, помимо прочих, иностранные юридические лица и их представительства, иностранные граждане и лица без гражданства.

Статья 1 Закона «Об инвестициях в Кыргызской Республике» в качестве формы инвестиций называет «концессии, включая концессии на поиск, разработку, добычу или эксплуатацию природных ресурсов».

Можно предложить использовать концессионные соглашения как одну из форм государственно-частного партнерства, в качестве универсального механизма международного сотрудничества государств членов Союза в сфере природоресурсных отношений, однако, как указывается в литературе, к примеру, Республика Армения, в своем законодательстве, не устанавливает норм, которые регулировали бы модели государственно-частного партнерства, в традиционном его понимании. Вместо них законодатель предлагает иные механизмы: приватизацию, аренду, государственные закупки, инвестиционные договоры, управления государственными предприятиями и другие. Концессионные соглашения или вовсе не упоминаются или не прописывается их детальное регулирование. [2]

Данный подход не обеспечивает единства установлений наднационального законодательства в части совершенствования и гармонизации правового регулирования природоресурсных, в том числе лесных отношений. В этой связи, представляется необходимым расширить применение принципа резидентства, не ограничивать сферу его действия лишь вопросами таможенного регулирования.

Нормы Договора о ЕАЭС легализуют, вопреки положению о гармонизации законодательства, и поощряют страны-участницы Союза вести собственную правовую политику, исходя из собственных национальных принципов и представлений о сферах, нуждающихся в дополнительных ограничениях доступа иностранных субъектов. В свете этого, не приходится говорить не о гармонизации, не об унификации политики в сфере предпринимательства и инвестиционной деятельности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект 20-511-00015 Бел_а «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств-членов Евразийского Экономического Союза».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правовое регулирование природоресурсных платежей / Под ред. А.А. Ялбулганова. М., 2007.
2. Белов СА, Гриценко ЕВ, Жмулина ДА. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты. Москва: Инфотропик Медиа; 2015. 528 с.

Маркина Елена Владимировна
кандидат юридических наук
(Ростовский государственный экономический университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: shevelevaev@mail.ru

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Анализ сущности публичной власти, ее содержания и специфики осуществления долгое время является предметом научных исследований многих ученых в рамках изучения государственной власти и местного самоуправления как ее разновидностей, их взаимодействия и взаимосочетания в одном государстве. При этом данный термин получил официальное оформление на конституционном уровне лишь в 2020 году в рамках конституционной реформы, предусмотренной Законом РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 года №1-ФКЗ, инициатором которой стал Президент Российской Федерации.

Положения п. «г» ст. 71 Конституции РФ определили, что в ведении Российской Федерации находятся организация публичной власти, тогда как ранее в данной пункте говорилось об организации органов государственной власти. С одной стороны, данное положение можно расценивать как ограничение принципа самостоятельности местного самоуправления, с другой – как вполне логичное продолжение смысла п.1 статьи 131 Конституции РФ, который гласит, что структура местного самоуправления определяется населением самостоятельно в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными федеральным законом, что позволяет нам сделать вывод об отсутствии какого-либо нарушения прав местного самоуправления и включения его в структуру государственной власти, о чем говорили многие критики проводимой конституционной реформы. С нашей точки зрения, она лишь юридически оформила сложившуюся де-факто ситуацию существования в России публичной власти, в состав которой входят федеральная и региональная государственная власти и местное самоуправление, которые представляют собой три уровня публичной власти, с определенными методами и способами взаимодействия и взаимоподчинения, что вполне нормально для федеративного государства с огромной территорией и разнообразными

культурными и национальными особенностями, которым и является Российская Федерация.

В соответствии с п. 3 ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Текст ч.2 ст. 80 Конституции РФ теперь гласит, что Президент РФ обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, а не только государственной, как это было ранее, что поднимает местное самоуправление, которое не входит в систему государственной власти и является отдельной разновидностью публичной власти, на более высокий уровень охраны и защиты, придавая ему дополнительную значимость.

Законодатель раскрыл понятие публичной власти в Конституции РФ, которая в действующей редакции содержит в ряде статей (ч.1 ст. 67; п. «г» ст. 71; ч. 2 ст. 80 и т.д.) упоминание термина «публичная власть» в организационной и функциональном аспектах, не раскрывая его определение, что позволяет нам сделать вывод об актуализации теоретических исследований публичной власти.

С терминологической точки зрения обозначение власти в Российской Федерации как публичной носит позитивный характер, так как содержит прямое указание на принадлежность ее народу, а не государству, органам государственной власти. Расширение спектра использования данного термина в правовом, научном и повседневном обороте приведет к усилению роли населения и структур гражданского общества в осуществлении управления делами государства, стимулируя их желание реализовывать политические права и свободы.

В сознании многих граждан государство и власть ассоциируется именно с органами государственной власти, а внедрение в повседневный обиход термина, обозначающего принадлежность власти населению, будет внутренним стимулом не только для активной части гражданского общества развивать дальнейшее практическое применение закрепленных в тексте основного закона государства инструментов влияния на реальные конституционно-правовые отношения во всех сферах общественной жизни.

Микулина Екатерина Вячеславовна

кандидат юридических наук
доцент кафедры муниципального права и
природоохранного законодательства
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: gurnak_ekaterina@mail.ru

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА В СФЕРЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Правосудие есть неизменная и постоянная воля

Развитие местного самоуправления во многом зависит от создания и функционирования системы судебных гарантий прав местного самоуправления. Помимо универсального положения статьи 46 Конституции РФ о гарантировании каждому судебной защиты его прав, Основной закон в ст.133 закрепляет, что местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту. Это новое для российской правовой системы конституционное установление, признание которого стало возможным на основе утверждения принципиально новых подходов не только к местному самоуправлению и характеру его взаимоотношений со всеми ветвями государственной власти, но и к самой судебной власти, ее роли в защите прав и свобод граждан, причем как индивидуального, так и коллективного характера. Именно эти положения более общего характера лежат в основе конституционной системы судебных гарантий местного самоуправления [1].

Право на судебную защиту прав местного самоуправления предусмотрено на уровне положений Федерального закона РФ №131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», однако единого нормативного комплекса в сфере судебной защиты местного самоуправления не образует.

В качестве субъектов права на судебную защиту местного самоуправления, согласно законодательству, выступают граждане, проживающие на территории муниципального образования и составляющие местное сообщество, органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления. Однако на сегодняшний день практики судебной защиты прав местного сообщества в сфере градостроительства, по сути, не сложилось.

Действующее процессуальное законодательство не рассматривает «местное сообщество» субъектом, обладающим правом на обращение в суд. Вместо этого речь идет о коллективном обращении, в котором каждый заявитель персонифицирован [2]. Наиболее близкой по характеру к собирательному понятию «Городское сообщество» является процессуальная категория «неопределенный круг лиц», закрепленная в части 2 статьи 4 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК). Для возможности судебной защиты прав, свобод и законных интересов, в том числе неопределенного круга лиц предусмотрено право прокурора на обращение в суд с заявлением в их защиту (ч. 1 ст. 45 ГПК). Однако представляется, что такой опосредованный порядок судебной защиты прав местного населения может не отвечать критерию необходимой эффективности.

Защита, прежде всего, судебная, прав и законных интересов населения, на наш взгляд, должна реализовываться, прежде всего, путем прямого доступа населения к судопроизводству.

Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее – ГрСК) имеет ряд норм, в которых содержится прямое указание на возможность граждан обратиться в суд. Соответствующие нормы можно разделить на два массива: первый

устанавливает возможность обратиться в суд только индивидуально-определенным субъектам, имеющим требуемый законом правовой титул (например, граждане – правообладатели земельных участков и объектов капитального строительства (ч. 9 ст. 11, ч. 7 ст. 15, ч. 7 ст. 20, ч. 15 ст. 24), второй предписывает возможность обращения в суд по вопросам в сфере градостроительства значительно более абстрактному кругу лиц, на что указывает используемая законодателем категория «физические лица и юридические лица» (ч. 4 ст. 32, ч. 7 ст. 37, ч. 12 ст. 39, ч. 7 ст. 40, ч. 17 ст. 45).

Приведенные выше положения Градостроительного кодекса Российской Федерации, устанавливающие возможность обращения в суд по вопросам градостроительства, являются нормами прямого действия. Вместе с тем, приведение в Грск перечня случаев, допускающих возможность обращения в суд, не означает отсутствие у заинтересованного лица права на обращение в суд в случае, для которого Грск прямо не предусматривает возможность обращения в суд. Такая возможность законодательством регламентируется и ставится в зависимость от затрагивания тем или иным актом, действием, решением в сфере градостроительства прав, свобод и законных интересов лица, обращающегося в суд. Укреплению данного принципа очень во многом способствуют акты Конституционного Суда Российской Федерации.

Юридическая техника положений Грск о праве на обращение в суд такова, что соответствующие нормы Грск ориентируют более на индивидуальное обращение в суд, нежели на коллективное. Учитывая, что ни Грск не содержит понятия «население», ни Федеральный закон РФ №131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», представляется целесообразным рассмотреть данное понятие не с позиции социологии или общераспространенного употребления термина, но с точки зрения права.

Так, например, Конституционный Суд РФ исходит из следующего понимания категории «население муниципального образования» – это особое объединение граждан – местное сообщество, которое формируется на основании Конституции РФ и закона в соответствии с объективно складывающимися взаимными интересами граждан по месту их жительства при совместном решении общих дел (вопросов местного значения) [3].

Аналогичной позиции придерживается и Верховный Суд Российской Федерации, который в своем определении от 20.01.2003 г. по делу №38-Г02-12 отметил следующее: «принимать участие в решении вопросов местного самоуправления могут лишь граждане, населяющие данную территорию, то есть постоянно или преимущественно проживающие в определенном месте, иных критериев, предоставляющих право гражданину Российской Федерации принимать участие в местном самоуправлении, Конституция не содержит».

Учитывая значимость сферы градостроительства, охват ею широкого круга прав человека, считаю целесообразным напрямую распространить механизм обращения в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, устанавливаемый процессуальным законодательством, на отношения, затрагивающие население муниципальных образований и вытекающие из градостроительства. Вносить в этих целях дополнение в ГПК представляется

неоправданным, в то время как появление соответствующей нормы права в Грск было бы справедливым (по аналогии с иными федеральными законами, на которые ссылается положение ч. 2 ст. 4 ГПК). В этих целях необходимо дополнительно решить, кого целесообразно наделить полномочиями на подачу подобного рода заявлений в суд в защиту местного населения. На мой взгляд, таким субъектом может быть лицо, кандидатура которого утверждается местным сообществом по вопросу об обращении в суд в защиту населения.

Предлагаемый вариант нововведения в Грск позволит, во-первых, в наибольшей степени объективировать потенциальное нарушение прав, свобод и законных интересов членов местного сообщества в качестве повода для обращения в суд, во-вторых, определить нарушаемые права, свободы и законные интересы как действительно относящиеся к населению муниципального образования, в-третьих, обеспечить адекватное и квалифицированное представление интересов населения в суде (посредством выбора и утверждения лица, наделяемого правом на инициирование соответствующего судебного разбирательства в защиту неопределенного круга лиц – населения).

Предлагаемое нововведение, как представляется, с одной стороны, значительно усовершенствовало бы механизм доступа населения к правосудию, а с другой стороны, в значительной степени пресекало бы вероятность случаев злоупотребления правом со стороны заявителей, чему служила бы процедура принятия решения по вопросу обращения в суд на местном референдуме.

Здесь, однако, нельзя не отметить, что рассматриваемое предложение предполагает довольно высокую степень вовлеченности населения в местное самоуправление, основывающуюся на уровне правосознания, правовой культуры и социальной активности жителей муниципальных образований. Поэтому, полагаем, для решения вопроса о внесении в Грск предлагаемого дополнения целесообразно провести разноуровневые и в масштабах всей страны социологические исследования, итоги которых могли бы позволить наиболее правильно сформулировать проект нововведения.

Как ранее отмечалось, вопрос судебной защиты прав местного сообщества в сфере градостроительства произведен от реализации прав населения в соответствующей области. Если показатель вовлеченности населения муниципального образования в решение вопросов местного значения – как проявление реализации прав в отмеченной сфере – низок, то и институт судебной защиты не получит должного развития. Необходима популяризации градостроительства особенное в городских округах и прежде всего, как доступной и естественной среды реализации прав физических лиц, являющихся членами городского сообщества. И в этом особая роль должна быть отведена деятельности органов местного самоуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2009. 219 с.

2. Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 336 с.

3. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М., 2008. С. 254, 255.

Навасардова Элеонора Сергеевна
доктор юридических наук, профессор
(Северо-Кавказский федеральный университет)
г. Ставрополь
e-mail: navasardova@yandex.ru

Захарин Андрей Николаевич
кандидат философских наук, доцент кафедры
(Северо-Кавказский федеральный университет)
г. Ставрополь
e-mail: colobichin@yandex.ru

О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН- УЧАСТНИЦ ЕАЭС¹

Государства–члены Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС), заключая договор о создании этой международной организации, наделяя ее международной правосубъектностью, определили области интеграции, представляющие взаимный интерес. Однако, в их числе не оказалось правовых норм, нацеленных на регулирование отношений в водной и экологической сферах [3].

Принятие согласованных мер и гармонизация национального законодательства в рамках европейской интеграции признается необходимым условием развития инвестиционной активности, которая обеспечивается благодаря предоставлению инвесторам доступа к земле и иным природным ресурсам для осуществления хозяйственной и иной деятельности и привлечения средств в освоение, использование и охрану природных ресурсов [5].

Стратегическими документами национального уровня в области водных отношений прямо или косвенно провозглашается курс на развитие конкурентных преимуществ и сбалансирования экологического законодательства национального уровня с документами международно-правового характера для рационального использования водных объектов и поддержания состояния окружающей среды для следующих поколений. Наличие внутренних противоречий в законодательстве стран-участниц ЕАЭС, регулирующем использование водных объектов, свидетельствует о необходимости усиления его систематизации и преодоления его непоследовательности [7]. Реализация интеграционного потенциала стран-участниц ЕАЭС будет иметь, наряду с достижением правовых и экономических

---

¹ Текст доклада подготовлен в рамках научного проекта № 20-511-00015, выполненного при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

результатов, существенное значение для их сближения в социокультурном контексте [8].

Учитывая несоизмеримый уровень антропогенного воздействия на состояние водных объектов и ограниченные возможности их восстановления, неудовлетворительное экологическое состояние, проблемы трансграничного сотрудничества по вопросам водопользования и охраны водных объектов являются весьма важными и требуют стратегического и комплексного подхода. Правовые источники стран-участниц ЕАЭС, регулирующие водные отношения, в целом унифицированы и устанавливают правовые основы водопользования и охраны водных объектов. При этом на национальном уровне есть понимание, что преодоление проблем в сфере обеспечения экологически и экономически продуктивного употребления водных запасов возможно только при помощи интегрированного управления водными ресурсами.

Ключевая роль в обеспечении стабильного водопользования отводится правовому регулированию проблем совместного использования трансграничных водных объектов, имеющих несовпадающие с существующим административным делением границы [2]. Среди основных принципов, декларируемых Водными кодексами всех без исключения стран-участниц ЕАЭС, закрепляется бассейновый подход к управлению водными ресурсами, сущность которого состоит в регламентации государственного управления водными ресурсами и участия в такой деятельности водопользователей и общественности в пределах бассейновых, а не административных, округов [4]. Поэтапная реализация бассейнового подхода к правовому регулированию отношений в сфере водопользования признается эффективной мерой, препятствующей достижению эгоистических интересов участников водных отношений, лоббирования различными группами их целей [1], профилактики применения норм природоресурсного законодательства, создающих почву для коррупции [6] и будет способствовать формированию системы нормативно-правовых актов национального уровня [9].

Проведение сравнительного анализа правового регулирования водопользования в странах-участницах ЕАЭС позволило выявить, как схожие подходы, так и отличия, имеющиеся в действующем национальном законодательстве, а также проблемы, для преодоления которых целесообразным является осуществление гармонизации норм института водопользования на национальном и международном уровнях. Результаты проведенного исследования могут быть полезны при разработке документов, определяющих стратегические направления евразийской экономической интеграции, принятии государствами-членами ЕАЭС согласованных мер по изменению национального законодательства в сфере использования водных объектов, включая: 1) определение вопросов, по которым необходима гармонизация законодательства государств-членов ЕАЭС; 2) закрепление водным законодательством государств-членов ЕАЭС единообразного понятия «трансграничный водный объект»; 3) уточнение субъектного состава отношений по использованию водных объектов, за счет отнесения к числу водопользователей иностранных физических и юридических лиц из государств-членов ЕАЭС, обеспечение им равного доступа к получению водных объектов в пользование на территории других участников Союза; 4) взаимное признание и

применение государствами-членами ЕАЭС принципа бассейнового управления в сфере водохозяйственной и водоохранной деятельности; 5) проведение согласованной политики в сфере управления водными объектами и осуществление на национальном и международном уровнях правовых мер, направленных на обеспечение безопасности водопользования и охраны водных объектов.

Реализация данных предложений и рекомендаций позволит государствам-членам ЕАЭС повысить эффективность национального законодательства в сфере водопользования, будет способствовать экономически эффективному и экологически безопасному использованию водных объектов, обеспечит последовательное формирование единого эколого-правового пространства как одного из ключевых направлений совершенствования Договора о создании Евразийского Экономического Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долженко В.А. Бассейновый подход как особенность управления в области использования и охраны водных объектов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8-1. – С. 81-83.

2. Жильцов С.С., Зонн И.С. Роль водных ресурсов в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. – 2019. – № 3. – С. 228-237.

3. Зверева А.И. Правовая охрана вод: международный и национальный уровни // Вопросы российского и международного права. – 2019. – № 2А. – С. 294-304.

4. Красноярова Б. А., Шарабарина С. Н. Институциональные аспекты трансграничного водопользования в бассейне реки Иртыш // Сборник тезисов Международной научно-практической конференции «Институциональное партнерство в целях устойчивого трансграничного водопользования: Россия и Казахстан» [Электронный ресурс]. Под ред. Е.А. Зарова. – 2018. – С. 28-29.

5. Шахрай И.С. Особенности правового регулирования инвестиционной деятельности в отношении природных ресурсов в странах ЕАЭС. Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2019. – № 1. – С. 129–136.

6. Navasardova E.S., Klyukovskaya I.N., Galstyan I.S., Kolesnikova K.V., Nutrikhin R.V. Some of the corruptogenic factors of environmental legislation in the Russian Federation // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. № 3S. pp. 8-14.

7. Navasardova, E.S., Nutrikhin, R.V., Zinovyeva, T.N., Shishkin, V.A., Joludeva, J.V. Codification of the Natural Resource Legislation in the Russian Empire // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. № 9 (1). pp. 183-193.

8. Petrov N.V., Petrova I.V., Fedorovskiy A.P., The russian law effectiveness and sociocultural context // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. 2018. pp. 978-981.

9. Smirnov D.A., Strus K.A. General Scientific Analysis of Implementation of Principles of Law in the Contemporary Russian Legal Basis // Indian Journal of Science and Technology. 2015. Vol 8(S10). pp. 2-10.

10. Smirnov D.A., Strus K.A., Avanesova A.A. Features of the taxation in the territories with the special mode of business and investing activities: comparative analysis of the Russian and foreign best practices // International Journal of Engineering & Technology. 2018. Vol. 7. №3.14. pp. 412-420.

Соболева Елизавета Андреевна

кандидат юридических наук
старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)
г. Санкт-Петербург
e-mail: easoboleva@hse.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА РЕГИОНАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ: НОВОЕ В СВЕТЕ ПОПРАВК К КОНСТИТУЦИИ РФ 2020 ГОДА

На современном этапе развития российской государственности важным является поиск оптимальных и эффективных моделей организации публичной власти, имея в виду, как Российскую Федерацию, так и ее регионы. Важнейшая роль в достижении указанных целей принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации (далее – КС РФ). Актуальность нормоконтроля за региональным законодательством обусловлена процессами развития конституционно-нормоконтрольной деятельности, ее активным влиянием на конституционные основы российского федерализма и, соответственно, значением решений КС РФ для совершенствования системы современного российского законодательства, включая нормоконтрольное воздействие на законотворчество субъектов Российской Федерации, повышение качества исполнения решений КС РФ как на федеральном, так и региональном уровнях законотворческой и правоприменительной деятельности.

Действующая Конституция РФ предоставила всем субъектам РФ возможность осуществления как текущего, так и конституционно-правового законотворчества, главным результатом которого стало самостоятельное принятие субъектами РФ своих конституций и уставов. Это привело к значительному расширению конституционно-правовой базы Российской Федерации, а также к появлению достаточно специфичной формы правотворческой деятельности субъектов РФ – конституционно-уставного законотворчества. Данное направление нормоконтрольной деятельности КС РФ сегодня малоисследованно, однако имеет достаточно внушительную статистику, КС РФ за время своей деятельности, исследовал нормы более 380 региональных законов 75 субъектов Российской Федерации

Хотя Конституция РФ прямо не называет право на обжалование нормативных правовых актов, как федеральных так и региональных, в том числе в рамках закрепления права на судебную защиту, это не означает, как справедливо отмечается в литературе, что это право лишено конституционного содержания норма ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, согласно которой решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд, конкретизирует универсальные гарантии судебной защиты, содержащиеся в ч. 1 той же статьи, и во взаимосвязи со ст. 2, 18 и 21 Конституции РФ призвана обеспечить условия для эффективной правовой защищенности человека, его прав и свобод во взаимоотношениях с государством [1].

Судебный нормоконтроль в сфере регионального законодательства основан на разграничении и взаимодействии судов различных видов юрисдикций. Так, в силу ч. 2 ст. 120 Конституции РФ обязанностью суда при разрешении любого конкретного дела является осуществление правовой оценки подлежащих применению нормативных правовых актов с учетом требования правовой иерархии и, соответственно, необходимость при выявлении противоречия между нормативными правовыми актами принять решение на основе законоположений, имеющих большую юридическую силу.

Действующая модель судебного нормоконтроля в сфере регионального законодательства основана на сочетании конституционных и административных начал. С одной стороны, это специализированный конституционно-судебный контроль и, с другой стороны – нормоконтроль законов субъектов РФ судами общей юрисдикции (в рамках административной юстиции). В настоящее время актуальной становится проблема поиска оптимального соотношения конституционного и административного нормоконтроля в сфере регионального правотворчества, имея в виду, что административная юстиция призвана осуществлять проверку административно-управленческих актов, к каковым законы субъектов РФ не относятся.

Для решения вопросов, связанных с разграничением административных и конституционных нормоконтрольных полномочий в сфере регионального законодательства, важное значение имеет анализ природы отдельных видов законов субъектов РФ. Речь идет, в частности, о тех законах которые находятся в нормативном единстве с конституциями (уставами) субъектов РФ, во многом направлены на установление конституционно-правового статуса соответствующих субъектов РФ, и как относительно самостоятельный вид региональных законов, могут быть определены в качестве конституционно-уставных законов. В состав конституционно-уставного законодательства субъектов РФ предлагается включать: конституции (уставы) субъектов РФ, законы субъектов РФ о поправках к конституции (уставу) субъекта РФ, а также конституционные и уставные законы. При выделении последних следует исходить прежде всего из материального признака, связанного с урегулированием с их помощью основных статусных характеристик субъекта РФ. Все эти законы должны проверяться, как представляется, исключительно в режиме конституционного нормоконтроля.

Конституционно-судебный нормоконтроль за законами субъектов РФ характеризуется присущим российскому конституционному правосудию сочетанием абстрактных и конкретных (казуальных) начал. Сложившаяся практика КС РФ свидетельствует о последовательной ориентации на расширение субъектного состава конституционного судопроизводства, в том числе за счет предоставления возможностей конституционной судебной защиты прав иностранными гражданами, коммерческими и государственными организациями как юридическими лицами, муниципальными образованиями. В 2020 году в отношении конкретного нормоконтроля КС РФ также произошли изменения, которые предполагают возможность обращения в КС РФ с конституционной жалобой только после исчерпания всех внутригосударственных средств судебной защиты. Однако возникает вопрос, насколько такой подход оправдан, на наш взгляд необходимо предоставить право принимать конституционные жалобы до завершения рассмотрения дела заявителя в суде, если это будет связано с повышенной значимостью вопроса и необходимостью безотлагательного реагирования в целях защиты прав граждан, а также с учетом социального статуса заявителя и специфики правоотношений.

Существенное реформирование организационных и процессуальных основ конституционного правосудия, заключается, в том числе, в расширении компетенции КС РФ; такие изменения в связи с поправками к Конституции РФ в той или иной мере касаются и нормоконтроля в сфере регионального законодательства.

В частности, изменения затронули региональную конституционную юстицию. Ранее Конституция РФ не предопределяла создания относящихся к системе разделения властей субъектов РФ их судебных органов, но и не исключала такой возможности, однако с принятием поправок к Конституции РФ взят курс на упразднение конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Насколько это обосновано, можно будет сделать выводы позже, однако вопрос о целесообразности создания такого субсидиарного органа конституционного контроля, как конституционный (уставный) суд, и так определялся субъектами РФ в том числе с учетом их финансовых возможностей, имея в виду, что финансирование этого органа, которое должно обеспечивать полное и независимое осуществление им правосудия, осуществляется в данном случае за счет бюджета субъекта РФ. Конституционный Суд РФ в Определении от 3 марта 2015 г. № 421-О пришел к выводу, что соответствующее правовое регулирование, включая внесение изменений в ранее установленные полномочия конституционного (уставного) суда субъекта РФ, а также в порядок его организации и деятельности, должно осуществляться с соблюдением принципов разделения властей и независимости судебной власти; решение об упразднении конституционного (уставного) суда субъекта РФ предполагает не только отмену закона субъекта РФ, но и внесение необходимых изменений в конституцию (устав) субъекта РФ.

В свете обозначенных вопросов следует обратить внимание и на поправку, касающуюся внедрения предварительного конституционного нормоконтроля, практика которого широко распространена в странах Европы. Достаточно сложной, на наш взгляд, является процедура обращения в КС РФ, единственным

субъектом которой является Президент РФ. Запрос в КС РФ о проверке конституционности закона субъекта РФ до его обнародования высшим должностным лицом субъекта РФ (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) допустим, если Президент РФ полагает, что его положения не соответствуют Конституции РФ, причем внесение в КС РФ такого запроса приостанавливает течение установленного конституцией (уставом) субъекта РФ срока для обнародования закона субъекта до вынесения КС РФ решения, а в случае обнародования до вынесения такого решения, данное обнародование не порождает правовых последствий [2]. С одной стороны, такой подход представляется обоснованным, поскольку способствует возможности тщательной проверки на конституционность регионального законодательства, с другой возникает вопрос о механизме реализации Президентом РФ такого полномочия, а главное по каким критериям выделять региональные законопроекты, подлежащие предварительному нормоконтролю в КС РФ? Возможно, целесообразно разработать механизм, которым предусматривалась бы определенная форма участия субъекта РФ в таком обращении.

Для решения вопросов, связанных с разграничением нормоконтрольных полномочий в сфере регионального законодательства важное значение имеет дифференцированный анализ природы отдельных видов законов субъектов РФ, в том числе их принадлежность к конституционному праву, это, на наш взгляд, может касаться и сегодняшнего нововведения по предварительной нормоконтрольной деятельности КС РФ в отношении региональных законов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию. М.: Норма, 2018. С. 123.
2. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024643-7> (Дата обращения: 14.10.2020 г.)

Филимонова Елена Алексеевна
кандидат юридических наук
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: dmitrieva21@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОГО РАВЕНСТВА ГРАЖДАН ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Одной из приоритетных задач Российской Федерации на сегодняшний день является развитие информационных технологий с целью совершенствования механизма предоставления государственных и муниципальных услуг. Так, среди поручений Президента РФ по итогам совещания с членами Правительства, состоявшегося 9 сентября 2020 г., указано обеспечить к 1 января 2023 г. перевод в электронный формат массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг, предусмотрев соответствующие изменения в национальных проектах [1].

Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде позволяет снизить административное усмотрение должностных лиц, повысить уровень прозрачности в процессе подготовки и принятия административных решений. Кроме того, появляется возможность экономии как временных ресурсов, так и финансовых затрат граждан на получение услуг. Этому способствует создание единого портала государственных и муниципальных услуг, в результате чего происходит автоматизация не только непосредственного процесса взаимодействия гражданина с органами государственной власти и органами местного самоуправления, но и органов власти между собой посредством системы межведомственного взаимодействия [2].

На сегодняшний день общие требования к предоставлению государственных и муниципальных услуг в электронной форме установлены Постановлением Правительства РФ от 26.03.2016 г. № 236, а конкретные требования применительно к отдельным услугам - в соответствующих административных регламентах. Согласно п.п. 3, 4 указанного Постановления в административном регламенте должен быть определен состав действий, которые заявитель вправе совершить в электронной форме, а также состав, последовательность и сроки выполнения таких действий, требования к порядку их выполнения.

Важно отметить, что активные процессы информационно-цифровой идентификации личности порождают новые проблемы обеспечения конституционного равенства граждан, одним из проявлений которого становится цифровое (не)равенство [3, с. 25 - 42].

Проблема цифрового равенства напрямую затрагивает уже существующие проявления расслоения граждан (социальное, экономическое, территориальное и иные), усиливает риск злоупотребления тем или иным правом, появление которого непосредственно связано с цифровизацией. Все это актуализирует проблему обеспечения конституционного равенства в условиях становления информационно-цифрового пространства и его конституционализации.

Речь идет о том, что сущность цифрового общества не только предопределяется его технологическими характеристиками, но она остается под влиянием конкретных социальных субъектов, властные возможности которых, связанные с использованием новых технологических достижений, могут привести к еще большему неравенству. Причем само по себе цифровое неравенство связано с относительно новыми аспектами этой проблемы; к известным проявлениям экономического, социального, территориального неравенства добавляется, например, технологическое неравенство, заключающееся в неравном доступе к новым технологиям, в том числе в сфере медицины, образования, и, как результат, углубляется социальное расслоение общества. Разновидностью технологического неравенства может стать биологическое неравенство, внедрение новых технологий способно существенно расширить возможности человеческого организма, заметно увеличить продолжительность жизни человека и т. д., но все это будет доступно не всем — в силу высокой стоимости, технологической неграмотности, неинформированности, территориальной недоступности соответствующих услуг и т. п.

В конечном счете проблема цифрового равенства сводится к необходимости обеспечения равного доступа к современным технологиям. Если раньше эта проблема сводилась к ограниченности доступа к той или иной информации в связи с возможностью выражать свое мнение по тем или иным вопросам и к исключению этих граждан из определенных сфер (областей) деятельности, то теперь в силу всеохватности информационной и технологической революции последствия такого неравенства становятся шире, следовательно, и результат будет существенно более негативным.

В качестве примера цифрового неравенства можно отметить функционирование портала «Государственные услуги», который позволяет в рамках интернет-режима осуществлять доступ к основным необходимым гражданам социальным и иным услугам. Но доступность этого ресурса фактически может быть ограничена в силу финансовой невозможности приобрести необходимые технические устройства (экономическое неравенство), отсутствия доступа в сеть Интернет в данной местности (территориальное неравенство), низкого уровня информационной грамотности старшего поколения (возрастное неравенство) и т. п. Как результат, заметная часть населения может оказаться отрезанной от минимально необходимого набора тех услуг, которые государство обязано предоставлять им.

Так, данные о показателях государственной Программы РФ "Информационное общество" [4] свидетельствуют, что доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в 2018 г. при плане в 70% составила: Чукотский автономный округ – 38,6 %; Тверская область - 38,7 %; Магаданская область – 43,7% и т.д.

Такого рода проблемы накладывают дополнительные обязательства по обеспечению цифрового равенства. Государство может использовать различные методы: устанавливать точки доступа к информационно-коммуникационным технологиям в публичных местах (библиотеках, школах, университетах, государственных и муниципальных учреждениях), проводить информационное просвещение граждан (издавать буклеты, организовывать лекции и др.) [5, с. 5 - 7].

В рамках решения данной проблемы заслуживает внимания социальная программа «Цифровое равенство», проводимая на базе Ростелекома и ставшая победителем конкурса Форума Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного сообщества. Цель данной программы — улучшить качество жизни жителей России, устраняя цифровые барьеры и обеспечивая доступность к современным телекоммуникационным технологиям для социально незащищенных групп населения: людей старшего поколения; воспитанников детских домов; детей из семей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации; детей с ограниченными возможностями здоровья и др.

В заключение хотелось бы отметить, что цифровое неравенство может быть устранено только в государстве, обеспечивающим всеобщую доступность и общественно приемлемое качество государственных и муниципальных услуг, а также принимающим весь комплекс мер, направленных на повышение доходов населения, снижение уровня бедности и устранение имущественного неравенства населения. Органы государственной власти и органы местного самоуправления

должны обеспечить развитие информационной инфраструктуры, доступность информации по различным вопросам социально-политической, экономической и духовной жизни общества, равный доступ к государственным и муниципальным услугам на всей территории Российской Федерации, в том числе с использованием информационных и коммуникационных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64198>
2. Юридическая концепция роботизации: монография / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019.
3. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25-42.
4. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (в ред. от 21.08.2020) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество" // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.
5. Данилов Н.А. Социальная справедливость в информационном обществе: проблема цифрового равенства // Информационное право. 2012. № 2. С. 5-7.

СЕКЦИЯ № 4

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО 2020 – СТАБИЛЬНОСТЬ, ОБНОВЛЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА?!

Абдуллаева Лалита Мирхамидовна
аспирант кафедры международного права
(Российский университет дружбы народов)
г. Москва
e-mail: lalita.ab2@gmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К КОНВЕНЦИИ СОВЕТА ЕВРОПЫ О ЛАНДШАФТАХ 2000 Г.

Проблема охраны окружающей среды, в особенности природных ландшафтов стала наиболее ярко выражаться в текущем тысячелетии, когда научный прогресс, ведущий всех вперед, затмевает уважение к природе, и человечество начинает относиться к ней ненадлежащим образом, забывая о том, что само является ее частью. Нетронутая природа приносит больше плодов и более полезна для человека, поэтому на данный момент одной из важных проблем является сохранение ландшафтов, т.е. сохранение природы в ее первозданном девственном виде.

Современный этап международно-правовой охраны ландшафтов не ограничивается лишь вопросом об охране пейзажей, она связана с попытками

донести важность этих действий до людей. При этом также ставится актуальный вопрос о сохранении культурного наследия человека.

Первой ступенью на пути развития «ландшафта» в его юридическом смысле стали международно-правовые документы ЮНЕСКО. В середине 90-х годов XX столетия региональные и местные комитеты и правительства разработали общеевропейские нормы по защите ландшафтов. Однако, наиболее полно вопросы охраны ландшафтов нашли отражение в Европейской конвенции о ландшафтах (далее – Конвенция), принятой в рамках Совета Европы в октябре 2000 года. Согласно определению, из ст.1 Конвенции, «ландшафт» представляет собой «часть территории, в том смысле как она воспринимается таковой населением, отличительные черты которой являются результатом действия или взаимодействия природного и / или человеческого факторов».

В исследовании было решено рассматривать именно три вида деятельности государств по отношению к ландшафтам: «охрана», «управление» и «планирование».

«Охрана ландшафта» подразумевает действия по сохранению и поддержанию наиболее значительных или характерных черт ландшафта, продиктованных его значимостью как наследия, которая вытекает из его естественной конфигурации и / или является результатом человеческой деятельности; **«Управление ландшафтом»** означает действие, с точки зрения устойчивого развития, по обеспечению регулярного ухода за ландшафтом с тем, чтобы направлять и гармонизировать изменения, вызванные социальным, экономическим и экологическим развитием, а также **«планирование ландшафта»**, отмечающее активные, нацеленные на перспективу действия по укреплению, восстановлению и созданию ландшафтов [1].

Отметим, в Российской Федерации определение ландшафта на законодательном уровне отличается от конвенционного и не затрагивает культурный аспект (Россия в настоящее время не ратифицировала Конвенцию 2000 г.). В соответствии с Федеральным законом "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 № 7-ФЗ под природным ландшафтом понимается «территория, которая не подверглась изменению в результате хозяйственной и иной деятельности и характеризуется сочетанием определенных типов рельефа местности, почв, растительности, сформированных в единых климатических условиях» [2]. Вместе с тем, необходимо отметить, что культурные и природные ландшафты в российском законодательстве закреплены под категорией объектов культурного наследия.

До сих пор Россия не присоединилась к Европейской ландшафтной конвенции, хотя её представители принимали участие в подготовке данного документа и участвуют в регулярных встречах, присоединившихся к ней сторон, организованными Советом Европы. При имплементации Конвенции происходит подключение механизмов Совета Европы, которые призваны обеспечить международное сотрудничество и выполнение положений документа.

При рассмотрении возможных последствий присоединения Российской Федерации к Конвенции, возникает вопрос о необходимости совершения данного действия.

Во-первых, присоединение к Конвенции означает потребность формулирования четкой социальной и экономической политики в отношении защиты ландшафтов.

По мнению экспертов Совета Европы, ландшафты играют важную роль в процессе устойчивого развития. Цель устойчивого развития состоит в сбалансировании отношений между окружающей средой, экономической деятельностью и социальными нуждами [3].

Ландшафт играет важную роль в культурной, экологической, природоохранной и социальной областях, согласно положениям Конвенции. Являясь благоприятным ресурсом для экономической деятельности, его охрана, управление и планирование способствуют созданию новых рабочих мест [4]. Здесь стоит отметить развитие туризма. В случае присоединения Российской Федерации к Конвенции необходимо разработать административные механизмы участия общественности, местных и региональных властей в формировании принципов ландшафтной политики, а также согласовать их с управленческими механизмами, которые осуществляют свою работу в сфере культуры, градостроительной и региональной политики.

Таким образом, присоединение к Конвенции предоставит возможность продвижения платформы публичного обсуждения проектов общественного благосостояния.

В случае присоединения Российской Федерации к Конвенции появится необходимость выявления уже существующих и создания вспомогательных действенных административных и правовых механизмов контроля, управления и сохранения ландшафтов. Следовательно, потребуются внесение изменений в несколько отраслей российского законодательства.

Имплементация Конвенции может также затронуть отрасли конституционного права и местного самоуправления, так как Конвенция определяет важность ландшафта в сохранении культурного наследия и культурной идентичности и значимую роль культурного наследия в процессе демократической дискуссии, открытости общества и урегулирования конфликта.

Выводы

а) возможное присоединение Российской Федерации к Конвенции Совета Европы о ландшафтах 2000 г., а также участие в механизме Конвенции откроет новые возможности сотрудничества с европейскими государствами по охране и развитию ландшафтов;

б) позволит включить региональные механизмы отбора и сохранения ландшафтов как основы долгосрочного устойчивого развития регионов Российской Федерации;

в) предоставит дополнительные возможности сотрудничества в области охраны ландшафтов;

г) откроет новые возможности для дополнительной подготовки и обучения специалистов в данной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Европейская конвенция о ландшафтах (ETS № 176) (Флоренция, 2000г.) / European Landscape Convention (Florence, 20.10.2000). [Электронный ресурс] URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/176> (дата обращения 23.10.2020).

2. Федеральный закон от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. №2. Ст. 133.

3. Rössler, M. (2003) Linking Nature and Culture, World Heritage Cultural Landscapes, in Cecarelli, M. and Rössler, M. (Eds) Cultural Landscapes, the Challenges of Conservation, World Heritage Papers 7 (Paris, UNESCO) pp. 10-15.

4. Гафина Л.М. Правовая охрана ландшафтного разнообразия в Российской Федерации: дисс...канд.юрид.наук / Л.М. Гафина Ульяновск, 2008. - 229 с.

Амирова Алия Алиевна
аспирант кафедры международного права
(Российский университет дружбы народов)
г. Москва
e-mail: amirova.ag@gmail.com

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ

Обязательство соблюдать международно-признанные права человека налагает на государства три вида обязанностей: уважать, защищать и осуществлять права человека. Данные правовые обязательства были зафиксированы правозащитными структурами ООН, в частности договорными органами по правам человека, а именно Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам в Замечаниях общего порядка № 12 (Право на достаточное питание, п.15), № 13 (Право на образование, п. 46) [1], в разработанных УВКПЧ в 2005 г. «Принципах и руководящих указаниях УВКПЧ по правозащитному подходу к стратегиям сокращения бедности» п. 48 [2], а также на региональном уровне, Африканской комиссией по правам человека и народов в деле *155/96 Social and Economic Rights Action Center (SERAC) and Center for Economic and Social Rights (CESR) / Nigeria* [3].

Экстерриториальные обязательства государств осуществлять права человека, в первую очередь, возникают посредством принятия государствами обязательства международного сотрудничества и помощи в сфере прав человека. Данные обязательства содержатся как в международно-правовых актах рекомендательного характера, так и в международных договорах в сфере прав человека.

Обязательство сотрудничать было подтверждено в ряде международно-правовых актах рекомендательного характера, в частности, во Всеобщей декларации прав человека (ст. 28), Декларации о праве на развитие 1986 г.[4], в Аккрской программе действий 2008 г.[5], в Декларации тысячелетия 2000 г.[6].

Экстерриториальные обязательства международного сотрудничества содержатся в таких международных договорах как: Устав Организации

Объединенных Наций (статьи 55-56)[7]; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., статья 2 которого предусматривает обязательство государств в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества, в частности в экономической и технической областях, принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление прав человека. Также, международное сотрудничество и помощь упоминается в статье 11 (2) Пакта, посвященной праву на достаточный уровень жизни, в статьях 22 и 23 Пакта, касающихся международных действий, способствующих его осуществлению.

Однако, тем не менее, в доктрине международного права сохраняются разногласия относительно того, что международное сотрудничество и помощь, зафиксированные в МПЭСКП являются необходимостью для реализации экономических, социальных и культурных прав, но не являются правом, на которое можно претендовать [8]. В частности, при подготовке проекта МПЭСКП, относительно статьи 2, Комиссия международного права отметила, что выражение «в максимальных пределах имеющихся ресурсов» направлено не на отказ государств в процессе реализации рассматриваемых прав, от любого прогресса, выходящего за рамки их собственных ресурсов, а на то, что государства, располагающие значительными ресурсами, должны оказывать свою помощь на международном уровне. Таким образом, КМП не установила какие-либо формальные юридические обязательства по оказанию международной помощи [9].

Данный вопрос был вновь поднят при подготовке Факультативного протокола к МПЭСКП 2008 г. В частности, Ангола, Египет, Гана, Индонезия, Исламская Республика Иран, Марокко (от имени Группы африканских стран), и Нигерия подчеркнули, что участие в международном сотрудничестве и помощи является юридическим обязательством, налагаемым Пактом. Это обязательство надлежит рассматривать в свете различных политических заявлений и деклараций, включая Монтеррейскую декларацию и Декларацию тысячелетия, отметив, что концепция «участия в максимальных пределах имеющихся ресурсов» охватывает как ресурсы, имеющиеся в распоряжении государств, так и ресурсы, имеющиеся в распоряжении международного сообщества, а также то, что международное сотрудничество является одной из целей Устава Организации Объединенных Наций. Однако Канада заявила о том, что международное сотрудничество и помощь представляют собой моральное, а не юридическое обязательство [10].

Тем не менее, несмотря на то, что в отношении международного сотрудничества и помощи Пакт не налагает юридических обязательств на государства-участники, в международных документах рекомендательного характера, принятых под эгидой ООН, отмечаются экстерриториальные обязательства международного сотрудничества по отношению к некоторым экономическим, социальным и культурным правам. В частности, в резолюции ГА ООН о «Праве на питание» подчеркивается, что «все государства должны прилагать все усилия для обеспечения того, чтобы их международные стратегии политического и экономического характера, включая международные торговые соглашения, не сказывались отрицательно на осуществлении права на питание в других странах, и принимали как на национальном, так и на международном

уровнях надлежащие меры в рамках экономической, экологической и социальной политики, нацеленной на искоренение нищеты и осуществление всех прав человека для всех людей» [11]. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, в Замечании общего порядка № 3 «Природа обязательств государств-участников» в отношении статьи 2 (1) МПЭСКП подчеркнул, что «в соответствии со статьями 55 и 56 Устава Организации Объединенных Наций, в соответствии с утвердившимися принципами международного права и в соответствии с положениями самого Пакта, все государства связаны обязательством в отношении международного сотрудничества в целях развития, а тем самым и в отношении осуществления экономических, социальных и культурных прав» [12].

Аналогичным образом, статьи 4, 24 (4) и 28 (3) Конвенции о правах ребенка 1989 г. требуют, чтобы в отношении экономических, социальных и культурных прав государства-участники принимали меры для осуществления прав, признанных в Конвенции, в максимальных рамках, имеющихся у них ресурсов и, в случае необходимости, в рамках международного сотрудничества, поощряли и развивали международное сотрудничество по вопросам права на здоровье, права на образование. Также, статья 10 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г. и статья 7 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах 2000 г. обязывают государства принимать все необходимые меры по укреплению, развитию международного сотрудничества и координации между своими органами, национальными и международными неправительственными организациями и международными организациями, оказывать жертвам нарушений финансовую, техническую или другую помощь в рамках существующих многосторонних, региональных, двусторонних или других программ [13]. Комитет по правам ребенка, в Замечании общего порядка № 5 «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка» отметил, что «когда государства ратифицируют Конвенцию, они принимают на себя обязательства не только обеспечивать осуществление ее положений в пределах своей юрисдикции, но и также способствовать в рамках международного сотрудничества универсальному осуществлению Конвенции» [14].

Экстерриториальные обязательства государств подразумеваются не только в международном праве прав человека, но и в других отраслях международного права. Например, международное экологическое право запрещает государствам использовать свою территорию для нанесения трансграничного ущерба на территории другого государства. Данный принцип, зафиксирован в таких декларациях, как Стокгольмская декларация об окружающей человека среде 1972 г., (принцип 21) [15], в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде 1992 года (принцип 2) согласно которому *«в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и развития и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами*

действия национальной юрисдикции» [16]. В деле «О ядерных испытаниях» (Новая Зеландия против Франции) 1974 года, судья Виранантри указал, что данный принцип, является одним из основополагающих принципов современного экологического права, прочно закрепившимся в международном праве и восходящим к делу Trail Smelter.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. African commission on human and people's rights. Social and Economic Rights Action Center (SERAC) and Center for Economic and Social Rights (CESR) / Nigeria. Communication № 155/96 (2001) paras 44–48.

2. Alston P., Quinn G. The nature and scope of states parties' obligations under the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights //Hum. Rts. Q. – 1987. – Vol. 9. – p. 188.

3. Reports of International Arbitral Awards, 1938, Vol. III, p. 1905; Dissenting opinion of judge Weeramantry. P.62. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/97/097-19950922-ORD-01-05-EN.pdf> (дата обращения 18.09.2020).

4. U.N. Doc. E/CN.4/SR.232; U.N. Doc. E/CN.4/SR.233.

5. Аккрская программа действий. Третий форум высокого уровня по вопросам повышения эффективности внешней помощи. 2-4 сентября 2008 года, Аккра, Гана. Док. ООН A/63/539. URL: <https://undocs.org/ru/A/63/539> (дата обращения 18.09.2020).

6. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. Принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972 год.

7. Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения 18.09.2020).

8. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения 23.09.2020).

9. Доклад Рабочей группы открытого состава по рассмотрению вариантов, касающихся разработки факультативного протокола к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, о работе ее третьей сессии. E/CN.4/2006/47 14 марта 2006. Пункты 78, 82.

10. Ежегодник Комиссии международного права. Доклад Комиссии генеральной Ассамблее о работе ее пятьдесят третьей сессии. 2001. U.N. Doc. A/CN.4/SER.A/2001/Add.1 (Part 2).

11. Комитет по правам ребенка. Замечание общего порядка № 5 «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка». 27 ноября 2003. п. 7. CRC/GC/2003/5.

12. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 12. Право на достаточное питание. E/C.12/1999/5 12

мая 1999; Замечание общего порядка № 13. Право на образование. E/C.12/1999/10 8 декабря 1999; Доклад о работе 20 и 21-ой сессии. E/2000/22. E/C.12/1999/11. 5 апреля 2000.

13. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 3 - Природа обязательств государств участников (пункт 1 статьи 2 Пакта). 14 декабря 1990 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCESCR%2fGEC%2f4758&Lang=ru (дата обращения 18.09.2020).

14. Принципы и руководящие указания УВКПЧ по правозащитному подходу к стратегиям сокращения бедности. 2005. HR/PUB/06/12. URL: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/Poverty/DimensionOfPoverty/Pages/Guidelines.aspx> (дата обращения 17.09.2020).

15. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 18 декабря 2009 года. 64/159. Право на питание. A/RES/64/159. п. 20,32.

16. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года.

17. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 года; Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах. Принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 года. A/RES/54/263

Арзумян Анна Борисовна
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: rumi12@yandex.ru

НОВАЯ ПАРАДИГМА РЕГУЛИРОВАНИЯ РОБОТОТЕХНИКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

Современное общество переживает серьезные изменения, связанные с постоянно увеличивающимся влиянием информационных технологий. Одной из наименее урегулированных, но наиболее перспективных сфер, по оценкам специалистов, становится сфера взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Как отмечают исследователи, взаимодействие человека и машины связывают не только с оптимизацией человеческой деятельности при помощи информационных технологий, но и с интеграцией технологий внутри человека для увеличения его возможностей [1]. Уже сейчас во многих странах появляются беспилотные транспортные устройства на основе технологий ИИ, что ставит ряд вопросов перед действующим законодательством. Однако сфера применения ИИ действительно крайне обширна, и многие люди сегодня небезосновательно мечтают о технологиях, интегрированных с человеческим мозгом, что открывает

перед нами крайне малоизученную область человеческой деятельности, в большей степени описанную в научно-фантастической литературе. Впрочем, то же самое касается и «умных» роботов, как автономных устройств, способных имитировать мыслительные процессы и взаимодействовать между собой и с человеком в самых разных видах общественных отношений.

Общим замечанием, высказываемым правоведами, является указание на неопределенность той парадигмы, в соответствии с которой будет выстраиваться регулирование робототехники и искусственного интеллекта в ближайшем будущем, а также крайне малое число серьезных исследований данной предметной области [2, 3].

Как и в любой иной области, впрочем, первый вопрос или проблема, требующая решения, это разработка понятийного аппарата. Например, сам термин «искусственный интеллект» (ИИ) практически не имеет законодательного закрепления, а количество его научных определений при этом достаточно велико. В специальной литературе под искусственным интеллектом обычно понимают науку и технологию программирования компьютерных машин на выполнение тех функций, которые в случае выполнения их человеком потребуют от человека интеллектуальных усилий [4]. Преобладающее значение в технологиях искусственного интеллекта имеют, таким образом, компьютерные программные технологии. Следует учитывать, что принятая в 2019 году российская Национальная стратегия развития ИИ ввела определение ИИ на уровне подзаконного акта, что можно считать предпосылкой для формулировки такого определения на уровне федерального закона. ИИ определяется Стратегией как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». В таком же виде определение ИИ впервые закреплено на уровне федерального закона в апреле текущего года [5].

Представляется справедливым мнение о необходимости разработки международного соглашения, определяющего основные принципы регулирования отношений в области развития ИИ и робототехники [6]. Однако пока данная повестка только формируется на международном уровне, в то время как государства уже имеют определенный позитивный опыт регулирования в рассматриваемой сфере. На наднациональном уровне наибольшее внимание разработке общих принципов регулирования ИИ и робототехники уделяет Евросоюз. Существует и круг основных вопросов, которые необходимо учитывать при разработке национальных стратегий и концепций в области искусственного интеллекта. К ним относятся: здоровье и безопасность человека; охрана окружающей среды; ответственность собственников и производителей ИИ; защита данных; правосубъектность ИИ; вопросы интеллектуальной собственности.

На уровне национальных законодательств такие стратегии и концепции существуют, в частности, в США, Китае, Японии, России, Южной Кореи и других государствах. Примечательно, что в Южной Кореи еще в 2008 году был принят полноценный закон в области робототехники, который существенно повлиял на развитие отрасли [7].

В 2017 году в ЕС была принята Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2103(INL) «Нормы гражданского права о робототехнике» с Хартией робототехники и кодексом этических норм (далее - Резолюция), а в 2018 году большинство стран-участниц ЕС подписали Декларацию о сотрудничестве в сфере ИИ. Особое внимание Резолюция уделяет вопросам юридической ответственности как разработчиков, так и владельцев «умных» машин. В Резолюции подчеркивается, что такая ответственность ни в коем случае не должна ограничиваться на том основании, что вред причинен не человеком.

Особое внимание в Резолюции уделяется и вопросам, связанным с защитой информации. В частности, акцент делается на такие проблемы, как:

- соответствие гражданско-правового регулирования робототехники и ИИ Общему Регламенту о защите персональных данных 2016 года (далее – Регламент 2016 года), принципам пропорциональности и необходимости в свете стремительного развития робототехники и киберфизических систем;

- реализация прав человека на неприкосновенность частной жизни и на защиту персональных данных в связи с применением «умных» машин: необходимость более четко прописывать правила, касающиеся использования камер и сенсоров в роботах, а также обеспечивать реализацию основных принципов, закрепленных в Регламенте 2016 года, в том числе, путем разработки рекомендаций и стандартов к этим принципам;

- важность свободного движения информации для цифровой экономики, с одной стороны, и защиты информационных потоков, с другой. Обеспечение информационной безопасности при взаимодействии ИИ между собой и с людьми;

- ответственность разработчиков в сфере робототехники и ИИ за обеспечение информационной безопасности.

Обобщая круг проблем, связанных с подходами к правовому регулированию ИИ, робототехники, информационных систем на основе ИИ нужно отметить следующее. Ряд исследователей считает, что такое регулирование должно осуществляться в рамках специальной отрасли или даже системы отраслей – цифрового права [8]. Другие же отмечают, что необходима интеграция норм, посвященных информационным технологиям, в действующую классическую систему права [9]. При этом очевидно, что ряд концептуальных вопросов, таких как субъект и объект права, воля и волеизъявление, правосубъектность и юридическая ответственность в отношении роботов и ИИ остается открытым. Очевидно, что такие фундаментальные принципы права, как баланс интересов участников отношений, защита экономически «слабых» участников отношений, защита основных прав человека должны браться за основу регулирования.

Стоит подчеркнуть и особую роль инструментов «мягкого права» в региональном и международном правовом регулировании, когда стимулирование тех или иных процессов опережает регулирование, что положительно сказывается

на развитии национальных законодательств в столь специфических сферах. Иными словами, чрезмерное регулирование развивающихся технологий может создать искусственные препоны там, где в них нет ни малейшей необходимости. Поэтому важен постоянный мониторинг проблем правового характера, с одной стороны, и гибкий подход в регулировании, с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере: Монография. М.: Янус-К, 2016. 248 с.
2. Регулирование робототехники: введение в "робоправо". Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов, В.В. Бакуменко, А.Д. Волынец и др.; под ред. А.В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 232 с.
3. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П.
4. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA, 1990; McCarthy J. What is Artificial Intelligence? // URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/node1.html>
5. Федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных".
6. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. N 2. С. 69 - 89.
7. Cho Y., Jeong M., Park S. The effect of the Korean robot act on the Korean robotics industry and its implications // KIET Industrial Economic Review. 2016. Vol. 21. N 6.
8. См. об этом: Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. N 3. С. 58 - 68.
9. Незнамов А.В. О концепции регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники в России // Закон. 2020. № 1. С. 171 - 185.

Бреский Олег Валентинович
PhD, профессор
(Институт Й. Альтусия)
г. Вильнюс, Литва
e-mail: oleg.bresky@hotmail.com

СТАТУС МИГРАНТА В ЛОКАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

1. Современная форма гражданства представляет собой унифицированный статус, вводящий человека практически во все публичные и частные отношения. Суверенное централизованное государство производит унификацию статусов человека; множественность статусов, позволяющих человеку участвовать в различного рода отношениях – в религиозном сообществе, в цеху, в городе и пр. – заменяется единым статусом гражданина. Гражданский статус приспособлен для публичных отношений, но меньшее значение имеет в частной жизни и локальных отношениях. В семье, университете, в корпорации, человек по-прежнему выступает в несколько ином, нежели его гражданский, статусе. Кроме того, статус гражданина проводит резкую границу между «гражданами» и «не-гражданами» внутри современных государств. И в какой-то момент обязательно в суверенном государстве обнаруживаются дефициты статусов человека, поскольку гражданского статуса недостаточно для полноценного участия и преодоления отчуждения. [4] Одним из симптомов ситуации является замечаемое практически всеми знатоками прав человека противоречие между статусом гражданина и статусом человека, - они явно не совпадают один с другим. Это не случайный зазор, но, видимо, наиболее явный признак расхождений в системе статутов личности.

2. Эффективен ли институт гражданства в локальных отношениях? Выступает ли человек именно в этом статусе в локальных и частных отношениях? Мы можем наблюдать, как иссякает эффективность праворегулирования на этих уровнях: право почти бессильно в воздействии на повседневные и локальные практики. Именно в локальных отношениях испытывается дефицит форм участия человека, и недостаточность общего гражданского статуса для полноценной защиты и определения положения человека. Гражданский статус задает важные и определенные стандарты, которым статус человека в малых группах не может не соответствовать. Но достаточно ли этих стандартов? На этом уровне особенно обнаруживается, что в локальных делах участвуют не только полноценные граждане, но и иностранцы, и люди без гражданства, и часто – несовершеннолетние, - т.е. гражданский статус не является в полной мере предназначенным для локальных отношений. Вместе с тем, именно здесь проявляется, что полноценное участие в отношениях с публичной властью, с государством, обеспечивается именно эффективным участием человека в локальных отношениях, без которых человек остается одиночкой и лишается всякого рода контекстов своей публичной деятельности [2]. Т.е., вероятно, само гражданство наиболее эффективно, если опирается на систему иных статусов человека и нормативных систем неправовой природы, без чего, как без опоры, человеку часто не хватает ресурсов для реализации своих интересов и достижения целей в публичной сфере.

3. С 1970 года в Европе наблюдается ярко выраженная тенденция к децентрализации, выражающаяся в:

- введении в правоотношения итальянских регионов в 1970 году, и усиление полномочий регионов и местных властей в 2001 году, в рамках итальянской конституционной реформы, в результате которой Италия стала региона-листским унитарным государством с особыми регионами,
- полном преобразовании Бельгии в федеративное государство в 1994 году,

- постепенном создании унитарного децентрализованного государства во Франции, начиная с 1982 года,
- введении передачи полномочий (деволюции) в Великобритании, а именно – в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии в 1998 году,
- конституционных реформах в Германии, укрепляющих положение земель и субнациональных территориальных сообществ в 1994 и 2006 годах,
- Конституции 1978 года Испании, создавшей автономистское государство, включающее в себя 17 автономных сообществ, наделенных полномочиями за счет центрального правительства,
- Конституции Португалии 1976 года, предоставившей Азорским островам и Мадейре автономный статус,
- практике Скандинавских стран (Дании, Финляндии и Швеции), представляющими собой децентрализованные унитарные государства с моделью сильного государства всеобщего благоденствия, в котором важную роль играет местное самоуправление.

Эти институциональные реформы проводились по разным причинам, например, они являлись частью неолиберальной повестки дня 1980-х годов, которая включает передачу ответственности и задач от центрального правительства другим уровням управления, но также они выступали как элемент модернизации систем государственного управления, и как попытки укрепить региональную и местную демократию. В этих процессах важную роль играет переосмысление природы локального сообщества и его границ.

Именно в контексте децентрализации власти и управления право Европейского союза наделяет граждан Союза правом голосовать и баллотироваться в качестве кандидата на местных выборах. Согласно статье 22 (1) Договора о функционировании Европейского Союза (TFEU), «каждый гражданин Союза, проживающий в государстве-члене, гражданином которого он не является, имеет право голосовать и выставлять свою кандидатуру на выборах - муниципальных выборах в государстве-члене, в котором он проживает, на тех же условиях, что и граждане этого государства». Таким образом, местные органы власти обязаны реализовывать права граждан ЕС использовать свое право голосовать и баллотироваться на местных выборах. Статус человека в этих локальных отношениях отличается от гражданского статуса.

В 1992 году Совет Европы принял Конвенцию об участии иностранцев в публичной жизни на локальном уровне [1]. Конвенция направлена на улучшение интеграции иностранцев в жизнь общества. Она распространяется на всех лиц, не являющихся гражданами Стороны и законно проживающих на ее территории. Конвенция существенно уточняет как статус локального сообщества и власти, так и статус человека на локальном уровне, утверждая иностранцев и апатридов в качестве полноценных членов локального сообщества.

Конвенция предусматривает, что государства-участники обязуются гарантировать иностранным резидентам участие в локальных делах на тех же условиях, что и своим собственным гражданам. Конвенция открывает возможность создания консультативных органов на местном уровне, избираемых иностранными резидентами на территории местных властей или назначаемых отдельными

ассоциациями иностранных резидентов. Конвенция также предусматривает, что Стороны могут обязаться предоставить каждому иностранному резиденту право голосовать на местных выборах после пяти лет законного и обычного проживания в стране пребывания и баллотироваться на выборах.

Эффективная интеграция мигрантов является критически важным вопросом для регионального развития. В рамках ОЭСР и Европейского союза действует инициатива, способствующая интеграции мигрантов в локальные сообщества. Горизонтальный проект ОЭСР по обеспечению лучшей интеграции уязвимых мигрантов путем сосредоточения внимания на улучшении интеграционных возможностей местных органов власти. Финальный отчет был утвержден 8 декабря 2018 г. [3].

В рамках ООН рассматриваются вопросы роли местного самоуправления в деле продвижения и защиты прав человека, включающие вопросы интеграции мигрантов в локальные дела. Role of local government in the promotion and protection of human rights – Final report of the Human Rights Council Advisory Committee [5].

Такого рода меры, предпринимаемые на наднациональном уровне преобразуют внутренние отношения и способствуют становлению и развитию новых правовых статусов, позволяющих гармонизировать политику в области гражданства, миграции, прав человека, как на национальном, так и на локальном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Convention on the Participation of Foreigners in Public Life at Local Level. Strasbourg, 5.II.1992. ETS 144.
2. Howard-Hassmann Rhoda E., Walton-Roberts Margaret. The Human Right to Citizenship: A Slippery Concept. University of Pennsylvania Press. 2015.
3. OECD (2018), Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264085350-en>
4. Owen David. Citizenship and Human Rights. / The Oxford Handbook of Citizenship Edited by Ayelet Shachar, Rainer Bauböck, Irene Bloemraad, and Maarten Vink. Oxford University Press, 2017.
5. Role of local government in the promotion and protection of human rights – Final report of the Human Rights Council Advisory Committee Human Rights Council. Thirtieth session. Agenda items 3 and 5 Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development Human rights bodies and mechanisms. A/HRC/30/49. 2015.

Василенко Екатерина Владимировна
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: evvasilenko@sfedu.ru

К ВОПРОСУ О ВОСПОЛНЕНИИ ПРОБЕЛОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЕГО ОБНОВЛЕНИИ В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (далее «ВОЗ») объявила, что эпидемия COVID-19 достигла уровня пандемии [1]. В течение последующих месяцев на повестке дня государств и правительств, а также международных организаций оказался целый ряд актуальных проблем, для рассмотрения которых требуется применение норм международного права и определение новых направлений международного сотрудничества для повышения эффективности борьбы с последствиями пандемии.

В контексте осуществления мер по борьбе с последствиями пандемии в центре внимания оказались следующие отрасли и институты международного права:

- *институт международной ответственности*, нормы которого используются для правового обоснования привлечения Китая к международной ответственности и квалификации действий Китая в соответствии с Проектом статей об ответственности государств за международно-противоправные действия, включая рассмотрение вопросов об установлении причинно-следственной связи, определении юрисдикции, введении контрмер против Китая, возможности применения статей о форс-мажоре, бедствии или состоянии необходимости, как обстоятельств, исключающих противоправность действий Китая;

- *международное право прав человека*, к нормам которого государственные деятели, политики и юристы-международники обращаются для международно-правовой оценки ограничений, введенных государствами в связи с распространением COVID-19, их влияния на права и свободы, стандарты защиты прав человека, а также оценки действий государств по борьбе с пандемией COVID-19 в свете положений Международных медико-санитарных правил 2005 года;

- *международное гуманитарное право*, в рамках которого рассматриваются связанные с пандемией проблемы: обеспечения безопасности работы медицинского персонала и уязвимых социальных групп на территориях вооруженного конфликта; обеспечения доступа к воде; оказания гуманитарной помощи; осуществления государственной власти негосударственными вооруженными группами и обязанности оккупационных властей в отношении борьбы с COVID-19;

- *международное инвестиционное право и международное торговое право*, нормы которых на сегодняшний день не разрешают проблемы обеспечения справедливого и равноправного режима защиты прав иностранных инвесторов в период пандемии, а также не содержат специальных норм, которые необходимо принять для учета специфики деятельности Всемирной торговой организации в условиях глобального введения ограничений торговли, а также для обеспечения прозрачности мер, влияющих на торговлю и содержащихся в рекомендациях ВОЗ и ВТО;

- *международное морское право*, в рамках которого анализируются рекомендации международных организаций и других международных морских

органов по противодействию пандемии в международной морской торговле, и меры, принимаемые государствами для ограничения доступа в их порты.

Вместе с тем, проблема пересмотра норм *международного права окружающей среды* с учетом новой глобальной угрозы мировому сообществу в виде пандемии COVID-19, является не менее актуальной. На наш взгляд, основное внимание субъектов международного права, помимо вопросов, названных выше, должно быть сосредоточено на повышении эффективности тех международных договоров, которые регулируют вопросы международной торговли и сохранения дикой фауны и естественной среды обитания животного мира. Однако нормы международного права на сегодняшний день не позволяют должным образом координировать международное сотрудничество по борьбе с зоонозными инфекциями, подвергающими риску жизнь и здоровье человечества в целом. Пандемия COVID-19 проистекает из неспособности субъектов международного права создать справедливый и безопасный правовой режим сохранения и использования лесов, дикой флоры и фауны и единых стандартов управления землепользованием с учетом принципа постоянного и полного суверенитета над своими природными ресурсами и экономической деятельностью.

Еще в 2016 году в докладе Программы ООН по окружающей среде было обращено внимание на угрозу, которую представляет собой исчезновение традиционных буферных зон, которые раньше отделяли людей от животных и их патогенов. Если гипотеза о том, что вирус возник на рынке живых животных в Ухане, подтвердится, это станет свидетельством несостоятельности существующих правовых режимов защиты дикой природы. Эпидемии последних десятилетий, вызванные зоонозными инфекциями (SARS 2003; MERS; EBOLA; AVIAN FLU, HIV/AIDS, H1N1 INFLUENZA) [2], а также пандемия COVID-19 подтверждают необходимость пересмотра некоторых положений Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, СИТЕС.

Взаимосвязь между СИТЕС и COVID-19, на первый взгляд, может показаться незначительной. Однако, когда мы рассматриваем цель договора в предотвращении или, по крайней мере, смягчении последствий незаконной международной торговли, взаимосвязь становится более очевидной. Как только члены общества выходят за рамки согласованных и признанных на международном уровне мер по защите дикой природы, установленные таким образом гарантии, перестают действовать.

Как отметила Ивонн Хигуэро, генеральный секретарь Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения: «Дикие животные, которые продаются незаконно... с гораздо меньшей вероятностью будут проданы или куплены там, где надлежащим образом соблюдаются санитарные стандарты, что повышает вероятность распространения болезней. Мы знаем, что в последнее время многие возникающие инфекционные заболевания произошли от диких животных. Многие из них не считались незаконно продаваемыми видами, внесенными в список СИТЕС. Однако потоки незаконной торговли дикой природой только усугубят эти эпизоды» [3].

Оценивая влияние пандемии на международное право окружающей среды, стоит отметить, что ряд экологических международных организаций (включая ЮНЕП, МСОП и др.) заявили о том, что в краткосрочной перспективе пандемия оказывает положительное влияние на окружающую среду, при этом выбросы загрязняющих веществ и парниковых газов значительно снижаются в районах, пораженных вирусом. В результате существующие международные экологические обязательства легче выполнимы, в частности количественные и качественные цели климатических соглашений, которые вряд ли будут превышены в результате экономического спада.

Однако, на наш взгляд, реализация мер по борьбе с последствиями пандемии может привести к непредвиденному негативному воздействию на окружающую среду, связанному, например, со срочным строительством больниц и промышленных объектов для изготовления медицинского оборудования без предварительной оценки воздействия на окружающую среду; с крупномасштабным многократным распылением дезинфицирующих средств для искоренения вируса, а также с несоблюдением экологических стандартов производственными предприятиями (вследствие невозможности получить доступ к новому оборудованию, химическим веществам и безопасным материалам, сложностью экологического аудита и т.д.) [4].

Во-вторых, пандемия, вероятно, задержит глобальные усилия по защите окружающей среды, поскольку она отвлекает внимание государств от активизации международного сотрудничества в сфере международного права окружающей среды. Этот год должен был стать годом преобразований для данной отрасли международного права. В частности, в графике межправительственных встреч было запланировано проведение Конференции по климату в Глазго, Конференции по биоразнообразию в Куньмине (Китай) для согласования действий государств на период после 2020 года, а также переговоры по принятию нового договора о сохранении морского биоразнообразия за пределами действия национальной юрисдикции.

С другой стороны, пандемия COVID-19 может дать уникальную возможность полностью переосмыслить и расширить границы международного сотрудничества в сфере международного права окружающей среды, осознать необходимость изменений для реагирования на экологический кризис, изменение климата и обеспечение соблюдения норм природоохранных конвенций, нормы которых направлены, среди прочего, на создание безопасного правового режима использования дикой флоры и фауны и сохранение буферных зон, отделяющих людей от животных и препятствующих распространению зоонозных инфекций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вступительное слово Генерального директора ВОЗ на брифинге для СМИ по COVID-19, 11 марта 2020 г. URL:<https://www.who.int/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 10.10.2020).

2. IUCN World Commission on Environmental Law Webinar Series: Friday, 24 April 2020. Addressing the Coronavirus (COVID-19): A Legal Perspective

https://www.iucn.org/sites/dev/files/content/documents/addressing_the_coronavirus__0.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

3. Официальный сайт Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС). https://www.cites.org/eng/message_SG_Ivonne_Higuero_WorldRangerDay_31072020 (дата обращения: 10.10.2020).

4. Rowell, K. (2020). COVID-19 and Environmental Law. SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn.3582879. (дата обращения: 10.10.2020).

Власова Галина Борисовна
доктор юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия
Ростовский филиал)
(Ростовский государственный экономический университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: vlasovagb@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (К 75-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ООН)

Начало созданию универсальной международной организации – ООН было положено 14 августа 1941 г., когда в Атлантике, на борту военного корабля состоялась встреча президента США, Франклина Делано Рузвельта и премьер-министра Соединённого Королевства Уинстона Черчилля. Встретившиеся лидеры договорились о подписании Атлантической хартии, определяющей цели в войне против держав оси Берлин – Рим – Токио.

24 сентября 1941 г. Хартию подписал СССР, а на 1 января 1942 г. свои подписи поставили 26 государств. Именно в этом документе впервые появилось словосочетание «Объединённые Нации», ставшее наименованием антигитлеровской коалиции. Оно было предложено Ф. Д. Рузвельтом и в дальнейшем стало наименованием нового международного образования, созданного для поддержания мира и безопасности, а также развития международного сотрудничества.

Составление проекта Устава ООН было завершено в апреле 1945 г. Почти месяц шли переговоры между главами советской и американской делегаций – В. М. Молотовым и А. Х. Ванденбергом в Сан-Франциско. По их окончании проект Устава был представлен конференции, в которой приняли участие представители 42 государств, вступившие в войну против Германии и Японии до 1 марта 1945 г. Затем к ним присоединились ещё 8 государств. 26 июня конференция в Сан-Франциско завершилась подписанием Устава ООН.

24 октября 1945 г. СССР сдал ратификационную грамоту, став 29 государством по счёту, обеспечив, таким образом, необходимое число ратификаций для вступления Устава в законную силу. И в октябре того же года ООН начала свою работу. Как пишет известный учёный и дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посланник В. Н. Фёдоров: «Создание ООН и её Совета

Безопасности в том виде, как это предусмотрено Уставом ООН, было обусловлено рядом объективных исторических, экономических и военно-политических предпосылок и факторов, являясь важной вехой на пути воплощения в жизнь и международно-правового оформления извечной мечты человечества в создании эффективных средств и гарантий прочного мира на земле» [1.С.15-16].

Следует отметить, что после смерти Ф.Д. Рузвельта в апреле 1945 г. между СССР и США стала постепенно нарастать напряженность. Обе страны по окончании Второй мировой войны стали сверхдержавами. Их ближайшие союзники Англия и Франция не были в состоянии говорить на равных с Москвой и Вашингтоном. В то же время, как вполне справедливо считает ряд авторов, мощные, полностью развёрнутые, обеспеченные всем необходимым вооружённые силы СССР были уравновешены наличием у США атомного оружия, т.е. явного военного превосходства не имела ни одна из держав.

В связи с этим на конференции в Сан-Франциско возникла острая дискуссия по вопросу полномочий Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН. Понимая, что у них будет абсолютное большинство голосов и в Совбезе, и на Генассамблее, США пытались добиться изменений в проекте Устава относительно права вето. Позиция СССР заключалась в том, что все важные вопросы должны решаться Советом Безопасности ООН на основе полного консенсуса его членов. США и Соединённое Королевство настаивали на расширении прав Генеральной Ассамблеи в ущерб Совету Безопасности ООН. В конечном итоге было решено, что Генассамблея может обсуждать любой вопрос, не принимая обязательных решений для стран – членов ООН. И «привилегии» Советского Союза в Совете Безопасности были надёжно закреплены. Во-первых, СССР наряду с США, Великобританией, Францией и Китаем получал место постоянного, несменяемого члена Совета Безопасности. Во-вторых, ... каждый из постоянных членов получал право вето и мог воспользоваться им, если находил, что предлагаемое решение не соответствует его интересам» [2.С.30-31].

Именно на Совбез была возложена основная обязанность по поддержанию мира. Его состав образовали пять постоянных членов (как было сказано выше) и десять представителей от других государств, избираемые Генассамблеей ООН сроком на два года.

10 января 1946 г. в столице Великобритании, в Вестминстере была созвана первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Её первая резолюция была посвящена мирному использованию атомной энергии, а также ликвидации атомного и других видов оружия массового уничтожения.

17 января того же года состоялось первое заседание Совета Безопасности ООН. Его первая резолюция была посвящена созданию военно-штабного комитета, который должен был оказывать помощь в сфере планирования военных операций и участия в других программах с военным уклоном.

В ходе самой первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН была осуществлена договорённость, согласно которой штаб-квартира данной организации должна размещаться в Нью-Йорке, а не в одной из европейских столиц. Руководство СССР поддерживало данное решение, поскольку считало, что это будет способствовать сохранению дружественных отношений между США и

СССР. По окончании первой сессии Генассамблеи, а также завершении работы Совбеза Секретариат ООН переехал в Нью Йорк.

В 1946 г. 14 декабря Генассамблейей была принята от Дж. Д. Рокфеллера сумма в 8,5 млн. долл. для покупки участка земли на Манхэттене, носившего в то время название «Черепаший залив». В январе 1947 г. была организована международная группа архитекторов из десяти человек. В её состав вошли Ле Карбюзье, О. Нимейр, Н. Д. Басов и др. Возглавил группу американский архитектор У. Гаррисон. 20 ноября 1947г. все проекты прошли утверждение. Наиболее выразительным стало здание секретариата ООН, высотой в 39 этажей и возведённое из белого мрамора, стекла и стали. Оно начало использоваться в 1950 г. В 1952 г. 4 апреля в новом здании было проведено первое заседание Совета Безопасности, а 14 октября первое заседание Генеральной Ассамблеи ООН.

Таким образом, благодаря усилиям ведущих мировых держав был создан уникальный международный институт, который постоянно оказывает миротворческое влияние на ход международных отношений. С деятельностью ООН народы связывают свои самые сокровенные чаяния о мире, свободном от разрушительных войн и смертоносного оружия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фёдоров В.Н. Организация Объединённых Наций, другие международные организации и их роль в XXI в. М., 2007.
2. Системная история международных отношений в двух томах / Под редакцией А.Д. Богатурова. Том второй. События 1945 – 2003 годов, 2007.

Гибадуллин Тимур Дамирович
аспирант кафедры международного и европейского права
(Казанский федеральный университет)
г. Казань
e-mail: timurgib@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Культурное наследие можно охарактеризовать как материальное и нематериальное достояние, нуждающееся в сохранении и передаче будущим поколениям. Им могут являться здания, археологические памятники, картины, скульптуры, ритуалы, устные традиции, природные объекты, имеющие культурные аспекты, и др. Стоит отметить, что на сегодняшний день необходимость правовой охраны культурного наследия, в том числе на международном уровне, пожалуй, мало у кого вызывает сомнения.

При этом пока ещё немногие обращают внимание на тот факт, что культурное наследие имеет и правозащитное измерение. Более того, в последнее время можно проследить выход на первый план международно-правовой охраны культурного наследия именно вопросов прав человека, так как, например, во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г. гарантией культурного разнообразия признаны как раз права человека [1], а обязательство

охранять нематериальное культурное наследие, лежащее на государствах в соответствии с Конвенцией об охране нематериального культурного наследия 2003 г. [2], подразумевает признание широкого спектра прав связанных с ним общин.

Подобный основанный на правах человека подход в какой-то степени является результатом эволюции международно-правовой охраны культурного наследия, в процессе которой произошёл переход от концепции «наследия всего человечества» в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [3] к концепции культурного наследия общин, групп и отдельных лиц в Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. [4]. Здесь также стоит упомянуть Рамочную Конвенцию Совета Европы о значении культурного наследия для общества 2005 г. (Конвенцию Фару), в которой культурное наследие определяется в том числе как совокупность ресурсов, унаследованных от прошлого, и которое люди считают, независимо от своей принадлежности, отражением и выражением своих постоянно меняющихся ценностей, верований, знаний и традиций [5].

Предпосылки международного признания прямой связи международно-правовой охраны культурного наследия с правами человека можно проследить ещё с 1986 года, когда Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о праве на развитие — последнее предусматривает участие среди прочего в таком культурном развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека [6]. К началу XXI века в международно-правовых инструментах об охране культурного наследия [7] последнее уже начало рассматриваться как динамичная и живая реальность в жизни человека, напрямую влияющая на его развитие. Кроме того, в 2005 году Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения более явным образом закрепила право на культурное развитие, обязав государства-участников стремиться создавать среду, помогающую отдельным лицам и группам создавать, производить, распределять и распространять свои формы культурного самовыражения, а также иметь доступ к ним [8].

В целом, права человека, пусть и неявным образом, всегда занимали важное место в множестве вопросов международно-правовой охраны культурного наследия, и это касается охраны как материальных, так и нематериальных его проявлений. Это важное место отражается и во всё большем поощрении Комитетом всемирного наследия и Секретариатом ЮНЕСКО участия местных общин в подготовке документов по управлению теми или иными объектами наследия. Кроме того, на данный момент общепринята выплата компенсаций за нарушение прав местных общин в результате консервации культурных объектов, а также необходимость надлежащего распределения выгод, полученных местными общинами в результате консервации таких объектов и управления ими [9].

Впервые взаимосвязь культурного наследия и прав человека была прямо признана на международном уровне в Докладе Независимого эксперта в области культурных прав Фариды Шахид, принятом Советом по правам человека ООН в 2011 г. [10]. В заключительной части данного документа заявляется, что, как это отражено в международном праве и практике, необходимость сохранения и охраны культурного наследия является вопросом прав человека, и что культурное наследие

важно не только само по себе, но также в связи со своим правозащитным измерением, в том числе значением культурного наследия для общин и отдельных лиц, их самобытности и процессов развития [11].

В упомянутом докладе Независимого эксперта в области культурных прав также был раскрыт объём и содержание права на доступ к культурному наследию и пользование им, а также виды мер, требующихся от государств для исполнения их обязательств по поддержке, защите и поощрению данного права. Кроме того, были затронуты различные заинтересованные в культурном наследии стороны — от государства и его органов до местных общин и предпринимателей, а также права и обязанности заинтересованных сторон.

При этом международно-правовой режим охраны культурного наследия правозащитным требованиям пока ещё не вполне отвечает, несмотря на попытки последних лет сделать международные договоры в данной сфере более ориентированными на права человека. Одним из основных элементов внедрения правозащитного подхода является обеспечение большего участия культурных общин в различных аспектах управления, консервации и охраны культурных объектов, а также непосредственно в определении, что именно является наследием. Такой подход, основанный на широком участии, можно назвать одной из главных мер по демократизации общественных отношений, связанных с культурным наследием, которая, с учётом фундаментального значения демократии для международного права прав человека, является основой правозащитного подхода к управлению культурным наследием и его охране.

Между тем необходимо учитывать, что значительный массив международно-правовых норм об охране культурного наследия носит рекомендательный характер, а оговорки в международных договорах по данной тематике, связанные с государственным суверенитетом в формировании национальной политики в данной сфере [12], существенно ограничивают возможность таких договоров выражать подход, основанный на правах человека. В то же время международное право прав человека является особенной отраслью международного права в плане её проникновения в сферу регулирования, охватывавшуюся государственным суверенитетом [13]. В связи с этим в отдельных случаях для целей защиты культурного наследия, а также прав различных общин, групп и отдельных лиц в отношении наследия, связанного с ними, международное право прав человека может быть более эффективно [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 26.10.2020). — Ст. 4.

2. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (17 октября 2003 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 26.10.2020). — Ст. 1.

3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Сборник международных договоров СССР. — Вып. XLIV. — М., 1990. — С. 496–506.

4. Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. — Ст. 15.

5. Рамочная Конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества (27 октября 2005 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680083829> (дата обращения: 26.10.2020). — П. а ст. 2.

6. Декларация о праве на развитие (4 декабря 1986 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения: 26.10.2020). — П. 1 ст. 1.

7. См. Конвенцию об охране нематериального культурного наследия 2003 г.

8. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (20 октября 2005 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 26.10.2020). — Ст. 7.

9. See: Labadi S. — World Heritage: Challenges for the Millennium. — Paris: World Heritage Centre, UNESCO, 2007.

10. Доклад Независимого эксперта в области культурных прав г-жи Фарида Шахид. — Док. ООН А/НRC/17/38. — 21 Марта 2011 г.

11. Там же. П. 77.

12. Kuruk P. Cultural Heritage, Traditional Knowledge and Indigenous Rights: An Analysis of the Convention for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage // Macquarie Journal of International and Comparative Law. — 2004. — Vol. 1. — No. 1. — P. 111–134.

13. Vrdoljak A.F. Human Rights and Cultural Heritage in International Law // International Law and Common Goods—Normative Perspectives on Human Rights, Culture and Nature / ed. by F. Lenzerini, A.F. Vrdoljak. — Oxford: Hart Publishing, 2014. — P. 142.

14. See: Blake J. International Cultural Heritage Law. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2015.

Грачева Светлана Александровна

кандидат юридических наук

старший научный сотрудник

(Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ)

г. Москва

e-mail: gracheva.lana17@gmail.com

**КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРАВА:
ФОРМАЛИСТИЧЕСКИЕ И РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Довольно популярна позиция о международном праве в современный период как в целом развиваемом на основе иных (постмодернистских) канонов права (как например его релятивности) [1], нежели в период его оформления на основе Вестфальской системы международных отношений, получившей особое распространение на европейском континенте и многие принципы которой восприняты как императивные нормы международного права (*jus cogens*).

Известно, что классически международное право трактуется как система юридических принципов и норм, регулирующих межгосударственные отношения в целях обеспечения мира и сотрудничества, и в основе которого находится межгосударственный (не надгосударственный) характер формирования и действия, когда ключевым является согласование воли субъектов относительно правил поведения, дача ими согласия на юридическую обязательность соответствующих правил поведения [2, 3].

По-особому для международного права звучит проблема универсальных норм (общих (признанных народами) принципов права, международно-правовых стандартов), которые в целом можно понимать одновременно и началом и вершиной (целью) развития международных правоотношений – волновавшая многих видных представителей международно-правовой науки, в т.ч. с позиции их положительного (позитивного) воплощения в актах международного права и в этом смысле их юридической обеспеченности [4]. По сей день, обыкновены вопрос, что следует относить к соответствующим универсальным нормам (или, с учетом их сущностной характеристики, общим правовым идеям) – только «договорно-урегулированные» положения (очевидно, включающие в себя императивные нормы международного права, в т.ч. обобщенные в соответствующий перечень Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г.) или также декларируемые в международном праве как общие принципы критерии права («ненормативные основания общих норм международного права» [5]), предполагающие возможность обращения к естественно-правовой концепции в ее широком значении¹.

Интересно, что именно в связи с последними в современных (особенно зарубежных) работах по конституционализму активно изучается проблема публичного правового порядка и вне национальных границ – с позиции допустимости универсализации конституционного целеполагания и обоснования на этой основе конституционной функции международного права, в свете которой правовое положение индивидов (обеспеченное гарантиями прав человека и правового государства) выступает по существу целью и адресатом международного права [6]. Развитие такого подхода стало возможно и в силу произошедшей «внутренней конституционной динамики», когда длительное время

---

¹ Такая концепция часто рассматривается как происходящая (обоснованная) по сути из международного гуманитарного права, определяющим критериями правового обеспечения (во время вооруженных действий) «принципы международного права, проистекающими из установившихся обычаев, из принципов гуманности и требований общественного сознания». Впоследствии они получили известность (признание), по нормам международного права, и как источник применимого международным судом права (например, в Статуте Международного Суда ООН)

в конституционной доктрине и практике государств происходил процесс т. н. интернационализации конституционного права (закрывающийся в «ценностном» сближении конституционных правовых порядков и международного публичного права).

Можно констатировать, что в праве государств сложились схожие конституционно-формалистические формулы государств относительно международного права. Помимо примата актов международного права в связи с принятыми государством международными договорными обязательствами, заметно конституционное внимание к международному праву в свете обозначения его основой признания и гарантирования конституционных прав и свобод индивида, а также при установлении связи принципов права (как не отождествляемых полностью с позитивным правом) с развитием международных правоотношений. По российской Конституции также прослеживаются соответствующие формулы сочетания национального и международного права, при этом конституционные нормы об общепризнанных принципах и нормах международного права (как ч. 1 ст. 17, ч. 4 ст. 15 и др.), об общепризнанных принципах (гарантиях) (например, в преамбуле, ч. 1 ст. 55) вполне обозначают конституционную основу гарантии универсализации права и правоотношений.

Между тем проблема универсальных норм и, соответственно, их национальной конституционной оценки обострилась в силу неоднозначности внимания к «реалистическим» факторам их проявления, связываемых с судебным толкованием в международном контексте (получающим многоуровневое развитие) и правовой рамкой которого в основном выступает уровень гарантий основных прав. С одной стороны, вряд ли можно сомневаться в том, что развитие международного судебного контроля обеспечения универсальных норм во многом становится залогом повсеместного внимания к последним и развития соответствующих их национальных правовых гарантий. С другой, обозначаемые этим риски традиционной системе международно-обязательственных отношений (при размывании представлений о способах согласования воли ключевых субъектов международного права, о нормативности и юридической окончательности международно-договорного права) влекут важность постановки вопроса о путях обеспечения «судебных» обязательств по международному праву в конституционной плоскости.

В целом, принятые к Конституции РФ изменения (на основе Закона о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) на первый взгляд предлагают рассмотрение таких обязательств по международному праву в случае установления коллизии с конституционными положениями в ключе их нормативно-иерархического разрешения (при условии исключения противоречия международных актов толкования договорных норм Конституции РФ, обеспечения ее верховенства). Однако нельзя не обратить внимание в свете произошедших изменений на проявления конституционной легитимации судебного правового реализма (в т.ч. значения судебного толкования в международном контексте).

Во-первых, конституционно признается возможность появления в правовом поле коллизий (конфликтов) в связи с практикой судебного применения и

интерпретации принятого Российской Федерацией международного договора, тем самым выводя данный вопрос, часто зреющий в недрах «судейского диалога», в плоскость законодательного разрешения о правовой процедуре (по сути, допускающей конституционный контроль его выполнения Конституционным Судом РФ).

Во-вторых, проблема судебного применения международного права (в т.ч. в случае дилеммы иерархического выбора на конституционном уровне) в конечном счете «замыкается» на интерпретационном подходе, в т.ч. исключая гипотетическую оценку о верховенстве конституционных (равно как о международных) правоположений в делах о реализации (имплементации) международных актов судебного толкования.

В-третьих, конституционные изменения при обозначении формально-иерархических координат правовой оценки в случае названных коллизий оставляют за рамками вопросы «моральной аргументации» (т.к. не затрагивают прямо статус международных договоров в области прав и свобод человека). Конституционное значение в качестве критерия согласования сохраняет уровень гарантирования прав и свобод, определяющих особый (практически конституционный) статус международных обязательств в соответствующей сфере (с учетом ч. 1 ст. 17, ч. 3 ст. 46, ч. 1 ст. 55 Конституции РФ).

При оценке конституционного сочетания (взаимосвязи) национального и международного права также стоит учитывать значение доктринальных подходов, продолжительное время прорабатываемых отечественными учеными (в т.ч. советского периода), в рамках которых отмечается: важность прочтения законодательства как «предписывающее начинать толкование нормы с выяснения ее международно-правовых параметров», при этом с учетом «высшей юридической силы» национальной Конституции «результаты толкования международных норм не могут ей противоречить» (проф. Лукашук, 2005 г.) [2], и в то же время «международный договор должен быть толкуем таким образом, чтобы он имел силу, а не так, чтобы он оказался недействительным» (проф. Перетерский, 1959) [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн// Журнал российского права. 2016 г. № 8.
2. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. Рос. акад. наук, Институт государства и права, Академ. правовой университет. Изд. 3е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005.
3. Международное право. Учебное пособие. Под ред. П.Н. Бирюкова. М.: Юристъ, 1998.
4. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 1. М.: "Зерцало", 2008 г. С. 85-103.
5. Тункин Г.И. Теория международного права/ Под общ. ред.: Шестаков Л.Н. - М.: Зерцало, Зерцало, 2000.
6. Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография/ Под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М.: ИП РАН. 2017.

7. Перетерский И.С. Толкование международных договоров. Отв. ред. проф. С.Б. Крылов, проф. Г.И. Тункин. М. Государственной издательство юридической литературы. 1959.

Гриневиц Анжела Владимировна
аспирант кафедры международного права
(Российский университет дружбы народов)
г. Москва
e-mail: angelak1988@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ДОСТИЖЕНИЮ «МОРСКИХ» ЦУР

Цели устойчивого развития ООН – комплекс мер, направленных на сохранение ресурсов Земли, улучшение благосостояния планеты, экономического роста, борьбу с изменением климата и далее.

Для реализации к 2030 г. посредством сотрудничества стран, было обозначено 17 целей устойчивого развития [1], но в рамках настоящей статьи, автор рассмотрит деятельность международных неправительственных организаций в рамках только тех целей, реализация которых прямо или косвенно касается вод Мирового океана, а именно: борьба с изменением климата, сохранение морских экосистем, сохранение экосистем суши, ликвидация голода, чистая вода и санитария, достойная работа и экономический рост.

Существует большое количество влиятельных международных неправительственных организаций в области международного морского права, но среди них хочется особо выделить деятельность следующих:

- Международная Ассоциация Независимых Владельцев Танкеров (далее по тексту – ИНТЕРТАНКО).

Добыча нефти самыми безвредными, в том числе и экологически, но в то же время максимально результативными методами – самая главная цель данной организации. Помимо того, что данная цель является реализацией сразу нескольких ЦУР, это, также, коррелирует с девизом Международной морской организации - безопасное и эффективное судоходство в условиях чистых океанов.

В частности, в 2016 г. Комитет по защите среды океанов и ИНТЕРТАНКО обратились к ИМО, обозначив необходимость установления пределов выбросов серы в Мировой океан. ИНТЕРТАНКО считает, что установление пределов значительно минимизирует ущерб, который причиняется флоре и фауне. Принимать или нет данный вопрос в разработку ИМО должна была сообщить в начале 2020 г., но из-за общей ситуацией с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), принятие решения было перенесено на 2025 г.[2]

Деятельность второй международной неправительственной организации, которую хотелось бы осветить в настоящей статье, также относится к нефтедобывающей отрасли. Международный морской форум нефтяных компаний (ОКИМФ). ОКИМФ добровольное объединение нефтяных компаний,

заинтересованных в отгрузке и прекращении поставок сырой нефти, нефтепродуктов и газа [3].

В 2005 г. ОКИМФ принимала участие в работе Комитета по защите морской среды, в рамках заседания которого было разработано и утверждено руководство по установлению пределов сброса балластных вод и процедуру одобрения данного сброса, была проведена работа над существующими нормативными актами с целью выявления необходимости их доработки для регламентации процедуры переработки мусора на судах, а также была выработана обновленная схема исчисления выбросов CO₂ во внешнюю среду.

В проведенных заседаниях указанного Комитета также разработали поправки к Международному кодексу по охране судов и портовых средств и СОЛАС-74.

Являясь участником заседаний ИМО в 2007 г., ОКИМФ были частью процесса по принятию и частичному утверждению поправок к Руководству по утилизации судов с присутствующими в конструкции корабля потенциально опасными веществами, трем транспортным резолюциям относящимся к регулиции движения на Галапагосском архипелаге, в юго-западной зоне Балтийского моря и в транспортной зоне Большого Пояса (Дания), а также приняли поправки к СОЛАС-74, устанавливающие безопасный спуск спасательных шлюпок на воду, во избежание инцидентов из-за их свободного падения [4].

В 2019 г. была организована рабочая встреча ИНТЕРТАНКО, ОКИМФ, Международной палаты судоходства и БИМКО, необходимость которой была вызвана трагедией в Ормузском проливе, произошедшей с танкером.

Был произведен взаимообмен опытом, с учетом развития технологий пересмотрели существующие инструкции, для их модернизации, которая могла бы предотвратить подобные инциденты в дальнейшем [5].

Еще одна организация, о деятельности которой в рамках ЦУР, хотелось бы рассказать это Международное общество операторов газовых танкеров, сокращенно – МООГТ [6].

В сфере судоходства МООГТ добилось значительного авторитета. В том числе из-за проявляемой беспристрастности, а также из-за абсолютно прозрачных принимаемых решений при разрешении вопросов безопасности и эксплуатации.

По итогам прошедшего в 2013 г. заседания совета директоров было решено создать «Общество за газ в качестве судового топлива» (SGMF). Указанное Общество также было создано в форме неправительственной организации.

Общество за газ в качестве судового топлива был создан для укрепления безопасности и обобщения существующего опыта в использовании СПГ в качестве топлива для различных судов. Для отрасли судоходства использование СПГ всегда было весьма серьезной задачей.

Общество разработало необходимые инструкции и до сих пор помогает при расчете критериев деятельности всех судовладельцев, которые ответственны за использование СПГ как судового топлива.

17 марта 2020 г. МООГТ опубликовало чрезвычайно важное руководство – «Рекомендации для предохранительных клапанов на газовозах» [7].

Это было третье издание по предохранительным клапанам, выпущенное МООГТ.

Важность вызвана тем, что предохранительные клапаны играют неопределимую роль в реализации безопасности использования данных судов. Предшествующее издание датировано 1988 г. («Введение в проектирование и техническое обслуживание предохранительных клапанов грузовой системы на бортовых газовозах 1998 г.»). Необходимость его переиздания была вызвана значительно шагнувшим вперед техническим прогрессом, а также оптимизацией экономических характеристик.

На примере указанных международных неправительственных организаций можно увидеть деятельность в поисках путей осуществления указанных ЦУР. Ценность участия в подобных вопросах именно неправительственных организаций в том, что членами данных организаций, как правило, являются коммерческие компании, осуществляющие судоходство и именно они, как практики, могут предложить варианты достижения ЦУР, которые будут просты в реализации (насколько это возможно) и максимально эффективны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения 14 октября 2020 г.).
2. Официальный сайт ИМО. URL: <http://www.imo.org/en/Mediacentre/WhatsNew/Pages/default.aspx> (дата обращения 14 октября 2020 г.).
3. Официальный сайт ОКИМФ. URL: <https://www.ocimf.org/> (дата обращения 14 октября 2020 г.).
4. Официальный сайт ОКИМФ. URL: <https://www.ocimf.org/media/134570/reporting-guidance-for-vessels-transiting-the-arabian-gulf-ag-straits-of-hormuz-soh-and-gulf-of-oman-goo-.pdf> (дата обращения 16 октября 2020 г.).
5. Официальный сайт ОКИМФ. URL: <https://www.ocimf.org/news/news-articles/joint-cdiocimfintertanko-temporary-guidelines-and-precautions-for-conducting-a-vessel-inspection/> (дата обращения 16 октября 2020 г.).
6. Официальный сайт МООГТ. URL: <https://sigtto.org/> (дата обращения 15 октября 2020 г.).
7. Официальный сайт Witherby Seamanship International. URL: <https://www.witherbyseamanship.com/recommendations.html> (дата обращения 15 октября 2020 г.).

Денисенко Светлана Васильевна
кандидат юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия
Ростовский филиал)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: s.v.denisenko@bk.ru

ГЛАВНЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ XX ВВ. (К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РАБОТЫ НЮРНБЕРГСКОГО И ТОКИЙСКОГО МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ)

8 августа 1945г. представители Соединённого Королевства, Советского Союза, Соединённых штатов и Франции в Лондоне договорились о проведении судебного процесса над военными преступниками Гитлеровской Германии. Эта идея была поддержана ещё 19 государствами. Заседания международного военного трибунала решено было провести в Нюрнберге, партийной столице Третьего Рейха, где сохранилось здание суда и пристроенной к нему тюрьмы. К суду были привлечены лица, представлявшие политическое, военное и экономическое руководство Германии – всего 24 высших чиновников и военных, ответственных за подготовку и развязывание Второй Мировой войны, за военные преступления и преступления против человечества.

В отличие от процесса в Нюрнберге, в Токио организация и ход процесса находились под контролем главы оккупационной администрации США – генерала Макартура. В результате к суду не были привлечены многие лица, направлявшие агрессию в тихоокеанском регионе. В частности, оказалось не причастно и руководство дзайбацу – японских монополий, входивших в военно-промышленный комплекс Японии.

Процесс в Нюрнберге открылся 20 ноября 1945г. В нём приняли участие лучшие представители юридических сообществ держав-победительниц – судьи и прокурорские работники. Подсудимым были предоставлены лучшие адвокаты Германии. Как писал А. И. Полторак, секретарь военной делегации в Нюрнбергском трибунале, «проблема защиты была успешно разрешена. Каждый подсудимый имел своего адвоката, а тот ещё и помощника. Как справедливо заметил один из обвинителей, такую счастливую возможность подсудимые, будучи у власти, редко предоставляли даже своим соотечественникам» [1, с.124]. Все обвиняемые могли защищаться лично, предъявлять любые доказательства в свою защиту. Они представили свидетелей в два раза больше, чем сторона обвинения. Им была предоставлена возможность неограниченных выступлений. Один только Герман Геринг, официальный преемник Гитлера, рейхсмаршал авиации, главком люфтвафе, прозванный журналистами фюрером скамьи подсудимых, выступал в процессе практически два дня.

В результате по делу были допрошены сотни свидетелей, как в зале заседаний, так и на местах, исследованы тысячи письменных документов, фотоснимков, километры лент кинохроники. Стенограмма судебных заседаний заняла 16 тыс. страниц машинописного текста, которые были собраны в 40 томов. Всего было проведено 403 судебных заседания и все они были открытыми для многих тысяч людей и прежде всего для журналистов. Таким образом, процесс в Нюрнберге не был политическим судилищем победителей над побеждёнными. Это был действительно Суд народов над виновниками развязывания Второй мировой войны.

Не помог обвиняемым и начавшийся разлад между главными участниками антигитлеровской коалиции. Уже не будучи премьер-министром Соединённого

Королевства, Уинстон Черчилль выступил 5 марта 1946г. с речью в университете американского города Фултон. Как теперь принято считать, именно эта речь означала начало холодной войны. И нацистские преступники решили, что им удастся развалить обвинение. Они попытались своими наглыми выступлениями загнать обвинителей в тупик, забыв о той ненависти, которую питали к ним народы держав победительниц и стран, подвергшихся агрессии и оккупации. Ведь накануне процесса в прессе публиковались предложения превратить Германию в большое картофельное поле, всё мужское население кастрировать, а всех нацистских чиновников (государственных и партийных) и офицеров вермахта, весь личный состав СС расстрелять. Эта ненависть (вполне обоснованная), это стремление к справедливому возмездию сплотили обвинителей и судей Нюрнбергского процесса. И когда под напором Геринга смешался американский обвинитель Р. Джексон, на помощь пришёл обвинитель от СССР – Роман Руденко. Его убийственные вопросы сразу поставили Геринга на место. Активное сопротивление «наци №2» было сломлено. Стало ясно, что процесс будет доведён до конца.

Оглашение приговора состоялось 30 сентября – 1 октября 1946г. Трёх подсудимых оправдали (такое тоже оказалось возможным). Семь преступников были приговорены к длительным срокам и пожизненному тюремному заключению. Остальные двенадцать были приговорены к смертной казни через повешение. Один из них – Мартин Борман – заочно. Казнь состоялась в ночь на 16 октября в этой же тюрьме (Г.Геринг успел накануне отравиться). Трупы были доставлены в Дахау (первый лагерь смерти нацистов), сожжены в одной из его печей, а пепел выброшен в ближайшую реку. Кроме всего прочего, Нюрнбергский трибунал признал преступными организациями СС, СД, гестапо и руководство НСДАП, была также осуждена сама идеология нацизма.

В развитии международного права Нюрнбергский процесс стал важной вехой. Выработанные на нем принципы международного права легли в основу работы Организации Объединенных Наций. И уже в рамках ООН в 1948 г. состоялось принятие Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, а в 1949 г. – четырех Женевских конвенций о защите жертв войны. «Державы-участницы антигитлеровской коалиции и страны, подвергшиеся нашествию, на протяжении многих десятилетий разыскивали и судили фашистов и их пособников. По данным на 1987 г. в СССР было осуждено 17 175 человек, Чехословакии – 16 000, Австрии – 13 625, ГДР – 12 874, в Западном Берлине – 6465 (по 31 декабря 1982 г.), Польше – 5 385, Франции – 4 891, США – 1517, Нидерландах – 204, Дании, Норвегии, Бельгии, Люксембурге вместе взятых – 303» [2, с.769].

Несколько по иному сценарию развивались события в Токио. Международный военный трибунал для Дальнего востока был сформирован из представителей одиннадцати стран: СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Нидерландов, Индии и Филиппин.

Организация процесса в Токио была поручена главнокомандующему американскими оккупационными войсками в Японии генералу Дугласу Макатуру, который в дальнейшем старался саботировать работу Трибунала.

Согласно уставу Токийского Трибунала, разработанного одними американцами, суд находился в полной зависимости от Макартура. Главным обвинителем стал близкий к Президенту США Гарри Трумену адвокат Джозеф Кикан, а председателем – судья Австралии Уильям Уэбб, не желавший повторять Нюрнберг.

В Токио дух сотрудничества исчез, ведь процесс начался 3 мая 1946 г., в условиях разгоравшейся холодной войны. В результате, как вспоминал потом судья из Нидерландов Берт Ролит, благодаря правительству США, многие японские военные преступники избежали судебного преследования.

В Токио к суду планировалось привлечь 29 человек. Однако бывший премьер-министр Фуминаро Коноэ покончил жизнь самоубийством, умерли в ходе процесса министр иностранных дел Иосукэ Мацуока и военно-морской министр Осами Нагано, автор японского варианта фашистской идеологии Сюзэи Окава сошел с ума.

В отличие от Германии, привлеченных к суду не арестовывали, бежать с Японских островов было некуда. Всем желающим была предоставлена возможность покончить с собой, но этим воспользовались немногие. Подсудимые добровольно явились на суд.

В 55 пунктах обвинительного акта были изложены обвинения в преступлениях против мира и человечности. Речь шла о развязывании агрессивной войны и массовых убийствах мирных жителей и военнопленных. В частности, в Нанкине, после его взятия в 1937 г. было убито около 300 тыс. человек. Но организаторы процесса взяли курс на обвинение во всем, узкого круга политиков и военных высшего уровня. Неприкосновенной считалась императорская семья. Приказы в Нанкине отдавал принц Ясухино Асака, но вину взял на себя генерал Иванэ Мауди. В ходе судебных заседаний из зала суда заседаний удалялись свидетели. Многие преступники остались безнаказанными. Не были осуждены организации японского милитаризма и его человеконенавистническая идеология.

Итог был подведен 12 ноября 1948 года. Согласно приговору Токийского трибунала, премьер-министры Хидэки Тодзио, Коки Хирота и пять генералов были осуждены на смертную казнь. 23 декабря их повесили. Остальные подсудимые были приговорены к пожизненному и длительному тюремному заключению (к 1956 г. все они были освобождены). В дальнейшем поиск военных преступников прекратился. Более того, было реабилитировано 201 574 человека из 210 288 виновных в преступлениях.

В дальнейшем начался процесс возвеличивания и повешенных. В 1960 г. им был поставлен памятник на горе Микэнояма с надписью: «Могила семи самураев-мучеников». В Токио существует специальный храм, в котором поклоняются душам казненных военных преступников. Почти 2 млн. японцев были посмертно награждены за участие в сражениях Второй мировой войны. Переписывается история. Японцам внушается мысль, что они жертвы войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полторак А.И. «Нюрнбергский эпилог» М., 1965. С 124.

2. Звягинцев А.Г. Нюрнбергский процесс. Без грифа секретно. М., 2010. С.769.

Драгунова Елена Юрьевна
аспирант юридического факультета
(Южный Федеральный Университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: dragunowa.elena2016@yandex.ru

ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ И ФОРМАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ВЫБОРА В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ НОРМЕ

В теории международного права, правовая норма определяется как правило поведения государства, которое признается как должное (обязательное) во взаимоотношениях. Особенностью международно-правовой нормы является отсутствие в ней элементов структуры нормы права, применяемых на национальном уровне, что определяет категорию доброй воли государства в принятии должных правил во взаимоотношениях между государствами. Основу составляют принципы справедливости, добровольности, исполнительности и обязательности. Ключевым принципом в международно-правовой норме является справедливость, как мера для остальных принципов, которые как обязательства «*erga omnes*», подразумеваемые и применяемые в силу следования им.

Между тем, современные государственные отношения находятся в позиции даунгрейд, с повторяющимися, изжившими себя подходами во взаимоотношениях внешней политики государств, а высшие ценности для государств в большей степени стали относиться к материальным. Быстрое падение в межгосударственных отношениях наблюдаем на протяжении обострившейся ситуации между Россией и странами ЕС с 2014 года. Постпред России при ЕС Владимир Чижов обосновал отношения между странами, как достигшие низшего уровня, и обоснование введенных очередных санкций в отношении России "и с политической, и с юридической точек зрения очень хилое, а с моральной - просто неприемлемое" [4].

Как отметил В. Чижов, у любых отношений, помимо политического, есть материальное измерение, в первую очередь торгово-экономическое. В прошлые годы мы даже измеряли прочность этой "страховочной сетки". То есть сравнивали наш товарооборот с ЕС с объемом торговли России и США. Лет 10 назад это соотношение было 1 к 11. Сегодня мы наблюдаем, что недружественные политические действия сопровождаются сознательными попытками разрушить материальную основу, в том числе путем переключения части экономических связей ЕС с России на США. Сомнительно, чтобы этот маневр прошел безболезненно для Старого Света [4].

Очевидно, что основой для государственных отношений является «материальное измерение», как ценность, которая для государства имеет гарантированный результат. Основными принципами и целями Устава ООН, который в 2020 году отмечает свой 75-летний юбилей со дня создания организации, устанавливается приверженность к справедливости в поддержании

мира и безопасности, «сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [3].

Подход «гарантированного результата», который сегодня подменяется установленными принципами справедливости, сотрудничества достигается с использованием отсылок к международным документам, регулирующим взаимоотношения, в частности Уставу ООН, для оправдания своих действий. Однако, принцип «гарантированного результата», используемый в основном странами с устойчивым экономическим развитием: Великобритания, Германия, Франция, США, получил развитие из теории формального выбора в конце XX в начале XXI века, как принцип, оправдывающий любые действия ради достижения справедливости, безопасности и мира. История развития теории, отсылает нас к 50-60 годам XX века, где основной референтной теорией принятия решений в условиях конфликтов принимается формальная теория выбора, которая основывается на принципе гарантированного результата, при стремлении принять такие решения, которые позволяют минимизировать возможные потери.

Первый шаг к принципу гарантированного результата был сделан в 1928 году Джоном фон Нейман, который доказал теорему о существовании минимакса в играх двух лиц с нулевой суммой, что и положило начало теории игр. В последующем, теория игр получает нормативный характер (указания как играть), но и становится предсказательной, как вероятное поведение игрока. В классическом виде в теорию формального выбора были заложены ценности двух классов: первый - высшие моральные ценности, и второй - материальные. Моральные ценности, связанные с такими категориями как вера, достоинство, чувства вины и справедливости, игнорируются в обществе, в пользу ценностей второго класса.

Как отмечает В.А. Лефевр, экономическое и психологическое мышление ушло далеко вперед, и никто не считает сегодня, что материальные ценности измеряются только деньгами. Моральные ценности принципиально не могут быть упорядочены, поскольку ответить на вопрос что важнее сохранить жизнь отца или матери, мы не можем [1].

В 1969 году группой ученых: В.Е. Лепским, П.В. Барановым и В.А. Лефевр, «была построена первая формальная модель генерации высших ценностей, где каждый субъект является локальным центром социального организма, и ценности других членов групп влияют на его ценности, в зависимости от отношений между субъектами. В этих ситуациях проявляется «внутренняя валюта». Которая многократно осознается субъектами, и в результате возникает многоярусный каскад генераций высших ценностей, которые и определяют выбор субъекта» [2].

Таким образом, группа ученых создала четыре модели формального выбора, которые как «матрешки» раскрывают теорию выбора, построенную на системе ценностей отдельного субъекта и влияния на принятие им выбора извне обществом. В рамках модели отношения субъекта к другому субъекту был сделан вывод, что таких отношений может быть только два: это союз или конфликт. Мотивация выбора зависит от этического статуса образа себя у субъекта. При этом,

ученные провели различие между понятиями «система ценностей» и «этическая система», и эмпирический анализ показал, что «модель объясняет существование различных нормативных оценок выбора отношения к другому в различных культурах», и такой выбор обусловлен связью между этической системой и выбором отношений к другому субъекту, построенному на внутреннем определении каждого субъекта этически-нравственных ценностей каждой культуры. Формальная теория выбора показала, при взаимодействии субъектов каждый принимает свое решение, основываясь на своих личных ценностных ориентирах, которые закладываются культурой его нации и семьи, и являются ценностями первого порядка. При этом, политические, экономические, социальные отношения регулируются вектором ценностей второго порядка, поскольку напрямую не затрагивают интересы субъекта.

В большей степени формальная теория выбора относилась к субъектам общественных отношений, но с конца XX века начинает применяться и влиять на регулирование поведения стран в межгосударственных отношениях, как формирование международного обычая. Такое формирование международного обычая можем наблюдать при реализации международной безопасности. Вызовы и угрозы становятся самоподдерживающимся процессом, состоящие из порочного круга неопределенности, причин и причинно-следственных связей. Все больше вопросы безопасности стали уходить с мирового уровня угрозы, на региональный уровень, конфликты и войны внутри одной страны: рост напряженности в Европе и на Балканах, на Ближнем Востоке, на границе между Индией и Пакистаном, в Южной Азии, в Африке. Вмешательство в третьи страны, с целью смены режима и государственного строя, стали привычным делом, при этом, формирование вокруг ситуации правовой определенности, является формированием международного обычая по разрешению вопроса безопасности. Допустимость выбора решения по ситуации, влияет на развитие международного обычая, и уже заложенные критерии выбора ценностей, играют доминирующую роль.

Принцип справедливости становится декларативным, и на первый порядок выступают материальные ценности. Влияние высших ценностей, заложенных в Уставе ООН и теории формального выбора первого порядка, на международное публичное право, выражено в этической допустимости действий сторон. Таким образом, допустимость, как один из основных критериев в формальной теории выбора, выступает в международно - правовой норме как принцип, регулирующий сдержанное поведение сторон в международных отношениях, и носит императивный, предписывающий характер в поведении сторон для достижения согласия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лефевр В.А. Высшие ценности и формальная теория выбора// Журнал «Вопросы Философии» № 4, 2012., С. 154.

2. Лефевр В.А., Баранов П.В., Лепский В.Е. Внутренняя валюта в рефлексивных играх // Рефлексивные процессы управления, Международный научно -практический междисциплинарный журнал №. 2, т. 6, 2006. С. 96-102.

3. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) [Электронный ресурс] // режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087.

4. Чижов В. Санкции против России из-за инцидента с Навальным [Электронный ресурс] // С.Бобылев, ТАСС, режим доступа: <https://tass.ru/politika/9744535>.

Ежова Татьяна Геннадьевна
кандидат юридических наук
(Балтийский федеральный университет имени И. Канта)
г. Калининград
e-mail: TEzhova@kantiana.ru

«ЭКОЛОГИЗАЦИЯ» МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Рассматривая проблемы развития международного права в современных условиях, представляется актуальным вопрос о том, насколько международное право в нынешнем его виде обеспечивает защиту окружающей среды. Во многом те события, которые сейчас переживает весь мир, связанные с действием вируса Ковид-19, относят к проявлению одного из негативных последствий плохой экологической обстановки, которая породила проблемы с устойчивостью иммунной системы человека к воздействию данного вируса.

Развитие международного экологического права началось относительно недавно, только во второй половине XX века начали предпринимать системные шаги по формированию международно-правовой базы, обеспечивающей поддержание здоровой экологии. Сейчас данная отрасль международного права находится в стадии динамичного развития. Однако многие нормы международного экологического права относятся к нормам рекомендательного характера, которые направлены на побуждение государств к разработке и принятию надлежащих мер, как предупредительных, так и ответных на факт загрязнения окружающей среды, которые бы гарантировали определенный стандарт состояния экологии в мире, смягчили негативные последствия изменения климата и помогли избежать существенного изменения климата [1, с.446]. При этом стоит отметить, что состояние окружающей среды, как среды обитания человека, неразрывно связано и с вопросом соблюдения прав человека, т.е. с международным правом прав человека. Таким образом, на данном этапе развития международного права можно говорить о взаимодействии между этими двумя отраслями международного права: международным экологическим правом и международным правом прав человека.

Эта взаимосвязь подчеркивалась ещё в преамбуле Стокгольмской декларации по проблемам окружающей среды 1972 г., где указывалось, что «человек является творением и одновременно создателем своей окружающей среды, которая обеспечивает его физическое существование и предоставляет ему возможности для интеллектуального, нравственного, социального и духовного развития» [2, п. 1]. Из более поздних положений можно обратиться к Парижскому соглашению по климату 2015, в преамбуле которого также указывается на то, что

изменение климата является общей озабоченностью человечества, и Сторонам следует, при осуществлении действий в целях решения проблем, связанных с изменением климата, уважать, поощрять и принимать во внимание свои соответствующие обязательства в области прав человека. При этом указывается прямо на то, какие права человека могут быть задеты в результате негативного воздействия последствий изменения климата. К таким правам, в частности, отнесены право на здоровье, права коренных народов, местных общин, мигрантов, детей, инвалидов и лиц, находящихся в уязвимом положении, и право на развитие, а также гендерное равенство, расширение прав и возможностей женщин и межпоколенческую справедливость.

Большой вклад в установление такой тесной взаимосвязи между международным экологическим и международным правом прав человека вносит судебная практика, которая складывается как на национальном, так и на международном уровнях.

Так, национальные суды многих стран, а именно, в Нидерландах, США, Пакистане, Австрии уже не раз указывали на то, что государства, не исполняя надлежащим образом свои обязательства, направленные на обеспечение благоприятного состояния окружающей среды, нарушают гарантированные права граждан, такие как право на жизнь [3, р. 14-18]. Одним из наиболее известных решений стало решение Верховного Суда Нидерландов по делу Urgenda от 20.12.2019 г., в котором Правительству Нидерландов было указано на необходимость соблюдения обязательств по сокращению вредных выбросов в атмосферу, вызывающих существенное изменение климата, с целью обеспечения должного уровня защиты прав человека на территории государства.

В рамках Европейского суда по правам человека также сложилась довольно внушительная практика по вопросам нарушения прав человека, вызванных нарушениями в сфере защиты окружающей среды [4]. При этом, необходимо подчеркнуть, что в тексте самой конвенции ЕКПЧ нет прямого позитивного обязательства по защите окружающей среды и обеспечению должного уровня благосостояния окружающей среды, которое накладывается на государство. Однако, несмотря на этот факт, Европейский суд по правам человека, рассматривая Европейскую конвенцию по правам человека в качестве «живого организма» [5, пара. 31], применяет эволютивный подход к толкованию её основных положений, позволяющий включить в объем гарантированных прав, таких как право на жизнь (ст. 2), право на частную и семейную жизнь (ст. 8), право на частную собственность (ст. 1 Дополнительного протокола № 1), положения о праве на благоприятную окружающую среду. С помощью такого расширительного толкования Европейский суд дает новое толкование так называемых старых прав, отвечая потребностям времени, а также развитию международного и регионального права прав человека [6, с.95].

На тесную связь и взаимозависимость между международным экологическим правом и международным правом прав человека указывает в своём Консультативном заключении другой центр региональной международной защиты прав человека – Межамериканский суд по правам человека [7, paras. 22, 47-55].

Особенно активно подобная судебная практика развивается в последние 15 лет, что свидетельствует о некоторой «экологизации» положений международного права прав человека. Сам термин «экологизация» активно используется в законодательстве и в научной литературе (юридической, технической, экономической и др.). В общем виде экологизация представляет собой применение экологического подхода ко всем без исключения явлениям, фактам, событиям, процессам и функциям в жизнедеятельности общества [8, с. 202]. Это «проникновение глобальной задачи охраны окружающей среды во все сферы общественных отношений, доминирование экологических интересов над экономическими запросами, приоритетный учет экологических императивов в содержании правовых норм, дополнение и обогащение их природоохранным элементом» [9, с. 556].

Стоит отметить, что большая часть норм в сфере международного экологического права носит несамоисполнимый характер, т.е. требует разработки и принятия конкретных мер для достижения позитивного результата каждым государством-участником индивидуально. Такой подход, к сожалению, не всегда способствует эффективной защите окружающей среды. Государства не всегда в полном объеме обеспечивают реализацию взятых на себя обязательств. Это обуславливается целым рядом причин, но, прежде всего, экономическим развитием государства, уровнем его благосостояния, нежеланием или неготовностью существенно сокращать производства, даже если они вредны для экологии. Однако при этом большое внимание государства и международное сообщество уделяют вопросу обеспечения защиты прав человека. Как показывает практика, довольно успешными последнее время становятся попытки добиться надлежащего исполнения обязательств по защите окружающей среды именно через обращение к правам человека. Представляется, что в связи с таким новым «экологичным» подходом к вопросу защиты прав человека возможно будет добиться позитивных изменений и в вопросе защиты окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодолова А.В. Экологические права человека в документах «мягкого» международного права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – Вып. 10. – С. 445-465.
2. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. Принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 16.06.1972 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml
3. Setzer J., Byrnes R. Global trends in climate change litigation: 2020 snapshot. London: Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment and Centre for Climate Change Economics and Policy, London School of Economics and Political Science. – 2020. URL: https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/wp-content/uploads/2020/07/Global-trends-in-climate-change-litigation_2020-snapshot.pdf
4. Environment and the European Convention on Human Rights // Factsheets of the European Court of Human Rights. – March 2020.

5. Case of Tyrer v. the United Kingdom (Application no. 5856/72). Judgment of the European Court of Human Rights. 25 April 1978. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-57587%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-57587%22]})

6. Ковлер А.И. Эволютивное толкование европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский суд по правам человека как субъект// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 3. – С. 91-97.

7. Advisory Opinion OC-23/17 of Inter-American Court of Human Rights. November 15, 2017. Requested by the Republic of Colombia. The Environment and Human Rights (State Obligations in Relation to the Environment in the Context of the Protection and Guarantee of the Rights to Life and to Personal Integrity: Interpretation and Scope of Articles 4(1) and 5(1) in relation to Articles 1(1) and 2 of the American Convention on Human Rights). URL: <https://elaw.org/system/files/attachments/publicresource/English%20version%20of%20AdvOp%20OC-23.pdf>

8. Абанина Е.Н. Экологизация как процесс достижения устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. №3 (122). 2018. С. 201-207.

9. Колонтаевская И.Ф. Правовые и понятийные аспекты экологизации экономики // Экологические и природоохранные проблемы современного общества и пути их решения: материалы XIII Международной научной конференции: в 2 ч. / под ред. А.В. Семенова, Н.Г. Малышева, Ю.С. Руденко. М.: Изд-во ЧОУ ВО «МУ им. Витте», 2017. Ч. 2. С. 555–562.

Козлов Денис Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: DVKozlov@sfedu.ru

ОБЩИЙ ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК ЕАЭС

В настоящее время финансовый рынок представляет собой внушительный и постоянно разрастающийся мега-сектор экономики, охватывающий целый конгломерат направлений и субъектов деятельности. Основным смыслом его существования является привлечение денежных и иных средств специализированными кредитными учреждениями, в первую очередь банками, у граждан и организаций с дальнейшим их инвестированием в другие экономические проекты, в том числе путем предоставления кредитов, покупки ценных бумаг у государств и хозяйствующих субъектов.

Стабильность всей экономической системы напрямую зависит от состояния финансового рынка. Однако сейчас нормой становятся скорее хронические проблемы финансовых рынков, которые с завидным постоянством провоцируют экономические кризисы.

Как следствие для регулирования финансовых услуг в праве ЕАЭС не используются нормы, распространяющие свое влияние на сферу услуг согласно

разделу XV Договора о ЕАЭС «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций».

Специальный правовой режим в отношении финансового рынка установлен несколькими документами. Ядро системы составляет отдельный раздел Договора о ЕАЭС — раздел XVI «Регулирование финансовых рынков». Подробней этот вопрос прописывается в Приложении №17 к Договору о ЕАЭС – Протокол по финансовым услугам. Кроме того, существует специальное Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала от 23 декабря 2014 года, как один из международных договоров в рамках Союза.

В соответствии с Протоколом, сущность финансового рынка составляют три вида или сектора финансовых услуг: страховые, банковские услуги и услуги на рынке ценных бумаг.

Отдельные составляющие каждого сектора финансовых услуг также детально излагаются в Протоколе. Например, среди услуг на рынке ценных бумаг выделяются участие в эмиссии всех видов ценных бумаг и оказание услуг по такой эмиссии, торговля финансовыми инструментами, клиринговые услуги по финансовым активам, все действия в отношении финансовой информации, управление активами и инвестициями, брокерские операции на финансовом рынке, посреднические, консультативные и другие вспомогательные финансовые услуги.

Итогом функционирования специального правового режима в отношении финансовых услуг и рынков должно стать складывание общего финансового рынка, на котором должны соблюдаться четыре критерия:

- надзор и регулирование финансовых рынков государств-членов должны осуществляться на основе гармонизированных требований;

- лицензии на оказание финансовых услуг, оформленные в одном государстве-члене, должны признаваться во всех остальных участниках Союза (лицензия на осуществление страховой деятельности, выданная в России или Казахстане, дает право страховой организации осуществлять страхование во всем ЕАЭС);

- финансовые услуги можно осуществлять без дополнительного учреждения в качестве юридического лица на всей территории ЕАЭС (в частности, белорусские банки вправе принимать и выдавать любые виды вкладов у граждан РФ на территории России);

- уполномоченные органы государств-членов сотрудничают между собой в административном порядке, в том числе обмениваются необходимой информацией.

В соответствии со ст. 103 Договора о ЕАЭС «Переходные положения в отношении раздела XVI» завершение создания общего финансового рынка должно произойти к 2025 году. Речи о едином центральном банке и единой валюте не идет.

К середине 2017 года была подготовлена Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС. В документе отражены условия формирования общего финансового рынка Союза, а также сроки, механизмы, инструменты его формирования.

Последовательные действия по гармонизации законодательства в этой сфере государств-членов выступают главным средством достижения данной цели. Множество положений Протокола по финансовым услугам посвящены этапам и направлениям гармонизации законодательств участников Союза по отдельным секторам финансовых услуг. Среди направлений гармонизации по объектам можно выделить: терминологический аппарат (например, согласование единых признаков термина «кредитная организация»); поставщики соответствующих услуг (раскрытие ими информации, лицензирование деятельности, осуществление контроля их финансовой отчетности и иной деятельности).

Окончательно достигнутый результат в области гармонизации подлежит закреплению в специальном международном договоре в рамках Союза и должен подтверждаться началом работы специального наднационального органа по регулированию финансового рынка, который расположится в бывшей столице Казахстана городе Алматы.

В настоящее время до завершения переходного периода государства-члены вправе применять ранее введенные или новые ограничения и изъятия по работе на финансовом рынке, которые неизвестны общему регулированию рынков услуг в ЕАЭС.

Как следствие не является обязательным соблюдение национального режима или режима наибольшего благоприятствования при осуществлении финансовых услуг. Данные режимы распространяются только на отдельные подвиды, в основном страховых услуг, таких как вспомогательные страховые услуги, перестрахование, страхование некоторых других рисков, обработка, предоставление и передача финансовой информации, консультативные и другие вспомогательные услуги.

Особое значение имеют условия и ограничения индивидуального характера, которые по-разному трактуются в разных государствах-членах. Два приложения к Протоколу по финансовым услугам закрепляют индивидуальные перечни государств-членов, содержащие подобные условия и ограничения:

— Приложение № 1 к Протоколу содержит Перечень подсекторов финансовых услуг, в которых государствами-членами в соответствии с пунктом 4 Протокола по финансовым услугам предоставляется национальный режим и принимаются обязательства в соответствии с пунктом 10 указанного Протокола;

— Приложение № 2 к Протоколу – Перечень сохраняемых государствами-членами ограничений в отношении учреждения и (или) деятельности.

Костин Сергей Андреевич
кандидат юридических наук
исполнительный директор Юридического института
АНО ВО «Российский новый университет»
г. Москва
e-mail: skostin@rosnou.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) прочно вошли в нашу жизнь. Развитие ИКТ предопределило появление новой среды для взаимодействия – киберпространства. Стало понятно и то, что ИКТ являются технологиями двойного назначения, которые применяются как в гражданской, так и в военной сферах, как в благих целях, так и в злонамеренных интересах. Эти обстоятельства повлекли за собой появление новых вызовов и угроз в области международно-правового обеспечения коллективной безопасности и подтвердили необходимость обновления концепции и институционального ландшафта в этой области.

Анализируя попытки регулирования отношений с использованием ИКТ и в области киберпространства, можно выделить ряд устойчивых направлений международно-правового сотрудничества.

На сегодняшний день в научном мире отсутствует единое юридическое определение понятию киберпространство. Это обстоятельство не дает возможность однозначно ответить на вопрос о том, что является объектом и объективной стороной при взаимодействии в киберпространстве. Следует отметить, что во всех предлагаемых формулировках [1], [2] есть нечто общее – это среда, в которой коммуникации осуществляются с использованием ИКТ, наличие правоотношений из различных отраслей права и трансграничный аспект, т.е. несовпадение с традиционными государственными границами, в пределах которых действуют определенные системы юридических норм и принципов. При этом, можно предположить, что результатом взаимодействия в киберпространстве, т.е. результатом осуществления комплекса действий с использованием программно-аппаратных средств и ИКТ, является наступление (возможное наступление) юридических последствий. Как следствие, сотрудничество в сфере выработки и принятия единой терминологии в области применения ИКТ является одним из ключевых направлений международно-правового сотрудничества.

Вторым направлением сотрудничества является определение субъектов международно-правовых отношений в киберпространстве, в том числе вопрос о возможном появлении новых субъектов в международном праве. Некоторые авторы обращают внимание, что «проблема определения субъектов, являющихся участниками отношений в сфере цифровых технологий, охватывает все передовые государства и их объединения» [3]. Это связано с тем, что на международном уровне появляются акторы «занимающиеся обсуждением и разработкой политик, регулирующих технические вопросы в сфере координации системы доменных имен Интернета», «развитием архитектуры Интернета» и прочими ключевыми элементами (речь идет о таких компаниях как ICAAN, IETF, W3C и др.). Участниками таких «акторов» (организаций) могут являться как государства, так и правительственные и неправительственные организации, а также частные лица. В этой связи формируется мнение, что «в XXI веке плюрализация нормотворческих процессов с участием различных государственных и негосударственных субъектов

является общей чертой на международном уровне, и этого не следует опасаться» [4].

Еще одно отчетливо выраженное направление международно-правового сотрудничества, связано с трансграничным аспектом киберпространства. Некоторые исследователи отмечают, что «традиционные нормы международного права, как и традиционная практика международной политики подвергаются серьезным вызовам и эрозии. В частности, ввиду таких особенностей ИКТ как их трансграничный характер, анонимность и доступность, расширяется практика вторжения в информационное пространство различных стран как со стороны других государств, так и со стороны негосударственных акторов» [5].

По вопросу определения зоны ответственности государства за злонамеренные действия, совершенные с использованием ИТ-инфраструктуры в настоящее время складывается мнение, что «государства несут юридическую ответственность за действия, предпринимаемые через «доверенных лиц», действующих по указанию государства или под его руководством или контролем» [6]. В докладе Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», сказано, что «государственный суверенитет и международные нормы и принципы, вытекающие из принципа государственного суверенитета, распространяются на поведение государств в рамках деятельности, связанной с использованием ИКТ, а также на юрисдикцию государств над ИКТ-инфраструктурой на их территории» [7].

Академик А.А. Кокошин обратил внимание, что «в современных условиях в ходе войн и вооруженных конфликтов значительно возрастает доля невоенных средств осуществления противоборства, особенно роль «информационной войны» [8]. В этой связи в контексте международно-правового обеспечения коллективной безопасности, стоит также обратить внимание на вопрос правового обеспечения безопасности критической инфраструктуры государства-участника системы коллективной безопасности.

Единого подхода относительно необходимости делегирования полномочий, связанных с обеспечением безопасности такой инфраструктуры с внутригосударственного уровня во внешний контур, пусть даже в рамках системы обеспечения коллективной безопасности с продвинутым уровнем интеграции, нет. Такое решение, очевидно, должно приниматься государством взвешено, с оценкой возможности наступления как благоприятных, так и неблагоприятных последствий. При этом, следует учитывать, что в целом военно-политическая интеграция кратно снижает риски в области обеспечения безопасности и увеличивает возможность продвижения на глобальной «арене».

Примером продвинутой интеграции по вопросам международно-правового обеспечения коллективной безопасности включающей в себя область ИКТ является Североатлантический альянс, который располагает рядом профильных институциональных органов: Комитет по киберзащите; Совет по управлению киберзащитой; Технический центр (NCIRC) и др. В рамках таких институтов как СНГ и ОДКБ уместнее говорить о начальном уровне сотрудничества в сфере

обеспечения кибербезопасности и несмотря на это он позволяют координировать политику и стратегию развития государств в этом направлении.

В заключении следует отметить, что все вышеперечисленные направления международно-правового сотрудничества необходимо рассматривать неразрывно друг от друга, а в выработке решений и норм поведения в цифровом пространстве следует опираться на основные принципы и нормы международного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородакий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. «Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (часть 1)». Вопросы кибербезопасности № 1(1) 30.12.2013. [Электронный ресурс] // Официальный сайт журнала Вопросы кибербезопасности. URL: «http://s3r.ru/wp-content/uploads/2013/12/Kiber_Vezop_---1_2013_02.pdf».

2. Рассолов И.М. Право и кибернетическое пространство. Монография. – 2-е изд. – М.: Московское бюро по правам человека, 2016. – 232 с. С. 94.

3. Гл.2, § 2 «Система субъектов цифровых отношений». Цифровое право: Учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2020. – 640 с. С. 91.

4. Kubo Mačák. Is the International Law of Cyber Security in Crisis? 2016 8th International Conference on Cyber Conflict. Cyber Power. N. Pissanidis, H. Rõigas, M. Veenendaal (Eds.) 2016 © NATO CCD COE Publications, Tallinn [Electronic resource] // URL: «<https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-09-Is-the-International-Law-of-Cyber-Security-in-Crisis.pdf>».

5. Зиновьева Е. Проблема «цифрового вмешательства» в российско-американских отношениях» 23 октября 2020. Официальный сайт Российского Совета по Международным Делам. URL: «https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/problema-tsifrovogo-vmeshatelstva-v-rossiysko-amerikanskikh-otnosheniyakh/?bx_sender_conversion_id=1027593».

6. International Law in Cyberspace. Remarks as Prepared for Delivery by Harold Hongju Koh to the USCYBERCOM Inter-Agency Legal Conference Ft. Meade, MD, Sept. 18, 2012. Harvard international law journal DECEMBER 2012 Volume 54. [Electronic resource] // URL: «https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5858&context=fss_apers».

7. «Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Шестдесят восьмая сессия Пункт 94 предварительной повестки дня (A/68/98). Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. // URL: «<https://undocs.org/ru/A/68/98>».

8. А.А. Кокошин. «Формирующаяся система мировой политики и роль в ней военной техносферы и вооруженного насилия» от 28 сентября 2020 г. Официальный сайт Российского Совета по Международным Делам. URL: «https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/formiruyushchayasya-sistema-mirovoy-politiki-i-rol-v-ney-voennoy-tekhnosfery-i-vooruzhennogo-nasiliya/?bx_sender_conversion_id=954885».

Левицкая Елена Алексеевна
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: ealevickaya@sfedu.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

В 2020 году получили новое звучание и приобрели остроту многие вопросы, в целом не являющиеся новыми для науки и практики международного права. Спектр таких вопросов простирается от переоценки роли международного права и международных организаций в свете новых вызовов и угроз, до конкретных проблем и перспектив международного взаимодействия в определенных сферах трансграничных отношений с учетом обнаружившейся в период пандемии COVID-19 необходимости обновления системы мер и подходов.

Действительно, стабильность, обновление или перезагрузка ожидает многие сферы международных отношений и их правовое обеспечение? Данный вопрос, обозначенный в тематике секции конференции, может, как представляется, найти отражение в тезисах представляемых докладов, касающихся любой области международного права.

Не является исключением и вопрос поддержки предпринимательства в период пандемии на межгосударственном уровне, ответ на который выступает в качестве составной части отклика на вопрос о «перезагрузке» международного права.

В этой связи представляется необходимым обозначить некоторые ключевые моменты представляемой темы.

Эффективные трансграничные отношения субъектов предпринимательской деятельности являются одной из составляющих экономического роста и благосостояния каждого государства, непосредственно влияют на экономику отдельных государств, групп государств, мировую экономику, что обуславливает внимание к ним не только внутри каждого государства. На глобальном уровне данный тезис отражен еще в Декларации ООН о принципах международного права 1970 г. как «содействие международной экономической стабильности и прогрессу, общему благосостоянию народов» [1].

Период пандемии стал новым и неожиданным испытанием для сферы предпринимательства и отразился на многих областях предпринимательской деятельности и отраслях, часть из которых в рамках внутригосударственного регулирования были включены в перечень «пострадавших» [2].

Параллельно с внутренними процессами, вопросы поддержки малого и среднего бизнеса были вынесены и на надгосударственный уровень, стали предметом внимания и обсуждения в рамках интеграционных объединений государств, в частности, Европейского союза и Евразийского экономического союза, что в целом соответствует основным целям их создания и деятельности (так, ст.4 Договора о Евразийском экономическом союзе закрепляет как цель - создание

условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения) [3] и свидетельствует о «жизненной активности» международно-правовых инструментов и оперативности их реагирования на изменения в системе общественных отношений.

Так, в рамках ЕАЭС 6 апреля 2020 года было принято Распоряжение Евразийского межправительственного совета «О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19», 16 марта 2020 года Решением № 21 Совета Евразийской Экономической комиссии утвержден Перечень критически важных в условиях пандемии товаров [4].

Европейский союз также предпринял ряд ситуационных антикризисных мер, направленных на стабилизацию экономик стран – участниц союза и развитие единого экономического пространства Еврозоны. Так, Европейский центральный банк утвердил комплекс мер денежно-кредитной политики, 1350 млрд. евро выделено на программу экстренных закупок для поддержки пострадавших от коронавируса предприятий, сохранены на достаточно низком уровне ключевые процентные ставки кредитования банков из числа стран Евросоюза в ЕЦБ, Фонд восстановления и устойчивости (РРФ) разработал и предложил государствам-членам гранты в размере 312,5 млрд евро.

С помощью информационных ресурсов Евросоюза непосредственно субъектам предпринимательской деятельности продолжает предоставляться правовая и информационная поддержка через размещение информации на сайте ЕС (открытие, ведение бизнеса, отчетность). Создана платформа для прямого обращения субъектов предпринимательства, размещения Директив ЕС по вопросам бизнеса, действуют механизмы упрощенного создания собственного бизнеса или филиала уже существующего предприятия в любой стране ЕС [5].

Интересно, что некоторые из предлагаемых мер поддержки адресованы напрямую субъектам малого и среднего предпринимательства, что в очередной раз ставит требующий самостоятельного изучения вопрос о правовой природе их взаимодействия с международными организациями, интеграционными объединениями.

Так, в настоящее время предусмотрено прямое финансирование субъектов малого и среднего предпринимательства, гранты и контракты могут распределяться непосредственно через Еврокомиссию на Портале финансирования и тендеров (+ERA CORONA PLATFORM) [6]. Предполагается возможность участия в конкурсе на финансирование любой компания, осуществляющей проекты, способствующие интересам Евросоюза. При этом большая часть средств продолжает распределяться через не прямое финансирование, то есть через подачу заявок через уполномоченные национальные и региональные органы соответствующих государств.

Таким образом, рассматривая данную сферу как часть целого, можно говорить скорее о процессах обновления и разработки новых механизмов международного сотрудничества, которые будут применяться не только в кризисных ситуациях, но и на постоянной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация ООН о принципах международного права 1970 г.
2. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434 "Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции"// СПС «Консультант-плюс». Электронный ресурс. [Проверено 15.10.2020].
3. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (ред. от 15.03.2018) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/> 05.06.2014.
4. Документы ЕАЭС. Электронный ресурс. <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> [Проверено 11.10.2020].
5. Сайт Европейского союза. https://europa.eu/european-union/business/startups_en. [Проверено 11.10.2020].
6. Сайт Европейского союза. https://europa.eu/youreurope/business/finance-funding/getting-funding/eu-funding-programmes/index_en.htm. [Проверено 11.10.2020].

Мансуров Умед Абдуфаттохович
кандидат юридических наук, доцент
(Российско-Таджикский (Славянский) университет)
Таджикистан, г. Душанбе
e-mail: oumed_74@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ СОГЛАШЕНИЙ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ И АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ СИЛАМИ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕГО СОГЛАШЕНИЕ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МИРА И НАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ 1997 Г.)

Согласно Женевским конвенциям 1949 года гражданскую войну в Таджикистане 1992-1997 гг. можно квалифицировать как вооруженный конфликт немеждународного характера, поскольку он происходил на его территории между правительственными и антиправительственными вооруженными силами [2, 319-320]. Участниками военных действий (стороной конфликта) являлись регулярные правительственные силы, с одной стороны, и организованные вооруженные подразделения Объединенной таджикской оппозиции, с другой стороны.

В современном международном праве правомерно применение вооруженной силы государства для подавления антиправительственных вооруженных групп (повстанцев, мятежников, сепаратистов и т.п.) для восстановления на своей территории закона и порядка [3, 65]. В международном праве нет ограничений суверенитета государства по отношению к внутренним конфликтам. Поэтому в крайне редких случаях государство (правительство, официальная власть) садится за стол переговоров с вооруженной оппозицией (мятежниками, повстанцами).

Однако ради сохранения государства, спасения народа, возврата беженцев правительство Республики Таджикистан приняло решение положить конец братоубийственной войне. С первых дней установления конституционной власти (ноябрь 1992 г.) руководство Таджикистана поставило цель и задачу прекращения кровопролития и достижения мира в стране. Реализации этих целей была подчинена вся внешняя политика и дипломатия Таджикистана для того, чтобы обеспечить безопасность страны, упрочить ее суверенитет и сохранить территориальную целостность.

Таким образом, в целях достижения мира и национального согласия и преодоления последствий гражданской войны с 5 апреля 1994 года по 27 июня 1997 года под эгидой ООН проходили межтаджикские переговоры по национальному примирению. Межтаджикский диалог получил свое структурное оформление в виде переговоров двух противоборствующих сторон: Правительства Таджикистана и Объединённой таджикской оппозиции (далее - ОТО). В состав ОТО вошли Партия исламского возрождения Таджикистана (с 2015 года - запрещенная организация на территории Таджикистана), Демократическая партия Таджикистана, Партия народного единства, Народное движение «Растохез», «Лали Бадахшон» и др.

В 1994-1997 гг. было проведено восемь раундов межтаджикских переговоров: в Москве первый и седьмой раунды; в Тегеране второй, шестой и восьмой раунды; в Исламабаде третий раунд; в Алма-Ате четвертый раунд; в Ашхабаде пятый раунд. Также проходили промежуточные консультации, встречи президента Э. Рахмона и руководителя ОТО С. Нури. В ходе переговоров стороны обсуждали целый ряд важных вопросов, начиная с положения беженцев и заканчивая вопросами политического переустройства страны.

По просьбе противоборствующих сторон посредником в переговорах выступал Специальный представитель (посланник) Генерального секретаря ООН. В качестве наблюдателей в переговорах присутствовали представители Афганистана, Ирана, Казахстана, Кыргызской республики, Пакистана, России, Туркменистана (с 1995 г.) и Узбекистана.

Серия раундов переговоров, консультаций и встреч лидеров двух противоборствующих сторон завершилась подписанием соглашения. Так, 27 июня 1997 г. в Москве Правительство Республики Таджикистан и Объединенная таджикская оппозиция, а также Специальный представитель Генерального секретаря ООН в Таджикистане подписали *Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане (далее – Общее соглашение 1997 г.)*.

Общее соглашение 1997 г. включает в себя ряд протоколов и положений, которые были заключены в ходе переговоров. Например, Протокол об основных принципах установления мира и национального согласия; протоколы по политическим и военным вопросам, по вопросам беженцев, о гарантиях осуществления Общего соглашения, Положение о Комиссии по национальному примирению и др.

Стороны договорились зарегистрировать Общее соглашение 1997 г. в Секретариате ООН, ссылаясь на ст. 102 Устава ООН. Данная статья гласит, что

всякий договор, заключенный государством-членом ООН должен быть при первой возможности зарегистрирован в Секретариате и им опубликован [6]. Однако участие ООН в данном соглашении в качестве посредника и гаранта его соблюдения само по себе еще не наделяет его международно-правовым характером.

Общее соглашение 1997 года не является международно-правовым договором. Как известно, стороной международного договора могут быть только субъекты международного права. По международному праву антиправительственные силы (вооруженная оппозиция, повстанцы, мятежники и др.) не являются субъектами международного права, следовательно, не имеют полномочий на заключение международного договора, не могут быть его стороной. Тот факт, что ОТО участвовала в переговорном процессе и была стороной в политическом урегулировании конфликта, не означает, что она обрела качества субъекта международного права.

Ст. 3 общая для всех четырех Женевских конвенций о защите жертв вооруженных конфликтов 1949 года предусматривает заключение *специальных соглашений* между сторонами внутреннего вооруженного конфликта, однако оговаривает, что это положение не затрагивает *юридического статуса* находящихся в конфликте сторон [2]. Это позволяет избегать постановки вопроса – политически очень взрывоопасного – о признании повстанцев (мятежников, вооруженной оппозиции). Кстати, принятие указанной ст. 3 на Дипломатической конференции в 1949 году шло с большими трудностями, вызывая сопротивление тех государств, на территории которых часто происходили гражданские войны, опасавшихся, что расширенное понятие «восставшей стороны» приведет к международному признанию «горстки повстанцев и просто бандитов» [5].

Таким образом, в настоящее время в соответствии с доктриной и практикой международного права проблема признания вооруженной оппозиции (повстанцев, мятежников) одного государства другими субъектами международного права (государствами, международными организациями) является дискуссионной. Сегодня нет общепризнанных критериев для признания вооруженной оппозиции в качестве «восставшей стороны» [7, с. 77].

Общее соглашение о мире 1997 года могло быть международно-правовым только в одном случае, в случае признания таджикской вооруженной оппозиции «восставшей стороной». Но, ни Правительство Республики Таджикистан, ни другие государства официально не заявляли ОТО «восставшей стороной». Иначе бы конфликт валифицировался как международный со всеми вытекающими международно-правовыми последствиями (предоставление режима военного плена воюющим, право «восставшей стороны» на помощь из-за рубежа и т.д.). ОТО являлась всего лишь стороной конфликта, которая сражалась с целью захвата власти.

Примеров заключения соглашений между правительствами и антиправительственными силами не так много. Например, Чапультепекские мирные соглашения. Это договор между правительством Сальвадора и оппозицией (в том числе вооруженной), установивший в 1992 году мир после более чем десятилетия гражданской войны. Договор был заключен между правительством

Сальвадора, Фронтом национального освобождения имени Фарабундо Марти (ФНОФМ) и политическими партиями.

Другим примером заключения правительством соглашения с вооруженной оппозицией являются подписанные 31 августа 1996 года Хасавюртовские соглашения между Российской Федерацией и Чеченской Республикой. Документ предусматривал вывод российских войск из Чечни и подписание между Россией и Чечней политического соглашения об «отложенном статусе» Чеченской Республики до конца 2001 года. Чечня претендовала на статус субъекта международного права с целью отделения от России и создания собственного государства.

Однако правовой статус Хасавюртовских соглашений оказался спорным, мнения политиков, юристов, общественности в России разделились. Некоторые считали, что эти соглашения явились прорывом в деле урегулирования ситуации на Северном Кавказе (профессор О.Н. Хлестов), другие считали, что тем самым Россия фактически признала Чечню «восставшей стороной», субъектом международно-правовых отношений (профессор В.А. Батырь [1]). Статус Хасавюртовских соглашений был поставлен под вопрос и Конституционным Судом РФ. Суд указал, что подписанные в Хасавюрте документы «представляют собой *рамочные соглашения политического характера...*» [4].

Таким образом, на основе проведенного сравнительно-правового анализа соглашений правительств с антиправительственными силами (мятежниками, повстанцами) можно сделать вывод, что Общее соглашение 1997 года является договорным актом различных политических сил одного государства, т.е. *внутригосударственным* по своей правовой природе. Оно всего лишь выступает политическим соглашением между противоборствующими сторонами, а не международно-правовым актом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батырь В.А. Уроки Хасавюрта (к 20-летию заключения Хасавюртовских соглашений // Альманах кафедры международного права *Ceteris Paribus*. Выпуск 7 / отв. ред. К.А. Бекашев. – М., 2017. С. 18-37.

2. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним. М.: МККК, 2003. - 343 с.

3. Карташкин В.А. Применение силы в конфликтах международного и немеждународного характера // Российский ежегодник международного права. 2000. Спец. вып. Спб, 2000. С. 64-65.

4. Определение Конституционного суда РФ от 26 декабря 1996 г., № 103-О. «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной думы Федерального собрания о соответствии Конституции Российской Федерации "Принципов определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой" и совместного заявления, подписанных 31 августа 1996 года в г. Хасавюрте». Режим доступа: <http://www.alppp.ru/law/pravosudie/28/opredelenie-konstitucionnogo-suda-rf-ot-26-12-1996--103-o.html>.

5. Павлова Л.В. Роль статьи 3 Женевских конвенций 1949 года в прогрессивном развитии международного гуманитарного права // Журнал международного права и международных отношений. 2010. № 4. Режим доступа: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/2010-4/2010-4-pavlova>

6. Регистрация и опубликование договоров и международных соглашений, правила для введения в действие статьи 102 Устава ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1946 г. // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/2561326/>.

7. Смирнов М.Г. Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект. – М.: Норма, 2014. – 208 с.

Махаматов Махмуд Махаматаминович
PhD, Ташкентский государственный юридический университет
г. Ташкент, Узбекистан
e-mail: mmahmud34@mail.ru

ПРАВО НА ТРУД: КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ

В последние десятилетия XX века произошёл большой сдвиг в науке, технике и во многих других областях планеты, другими словами, усилился акцент на человеческий фактор, достоинство, честь и почтение. Был принят ряд международных документов по правам человека, которые принимаются Организацией Объединённых Наций и ее специализированными учреждениями и многими другими международными и региональными организациями. Другими словами, «создание Организации Объединённых Наций заложило основы современного этапа международного правового регулирования защиты прав человека». Объявление Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций 1995-2005 годы «Десятилетием образования в области прав человека» свидетельствует об уделении большего внимания на дальнейшее ускорение, систематизацию работы, организованные государствами в данном направлении.

Эти процессы, происходящие во всем мире, были отражены и в Узбекистане. Прежде всего, это связано с приобретением независимости нашего государства в 1991 году и принятием Конституции Республики Узбекистан 8 декабря 1992 года. С этого момента был принят ряд законов и нормативных актов, направленных на защиту прав и свобод человека в Республике Узбекистан. К ним относятся законы «Об обращении физических и юридических лиц», «Об охране труда», «О защите прав потребителей», «О занятости населения», «О противодействии торговле людьми», Трудовой кодекс Республики Узбекистан, Семейный кодекс Республики Узбекистан, Гражданский кодекс Республики Узбекистан, а также Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по содействию социальной защите женщин», и ряд других правовых документов.

Гражданам Республики Узбекистан предоставляются широкие демократические права и свободы во всех сферах общественной жизни. Одним из наиболее важных из них являются социально-экономические права и свободы, которые облегчают гражданам доступ к другим правам и свободам. Одним из

социальных прав физических лиц является право на труд. В статье 37 Главы IX Конституции, именуемой «Экономические и социальные права», предусматривается право лиц на труд: «Каждый имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые условия труда и на защиту от безработицы в порядке, установленном законом» [1]. Это социальное право, отражённое в Конституции Республики Узбекистан, подразумевает:

- во-первых, что каждый может заниматься желаемой профессией;
- во-вторых, быть занятым в соответствии своих способностей;
- в-третьих, получать достойную оплату за труд;
- в-четвертых, работать в благоприятных условиях труда и быть защищёнными от безработицы в соответствии с законом.

Благодаря независимости трудовое право было обогащено новыми привилегиями и правилами. Каждый гражданин имеет право работать и зарабатывать, получать достойную оплату за труд, пользоваться равными возможностями, равной оплатой за труд для мужчин и женщин, а также воспользоваться другими правами. В свою очередь, особое внимание было уделено рассмотрению всех групп населения и их потребностей в ходе реформ.

Указ Президента Республики Узбекистан УП №4947 от 7 февраля 2017 года «О стратегии действий для дальнейшего развития Республики Узбекистан» является новым шагом в социально-экономической сфере. Четвёртое приоритетное направление «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 гг.», которое является приложением к этому Указу, фокусируется на развитии социального сектора, оно охватывает такие важные вопросы, как создание новых рабочих мест, обеспечение занятости выпускников средних специальных и высших учебных заведений, сокращение безработицы. Эти задачи напрямую связаны с правами лиц на труд, и их эффективное претворение в жизнь имеет важное значение для полного осуществления норм Конституции Республики Узбекистан, международных договоров, принятых в сфере прав человека.

Право на труд — это право, данное каждому. Это часть социальных прав, и это зависит от воли человека. Каждый волен выполнять какое-либо задание без принуждения.

В статье 2 Конвенции № 29 Международной организации труда «О принудительном или обязательном труде» принятой в 1930 году, предусматривается значение термина «принудительный или обязательный труд». Термин «принудительный или обязательный труд» означает всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для выполнения которой это лицо не предложило своих услуг добровольно.

К ним не относятся обязательная военная служба, гражданский долг, судебные дела, работа, требуемая в чрезвычайных ситуациях, и работа, проделанная для общественной пользы [2, с.189]. В статьях 8, 9, 10 данной конвенции предусматривается ряд оснований для обязательного или принудительного труда.

Положения, установленные в международных документах о запрещении привлечения к принудительному труду, в которых участвует Республика

Узбекистан, отражены в Конституции Республики Узбекистан и ряде других законодательных актах. В частности, в соответствии с частью 2 статьи 37 Конституции запрещается принудительный труд, за исключением случаев приговора, вынесенного судом или в иных случаях, предусмотренных законом. За исключением случаев, предусмотренных законом, мы можем сослаться на примеры, предусмотренные в статье 7 Трудового кодекса Республики Узбекистан «О запрещении принудительного труда». К этим случаям относятся работы, выполнение которых требуются:

- на основании законодательных актов о военной или альтернативной службе;
- в условиях чрезвычайного положения.

Узбекистан ратифицировал 47-ю Конвенцию Международной организации труда о сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю, которая была реализована в трудовом законодательстве Узбекистана. В частности, согласно статье 115 Трудового кодекса Республики Узбекистан: «Нормальная продолжительность рабочего времени для работника не может превышать сорока часов в неделю. При шестидневной рабочей неделе продолжительность ежедневной работы не может превышать семи часов, а при пятидневной рабочей неделе – восьми часов» [3].

В настоящее время предпринимается ряд мер по внедрению норм международного права в национальное законодательство и углублению международного сотрудничества в регулировании трудовых отношений. Организацией, развивающей партнёрские отношения с государствами-членами в этом направлении, является Международная организация труда. Республика Узбекистан поддерживает деятельность Международной организации труда и, в свою очередь, сотрудничает в четырёх стратегических областях (основные принципы и трудовое право, занятость, социальная защита, социальный диалог и т. д.). Что касается участия нашего государства в конвенциях организации, Республика Узбекистан ратифицировала 17 конвенций Международной организации труда. Каждая ратифицированная конвенция несёт определённые обязательства перед государствами. Поэтому принимаются меры по постепенному внедрению положений этих конвенций в национальное законодательство и осуществлению изложенных в ней задач.

В частности, 31 мая 2018 года Кабинетом Министров Республики Узбекистан принято постановление №407 «О дополнительных мерах по реализации в 2018-2020 годах, ратифицированных Республикой Узбекистан конвенций Международной организации труда» [4]. Согласно Постановлению, был утверждён «Комплекс мероприятий по реализации в 2018-2020 годах, ратифицированных Республикой Узбекистан конвенций Международной организации труда». Комплекс мероприятий подразумевает:

- совершенствование национального законодательства в соответствии с ратифицированными конвенциями МОТ;
- выполнение утверждённых конвенций МОТ об обязательном и детском труде;
- сотрудничество с МОТ, разработка и реализация партнёрских программ;

- усиление потенциала социальных партнёров МОТ в Республике Узбекистан;

- осуществление мероприятий в ключевых областях, таких как информационно-разъяснительная работа по внедрению ратифицированных конвенций МОТ.

Определение необходимости этих мер, которые будут реализованы при участии трёхсторонних социальных партнёров (правительства, предпринимателей и трудящихся), основанных на функциях МОТ, будет играть особую роль в дальнейшем улучшении сотрудничества между Узбекистаном и МОТ.

Рекомендации Совету Федерации профсоюзов Узбекистана, Торгово-промышленной палате Республики Узбекистан, Совету фермеров Узбекистана совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами принимать участие в осуществлении мониторинга и контроля за исполнением организациями норм и требований ратифицированных конвенций МОТ, а также в проведении среди субъектов предпринимательства целенаправленной информационно-разъяснительной работы по вопросам применения трудовых норм, охраны труда, недопущения принудительного и детского труда, что будет служить своевременной и эффективной реализации обязательств установленных в конвенциях.

Из отражения в нашем законодательстве вышеупомянутых международных норм можно видеть, что Узбекистан признает преимущество общепризнанных норм международного права, которое закреплено в Преамбуле нашей Конституции, что, в свою очередь, способствует дальнейшему развитию нашей страны в мировом масштабе и укреплению доверия международных партнёров к ней, что в конечном итоге приводит к большему экономическому и социальному росту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Узбекистан. – Т.: “Ўзбекистан”. 2019.
2. Международные договоры по правам человека. Ответственный редактор А.Х. Саидов. Т. – С. 189.
3. Трудовой кодекс Республики Узбекистан. – Т., 2019.
4. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан №407 от 31 мая 2018 года.

Мещерякова Ольга Михайловна
доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов)
г. Москва
e-mail: om23375@gmail.com

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Эволюция права в современных условиях тесно связана с таким явлением, представляющим собой следствие глобализации, как формирование региональных интеграционных объединений. Формирование интеграционных объединений в различных регионах мира оказывает существенное влияние на развитие как международного, так и национального права. Указанное влияние проявляется в унификации законодательства государств-участников интеграционных объединений, что, в свою очередь, позволяет говорить об укрупнении акторов мировой политики. Указанное явление оказывает существенное влияние на расстановку сил на международной арене и ведет к трансформации геополитического пространства.

Среди региональных интеграционных объединений наиболее успешным является, несомненно, Европейский союз, где путем последовательной унификации и гармонизации законодательства государств-участников создана уникальная система права с единым правовым пространством для развития самых различных сфер сотрудничества.

Одним из основных достижений Европейского союза является создание единого внутреннего рынка, основанного на принципах свободы передвижения, лиц, товаров, услуг и капиталов, а также на свободе учреждения. Следует подчеркнуть, что единый внутренний рынок Европейского союза функционирует на основе единой европейской валюты, что также является выдающимся достижением этого интеграционного процесса, опыт которого является бесценным для развития других региональных интеграционных процессов в различных регионах мира.

В этой связи идея о наднациональности в интеграционных процессах приобретает новое звучание, поскольку гармонизация и унификация национальных законодательств государств-членов невозможна без формирования элементов наднациональности в принятии решений. Однако при формировании элементов наднациональности необходим гибкий правовой механизм, который позволяет максимально учитывать особенности и интересы государств-участников при достижении общих целей. В этой связи необходимо отметить особые функции Суда ЕС как судебного органа интеграционного сообщества, обладающего специфическими функциями по толкованию норм интеграционного права [1].

В современных условиях интеграционные сообщества в различных регионах мира активно изучают с целью заимствования опыт Европейского союза на предмет правовых механизмов, которые позволили бы постепенно вводить элементы наднациональности. Однако углубление интеграции в рамках Европейского союза показало, что в Евросоюзе возрастают противоречия между государствами-донорами и государствами-получателями помощи в рамках этого интеграционного объединения. Указанные противоречия еще более актуальны для других интеграционных процессов, государства-участники которых отличаются еще большей неоднородностью своего экономического развития. Существенную роль играют также культурные и религиозные различия между государствами-членами интеграционных сообществ, что особенно актуально, например, для ЕАЭС или СНГ.

В этой связи следует отметить, что связанное с образованием интеграционных процессов укрупнение акторов мировой политики не упрощает, а, напротив, усложняет взаимодействие между акторами, поскольку весьма часто одно и то же государство участвует в нескольких интеграционных объединениях.

Указанное явление также представляет собой следствие глобализации, однако при его правовом анализе можно обнаружить, что посредством членства в интеграционных сообществах современные государства не только решают стоящие перед ними задачи, которые сложно решить в одиночку, но и участвуют в переформатировании мирового пространства. Например, США формируют некие интеграционные сообщества нового типа – Транстихоокеанское и Трансатлантическое сообщества, замкнутые на некий единый центр.

Таким образом, в современном мире интеграционные сообщества выступают не только как некий механизм достижения общих целей государства того или иного региона, но и в качестве средства получения различных геополитических преимуществ [2, с.52]. Указанное обстоятельство как нельзя лучше подтверждает мнение Л.М. Энтина о том, что: «Если квалифицировать интеграцию как некий процесс, то цель определяет его направленность, последовательность и поэтапность» [3, с.104].

Немаловажным является то, что не только цели устойчивого развития, но и принципы развития интеграционных процессов в различных регионах мира тесно связаны с правовыми системами государств-участников. Существенное значение также играет и то обстоятельство, что для некоторых принципов интеграционных сообществ возможен переход с регионального уровня на глобальный.

Так, например, с расширением Европейского союза на государства Центральной и Восточной Европы цели устойчивого развития, разработанные для выравнивания экономического развития государств-членов, а также уровня социального обеспечения распространились и на эти государства, а в 2001 г. в Гетеборге была принята так называемая «Европейская стратегия устойчивости». В 2006 году Евросоюз принял новую стратегию устойчивого развития [4]. Сегодня цели устойчивого развития Евросоюза сформулированы в его учредительных договорах [5].

Следует подчеркнуть, что правильный выбор целей устойчивого развития играет наиважнейшее значение для поступательного развития интеграционного процесса. Этот постулат нагляднее всего можно продемонстрировать на примере СНГ. Так, в части 3 статьи 1 Устава этого интеграционного объединения содержится норма о том, что: «Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями» [6]. Приведенная формулировка статьи первой Устава СНГ не только затормозила развитие этого интеграционного сообщества, но и исключила любую возможность для формирования наднационального правового регулирования в этом интеграционном сообществе, что является наглядным примером неудачной формулировки целей устойчивого развития.

Поэтому развитие интеграции требует тщательного изучения и сравнительно-правового анализа опыта уже существующих интеграционных

объединений в целях недопущения тех же ошибок, с которыми они столкнулись в процессе своего развития и углубления интеграции.

Таким образом, если в международном праве наиболее приемлемым механизмом сотрудничества является согласование суверенных волей государств, которые, согласно принципам, сформулированным в Уставе Организации Объединенных Наций, являются равноправными, то в любом региональном интеграционном сообществе с тем или иным объемом делегированных полномочий взвешенное (основанное на уважении интересов и конституционных принципов государств-участников) и эффективное использование элементов наднациональности является залогом успешного и поступательного развития интеграции в новых условиях, когда членство в интеграционных сообществах является для государств не просто необходимостью, но и средством участия в геополитических процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lenaerts K., Desomer Towards a Hierarchy of Legal Acts in the European Union? Simplification of Legal Instruments and Procedures. First published: 08 November 2005 // <https://doi.org/10.1111/j.1468-0386.2005.00285.x> Дата обращения: 01.10.2020.
2. Edward D., Lane R. European Community Law. Edinburgh, 1995.
3. Энтин Л.М. . Право Европейского союза. Новый этап эволюции. 2009 – 2017 г.г., М., 2009.
4. EU-Nachhaltigkeitsstrategie //URL: <http://www.bmub.bund.de/themen/europa-international/europa-und-umwelt/eu-nachhaltigkeitsstrategie>. Дата обращения: 01.10.2020.
5. Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора / отв. ред. С.Ю. Кашкин, - М., 2011.
6. Устав Содружества независимых государств, 22 января 1993 г. // <http://docs.cntd.ru/document/1903017> Дата обращения: 01.10.2020.

Мороз Елена Владимировна
доктор исторических наук, доцент
(Сибирский федеральный университет)
г. Красноярск
e-mail: morozkem@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ

Одним из аспектов важной, сложной и многоплановой проблемы защиты прав человека является международная и государственная правовая защита прав и свобод человека и гражданина. При этом, прежде всего, защиту прав и свобод человека должен обеспечивать национальный, внутригосударственный правопорядок.

Права и свободы человека и гражданина гарантируются двумя уровнями: международным и внутригосударственным. На международном уровне защиты

прав человека и гражданина, в свою очередь, можно выделить универсальные и региональные структуры. Несмотря на такое разделение уровни защиты прав и свобод человека тесно взаимосвязаны, взаимозависимы и обуславливают друг друга [4, с. 265].

После того, как возможности внутригосударственного механизма по защите прав человека исчерпали себя, начинает действовать международный механизм защиты прав человека, который представлен Комитетом по правам человека, Европейским судом по правам человека и т.п. Внутригосударственное законодательство по защите прав и свобод человека, в свою очередь, ориентируется на международные правовые акты. Национальное законодательство стремится как можно более полно отразить и закрепить объем прав человека и гражданина, предусмотренный международными правовыми актами.

Однако, несмотря на признание прав человека высшей ценностью, и на принятие множества международных правовых актов, гарантирующих защиту прав человека на международном и национальных уровнях, ситуацию с защитой прав человека в разных странах нельзя назвать идеальной. Многие из государств, принимавшие участие в разработке Международного билля о правах человека и подписавшие его, не соблюдают принятые обязательства. Спустя 70 лет после принятия Всеобщей декларации прав человека, люди по-прежнему подвергаются жестокому обращению не менее чем в 81 стране мира, по меньшей мере, в 54 странах проводятся несправедливые судебные разбирательства, и в 77 странах как минимум гражданам не позволяют свободно высказывать свое мнение [5, с. 77].

Проблема защиты прав и свобод человека остро стоит и в Российской Федерации.

В настоящее время в российской правовой системе совокупность международно-правовых актов, которые содержат общепризнанные нормы о правах человека и гражданина, представляют собой международные договоры, заключенные либо СССР, и ставшие обязательными для соблюдения в современной России в силу своей правопреемственности, либо позднее Российской Федерацией. Перечислим наиболее важные из них: Устав ООН (1946 г.); Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (1976 г.); Декларация об основных принципах международного права (1970 г.); Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.); Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995 г.) [3, с. 77]. Данные документы содержат стандарты соблюдения основных прав и свобод человека.

В России принятие Конституции 1993 г. обозначило переход от тоталитарной системы к демократии и правовому государству, а также закрепило принцип приоритета прав человека и гражданина. Особое место отводится в Конституции правам человека и гражданина, их содержанию, путям реализации и защите государством. Так в 66 статьях Конституции из 138 статей прямо либо косвенно поднимаются вопросы, касающиеся прав и свобод человека, гражданина. Если рассматривать Всеобщую декларацию прав человека, то стоит отметить, что

закрепленные в Конституции РФ права и свободы человека и гражданина полностью соответствуют положениям Всеобщей декларации прав человека. [2]

Однако на практике нередко люди сталкиваются с нарушениями своих прав и свобод, прописанных в Конституции. Причины данных нарушений кроются в правовой, социально-политической и других сферах жизни России. Рассмотрим подробнее некоторые из причин.

Прежде всего, стоит отметить слабость внутренних правовых механизмов в сфере прав человека, что приводит к недостаточной эффективности защиты прав и свобод. Так, крайне медленно приводится в соответствие с европейскими стандартами по защите прав человека российское законодательство и практика его применения. Не наблюдается существенных сдвигов в защите прав и свобод граждан административными и судебными органами. Не всегда в должной мере бывают обеспечены права детей, инвалидов. Зачастую отсутствует ответственность за нарушение прав человека, что приводит к безнаказанности чиновников при нарушении ими прав и свобод граждан страны.

Обратимся к практике Европейского суда по правам человека для более полного отражения сложившейся ситуации. В результате 20-летнего участия в Европейской конвенции по правам человека от России всего поступило 46 685 жалоб, а в стадии производства находятся около 20 300 жалоб против России, это 26% от общего числа дел. При этом, до сих пор в сознании как российских граждан, так и самого государства ратификация Конвенции о защите прав человека остается лишь правом обращения в Европейский суд, но в полной мере не обрела своего другого смысла - как основания для защиты нарушенных прав в судах России.

Между тем, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, прямо говорится о приоритете международных договоров над федеральными законами, а именно, что если в международном договоре Российской Федерации установлены правила, отличающиеся от предусмотренных законом, то должны применяться правила международного договора [2].

Таким образом, любое международное соглашение по правам человека, в том числе и Европейская конвенция, непосредственно может быть применена в российском суде.

Преамбула Всеобщей декларации прав человека говорит о том, что огромное значение для соблюдения прав и свобод человека имеет их всеобщее понимание [1], т.е. государства и все их субъекты должны одинаково трактовать положения о правах человека. И хотя родоначальником современной концепции о правах человека и гражданина в основном являются страны Европы, стоит отметить, что и другим культурам не чужды фундаментальные для защиты прав человека идеи социальной справедливости, равенства, свободы.

Но как показывает практика, время от времени согласованная концепция всеобщности прав человека критикуется отдельными государствами, использующими свои исторические, религиозные и культурные особенности в качестве доводов для обоснования утверждений о том, что права человека не могут применяться к ним так же, как к остальным государствам. Эти государства, так называемые «нелиберальные» придерживаются мнения, что сущность прав человека не учитывает их культурных и национальных традиций, а отражает

только западные представления о правах человека. В связи с этим появляются сомнения относительно того, что существуют общепризнанные представления о правах человека.

В политико-правовой сфере Российской Федерации в последние годы все чаще разрабатываются концепции, отличающиеся от концепций западных стран, отрицающие направление «либерально-правового развития западной цивилизации». При этом отмечается самобытность российского права. Данная самобытность заключена, в том, что существует особый подход к тому, как соотносятся права и свободы человека с религиозными, нравственными и национальными ценностями [5, с. 77].

На наш взгляд, нельзя культурными и религиозными различиями оправдывать нарушение международных обязательств, касающихся прав и свобод человека.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать следующее. Права и свободы человека признаны мировой цивилизацией наивысшей ценностью, и содержание этих прав закреплено международными нормативно-правовыми актами, исполнение которых обязательно на территории и Российской Федерации. Однако не всегда права человека соблюдаются. Причина этого кроется в несовершенных правовых механизмах страны, а также в том, что зачастую граждане не знают своих основных прав и вследствие этого не могут их отстаивать.

Задачей Российской Федерации в области обеспечения и защиты прав человека является гармонизация правового поля человека, гражданина страны, соответствие российских стандартов по правам человека стандартам, установленным на международном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. – С. 1-10.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Права человека в России: история, теория и практика: учебное пособие / Д. Т. Караманукян и др.; отв. ред. и авт. предисл. Д. Т. Караманукян. – Омск: Омская юридическая академия, 2015. – 250 с.
4. Спесивов Н.В. Сущность международных стандартов прав человека // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2015. - № 1 (64). – С. 265 – 267.
5. Чекачкова Г.Н. Влияние международных стандартов прав человека на российскую правовую систему // Вестник поволжской академии государственной службы – 2010. - № 2 (23). – С. 77-82.

Мухамеджанов Омон Закирович
доктор юридических наук, профессор
(Ташкентский государственный юридический университет)
г. Ташкент, Узбекистан
e-mail: amonuzm@yahoo.com

УЗБЕКИСТАН И ООН: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА, ИНИЦИАТИВЫ

Узбекистан вступил в Организацию Объединенных Наций (ООН) как новое суверенное, независимое государство 2 марта 1992 года. С момента вхождения в данную универсальную международную организацию наша страна плодотворно сотрудничает с ней и ее специализированными учреждениями по разным направлениям. Основными приоритетами многостороннего взаимодействия являются борьба с современными угрозами и вызовами безопасности, стабилизация и восстановление Афганистана, нераспространение оружия массового поражения, решение экологических проблем, в частности, смягчение последствий кризиса Аральского моря, социально-экономическое развитие, защита и поощрение прав человека, развитие туризма и другие.

Узбекистан ныне активно участвует в деятельности почти всех специализированных учреждений ООН - ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, ВОЗ, ПРООН и других. С лета 2014 года в республике начало работать представительство Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН - ФАО. В настоящий момент страновая команда ООН в Узбекистане состоит из 24 агентств, фондов и программ ООН, которые вместе работают над продвижением национальных приоритетов развития в соответствии с Повесткой дня на период до 2030 года и Целями устойчивого развития (ЦУР) [1].

Как подписавшая сторона Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятую всеми 193 государствами-членами ООН в сентябре 2015 года, Республика Узбекистан разделяет глобальное обязательство стремиться к миру, в котором доминирует равенство, процветание, достоинство и справедливость для всех людей на безопасной и здоровой планете. Эти обязательства полностью закреплены в национальной «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах», принятой в феврале 2017 года [2].

Сотрудничество между агентствами ООН и Республикой Узбекистан осуществляется в рамках Рамочной программы ООН по оказанию содействия в целях развития (ЮНДАФ) на 2016-2020 годы [3]. Приоритетные направления сотрудничества:

- Всеохватывающее экономическое развитие с упором на обеспечение занятости и социальную защиту;
- Качественное здравоохранение и образование для полной реализации человеческого потенциала;
- Охрана окружающей среды для обеспечения устойчивого развития;
- Эффективное управление для повышения качества предоставляемых государственных услуг и защиты прав.

Открывая неделю высокого уровня на 75-й сессии Генеральной ассамблеи ООН Антониу Гутерриш предложил, чтобы нынешняя сессия была названа "Будущее, которое мы хотим, и ООН, которая нам нужна"[4].

Впервые в новейшей истории человечество столкнулось с пандемией COVID-19, заболеванием, охватившим большинство стран мира. Его появление и быстрое распространение продемонстрировало уязвимость человечества перед подобными глобальными угрозами, а нынешняя сложная и напряжённая ситуация доказала взаимосвязанность всех государств и народов мира, особую важность регулярного диалога, доверия и тесного сотрудничества. «За последние 100 лет не было планетарного бедствия такого масштаба» — с таких слов начал свое выступление на 75-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН и Президент Узбекистана [5], говоря о пандемии COVID-19 лидер Узбекистана заверил, что с первых дней выявления в стране вируса руководство республики направили все усилия и ресурсы на противодействие заболеванию: для оказания поддержки населению, отраслям экономики и бизнесу.

Коронавирус вынудил правительства стран вводить все новые меры, которые позволили бы сдержать распространение опасного заболевания. Ситуация показала, насколько человечество социализировано и ответственно за свое будущее. При этом сохранение нестабильности в разных точках мира, экологические бедствия и другие угрозы усугубляют глобальные проблемы, усилившиеся во время пандемии - нищеты и бедности. В этой связи особую остроту также эти проблемы приобрели в период пандемии. Президент Узбекистана предложил определить тему борьбы с бедностью как одну из основных на предстоящей сессии Генассамблеи ООН, а также организовать глобальный саммит, посвящённый этой проблеме.

По оценкам Всемирного Банка, мировой реальный ВВП сократится в 2020 году [6] на 5,2% (по отношению к 2019г.) При этом на Ближнем Востоке и в Северной Африке спад составит 4,2% ВВП, а в Европе и Центральной Азии — 4,7% ВВП. Благодаря проделанной системной работе руководства Узбекистана производство возобновлено на 16,6 тыс. предприятий из более 70 тысяч. Несмотря на это Узбекистан смогло оказать гуманитарную и поддержку соседям — Киргизии и Таджикистану. Продолжать работу в этом направлении Президент нашей страны призвал и государства ООН. Так, в частности, он предложил создать кодекс о добровольных обязательствах государств в период пандемии под эгидой ООН, в котором будут отражены «обязательства каждого государства перед своими гражданами и международными партнерами».

В ходе выступления Президент Республики Узбекистан выдвинул ряд важных инициатив. В частности, Президент Республики Узбекистан предложил:

— Разработать под эгидой ООН Международный кодекс о добровольных обязательствах государств в период пандемии. В этом документе должны быть отражены обязательства каждого государства перед своими гражданами и международными партнерами;

— Принять Конвенцию ООН о правах молодежи, а также специальную резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН о повышении роли парламентов в достижении Целей устойчивого развития и обеспечении прав человека;

— Создать под эгидой ООН региональный центр развития транспортно-коммуникационной взаимосвязанности;

— Провести международную конференцию, посвященную достигнутым результатам и перспективам взаимодействия в рамках противодействия терроризму;

— Провести в 2021 году в городе Хиве международный форум «Центральная Азия на перекрестке мировых цивилизаций»;

— Создать при ООН постоянно действующий комитет, который будет прислушиваться ко мнению народа Афганистана. Основной задачей данного комитета должно стать содействие социально-экономическому развитию Афганистана;

— Принять специальную резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН об объявлении региона Приаралья зоной экологических инноваций и технологий, а день принятия этого важнейшего документа – объявить Международным днем защиты и восстановления экологических систем;

— Определить проблемы ликвидации нищеты и борьбы с бедностью в качестве одной из основных тем предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также провести Глобальный саммит, посвященный данным вопросам.

Говоря об осуществляемых в стране в последние годы ширококомасштабных реформах, Президент Узбекистана отметил, что происходит становление Нового Узбекистана, в котором демократические преобразования в стране приобрели необратимый характер. К ним относятся возросшая политическая активность населения и партий, а также повышение роли институтов гражданского общества и влияния СМИ; произошли положительные изменения в сфере гендерной политики — число женщин-депутатов в парламенте увеличилось вдвое; принудительный и детский труд были искоренены; улучшилась ситуация с обеспечением свободы совести и вероисповедания; проведены реформы в судебной сфере и ведется бескомпромиссная борьба с коррупцией.

За последние два года по инициативе руководства Узбекистана в рамках Генеральной Ассамблеи ООН были разработаны и приняты три резолюции. В настоящее время Узбекистан совместно со странами-членами ООН осуществляет проработку еще одной резолюции Генассамблеи и Конвенции о правах молодежи для их дальнейшего принятия в рамках ООН.

Узбекистан в своей внешней политике приоритетное значение придаёт Центральноазиатскому региону. Особый акцент, как и в речи, произнесённой главой государства на 72 й сессии ГА ООН в 2017-ом году, был вновь сделан на укреплении взаимного сотрудничества между странами Центральной Азии (ЦА), как залог успешного развития государства и региона в целом.

Узбекистан, имея общую границу со всеми государствами Центральной Азии, объективно заинтересован в превращении региона в зону стабильности, устойчивого развития и добрососедства. Решение всех жизненно важных вопросов развития страны – от безопасности границ до справедливого распределения водных ресурсов – неразрывно связано с регионом. Народы, проживающие в регионе, объединяют общие духовные ценности, единое историческое прошлое, схожие национальные традиции и обычаи, веками сложившийся менталитет. Эта общность создает крепкий и надежный фундамент для региональной кооперации.

За последнее время благодаря совместным усилиям лидеров стран региона в Центральной Азии сформировалась совершенно новая атмосфера доверия и добрососедства. Центральноеазиатские государства проявляют готовность сообща превратить регион в пространство стабильности, безопасности, устойчивого развития и совместного процветания. Узбекистан проводит в этом направлении последовательную политику, и уже за короткое время по историческим меркам, масштабную работу, всесторонне учитывающую естественное стремление народов стран Центральной Азии к мирному сосуществованию.

Одним из определяющих концептуальных ориентиров регионального сотрудничества, стала принятая в июне 2018 года специальная резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе» [7].

За годы пребывания в рядах ООН Узбекистаном накоплен значительный опыт в сфере тесного сотрудничества с этой всемирной организацией суверенных государств. Очевидно, под эгидой всемирной организации человечество может выработать эффективные решения для глобальных угроз и вызовов нового столетия. Узбекистан способствует укреплению ООН, активно участвуя в ее деятельности. Среди приоритетных целей Узбекистана на международной арене, и это очевидно, на первом месте стоит обеспечение безопасности и мира на нашей земле, столь необходимое для развития и улучшения жизни общества, к достижению которого стремятся народы всего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>
2. Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2017 г., № 6, ст. 70
3. https://www.undp.org/content/dam/uzbekistan/docs/Publications/UN-Publications/undaf_2020/un_uzb_undaf_2020_rus.pdf
4. https://aral.uz/wp/2020/09/24/24_09_2020_2/
5. <http://uza.uz/ru/politics/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye-23-09-2020>
6. <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>
7. <https://www.un.int/uzbekistan/fr/news/%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5>

Нагиева Амина Алиевна

кандидат юридических наук, доцент
(Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации)
г. Москва
e-mail: a.nagiyeva2017@mail.ru

КОНСУЛЬСКАЯ ЗАЩИТА В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Согласно комментариям к Проекту статей КМП о дипломатической защите 2006 г. следует разграничивать понятие дипломатической и консульской защиты. Под консульской защитой принято понимать действия консульских должностных лиц, направленные на защиту граждан и юридических лиц в соответствии с Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г.

Консульская защита сводится к совокупности консульских функций, направленных на защиту прав и интересов граждан и юридических лиц. Перечень консульских функций подробно изложен в ряде международных договоров, таких как, Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г., Европейская конвенция о консульских функциях 1967 г., в двусторонних консульских конвенциях, а также в актах национального законодательства.

Консульская защита носит превентивный характер для недопущения совершения международно-противоправного деяния со стороны властей государства пребывания в отношении граждан или юридических лиц иностранного государства, что может повлечь за собой причинение вреда и самому государству их гражданства или национальной принадлежности.

Консульские функции по защите прав и интересов граждан и юридических лиц, проживающих или временно пребывающих на территории государства - пребывания могут выполняться как на уровне консульского отдела дипломатического представительства аккредитующего государства в государстве пребывания, так и на уровне консульского учреждения представляемого государства в государстве пребывания. Разница в деятельности консульских учреждений и консульских отделов дипломатического представительства, направленных на защиту собственных граждан и юридических лиц в государстве пребывания заключается в том, что консульское учреждение ограничено в действиях, предпринимаемых в целях такой защиты пределами консульского округа.

В Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. говорится, «при выполнении консульских функций дипломатическое представительство может обращаться: а) к местным властям консульского округа; б) к центральным властям государства пребывания, если это разрешают законы, правила и обычаи государства пребывания или соответствующие международные соглашения» - ст.70 п.3. Согласно указанной статье, уровень сношения консульского учреждения и консульского отдела дипломатического представительства в государстве пребывания отличается. Уровень сношения консульского учреждения с властями государства-пребывания сводится к местным органам власти в пределах консульского округа, а вопросы, которые требует вмешательства центральных органов властей, решаются посредством дипломатического представительства, если иное не предусмотрено национальным правом государства пребывания.

В целях защиты нарушенных прав и интересов граждан представляемого государства консульское должностное лицо вправе обращаться с запросами к компетентным органам государства пребывания не только по жалобам граждан, но и по своей собственной инициативе. Консул должен следить, чтобы в отношении граждан представляемого государства строго соблюдались процессуальные нормы, обеспечивающие их право на защиту и объективный ход расследования

обстоятельств дела, а также соблюдались международные стандарты по правам человека. [Бобылев 2010: 33].

В числе региональных документов, регулирующих основы консульской защиты хотелось бы отметить Директиву Совета Европейского Союза 2015/637 от 20 апреля 2015 г. о мерах координации и сотрудничества в предоставлении консульской защиты гражданам, чье государство-член ЕС не представлено в третьих странах, а также об отмене Решения 95/553/ЕС (далее Директива).

В Директиве обосновывается право любого из государств-членов ЕС предоставлять дипломатическую или консульскую защиту гражданам других государств-членов ЕС, у которых отсутствуют дипломатические представительства и консульские учреждения на территории третьего государства. Это положение является подтверждением права на делегированную защиту, основа которого была заложена в Гаванских конвенциях 1928 г., в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., в Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. и в ряде других международно-правовых документов.

Согласно Венской конвенции 1961г. «аккредитуемое государство может, с предварительного согласия государства пребывания и по просьбе третьего государства, не представленного в государстве пребывания, взять на себя временную защиту интересов этого третьего государства и его граждан» - ст.46. Схожая норма содержится в Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., где в ст.8 говорится, что «после соответствующего уведомления государства пребывания консульское учреждение представляемого государства может, если государство пребывания не возражает, выполнять консульские функции в государстве пребывания от имени третьего государства».

В Директиве не раз подчеркивается необходимость предоставления защиты гражданам других государств-членов ЕС на территории третьего государства, где отсутствует представительство их государства - гражданства на тех же условиях и в той же мере, как и собственным гражданам самого государства, осуществляющего право на делегированную защиту. Однако Директива ни в коей мере не затрагивает вопросы консульских отношений между государствами членами ЕС и правовые средства, используемые в целях консульской защиты.

Согласно ст.14 Директивы, консульская защита государствами – членами ЕС предоставляется гражданам ЕС в случае ареста или задержания, болезни, смерти или серьезного происшествия (например, ДТП), для обеспечения возврата гражданина в государство - гражданства, в случае утраты или отсутствия документов и ряд других оснований, требующих вмешательства представительств государств.

Относительно разграничения дипломатической и консульской защиты, следует прежде всего отметить, что основанием для дипломатической защиты является нарушение международно-правовых норм, предусматривающих обязательство любого государства уважать права и свободы всех категорий населения и юридических лиц.

Дипломатическая защита является межгосударственным механизмом, основная цель которого заключается в восстановлении прав и интересов самого

государства гражданства, которые были нарушены вследствие нарушения международно-правовых обязательств одного государства перед другим.

Под дипломатической защитой следует понимать официальную деятельность государства по совершению, согласно международному праву, действий в пользу своих физических или юридических лиц в случае, когда бездействие или действия государства пребывания, противоречащие международному праву, повлекли за собой нарушение прав и интересов таких лиц или причинили им иной вред. [Нагиева 2019: 21].

В целях дипломатической защиты могут быть использованы исключительно мирные средства.

Таким образом, консульская защита в отличие от дипломатической защиты является обязанностью соответствующих органов внешних сношений и их сотрудников. Дипломатическую защиту ни в коем случае нельзя вменять в обязанность государства, так как каждое государство сохраняет за собой право использовать механизм дипломатической защиты с целью восстановления в первую очередь собственных прав и интересов в результате их нарушения противоправными действиями другого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года.
2. Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года.
3. Проект статей КМП о дипломатической защите 2006 года.
4. Директива Совета Европейского Союза 2015/637 от 20 апреля 2015 г. о мерах координации и сотрудничества в предоставлении консульской защиты гражданам, чье государство-член ЕС не представлено в третьих странах, а также об отмене Решения 95/553/ЕС.
5. Бобылев Г.В. Консульское право: Учеб. пособие. 2-е изд., доп. и испр. М., 2010.
6. Нагиева А. А. «Дипломатическая защита». М., 2019.

Нгуен Тхи Ким Ань

аспирант кафедры международного права
(Российский университет дружбы народов)

г. Москва

e-mail: kimanh.nguyen281293@gmail.com

ПРОЦЕДУРА УВЕДОМЛЕНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ И СОГЛАШЕНИЯ В РАМКАХ КОМИССИИ ПО РЕКЕ МЕКОНГ – ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Международная река Меконг является крупнейшей рекой в регионе Юго-Восточной Азии, пересекающей границы шести государств: Китай, Мьянма, Таиланд, Лаос, Камбоджа и Вьетнам. Комиссия по реке Меконг (далее КРМ) была сформирована в 1995 г. на основе учредительного документа «Соглашение о сотрудничестве по длительному развитию бассейна реки Меконг 1995 г.» в качестве основной региональной организации по урегулированию совместного

использования и развития реки Меконг. КРМ разработала пять следующих актов мягкого характера, управляющихся процедурными вопросами: Процедура обмена данными и информацией 2001 г., Процедура мониторинга водного использования 2003 г., Процедура уведомления, предварительной консультации и соглашения 2003 г., Процедура по сохранению потока на главном течении 2006 г., Процедура по водному качеству 2011 г.

Процедуры уведомления, предварительной консультации и соглашения (далее Процедуры) были одобрены Советом КРМ 30 ноября 2003 г. [1]. Процедуры состоят из преамбулы, семи статей и трех предложений, которые устанавливают обязательства прибрежных государств при планировании и реализации проектов на главном течении реки Меконг в целях предоставления необходимых данных и информации, касающейся использования воды внутри бассейна и межбассейновых отводов, а также укрепления взаимодействия и сотрудничества между государствами-членами КРМ для достижения устойчивого развития, управления и сохранения воды и водных ресурсов бассейна реки Меконг. Главными принципами осуществления Процедур являются: 1) суверенное равенство и территориальная целостность, 2) справедливое и разумное использование, 3) уважение прав и законных интересов и 4) добросовестность и гласность.

В соответствии с ст. 5 Соглашения любое использование воды на притоках внутри бассейна и межбассейновых отводов, включая озеро Топле Сап, а также на главном течении внутри бассейна во время влажного сезона должно быть предметом процесса Уведомления. Статья 5 также устанавливает, что процесс Предварительной консультации принимается в отношении: 1) межбассейнового отвода от основного течения во время влажного сезона, 2) внутреннего использования воды во время сухого сезона и, 3) межбассейнового отвода избыточного количества воды во время сухого сезона.

Национальный комитет Меконга несет ответственность за процедурный вопрос, за предоставление данных и информации о проектах или программах использования воды, предлагаемых Процедурой. Совместный комитет рассматривает и принимает замечания при необходимости через Секретариат КРМ. Ни Соглашение, ни Процедуры не определяют конкретный срок рассмотрения процесса Уведомления. Совместный комитет вправе потребовать у государства через Национальный комитет Меконга предоставить отчет об исследовании, план осуществления исследования, график построения и другие доступные данные, необходимые для имплементации процесса Уведомления.

Статья 1 Процедур устанавливает, что «главное (основное) течение реки Меконг – это река, пересекающая шесть государств», а притоком Меконга является «естественное течение системы реки Меконг, поток которой имеет существенное воздействие на главное течение». Вопрос формулирования определения «притока» и его правового статуса остается актуальным, в частности, словосочетание «существенное воздействие» не имеет соответственного разъяснения. Более того, Соглашение по р. Меконг 1995 г. (далее Соглашение) позволяет переформулировать и истолковывать такие термины в зависимости от обстоятельств, в результате чего существует огромный потенциал нарушения обязательств по защите окружающей среды на практике.

Развитие притоков реки Меконг на основе принципа взаимной выгоды в настоящее время является актуальной проблемой. Прибрежные государства признают «Вестфальскую интерпретацию суверенитета» в отношении притоков реки Меконг, которая утверждает, что принцип суверенного равенства имплицитен и не должен быть прямо признан или закреплен в договорах [2]. Государства провозглашают суверенное право на развитие притоков, находящихся в пределах национальной территории своего государства, в одностороннем порядке [3. С. 205], поскольку Процедуры являются актом рекомендательного характера.

Следует отметить некоторые моменты. Во-первых, Соглашение отменяет право вето прибрежных государств, а также принцип единогласного принятия решений, касающихся использования реки Меконг. Процесс предварительной консультации дает другим государствам бассейна (особенно государствам низовья) возможность выразить национальный интерес в отношении совместного использования реки Меконг в соответствии с Соглашением. При этом, оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) для предлагаемых проектов использования реки является важнейшим инструментом сохранения сбалансированного экономического развития и экологической стабильности. Во-вторых, существует довольно существенный пробел в правовой системе урегулирования использования реки Меконг. Речь идет об отсутствии концептуального определения терминов. Проект и программа использования притоков не подпадают под действие процедуры предварительной консультации, если их «значительное влияние» на главное течение не будет доказано [4. С. 150]. Отсутствие определения самого термина «значительное влияние» ограничивает правовую основу осуществления Процедуры на практике.

Процесс предварительной консультации был впервые применен на практике в 2010 г. для проекта ГЭС Хаябури правительством Лаоса. До настоящего времени Лаос является единственным государством, развивающим гидроэнергетику на главном течении реки Меконг по 6 следующим проектам: Хаябури (Xayaburi) – 2010 г., Дон Шахонг (Don Sahong) – 2014 г., Пак Бенг (Pak Beng) – 2016 г., Пак Лай (Pak Lay) – 2018 г., Луанг Прабанг (Luang Prabang) – 2019 г., Шанахам (Sanakham) – 2019 г.

Следует отметить, что Процедуры имеют некоторые недостатки. Во-первых, отсутствие конкретных критериев ОВОС позволяет государствам в одностороннем порядке предоставить отчет в соответствии с национальным законодательством. Итоговые отчеты не всесторонне отражают трансграничные социально-экономические, экологические, культурные воздействия предлагаемых проектов использования на экосистему, жизнь и здоровье местных жителей, проживающих вдоль реки Меконг. В-вторых, короткий 6-месячный срок проведения предварительной консультации недостаточен для обсуждения всех потенциальных вопросов. Последним и важнейшим недостатком, по мнению автора, является отсутствие контрольно-надзорного механизма императивного характера. До сих пор, правительство Лаос не предоставило дополнительные исследования о потенциальных трансграничных воздействиях проектов ГЭС Хаябури и Дон Шахонг, хотя такие ГЭС уже приступили к работе. Таким образом, Процедуры не

разрешают существенные проблемы и пробелы, которые порождают конфликтные ситуации между прибрежными государствами бассейна реки Меконг.

Статья 5.B.2 Соглашения устанавливает, что любой проект межбассейнового отвода от основного течения во время сухого сезона должен быть предметом Специального соглашения, направленного в Совместный комитет. Такое *ad-hoc* соглашение содержит разные договорные условия и требования ко времени и к количеству отвода воды.

Совместный комитет КРМ разработал Руководящие принципы имплементации Процедур уведомления, предварительной консультации и соглашения [5] от 21 августа 2005 г., которые разъясняют некоторые ключевые толкования терминов в Процедурах, например «своевременно», «содержание», «функции и ответственность национального комитета КРМ», а также роль и внутренние процедуры Секретариата КРМ. В свою очередь, обе Процедуры и Руководящие принципы имплементации имеют рекомендательный характер и не были ратифицированы государствами-членами. При этом, механизм разрешения споров, закрепленный в главе V Соглашение, является единственным выходом при наличии разногласий на практике. Однако, в соответствии с ним, механизм разрешения споров довольно абстрактен, потому как споры и разногласия могут решаться путем проведения переговоров в рамках КРМ или через дипломатический канал в соответствии с принципами общего международного права. Автор считает, что прибрежным государствам необходимо разработать наиболее эффективный механизм императивного характера с целью повышения эффективности урегулирования совместного использования реки Меконг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. MRC. Procedures for notification, prior consultation and agreement. Available at URL: <https://portal.mrcmekong.org/assets/v1/documents/Procedures-Notification-Prior-Consultation-Agreement.pdf>
2. Piirimäe, P. The Westphalian myth and the idea of external sovereignty. In H. Kalmo & Q. Skinner (Eds.), *Sovereignty in Fragments: The Past, Present and Future of a Contested Concept*. 2010. pp. 64-80. Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511675928.004
3. Bennett L. Bearden. The Mekong: The archetypal dissevered river basin. In: *Following the proper channels. Series: international water law series*. Brill. Vol. 6. 2018. Pp. 205-211.
4. Akistair Rieu-Clarke. Notification and Consultation procedures under the Mekong agreement: Insights from the Xayaburi controversy. *Asian journal of international law*. Vol. 5. Issues 1. 2014. Pp. 143-175.
5. MRC. Guidelines on implementation of the Procedures for notification, prior consultation and agreement. Available at URL: <http://www.mrcmekong.org/assets/Publications/policies/Guidelines-on-implementation-of-the-PNPCA.pdf>

Павельева Эвелина Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Понятие национального интереса неуловимо и расплывчато, поскольку государства формирует разные типы национального интереса, которые, так или иначе, сводятся к интересам в области экономики и безопасности. Именно эти интересы являются жизненно важными для государства, поскольку они обеспечивают выживание, выполняя требования национальной безопасности и экономического процветания. Европейский опыт интеграции показал, что развитие государств достаточно эффективно происходит в процессе их объединения, объединения их национальных интересов и для их национальных интересов.

В настоящее время активно ведутся дискуссии по вопросам национального интереса, его роли во внешней политике государств и важности в реализации целей при участии в интеграционных объединениях. Современные государства стремятся развивать международные отношения как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Внешняя политика государства формируется для защиты и продвижения ее национальных интересов в отношениях с другими участниками международных отношений. Внешняя политика отражает традиционные ценности государства и общую национальную политику, она представляет собой стратегии, методы, руководящие принципы и соглашения, которые используют национальные правительства, выступая на международной арене.

Современный период международных отношений характеризуется установлением между государствами различного рода отношений. Это дипломатические, экономические, образовательные, культурные, политические отношения. Отношения формируются на различных уровнях: на двусторонней основе, на региональном, субрегиональном или универсальном уровне. Важным фактором современности также является и то, что в международных отношениях участниками могут выступать не только государства, но и негосударственные субъекты. Данный фактор возникает из множества направлений внешней политики государств, а также из разных типов национальных интересов. Так, например, международные культурные отношения реализуются при непосредственном участии деятелей культуры, театров, международных выставок и фестивалей. Через таких агентов государство реализовывает свой национальный интерес, формируя благоприятный имидж, приобретая новых партнеров, в том числе и в экономической сфере.

Политическое сотрудничество государств, в настоящее время, более активно развивается на полях форумов и международных площадок, где происходит единение политических и экономических идей без передачи суверенных прав. Это говорит о том, что национальные интересы государства продвигаются, без ущерба для его суверенитета. В то же время, государства не менее активно создают и интеграционные объединения, в которых формируют

взаимоотношения на взаимном исполнении обязательств, на передаче части суверенных прав на наднациональный уровень. Стоит согласиться с Х. Булломом, что международное сообщество можно считать сформированным, когда группа государств, осознающих свои определенные общие интересы и ценности, формирует общество в том смысле, что они считают себя связанными общим набором правил в своих отношениях друг с другом, и участвуют в работе общих институтов [1]. Исходя из этого определения, интеграция представляет собой конструкцию, в которой государства выражают способность признавать и соблюдать общие правила взаимодействия, разделяя общую ответственность за функционирование институтов, которые совместно создают. Более того, группа государств, в рамках интеграционного объединения, не просто образует систему в том смысле, что поведение каждого является необходимым фактором в расчетах других, но также устанавливает путем диалога и согласия общие правила и институты для поведения своих отношений и признает их общую заинтересованность в поддержании этих договоренностей [2].

При интеграционном объединении государства отказываются от некоторой части своего национального суверенитета, с целью достижения совместных экономических и политических целей. Так, начало европейской интеграции было положено с зоны свободной торговли, что переросло в таможенный союз и как следствие в общий рынок. За экономической интеграцией последовала интеграция в социальной и политической сферах, не обошла стороной интеграция и такие области, как культурная, образовательная и другие. Европейский союз, тем не менее, не государство и не станет им, поскольку государства стремятся укрепить остатки своего суверенитета и, несмотря на формирование общих наднациональных интересов, все же стремятся продвигать как на универсальном, так и на интеграционном уровне свои национальные интересы.

Положения ст. 1 Договора о ЕС [3] закрепляют объединение для достижения общих целей, а в ст. 2 уже речь идет о внутреннем рынке, экономическом и валютном союзе, свободе перемещения лиц и что немало важно об объеме компетенции в международном общении. В частности, п. 5 ст. 2 установлено, что в своих отношениях с остальным миром Союз отстаивает и продвигает свои ценности и интересы и способствует защите своих граждан. Данная формулировка представляет интерес, в связи с тем, что государства определили Союз как самостоятельную единицу, способную обладать своими ценностями и интересами. Очевидно, что данная норма должна толковаться совместно с нормами статей 4 и 5, где речь идет о компетенции государств и действии принципов пропорциональности и субсидиарности. Государства все же оставили за собой способность самостоятельно, суверенно определять и продвигать свои национальные интересы. Однако ст. 20 устанавливает, что более тесное сотрудничество между государствами возможно для достижения целей Союза, иные статьи о взаимодействии, в первую очередь, провозглашают в качестве основных именно цели Союза. Исходя из этих положений становится очевидно, что государства, создавая Европейский союз не только передали ему часть своих суверенных прав, но вместе с этим создали общие наднациональные интересы. Учитывая принцип согласования воли государств при создании норм

международного права можно прийти к выводу, что государства, руководствуясь национальными интересами, вступают в интеграционные объединения с целью достижения благополучия в экономической, политической сфере, провоцируют создание наднационального интереса, который, в свою очередь, оказывает влияние на национальный интерес государств-членов данного объединения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=dskcBQAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR34&ots=eRww6PZM4r&sig=yXumNYyPqbMQBPasltiw7k446rk&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false
2. Bull H., Watson A. The expansion of international society [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://pdfs.semanticscholar.org/fcd9/de02c81eb6bc93cfaef542b202f11d6ba36b.pdf>
3. Consolidated versions of the treaty on European union and the treaty on the functioning of the European union [Электронный ресурс] // Режим доступа: // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12016ME/TXT&from=EN#d1e32-13-1>

Пасикова Татьяна Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент

(Ростовский филиал Российского государственного университета
правосудия)

(Ростовский государственный экономический университет)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: tatyana-plotko@yandex.ru

О ПРАВЕ ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЫ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РФ

Внесенные в Конституцию РФ [1] изменения коснулись и статьи 79, регулирующей участие РФ в межгосударственных объединениях. В частности, в новой редакции данная статья пополнилась указанием на то, что «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Естественно, что одним из первых вопросов, который возник в связи с дополненным содержанием статьи 79 Конституции, стал вопрос о том, каким образом указанные положения отразятся на возможности граждан России получать защиту своих прав и интересов в Европейском суде по правам человека (далее ЕСПЧ)?

Данный вопрос возник еще на стадии разработки поправок и, в рамках ответа на него, сопредседатель рабочей группы по подготовке предложений о внесении изменений в Конституцию РФ Андрей Клишас пояснил, что «Россия

последовательно выполняла и будет выполнять все свои международно-правовые обязательства и оставаться ответственным членом международного сообщества. Соответственно, поправки не затронут право гражданина РФ обращаться в случае необходимости в ЕСПЧ» [2].

Следует отметить, что для российских граждан этот вопрос не является теоретическим, так как в последние годы именно Россия занимает первое место по обращениям в ЕСПЧ, лидируя с весьма существенным отрывом почти в 2 раза по отношению к следующей стране участнику (примерно 15 тыс. обращений россиян, далее следует Турция около 9 тыс. обращений) [3].

Возможность обращения в ЕСПЧ при исчерпании возможностей внутринациональной защиты является для нашей страны не только гарантией правосудия, но и показателем определенных, в том числе политических, либеральных свобод.

Именно поэтому, увидев новую редакцию статьи 79 Конституции РФ, многие стали говорить о том, что изменения напрямую направлены на ограничение, а в перспективе и полное нивелирование защитной деятельности ЕСПЧ для российских граждан [4].

Стоит сказать, что опасность воздействия именно данной редакции статьи 79 Конституции на право обращения граждан РФ в ЕСПЧ представляется преувеличенной.

Во-первых, непосредственно возможность обращения в ЕСПЧ ни новой, ни старой редакцией статьи не затрагивается никоим образом, речь идет именно о возможности неисполнения Россией определенных решений. Естественно, что формальный подход здесь не скрывает сути – при отсутствии исполнения решения определенного органа - обращения в него просто утрачивают смысл.

Во-вторых, как и большинство иных поправок, изменения, внесенные в 79 статью, просто перенесли в Конституцию фактически уже существующую и прописанную в правовом поле ситуацию – так и до внесения поправок решения ЕСПЧ могли ставиться под сомнения Конституционным судом РФ (считается, что начало было положено делом «ЮКОСА»). Официально с 2015 года на основании п. 2 ст. 104.4. ФЗ «О конституционном суде РФ» [5] существует право признать исполнение решения ЕСПЧ «невозможным».

В-третьих, участие РФ в Конвенции является добровольным, как и, по большому счету, исполнение принятых ЕСПЧ решений. И до принятия поправок в Конституцию далеко не все решения ЕСПЧ исполнялись. Как правило, неисполнение касалось тех предписаний, которые указывали на необходимость изменения внутреннего законодательства с точки зрения соответствия его Конвенции. А вот решения, касающиеся компенсаций за нарушения прав конкретных лиц, исполнялись и исполняются почти в полном объеме.

Таким образом, стоит сделать вывод о том, что новая редакция статьи 79 Конституции РФ в настоящее время не изменяет существенным образом возможность для граждан РФ обращаться в ЕСПЧ за защитой своих прав и интересов. Но при этом, возможно, является очередным шагом для утверждения самостоятельности России в формировании национального законодательства, в том числе, и наперекор, международному сообществу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. <https://ria.ru/20200124/1563824746.html>
3. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/01/29/821786-chislo-zhalob>
4. <https://www.mk.ru/social/2020/07/05/espch-bolshe-ne-ukaz-kuda-budut-zhalovatsya-rossiyskie-osuzhdennye.html>
5. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.

Рахман Анита Зульфизуровна
аспирант кафедры международного права
(Российский университет дружбы народов)
г. Москва
e-mail: anita.rahman@mail.ru

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ ИЗ ЧИСЛА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В РАМКАХ МЕЖАМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Окончательное становление межамериканской системы защиты прав человека в Америке ознаменовалось учреждением Организации Американских Государств в 1948 году. Согласно п. «а» ст. 45 Устава ОАГ, каждый человек имеет право на материальное и духовное благополучие независимо от расы, пола, национальности, вероисповедания, социального положения[1]. Также основополагающие права человека содержатся в положениях Американской декларации прав и обязанностей человека 1948 года, Американской конвенции по правам человека 1969 года и Сан-Сальвадорского Дополнительного протокола к ней 1988 года.

В рамках межамериканской системы на сегодняшний день не существует отдельного документа, регламентирующего права детей из числа коренного населения, однако, естественным образом, за ним признается весь спектр коллективных прав, присущих аборигенным племенам: право на самоопределение, исконные земли, ведение традиционного образа жизни, сохранение и поддержание собственной культуры, языка, обычаев, пользование природными ресурсами и другие.

В соответствии с исследованиями Чилийского северного католического университета (Universidad Católica del Norte), в рамках межамериканской системы существует 2 основных юридических инструмента, обеспечивающих права детей аборигенного населения, на которые опирается МСПЧ при вынесении решений:

- фундаментальные принципы, заложенные в документах по правам человека универсального уровня;
- национальное законодательство латиноамериканских государств [10].

Как отмечает МСПЧ, дети из числа индейцев находятся под усиленной юридической защитой, поскольку относятся одновременно к двум уязвимым категориям лиц – и детям, и коренным народам. В деле «Читай Неч против Гватемалы» Суд упоминает ст. 19 Американской конвенции по правам человека, подтверждающую уважение к правам мальчиков и девочек, и обязательство государства предоставлять им гарантии для ведения нормальной жизнедеятельности в традиционной среде [2].

Как указывает МСПЧ в деле «Коренная община Ксакмок Касек против Парагвая», ребенок признается в качестве полноценного субъекта права, а не просто объекта защиты, из чего следует, что они обладают всеми положенными им гражданскими правами. Исходя из этого, существуют определенные обязательства в отношении детей со стороны членов семьи, общества и правительства. Более того, в данном деле Суд признает, что права и интересы детей из числа коренных народов должны превалировать всегда, когда о них заходит речь [3].

Суд акцентирует внимание на отсутствие надлежащей юридической защиты государственными властями детей из числа коренных народов как субъектов права. Например, в деле «Народ Алубуту против Суринама» он указал на неэффективность действий государственных органов в отношении детей общины, к которым требуется относиться, как к обладателям конкретных прав наравне с ее взрослыми представителями [4].

Несомненно, дети членов коренных общин обладают правом на достойное существование и самобытное развитие. Как гласит одно из положений, выдвинутых Судом в деле «Коренная община Якие Акса против Парагвая», надлежащий уровень жизни включает в себя далеко не просто возможность существования, но существование в пригодных и привычных для человека условиях [5]. Если говорить о детях, то для них достаточные жизненные условия – комплексный фактор, обеспечивающий их физическое, ментальное, духовное, моральное, психологическое и социальное развитие, а именно право на образование с учетом традиционных особенностей, хорошее здоровье, доступ к медицинским услугам, водным ресурсам, продовольствию. Только полный набор этих прав способен гарантировать детям благосостояние.

Хотя дети из числа коренного населения обладают правом на недискриминацию, МСПЧ сталкивается со случаями его несоблюдения. Показательным примером здесь может послужить дело «Община Мапирипан против Колумбии», где Суд указывает на отсутствие гарантий и защиты их от актов дискриминации, несмотря на то что это право представляет собой обязательство *erga omnes* [6]. МСПЧ напоминает государствам их неотъемлемую задачу с особыми усилиями обеспечивать детям аборигенов надлежащую защиту от подобных случаев.

За детьми индейцев закрепляется также и право на выражение мнения, участие в общественной жизни, свободное, предварительное и осознанное согласие. В связи с этим, рассмотрим одну из рекомендаций, сформулированных МСПЧ по делу «Народ Кичва против Эквадора», гласящее, что данное право закрепляется за всеми возрастными категориями коренного населения - за всеми мужчинами и женщинами, молодежью, мальчиками и девочками [7].

Ввиду вопроса гендерного неравенства в Латинской Америке, затрагивающей и аборигенов, МСПЧ обращает внимание на этот вопрос. Например, в деле «Росендо Канту и другие против Мексики» Суд заявляет, что массовые насилия сексуального характера подрывают не только состояние женщины или девочки, но и культурный, социальный, семейный факторы коренного народа [8].

МСПЧ подчеркивает: к сожалению, на континенте существует серьезная проблема многочисленных нарушений прав человека, что, очевидно, сказывается наиболее тяжелым образом на пожилых людях, женщинах и детях. Согласно положениям дела «Жертвы Рио Негро против Гватемалы», огромное число не соблюдения прав человека заставляет детей аборигенного населения страдать от насильственных перемещений, несправедливости властей, пыток и истязаний, похищений, сексуального насилия и иных жестоких деяний [9]. Защита детей из числа коренных народов должна соответствовать ст. 8 и 25 Американской конвенции 1969 года. По п. 1 ст. 8, в ходе разбирательства каждый имеет право на гарантии на основе полного равенства», а в соответствии со ст. 25, каждый без исключения вправе обратиться в компетентный суд для защиты от действий, нарушающих его основные права, закрепленные в конституции, национальном законодательстве или настоящей Конвенции [2]. Эти нормы гарантируют детям из числа коренных народов не просто осуществление права на жизнь, а права на полноценную жизнедеятельность.

Исходя из всех вышесказанных рассуждений, МСПЧ разработал меры для национальных латиноамериканских правительств по увеличению эффективности защиты прав детей из индейских племен:

- министерствам и иным государственным структурам проводить регулярные и тщательные исследования;
- иметь в виду мнение непосредственно самих детей из числа коренных народов и адекватно руководствоваться полученной информацией;
- имплементировать в национальное законодательство меры по их адаптации в обществе;
- обеспечить надлежащую защиту их прав с учетом традиционных особенностей и потребностей;
- расширить ряд специальных мер в отношении защиты детей из числа коренного населения, подвергающихся сексуальному насилию или иным формам жестокого обращения;
- гарантировать им право на то, чтобы быть услышанными и иметь возможность выразить свою позицию;
- в процессе разрешения вопросов, связанных с переселением коренных общин, свести к нулю количество потенциального морального вреда и физических повреждений в отношении детей [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устав Организации Американских Государств 1948 года. [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902051>. Дата обращения: 09.10.2020.

2. Американская конвенция по правам человека 1969 года. [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/2559460/>. Дата обращения: 09.10.2020.
3. Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso «Comunidad Indígena Xákmok Kásek vs. Paraguay». 2005. Serie C. № 214. Párr. 248. P. 64.
4. Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso «Aloeboetoe vs. Surinam». 1993. Serie C. № 216. Párr. 206. P. 75.
5. Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso «Comunidad Indígena Yakye Axa vs. Paraguay». 2005. Serie C. № 125.
6. Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso «Masacre de Mapiripán vs. Colombia». 2005. Serie C. № 134. Párr. 178. P. 116.
7. Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso «Kichwa vs. Ecuador». 2012. Serie C. № 245. Párr. 21. P. 9.
8. Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso «Rosendo Cantú y otra vs. México». 2010. Serie C. № 217. Párr. 184.
9. Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso «Masacres del Río Negro vs. Guatemala». 2017. Serie C. № 211. Párr. 108.
10. Mylene Valenzuela Reyes. Revista de Derecho Universidad Católica del Norte. № 2. 2016. P. 211-240.
11. Nogueira Alcalá H. «Los derechos esenciales o humanos contenidos en los tratados internacionales y su ubicación en el ordenamiento jurídico nacional: doctrina y jurisprudencia». 2018. Revista Ius et Praxis. Vol. 9. №1. P. 403-466.

Смирных Сергей Евгеньевич
кандидат юридических наук
ученый секретарь Российской Ассоциации
международного права
научный сотрудник сектора международного права
(Институт государства и права Российской академии наук)
г. Москва
e-mail: marya_babanova@inbox.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРОПОРЯДКЕ

Торговля детьми является преступлением, которое должно рассматриваться как форма организованной преступности, связанная с другими преступлениями, и как приоритет в сфере международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Высокая прибыль от трудовой и сексуальной эксплуатации в ряде случаев способствует отмыванию денег и может позволить торговцам детьми заниматься другой преступной деятельностью и достичь экономической, социальной или даже политической власти. Торговля детьми связана с более традиционной преступной деятельностью, такой как торговля наркотиками, кража транспортных средств, торговля оружием и отмывание денег.

Современные масштабы транснациональной организованной преступности, взаимосвязь транснациональных криминальных корпораций с террористическими

организациями стали существенной угрозой международной безопасности и безопасности отдельных государств [1].

При этом необходимо иметь в виду, что предупреждение преступности представляет собой целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений [2].

Торговля детьми представляет собой одну из наиболее сложных и важных проблем современного мира. В современном мире практически не проводилось никаких специальных исследований в отношении детей, ставших жертвами международной торговли. Между тем, торговля детьми широко распространена в таких областях как сельское хозяйство, фабричная работа, рыболовство, домашнее хозяйство. При этом, торговля детьми должна пониматься в более широком контексте социальных и экономических факторов, которые лежат в основе передвижения людей внутри стран или между ними, и которые способствуют транснациональной преступности. Ежегодно сотни тысяч детей становятся жертвами торговли в целях сексуальной эксплуатации. Многие показатели свидетельствуют о росте числа жертв торговли детьми [3].

Торговля детьми — это процесс, в ходе которого детей похищают или вербуют в странах происхождения, передают через транзитные регионы, а затем эксплуатируют в странах назначения. Все три этапа могут происходить в пределах границ одной страны. Принудительные или обманные методы торговли детьми различаются. Кроме того, формы эксплуатации различаются, хотя в течение нескольких лет основное внимание уделяется сексуальной эксплуатации, а не принудительному труду и другим формам эксплуатации. Недостаточная осведомленность об этом преступлении часто является следствием неспособности идентифицировать жертв и предупредить торговлю детьми в современном меняющемся миропорядке.

Выявление истинных масштабов торговли детьми остается сложной задачей. Во-первых, в каждой стране существуют собственные определения данного вида преступлений, разные системы отчетности и способы регистрации преступности, в том числе торговли детьми. Во-вторых, правоохранительные органы должны определить, были ли конкретные жертвы на самом деле жертвами торговли детьми. Дети, как потенциальные жертвы торговли людьми, часто работают на законных основаниях или считаются соучастниками преступлений. В-третьих, эти проблемы часто усугубляются ограниченными ресурсами для расследования случаев торговли детьми, а также коррумпированностью должностных лиц [4].

По оценкам Международной организации труда, минимальное число лиц, занятых на принудительных работах, включая сексуальную эксплуатацию в результате торговли детьми составляет 2,5 миллиона человек. Из них 1,4 млн. находятся в Азии, 270 000 - в промышленно развитых странах, 250 000 - в Латинской Америке и Карибском бассейне, 230 000 - на Ближнем Востоке и в Северной Африке [5].

В 2000 году Организация Объединенных Наций приняла Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против организованной преступности. В то же время был принят Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, воздуху и морю 2000 г. (Протокол против незаконного ввоза мигрантов), дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности.

Кроме того, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние, долговая кабала, принудительное попрошайничество, принудительные браки, проституция детей или другие формы сексуальной эксплуатации представляют собой нарушения прав детей, а их многочисленные нарушения в современном мире свидетельствует о неблагополучии современного мироустройства, падении общего уровня культуры и международного общения [6]. В связи с этим необходимо иметь в виду, что для защиты прав детей от любых форм эксплуатации необходимо соблюдение принципа наилучших интересов детей [7].

Торговлю детьми необходимо рассматривать как угрозу безопасности государству и мировому сообществу. Остается открытым вопрос о том, какую угрозу представляет собой торговля детьми. Традиционные подходы к торговле детьми, основанные на безопасности, требуют анализа торговли детьми как угрозы государству.

Торговля детьми предполагает различные виды незаконной деятельности, включая сексуальную эксплуатацию, принудительный труд, долговую кабалу, рабство и сходные с рабством обычаи, крепостное право и принудительные браки [8]. Торговцы детьми применяют стратегии, начиная с похищений и заканчивая объявлениями о работе для нянь, официантов или танцовщиц [9].

Торговля детьми включает любые действия, связанные с вербовкой, транспортировкой, покупкой, продажей, передачей, получением или укрывательством лиц, связанных с использованием обмана, принуждением или долговым рабством с целью размещения или удержания лиц в принудительном или не принудительном рабстве (домашнем, сексуальном или репродуктивном) или в условиях подневольного или рабского труда).

Во многих странах мира торговля детьми и жестокое обращение с ними по-прежнему скрывается, отрицается, широко проявляется терпимость к этим явлениям. Трудно оценить масштабы торговли и жестокого обращения с детьми и вероятные тенденции развития, так как официальные данные часто преуменьшают серьезность истинного положения дел [10].

Торговля детьми не может рассматриваться в отрыве от ее причин и отдельных участников, либо организаций, с которыми она взаимодействует. В ходе своей деятельности торговцы детьми часто взаимодействуют с физическими и юридическими лицами, которые добровольно или неосознанно извлекают выгоду из этого незаконного бизнеса или поддерживают его.

Торговля детьми представляет собой сложное явление, вызванное огромным ростом мирового секс-рынка. Эксплуатация детей обусловлена бедностью, неравномерным развитием, коррупцией, дискриминацией по признаку

пола, вредными традиционными и культурными традициями, гражданскими беспорядками, стихийными бедствиями и отсутствием политической воли, необходимой для того, чтобы положить этому конец.

Важным направлением деятельности Организации Объединенных Наций является предупреждение преступности, насилия в отношении девочек, жертв убийств, торговли детьми, насилия в отношении детей, верховенства права, доступа к правосудию, организованной преступности, торговли оружием, коррупции и терроризма. При этом последствием торговли детьми может стать трудовая и сексуальная эксплуатация. Для того, чтобы гарантировать детям, защиту от насилия, дискриминации, принудительного труда, необходимо осуществлять эффективные стратегии в области предупреждения преступности и уголовного правосудия [11].

В заключение следует отметить, что для совершенствования предупреждения торговли детьми в современном меняющемся миропорядке необходимо принять Конвенцию Организации Объединенных Наций «О предупреждении торговли детьми», которая могла бы стать основой предупреждения торговли детьми и предусмотреть в ней определение основных понятий, таких как предупреждение торговли детьми, эксплуатация детей, международное сотрудничество в области предупреждения торговли детьми и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов Э.А. Система международно-правового регулирования борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. Автореф. дисс.... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 1.
2. Криминология / А.И. Долгова. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 266.
3. Борьба с торговлей людьми и защита жертв торговли людьми. Курс HELP. М.: Статут, 2018. С. 18.
4. Paraskevas A. Human trafficking in hotels: an «invisible» threat for a vulnerable industry //International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2018. № 3 (30). P. 2000.
5. Touzenis, K. Trafficking in human beings: human rights and transnational criminal law, developments in law and practices. 2010. P. 7.
6. Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: Доклады членов РАН. /Под ред. А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 259.
7. The International Journal of Children’s Rights. 2002. Vol. 10. № 4. P. 315.
8. Jordan A.D. The Annotated Guide to the Complete UN Trafficking Protocol. Washington, DC: International Human Rights Law Group. 2002. PP. 9-10.
9. Hughes D.M. The Natasha Trade: The Transnational Shadow Market of Trafficking in Women // Journal of International Affairs 53. no. 2. 2000. P. 634.
10. Иванова В. Противодействие насилию и продаже людей // Юридическая панорама. 2006. № 10. С. 21.
11. Четырнадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию Киото, Япония, 20–27

апреля 2020 г. Вопросы верховенства права, предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте целей в области устойчивого развития. Доклад директора-исполнителя. С. 7-8.

Тарасова Анна Евгеньевна
кандидат юридических наук, доцент
заведующая кафедрой международного права
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: aetarasova@sfnedu.ru

УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: УРОКИ 2020

В 2020 году отмечается 75-летие Организации объединенных наций, с указанной организацией связывают полноценное формирование универсальной системы защиты прав человека, несмотря на то, что ООН, прежде всего, создавалась как гарант мира и безопасности во всем Мире. Последствия двух мировых войн, окончание Второй Мировой войны, в ходе которой был нанесен существенный удар по человечеству, его правам и свободам, безусловно, навсегда связали понятия мира и прав человека. Термин «права человека» упоминается в Уставе ООН¹ семь раз. В Преамбуле Устава ООН закреплена *«решимость вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций»*, а в статье 1 Устава ООН в качестве одной из целей Организации закреплена *«осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии»*.

Однако в самом Уставе ООН не нашел закрепление перечень основных прав человека, и универсальный Билль о правах сформировался на основе и с учетом принципов ООН и ее Устава, начавшись со Всеобщей Декларации прав человека, провозглашенной 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН. Как отмечает Кристиан Томушат *«будучи резолюцией Генеральной Ассамблеи, ВДПЧ так и не получила статуса свода обязательных правил, однако стала источником вдохновения и не только побудила к процессу кодификации в рамках Организации Объединенных Наций, но и стала образцом для национальных конституций во всем мире»* [1]. Представляется, что именно эта особенность выражает непосредственную связь национальных правовых систем (через основной закон – Конституцию страны) и универсальной правовой системы для формирования единых стандартов в области прав человека². В свою очередь, на современном этапе региональные системы прав

¹ Устав Организации Объединенных Наций был подписан 26 июня 1945 года в Сан-Франциско по завершении Конференции Организации Объединенных Наций по международной организации, и вступил в силу 24 октября 1945 года.

² Несмотря на то, что СССР воздержался от голосования за Всеобщую Декларацию прав человека в 1948 г., положения данной Декларации, развитые в других, уже международных договорах, в области прав человека, участником которых является РФ, по правопреемству от СССР, нашли

человека (Межамериканская, Африканская, Европейская), имея свои существенные особенности и отличия друг от друга, что обусловлено региональной спецификой, призванной отражать наиболее четко национальные черты государств, относящихся к данным региональным системам, в результате эволюции как прав человека, так и международных инструментов в области прав человека, в некотором смысле вступают в конкуренцию с универсальной системой защиты прав человека. Особенно это касается тех региональных систем, правовые стандарты которых обеспечиваются международными региональными судами и их практикой.

В целом, принято считать, что универсальный Билль о правах человека формируют: Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., а также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) 1966 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) 1966 г. Специалисты в области международного права добавляют в Билль о правах принятую на год ранее Пактов, Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации в 1965 года, и продолжающие Билль о правах человека универсальные акты в области борьбы против дискриминации, в частности, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятую Генеральной Ассамблеей в 1979 году. Основу современного (сформировавшегося после Второй Мировой войны) универсального Билля о правах человека составляет Устав ООН.

Универсальная система представлена и институционально созданными международными органами, которые призваны обеспечивать применение универсальных норм и претворение их в жизнь в национальных государствах, т.е. на местах, без чего сами по себе обязательства государств, закрепленные в международных договорах, а также цели и принципы, провозглашенные в декларативных документах, не имели бы эффективных способов их исполнения. Эта институциональная система состоит из Совета по правам человека, созданного в 2006 г.¹. Механизм деятельности Совета по правам человека ООН состоит в транспарентном обсуждении национальных проблем в области защиты прав человека, и включает в себя такую важную процедуру, как универсальный периодический обзор. Данная процедура предполагает, что все государства — члены ООН согласились подвергнуться всеобъемлющей проверке своей деятельности в области прав человека, проводимой в форме обзора со стороны других государств, который открыто обсуждается в рамках диалога государств и завершается формированием рекомендаций в адрес государства, исключительно к компетенции которого относится принимать или не принимать те или иные рекомендации. Универсальную институциональную систему также составляют экспертные органы и так называемые договорные органы, предусмотрены не только процедуры докладов национальных государств, но и процедуры предоставления жалоб физическими лицами (некоторые договоры по правам человека предусматривают процедуру подачи жалоб).

Ценность универсальной системы заключается в установлении наиболее оптимального баланса таких категорий как «международное» и «национальное». Этому способствуют два принципа: диалога (или сотрудничества государств) и

полноценное закрепление на национальном уровне и в настоящее время им в полной мере соответствует глава 2 Конституции РФ (права и свободы человека и гражданина).

¹ Однако уже в 2018 году из данного Совета вышли США

субсидиарности. Как отмечает К. Томушат, «диалог с государствами рассматривается как способ убеждения в необходимости перемен. Тем не менее, в соответствии с принципом делегирования полномочий работа на местах должна оставаться в ведении государственных органов власти. Лишь некоторые конкретные функции были переданы учреждениям Организации Объединенных Наций»¹ [1].

В то же время сохранение и удержание баланса «международное» и национальное» на универсальном уровне посредством механизмов универсальной системы прав человека не является простой задачей, и в современных условиях предпринимаются попытки пересмотреть указанный механизм и его устойчивость. Это связано с выходом отдельных государств из органов ООН, расширением политической составляющей в компетенции СПЧ в рамках положений МПГПП (вместо деятельности договорных органов), что подчеркивает разделенность на универсальном уровне гражданских и политических прав, с одной стороны, социальных, экономических и культурных прав, с другой стороны. Предпринимаются попытки пересмотреть такой механизм сдержек, как право вето постоянных членов Совета Безопасности ООН на пути к преодолению национальных режимов нарушения прав человека, когда понятие международного мира и безопасности истолковывается широко как международная категория, включающая в себя нарушения международного правового порядка в области прав человека. В этом аспекте стирается различие между категориями «национальное» и «международное» и открывается путь для вмешательства во внутренние дела государств, что вступает в противоречие с принципами универсальной системы прав человека. Поэтому трудно согласиться с мнением некоторых специалистов, что институт «право вето» является рудиментом системы ООН и не позволяет адекватно реагировать на нарушения прав человека на местах в государствах, когда такие нарушения можно квалифицировать как нарушения международного правового порядка в области прав человека.

Смещение в сторону «не subsidiarity» имеет место, как тенденция, и на уровне международных региональных систем прав человека. Наиболее ярким примером служит Европейская система. Именно те системы, в которых, были созданы в качестве обеспечивающих обязательства государств в области прав человека, механизмы, получившие делегирование прав от государств, в качестве международных судов (Европейская система, Межамериканская система), наблюдается изменение баланса категорий «международное» и «национальное». Для придания устойчивости международным системам прав человека на региональном и национальном уровне предпринимаются попытки конвенционно закрепить принцип «субсидиарности» (Протокола N 15 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод), а также внести сдерживающие механизмы на национальном уровне, закрепляя в национальных Конституциях положения о соотношении международного права, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров, решений межгосударственных органов и национальной Конституции.

---

¹ Например, Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев заботится о судьбе людей, спасающихся от вооруженных конфликтов, преследований или стихийных бедствий в своих странах, то есть решает задачи, которые не в состоянии решать отдельные государства. Аналогичным образом задачей Всемирной продовольственной программы является обеспечение продовольствием и жильем людей, находящихся в бедственном положении

Полезным является исторический анализ эволюционирования международных региональных систем прав человека, их сравнение между собой в части учета специфики объединяемых национальных систем, их интересов, объема делегирования прав и достижения консенсуса в области прав человека, а также соотношения региональных и универсальной систем через призму обеспечения и учета мирового странового многообразия и эффективности решения проблем в области прав человека на местах.

За 75-летний период развития международной универсальной и на ее основе международных региональных систем прав человека достигнут существенный прогресс в области обеспечения и защиты прав человека. Поэтому необоснованными и нелогичными видятся предпринимаемые попытки в сторону иного соотношения и смещения категорий «международное» и «национальное», а также исключения механизмов сдержек. К сожалению, приходится констатировать, что разрыв между эффективностью и международным активизмом в области гражданских, политических прав, с одной стороны, социальных, экономических и культурных, прав с другой стороны, сохраняется. Таким образом, не преодолена проблема делимости прав человека (в этом аспекте интересно обратиться к Африканской системе прав человека, в которой нашли закрепление не только права человека, но и народов (коллективные права), а также обеспечен единый неделимый подход ко всей системе прав политических, гражданских, социальных, экономических, культурных. Однако страны этой системы имеют иные сдерживающие политические проблемы от эпохи колониализма и колониальной зависимости).

Таким образом, для всех систем прав человека, на универсальном и региональном уровне сохраняется опасность гипертрофированного понимания прав политических для перемещения акцента на уровень «международного» и попыток вмешательства во внутренние дела государств без эффективного решения на международном уровне проблем в области иных более значимых, на наш взгляд, категорий прав человека. При этом выдвигаются не вполне соответствующие вызовам времени предложения отказаться от системы национальных, региональных и универсальных сдержек, что разрушит основополагающие принципы сотрудничества, диалога государств и учета всего национального многообразия Мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. К. Томушат «Защита прав человека в соответствии с универсальным международным правом» // <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21878>

Титова Татьяна Александровна
кандидат юридических наук, доцент
(Уральский государственный юридический университет)
г. Екатеринбург
e-mail: titova_tatyana75@mail.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЁНКА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПАКТА О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

Конвенция о правах ребенка 1989 г. (далее – Конвенция) является комплексным документом в области защиты прав ребенка. В ней учтены не только «существующие нормы, касающиеся прав ребенка и история их толкования» [1], но и опыт регламентации и реализации прав человека, закрепленных в предшествующих международных документах, принятых под эгидой ООН.

Когда обсуждался вопрос о ее создании, высказывались опасения, что принятие отдельного юридически обязательного документа, посвященного детям, причинит вред договорному процессу в области прав человека или уменьшит юридическую силу международных пактов о правах человека или, более того, негативно отразится на правах самого ребенка. После вступления в силу Конвенции эти сомнения перешли в критику. Попробуем проанализировать, насколько верны эти замечания.

Взаимосвязь указанных международных договоров отражена в преамбуле Конвенции. В ней говорится о том, что необходимость в особой защите о ребенке была предусмотрена, помимо Женевской декларации 1924 г., Декларации прав ребенка 1959 г., Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г (ст. 23, 24), в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 10).

Некоторые права, закрепленные в Международных пактах о правах человека, отражены в Конвенции. Однако их формулировки разнятся: если положения Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) непосредственно обращены к индивиду, то большинство положений Конвенции сформулированы через обязательство государств-участников «уважать», «защищать», «обеспечивать», «признавать» права ребенка и здесь сложно определить логику создателей.

Например, и ст. 6 МПГПП и ст. 6 Конвенции закрепляют право на жизнь, но первая говорит о том, что оно «есть неотъемлемое право каждого человека», а во второй «государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь». Или: «Государства-участники уважают право ребенка на свободу мысли, совести и религии» (п. 1 ст. 14 Конвенции) в отличие от п. 1 ст. 18 МПГПП: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и вероисповедания».

Остановимся подробнее на ст. 14, поскольку именно ее используют в качестве основания для критики Конвенции. Попробуем ее проанализировать, учитывая все замечания со стороны оппонентов. Первое из них уже было отражено – различная форма закрепления прав на свободу мысли, совести и религии в Конвенции и в МПГПП. Второе замечание – п. 1 ст. 14 лишь закрепляет данные права, но не раскрывается их содержание.

И последнее относится к п. 2 ст. 14: «Государства-участники уважают *права и обязанности* родителей и в соответствующих случаях – законных опекунов *руководить ребенком* в осуществлении его *права* методом, согласующимся с

развивающимися способностями ребенка», которое в значительной степени отличается от ст. 18 п. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая содержит обязанность государств-участников «уважать *свободу* родителей и в соответствующих случаях законных опекунов *обеспечивать религиозное и нравственное воспитание* своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями».

Критики указывают на разницу и не в пользу нормы Конвенции. Рассмотрим их аргументы. Во-первых, п. 2 ст. 14 содержит оттенок авторитарности соответствующей деятельности родителей или лиц, их заменяющих по отношению к детям.

Во-вторых, их руководство не ограничивается каким-либо одним правом и распространяется в равной мере на все права, перечисленные в ст. 14, то есть имеет более широкую сферу действия, чем ст. 18 МПГПП.

В-третьих, Конвенция указывает метод, но не раскрывает его содержание, тем самым, предоставляя свободу родителям в определении степени развития способностей своего ребенка для принятия самостоятельных решений, которое может быть не всегда адекватным.

В-четвертых, необходимо учитывать, что в Конвенции используется понятие «ребенок» так, как это закреплено в ст. 1, т. е. «человеческое существо до достижения 18-летнего возраста» или совершеннолетия, а в анализируемом положении МПГПП [2].

Если узко толковать положения ст. 14 Конвенции, то можно, действительно, сделать вывод о том, что права ребенка на свободу мысли, совести и религии, существенно ограничены по сравнению с аналогичными правами, содержащимися в ст. 18 МПГПП.

Однако, такой вывод не совсем верен. В первую очередь, следует отметить, что Конвенция находится в общей системе международных стандартов прав человека, поэтому толкование ее положений не должно осуществляться вне связи с ними. Так, элементы права на свободу вероисповедания перечисляются в п. 1 ст. 18 МПГПП. Оно включает 1) свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору; 2) свободу исповедовать свою религию и убеждения. Комитет по правам человека пошел дальше и в своем Общем комментарии отметил третий элемент – право не принимать какую-либо религию или убеждения, как теистические, нетеистические и атеистические учения [3].

Некоторые государства-участники занимают аналогичную позицию по данному вопросу. Так, Правительство Королевства Нидерландов сделало заявление, согласно которому оно «исходит из того, что ст. 14 Конвенции соответствует положениям ст. 18 МПГПП и что эта статья включает свободу ребенка иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору, как только ребенок приобретает способность делать такой выбор с учетом его возраста...» [4].

Для того чтобы определить истинное значение ст. 14 необходимо ее рассматривать во взаимосвязи с другими положениями Конвенции. Тезисно, это можно сформулировать следующим образом.

1. Ребенок не является объектом манипуляции взрослых, он имеет право свободно выражать свои взгляды по всем вопросам, которые его касаются, тем более при осуществлении своего права, и этим взглядам «уделяется должное внимание» (ст. 12).

2. Пункт 2 ст. 14 существенно видоизменяет положение, закрепленное в ст. 5, в частности, не включает требование о том, что управление и руководство ребенком родителями или лицами, их заменяющими, осуществляется «должным образом»; учитывая, что ст. 5 является общим положением Конвенции, то это ограничение относится в равной мере и к п. 2 ст. 14. Поэтому в соответствии со п. 1 ст. 18 Конвенции при осуществлении родителями или другими лицами, прав и обязанностей, в том числе предусмотренных п. 2 ст. 14, «предметом их основной заботы» должны быть наилучшие интересы ребенка.

3. Действительно, Конвенция не раскрывает понятие «развивающиеся способности ребенка», но, как отмечалось выше, существуют некоторые ограничения «произвола» родителей или лиц, заботящихся о ребенке, в частности, в нормах национального законодательства.

4. Государство-участник в соответствии со ст. 14 Конвенции принимает не только пассивную обязанность «уважать» право ребенка и родителей или лиц, их заменяющих, но и наилучшим образом обеспечивать интересы детей (ст. 3), защищать ребенка от злоупотребления родителями своими правами и обязанностями (п. 1 ст. 19).

Неопределенность ст. 14 Конвенции является результатом принятия данного положения на основе консенсуса, притом, что за основу обсуждения была взята ст. 18 МПГПП. Это объясняется тем, что, разрабатывая данное положение Конвенции, государства в первую очередь были «обеспокоены» тем, чтобы не предоставить большую свободу ребенку в осуществлении этого права, а не тем, чтобы действительно создать «право». Неопределенность ст. 14 не должна толковаться в ущерб правам ребенка.

Теперь определим, в каком соотношении находятся названные нормы этих договоров. Возможно ли применение к ним основных правил соотношения, используемых применительно к внутригосударственным нормативным правовым актам: *lex specialis derogat legi generali*, *lex posterior derogat legi priori*? К международным договорам ни тот, ни другой - не применим в силу принципа *pastra sunt servanda*. Кроме того, в соответствии со ст. 41 Конвенции она «не затрагивает любых положений, которые в большей степени способствуют осуществлению прав ребенка и могут содержаться... в нормах международного права». Таким образом, толкование должно быть комплексным и соответствовать цели сохранения уже действующих более высоких стандартов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутрос-Гали Б. Организация Объединенных Наций и права человека. М.: Права человека. 1995. С.106.

2. Nowak M. U.N. Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary, Strasbourg, 1993. P. 331.

3. CCPR/C/21/Rev.1/Add.4 (27 September 1994) [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f21%2fRev.1%2fAdd.4&Lang=ru (дата обращения:01.11.2020).

4. Статус на: 01-11-2020 05:01:14 EDT. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11&chapter=4&clang=_en (дата обращения:01.11.2020).

Филатова Виктория Викторовна

кандидат юридических наук, доцент

(Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ)

г. Москва

e-mail: filatova-vv@ranepa.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В КОНСТИТУЦИЮ РФ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ОБНОВЛЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА?

2020 год стал знаковым для российского законодательства, так как были одобрены изменения в Конституцию Российской Федерации. Среди значимых новелл необходимо отметить ст. 79 Конституции. Новая редакция ст. 79 Конституции РФ дополнена следующим положением: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [1].

В связи с внесенными изменениями возникает вопрос о соотношении норм международного и национального права в Российской Федерации, а также вопросы, связанные с исполнением решений межгосударственных органов к которым можно отнести как постановления Европейского суда по правам человека, выносимые в отношении Российской Федерации, так и решения иных межгосударственных органов.

Необходимо отметить, что на основании ч.4 ст.15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Вопрос о месте и роли международных договоров в правовой системе Российской Федерации всегда был достаточно актуальным. С учетом того, что норма, содержащаяся в ч.4 ст.15, не подверглась изменениям, так как находится в Главе I Конституции, можно констатировать факт, что приоритет международного права над национальным сохранен в полной мере.

Государство, приняв международные договорные обязательства, уже не вправе произвольно от них отказаться, обязано добросовестно выполнять

договор, и не может ссылаться на свое внутреннее право в качестве оправдания для его невыполнения [2, с.11].

Вопросы, относящиеся к заключению международных договоров Российской Федерации, регулируются Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» № 101-ФЗ от 15 июля 1995 года [3], который подтверждает, что «международные договоры являются существенным элементом стабильности международного правопорядка и отношений России с зарубежными странами...».

Кроме того, в соответствии со ст. 34 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» к ведению Конституционного Суда Российской Федерации относятся дела о соответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров либо отдельных их положений. Если не вступивший в силу для России международный договор будет признан Конституционным Судом РФ не соответствующими Конституции РФ, то он не подлежит введению в действие и применению.

На основе анализа приведенных положений законодательства РФ можно сделать следующие выводы: международное право не навязывает свой приоритет внутригосударственному праву. В основе требования международного права обеспечить выполнение вытекающих из него обязательств лежит согласие государств на обязательность для них международных договоров [4, с.131], а вот давать такое согласие или нет, зависит исключительно от воли самих государств.

Следовательно, присоединяясь к международным договорам, Российская Федерация должна, в соответствии с принципом *pacta sunt servanda*, закрепленным в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., им следовать.

Тем не менее, относительно решений межгосударственных органов, которые могут стать неисполнимыми в РФ в соответствии со ст.79 Конституции РФ, необходимо отметить, что в настоящее время Конституционный Суд РФ уже наделен правом признавать неисполнимыми решения межгосударственных органов по защите прав и свобод человека [5]. Поэтому обновление взаимодействия международного и национального права было начато с внесением изменений в ФЗ №1-ФЗ «О Конституционном Суде РФ». В дальнейшем, право признавать постановления межгосударственных органов неисполнимыми, скорее всего, останется за Конституционным Судом РФ.

Представляется, что необходим разумный баланс между реализацией конституционного права гражданина на защиту в межгосударственных органах и защитой суверенитета государства. Это нужно, чтобы конституционная норма о защите прав в межгосударственных органах не превратилась в «иллюзорную» норму [6, с.45].

Напомним, что согласно ч.3 ст.46 Конституции РФ, каждый, по исчерпанию всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты, может, на основании международных договоров РФ, обратиться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Данная норма в

наибольшей степени реализуется гражданами Российской Федерации через Европейский Суд по правам человека.

Европейский Суд по правам человека вынес большое количество постановлений, в которых констатировал нарушение Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., соответственно, государство должно было их исполнить.

Проблема исполнения постановлений Европейского Суда характерна не только для Российской Федерации, с такой проблемой сталкивается большинство государств членов Совета Европы.

Несмотря на то, что многие постановления Европейского Суда против России неоднозначно оцениваются юридическим сообществом, нельзя отрицать их положительного влияния на правовую систему государства в целом. Проводя реформирование законодательства в целях устранения нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, установленных Европейским Судом, государство усиливает внутригосударственные гарантии защиты прав граждан.

Достаточно вспомнить меры, предпринятые государством по исполнению пилотных, а также ряда других значимых постановлений Европейского Суда, в соответствии с которыми были внесены изменения в законодательство РФ, что положительно сказалось на решении системных проблем государства, в частности, таких как длительное неисполнение судебных решений, изменения условий содержания в местах предварительного заключения и лишения свободы, сокращение сроков гражданского и уголовного судопроизводства, компенсация за судебную волокиту и другие.

Однако нередко государство сталкивается со сложностями при исполнении постановлений ЕСПЧ. Эти сложности связаны, в первую очередь, с тем, что в некоторых постановлениях затрагивается проблема соотношения национального и международного правопорядков. Например, вопрос соотношения международного и национального права был затронут в постановлении ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» [7]. Именно это постановление стало первым в России, признанным Конституционным Судом РФ исполнимым частично [8]. Впоследствии, в 2017 году, неисполнимым было признано постановление по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» [9].

С внесением изменений в Конституцию РФ проблема исполнения постановлений ЕСПЧ, как и других межгосударственных органов, станет еще более актуальной.

Расширительное толкование Европейским Судом Конвенции о защите прав человека и основных свобод и невозможности в связи с этим исполнения некоторых постановлений является предметом дискуссий, как в Российской Федерации, так и в других странах.

Европейский Суд является субсидиарным механизмом по отношению к правовым системам государств, он призван дополнять систему национального правосудия, но не должен ее заменять, исходя из этого и нужно оценивать его постановления. Выбор способа исполнения постановления всегда остается и должен оставаться за государствами.

На наш взгляд, исходя из такого подхода должны действовать и государства, и межгосударственные органы по защите прав человека, что позволит если не исключить конфликт юрисдикций, то хотя бы взаимодействовать эффективнее. Ведь именно от эффективности взаимодействия национальных и межгосударственных органов, будет зависеть потенциальное количество постановлений, которые могут быть признаны неисполнимыми.

Таким образом, конституционная новелла о возможности неисполнения решений межгосударственных органов должна стать не причиной кардинального пересмотра взаимоотношений между государством и этими органами, а новой возможностью для продолжения начатого диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция РФ// Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Тункин Г.И. Основы современного международного права. М., 1956. – 48 с.
3. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ, 17.07.1995, № 29, ст. 2757.
4. Осминин Б.И. Международные договоры в российской правовой системе (к 20-летию Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации») // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 126-138.
5. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
6. Филатова В.В. Влияние постановлений Европейского Суда по правам человека на реализацию конституционных гарантий прав человека// Теоретическая и прикладная юриспруденция, Издательство: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), № 1, 2020. С.44-49.
7. Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 «Дело «Анчугов и Гладков против Российской Федерации»» (жалоба № 11157/04, 15162/05)// Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2014, № 2.
8. Постановление № 12-П от 19 апреля 2016 г. по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации// СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление № 1-П от 19 января 2017 г. по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации// СПС КонсультантПлюс.

Хаббабх Аммар
аспирант кафедры Международного права
(Российский университет дружбы народов)
г. Москва
e-mail: ammarhabbah@gmail.com

КОНСУЛЬСКАЯ ЗАЩИТА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Концепция гражданства ЕС существует с момента вступления в силу Маастрихтского договора в 1993 г. [1]. Она создает особые отношения для укрепления европейской идентичности и гарантирует право любому гражданину ЕС в стране, не входящей в ЕС, где его собственное национальное государство не имеет представительства, просить защиты у дипломатических или консульских органов любой другой страны ЕС.

Эта концепция направлена на укрепление чувства единства и чувства принадлежности к единой европейской нации на основе солидарности и лояльности между членами ЕС, а также в свете недискриминации и юридического равенства [2].

На самом деле все государства-члены присутствуют только в трех странах: США, России и Китае [3], но потребность в консульской помощи растет в нашем мире стихийных бедствий и террористических актов, поэтому концепция равного предоставления помощи гражданам ЕС, где их государство гражданства не представлено или не доступно, полезна и имеет растущую актуальность, поскольку существует тенденция закрытия иностранных служб для сокращения расходов.

После Маастрихтского договора в 2002 году вступило в силу решение Европейского Сообщества с его шестью значимыми статьями из девяти (95/553/ЕС) о деталях дипломатической протекции [4] и было принято решение о создании чрезвычайного проездного документа (96/409/CFSP) наряду с необязательными руководящими принципами консульской защиты и концепцией ведущего государства сотрудничества [5].

Эти документы не были признаны частью правового порядка ЕС, поскольку они были приняты правительствами государств-членов, а не институтами, однако в качестве приобретения *communautaire* они должны были соблюдаться [6].

В то время сфера консульского и дипломатического сотрудничества была чисто межправительственной областью законодательства сообщества, она не могла преодолеть многообразие национальных нормативных актов и внешней политики.

Начиная с Маастрихтского договора, граждане имели право на получение консульской защиты, но это положение скорее отражало положение о недискриминации, чем индивидуальное право граждан и обязательство государств при любых обстоятельствах, поскольку консульская защита — это всего лишь возможность государства по общему международному праву, а не обязательство выполнять ее.

Все изменилось, когда Хартия ЕС стала первоисточником Лиссабонского договора – права граждан ЕС на дипломатическую и консульскую защиту, отраженные в статье 46 [7], были вновь оценены как основополагающее право.

Консульская защита стала неотъемлемой частью политики Союза в области прав граждан [8], с упразднением столпов она была поставлена в сферу компетенции ЕС и Суда ЕС, а Совет также получил право регулировать связанные с этим вопросы в форме директив, принятых в конкретной законодательной процедуре.

Концепция также изменилась: Совет, действуя в соответствии со специальной законодательной процедурой и после консультаций с Европейским парламентом, принял директивы, устанавливающие меры координации и сотрудничества, необходимые для облегчения такой защиты [9], и в рамках положений о внешних действиях ЕС, распорядился создать Европейскую службу внешних действий, а также дипломатическую миссию интеграционного объединения, был введен аппарат делегаций ЕС в третьих странах и в международных организациях для представления интересов ЕС и осуществления тесного сотрудничества с дипломатическими и консульскими службами государств-членов [10].

Вопрос заключается в том, что это означает для государств-членов в соответствии с конкретными правилами компетентности и системой [11] принятия решений. Крайний срок реализации Директивы - 1 мая 2018 года, однако она оставляет некоторые открытые вопросы, на которые внутреннее законодательство не может дать единообразных ответов.

Консульская служба — это внетерриториальная ветвь государственного управления, тесно связанная с внешней политикой государства и межгосударственными отношениями, которая остается разумной сферой даже после Лиссабона.

Консульская помощь состоит из действий, часто выполняемых властными мерами, поэтому консульская политика имеет сильное отношение к администрации.

На самом деле законодательная компетенция ЕС заключается лишь в поддержке, координации или дополнении действий государств-членов по совершенствованию их административного потенциала для более эффективного осуществления законодательства ЕС.

Законодательные акты не должны приводить к какой-либо гармонизации национального административного законодательства [12].

Это не означает, что законодательство ЕС не оказывает никакого влияния на администрирование, но эффективное исполнение и реализация политики ЕС является обязанностью государств-членов, поэтому необходимая гармонизация в вопросах администрирования является внутренней компетенцией.

Вопрос заключается в том, чтобы найти границу между необходимой модификацией для реализации и достижения общей политики и подразумеваемым расширением компетенции ЕС; даже преамбула консульской директивы устанавливает ограничение ее сферы действия: она не затрагивает консульские отношения между государствами-членами и третьими странами, их права и обязанности, вытекающие из международных обычаев и соглашений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Maastricht Treaty, Art. 8c.; currently Article 23 TFEU (ex Article 20 TEC, Treaty on the European Community).
2. GEYER, F.: The External Dimension of EU Citizenship. Arguing for Effective Protection of Citizens Abroad. CEPS, No. 136. July 2007, p. 2.
3. Green Paper: Diplomatic and consular protection of Union citizens in third countries. Brussels, 28.11.2006, COM(2006)712 final, p. 4. point 1.5.; BALFOUR, R. – RAIK, K.: Equipping the European Union for the 21st century.
- National diplomacies, the European External Action Service and the making of EU foreign policy. FIIA Report 36, 2013, p. 12.
4. Council Decision of 1995. Decision of the Representatives of the Governments of the Member States meeting within the Council of 19 December 1995 regarding protection for citizens of the European Union by diplomatic and consular representations. OJ L 314 , 28/12/1995, pp. 73 – 76.
5. KRŪMA, K.: EU Citizenship, Nationality and Migrant Status: an Ongoing Challenge. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2013, p. 170.
6. CARE Final Report, pp. 24-25.
7. Every citizen of the Union shall, in the territory of a third country in which the Member State of which he or she is a national is not represented, be entitled to protection by the diplomatic or consular authorities of any Member State, on the same conditions as the nationals of that Member State.“
8. Proposal for a Council Directive on consular protection for citizens of the Union abroad, 1.2.; p. 2.
9. Treaty of Lisbon, point 36.
10. Treaty of Lisbon, point 30) on the new Article 13a ; Article 188 Q on delegations.
11. See TEU Title V. especially Article 22 and Articles 29-31.
12. TFEU Article 2.5.; 6 (g); and 197.

Чинь Минь Зуен

аспирант

(Российский университет дружбы народов)

г. Москва

e-mail: minhduyenhlu@gmail.com

АЗИАТСКИЙ БАНК РАЗВИТИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

I. Положение в области продовольственной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Продовольственная безопасность является актуальной проблемой не только для стран в регионе, но и во всем мире. Эта проблема становится все более сложной и актуальной в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Видно, что Азиатско-Тихоокеанский регион все больше развивается. Страны региона провели соответствующие политические и институциональные реформы. Уровень бедности в регионе значительно снизился. Увеличиваются доходы и заработная плата

производителей, падают цены на продукты питания. Распространенность недоедания значительно снизилась, а потребление калорий резко увеличилось [1].

Однако почти полмиллиарда (479 миллионов) человек в Азиатско-Тихоокеанском регионе по-прежнему недоедают [2]. Очень высока доля людей, которые не получают достаточно пищи для поддержания нормальной здоровой жизни. В большинстве стран региона диеты маленьких детей не соответствуют минимальным стандартам, что напрямую влияет на будущие поколения.

Мы до сих пор не забыли продовольственный кризис 2007-2008 гг., самые низкие запасы риса за последние 30 лет. Повышение цен на рис на 50% также привело к росту цен на мясо, птицу, яйца и молочные продукты [3]. Это вызвало мировую панику. Продовольственные протесты вспыхнули по всему миру: в Мексике, Западной Бенгалии, Сенегале, Мавритании и многих африканских странах. Некоторые азиатские страны, такие как Китай, Индия, Египет, Вьетнам и Камбоджа, ввели тарифы или запретили экспорт.

Когда разразился кризис COVID-19, во многих странах произошли перебои в цепочке поставок продуктов питания. Это сказалось на производстве продуктов питания, потерянные доходы и сокращение денежных переводов создают серьезную напряженность и риски для продовольственной безопасности во многих странах. Страны всего мира в целом и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в частности обеспокоены тем, что произойдет новый продовольственный кризис.

COVID-19 повлиял на продовольствие и сельское хозяйство в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Страны этого региона сталкиваются с возможностями и проблемами в контексте изменения климата и пандемии и нуждаются в новой политике для обеспечения продовольственной безопасности.

II. АБР и усилия по укреплению продовольственной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Основанный в 1966 году, АБР стремится к достижению процветания, интеграции и устойчивости, продолжая при этом усилия по искоренению крайней бедности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. За свою почти 60-летнюю историю АБР профинансировал сотни проектов в области сельского хозяйства и природных ресурсов, начиная с 1967 года с первой технической помощи по производству продовольственного зерна в Индонезии. До сих пор банк по-прежнему работает на проектной основе, особенно в таких областях, как инвестиции в инфраструктуру, развитие сельского хозяйства и кредитование сырьевых отраслей в странах-членах.

Как упоминалось выше, в 2007–2008 годах в мире наблюдался рекордный рост цен на рис. Основные страны-экспортеры, такие как Вьетнам и Индия, ограничивают экспорт, в сочетании с крупными импортерами, такими как Филиппины, срочно закупаются, что приводит к росту цен на рис. В результате этого почти 1 миллиард человек в мире оказался в нищете. В течение этого периода АБР действовал агрессивно, чтобы помочь своим странам-членам отреагировать на кризис:

- поддержка по-прежнему является частью долгосрочной стратегии с 2008 по 2020 год;

- сосредоточение внимания на областях, в которых основное внимание уделяется созданию рабочих мест, стимулированию внутреннего спроса, развитию

регионального сотрудничества и интеграции, а также повышению доверия инвесторов во время кризиса;

- увеличение эффективного кредитования: АБР планировал увеличить объем кредитования более чем на 10 миллиардов долларов в 2009–2010 годах, особенно для стран с низкими доходами [4];

- АБР мобилизовал софинансирование с партнерами по развитию для своих проектов в течение этого периода;

- тесное сотрудничество с партнерами по региональному развитию, а также с Международным валютным фондом, Всемирным банком и региональными учреждениями, такими как АСЕАН и СААРК.

В 2016 году АБР объявил: *«АБР ежегодно выделяет 2 миллиарда долларов на удовлетворение растущего спроса на питательные, безопасные и доступные продукты питания в Азиатско-Тихоокеанском регионе»* [5].

В 2018 году АБР объявил о Стратегии 2030 для удовлетворения меняющихся потребностей Азиатско-Тихоокеанского региона. Цели АБР согласованы с ключевыми глобальными обязательствами, такими как Цели устойчивого развития, Финансирование Повестки дня в области развития, Парижское соглашение об изменении климата и Сендайская рамочная программа действий по снижению риска бедствий. АБР продолжит уделять приоритетное внимание поддержке самых бедных и уязвимых стран региона. Содействие развитию сельских районов и продовольственной безопасности входят в число семи приоритетных направлений деятельности банка в рамках Стратегии 2030: *«АБР будет поддерживать усилия по улучшению рыночной взаимосвязанности и связей в сельскохозяйственной цепочке создания стоимости. Это поможет РСЧ повысить продуктивность сельского хозяйства и продовольственную безопасность за счет увеличения доходов фермерских и несельскохозяйственных предприятий, содействия внедрению передовых технологий и методов ведения сельского хозяйства, не влияющих на климат, и поддержки совершенствования стандартов управления природными ресурсами. Это также поможет РСЧ повысить безопасность пищевых продуктов»* [6].

Учитывая влияние пандемии COVID-19 на продовольственную безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, АБР быстро отреагировал:

- АБР объявил пакеты для удовлетворения насущных финансовых потребностей развивающихся стран-членов: первоначально пакет в размере 6,5 млрд долларов, а затем его общий пакет был расширен примерно до 20 млрд долларов [7], [8];

- немедленная и краткосрочная поддержка продовольственной безопасности: АБР оказал помощь в прямом пополнении запасов продовольствия РСЧ, особенно тем, кто подвержен риску хронического отсутствия продовольственной безопасности, например, на Филиппинах, в Индии и Кыргызской Республике [9].

В новом десятилетии к Стратегии 2030, которая требует от АБР принятия новой политики, больше инвестировать в проекты, способствующие развитию сельских районов и продовольственной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В то же время необходимо тесно сотрудничать с государствами-членами

для защиты продовольственной системы, накапливать запасы продовольствия, чтобы справиться с неожиданными ситуациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. FAO 2019, FAO Regional Priority Framework for Asia and the Pacific (2010-2019): towards food security in the region. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fao.org/3/k8736e/k8736e.pdf> (дата обращения: 20.10.2020 г.).

2. UNICEF, 2019, Asia and the Pacific Regional Overview of Food Security and nutrition. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unicef.org/eap/media/4526/file/Asia%20and%20Pacific%20food%20security.pdf> (дата обращения: 20.10.2020 г.).

3. The guardian (2008). Food riots fear after rice price hits a high. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2008/apr/06/food.foodanddrink> (дата обращения: 20.10.2020 г.).

4. ADB, 2016, Asia's Rising Prosperity, Climate Change Taking Toll on Food Security. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.adb.org/news/features/asias-rising-prosperity-climate-change-taking-toll-food-security> (дата обращения: 20.10.2020 г.).

5. ADB, 2009, The Global Economic Crisis Challenges for Developing Asia and ADB's Response. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29705/global-economic-crisis-adb-response.pdf> (дата обращения: 21.10.2020 г.).

6. ADB, 2018, Strategy 2030: Achieving a Prosperous, Inclusive, Resilient, and Sustainable Asia and the Pacific. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.adb.org/documents/strategy-2030-prosperous-inclusive-resilient-sustainable-asia-pacific> (дата обращения: 21.10.2020 г.).

7. ADB, 2020, ADB Announces \$6.5 Billion Initial Response to COVID-19 Pandemic. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.adb.org/news/adb-announces-6-5-billion-initial-response-covid-19-pandemic> (дата обращения: 24.10.2020 г.).

8. ADB, 2020, ADB Provides \$20 Million to Help Palau Prepare for COVID-19 Threat. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.adb.org/news/adb-provides-20-million-help-palau-prepare-covid-19-threat> (дата обращения: 25.10.2020 г.).

9. Kijin Kim, Sunae Kim, and Cyn-Young Park (2020). Food Security in Asia and the Pacific amid the COVID-19 pandemic. DOI: <http://dx.doi.org/10.22617/BRF200176-2> (дата обращения: 25.10.2020 г.).

Шамарин Петр Алексеевич

аспирант кафедры международного права
(Российский университет дружбы народов)

г. Москва

e-mail: Shamarin.petr@gmail.com

**К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ СОВЕТА ИКАО, КАК ОРГАНА ПО
УРЕГУЛИРОВАНИЮ СПОРОВ НА ПРИМЕРЕ РЕШЕНИЯ ПО ДЕЛАМ
АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В ОТНОШЕНИИ ЮРИСДИКЦИИ
СОВЕТА ИКАО
(БАХРЕЙН, ЕГИПЕТ, САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ОАЭ vs КАТАРА)**

Основной темой данной работы является достаточно острый и важный вопрос, а именно: Может ли орган по урегулированию споров, в ходе рассмотрения соответствующей правовой защиты, рассматривать и определять какие-либо другие вопросы, возникающие в этом контексте и необходимые для вынесения решения о применимости защиты.

Данная проблема возникает, в первую очередь, в контексте двух способов защиты: самообороны и контрмер. Успешное применение самообороны требует определения наличия предшествующего вооруженного нападения. Точно также, контрмеры доступны только как ответ на ранее совершенное международно-противоправное деяние. Решение таких вопросов может выходить за рамки юрисдикции органа по урегулированию споров, установленного в данном конкретном споре. Фактически, он может даже выходить за пределы своей юрисдикционной сферы в целом, то есть общего класса дел, в отношении которых такой орган уполномочен выполнять свои функции. В таких случаях орган по урегулированию споров сталкивается с подлинной дилеммой. Стоит отметить, что экспансионистский подход, утверждающий юрисдикцию в отношении случайных вопросов, может поставить под угрозу принцип согласия и предоставить государствам возможность поднятия вопросов, которые, в противном случае, выходили бы за пределы юрисдикции органа по урегулированию споров в качестве независимых требований (или встречных требований). С другой стороны, строгий подход к разграничению юрисдикции влечет за собой опасность того, что ответчик не сможет сослаться на другую применимую (подходящую) защиту.

Как мы знаем, 14 июля 2020 года Международный Суд вынес решение по делам Апелляционной жалобы в отношении юрисдикции Совета ИКАО, в соответствии со статьей 84 Чикагской конвенции 1944 г. (Бахрейн, Египет, Саудовская Аравия и ОАЭ против Катара)[1] и Апелляции в отношении юрисдикции Совета ИКАО в соответствии со статьей 2, второго раздела Международного соглашения о транзитных перевозках 1944 года (Бахрейн, Египет и ОАЭ против Катара) [2]. Предметом данных споров как раз и выступает поставленная нами ранее проблема. В июне 2017 года арабские страны, такие как: Бахрейн, Египет, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, кратко называемые «Квартет», ввели воздушную, сухопутную и морскую блокаду в отношении Катара, включая разрыв всех дипломатических и торговых связей. Согласно позиции «Квартета», такое эмбарго было наложено на Катар за, так называемую, поддержку и укрывательство террористических лиц и организаций, включая разрешение таким лицам использовать базирующиеся в Катаре и спонсируемые Катаром медиа-платформы (в частности, «Аль-Джазира») для распространения своих сообщений. Более того, вышеперечисленные страны обвиняют Катар, помимо всего прочего, во вмешательстве в их внутренние дела.

Такие действия, согласно позиции «Квартета», являются нарушением Эр-Риядских соглашений [3], которые были заключены в рамках Совета сотрудничества стран Залива, направленных на обеспечение стабильности в регионе и восстановлении и без того пошатнувшихся взаимоотношений среди членов Совета. Катар неоднократно отрицал эти обвинения, а также инициировал процедуры урегулирования споров с «Квartetом» по различным аспектам наложенного на Катар эмбарго в Международном Суде, Комитете по расовой дискриминации, ВТО и Совете ИКАО. Вышеуказанные дела, которые затем рассматривались в Международном Суде, изначально возникли в связи с оспариванием Катаром, перед Советом ИКАО, наложенных на них авиационных ограничений, в отношении самолетов, зарегистрированных в Катаре. В ходе данного разбирательства Катар утверждал, что установление блокады арабскими странами несовместимо с обязательствами, прописанными в Чикагской конвенции «О международной гражданской авиации» 1944 года [4], а также в Соглашении о транзите международных воздушных сообщений 1944 года [5]. В ответ, Бахрейн, Египет, ОАЭ и Саудовская Аравия выразили свои возражения, утверждая, что Совет ИКАО не обладает юрисдикцией в отношении этих дел в рамках соответствующих конвенций, поскольку данный вопрос выходит за рамки вышеуказанных документов, включая вопрос того, могут ли авиационные ограничения быть охарактеризованными как законные контрмеры, в соответствии с международным правом. Другим предварительным возражением являлось утверждение, что Катар не пытался предварительно инициировать переговоры для урегулирования разногласий мирным путем до передачи дела в Совет ИКАО, нарушая положения статьи 84 Чикагской конвенции 1944 года, также включая положение, отраженное в подпункте (g) статьи 2 Правил ИКАО по урегулированию разногласий [6]. В итоге, Совет ИКАО отклонил все предварительные возражения, после чего, «Квartet» подал апелляционную жалобу на решение Совета ИКАО и их юрисдикции в Международный Суд, в соответствии со статьей 84 Чикагской конвенции 1944 года, и статьей 2, раздела 2, Соглашения о транзите международных воздушных сообщений 1944 года. Еще одним аргументом «Квартета» против Катара было заявление том, что Катар не пытался начать переговоры, как того предусматривает Чикагская конвенция 1944г. В данном случае, проанализировав представленные аргументы и доказательства, Международный Суд пришел к выводу, что Катар в действительности предпринимал попытки урегулировать спор путем переговоров и выразить свое несогласие относительно толкования и применения Чикагской конвенции 1944 года.

Как итог, после рассмотрения апелляционной жалобы, Международный Суд отклонил все возражения стран «Квартета». Суд подчеркнул, что установление воздушной блокады в качестве контрмер не лишает Совет ИКАО юрисдикции рассматривать данный вопрос.

Во втором выводе Суда прямо говорится, что целостность и полнота функций по урегулированию споров у Совета ИКАО не пострадает, в случае, если Совет будет рассматривать вопросы, не относящиеся, непосредственно, к гражданской авиации, с той исключительной целью, чтобы разрешить возникший

спор, попадающий под его юрисдикцию (в случае, если такое рассмотрение требуется для правильного разрешения спора). Следовательно, возможная необходимость рассмотрения Советом ИКАО вопросов, выходящих за рамки деятельности гражданской авиации (Чикагской конвенции 1944 года и Соглашения о транзите международных воздушных сообщений 1944 года), исключительно для разрешения разногласий, касающихся толкования или применения соответствующей конвенции, не будет являться, по мнению Суда, основанием признания жалоб Катара недопустимыми.

Возвращаясь к основному, вышеназванному вопросу данной работы, можно сделать вывод о компетенции Совета ИКАО, как органа по урегулированию споров. Тот факт, что Совет ИКАО не является «судебным учреждением в собственном смысле этого термина», тем не менее никак не влияет на компетенцию данного органа рассматривать вопросы и разрешать споры в сфере гражданской авиации. Более того, компетенция Совета ИКАО может быть расширена в определенных случаях для вынесения справедливого решения, как это можно заметить в ранее представленном споре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council under Article 84 of the Convention on International Civil Aviation (Bahrain, Egypt, Saudi Arabia and United Arab Emirates v. Qatar).

2. Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council under Article II, Section 2, of the 1944 International Air Services Transit Agreement (Bahrain, Egypt and United Arab Emirates v. Qatar).

3. Riyadh Agreements. Эл. Ресурс, режим доступа: <http://i2.cdn.turner.com/cnn/2017/images/07/10/translation.of.agreementsupdated.pdf>.

4. Конвенция о международной гражданской авиации (1944г. Чикаго). Эл. Ресурс. Режим доступа: https://www.icao.int/publications/Documents/7300_cons.pdf.

5. International Air Services Transit Agreement, Signed at Chicago, on 7 December 1944 (Transit Agreement). Эл. Ресурс, режим доступа: <https://www.mcgill.ca/iasl/files/iasl/chicago1944b.pdf>.

6. Правила по Разрешению Разногласий (второе издание ИКАО), Часть 1, глава 2, ст. 2 (g).

Шиянов Алексей Владимирович
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: avshyanov@sfedu.ru

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ И ФРАГМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Государствам всегда было свойственно стремление к приобретению в рамках международного правопорядка прав и обязательств, в наибольшей степени учитывающих их интересы и потребности их хозяйствующих субъектов.

Сотрудничество в энергетическом секторе является характерным примером того, как усилия членов мирового сообщества, предпринимаемые в разных форматах, приводят к возникновению комплекса международно-правовых обязательств.

В XX в. сложились автономные режимы, охватывающие прикладные вопросы межгосударственного сотрудничества, что положило начало процессу, приведшему к фрагментации системы международного права [1; с. 33]. Разногласия среди субъектов международных отношений не стали препятствием для принятия и вступления в силу во второй половине прошлого столетия конвенций и иных многосторонних международных договоров по вопросам официальных отношений государств, делимитации пространств, торгово-экономического сотрудничества. На этом фоне в конце XX в. была сформулирована повестка для формирования международно-правовой основы для международных энергетических рынков, адекватно учитывающих интересы большинства членов мирового сообщества. Ряд государств, осуществлявших добычу, экспорт, транзит и импорт энергетических материалов и продуктов, присоединились к принятой 17 декабря 1991 г. Европейской энергетической хартии. На основе Хартии был разработан и спустя три года открыт для подписания Договор к Энергетической хартии (ДЭХ), предметом которого стали торговля, инвестиции, урегулирование споров и иные вопросы.

Принимая во внимание то обстоятельство, что основные разделы ДЭХ инициаторы заключения данного международно-правового акта намеревались дополнить профильными соглашениями, данные усилия могли бы привести к появлению функционально и географически ограниченной договорной системы норм, консолидирующих права и обязательства государств в энергетическом секторе. Наибольшей детализации подвергались международно-правовые нормы, регулирующие эксплуатацию трансграничных энерго-транспортных систем, таких, как магистральные трубопроводы и линии электропередач (ст. 7), предусматривающие экологические требования и повышение энергоэффективности (ст. 19), а инвестиционный режим был бы унифицирован (ч. III). Возрастающее значение вопросов энергетического сотрудничества, осознание их важности и необходимости конкретизации соответствующих прав и обязательств большинством государств, должно было привести к формированию «международного энергетического права» (МЭнП). В отношении тарифных и нетарифных мер в поставках энергоресурсов предпочтение отдавалось бы нормам «права Всемирной торговой организации (ВТО)».

Отказ от ратификации или временного применения ДЭХ некоторыми договаривающимися сторонами, обеспечивавшими поставки энергоресурсов на рынки европейских стран, являвшихся инициаторами принятия данного международного соглашения, не позволил завершить формирование МЭнП. Автономный международно-правовой режим, сопоставимый по характеру с отраслью современного международного права или иным крупным самостоятельным нормативным образованием, не был создан и ввиду стремительной регионализации международных энергетических рынков. Так, энергетическое сотрудничество государств-членов Европейского союза с экспортёрами-третьими странами не может осуществляться без соблюдения норм

первичного и вторичного права ЕС [2, с. 107], образующих особую подсистему международного права, в разработке которых, к примеру, РФ, участвовать не могла. Это не соответствует природе правотворческого механизма в рамках международного права, предполагающего сотрудничество через выражение согласия на обязательность с его нормами, или отсутствие активных возражений против их обязательности [3; с. 32-38].

Новые международные вызовы и угрозы способны свести на нет волю государств с разными интересами к выработке компромисса по таким важнейшим вопросам, как доступ на рынки, антимонопольное регулирование, защита капиталовложений, трансфер технологий, непредвзятое разрешение споров. Всё это приводит к утрате возможностей для развития специального режима международного энергетического сотрудничества, поскольку теряется основа для него в виде устойчивых связей между хозяйствующими субъектами как непосредственными выгодоприобретателями. Энергетический сектор, зачастую, подвергается односторонним мерам ограничительного характера в виде эмбарго на экспорт энергоносителей, запрета на сооружение новых и эксплуатацию действующих трансграничных трубопроводов, распространение на хозяйствующих субъектов статуса «враждебной стороны». Некоторые споры о делимитации морских пространств и суверенном статусе территорий имеют отношение к данному направлению сотрудничества, поскольку их причиной является режим разведки и эксплуатации месторождений энергоресурсов или использования маршрутов их транспортировки.

Современное международное право предоставляет возможности для урегулирования проблем энергетического сотрудничества в рамках более узких по составу представленных сторон форматов, но это будет означать отказ от общего автономного режима в пользу спонтанной фрагментации. Если многосторонний подход в виде условной «конвенции о международной безопасности» не продуктивен, то акцент в интересах конкретных хозяйствующих субъектов и их государств будет смещён в пользу средств локального характера, нацеленных на реализацию проектов ограниченного масштаба. Так, международно-правовой режим эксплуатации ресурсов отдельно взятого месторождения и их доставку поставщиком одного государства потребителям другого или деятельности консорциума инвесторов нескольких государств, может быть обеспечен посредством двусторонних международных соглашений, заключаемый на определённый срок. К примеру, в ст. 3 – 18 Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области поставок природного газа из РФ в КНР по «восточному» маршруту от 13 октября 2014 г. устанавливаются взаимные права и обязательства в области защиты и поощрения капиталовложений, выдачи эколого-технических разрешений, отведения земельных участков, поставок оборудования и материалов, налогообложения, цены природного газа и порядка расчётов между поставщиками и потребителями. Намерение создать двусторонние обязательства на практике нередко подтверждается односторонними заявлениями глав государств и дипломатических ведомств о придании таким проектам приоритетного статуса, имеющим международно-правовое значение.

Но не кодифицированный акт, не двусторонние договоры как таковые не исключают возможности коммерческих и инвестиционных споров между хозяйствующими субъектами или государствами, руководствующимися суверенными интересами. Первоначальные интересы могут меняться под действием причин, которые не были предусмотрены, а также в результате действий третьих сторон. Разногласия могут возникнуть на любой стадии проекта и достичь такого уровня конфликтности, на котором урегулирование без обращения к толкованию норм международного права и согласования вытекающих из них обязательств государств, окажется невозможно. Сторонам необходимо будет сформировать юрисдикционный орган, в задачу которого, помимо прочего, войдет определение применимого в конкретных обстоятельствах права, устанавливающего международно-правовые обязательства. Нормы международного права следует последовательно и одновременно применять в результате толкования, к примеру, двустороннего договора и Соглашения об учреждении ВТО от 15 апреля 1994 г., регулирующего экспорт и импорт энергоресурсов как особой разновидности товаров.

Фрагментация международного права приводит к возникновению потенциально коллидирующих норм и конкурирующих режимов, что обуславливает необходимость выбора одного из них на основе специальных правил. Таковыми являются принципы, предусматривающие приоритет той нормы, которая является более конкретной, преимущество последующей нормы над ранее принятой, а также правила ч. IV Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. В двустороннем договоре может предусматриваться приоритет одних обязательств перед другими, как в п. 10 ст. 12 Соглашения между Правительством РФ и Правительством Турецкой Республики по проекту газопровода «Турецкий поток» от 10 октября 2016 г., отсылающем к Соглашению сторон об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы от 15 декабря 1997 г. Но предписания могут быть и менее однозначными, как в случае со ст. 13 названного соглашения, предусматривающей, что в отношении собственности и имущественных прав уполномоченных организаций, применяется Соглашение сторон о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 15 декабря 1997 г.

Стремление государств создать посредством международных договоров правовые режимы, наиболее благоприятствующие их хозяйствующим субъектам, ограничено нормами *jus cogens* и *erga omnes*, Уставом Организации объединённых наций от 24 октября 1945 г. и решениями органов, действующих на его основе, а также общими принципами права. Поэтому договоры, предмет которых, к примеру, нарушает суверенитет над деятельностью в энергетическом секторе и над соответствующими природными ресурсами; допускает грабительскую их эксплуатацию; не учитывает негативные трансграничные последствия для окружающей среды; препятствует развитию отраслей национальной экономики; причиняет ущерб системе международной безопасности, - не должны порождать для государств прав и обязательств как таковых, либо должны лишаться приоритета в рамках конкретного дела.

Таким образом, на текущем этапе развития международно-правовых основ энергетического сотрудничества преобладает подход, приводящий к их фрагментации, что в известной степени обусловлено интересами членов мирового сообщества. Нацеленность на урегулирование локальных вопросов позволяет сохранить конкурентные преимущества конкретных хозяйствующих субъектов, но не устраняет рисков, вытекающих из коллизии с обязательствами более общего характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вылегжанин А.Н., Дудькина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. №4. С. 21-37.
2. Пушкарёва Э.Ф., Митюшкин В.А. Некоторые международно-правовые аспекты энергетической политики Европейского Союза // Московский журнал международного права. 2020. №1. С. 103-122.
3. Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М.: Научная книга, 2014. 592 с.

СЕКЦИЯ № 5

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аксюк Инна Васильевна
кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданского права
(Южный федеральный университет)
адвокат
г. Ростов-на-Дону
e-mail: innaks7@gmail.com

САМОЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Известный дореволюционный цивилист В. И. Синайский писал: «чем культурнее среда, тем шире должна быть внесудебная защита» [10, с. 184-186].

В дореволюционном гражданском праве предусматривалась «самопомощь», «дозволенное самоуправство» «в целях восстановления юридического положения».

Институт самозащиты развит в германском праве. При определенных условиях собственник, согласно немецкому праву, используя «самопомощь» (§229 ГГУ), может сам забрать спорный предмет даже с применением силы: «Faustrecht» (дословно - «право кулака») [7, с. 86-88].

В ГК РСФСР 1922 г., ГК РСФСР 1964 г., Основы гражданского законодательства 1991 г. термин «самозащита» отсутствовал. В настоящее время статьи 12, 14 ГК РФ допускают самозащиту гражданских прав. Этот способ защиты логически следует из общего принципа диспозитивности в гражданском праве

закрепленном в п. 1 ст. 9 ГК РФ. Однако законодатель определяет право на самозащиту в самых общих чертах, не детализируя этот способ защиты. Легальная дефиниция понятия «самозащита» в отечественном законодательстве отсутствует.

Несмотря на то, что в законодательстве термин самозащита закреплен относительно недавно, доктрина российского гражданского права рассматривала и использовала это понятие и ранее. Между тем, самозащита вызывала и вызывает неоднозначную оценку в научной среде. Часть ученых полагают, что самозащита относится не к способу, а к форме защиты [12]. В литературе появился обобщающий термин «односторонние правоохранительные меры», включающий в себя меры оперативного воздействия, самозащиту гражданских прав, односторонние способы обеспечения исполнения обязательств [14].

В свое время еще В. П. Грибанов разграничивал самозащиту, к которой относил только фактические действия, направленные на охрану личных или имущественных прав и интересов управомоченных лиц, в том числе действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости [5, с. 117-132]; и меры оперативного воздействия, которые также применяются самим управомоченным лицом без обращения к государственным органам, но, по его мнению, носят юридический, а не фактический характер, т. е. всегда влекут соответствующее изменение прав и обязанностей, прежде всего для правонарушителя (например, прекращение права на оплату товара при обнаружении его недоброкачества или появление обязанности устранить за свой счет дефекты в поставленном оборудовании и т. д.) [5, с. 76; 11].

Иные авторы считают, что к мерам самозащиты относятся односторонние действия как фактического, так и юридического характера, в том числе при помощи государственных органов, не рассматривающих спор между сторонами по существу. Таким образом, самозащита включает в себя и меры оперативного воздействия [1]. Так, В. В. Витрянский, М. Н. Мальцев, А. Н. Тарасенкова, А. А. Зайцев под самозащитой понимает совершаемые без посторонней помощи прямо не запрещенные законодательством действия (бездействие) физических или юридических лиц, направленные на предупреждение или пресечение нарушений своих субъективных прав [4]. При этом, по мнению Н. В. Витрука, содержание самозащиты должно включать в себя возможность восстановления нарушенных прав [3].

В. А. Усанова, Г. А. Свердлов, Э. Л. Страунинг выделяют понятие самозащиты в широком смысле: защита прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, т. е. это и право обращения за защитой нарушенного права к государственным и иным органам и лицам, и право на собрания и мирные публичные мероприятия, и право на объединение и т. Д [16]., с чем категорически не соглашаются некоторые авторы, как например, Н. В. Витрук.

Что касается сферы применения самозащиты, то в цивилистической доктрине сформировалось три подхода к этому вопросу. Согласно первому: самозащита – это действия, направленные на защиту от нарушения своих гражданских прав только во внедоговорных отношениях [5, с. 168; 6, с. 265-266]. Вторая точка зрения обосновывает ограничение сферы использования самозащиты договорными отношениями [15]. Третий подход занимает компромиссную

позицию пытаясь объединить первую и вторую из указанных точек зрения. В соответствии с ним, самозащита является действиями по защите гражданских прав как во внедоговорных, так и в договорных отношениях [2].

Судебная практика исходит из того, что самозащита гражданских прав может выражаться в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество, а также в воздействии на имущество правонарушителя, в том числе если она обладает признаками необходимой обороны или совершена в состоянии крайней необходимости [8].

Согласно ст. 14 ГК РФ способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Самозащита не может быть признана правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный [9]. Иными словами, превышение указанных пределов превращает правомерные действия в правонарушение и влечет возникновение деликтного обязательства.

Следует отметить, что в ст. 14 ГК РФ упоминаются «способы самозащиты», но нигде более прямо не указывается ни на один из них.

Традиционно к способам самозащиты относят действия в состоянии необходимой обороны (ст. 1066 ГК РФ) и крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ), которые могут осуществляться до совершения нарушения субъективного гражданского права, при этом в ГК РФ нет определения необходимой обороны. Мы вынуждены пользоваться определением этого понятия в ст. 37 УК РФ.

Не вызывает сомнений отнесение к самозащите удержания.

Статья п. п. 4, 7 ст. 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» [17] закрепляет институт, получивший в литературе название «институт деловой цели». Акционер, не имеющий блокирующего пакета, обязан обосновать деловую цель получения документов компании. Суды, установив злоупотребление акционером своими правами, как правило, по совокупности обстоятельств, выразившееся в направленности действий акционера не на добросовестную защиту собственных интересов, а на создание объективных трудностей, способных отрицательно влиять на хозяйственную деятельность общества в целом и на интересы других акционеров, квалифицируют отказ общества в предоставлении информации в соответствии с вышеуказанными нормами права как самозащиту прав [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басин Ю. Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав в кн.: Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик. Саратов, 1971. С. 36; Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 5-17.

2. Брагинский М. И. в кн.: Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / под ред. М. И. Брагинского. М., 1995. С. 56; Сергеев А. П. в кн.: Гражданское право. Учебник /

под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. М., 1999. С. 284; Тарасенкова А. Н., Зайцев А. А. Указ. соч.

3. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. «Норма», 2008.

4. Витрянский В. В. Проблемы арбитражно-судебной защиты гражданских прав участников имущественного оборота. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 14-17. Мальцев М. Н. Самозащита субъективных прав по российскому законодательству (теоретико-правовое исследование). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 7, 15; Тарасенкова А. Н., Зайцев А. А. Жизнь без конфликтов: добрососедство и закон. М., 2016.

5. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 117-132.

6. Рясенцев В. А. в кн: Советское гражданское право. Учебник / под ред. В.А.Рясенцева. М., 1986. С. 265-266.

7. Кораблева М. С. Защита гражданских прав: новые аспекты в кн.: Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского. М., 1998. С. 86-88.

8. П. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ».

9. П. 9 Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 1.07.96 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса РФ».

10. Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 184-186.

11. См. также: Живихина И. Б. оперативный способ защиты права собственности // Российский судья. 2006. № 3.

12. См., например: Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010. С. 242; Бутнев В. В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав: Сборник научных трудов. Ярославль, 1990. С. 16; Страунинг Э. Л. Самозащита гражданских прав. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 31, 39.

13. См., например: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.06.2015 г. по делу № А62-6896/2014.

14. См., например: Южанин Н. В. Односторонние правоохранительные меры // Налоги. 2009. № 27.

15. Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 82.

16. Усанова В. А. Конституционное право человека на самозащиту в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 10, 21, 27; Свердлов Г. А., Страунинг Э. Л. Понятие и юридическая природа самозащиты гражданских прав // Государство и право. 1998. № 5.

17. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) «Об акционерных обществах».

Алиев Тигран Тигранович
доктор юридических наук, профессор

Почетный адвокат России
профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин
(Российская государственная академия интеллектуальной собственности)
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
(Институт мировых цивилизаций)
г. Москва
e-mail: tta70@mail.ru

АВТОРСКОЕ ПРАВО НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В соответствии со ст. 1259 ГК РФ объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения. Стоит заметить, что перечень объектов авторских прав является открытым.

К числу сложных объектов законом отнесены аудиовизуальные произведения (ст. 1263 ГК РФ), то есть произведения, состоящие из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Права изготовителя аудиовизуального произведения, то есть лица, организовавшего создание этого произведения (продюсера), определяются в соответствии со ст. 1240 ГК РФ, то есть на основании лицензионных договоров и договором об отчуждении исключительных прав, заключаемых с правообладателями на произведения, входящие в состав аудиовизуального произведения (авторами музыкальных произведений, исполнителями и т.д.).

Музыкальные же произведения, чаще всего, создаются целой группой людей: композитор, автор текста и прочие. Соответственно, музыкальные произведения также являются результатом интеллектуальной деятельности, чаще результатом коллективной интеллектуальной деятельности. Поскольку музыкальные произведения являются сложным объектом, они вызывают наибольший интерес в аспекте исследования их правового регулирования авторским правом.

Музыкальные произведения – одни из самых распространенных объектов авторского права, вопросы их правового режима и защиты остаются актуальными. Кроме того, некоторые моменты авторского права здесь могут пересекаться со смежными правами на эти же объекты. Обратим внимание на эти и иные особенности. В статье 1259 Гражданского кодекса РФ музыкальные произведения делятся на два типа: с текстом и без него. В первом случае речь идет по большому счету о песнях, во втором – лишь о музыкальной композиции. Рассмотрим каждую разновидность более подробно.

В данном случае имеет место определенная комбинация звуков, у которой существует автор, придумавший определенную последовательность нот, а затем объективно выразивший все это, например, записав ноты на бумаге.

На выходе имеется только один результат интеллектуальной деятельности, у которого единственный автор (за исключением случаев, когда произведение создается в соавторстве).

Однако, в данном случае, следует обратить внимание на такой момент. Представим, что рок-группа создает композицию, и каждый ее участник (гитарист, барабанщик, бас-гитарист, клавишник) написали свою партию. Возникло соответственно четыре объекта авторских прав, однако на выходе, скорее всего, получится единый сложный объект (произведение, включающее в себя все партии инструментов). Такой случай допускается в соответствии с п. 1 статьи 1240 Гражданского кодекса РФ. Для этого необходимо, чтобы создатель сложного объекта заключил с каждым из участников договоры (лицензионные или об отчуждении). Так, правообладателем готовой композиции будет уже конкретное лицо, а участники группы, создавшие простые объекты (в нашем случае это инструментальные партии), уже не будут иметь исключительных прав на сложный объект. Как правило, создателем композиции как сложного объекта в музыкальной группе является ее лидер, который руководит общим творческим процессом.

Здесь вместе с инструментальными партиями присутствует и текст, как правило, в стихотворной форме. Наиболее распространенный вид таких произведений – песни. У песен, как правило, присутствуют два автора – композитор (создатель музыки) и поэт (автор текста), причем именно они указываются в качестве авторов, следовательно, можно говорить о наличии соавторства, причем это как раз тот случай, когда оба результата творческой деятельности могут быть использованы отдельно.

Согласно ст. 1259 ГК РФ, объект авторского права – произведение искусства, литературы и науки, независимо от назначения и достоинств произведения, а также способа его выражения. Кроме того, оно должно быть выражено в какой-либо объективной форме, чтобы находиться под законной охраной, независимо от того, было ли оно обнародовано. Исходя из норм ст. 1228 и ст. 1259 ГК РФ, произведение является результатом творческой работы над ним.

Для признания результата интеллектуальной деятельности объектом авторских прав необходимо, чтобы он отвечал двум основным критериям охраноспособности (специальные признаки объектов авторских прав) [4].

Поскольку музыкальное произведение подходит под все критерии объекта авторского права, следовательно его можно считать таковым. Данное обстоятельство имеет свое легальное закрепление в п. 1 ст. 7 ФЗ «Об авторском праве и смежных правах». Стоит отметить, что в данном нормативном правовом акте, однако, отсутствует дефиниция музыкального произведения.

Музыкальное произведение представляет собой результат композиторской деятельности, звуковую композицию, которая состоит из трёх частей – начало, развитие, окончание или, как заведено в настоящее время, из куплета, припева и проигрыша. Разновидностей такого объекта интеллектуальной деятельности очень

много, например, народная песня, инструментальная импровизация, ария, музыкальная пьеса и так далее.

В.И. Серебровский считал, что произведением искусства можно считать только результат творческого труда, который представляет собой совокупность мыслей, идей и образов, а М.В. Гордон дополнил это определение. В его представлении это «комплекс идей и образов, получивший своё объективное выражение в готовом труде» [1].

Такое суждение не вызывает сомнения в своей правильности, в связи с чем можно заключить, что любой достойный внимания предмет искусства (песня, картина) не должны представлять собой сложный для восприятия набор звуков или бессмысленный набор нот, ведь это – творческое достижение, уникальное в своём роде, а значит, оно должно обладать формой, содержанием, внутренней структурой и смыслом, признаваться таковым в соответствующих областях художественного творчества.

По мнению одной группы учёных, авторов известных учебников, воспроизводимость произведения и объективная форма составляют единый признак охраноспособного произведения. Они считают, что нет необходимости говорить особо о воспроизводимости произведения, так как о его возможности свидетельствует наличие у произведения объективной формы [2]. Воспроизводимость является самостоятельным признаком произведения, а закон охраняет только произведения, объективная форма которых обеспечивает возможность их воспроизведения без участия самого автора. При этом они признают, что исполненные на сцене музыкальные произведения, так же как и устные доклады, несмотря на то, что они нигде не зафиксированы, всё-таки существовали в объективной форме, поскольку были услышаны другими людьми [3]. Однако, такая форма исполнения, не связанная с каким-либо материальным носителем, является неустойчивой – её легко можно утратить, потерять, всячески исказить.

Никто не может повторить в точности свое произведение – это утверждение, которое видится очевидным и не требующим обоснования. Также признаком того, что музыкальная композиция является результатом творческой деятельности, интеллектуального труда и объектом авторского права, можно считать наличие определённых прав автора на конкретное произведение. В результате создания музыкального произведения, его автор приобретает ряд субъективных авторских прав имущественного и неимущественного характера. Можно провести аналогию со сделкой купли-продажи: при покупке какой-либо вещи, покупатель так же приобретает имущественные права на неё.

Таким образом, музыкальное произведение является результатом интеллектуальной (творческой) деятельности и объектом авторского права, поскольку отвечает всем необходимым для этого требованиям (подпадает под все признаки объекта авторского права). Музыкальное произведение — тип звукового произведения, организованного по музыкально-композиционным принципам, которое может быть представлено "живым" исполнением, его трансляцией, видеозаписью, фонограммой (а также любой комбинацией исполнения, трансляции, аудио- и видеозаписи) и которое может быть зафиксировано в

традиционной нотной записи или в иной специальной текстовой, графической, инфографической, цифровой и электронно-цифровой (в том числе MIDI) записи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисов А.С. Понятие музыкального произведения как объекта авторского права и вида произведения как результата интеллектуальной (творческой) деятельности / Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 3(17). – С. 47.
2. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. – М. : Юридическая литература. – 1957. – С. 80-81.
3. Кириллова М.Я. Развитие авторского права. Свердловск, 2011. – С. 10.
4. Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф.. – М.: Статут, 2017. – С. 76.

Бакаева Ирина Владиленовна
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: i.bakaeva2012@yandex.ru

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА И ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Изменение социально- экономического строя Российской Федерации конца прошлого столетия, повлекшее за собой значительное расширение и усложнение области частных интересов, требующих своей юридической институционализации, обусловило системное реформирование предмета гражданско- правового регулирования, в том числе в аспекте совершенствования правовой регламентации личных неимущественных отношений, объектом которых выступают нематериальные блага. Конституционное провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью, а также признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина -обязанностью государства (ст.2 Конституции РФ) закрепило общий вектор развития гражданского законодательства в направлении его последовательной гуманизации как основы частного права. Новая аксиология взаимоотношений личности, общества и государства поставила перед цивилистами методологические проблемы теоретического осмысления нематериальных благ как объектов современного гражданского права, а в более широком теоретическом аспекте - личных неимущественных отношений, объектами которых они выступают, в качестве элемента предмета гражданско- правового регулирования.

Однако в науке гражданского права, несмотря на многочисленные обращения профессионального юридического сообщества к рассматриваемой нами проблематике, не сложилось единого мнения по целому ряду проблем - к определению понятия нематериальных благ, их правовой природы, классификации, признаков, соотношению с понятием личного неимущественного права [3; 4; 5; 8; 9]. С учетом ограниченного объема настоящей работы мы можем

сделать только отдельные выводы о нематериальных благах, в том числе об их отличительных признаках, как объектах гражданских прав. Анализ специальной литературы и гражданского законодательства позволяет нам высказать мнение о преувеличенности юридических признаков нематериальных благ.

Полагаем, что, прежде всего, требует критической оценки свойство нематериальности духовных благ. В гражданском законодательстве отсутствуют определения, в частности, понятий жизни, здоровья, деловой репутации и т.п. Однако смысловые контексты говорят о том, что они главным образом затрагивают материальную основу человеческого бытия и лишь частично касаются духовных благ. Поэтому не природа подобных благ, а именно их аксиологическая интерпретация, осознание их личной и социальной ценности обуславливают отнесение этих объектов к нематериальным благам.

Анализ ряда норм современного гражданского законодательства РФ (абз. 2 п. 4 ст. 19, абз.1 п.1 ст. 152.1, ст.152.2 ГК РФ и др.) позволяет усомниться в наличии у нематериальных благ и такого практически аксиоматического признака, как нетоварность и невозможность денежной оценки. Так, к примеру, деловая репутация для коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей значима не столько в виде нематериального блага, сколько в качестве реального нематериального актива, имеющего экономическую ценность и отражаемого в финансовой отчетности. Весьма примечательно, что под нематериальными активами подразумеваются активы, имеющие стоимость, но не имеющие натуральной материально - вещественной формы (п.3 подп. «ж» Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов (ПБУ 14/2007) [11]» и, следовательно, не являющиеся физическими объектами. Тот факт, что деловая репутация может иметь денежную оценку и выступать в качестве самостоятельного объекта в гражданском (имущественном) обороте подтверждается и иными нормами гражданского законодательства (п. 2 ст. 1027, п.1 ст. 1042 ГК РФ).

Активное развитие в условиях рыночной экономики имущественного оборота повлекло за собой значительную коммерциализацию некоторых нематериальных благ. В их числе можно обозначить имя гражданина, его внешний облик, личную и семейную тайну, наименование юридического лица и т.п. С учетом их возросшей социальной значимости они становятся практически востребованными в качестве объектов гражданского оборота, вследствие чего традиционные утверждения об отсутствии у нематериальных благ экономического (имущественного) содержания, их нетоварной природы, неотделимости от лица, невозможности денежной оценки требуют теоретического переосмысления.

Полагаем, что перспективным направлением современных исследований нематериальных благ является верификация формирующегося в цивилистической литературе нового научного подхода, признающего потенциальную способность некоторых нематериальных благ приобретать форму товара, иметь денежную оценку и свойства оборотоспособности [6; 9; 10].

В своем суждении мы исходим из следующих базовых положений. Среди нематериальных благ как объектов гражданских прав под воздействием рыночных отношений интенсивно формируется их особая группа, имеющая сложную двуединую правовую природу. С одной стороны, подобные блага товаризируются,

вследствие чего они приобретают определенные имущественные свойства и утрачивают присущие необоротоспособным нематериальным благам признаки неразрывной связи с личностью, неимущественного характера, неотчуждаемости и непередаваемости иным способом. Но, с другой стороны, с точки зрения своей физической субстанции эти нематериальные блага выступают в виде духовных (неовещественных, дематериализованных, идеальных) ценностей. В качестве объектов гражданских прав их следует рассматривать как личные неимущественно-имущественные блага. В части присущих им имущественных свойств они приобретают товарную и, следовательно, имущественно-стоимостную форму, посредством которой обеспечивается их участие в гражданском обороте при одновременном сохранении ими ряда признаков, характерных для нематериальных благ (отсутствие физической субстанции, специфика оснований возникновения, изменчивость, индивидуализация лица, способность к удовлетворению его неимущественных интересов). В таком теоретическом аспекте специфика правовой природы личных неимущественно-имущественных благ не изменяет концепта их включения в систему объектов гражданских прав через обобщенное понятие нематериальных благ, призванных обеспечить телесное (физическое), социальное и духовное благополучие личности.

Итак, участие личных неимущественно - имущественных нематериальных благ в гражданском обороте в виде товаров в значительной степени сближает их с имущественными объектами гражданских прав. В этом проявляются реально существующие межвидовые связи и взаимодействия отдельных групп объектов гражданских прав в рамках их общей системы.

Нематериальные блага выступают объектами личных неимущественных отношений [2], признаваемых в соответствии с абз.1 п.1 ст.2 ГК РФ одним из структурных элементов предмета гражданско-правового регулирования. Эти отношения вне всякого сомнения отличаются от регулируемых гражданским правом имущественных, корпоративных и предпринимательских отношений по своему содержанию, объектам, основаниям возникновения и прекращения и иным признакам, что свидетельствует о постепенно усиливающейся диверсификации сферы гражданско-правового регулирования.

Теоретическое обоснование введения личных неимущественных отношений в предмет гражданско-правового регулирования связано, по нашему мнению, с формированием более целостной и соответствующей современным социально-правовым реалиям методологии собственности.

Продуктивные научные гипотезы, ориентирующие движение в данном направлении, уже заявлены. Так, С.А. Зинченко и В.В. Галовым высказана концептуальная идея о том, что «в сфере жизнедеятельности человека и гражданина отношения по поводу личных нематериальных его благ, а также физического и социального благополучия также являются отношениями собственности, реализуемыми вне вещно-имущественных форм» [1].

Логическая верификация этой идеи показывает, что, действительно, в отношениях по поводу нематериальных благ отсутствует вещная связь субъект–объектного характера. Однако мы можем вычленить аналогичную субъект–объектную связь, характеризующуюся понятием «присвоение» благ.

Поскольку присвоение является центральным элементом отношений собственности, выявляется методологическая предпосылка для рассмотрения комплекса личных неимущественных отношений, складывающихся по поводу нематериальных благ, через конструкцию превращенной формы собственности, которая ценностные отношения трансформирует в отношения присвоения и возникающие на их основе субъективные гражданские права.

Подобный подход к обоснованию включения личных неимущественных отношений в предмет гражданско-правового регулирования требует глубокого теоретического осмысления и потому заявлен нами в порядке постановки проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинченко С.А., Галов В.В. Собственность и производные вещные права: теория, практика. Ростов н/Д: Издательство СКАГС, 2003. С.28-29.
2. Можно согласиться с мнением В.Д. Рузановой о возможности использовать объектный признак в качестве классификационного критерия общественных отношений, гражданских правоотношений и субъективных гражданских прав, что позволяет автору обосновать принцип единства их объектного критерия. Более подробно об этом см.: Рузанова В.Д. Вопросы разграничения имущественных и неимущественных гражданских правоотношений // Законы России: опыт, анализ, практика.2012. №4. С. 14-19.
3. См., например, Арзумян А.Б. Нематериальные блага как объекты гражданских прав: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С.10-19.
4. См., например, Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации / Л.О. Красавчикова. Екатеринбург: УрГЮА, 1994. С.12,23-25.
5. См., например, Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика //Законы России: опыт, анализ, практика. 2012.№4. С.10-14.
6. См., например, Бакаева И.В. Личные неимущественные отношения в предмете гражданско-правового регулирования: традиция и модернизация //Судебная реформа в России: преемственность и модернизация: Материалы Международной научно- практической конференции, посвященной 150-летию Судебной реформы Александра II (г. Белгород, 10-11 октября 2014 г.). Белгород: ООО «ГиК», 2014. С.253-254.
7. См., например, Долинская В.В. Предмет гражданского права: тенденции и проблемы развития //Цивилист.2011. №4. С.19.
8. См., например, Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита //М.: МЗ Пресс, 2000. С.11-18.
9. См., например, Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы //Законы России.2012. №4. С.7-9.
10. См., например, Слипченко С.А. К вопросу о денежной оценке нематериальных благ и приобретении ими экономической формы товара

//Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества: Материалы международной научно-практической конференции: В 2 т. Краснодар: Просвещение. Юг.2005. Т.1.С.180-184.

11. Утверждено Приказом Министерства финансов от 27.12.2007 г. №153н // Российская газета. №22. 02.02.2008.

Батрова Татьяна Александровна
доктор юридических наук, доцент
(Всероссийский государственный университет юстиции)
г. Москва
e-mail: batrovatiana@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО СБОРА, ОБРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ, РАЗМЕЩЕННОЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Цифровые технологии, предоставляющие широкие возможности для сбора и обработки информации, все чаще становятся объектом внимания правоприменителей, вынужденных оценивать правомерность использования результатов анализа больших данных, размещенных в интернете. Среди них наибольшее распространение подучили **веб-краулеры, именуемые также «пауками», «ботами», «паукообразными роботами»,** которые представляют собой программные приложения, основным предназначением которых является «блуждание» по просторам интернета и сбор информации для индексирования ее в определенных целях.

Правомерность их использования, а также наличие оснований для привлечения к ответственности лиц, применяющих подобные технологии сбора информации, в зарубежной практике оценивается с различных позиций. В частности, предпринимались и попытки представить веб-краулинг как нарушение условий договора об использовании веб-сайта и его содержимого, что, впрочем, предполагает оценку механизма его заключения, способа доведения соответствующей информации до пользователя и получения согласия последнего. В этом смысле соглашение типа `clickwrap`, предполагающее сопровождение представления условий использования сайта на экране требованием нажатия кнопки или информационного поля, отражающего согласие с ними, является более предпочтительным по сравнению с соглашением типа `browsewrap`, при котором условия использования предоставляются на веб-сайте через гиперссылку, что не дает никаких гарантий ознакомления пользователя с условиями использования сайта [1, 33].

Наряду с этим суды оценивали подобную практику как посягательство на движимое имущество. Так, по делу *Ebay Inc. v. Bidder's Edge, Inc.* [2] суд запретил Bidder's Edge, агрегатору аукционных данных, использовать **веб-краулер** для сбора данных с веб-сайта eBay, посчитав, что это равносильно незаконному проникновению в движимое имущество. Несмотря на то, что суд, по его собственному признанию столкнулся с «некоторой неопределенностью в отношении точного уровня посессорного вмешательства», он пришел к выводу, что

имело место: 1) вмешательство в использование чужой личной собственности, поскольку поведение Bidder's Edge равносильно использованию компьютерной системы eBay, которой принадлежит соответствующий сервер с определенной емкостью; 2) деятельность Bidder's Edge снизила: а) качество или ценность компьютерных систем eBay путем ограничения части пропускной способности серверов eBay; б) лишила eBay возможности использовать эту часть емкости сервера в своих интересах. При этом защита была фактически предоставлена лишь владельцам собственных серверов, оставив без внимания проблему программного сбора данных лиц, веб-сайт которых находится на сервере коммерчески доступного интернет-провайдера. Уязвимость подобного подхода отчетливо демонстрирует и позиция суда делу Ticketmaster Corp., et al. V. Tickets.Com, Inc., где было обращено внимание на невозможность установления признаков деликта ввиду того, что фактического изъятия движимого имущества на значительное время не происходит, а приведенные заинтересованным лицом аргументы не свидетельствуют о повреждении компьютеров или их эксплуатации. Кроме того, «трудно понять, как вход на общедоступный веб-сайт можно назвать нарушением права собственности, поскольку все приглашаются войти» [3]. Подобный подход стал подвергаться критике и в юридической доктрине, поскольку он создает угрозу реализации основных функций интернета, обнажая недостатки, присущие применению традиционных правовых доктрин защиты права собственности к киберпространству [4].

В качестве дополнительного аргумента в пользу защиты интересов владельцев серверов и веб-сайтов в ряде случаев предпринимаются попытки сослаться на нарушение права интеллектуальной собственности. В одних случаях, поднимался вопрос о защите авторского права. При этом затрагивалось несколько аспектов: правомерность использования программных средств извлечения информации, предполагающих создание временной копии с целью получения незащищенной информации; возможность распространения авторского права на URL-адреса; допустимость признания рассматриваемой практики в качестве нарушения исключительных прав авторов и правообладателей на воспроизведение. Однако с приводимыми аргументами суды не согласились, указав на то, что URL – «это просто адрес, открытый для публики», в силу чего его нельзя сделать объектом авторского права [3].

В других, поднимался вопрос о нарушении права на товарный знак, который, по мнению правообладателей, «размывается» в результате использования рассматриваемых технологий вследствие представления веб-краулерами на контент третьих лиц на своих собственных веб-сайтах, что может ввести потребителей в заблуждение относительно источника получаемых данных. Камнем преткновения может стать и предоставление информации в контексте, дающем возможность ее использования без посещения сайта, являющегося ее первоисточником, хотя он может содержать важные дополнительные условия и положения (что значимо для потребителя), а также рекламу (что имеет значение для владельца сайта). Очевидно, что в каждом конкретном случае возникает необходимость исследования того, в каком контексте используются чужие средства индивидуализации. При этом не признается нарушением упоминание о

них в сравнительном аспекте, поскольку это не может ввести потребителей в заблуждение, но позволит осуществить им выбор компании, предлагающей те или иные товары, работы и услуги.

Правомерность веб-краулинга может быть оценена и с точки зрения привлечения к ответственности за антиконкурентные действия. Противники распространения подобной практики указывают на то, что применяемые программные средства создают условия для недобросовестного использования уже созданной онлайн-базы данных для собственных коммерческих целей. Следует отметить что суды данную точку зрения не поддерживают, если владелец сайта не предпринимает никаких действий для предотвращения доступа конкурентов к своей информации. Так, по делу *Cvent, Inc. v. Eventbrite, Inc. et al* суд обратил внимание на то, что база данных CSN Cvent не защищена паролем, и пользователи веб-сайта не обязаны выражать согласие с условиями использования, например, нажав «Я согласен» перед получением доступа к базе данных [5].

Более того, все чаще появляется озабоченность тем, что предоставление владельцам веб-сайтов запрещать веб-краулинг и предоставление средств правовой защиты от них, противоречит принципу защиты конкуренции. На это обстоятельство, в частности ссылался *hiQ Labs, Inc.*, утверждавший, что LinkedIn заблокировала свой доступ к данным участников, чтобы монетизировать их для себя с помощью конкурирующего продукта, что следует рассматривать как акт недобросовестной конкуренции в соответствии с калифорнийским законодательством. Суд согласился с тем, что поведение LinkedIn «нарушает дух антимонопольного законодательства» поскольку, LinkedIn использует свое доминирование в онлайн-профессиональных сетях для получения преимущества перед *HiQ* на рынке аналитики данных. Суд не убедили аргументы LinkedIn о том, что он действовал в первую очередь в интересах обеспечения конфиденциальности сведений о своих пользователях, а не в целях исключительного контроля над собранными ими данными, установив практику предоставления LinkedIn пользовательских данных другим третьим лицам. В результате выборочный запрет потенциальным конкурентам на доступ и использование общедоступных данных был признан актом недобросовестной конкуренции [6].

В целом можно констатировать, что вопрос о правомерности автоматизированного сбора, обработки и использования информации, размещенной в сети интернет, зависит от нескольких обстоятельств, поскольку само по себе «выскабливание паутины» не может рассматриваться как правонарушение. Вместе с тем, суды, рассматривая спорные ситуации, обращают внимание на тип собираемых данных, уделяя внимание проблемам защиты персональных данных, способам извлечения данных, а также целям их использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Viscounty P. J., Barry J. L., Field J. Spiders, Crawlers and Bots, Oh My: The Basics of Website Scraping // *Intellectual property today* // 2012. № 10. P. 32-36.
2. *eBay, Inc. v. Bidder's Edge, Inc.*, 100 F. Supp. 2d 1058, 1069 (N.D. Cal. 2000) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/100/1058/2478126/>

3. Ticketmaster Corp.v.Tickets.com, Inc., No. CV99-7654- HLH, 2003 U.S. Dist. LEXIS 6483 (C.D. Cal. Mar. 6, 2003 // URL: <https://h2o.law.harvard.edu/cases/4518>
4. Merrell C. *Trespass to Chattels in the Age of the Internet* // Washington University Law Review Washingt. 2002. Vol. 80 Iss. 2. 675-703.
5. Cvent, Inc. v. Eventbrite, Inc. et al 2010 U.S. Dist. LEXIS 96354 (E.D. Va. Sept. 14, 2010) // URL: <https://docs.justia.com/cases/federal/district-courts/virginia/vaedce/1:2010cv00481/253582/35/>
6. hiQ Labs, Inc. v. LinkedIn Corp., No. 17-16783 (9th Cir. 2019) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/17-16783/17-16783-2019-09-09.html>

Бочаров Андрей Николаевич
юрисконсульт
ООО ЮКК «Арбитр»
г. Ростов-на-Дону
e-mail: an.bocharov@yandex.ru

КОМПЕНСАЦИЯ УЩЕРБА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИЛИ УТОПИЯ?

В 2020 году мировая экономика, целые государства и, как следствие, их правовые системы столкнулись с наиболее глобальным вызовом в современной истории, а именно угрозой, которую представляет пандемия новой коронавирусной инфекции. Ее исключительное значение и новизна для сложившихся систем хозяйственных связей обусловлены двумя основными факторами, среди которых разобщение и дистанцирование всех контактов между субъектами гражданского оборота, а также беспрецедентность ограничительных мер, вводимых публичным субъектом правоотношений. Указанное выводит на новый практический уровень необходимость применения легальных механизмов минимизации негативных последствий введения экстраординарных правовых режимов для рядовых граждан и компаний.

Традиционно, для российского права характерна достаточно инертная реакция на подобные системные вызовы. Именно в таком ключе складывается на данный момент судебная практика в области защиты умаленных действиями государства и органов местного самоуправления субъективных прав. Суды по-прежнему исходят из деликтного подхода к восстановлению нарушенных прав, который неизменно основывается на концепции вины. Однако сам по себе характер мер, предпринимаемых государством для предотвращения распространения глобальных эпидемий и пандемий, нельзя рассматривать через призму подобных взглядов, поскольку такая деятельность относится к базовой компетенции государства, которая обеспечивает наиболее фундаментальную потребность человеческого общества — безопасность. Поэтому говорить о виновности публичного субъекта в данном случае не вполне корректно. Между тем, реальность негативных имущественных последствий для обычных граждан и организаций не только очевидна, но и неизбежна. При этом необходимо учитывать, что их масштаб

уже не позволяет государству игнорировать подобные вызовы в объективно существующей социальной действительности. И именно это является ключевым фактором, который вызывает к жизни необходимость пересмотра устоявшихся подходов к решению такого рода проблем.

Российское законодательство в данном случае обладает значительным модернизационным потенциалом, в частности, в него интегрированы различные нормы о компенсационных правоотношениях. Так, статья 16.1 Гражданского кодекса РФ [1] предусматривает возможность компенсации ущерба, нанесенного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. Возможность ее реализации основывается на двух принципиальных отличиях от деликтных обязательств: применение при отсутствии факта правонарушения и вины публичного субъекта, что значительно упрощает в теории сам механизм восстановления умаленных гражданских прав субъекта. На значение данной нормы как фундаментального средства защиты прав лиц указывает также Конституционный Суд РФ, который неоднократно отказывал заявителям в ее оспаривании, мотивируя это тем, что норма статьи 16.1 Гражданского кодекса РФ является бланкетной и сама по себе не может нарушать права граждан [2].

Таким образом, в арсенале судов на сегодняшний день присутствует эффективное средство построения правовой позиции, конечной целью которой является достижение социального баланса в новых экономических условиях. Единственным объективным препятствием для применения указанной нормы остается банальное нежелание судов, основанное на внутреннем убеждении.

Необходимо отметить, что отдельные суды демонстрируют в данном вопросе гораздо более прогрессивную позицию, однако такие примеры чаще всего имеют более раннюю историю реализации. Так, Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд еще в 2018 году принял постановление от 05.12.2018 № 15АП-17684/2018 [3] по делу № А32-17462/2018 в котором удачно применил норму статьи 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации к отношениям по компенсации ущерба от проведения противоэпидемических мероприятий, связанных с ликвидацией очагов особо опасных болезней животных на территории Краснодарского края. Суд в данном случае применил цепочку из двух норм: статьи 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 19 Закона РФ от 14.05.1993 № 4979-1 "О ветеринарии" [4]. Примечательно, что непосредственно в статье 19 Закона о ветеринарии нет прямой ссылки на возможность применения статьи 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Такая схема построения правовой позиции может быть использована в современных условиях массового применения ограничений, направленных на противодействие распространению новых эпидемиологических угроз. Отдельно необходимо отметить, что указанная модель обладает признаком универсальности, что для практики правоприменения является одним из ключевых факторов ее успешной реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Дата обращения — 02.10.2020].

2. Определение Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 N 1485-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кулькова Бориса Владимировича на нарушение его конституционных прав подпунктами 4 и 5 пункта 1 и пунктом 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации, статьей 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» [Дата обращения — 02.10.2020].

3. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2018 № 15АП-17684/2018 по делу № А32-17462/2018 // СПС «КонсультантПлюс» [Дата обращения — 02.10.2020].

4. Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 "О ветеринарии" // СПС «КонсультантПлюс» [Дата обращения — 02.10.2020].

Волос Алексей Александрович

кандидат юридических наук
(Саратовская государственная юридическая академия)

г. Саратов

e-mail: volosalexey@yandex.ru

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В СФЕРЕ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА¹

Последние годы развитие современных технологий шло по пути их внедрения во все сферы общественной жизни. Отношения, входящие в предмет гражданско-правового регулирования, не стали исключением. Уже далеко не новинку заключение договоров с использованием цифровых технологий, проведение переговоров онлайн, оказание услуг дистанционно и т.п.

Новейшие технологии стали использоваться и в сфере корпоративных отношений. Действительно, в связи с пандемией коронавируса, ограничением передвижения граждан, введением нерабочих дней осуществление корпоративных прав и исполнение обязанностей стало затруднено. Так, законодательно установлены требования к порядку проведения общего собрания акционеров. Общество обязано проводить такое общее собрание акционеров ежегодно. Однако в России на длительное время был установлен период нерабочих дней. Подобное положение поставило вопрос о порядке проведения таких собраний.

Проблемы возникали и по поводу прав отдельных участников корпорации. Например, реализация права на участие в общем собрании участников корпорации или права на ознакомление с документацией, связанной с деятельностью юридического лица, ранее происходило лично. Теперь для этих целей все чаще используется дистанционная форма. Особую роль в данном случае может быть предоставлена технологии «блокчейн», которая способна перевести процесс

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-11-00538 на тему «Концепция правового регулирования смарт-контрактов».

осуществления ряда корпоративных прав и исполнения корреспондирующих обязанностей в онлайн формат.

Актуальность предложенной темы вызвана как теоретическими, так и практическими аспектами. С точки зрения теории важно выстроить общую модель регулирования корпоративных отношений, осложненных использованием технологии «блокчейн». В данном случае особую роль могла бы сыграть концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов. Указанная концепция предложена в предыдущих исследованиях.

С позиции правоприменительной практики следует дать необходимые рекомендации судам и иным правоприменительным органам по вопросам толкования действующих норм права в контексте регулирования отношений, осложненных использованием цифровых технологий, в общем, и технологии «блокчейн», в частности.

Использование современных технологий могло бы перспективно сказаться на развитие корпоративных взаимодействий и в плане эффективности менеджмента организации. Как указывается в зарубежных источниках, корпоративное управление требуется в каждом бизнесе и организации. Оно включает в себя следующее: от организации и распределения счетов, получения денег и накопления до решения вопросов с новыми сотрудниками и дальнейшей заработной платы. Все эти функции выполняются через администратора, от деятельности которого зависит успех любой компании. При этом сложность такой работы обусловлена ее многозадачностью. Работу компании часто замедляют действия, требующие одобрение со стороны различных отделов. Все эти задержки и проблемы приводят к большим затратам, которые оказывают негативное влияние на компанию.

Большая роль здесь может быть отведена цифровым технологиям. Смарт-контракты позволяют использовать точность, скорость и безопасность технологии блокчейна в бизнесе, чтобы упростить процессы администрирования и избавиться от неэффективности работы. Они также обеспечивают доверие ко всем документам, так как они зашифрованы в бухгалтерской книге и поэтому не могут быть потеряны или повреждены. Это означает, что компаниям не нужно беспокоиться о давних документах, которые могут им когда-нибудь понадобиться, поскольку они всегда будут записываться и храниться в Интернете [3].

Вопросы применения новейших технологий в отношениях между участниками юридического лица неоднократно подлежали обсуждению на страницах научной литературы, в том числе и в России. Например, Л.В. Санникова в целом положительно оценивала данную тенденцию, ведь «децентрализация позволяет исключить посредника в виде наемного менеджера из ряда процессов в корпоративном управлении... участники получают больше возможностей участия в управлении корпорацией» [2, с. 28]. С другой стороны, имеется и немало скептиков, аргументы которых различны. Во-первых, многие полагают, что действующая система корпоративного управления, например, система регистраторов акционеров, и так является достаточно эффективной. Видимо, поэтому Банк России и не поддержал идею использования технологии блокчейн

для целей ведения реестров. Во-вторых, смарт-контракты и блокчейн не устраняют полностью посредников и не создают очевидных преимуществ для участников многих корпоративных отношений (в частности, для целей голосования) [2, с. 27-36]. Поэтому многие ученые указывают на необходимость «осмотрительно и сдержанно» подходить к вопросу внедрения на первый взгляд уникальных и удачных цифровых технологий в условиях неизбежной цифровизации экономики» [1, с. 31-33].

Не отрицая тот факт, что в принципе любые технические и правовые нововведения должны происходить «осмотрительно и сдержанно», нельзя не отметить, что субъекты корпоративных отношений должны иметь право использовать блокчейн и смарт-контракты в своих целях постольку, поскольку иное не предусмотрено законом. Отсутствие в законодательстве такого права само по себе не означает, что блокчейн не может быть применен, например, для голосования на общем собрании участников, но значительно повышает риски, в том числе правовые, связанные с неоднозначной оценкой использования технологий со стороны контролирующих органов. Поэтому закрепление в законодательстве или на уровне высшего судебного органа права на использование блокчейна и смарт-контрактов в целях корпоративного управления могло бы положительно в целом сказаться на развитии цифровизации корпоративных отношений.

Из иных положительных моментов необходимо сказать, что блокчейн мог бы способствовать расширению сотрудничества и гибкости в корпоративном управлении. Имеются самые разные направления использования данной технологии в корпоративных отношениях. Среди них основными являются следующие:

- ведение реестра участников юридического лица;
- голосование акционеров (участников юридического лица);
- доведение до участников юридического лица информации;
- использование при заключении корпоративных договоров;
- использование при создании устава юридического лица.

Думается, что следует прямо установить в законодательстве возможность использования технологий блокчейн и смарт-контрактов в целях оформления учредительных документов юридического лица, ведения реестра акционеров, проведения голосования участников юридического лица на общем собрании, совершения сделок с акциями, в иных целях, связанных с осуществлением корпоративных прав. Использование указанных технологий должно быть допущено законом постольку, поскольку иное прямо не установлено специальными федеральными законами и не вытекает из их сути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаптев В.А. Технология блокчейн в системе корпоративного комплаенса // Право и цифровая экономика. 2018. № 2. С. 31-33.

2. Санникова Л.В. Блокчейн в корпоративном управлении: проблемы и перспективы // Право и экономика. 2019. № 4. С. 27-36.

3. Thompson E., Rivet C. How smart contracts are used in administration. Yahoo finance. 31 May 2019. Доступ из электронного ресурса. URL: <https://finance.yahoo.com/news/smart-contracts-used-administration-070027540.html> (дата обращения: 10.04.2020 г.).

Демьяненко Елена Владимировна
кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
(Ростовский филиал Российской таможенной академии)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: elena.demianenko@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СМАРТ-КОНТРАКТА

Эпоха новых технологий, современниками которой мы стали, является началом нового культурного возрождения. Законодательные нормы, призванные регулировать передовые технологии, пока только формируются. Требуется новая нормативная правовая база, без которой невозможно уверенное применение инновационных технологий.

Смарт-контракт возник и направлен на обеспечение реализации блокчейн-технологий, а блокчейн работает для смарт-контрактов, условия которых автоматически исполняются при наступлении заранее определенных обстоятельств. Юридический статус транзакций на основе блокчейна во многом не определен, в частности, неясны ответственность платформы и механизмы защиты в случае возникновения конфликтов и неожиданных проблем, например, ошибки из-за случайного нажатия на кнопки, сбой в работе. Первоочередной проблемой, требующей решения, является юридическая неопределенность, возможные противоречия с законами об информации.

Для понимания современных проблем и поиска их решений играют большую роль изучение и обсуждение новых явлений. Появление смарт-контракта поставило перед юридическим сообществом вопрос о его правовой природе. Для ответа на поставленный вопрос предпримем попытку рассмотреть смарт-контракт в двух вариантах – в качестве договора и в качестве способа исполнения обязательства.

В настоящее время отсутствует легальное определение смарт-контракта, соответственно, существуют разные точки зрения относительно его понятия. Сегодня определяют смарт-контракт следующим образом: «Смарт-контракт является программным кодом, имплементированным на блокчейн-платформе, обеспечивающим самоисполнимость и автономность условий заключаемого договора в случае наступления заранее определенных в нем обстоятельств» [1].

Отдельные авторы смарт-контракт понимают как «некую операцию, автоматизированную с использованием программного кода, прописанного в блокчейне» [2].

А.И. Савельев определяет смарт-контракт как «договор, существующий в

форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость такого договора по наступлении заранее определенного в нем обстоятельства» [3].

Л.Г. Ефимова и О.Б. Сизимова, исследуя смарт-контракт, определили место смарт-контракта в сфере «особых несамостоятельных договорных конструкций» [4, с.25]. Трудно согласиться с представленной позицией, на наш взгляд, нет оснований выделять какие-либо «несамостоятельные договорные конструкции», так как это ведет к неоправданному загромождению договорного права необоснованными и ненужными понятиями

А.А. Волос, изучая новое явление, определил смарт-контракт «как запрограммированный договор, условия которого прописаны в программном коде и который автоматически исполняется с помощью блокчейна» [5, с.7].

Известно, что оформление соглашения сторон возможно по-разному, с учетом, безусловно, требований закона. Непременно, технический прогресс, предоставляющий широкие возможности выбора способов установления связей, вносит изменения и в классические схемы договорного права. В праве, как в зеркале, отражаются изменения и политические, и социальные, и технологические. На наш взгляд, закрепление условий договора с помощью программного кода не обладает юридическим значением, поскольку договорное право устанавливает различные возможности формализации договоренностей, достигнутых сторонами.

Конструкция договора как соглашения лиц построена на необходимости обсуждения и согласования условий обязательства, затем появляются и широко применяются договоры присоединения. Сегодня на повестке дня благодаря цифровым технологиям рассматривается самоисполняемый автономный договор.

Заметим, что в первоначальном тексте (в первом чтении) Проекта Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)» содержалось определение смарт-контракта как договора в электронной форме. В тексте законопроекта для второго чтения представленная дефиниция совсем отсутствует, что совершенно правильно, так как представленное определение не выдержало справедливой и обоснованной критики.

На наш взгляд, смарт-контракт не может являться особым видом договора, а является способом исполнения договора, характеризующимся специфическими чертами. В первую очередь, выделим сферу применения умных контрактов – электронная среда, исполнение договора осуществляется путем использования базы данных (в частности, блокчейн). Соответственно, будет обязательное использование электронной подписи. Привлекательность новых технологий и использование смарт-контракта обусловлено наличием гарантий для сторон договора – исполнение обязанностей по договору одной стороной поставлено в зависимость от исполнения встречных обязанностей другой стороной, автоматическое исполнение обязательства возможно при фиксации программой наступления определенных обстоятельств для совершения действий по исполнению обязательства.

Сегодня правовое регулирование смарт-контрактов в странах, разрешивших их, осуществляется разными способами, включая и разработку новых нормативных документов.

1 октября 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ (далее – Закон № 34-ФЗ) [6], который ввел ряд нововведений в Гражданский кодекс РФ, касающихся объектов гражданских прав и сделок, совершаемых в цифровой среде. Закон №34-ФЗ дополнил состав объектов гражданских правоотношений цифровыми правами, которым посвящена отдельная ст. 141.1 ГК РФ. Цифровые права раскрываются через обязательственные и иные права, исполнение которых связано с информационной системой и правилами ее функционирования. Однако установленное правило не претендует на завершенность в силу того, что понятие имущества в гражданском праве является сложным и включает вещи как предметы материального мира, имущественные права и имущественные обязанности. Включая в состав объектов цифровые права, законодатель, как видим, ориентировался на порядок исполнения сделок в цифровой среде, а появление объекта «цифровые права» вводит в заблуждение, так как речь идет только о его закреплении с помощью информационных систем.

Вопросы создания цифровых прав и их оборот должны быть регламентированы на уровне федеральных законов, которые еще предстоит разрабатывать и принимать. В настоящее время ко второму чтению подготовлен Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)». Определение цифровых финансовых активов, указанное в законопроекте, основано на легальном определении цифровых прав, содержащемся в ст. 141.1. ГК РФ, но конкретизируются денежные требования.

Закон № 34-ФЗ внес необходимые в условиях использования новых технологий изменения в правила о письменной форме сделки, согласно которым совершение сделки с помощью электронных и иных технических средств приравнивается к письменной форме сделки. Независимо от способа совершения сделки следует беспрекословно выполнять условия действительности сделок, соответственно, законодатель предусматривает правило о возможности фиксации условий сделки на материальном носителе. При этом специальный способ определения лица может быть установлен в правовых актах или соглашении сторон.

Ст. 309 ГК РФ дополнена правилами, которые, безусловно, относятся к тем контрактам, которые появляются и исполняются благодаря информационным технологиям.

Таким образом, развитие нормативного регулирования конструкции умного контракта видится в плоскости его определения только как инструмента информационных технологий. Классические конструкции договорного права, сформированная и действующая теория сделок применимы и должны применяться для смарт-контрактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шайдуллина В.К. Смарт-контракты на финансовом рынке: результаты исследования // Судья. 2019. № 2. С. 21-26.
2. Дядькин Д.С., Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // Universum: экономика и юриспруденция. 2018. № 5(50). С. 51-62.
3. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Закон. 2017. № 12. С.32-60.
4. Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 23-30.
5. Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 5-7.
6. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Режим доступа СПС Консультант Плюс.

Долинская Владимира Владимировна
доктор юридических наук, профессор
(Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина)
г. Москва
член Научно-консультативного совета
при Верховном Суде РФ
г. Москва
e-mail: civil-VVD@yandex.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

С момента принятия Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК) регулярно подвергается критике юридическая техника подраздела 3 Раздела I - по вопросу объектов гражданских прав [См. о них: 1].

В их число включены имущественные права (ст.ст.2, 128, 454 ГК и др.), что само по себе вызывает сомнения, т.к. традиционно права выступают элементом правоотношения. Из-за этого Конституционному суду РФ неоднократно приходилось напоминать об этой классификационной группе объектов гражданских прав, имущества, например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. №5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с жалобой открытого акционерного общества "Приаргунское"» [9] и от 24 февраля 2004 г. №3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона "Об акционерных обществах", регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании "Кадет Истеблишмент" и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» [10]. В поддержку легальной позиции

приведем мнение классика отечественной цивилистики Д.И. Мейера, который указывал, что «право на чужое действие имеет характер имущества» [5, с.18].

В доктрине выделяют следующие признаки имущественных прав:

1) их способность принадлежать определенному лицу,
2) их способность служить средством реализации имущественного интереса,

3) возможность их денежной оценки,

4) возможность их отчуждения,

Отсутствие легальной характеристики имущественных прав и их четкой классификации на современном этапе соединяется со специфическими недостатками так называемой цифровизации.

Термин «цифровая экономика» (digitaleconomy) (электронная, интернет-экономика) впервые был употреблен в 1995 г. американским ученым из Массачусетского университета Николасом Негропonte при разъяснении преимуществ новой экономики в связи с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203, цифровая экономика определяется как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [1].

Автор воспринимает цифровизацию как одно из средств хранения, поиска и передачи информации, т.е. информационную технологию [3].

В условиях цифровой экономики применительно к объектам гражданских прав оформляются две тенденции: 1) изменение правового режима классических объектов и 2) появление новых объектов прав.

По первой тенденции отметим, в частности, что гражданский оборот ряда объектов требует подтверждения их существования и учета прав на них. Например, реестры Единого государственного реестра недвижимости, кадастровые карты и книги учета документов ведутся, а реестровые дела хранятся - в электронной форме [7]. Что касается ценных бумаг, записи по лицевым счетам (иным счетам), записи в учетных регистрах, записи в регистрационном журнале, записи в системе учета документов - учетные записи, должны содержаться и храниться в электронных базах данных [8].

Сложнее обстоит дело со второй тенденцией. Новеллой ГК является включение с 1 октября 2019 г. в число имущественных прав цифровых прав (ст.ст.128, 141.1). К её достоинствам отнесем попытки:

- дать определение цифровых прав (ст.141.1 ГК) и

- обозначить их правовой режим (в главах об объектах и сделках).

Явными недостатками выступают:

а) неопределенная правовая природа прав («обязательственные и иные права»);

б) отсылочная норма («названные в таком качестве в законе... права»);

в) обусловленность «содержания и условий осуществления» соответствием правилам информационной системы, т.е. содержания - способом фиксации;

г) соответствие информационной системы установленным законом признакам (но закон [12] содержит незначительный перечень обязательных требований к государственным и муниципальным информационным системам, в отношении иных информационных систем порядок создания и эксплуатации определяется операторами таких систем).

Примечательно, что в Паспорте национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [2] упоминается только о правах в цифровой среде применительно к созданию общественной сетевой платформы управления правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, обеспечивающей развитие сервисов управления такими правами в цифровой среде (открытая общественная технологическая инфраструктура) и общественно-государственной организации, обеспечивающей функционирование указанной инфраструктуры.

Следующим этапом явилась легализация видов цифровых прав - выпуск, учет и обращение которых связаны исключительно с базами данных и алгоритмами - в качестве цифровых финансовых активов и еще дальше отстоящей от реальных объектов прав цифровой валюты [13], а также утилитарных цифровых прав и цифровых свидетельств - неэмиссионных бездокументарных ценных бумаг, не имеющих номинальной стоимости, удостоверяющих принадлежность их владельцу утилитарного цифрового права, причем последний может только требовать оказания определенных услуг, а распоряжаться им имеет возможность обязанное лицо - депозитарий, осуществляющий учет этого права [11].

Легализованная цифровая валюта (дополнительно к норме закона в начале октября Центральный Банк РФ объявил о возможности выпуска цифрового рубля, скорее всего, фиатных денег) демонстрирует то же свойство, что и такие результаты интеллектуальной деятельности, как виртуальные объекты и виртуальные миры - имитация свойств реальных объектов и миров. В авторском видении реальности и/или в создании и использовании программ для ЭВМ можно обнаружить творческий элемент. Но это еще одна фикция в праве.

Бесспорно, новое время вызывает к жизни новые интересы (а еще Г.Ф. Шершеневич указывал, что: «*Объектом юридического отношения является средство осуществления интереса*» [14]), признает благами [см. подробнее: 6] новые объекты. Понимая, что, например, золотой эквивалент валюты ушел в далекое прошлое, выразим всё же некоторые сомнения в увлечении удовлетворения потребностей органического тела – а именно таковым являются человек, от которого производны другие участники гражданского оборота, - исключительно «виртуальными благами». Вызывают опасения, как минимум, отсутствие реального имущественного содержания «цифровых» объектов, «расщепление» правомочий в отношении таких объектов, зависимость факта их существования, учета и обращения от технических факторов, угрозы информационной безопасности.

Наряду с признанием формирования нового понятийного аппарата мы наблюдаем несогласованность между правовыми актами, недостаточную

проработку правовых и технических требований к гражданскому обороту в условиях цифровой экономики и считаем необходимым более тщательную проработку на доктринальном и законодательном уровне, может быть, предварительную апробацию на пилотных проектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <<http://www.pravo.gov.ru>>, 10.05.2017; СЗ РФ. 2017. №20. Ст.2901.
2. <http://government.ru/info/35568/>
3. Vasily V. Tarakanov, Agnessa O. Inshakova and Vladimira V. Dolinskaya. Information Society, Digital Economy and Law // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / Editor Elena G. Popkova (Studies in Computational Intelligence). - Springer, 2019. P.3-15 (<<https://www.springer.com/gp/book/9783030133962>>)
4. Долинская В.В., Моргунова Е.А., Шевченко О.М. Гражданское право: Объекты прав: учебное пособие для бакалавров / Отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев (Серия «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев). - М.: Проспект, 2017. 1
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч.2. - М., 1997 (по изд. 1902 г.).
6. Менгер К. Избранные работы. - М., 2005.
7. П.3 ст.7 Федерального закона от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" // <<http://www.pravo.gov.ru>>, 14.07.2015; СЗ РФ. 2015. №29 (ч.1). Ст.4344 (с изм.).
8. П.4.1. Положения Банка России от 27 декабря 2016 г. №572-П "О требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг" // <<http://www.cbr.ru/>>, 20.02.2017; Вестник Банка России. 2017. №25.
9. СЗ РФ. 2003. №17. Ст.1656.
10. СЗ РФ. 2004. №9. Ст.830.
11. Ст.ст.8 и 9 Федерального закона от 2 августа 2019 г. №259-ФЗ "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // <<http://www.pravo.gov.ru>>, 02.08.2019; СЗ РФ. 2019. №31. Ст.4418 (с изм.).
12. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // СЗ РФ. 2006. №31. Ст.3448 (с изм.).
13. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // <<http://www.pravo.gov.ru>>, 31.07.2020; СЗ РФ. 2020. №31 (ч.1). Ст.5018.
14. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1911. Общая часть. §8 // По СПС Гарант.

Жирикова Ксения Александровна
преподаватель

ЭМБРИОН: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИЛИ ПРАВОВОЙ СТАТУС?

В настоящее время в обороте существует особая группа биологических объектов – объекты, обуславливающие возможность воспроизводства человека. Данная группа объектов обладает собственными особенными признаками, отличными от иных биологических объектов, в частности они несут наследственный материал, участвуют в генетическом формировании человека, определяют физические и психические качества человека и, наконец, в случае их донорства устанавливают биологическое родство между донором и реципиентом. Наличие таких специфических признаков, непосредственно, повлияло на их законодательное регулирование. В России вопросы, связанные с оборотом объектов, обуславливающих воспроизводство человека, урегулированы крайне слабо.

Так, правовое регулирование отношений, связанных с использованием объектов, обуславливающих возможность воспроизводства человека, осуществляется Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1], а также некоторыми подзаконными актами, например, Приказом Минздрава РФ № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [2].

При этом ни один акт не содержит понятие эмбриона и не определяет правовое положение донорского материала и созданных в результате искусственного оплодотворения эмбрионов. В связи с этим, возникает ряд вопросов, которые так и остаются неразрешенными. В частности, какой правовой режим эмбриона, является ли он субъектом или объектом права, кто и каким образом будет определять судьбу гамет, которые были сданы для целей рождения ребенка, однако, не были использованы по различным причинам, в том числе по причине смерти одного из супругов (аналогичная ситуация возникает при создании эмбриона в пробирке), имеют ли лица, участвовавшие в создании эмбриона (предоставившие генетический материал), права на этот эмбрион, и если да, то появляется ли у кого-нибудь преимущественное право, возможно ли передавать по наследству гаметы и эмбрионы, каково происхождение имущественных и иных интересов «посмертных» детей и каким образом осуществлять их защиту и т.д.

В юридической литературе также отсутствует единство мнений относительно правового положения эмбриона. Так, выделяют три основных точки зрения: эмбрион как субъект права, как объект права и как категория особого рода.

Сторонники первого подхода рассматривают эмбрион в период его внутриутробного развития в качестве субъекта права.

Так, по мнению А.А. Пестриковой эмбрион нельзя рассматривать в качестве объекта права, поскольку он представляет собой начало новой жизни. Эмбрион является специальным субъектом права, который косвенно может стать

участником гражданских правоотношений [3]. Мохов А.А. указывает на то, что назрела необходимость в разработке концепции нового субъекта правоотношений (гражданских, семейных, здравоохранительных и иных) - неродившегося ребенка, закрепляющая права плода-пациента [4]. Данные точки зрения являются спорными, поскольку возникают вопросы, связанные, во-первых, запретом/возможностью проведения аборт, во-вторых, обязательством предоставить возможность для имплантации эмбриона; в-третьих, запретом на совершение любых действий, которые могут нанести вред эмбриону, а также связанные с замораживанием их и проведением исследований. На практике могут возникнуть ситуации, когда криобанки, где хранятся эмбрионы, выйдут из строя и эмбрионы начнут разлагаться естественным путем, что приведет к естественной их смерти и следствием будет уголовная ответственность за убийство субъекта отношений.

Сторонники второго подхода определяют эмбрион в период его внутриутробного развития в качестве объекта правоотношения. Так, например, по мнению Дружининой Ю.Ф. «...эмбрион *in vitro* представляет собой индивидуально-определенную, движимую, неделимую, потребляемую вещь, право собственности на которую принадлежит лицам (или лицу), обратившимся за медицинской помощью, а создание эмбриона является спецификацией. При создании эмбриона он поступает в общую совместную собственность лиц, обратившихся за оказанием медицинской помощи, причем каждое из них может в любой момент отозвать свое согласие на проведение соответствующей процедуры» [5]. Данная точка зрения является весьма спорной, поскольку непонятно, во-первых, как делить такую вещь в случае раздела совместной собственности; во-вторых, могут ли такие эмбрионы переходить по наследству.

Об отсутствии вещно-правовой природы эмбриона свидетельствует и судебная практика. Так, например, Советским районным судом г. Ростова-на-Дону было вынесено решение, в котором суд отказал жительнице Ростова-на-Дону в удовлетворении иска о признании замороженных эмбрионов частью наследства после смерти ее мужа и зачатии ребенка с помощью этих эмбрионов. В результате чего замороженные эмбрионы были уничтожены клиникой, которая проводила первую процедуру ЭКО. В обосновании своего решения суд ссылаясь на тот факт, что в договоре, заключенном между заказчиками и клиникой, содержалось условие, при котором в случае смерти одного (или обоих) из заказчиков клиника вправе утилизировать оплодотворенные умершим мужчиной клетки [6].

В 2018 г. Московский городской суд рассматривал спор о разделе совместной собственности супругов, нажитой в период их брачных отношений. При рассмотрении данного спора супруга просила определить единоличное право распоряжения эмбрионами, которые были заморожены в период брака в одной из клиник Москвы. Свое требование она обосновывала тем, что супруг не проявляет никакого интереса к этому эмбриону. Суд не рассматривал эмбрион как совместную собственность и удовлетворил требование истицы о возможности единоличного распоряжения эмбрионами [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что суды не признают эмбрион в качестве субъекта или объекта права, а рассматривают спор либо исходя из

заслуживающего внимания интересов сторон, либо исходя из условий договора, заключенного между клиникой и заказчиками.

На наш взгляд, наиболее правильной является позиция Самойловой В.В., которая указывает на то, что эмбрион нельзя признавать субъектом правоотношений, поскольку субъектом может быть только родившийся, до момента рождения эмбрион неразрывно связан с будущей матерью и является частью ее самой. Однако, по ее мнению, эмбрион не может быть и объектом прав, поскольку это будущий человек, живое существо и законодатель наделяет неродившегося ребенка рядом гражданских прав, например, правом наследования. Таким образом, В.В. Самойлова предлагает рассматривать эмбриона в качестве категории особого рода и устанавливать особый правовой режим [8].

При рассмотрении вопроса об определении правового положения эмбриона хотелось бы затронуть и мировую практику. В качестве примера можно привести дело суда штата Теннесси в 1989 году по делу Дэвиса. Бывшая супруга обратилась к своему бывшему мужу с возможностью дать согласие на передачу замороженных эмбрионов ей или любой другой женщине. Однако бывший муж отказал в передаче эмбрионов. Судья первой инстанции удовлетворил требование бывшей жены, признавая эмбрион в качестве «человеческого существа, существующего как эмбрион *in vitro*» [9]. Однако Верховный суд штата Теннесси не согласился с решением суда первой инстанции и постановил, что «эмбрионы не могут рассматриваться по закону как лица, но отказался рассматривать их как собственность или просто объекты. Верховный суд определил их как находящиеся в «промежуточной категории», регулируемой особыми для них правилами (*sui generis*) [10]. Суд вынес решение «по характеру собственности», позволив мужу запретить использовать замороженные эмбрионы без его согласия.

В заключении хотелось бы отметить, что рассматривать эмбрион в качестве субъекта или объекта права не представляется возможным, поскольку это порождает множество проблем на практике. Наиболее правильным является определение эмбриона как особой категории, которая требует детального законодательного регулирования. В этой связи на наш взгляд, интересным будет изучение законодательного опыта Республики Беларусь в регулировании отношений, возникающих в связи с использованием эмбрионов как *in vitro*, так и *in vivo*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020)// СЗ РФ.-2011.-№ 48.-Ст. 6724.
2. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 01.02.2018) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 № 27010)// Российская газета. Спецвыпуск.-№ 78/1.-2013.
3. Пестрикова А.А. Наследственные права и правовой статус эмбриона // Наследственное право. 2009. № 4. С. 20 - 22.

4. Мохов А.А. Неродившийся ребенок - субъект правоотношений? // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 17 - 18.
5. Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона in vitro // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 129 – 140.
6. <https://rg.ru/2018/12/10/reg-ufo/v-rostove-zhenshchine-otkazalis-delat-eko-s-biomaterialom-umershego-muzha.html>
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.05.2018 по делу № 33-10008/2018
8. Самойлова В.В. Семейно-правовые аспекты реализации репродуктивных прав при применении вспомогательных репродуктивных технологий / В.В. Самойлова. Монография. – М.: МЭСИ, 2012. – С.45-46.
9. Davis v Davis, 15 Family Law Reports 2097 (Tennessee Circuit Court, 1989), at 2103.
10. Davis v Davis, 842 South Western Reports 588 (1992).

Зайцева Юлия Алексеевна
кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданского права
(Саратовская государственная юридическая академия)
e-mail: zaitseva-srtv@mail.ru

СОБРАНИЯ КРЕДИТОРОВ ГРАЖДАНИНА-БАНКРОТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Появление института банкротства гражданина своевременно. В современных условиях в век цифровой эпохи, которая динамично развивается, институт банкротства гражданина успешно функционирует на основании Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве) и Постановлений Пленумов Верховного Суда РФ [2].

Как справедливо отмечает Т.П. Шишмарева, что цифровые технологии используются в деле о несостоятельности (банкротстве) на всех стадиях, например, при подачи заявления в электронной форме в арбитражный суд о признании должника несостоятельным (банкротом), при опубликовании сведений в ЕФРСБ, при ведении реестра требований кредиторов в электронной форме, при проведении торгов в электронной форме, при включении в конкурсную массу криптовалюты (цифровых прав), при проведении собрания в форме заочного голосования [3].

Решения собраний кредиторов это один из самых важных юридических фактов в процедуре банкротства [4]. Собрание кредиторов как гражданско-правовое сообщество обладает общностью целей в виде защиты имущественных интересов его участников. Проведение собраний кредиторов возможно как в форме совместного присутствия (очное) или в форме заочного голосования (без совместного присутствия) (п. 26 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 г. № 45). Определяет форму проведения собрания кредиторов гражданина-банкрота либо финансовый управляющий, либо собрание кредиторов. Как представляется, закрепленная альтернатива может повлечь на практике споры,

если финансовый управляющий и кредиторы не смогут договориться по форме проведения собрания кредиторов.

Особенностью проведения собрания кредиторов в форме заочного голосования является то, что необходимо при опубликовании сведений в ЕФРСБ о назначении собрания кредиторов также размещать бюллетени для голосования. Кроме того, срок для направления уведомлений о проведении собрания кредиторов должен быть не позднее, чем за 30 дней до даты проведения собрания кредиторов. Также в Законе о банкротстве указано, что должно быть в уведомлении о проведении собрания кредиторов в форме заочного голосования (п. 7 ст. 213.8).

Принятие решения собранием кредиторов посредством заочного голосования, в том числе голосования с помощью электронных или иных технических средств определено и в п. 1 абз. 2 ст. 181.2 ГК РФ [5]. Возникает несколько вопросов - возможно ли проведение очно-заочного голосования при принятии решения на собраниях кредиторов гражданина-банкрота? И по всем ли вопросам, включенным в повестку дня собрания кредиторов гражданина-банкрота возможно заочное голосование? Ограничений нет, следовательно, можно сделать вывод, что по любому вопросу может проводиться заочное голосование. Если применить аналогию, то очно-заочное голосование возможно, как указано в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ [6] проведение собрания кредиторов должника - юридического лица в форме заочного либо очно-заочного голосования само по себе не основание для признания недействительными решений, принятых на собрании кредиторов (п. 7).

По результат проведения собрания кредиторов финансовый управляющий обязан опубликовать в ЕФРСБ сведения о решениях собрания кредиторов, если собранием кредиторов принято решение об опубликовании протокола собрания кредиторов (п. 2 ст. 213.7 Закон о банкротстве). Если собрание кредиторов проводилось в форме заочного голосования, то также должны быть приложены копии в электронной форме протокола собрания кредиторов, а также документов, рассмотренных и (или) одобренных собранием кредиторов.

Подтверждения того, что при проведении собрания кредиторов при банкротстве гражданина используются цифровые технология, является право участника собрания кредиторов получить дополнительно уведомление о проведении собрания кредиторов (посредством почтовой, телеграфной, факсимильной, электронной связи или иных средств связи и доставки).

Законодатель впервые установил проведение собраний кредиторов при банкротстве гражданина в форме заочного голосования в электронной форме с использованием телекоммуникационных каналов связи через соответствующие организации (операторы электронного документооборота). В этом случае участники собраний кредиторов должны будут подписывать документы и сведения электронной подписью. В п. 10 ст. 213.8 Закона о банкротстве определены обязанности оператора электронного документооборота.

Как представляется, установленная в законодательстве возможность использования цифровых технологий при проведении собраний кредиторов имеет определенные плюсы, в частности, участники не тратят время и деньги, чтобы приехать к месту проведения собрания кредиторов. Кроме того, в условиях

осложненной эпидемиологической обстановки соблюдение социального дистанцирования не менее 1,5 метров и ношение масок и перчаток само собой отпадает, так как участники не находятся в одном помещении.

В тоже время существуют и недостатки при использовании цифровых технологий при проведении собраний кредиторов гражданина-банкрота.

Основным недостатком применения цифровых технологий в рассматриваемой ситуации является то, что не у каждого гражданина есть возможность использовать цифровые технологии. На это влияют финансовые затраты, знания и умения использовать компьютерные технологии. По общему правилу решения на собраниях кредиторов по вопросам повестки дня принимаются большинством голосов от числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, присутствующих на собрании кредиторов (ст. 15 Закона о банкротстве, ст. 181.2 ГК РФ). Может произойти такая ситуация: кредитор-гражданин, у которого по каким-то причинам нет возможности пользоваться компьютерными технологиями проголосует против их использования, а большинство кредиторов будет «за», то на него будет распространяться принятое решение собрания кредиторов.

Еще одним из недостатков принятия решения собранием кредиторов в форме заочного голосования является то, что участники ограничены повесткой дня собрания кредиторов. Включить в повестку дня собрания кредиторов дополнительный вопрос, рассмотреть его и принять по нему решения не представляется возможным. Зачастую возникают такие ситуации на практике, когда требуется решения вопроса, который не указан в повестке дня собрания кредиторов, а ждать проведения следующего собрания кредиторов получается слишком долго. В этом случае нужно изначально проводить собрание кредиторов гражданина-банкрота по п. 8 ст. 213.8 Закона о банкротстве. Так, в Постановлении Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.07.2020 г. [7] указано, что отсутствует какая-либо неопределенности в процедуре внесения в повестку дня заочного собрания кредиторов дополнительных вопросов, ссылаясь на абз. 11 п. 2 ст. 15 и п. 8 ст. 213.8 Закона о банкротстве.

Кроме того, законодателем определен срок для уведомления о проведении собрания кредиторов гражданина-банкрота не позднее, чем за 30 дней до даты проведения собрания кредиторов. Но ничего не сказано о том, сколько финансовый управляющий должен ждать заполненных бюллетеней голосований и направленных ему. Как представляется, после дня проведения собрания кредиторов финансовый управляющий уже не должен принимать заполненные бюллетени для голосования.

И еще не менее важный вопрос – после проведения собрания кредиторов, на котором принято решение путем заочного голосования, финансовый управляющий должен будет извещать кредиторов, которые заочно голосовали или нет? Как представляется, оповещение будет происходить посредством размещения сообщения о решениях собрания кредиторов гражданина-банкрота в ЕФРСБ, однако, если только будет принято решение об опубликовании протокола собрания кредиторов.

Как показывает практика, участники собраний кредиторов гражданина-банкрота выбирают традиционный формат проведения собраний кредиторов. Это свидетельствует о том, цифровые технологии не так популярны среди участников собраний кредиторов гражданина-банкрота и для их применения требуется время и более детальная регламентация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2020. № 31 (часть I). Ст. 5048.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Российская газета 2015. № 235; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Российская газета. 2019. № 1.

3. Шишмарева Т.П. Цифровые технологии в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 50 - 55.

4. Илюшина М.Н. Собрание кредиторов в случае банкротства гражданина: новеллы ГК и Закона о несостоятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 41-46.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2020. № 31 (часть I). Ст. 5010.

6. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства», утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 26.12.2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8.

Зубарева Ольга Григорьевна

кандидат юридических наук

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

(Южно-Российского института управления –
филиала РАНХиГС при Президенте РФ)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: zybareva@yandex.ru

АЛИМЕНТЫ В БАНКРОТСТВЕ: ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАНИНА-БАНКРОТА И ЕГО ДЕТЕЙ

Социально обусловленный характер алиментных обязательств, их целевое назначение оказывают существенное влияние на особенности правового регулирования прав и интересов сторон алиментного правоотношения, а также третьих лиц. Специфика объекта правового регулирования, в качестве которого

выступает правоотношение по уплате алиментов, предопределяет набор обеспечительных правовых средств, реализация которых способствует достижению цели алиментирования.

Исходя из правовой природы алиментных обязательств, они направлены в первую очередь на *содержание лиц, имеющих право на получение алиментов в текущий период*.

Под алиментным обязательством понимается обеспеченное правовыми гарантиями семейное правоотношение между строго определенными членами семьи, возникающее в силу закона и по мере необходимости подлежащее формализации (конкретизации) посредством соглашения об уплате алиментов или решения суда (судебного приказа), по которому одна сторона (плательщик алиментов) обязана предоставлять содержание другой стороне (получателю алиментов) *в целях обеспечения ее разумных жизненно важных потребностей, а получатель алиментов вправе требовать предоставления такого содержания от плательщика алиментов*.

Если алименты на основании соглашения об уплате алиментов или исполнительного листа (судебного приказа) не взыскивались за прошедший период, то согласно ст.113 СК РФ образовывается задолженность.

Исходя из положений ст. ст. 80, 81, 83, 113 Семейного кодекса Российской Федерации [1], статьи 102 Федерального закона "Об исполнительном производстве" [2] задолженность по алиментам является первоочередной к погашению, так как алименты в первую очередь направлены на содержание лиц, имеющих право на получение алиментов (в нашем случае детей).

Но как быть, если на стадии исполнения исполнительного документа на фоне образовавшейся задолженности должник возобновляет уплату алиментов. Направлять денежные средства на погашение текущих платежей или задолженности? Практика сформулировала ответ на этот вопрос. Судебные приставы направляют денежные средства на погашение текущего платежа по алиментам ссылаясь на положения ст.111 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве».

А если эта же ситуация происходит в процессе рассмотрения дела о признании должника банкротом, где неспособность удовлетворить требования кредитора произошла из-за алиментной задолженности. Должник, понимая правовые последствия своего банкротного состояния для бизнеса, начинает гасить задолженность, но она не уменьшает общую сумма долга, так как суммы направляются судебным приставом на погашение текущего алиментного платежа. Так складывается практика. В критериях справедливости очередности погашения требований текущих платежей и задолженности по алиментам нам хотелось бы разобраться.

Алименты в банкротстве – тема свежая. Сейчас мы наблюдаем, как подходы, которые складывались в суде общей юрисдикции по взысканию алиментов, адаптируются в делах о несостоятельности. Но есть сферы семейного права, по-новому заигравшие в призме банкротного законодательства. Вопросы соразмерности начисляемых алиментов, а также неустоек по ним обсуждаются во многих процессах о банкротстве граждан. За последнее время в практике назрел

вопрос о поиске баланса между интересами кредиторов и детей гражданина-банкрота. На проблему уже неоднократно обращал внимание Верховный Суд РФ [3].

Согласно статистическим данным Федресурса за весь период 2019 года суды приняли 68 980 решений о признании граждан банкротами, что на 58,6% больше чем в 2018 году [4]. Лидером является Москва, где несостоятельными за 2019 год стали 5089 гражданина. При пересчете же банкротов на количество населения на 8 месте стоит Ростовская область с показателем 47 банкротов на 100 тысяч населения.

Проблема, поднятая нами в рассматриваемом деле, не редкость для банкротных дел. Фактически речь идет о поиске баланса между интересами гражданина -банкрота и его детьми.

Статья 111 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве», статья 213.27 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» [5] в числе первоочередных в удовлетворении требований взыскателей (кредиторов) называет - *требования по текущим платежам, связанным с уплатой алиментов, возмещению вреда, причиненного здоровью, возмещению вреда в связи со смертью кормильца, возмещению ущерба, причиненного преступлением, а также требования о компенсации морального вреда.* При этом, статья 213.28 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» даже предоставляет право кредитору после окончания производства по делу о банкротстве гражданина получить исполнительный лист на взыскание платежей в непогашенной части в общем порядке.

Пункт 1 Постановления Пленума ВС РФ №48 от 25.12 2018 [6] в понятие исполнительский иммунитет включает не только предусмотренное ст. 446 ГПК РФ имущество, но и выплаты, предназначенные для содержания других лиц (*алименты на содержания несовершеннолетних детей; страховая пенсия по случаю потери кормильца, назначенная ребенку; пособие на ребенка; социальные пенсия, пособия и меры социальной поддержки, установленные для детей-инвалидов*). Соответственно все это имущество в конкурсную массу не включается.

Таким образом, с одной стороны, требования заявителя по задолженности по алиментам подлежат включению в реестр требований кредиторов должника в составе первой очереди. С другой стороны, задолженность как капитализированная сумма не взысканных алиментных платежей не упоминается ни в одном из перечисленных законов и не входит в понятие исполнительского иммунитета, согласно Постановления Пленума ВС РФ №48.

Поэтому, если в процессе рассмотрения дела о признании должника банкротом на фоне имеющейся задолженности по алиментам поступают денежные средства они должны направляться судебным приставом на погашение текущих платежей по алиментам. И только в том случае если поступивший платеж по сумме превышает текущий платеж, остаток может быть направлен на частичное погашение задолженности.

Даже если наступила просрочка текущего периодического платежа, которая привела к образованию задолженности, назначение платежа не изменилось и осталось платежом по требованию по взысканию алиментов.

Положения же пункта 3 статьи 111 Федерального закона "Об исполнительном производстве" о пропорциональности взыскания не могут быть применены к распределению денежных средств в пользу одного взыскателя по периодическим платежам и задолженности по этим же платежам, поскольку иное приводило бы к уменьшению размера ежемесячного содержания по алиментным платежам.

Справедливости ради, складывающаяся сегодня судебная практика делает такие же выводы, в том числе, отмечая возможные попытки применения норм ГК РФ к регулируемым семейным отношениям [7]. Доводы заявителя о том, что к спорным правоотношениям подлежат применению нормы ст. 319 ГК РФ, регулирующей очередность погашения требований по однородному денежному обязательству, признаны Арбитражным судом Краснодарского края ошибочными и необоснованными. В данном случае, специфика алиментных правоотношений состоит в поддержании текущего уровня жизни, нуждающегося в таком содержании несовершеннолетнего.

Таким образом, вопрос о поиске баланса между интересами гражданина - банкрота и его детьми должен быть однозначно решен в пользу детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16,
2. Собрание законодательства РФ, 08.10.2007, № 41, ст. 4849
3. Определении СКГД Верховного Суда РФ от 27 октября 2017 года № 310-ЭС17-9405; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.12.2017 № Ф04-5437/2017 по делу № А67-2456/2017; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.12.2017 № Ф04-5455/2017 по делу № А27-182/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.02.2018 № Ф05-3484/2017 по делу № А41-103866/15.
4. <https://fedresurs.ru/news/390d0bea-3b00-4512-87a9-5d23fcabfb59?attempt=2>
5. Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190
6. Российская газета, № 1, 09.01.2019
7. Определение арбитражного суда Краснодарского края от 03.02.2020. Дело А32-37015/201957/108-57// <http://krasnodar.arbitr.ru>

Келарева Екатерина Владимировна
юриисконсульт государственного бюджетного учреждения
Ростовской области «Кожно-венерологический диспансер»
г. Ростов-на-Дону
e-mail: katekelareva@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Появление в ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) нового объекта гражданских прав – цифровых прав [1] это не только первый шаг законодателя к формированию основ цифрового права в России, но и ответ на

складывающиеся в мире тенденции к усложнению и цифровизации объектов гражданских прав. Распространение токенов, криптовалюты, технологии блокчейн, смартконтрактов и других объектов, информатизация экономики и гражданского оборота, изменение форм гражданско-правовых сделок и передачи информации привели к увеличению удельного веса цифровых объектов в гражданском обороте. Растущий спрос на сложные цифровые объекты обоснован их способностью приносить прибыль, во много раз превышающую затраты на их создание, а также ускорять и оптимизировать процесс передачи материальных благ между сторонами, что подталкивает законодателя к регулированию цифровых отношений. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 показала, что онлайн-торговля одно из наиболее востребованных направлений в бизнесе, обслуживающее интересы широких кругов населения. Вместе с тем ряд вопросов заслуживает повышенного внимания законодателя, в частности, вопрос об особенностях возникновения цифровых прав.

Согласно ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе *обязательственные и иные права*, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Анализ ст. 141.1 и ст. 160 ГК РФ позволяет нам выделить следующие отличительные особенности цифровых прав:

1. Цифровые права существуют только в виртуальной реальности в рамках конкретной цифровой системы;

2. Правила осуществления цифровых прав зависят от правил конкретной информационной системы;

3. Цифровые права являются имущественными, что следует из буквального толкования ч. 4 ст. 454 ГК РФ. При этом имущественными правами могут быть не только вещные и обязательственные, но также и исключительные права. Следует согласиться с мнением Л.Ю. Василевской, считающей, что нельзя рассматривать цифровые права в одной плоскости с известными нам и различными по своей юридической природе имущественными правами обязательственными, и корпоративными. По мнению ученого, речь в данном случае идет не о возникновении нового вида имущественных прав, существующего наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а о цифровом способе фиксации прав [2]. Аналогичное мнение выражено в официальном отзыве Правительства РФ на законопроект № 424632-7 от 11.04.2018 № 2.3.3-11/484: «Исходя из определения понятия цифровых прав, представляется, что такие права фактически являются способом оформления традиционных имущественных прав разной природы (вещные права, обязательственные права, корпоративные права, исключительные права), а также их фиксации и перехода от одного владельца к другому. Однако данные права могут существовать в электронной форме, не создавая при этом новый вид объектов гражданских прав». Эта позиция поддерживается и такими известными цивилистами, как С.В. Сарбаш [3] и Р.С. Бевзенко [4].

4. Сделки с цифровыми правами могут заключаться в специфической форме (в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных

технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю — ч. 1 ст. 160 ГК РФ).

5. Нематериальная природа цифровых прав исключает возможность применения к нему институтов вещного права [5], таких как добросовестное владение, виндикационный иск и другие;

6. Обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом, если иное не установлено законом (ч. 2 ст. 141.1 ГК РФ).

По смыслу норм ГК РФ момент возникновения цифрового права должен определяться правилами конкретной цифровой системы. Поскольку мы согласились с тем, что цифровые права — это способ фиксации вещных, обязательственных и исключительных прав, то обоснованно к числу оснований возникновения цифровых прав у юридических лиц ученые [6] относят общие основания возникновения гражданских прав и обязанностей, указанные в ст. 8 ГК РФ. Так, одним из оснований возникновения гражданских прав и обязанностей является решение суда. В качестве примера приводится судебное дело, где для общества с ограниченной ответственностью возникновение цифровых прав и обязанностей происходит на основании судебного решения: владелец сайта или иное уполномоченное им лицо, которое размещает информацию на этом сайте, приобретает обязанность удалить порочащие сведения, размещенные на сайте в сети интернет, в случае, если они признаны судом не соответствующими действительности [7].

Детальнее вопрос возникновения цифровых прав урегулирован для утилитарных цифровых прав. В Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указано, что утилитарное *цифровое право возникает у первого приобретателя, переходит от одного лица к другому лицу и (или) прекращается с момента внесения информации об этом в инвестиционной платформе в соответствии с правилами этой инвестиционной платформы*. Правила инвестиционной платформы должны содержать порядок внесения информации о возникновении, переходе и прекращении утилитарного цифрового права, а также порядок определения момента, с которого такая информация считается внесенной в инвестиционной платформе (ч. 7 ст. 8 Закона № 259-ФЗ).

Еще один специальный закон, который вступит в силу с 1 января 2021 г. [8], определяет правила обращения с цифровыми финансовыми активами. Согласно ч. 1 ст. 2 указанного Закона права, удостоверенные цифровыми финансовыми активами, возникают у их первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых финансовых активов указанному лицу.

Исходя из изложенного, мы можем сделать вывод, что ведущая роль в вопросах возникновения цифровых прав в ГК РФ принадлежит правилам

цифровых систем, и диспозитивность – это фундаментальное начало в регулировании цифровых прав на данный момент. Именно указание на правила цифровых систем – ключевая специфика в регулировании цифровых прав. К числу оснований возникновения цифровых прав следует отнести не только общие основания, установленные ст. 8 ГК РФ, но и специальные основания, определенные правилам цифровой системы.

Вместе с тем положения специального законодательства выглядят более удачно: положительным в содержании Закона № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является установление требований к правилам информационной системы. Однако поскольку действие Закона № 259-ФЗ распространяется только на отношения, возникающие в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ, на наш взгляд, установление в ГК РФ аналогичных требований ко всем разновидностям цифровых систем благотворно сказалось бы на упорядочивании гражданского оборота цифровых прав. Ввиду того, что изменение правил информационных систем происходит в одностороннем порядке, и волеизъявления пользователя не требуется, позиция владельца цифровых прав представляется менее защищенной. Это служит очередным аргументом в пользу определения конкретизированных требований к правилам информационных систем в ГК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»
2. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права. // «Актуальные проблемы российского права», № 5, май 2019 г., С. 111-119
3. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев, А. Генкин, С. Сарбаш, А. Асосков, А. Семенов, Р. Янковский, А. Журавлев, А. Толкачев, А. Камелькова, М. Успенский, Р. Крупенин, В. Кислый, М. Жужжалов, В. Попов, М. Аграновская // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.
4. Бевзенко Р.С. Объекты гражданских прав. Комментарий к ст. 128 Гражданского кодекса. 17.09.2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=or_O5so1_ro&feature=share&fbclid=IwAR1Rku5kr8_L_QeAPhqEHwMeAUPO_FdNwtyG9hWl2yhG0-C2le0cxrk3m4s (дата обращения: 07.10.2020).
5. Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». Принято на заседании Совета 23 апреля 2018 г. № 175-5/2018. Эл. Ресурс. [URL]: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/05/meeting-156-conclusion-5.pdf>
6. Цифровое право: учебник (под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой). - «Проспект», 2020 г. 640 с.

7. П. 16 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 10.

8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2020

Клеветова Евгения Юрьевна
аспирант кафедры гражданского права
(Ростовский государственный экономический университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: evgenia1996.96@mail.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: БЫЛЬ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Современное развитие жизни человека затянуло каждого из нас в некий «фильм», при просмотре которого нам не верится, что все что нас окружает сейчас, действительно существует. Это та реальность, которую мы можем себе позволить благодаря развитию науки, экономики, права.

Несомненно, благодаря производственному прогрессу, модернизации оборудования, жизнь любого человека обновилась, усовершенствовалась, стала легкой. Но и с современными реалиями есть свои нюансы, которые создают некоторые проблемы, требующие правового разрешения.

Не будет ошибочным, если сказать, что каждый из нас носит в кармане аккаунты от социальных сетей, накопленные мили авиакомпаний, «спасибо» от Сбербанка, кэш-бэк за покупки на карте, учетные записи Apple ID, персональные данные, заключенные смарт-контракты, световой меч, купленный за криптовалюту для онлайн игры. Тем самым, современный человек находит большее удовлетворение своих жизненных потребностей в интернете, чем в межличностном общении.

Но что делать с накопленным «богатством» в случае смерти обладателя данных ценностей? Можно ли передать это по наследству своим родственникам? И как в данном случае будет происходить процесс вступления в наследство?

Нельзя не согласиться, что отечественное право берет свои истоки в римской империи. Но римляне придумали наследственное право раньше, чем появились аккаунты в Instagram. Так как же закон регулирует это «необычное» наследство?

В силу ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности, но будут ли входить в наследственную массу цифровые активы?

Примечательно, что отечественный законодатель не стоит на месте и старается успевать за сменяющимися тенденциями, принимая новые

законодательные акты, которые в свою очередь регулируют процесс современного наследования.

Так, с 01.10.2019г. в силу вступил Федеральный закон от 18.03.2019г. № 34-ФЗ, который принес несколько нововведений в Гражданский кодекс Российской Федерации. Целью новеллы является закрепление положений о новом «цифровом имуществе» как объекте экономических отношений, а также заключение, изменение и исполнение сделок в цифровой среде. Тем самым, изменению подверглась ст. 129 ГК РФ, теперь цифровое право может отчуждаться или переходить от одного лица к другому на тех же условиях, что и объекты гражданских прав, права на которые они удостоверяют. Следовательно, цифровые активы, имея статус объектов гражданских прав, входят в наследственную массу и могут быть переданы наследникам по закону, завещанию, либо наследственному договору [1].

В случае вхождения в наследство и получая свою долю в виде цифрового имущества сразу встает вопрос о правомерности и разумности такого наследования. Информация, содержащаяся в таком имуществе всегда будет требовать идентификации, в виде логина, пароля, кода безопасности, потому как содержит персональные данные, личную информацию умершего. С одной стороны, доступ к данным невозможен, так как взлом некоторых сайтов составит немало труда и в принципе противозаконен, а код-пароль бывший хозяин хранил в памяти. С другой стороны, личные данные, они для того и личные, то есть предназначены только для владельца данного аккаунта. С этими проблемами столкнулись нотариусы РФ, так как некоторые составляющие цифрового наследства просто невозможно унаследовать.

Кроме того, среди отечественных цивилистов существует спор о криптовалюте как объекте наследственных прав. Можно ли наследовать ее как и другие цифровые активы, либо же криптовалюта относится к вещам, наследование которых, ограничено их оборотоспособностью наравне с оружием, сильнодействующими и ядовитыми веществами, наркотическими и психотропными средствами закрепленными ст. 1180 ГК РФ?

Этот вопрос возникает неспроста, так как личность собственника криптовалюты всегда засекречена, и не отображается ни в каких реестрах, таким образом собственность на криптовалюту обезличена и подтверждение собственности невозможно получить ни в каком виде, следовательно, создана некая анонимность. Сохраняется недоступность информации о криптокошельке для третьих лиц, его ключе и текущем собственнике. Тем самым, владеть, пользоваться, распоряжаться криптовалютой возможно только от наличия номера электронного криптовалютного кошелька и пароля к нему. В случае, если наследодатель не оставил никакого способа воспользоваться данными цифровыми средствами, то наследник завладеть криптовалютой не имеет возможности [2].

Практика в сфере наследования цифровых активов говорит о том, что нотариусы РФ нашли два выхода из ситуации при наследовании криптовалюты. Первый вариант предполагает доступ к криптокошельку для наследников с помощью передачи пароля наследодателем через зашифрованное хранилище технологии блокчейн. Но в данном случае, наследодателю следует оставить

распоряжение о порядке передачи информации третьим лицам на случай смерти. Второй вариант предполагает использование банковской ячейки для хранения ключа доступа от криптокошелька. Здесь, наследодателю следует прописать в тексте завещания кому именно он отдает доступ к ячейке, без уточнения того, что там хранится. Данные варианты сохраняют анонимность собственника и криптовалюты [3].

В США и Великобритании криптовалюта рассматривается как объект гражданского оборота, входит в понятие собственность и наследуется наравне с другими объектами. Но с такого «наследства» в данных государствах взимается налог, как с цифрового актива [4].

Что касается наследования аккаунтов в социальных сетях, то на данный момент законодательного регулирования в российском праве нет. Но правомерное использование страниц происходит благодаря правилам, на которые соглашается правообладатель при создании своей страницы. Так, например, учетная запись в Yahoo! не подлежит передаче, и любые права на логин или информационное содержание в Yahoo! в рамках учетной записи будут аннулированы в случае смерти правообладателя учетной записи. Если сервис получает копию свидетельства о смерти, соответствующая учетная запись может быть аннулирована и все ее информационное содержание окончательно уничтожено в силу п. 26.9. Условий обслуживания Yahoo!.

Google поступает иначе. Он предоставляет доступ к учетной записи наследникам и приравнивает завещательное распоряжение о судьбе аккаунта и сервис Google который именуется «На всякий случай». Тем самым, можно назначить доверенное лицо, которому Google направит от имени «завещателя» письмо о предоставлении доступа к его учетной записи [5].

Правила сайта ВКонтакте гласят, что страницы погибших пользователей будут закрываться приватностью «Только друзья». Страница может быть удалена только по просьбе родственников с предоставлением свидетельства о смерти пользователя [6].

Facebook предоставляет широкие возможности распорядиться страницей, не только удалить ее, но и заранее установить настройки аккаунта в разделе «Памятный статус» на случай смерти. Аккаунты в памятном статусе — это место, объединяющее друзей и членов семьи, где они могут обмениваться воспоминаниями о человеке, который ушел из жизни. Пользователь может назначить Хранителя, функции которого похожи на распорядителя завещания. Хранитель — это выбранный хозяином страницы человек, который будет отвечать за аккаунт, если для того будет установлен памятный статус [7].

Рассматривая цифровые активы как объекты гражданских прав, они в любом случае будут входить в наследственную массу наследодателя. Вступая в наследство, наследники прибегают к помощи нотариусов. Рационально было бы создать базу данных цифрового наследства на основе Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации, доступ к которой будет только у нотариусов. В данной базе будут отображены цифровые активы наследодателя и его последняя воля. Таким образом, это уменьшит число правовых проблем с принятием

наследства наследниками и подтвердит правомерность желания и воли наследодателя передать конкретные цифровые активы конкретным наследникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. 05 декабря; 2020. 26 июня.
2. Лаптев В.А. Цифровые активы как объекты гражданских прав / В.А. Лаптев // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 199 - 204.
3. Гузнов А. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16 - 30.
4. Закон штата Дэлавер о наследовании цифровых активов США URL: <https://delcode.delaware.gov/title12/c050/index.shtml>
5. Политика конфиденциальности и Условия использования Google URL: <https://policies.google.com/terms?gl=RU&hl=ru>
6. Общие правила на сайте ВКонтакте URL: <https://vkontakteworld.ru/rules.html>
7. Справочный центр сайта Facebook URL: https://www.facebook.com/help/123355624495297?helpref=related&source_cms_id=1070665206293088
8. Шатковская Т.В., Жуковская А.А., Кочергин П.В. Наследственные фонды в России: пробелы законодательного регулирования // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 1 (114). С. 90-93.

Кубрава Аинар Бадриевич

старший юрист

ООО «Консалтинговая группа «Бизнес»

г. Ростов-на-дону

e-mail: Ainarkubrava@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ОТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ С УЧЕТОМ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В различных сферах общественной жизни всегда возникает вопрос целесообразности применения тех или иных выработанных принципов без учета специфики данных правоотношений. Одним из таких видов выступают отношения с участием потребителей, где невозможно применение принципа свободы договора в ее абсолютном значении.

В том или ином виде категория потребителей существовала всегда, начиная с появления производственных отношений. Еще в государствах древнего мира, таких как Вавилон, Египет, Китай, Римская империя, существовали определенные правила ведения предпринимательской деятельности (если такой термин можно применить к рассматриваемому периоду), когда одной из сторон выступал потребитель. В частности, такие защищающие нормы, а, следовательно,

ограничивающие свободный характер деятельности контрагента потребителя – предпринимателя по меркам тех времен, проявлялись при торговле на публичных рынках (базарах). Подтверждение этому мы можем найти в Законах Хаммурапи, в котором «предусматривалась ответственность за качество товаров, регулировались вопросы ценообразования и т.д.» [1].

Если говорить о российском опыте, нужно отметить, что отношениям с участием потребителей уделялось недостаточное внимание, вплоть до распада Союза ССР. Регулирование указанных отношений происходило на основе общих норм гражданского законодательства, однако, очевидно, что этого не было достаточно в полной мере. Безусловно, неразвитость рассматриваемых правоотношений определялась отсутствием свободных рыночных отношений, соответственно, не было необходимости в каком-то дополнительном регулировании прав отдельных субъектов. Но с появлением рыночных механизмов в советской экономике такая потребность незамедлительно проявилась. С учетом этого, 22 мая 1991 г. Верховным Советом СССР был принят специальный закон о защите прав потребителей, который состоял из трех разделов (общие положения; права потребителей и их защита; общественные организации потребителей). Однако этот закон, по сути, так и не получил достаточной реализации в связи с распадом СССР в декабре 1991 г.

Возникшая после указанного события действительность в еще большей мере требовала особой защиты прав потребителей, т.к. в условиях отсутствия должной регуляции рыночной экономики (по различным основаниям) именно потребитель, будучи слабой стороной договора, становился наиболее уязвимым субъектом гражданского оборота. Принимая это во внимание, законодатель пошел на ограничение договорных свобод, закрепив соответствующие положения в Законе РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г.

Гражданское законодательство – законодательство, которое, прежде всего, направлено на защиту прав слабой стороны. Потребитель это наиболее уязвимая категория субъектов гражданского оборота, следовательно, они нуждаются в дополнительной защите, поэтому свобода договора на всех ее стадиях будет применяться с некоторыми ограничениями.

В связи с указанным общераспространенной является практика, когда в законодательстве в императивном порядке закрепляются права и обязанности сторон потребительского договора. «Смысл этого приема в том, чтобы лишить потребителя возможности причинить себе вред своим собственным волеизъявлением» [4, с. 28].

На сегодняшний момент в законодательстве закреплены ряд мер, способствующих защите прав потребителей при заключении договора, и прежде всего это защита от включения в потребительский договор условий, ущемляющих права граждан-потребителей. В частности речь идет о статье 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 "О защите прав потребителей".

Вместе с тем «как свобода договора является проявлением правоспособности при вступлении в договорное отношение, так и исполнение договора является проявлением свободы воли на этапе исполнения обязательства» [3]. К этой категории можно отнести и возможность прекратить договорное

правоотношение. При этом нужно заметить, что прекращение договора одно из наиболее эффективных средств защиты в потребительских отношениях. «Это право предоставляется потребителю, с тем, чтобы он мог еще раз, уже после заключения договора, оценить его условия и сравнить их с другими предложениями, обдумать свое собственное хозяйственное положение, взвесить все «за» и «против» и принять окончательное решение «на холодную голову» [4, с. 11].

В российском законодательстве право на односторонний отказ от исполнения договора предусмотрено для потребителя в статьях 25 и 32 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», а также в иных актах гражданского законодательства, регламентирующих отношения с участием потребителей. На основе указанных статей в п.10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 146 было закреплено указание о том, что «законодательство о защите прав потребителей исходит из того, что потребитель имеет право в течение некоторого (как правило, незначительного) периода времени с момента заключения договора с продавцом (исполнителем) отказаться от исполнения договора без каких-либо негативных для себя последствий» [2].

Из этого правила вытекают два основных положения:

1) право на отказ от исполнения договора является императивной нормой, следовательно, в договоре стороны не могут предусмотреть иное. К примеру, если рассматривать зарубежный опыт, в статье 6 Директивы 85/577/ЕЕС установлено, что «потребитель не может отказаться от прав, предоставленных ему в соответствии с настоящей Директивой».

2) право на отказ от исполнения договора вступает в прямое противоречие с принципом *pacta sunt servanda*, однако это противоречие оправдано с учетом статуса одной из сторон договора.

Помимо уже установленных в законодательстве оснований для одностороннего отказа от договора со стороны потребителя, на наш взгляд, этот перечень может быть дополнен с учетом развития цифровых технологий.

Например, в европейских правовых порядках предусмотрено право для потребителя «отменить договор в случаях, когда он заключался при определенных обстоятельствах, создававших для него дополнительные опасности (заключение договоров вне помещений предприятия, заключение договоров на расстоянии), и в случаях, когда потребитель заключает договор определенного типа или вида, который опасен по своему содержанию (кредитный договор, договоры о таймшерах и долгосрочных туристических продуктах)» [4, с. 13].

По нашему мнению, включение указанных дополнительных оснований для отказа от договора будут способствовать защите прав и интересов слабой стороны договора, которой они лишены в настоящий момент. Заключение договоров не в месте нахождения контрагента (т.е. места, куда потребитель осознанно пришел с целью связать себя договорными обязательствами), а также заключение договоров на расстоянии это те механизмы, которые появились в результате развития экономических и технических отношений. Право, на наш взгляд, в этой связи не должно отставать от веяний времени.

С учетом обозначенных обстоятельств, предлагается обоснованным внесение изменений в законодательство, а именно закрепление в Законе РФ «О защите прав потребителей» особого порядка расторжения договоров, которые были заключены с потребителем вне места нахождения организации. В настоящий момент на предпринимателе лежит лишь обязанность по предоставлению потребителю информации об изготовителе (исполнителе, продавце, владельце агрегатора) без каких-либо особых условий заключения договора при таких обстоятельствах. Важность учета указанных обстоятельств заключается в том, что «заключая договор вне помещения предприятия, потребитель находится в ситуации, в которой он не может адекватно взвесить все «за» и «против» и принять действительно свободное решение. Потребитель действует в таких случаях под психологическим давлением» [4, с. 14].

Учитывая, что потребитель не является профессиональным субъектом гражданского оборота важно, чтобы у него было время на осознанное принятие решения. Подавляющее большинство потребителей сталкивались с ситуацией, когда поступают звонки от сотовых операторов, банков, брокеров и т.д., которые предлагают различные услуги и товары. Люди, которые подвержены внешнему влиянию, и которым трудно говорить «нет», соглашаются на всякие предлагаемые услуги, не представляющие для них особой необходимости. В связи с этим целесообразно, на наш взгляд, закрепить возможность отказа от заключенного договора при таких обстоятельствах в течение разумного срока, как это предусмотрено Директивой 85/577/ЕЕС Совета от 20.12.1985 г. о защите потребителей в случае заключения договоров вне помещений предприятия.

Подводя итог необходимо заметить, что защита прав и интересов потребителей как слабой стороны договора имеет давнюю историю. В связи с тем, что факты ущемления прав потребителей оказывают негативное влияние на экономику в целом, отношения с участием потребителей требует особой регламентации. Более того, на наш взгляд, потребители, с учетом развития современной техники и цифровых технологий должны быть наделены дополнительным средством защиты в виде отказа от договора при его заключении вне места нахождения организации или при его заключении на расстоянии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришаев С.П. Защита прав потребителей // СПС КонсультантПлюс. 2016.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 N 146. "Вестник ВАС РФ", № 11, ноябрь, 2011.
3. Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. М.: Статут, 2017. 192 с
4. Ширвиндт А.М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.Л. Маковского; Исследовательский центр частного права. – Статут, 2014.

Лапач Лада Владимировна
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданского права

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

К объектам гражданских прав, согласно ст. 128 ГК РФ, относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, цифровые права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Анализ приведенной статьи показывает, что предложенный законом перечень объектов гражданских прав следует признать открытым, поскольку в число объектов включается «иное имущество», определенным содержанием которого, в том числе, являются безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные и цифровые права.

Все объекты гражданских прав могут быть распределены по трем исходным группам:

1. имущественные блага (собственно имущество). Правовые контуры этой группы очерчиваются исходными понятиями «вещи», «деньги» «ценные бумаги», «имущественные права». В дальнейшем законодатель конкретизирует этот класс объектов посредством терминов «недвижимое имущество», «недвижимая вещь», «недвижимость», «сложная вещь», «неделимые вещи» и т. д.;

2. имущественно-неимущественные блага — эта группа образуется из результатов работ и услуг, охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации (интеллектуальная собственность). Эти объекты в части своих свойств могут приобретать товарную форму и участвовать в обороте, не утрачивая при этом некоторых признаков, присущих неимущественным благам.

3. связанные с личностью неимущественные блага — это группа нетоварных благ, связанных с личностью их носителя. Часть этих благ является полностью необоротоспособной в силу прямого указания закона (жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя и т. д.).

Ст.128 ГК занимает заметное место в кодексе, поскольку именно благодаря ей участники оборота способны сформировать относительно систематизированное представление о объектах гражданских прав. В прежней редакции ст.128 ГК была противоречива и приводила к ошибкам, фундаментальным заблуждениям, порождающим неопределенность в вопросе о том, чем именно, каким именно объектом владеет лицо и какими средствами защиты нарушенного права он может

воспользоваться для защиты своего господства над объектом в случае нарушении этого права.

В связи с этим формулировалась собственно задача разработчиков реформы - устранить имевшиеся ошибки и выстроить систему, позволяющую сказать какие именно блага принадлежат участникам гражданского оборота на основании субъективных гражданских прав. И новая редакция указанной нормы действительно лучше прежней как минимум потому, что она решает проблему оборота ряда неспецифических объектов, прежде всего криптовалют, цифровых финансовых активов. Отсутствие четкого понимания того, что такое цифровые права, криптовалюты и прочие непривычные финансовые активы, приводят к тому, что правоприменители, не находя упоминания о таком активе в тексте закона, приходят к выводу что их вовсе нет. Однако, Кодекс говорит о том, что объектами гражданских прав являются вещи, имущественные права, иное имущество и целый ряд других объектов. Тот факт, что вещи являются объектами гражданских прав, очевиден и без ст.128 ГК, но что кроме вещей и всех прямо указанных в данной норме объектов может находиться в обороте – понятно далеко не всем и далеко не всегда. Нынешняя редакция ст.128 как раз и позволяет решать проблему новых объектов гражданских прав.

Имущество в исполнении новой редакции ст. 128 ГК РФ находится в границах объектных групп вещей, имущественных прав и иного имущества. Объектная группа «иное имущество» это способ формирования в праве «пула» новых объектов гражданских прав.

Цифровые права - это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются по правилам информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права считается лицо, которое по правилам информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем такого права признается иное лицо (ст. 141.1 ГК РФ). Биткоин и прочие криптовалюты тоже находятся в группе цифровых прав, ст.141.1 ГК пытается показать способность к их интеграции в доктрину обязательственных правоотношений и сказать, что биткоин это и есть права требования в отношении организатора информационной системы, который обязался поддерживать на моем учетном счете (возможно криптокошельке) некий остаток.

Как следует из ФЗ «О цифровых финансовых активах», цифровая валюта — это «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных.

В отсутствие правового регулирования суды вынуждены выносить решения, основывая свою позицию на различных источниках, включая научные публикации и комментарии, а также применяя аналогию закона и аналогию права. В результате имеет место недостаточная четкость аргументации и противоречивость судебной практики.

Так, например, Арбитражный суд Поволжского округа в постановлении от 18.10.2018 по делу № А57-21957/2017, оставляя в силу обжалованные судебные акты указал следующее: отклоняя доводы о непринятии финансовым управляющим мер к получению (истребованию) информации о наличии у должника, членов его семьи, криптовалюты, арбитражные суды также исходили из того, что из прямого толкования норм права "криптовалюта" не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства, а отсутствие в системе криптовалюты контролирующего центра, анонимность пользователей криптовалют не позволяет с определенностью установить принадлежность криптовалюты в криптокошельке, находящемся в сети Интернет, конкретному лицу.

В постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2020 № 01АП-5933/2018 по делу № А43-34718/2017 суд занимает уже иную позицию: доводы о том, что принадлежность криптовалюты до момента ее продажи не требует подтверждения по ст. 141.1 ГК РФ и не может быть подтверждена в силу особенности объекта гражданского права (цифровое право) основан на неверном толковании норм права. По состоянию на 07.12.2014 у биткоина нет официально установленного статуса на территории РФ. Биткоин как криптовалюта не имеет единого эмиссионного центра, выпуск биткоина децентрализован, не контролируется Центральным банком РФ или иным эмиссионным центром - регулятором иностранного государства. Криптовалюты не гарантируются и не обеспечиваются ЦБ РФ. В связи с этим биткоин и иные криптовалюты могут быть отнесены к особого рода денежным суррогатам.

Подспорьем для судей могло бы стать соответствующее постановление Пленума Верховного суда РФ. Однако на данный момент примеры из судебной практики настолько немногочисленны, что остается только ждать принятия соответствующего законодательства и увеличения количества дел для анализа и обобщения практики.

Левушкин Анатолий Николаевич

доктор юридических наук, профессор

профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права

(Московский государственный

юридический университет имени О.Е. Кутафина)

профессор кафедры гражданского права

(Российский государственный университет правосудия)

заведующий кафедрой гражданского права

(Московский государственный областной университет)

г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СЕМЕЙНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Чаще всего в России семейный бизнес осуществляется в форме микропредприятий и малого предпринимательства (хотя не исключается возможность развития семейного бизнеса до масштабов среднего и даже крупного предпринимательства), в связи с чем семейный бизнес остро ощущает на себе любые экономические и политические колебания, нестабильность рынка, а также влияние крупных компаний на конкурирующем рынке, работу бюрократического аппарата государства и т.п.

В отечественном правовом порядке отсутствует легальное определение понятиям «семейный бизнес» или «семейное предприятие», а также отсутствует закрепленная в законе возможность осуществления бизнеса в форме семейного предпринимательства. Хотя фактически в России существует и развивается семейное предпринимательство, но без специальной правовой поддержки. Сегодня, так называемые «семейные предприятия» могут осуществлять свою деятельность посредством создания коммерческих юридических лиц или регистрации индивидуальных предпринимателей. Определено, что супружеский бизнес — это любая форма организации бизнеса, при котором осуществление предпринимательской деятельности основано на отношениях супружества, возникших в результате заключения брака [8, с. 27].

Особое звучание проблеме правового регулирования семейного бизнеса придает то обстоятельство, что семейный бизнес, как правовое последствие реализации полномочий супругов по осуществлению предпринимательской деятельности, нуждается в поддержке со стороны государства не меньше, а может быть даже больше, чем любое малое или среднее предпринимательство. Периодически на различных открытых площадках звучат одобряемые государственными чиновниками (в том числе и Президентом России [9]) предложения о необходимости законодательной легализации семейного бизнеса. Однако до настоящего момента в российском законодательстве отсутствует как легальное понятие семейного бизнеса, так и меры его поддержки.

Особо отметим, что в повседневной жизни мы встречаемся с семейными предприятиями достаточно часто, некоторые всемирно известные бренды берут свое становление от семейных предприятий, к примеру: L'Oreal, Michelin, Ford Motors Co, Wal-Mart Stores, Ito-Yokado и др. [10]. Мы солидарны с профессором В.В. Кулаковым и считаем, что семейный бизнес имеет неопределимое значение для экономики нашей страны [7, с. 166].

Ранее уже обращалось внимание, что в системе рыночных отношений семейное предпринимательство в России не получило широкого своего развития и применения в нашей стране, поскольку переживало различные этапы и противоречивые события в экономике и политике.

Вместе с тем нынешняя государственная семейная политика Российской Федерации направлена на решение задач по укреплению экономического

благополучия семьи, усиление социальной значимости каждой семьи, развитию интересов и традиций ведения семейного предпринимательства, в основу которых заложены механизмы поддержки и стимулирования предпринимательской активности семей в рамках Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р [6].

В настоящее время вопрос о безработице особо остро ощущается на фоне пандемии и введения режима самоизоляции, поэтому решение вопроса о рабочих местах является особо актуальным. Как известно, одним из главных аргументов для легализации семейного предприятия в России называется упрощение оформления трудовых отношений для членов семьи.

Принимаемые государством меры по противодействию распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) обусловили прекращение работы не только значительного числа субъектов малого и среднего предпринимательства, но и невозможность деятельности многих самозанятых граждан. В то время как для спасения первых государством принимаются экстренные и во многом беспрецедентные меры, самозанятые (поскольку они легально не отнесены к субъектам микропредпринимательства) исключены из круга получателей указанной помощи, что не только сводит на нет попытки государства вывести самозанятых из теневого сектора экономики, но и ставит их на грань выживания.

Было принято концептуальное политико-экономическое решение о проведении эксперимента [2], целью которого является стимулировать физических лиц выйти из зоны теневой экономики, легализовать свою деятельность по получению доходов в сочетании с обеспечением выполнения обязанности перед государством по уплате налогов в бюджет.

К завершению первого года эксперимента, с позиции гармонизации частноправовых и публично-правовых интересов, международного сотрудничества, решения задачи реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [5], было принято решение о расширении как субъектного состава участников эксперимента – физических лиц – резидентов РФ (граждан или лиц, постоянно проживающих на территории РФ), так и административно-территориальных единиц, на которых будет осуществляться данный эксперимент (количество регионов увеличилось до 23 субъектов [2]) [1], а в апреле текущего года государство распространило условия эксперимента на всю территорию РФ, передав полномочия по процедуре законодательных инициатив по внедрению специального налогового режима в субъектах Федерации [3].

С позиции международного частного права новыми субъектами стали также и физические лица, являющиеся резидентами государств постсоветского пространства, в настоящее время государства – члены Евразийского экономического союза (ЕАЭС): Казахстана, Армении, Кыргызстана и Белорусии (ст. 5 ФЗ № 422), готовых вести на условиях эксперимента предпринимательскую деятельность в качестве самозанятых на территории регионов РФ, определенных ФЗ № 422.

Как нам представляется, основной принцип новой организационно-правовой формы заключается в предоставлении государством возможности физическому лицу реализовать себя как субъекта частноправовых и публично-правовых отношений одновременно с приобретением ряда правомочий и обязательств:

1. Осуществлять легитимную деятельность в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (далее – ОКВЭД) [4] в одном или нескольких секторах (сегментах) экономики, в том числе производства товаров, торговли с учетом определенных ограничений (ст. 6 ФЗ № 422) и широкого спектра оказания услуг, за исключением указанных в ст. 4 ФЗ № 422.

2. Получать доход от своей деятельности, не превышающий 2,4 млн руб. в год без ограничений по размеру ежемесячного дохода (п. 2 ст. 4 ФЗ № 422), и декларировать его в налоговый орган без необходимости излишнего документирования (присущего иным организационно-правовым формам предпринимательства), за исключением обязанности оформлять и выдавать чек в электронном виде (ст. 14 ФЗ № 422).

3. Проявлением лояльности к новому субъекту предпринимательства является право самозанятого не осуществлять определенные действия: не открывать отдельный счет в банковском учреждении для данной профессиональной деятельности, а также не применять контрольно-кассовую технику (ККТ), вести бухгалтерский учет, регистрироваться в фонде обязательного медицинского страхования, Пенсионном фонде РФ.

4. Добросовестно исполнять публично-правовую обязанность по уплате предусмотренных формой НПД налогов (ст. 10 ФЗ № 422).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» от 27.11.2018 № 422-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

2. Федеральный закон «О внесении изменений в ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» от 15.12.2019 № 428-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 50. Ст. 7201.

3. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 1 ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 01.04.2020 № 101-ФЗ // РГ. 2020. № 72. 3 апр.

4. Постановление ФСС РФ «Об утверждении значений основных показателей по видам экономической деятельности на 2020 год» от 23.05.2019 № 64 (зарегистрировано в Минюсте России 02.08.2019 № 55485) // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 05.08.2019.

5. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16)) // <https://base.garant.ru/72185938/>.

6. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

7. Кулаков В.В. Некоторые аспекты конкретизации норм обязательственного права применительно к институту семейного бизнеса // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 166.

8. Левушкин А.Н. Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 25-30.

9. Путин предложил создать патент на семейный бизнес [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<https://delovoyimir.biz/putin-predlozhit-sozdat-patent-na-semeynuyu-biznes.html> (дата обращения: 03.10.2020).

10. Шипицына К.С. Перспективы и проблемы семейного предпринимательства: российская реальность // URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38955>.

Муравьева Елена Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: lexestlex@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭМБРИОНА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Право на жизнь как естественное неотчуждаемое право человека насыщает смыслом все другие права. В научной литературе не раз отмечалась необходимость определения момента возникновения субъективного права на жизнь и самой жизни, поскольку решение данных фундаментальных вопросов позволит установить важнейшие стандарты правового статуса человека, такие как, например, момент возникновения жизни и правоспособности человека.

Определение начала человеческой жизни неразрывно связано с проблемой правового статуса человеческого эмбриона. С самых первых минут формирования эмбрион становится носителем уникальных генетических свойств. Однако современное российское законодательство не содержит нормативного закрепления правового статуса и защиты человеческого эмбриона.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 20.05.2002 г. № 54 – ФЗ «О временном запрете на клонирование человека эмбрионом человека признается зародыш человека на стадии развития до восьми недель. По истечении восьми недель и до момента рождения эмбрион формируется в плод. Довольно

значительный временной промежуток между зачатием и рождением порождает правовую неопределенность в вопросе о том, в какой момент можно говорить о появлении нового субъекта права. Также дискуссионным представляется вопрос и правовом статусе развивающегося организма в утробе матери: является ли он частью организма матери, приравненной к ее органам и тканям, либо уже в этот период он является самостоятельным субъектом права, нуждающимся в особой правовой защите.

На основании анализа ст. 2 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» эмбрион относится к категории «органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани». П.40 Приказа Минздрава России от 30.08.2012 № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» приравнивает эмбрионы к биоматериалам.

Поддерживает данную точку зрения Н.В. Кальченко, которая утверждает, что неродившийся плод следует рассматривать как составную часть организма женщины, которая имеет право определять его судьбу [1].

Однако с данной позицией следует не согласиться. В медицинской практике существуют случаи, когда даже при гибели матери плод остается жизнеспособным. Организм матери является только средой развития эмбриона, обеспечивая его нормальное функционирование и рост. Представляя собой зародыш новой жизни, он не может принадлежать другому телу.

Согласно ст. 17 Гражданского кодекса РФ правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью. П.1 ст. 53 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» признает моментом рождения ребенка момент отделения плода от организма матери посредством родов. Только родившийся ребенок способен совершать юридически значимые действия, следовательно, только он может вовлекаться в сферу правоотношений [2]. Таким образом, в соответствии с действующим законодательством РФ человеческий эмбрион нельзя признать в качестве субъекта гражданского права. В случае признания эмбриона субъектом правоотношений, будут запрещены любые действия, производимые с ним, в том числе, искусственное прерывание беременности, ЭКО, суррогатное материнство и т.д. [3]

Однако гражданское право признает некоторые права нерожденного ребенка. Согласно ст. 1116 ГК РФ граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Также п.2.1. Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» закрепляет право ребенка, родившегося после смерти застрахованного на получение ежемесячных страховых выплат в случае смерти застрахованного в результате наступления страхового случая.

Процедура криоконсервации представляет возможность автономного существования эмбриона в качестве объекта материального мира, что порождает множество закономерных вопросов установления момента начала жизни. Поскольку процесс оплодотворения в таком случае осуществляется вне организма

матери остается неясным момент зачатия: при инсеминации ооцитов репродуктивным материалом мужчины либо при переносе эмбрионов в полость матки. Ответ на данный вопрос чрезвычайно важен для признания ребенка нацибусом при использовании вспомогательных репродуктивных технологий, если эмбрион при проведении процедуры попал в полость матки уже после открытия наследства.

На основании вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что в некоторых случаях закон гарантирует охрану прав эмбриона и плода, которые возникнут у них в будущем, в случае рождения живыми. Утверждать о наличии у них правосубъектности не представляется возможным.

Следующая точка зрения заключается в том, что эмбрион является индивидуально-определенной, неделимой вещью, на которую можно обрести право собственности. Распространение правового режима имущества приведет к абсолютно абсурдным ситуациям: эмбриону будет дана точная денежная оценка с возможностью его возмездного отчуждения, отнесение плода к общему имуществу супругов и возникновению на него право общей собственности.

Таким образом, вопрос определения правового статуса эмбриона является необычайно сложным. С одной стороны, эмбрион – это набор клеток, а с другой – начало жизни человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь и его гарантии в РФ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Волгоград, 1995. С. 58.
2. Бабаджанов И. Х. Жизнь и смерть человека как институционально-правовые категории (теоретико – аксиологический и частно - правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01, 12.00.03. Душанбе. 2014. С. 69.
3. Митрякова, Е. С. Эмбрион как субъект // Вестник Тюменского Государственного Университета. 2006. № 5. С. 16-19.

Поваров Юрий Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент
(Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева)
г. Самара
e-mail: povus@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В КАЧЕСТВЕ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА

Крайне полемичным аспектом проблематики правосубъектности гражданина-должника остается момент (не)правомерности квалификации юридических актов, совершаемых в ходе судебного банкротства от его имени финансовым управляющим, в качестве действий представителя (впрочем, дискуSSIONной продолжает оставаться и юридическая оценка деятельности арбитражного управляющего в процессе реализации правосубъектности должника-

организации; распространение в научном мире, как известно, получили подходы к рассмотрению такого управляющего как органа юридического лица, как законного представителя организации, как «фигуры иной природы» (доверительного управляющего, лица, оказывающего управленческие услуги, и пр.).

Вообще, умаление правовых возможностей гражданина в ходе **реструктуризации долгов** выражается в непреложности предварительного согласования совершения должником некоторых сделок с финансовым управляющим (а равно в полном запрете на совершение определенных действий) (см. п. 5 ст. 213.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)). Таким образом, именно гражданин, в дозволенных пределах, выступает непосредственным субъектом реализации своей правоспособности; финансовый управляющий не заменяет должника, а лишь дает (или не дает) «санкцию» на осуществление той или иной хозяйственной операции (т.е. волеобразование по-прежнему замыкается на должника). Поэтому практически бесспорным в доктрине является *непридание финансовому управляющему на данной стадии дела о банкротстве статуса представителя гражданина*.

Совершенно иную картину мы наблюдаем при введении процедуры **реализации имущества** гражданина, когда, помимо прочего, финансовый управляющий от имени гражданина осуществляет принадлежащие последнему права (но, разумеется, с многочисленными оговорками – см. 213.25 Закона о банкротстве).

Любопытно, что приведенный расклад отдаленно напоминает дифференциацию объема дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и ограниченных судом в дееспособности граждан, с одной стороны, и малолетних, а также признанных судом недееспособными граждан, с другой стороны. «...Арбитражное управление с точки зрения своей юридической природы, – справедливо констатирует М.А. Говоруха, – "генетически" связано с опекой (попечительством), и, кроме того, возможно провести параллель между полномочиями опекуна (представителя в силу закона) и арбитражного управляющего...» [2].

Итак, в силу прямого указания закона финансовый управляющий совершает некоторые юридические действия (по распоряжению имуществом, относящимся к конкурсной массе, по реализации права голоса на общем собрании участников и др.), причем от лица гражданина. Обозначенные моменты в целом гармонируют с *конструкцией законного представительства*. «...По сути дела, – резюмирует М.Ю. Осипов, – финансовый управляющий выступает в качестве законного представителя гражданина-должника во взаимоотношениях с кредиторами... [а точнее – с любыми третьими лицами. – Ю.П.]» [5]. Неслучайно, что «представительская» интерпретация получила известное признание у правоприменителя (так, вывод о том, что финансовый управляющий есть законный представитель на данном этапе банкротства, озвучен в письме Банка России от 23 января 2017 г. № 12-1-5/67) и органов правосудия (см., к примеру, п. 3.1.6 информационного письма Свердловского областного суда от 19 декабря 2018 г.,

апелляционное определение Московского городского суда от 6 февраля 2019 г. по делу № 33-2000).

Между тем статус арбитражного управляющего как законного представителя физического лица – должника отличается *значительным своеобразием*. В первую очередь самобытность состоит в том, что арбитражному управляющему вменяется преследование интересов не только должника, а и кредиторов, и общества (см. п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве). Кроме того, деятельность финансового управляющего, в том числе осуществляемая от имени должника, подчинена определенным правилам и носит строго целевой характер (эффективное формирование и надлежащее распределение конкурсной массы и т.п.).

Широкий спектр интересантов и характера отстаиваемых ими интересов, по мысли многих ученых, влечет некорректность и (или) нецелесообразность обращения к институту представительства: например, К.Б. Кораеву видится спорным то, что «...законодатель в целях обеспечения управления конкурсной массой использует конструкцию законного представителя» (автор полагает «...правильным использовать теорию исполнительного производства...») [4]; о недопустимости полноценного рассмотрения в «представительском» дискурсе арбитражного управляющего в связи с его выступлением от имени и должника, и кредиторов пишет А. Андреев [1].

Невзирая на весомость приведенной аргументации (возможная «победа» которой, заметим, в законодательной плоскости должна означать ясное размежевание подобного рода «квазипредставительства» и собственно представительства), памятуя о недопустимости игнорирования арбитражным управляющим интересов должника при реализации его прав (о чем прямо указывается в Законе о банкротстве), о неуникальности ситуации одновременного представления интересов разных субъектов (допустим, при коммерческом представительстве – см. ст. 184 ГК РФ) и, наконец, об актуальности многих предписаний о представительстве (см. ст. ст. 182, 183 ГК РФ) для нашей ситуации, более конструктивной и удобной (в формально-юридическом плане) все-таки кажется «представительская» трактовка действий финансового управляющего, совершаемых в ходе реализации имущества от имени гражданина-должника. Но, конечно, здесь «...представительство носит нетрадиционный характер, так как представитель реализует полномочия лиц, диаметрально противоположных по интересам (должник – кредитор). И только полномочия управляющего, полученные от государства, – как логично подчеркивают С.А. Зинченко и В.В. Галов, – сглаживают ("интегрируют") указанные противоречивые интересы» [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Проблемы процессуальной дееспособности должника в делах о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 5. С. 36-41.
2. Говоруха М.А. О правовом статусе арбитражного управляющего в процедурах внешнего управления и конкурсного производства // Юрист. 2007. № 8. С. 37-41.

3. Зинченко С.А., Галов В.В. Правовой статус арбитражного управляющего в системе органов юридического лица и представительства // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. 2004. № 6. [Доступ из СПС «КонсультантПлюс»].

4. Кораев К.Б. Правовое регулирование процедуры реализации имущества гражданина // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 55-58.

5. Осипов М.Ю. О некоторых проблемах правового регулирования банкротства граждан // Юрист. 2019. № 2. С. 9-15.

Пономаренко Лидия Анатольевна

помощник судьи
Железнодорожный районный суд
г. Ростов-на-Дону
e-mail: p5111a@mail.ru

ФИНАНСОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ КРЕДИТОВАНИЕ

В настоящее время наблюдается ярко выраженная тенденция разработки и внедрения новых технологий во все сферы жизни общества. Привлечение финансирования с помощью инвестиционных платформ стало альтернативой коммерческого кредитования. Процесс цифровизации диктует необходимость внесения существенных изменений в законодательство Российской Федерации.

Первоначально развитие рынка финансовых платформ началось в Великобритании (в 2005 году появилась платформа Zora) и в США (в 2006 году появилась платформа Prosper Marketplace), которые позволили напрямую связать заемщика и инвестора. Это так называемый краудфандинг, обобщенно под которым понимается механизм сбора денежных средств от неопределенного круга третьих лиц для финансирования как коммерческих, так и некоммерческих проектов [3]. В мировом масштабе возросло количество онлайн-займов. И Россия не исключение. Нерегулируемая деятельность онлайн-платформ и их конкурентные преимущества способствовали процветанию онлайн-займов. В тоже время развитие рынка финансовых платформ без скатывания к мошенническим схемам невозможно в отсутствие законодательного регулирования. Сформированная нормативно-правовая база позволит использовать новые способы для оказания финансовых услуг и тем самым снизит риск финансовой стабильности.

В литературе справедливо отмечены преимущества таких информационных платформ: экономия времени на переговоры, согласование условий договора и его заключение. При этом отмечается сложность в идентификации заемщика и кредитора, отсутствие гарантий надежности как сторон кредитного договора (договора займа), так и самой площадки [4, с.22]. Развивая указанную мысль, Яценко Т. С. отмечает, что в связи озвученными проблемами требуется разработка адекватной системы мер защиты прав и интересов инвесторов, которая учитывала бы важность поддержки краудфандинга в качестве перспективного направления инвестиционной деятельности и одновременно препятствовала бы

злоупотреблениям в данной сфере. Обеспечение баланса между удовлетворением потребности в формировании капитала для реализации проекта, с одной стороны, и охраной инвесторов - с другой будет соответствовать указанной цели [6, с.62].

С 1 января 2020 года вступил в силу Федеральный закон № 259-ФЗ от 02.08.2019 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Регулирование использования финансовых платформ для получения физическими лицами (потребителями) финансовых услуг, в том числе банковских, получило свое развитие в принятии Федерального закона № 211-ФЗ от 20.07.2020 «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы». В соответствии с пояснительной запиской основными идеями принятого закона являются расширение доступа к финансовым услугам, увеличение конкуренции, автоматизации процессов взаимодействия, повышение скорости и удобства совершения транзакций в рамках электронных платформ и другие.

Закон о регулировании финансовой платформы (система «маркетплейс») предусматривает, что до конца года в России может появиться новая система, которая предоставит круглосуточный дистанционный доступ к финансовым услугам независимо от местонахождения гражданина (ч. 1 ст. 1, п. 7 ч. 1 ст. 2 Закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ). Финансовая платформа представляет собой информационную систему, обеспечивающую взаимодействие финансовых организаций или эмитентов с потребителями финансовых услуг посредством Интернета в целях обеспечения возможности совершения финансовых сделок. Доступ к платформе предоставляется оператором финансовой платформы. Финансовые сделки определены как сделки по предоставлению банковских и страховых услуг, услуг на рынке ценных бумаг, сделки с финансовыми инструментами, сделки по предоставлению иных предусмотренных правилами финансовой платформы услуг финансового характера, за исключением договоров банковского счета (вклада), заключаемых в связи с осуществлением потребителем финансовых услуг предпринимательской деятельности. Правила финансовой платформы являются договором присоединения и определяют права и обязанности участников электронной платформы и оператора при совершении сделок.

Также определены требования к размещению информации о финансовых сделках, а именно, данная информация не может содержать каких-либо гарантий или обещаний в будущем доходности вложений (кроме продуктов с фиксированной доходностью). При совершении сделки потребитель должен быть проинформирован обо всех расходах на ее совершение.

Федеральным законом № 212-ФЗ от 20.07.2020 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершения финансовых сделок с использованием финансовой платформы» внесены корреспондирующие изменения в некоторые законодательные акты.

Таким образом, мы можем отметить, что в настоящее время приняты ряд нормативных документов, сформировавших определенную регуляторную среду онлайн предоставления финансовых услуг. В тоже время сделки потребительского кредита (займа) напрямую в законе от 20.07.2020 № 211-ФЗ не указаны, в сам Закон о потребительском кредите (займе) в настоящий момент изменения не внесены.

Рынок потребительских онлайн-займов достаточно широк. Действуют такие финансовые платформы, которые аккумулирует предложения микрофинансовых организаций (например, <https://fingoogo.ru/>) и такие - на которых потребительский кредит (займ) предоставляется конкретной финансовой организацией (<https://vdolg.ru/> - ООО «Вдолг.Ру Финанс»).

Указанный рынок без его регулирования характеризуется повышенными рисками: возникают вопросы проведения идентификации, доказательств акцепта и перечисления денежных средств и другие. Указанные риски формируют признаки алеаторности в рассматриваемых правоотношениях.

Заключение договора потребительского кредита (займа) часто начинается с подачи гражданином соответствующего заявления. Положения действующего законодательства достаточно подробно регламентируют процедуру преддоговорных отношений потенциального кредитора и потенциального заемщика. Однако в настоящее время не определены особенности заключения договоров потребительских кредитов (займов) в форме электронного документа с использованием электронной платформы. В литературе справедливо отмечено, что классические юридические конструкции, такие как договор займа, нуждаются в правовом реформировании, учитывающем повышение информатизации экономического оборота [1, с. 50].

Договор потребительского кредита в обязательном порядке должен быть заключен в письменной форме. С учетом применения общих норм ГК РФ (п. 2 ст. 434) [3] договор потребительского кредита может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами (единый договор), либо путем обмена документами, в том числе с оформлением заявления о предоставлении потребительского кредита [5, с. 45], заявления о присоединении к общим условиям кредитования, размещенным на сайте банка, с выпуском карты. В таком заявлении фиксируются все условия кредита (сумма, срок, процентная ставка и др.), и с момента зачисления банком денежных средств на счет клиента (совершение конклюдентных действий на основании его заявления), заемщик получает возможность их использовать с обязательством по истечении срока вернуть кредит с начисленными на него процентами. При этом судебная практика по возможности использования электронной формы договора займа не однозначна (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.06.2020 № Ф08-3848/2020 по делу № А53-31030/2019). В юридической науке, отмечено, что отсутствие регулирования отношений сторон на преддоговорной стадии может привести к несправедливым результатам [2, с. 83]. Поэтому необходимо законодательно определить возможность электронной формы договора займа.

Обращает на себя внимание и вопрос квалификации договора потребительского кредита как договора присоединения. В Законе о потребительском кредите (займе) данный установлено, что к условиям договора, которые были установлены кредитором в одностороннем порядке, применяются положения ст. 428 ГК РФ. Таким образом, правила ст. 428 ГК РФ применяются лишь к общим условиям договора и договор потребительского кредитования можно назвать договором присоединения лишь в части. Так как не понятно как будут согласовываться индивидуальные условия договора потребительского

кредита (займа) на финансовой платформе, то возможно в законе необходимо предусмотреть, в этой связи особое положения.

Таким образом, развитие правового регулирования предоставление финансовых услуг с помощью финансовых платформ даст новое развитие институту потребительских онлайн-займов, в том числе снизит алеаторность в указанных правоотношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казаченок О.П. Несоответствие действующего законодательства потребностям информационного общества на примере договора займа электронных денежных средств//Законы России: опыт, анализ, практика.- 2017.- №10. - С. 47-50.
2. Муратова О.В. Практика рассмотрения преддоговорных споров, возникающих в международном коммерческом обороте. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2019. - № 3 - С. 82-97.
3. Полякова В.Э. Краудфандинг: понятие, правовое регулирование и договорные конструкции // СПС КонсультантПлюс. 2020.
4. Сарнаков И.В., Слепцова Ю.М. Правовые горизонты P2P-, P2B- и B2B-кредитования в России // Юрист. - 2018. - № 5. - С. 17-24.
5. Шохин С.О. О некоторых вопросах оформления и содержания договора потребительского кредита // Юридический мир. - 2015. - № 12. - С. 45-48.
6. Яценко Т.С. Проблема охраны прав инвесторов в краудфандинге: Риски инвестирования и пути их преодоления // Журнал российского права. - 2019. - № 8. - С. 62- 71.

Рудик Инна Евгеньевна
кандидат юридических наук
(Ростовский филиал Российского университета правосудия)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: rudikinna@rambler.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Несмотря на то, что наследственное право является достаточно консервативной частью права гражданского, в современный период оно характеризуется трансформацией некоторых институтов. Часть этих изменений вызвана отсроченными последствиями перехода нашей страны в 90-х годах прошлого столетия к рыночной экономике. Достижение российскими владельцами крупного и среднего бизнеса преклонного возраста заставило законодателя задуматься о создании отечественных правовых инструментов планирования наследования, таких как наследственный фонд, совместное завещание и наследственный договор[13; 10, с. 294]. Поскольку положения ГК РФ о них введены в действие сравнительно недавно (2018—2019 гг.), то не успели «обрасти» практикой судебного применения. В многочисленных научных публикациях

активно указывается на пробелы в правовом регулировании этих способов планирования наследования [5; 6; 7; 9; 12; 18]. Восполнять их, видимо, предстоит судебным органам и нотариату. Хотя не исключается и законодательная корректировка указанных правовых конструкций. Так, уже сейчас ведется работа по совершенствованию правового положения наследственного фонда [20].

Появление этих институтов в наследственном праве России, а также изменение правовой регламентации исполнения завещания в сторону увеличения круга лиц, допущенных к исполнению завещания, расширения полномочий душеприказчика, свидетельствует о развитии диспозитивных начал в наследственно-правовом регулировании. Сегодня гражданин получил больше возможностей реализовать экономическую власть над своим имуществом и после своей смерти, посредством действий других лиц и новых правовых инструментов. Больше возможностей существует и для закрепления в завещании распоряжений неимущественного характера.

Между тем наследственное право остается подотраслью гражданского права, содержащей наибольшее количество императивных норм. Они во многом имеют процедурный характер: это положения о форме и порядке совершения завещания и наследственного договора (ст. 1124—1129, п. 7 ст. 1140.1 ГК РФ); о сроках принятия наследства (ст. 1154 ГК РФ); нормы, направленные на охрану интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи наследодателя (1148, 1149, п.4 ст. 1157, 1166, 1167 ГК РФ) и др.). Несмотря на постепенную цифровизацию нотариальной деятельности (выражающуюся, прежде всего, в формировании реестров единой информационной системы нотариата (ст. 34.1 Основ законодательства о нотариате)) и на появление в ГК РФ норм о видеофиксации процедуры совершения совместного завещания, наследственного договора, сохранилось понимание завещания исключительно как письменного документа, исполненного на материальном носителе. По-прежнему не считается завещанием распоряжение о судьбе своего имущества в аудио- или видеоформате. Не случайно законодатель при изменении в 2019 г. правил гражданского законодательства о форме сделок (ст. 160 ГК РФ), подчеркнул, что не допускается составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств (п.1 ст. 1124 ГК РФ).

Цифровизация общественной жизни, тем не менее, не может не затрагивать наследственных отношений. На практике все чаще возникают вопросы об установлении наследственных прав на аккаунты в социальных сетях [4], доменные имена [11] и иные «цифровые активы» [15]. Данные отношения пока не регламентированы нормативно-правовыми актами, нет и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по этому поводу. Вопросы о правопреемстве в отношении этих объектов регулируются локальными актами лиц, оказывающих гражданам соответствующие услуги, а в случае возникновения спора суды вынуждены принимать решения на основе собственного понимания правовой природы данных объектов.

Проблемы наследственно-правового регулирования, вызванные спецификой некоторых объектов гражданских прав, входящих в наследственную массу, возникают не только в отношении цифровых активов. Так, существующая в

научной литературе дискуссия о правовой природе доли участия в коммерческой корпорации на практике имеет следствием различное понимание судами объема прав, переходящих к наследнику участника корпорации [2; 14, с. 513]. Многообразие экономических отношений в современном мире обуславливает возникновение вопросов о возможности перехода по наследству тех или иных обязательственных прав, а также обязанностей наследодателя. В частности, недавно Определением Верховного Суда РФ была подтверждена способность перехода по наследству обязанности контролирующего коммерческую организацию лица возместить ей причиненные соответствующими действиями убытки [19].

Сравнительно недавно в научной литературе стали обращать внимание и на проблемы, связанные с определением круга субъектов наследственных правоотношений. Развитие репродуктивных технологий поставило вопрос о возможности надления наследственными правами детей наследодателя, если они были зачаты после его смерти [1; 8; 17]. Не соответствующим современному пониманию семьи, по мнению многих авторов, является регулирование некоторых отношений наследования по закону (отнесение пасынков, падчериц, отчима, мачехи к предпоследней очереди наследования [14, с. 38-40]; запрет на отказ от наследства в пользу внуков наследодателя, не призванных к наследованию [2; 16]).

Необходимо обратить внимание еще на одну тенденцию развития правового регулирования наследственных отношений. Всеобщая глобализация не только имеет следствием все более частое обращение правоприменителей к иностранному праву при регулировании наследственных отношений с иностранным элементом, но и требует гармонизации наследственно-правового регулирования, как минимум, в близких правовых системах. Подтверждением этого является уже упомянутая имплементация в российское право европейских институтов наследственного фонда, наследственного договора и совместного завещания, хотя и с российскими особенностями. В связи с этим, чрезвычайно актуальными являются сравнительно-правовые исследования в сфере наследования.

В целом, следует сделать вывод о том, что сегодня большая часть норм наследственного права опирается на сложившуюся нотариальную и судебную практику единообразного применения. Однако наследственное право не является застывшим правовым образованием, оно активно развивается и нуждается, во-первых, в апробации недавно появившихся наследственно-правовых конструкций с целью выявления и исправления недостатков, восполнения пробелов в правовом регулировании, а, во-вторых, в теоретическом обосновании возможности (или невозможности) наследования отдельных объектов гражданских прав, чаще всего, недавно признанных в качестве таковых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминова Ф.М. Юридическая роль установления происхождения ребенка в наследственных правоотношениях при применении вспомогательных репродуктивных технологий // Lex Russica. 2019. № 5. С. 30–39.
2. Андреев В.К. Наследование — не универсальное правопреемство, а общий оборот гражданских прав. //Юридическая судьба бизнеса при расторжении

брака и наследовании : монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М., 2020. 480 с. С. 247–253.

3. Булаевский Б.А. Наследственные права внуков // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 29-31.

4. Верховный суд Германии разрешил передавать по наследству аккаунты в Facebook // URL: <https://pravo.ru/news/204002/>

5. Гребенкина И. А. Наследственный договор в российском законодательстве с 1 июня 2019 г. // Законодательство. 2019. № 5. С. 20–26.

6. Гришаев С. П. Наследственные фонды как субъекты наследственного правопреемства // Гражданин и право. 2018. № 9. С. 16–26.

7. Демичев А.А. Совместное завещание супругов в российском праве // Наследственное право. 2018. № 4. С. 9–11.

8. Долганова И.В., Ерофеева Д.В., Ефимова О.В. [и др.] Актуальные проблемы гражданского права: учебник / под ред. Р.В. Шагиевой. М., 2019. 380 с. URL: СПС «Гарант».

9. Долинская В.В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 3-12.

10. Куропацкая Е.Г. Переход бизнеса по наследству //Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании : монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М., 2020. 480 с.

11. Ламбина В.С. Михайлов С.В. Протокол заседания Научно-консультативного Совета при Суде по интеллектуальным правам (23 января 2014 года) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 4. С. 4–11.

12. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. Е.Ю. Петров. М., 2018. URL: <https://m-lawbooks.ru/index.php/product/nasledstvennoe-pravo-postateyniy-kommentariy-k-statyam-1110-1185-1224-grazhdanskogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-pod-obshhey-redaktsiye-e-yu-petrova/>.

13. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве? // Закон. 2018. № 9. С. 18–38 // URL: СПС "Гарант".

14. Петров Е. Ю. Наследственное право России: состояние и перспективы развития (сравнительно-правовое исследование) [Электронное издание]. М., 2017. URL: <https://m-lawbooks.ru/index.php/product/petrov-e-yu-nasledstvennoe-pravo-rossii-sostoyanie-i-perspektivy-i-razvitiya/>.

15. Рожкова М.А. Право в сфере интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2018. 528 с.

16. Ростовцева Н.В. Полезен ли французский опыт при реформировании российского института наследования по праву представления? // Законодательство. 2018. № 3. С. 62–67.

17. Шелютто М.Л. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 91–98.

18. Эрделевский А.М. О новых институтах наследственного права. URL: СПС "Консультант Плюс".

19. Определение ВС РФ от 16 декабря 2019 г. № 303-ЭС19-15056 // URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1844366/.

20. Проект федерального закона № 499538-7 "О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (о личных фондах)" // URL: СПС «Гарант».

Рузанова Валентина Дмитриевна
кандидат юридических наук, доцент
(Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева)
г. Самара
e-mail: vd.ruz@mail.ru

О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВЫХ «ОХРАНИТЕЛЬНЫХ» МЕР ПО ЗАЩИТЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ¹

Охрана прав и свобод человека сегодня во все большей степени осложняется в связи с проникновением науки и практики в сферу генома и развитием генетических технологий. Эффективное внедрение названных технологий в различные области современного общества повысит качество управленческих решений в системе обеспечения национальной безопасности, здравоохранении, оптимизирует взаимоотношения человека с производственной средой, а также позволит пересмотреть имеющиеся стратегии обеспечения здоровья и высокой продолжительности жизни человека [7]. В условиях, когда генетическая паспортизация населения России получила нормативное закрепление, данный вопрос получил новый импульс для разработки соответствующих охранительных мер. Формирование генетического профиля населения России сегодня рассматривается в качестве одной из основных задач государственной политики в области химической и биологической безопасности [9]. Работа по созданию генетического паспорта должна происходить с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека. Формирования единой базы генетического профиля населения, являясь совершенно необходимой мерой, на первый план выводит проблему создания «системы безопасности» таких данных и недопущения несанкционированного доступа к ним. Главная особенность правонарушений в рассматриваемой сфере состоит в том, что они посягают на конституционные права и основные свободы человека, прежде всего, право на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, на охрану здоровья (ст. ст. 23, 24 Конституции РФ), охраняемые и на международном уровне.

Для построения системы охранительных мер в рассматриваемой сфере, необходимо, во-первых, определить место генетической информации в составе персональных данных, установив общие и специальные признаки первой, и, во-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

вторых, выявить структуру и отраслевую принадлежность правовых норм, составляющих режим генетической информации.

Генетическая информация является составной частью биометрических данных, которые, в свою очередь, относятся к категории персональных данных с повышенной правовой защитой, поскольку на их основании можно установить личность человека (ст. 11 ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [8] (далее - ФЗ «О персональных данных»). Это означает, что на генетическую информацию распространяются общие правила о защите персональных данных и специальные положения о защите биометрических данных. Вместе с тем, такая информация имеет свои собственные специфические особенности, нашедшие отражение, в том числе, и в международных актах. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека от 11 ноября 1997 г. [1] и Международная декларация о генетических данных человека от 16 октября 2003 г. [4] рассматривают геном человека достоянием человечества и признают, что соответствующие научные исследования не должны превалировать над уважением прав человека, основных свобод и человеческого достоинства людей. Положения указанных актов должны составить основу построения системы российского законодательства. В связи с этим считаем, что в правовом режиме генетической информации (помимо правил о порядке ее получения, хранения и использования) дополнительно следует выделять нормы, закрепляющие права человека и его основные свободы в этой сфере, и нормы, устанавливающие условия и последствия проведения научных исследований, связанных с геномом человека.

Образование единой базы генетических данных и расширение сферы их применения актуализирует проблему сохранения конфиденциальности такой информации и увеличивает риски ее неправомерного использования и незаконного ограничения прав и свобод граждан. В настоящее время зарубежными государствами предпринимаются попытки получить доступ к такой базе данных, появляется все больше заинтересованных лиц в получении генетической информации конкретного человека (клиента, работника и др.) для своих целей, что может привести к злоупотреблениям с их стороны (страховые организации, банки и т.д.) [6]. Многие коммерческие структуры стремятся получить доход от работы по расшифровке ДНК, а при отсутствии соответствующей нормативно-правовой базы их деятельность может привести к крайне негативным последствиям, в том числе к утечке генетических данных. В связи с этим поддерживаем идею о принятии специального закона «О генетической информации» [5] и предлагаем разработать нормативную правовую базу о генетической паспортизации, согласованную с отраслевым правовым регулированием.

Незаконные ограничения и иные нарушения прав и свобод граждан в этой сфере могут быть связаны с игнорированием принципа добровольности при формировании базы генетических данных, несанкционированным доступом к генетической информации, неправомерным ее использованием.

Как известно, сегодня применение генетической информации не ограничивается медициной и криминалистикой. Она используется, например, в системе мероприятий, связанных с рекрутингом (комплексом мероприятий по профориентационной работе, подбору персонала на определенные виды работ и

должности с учетом анализа индивидуально-типологических, адаптационных и компетентностных характеристик); в профессиональном спорте (в целях подбора одаренных спортсменов, грамотного построения программ тренировочного процесса, профилактики и лечение профессиональных заболеваний у элитных спортсменов на основе анализа их индивидуального генетического профиля) [7] и др. На фоне предстоящей генетической паспортизации расширение сферы применения генетических сведений повышает риски их неправомерного использования, в том числе для целей дискриминации граждан в трудовой и страховой сферах, нарушения прав, связанных охраной их частной жизни (ст. ст. 150, 152.2 ГК РФ), отрицательного влияния на семейные отношения (ст. 15 СК РФ) и др.

Сегодня существующего арсенала «охранительных» мер, предусмотренных ФЗ «О персональных данных», и способов защиты, фрагментарно закрепленных в отраслевых кодексах, явно недостаточно. Полагаем, что необходимо двигаться в направлении усиления частноправовых начал в регулирования этих отношений путем причисления персональных данных к нематериальным благам как объектам гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) [2,3]. Считаем необходимым выделить сведения о геноме человека в составе персональных данных как их особого вида, что позволит не только установить систему «охранительных мер» в отношении этого нематериального блага в соответствии с требованиями международных актов и с учетом развивающихся технологий, но и приведет к резкому расширению гражданско-правовой защиты прав граждан на генетическую информацию, в частности, к применению такого способа как компенсация морального вреда. Предлагаем внести соответствующие дополнения в ст. 150 ГК РФ и осуществить согласование ее положений с нормами ГК РФ об охране частной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (принята 11 ноября 1997 г. на 29 сессии Генеральной конференции ООН по образованию, науке и культуре – ЮНЕСКО) / Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Заман Шамима Хасмат-уз. Гражданско-правовой статус физических лиц в Германии, Италии, Франции и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 24 с.
3. Малеина М.Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. – 2010. – № 11 (167). – С.18-28.
4. Международная декларация о генетических данных человека (Резолюция принята по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 г.) / Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Рассолов И.М., Чубукова С.Г. Внутриотраслевые принципы обработки генетической информации // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 98-110.
6. Романовский Г.Б. Правовое регулирование медицинских инновационных технологий в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Российская юстиция. – 2016. – № 10. – С. 59-62.

7. Рузанова В.Д., Беляков В.И. Особенности формирования и реализации программ профессионального отбора с использованием генетических технологий анализа адаптационного потенциала человека // Правовое государство: теория и практика. Тематический выпуск: Актуальные проблемы правового регулирования геномных исследований. – 2020. – № 2 (60). – С. 99-100.

8. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

9. Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 11. – Ст. 1106.

Рузанова Евгения Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

(Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева)

г. Самара

e-mail: e.v.ruzanova@mail.ru

ВОПРОСЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В условиях усложнения социальных связей и экономических отношений особое значение приобретает вопрос о дальнейшем развитии и совершенствовании гражданской правосубъектности несовершеннолетних граждан. К сожалению, законодатель вносит лишь фрагментарные изменения в гражданско-правовой статус несовершеннолетних, не учитывая необходимость его формирования как целостного института, находящегося в зоне межотраслевого взаимодействия. В связи с этим до настоящего времени не нашли своего легального решения многие неоднократно понимаемые в литературе вопросы, что отрицательно сказывается на правовом положении детей.

Одной из важнейших является проблема унификации правового регулирования договорной и внедоговорной ответственности несовершеннолетних. Как известно, несовершеннолетний самостоятельно несет ответственность за причинение вреда, однако для кредиторов здесь имеется «страховка» в виде субсидиарной ответственности родителей, усыновителей или попечителя (п. 2 ст. 1074 ГК РФ). Иначе обстоит дело с договорной ответственностью несовершеннолетних. Согласно п. 3 ст. 26 ГК РФ граждане в этом возрасте несут самостоятельную имущественную ответственность по всем сделкам, совершенным ими как самостоятельно, так и с согласия своих родителей, усыновителей или попечителя. При этом, как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, законные представители несовершеннолетнего не несут имущественную ответственность по его сделкам, за исключением случаев, когда в соответствии со статьей 361 ГК РФ ими был заключен договор поручительства.

Таким образом, ответственность несовершеннолетних по заключенным ими сделкам является в полном смысле «самостоятельной». В юридической литературе вопрос о возможности установления субсидиарной ответственности родителей, усыновителей и попечителей лиц является дискуссионным. Одни авторы считают, что для ответственности родителей (лиц, их заменяющих) нет оснований, другие же исходят из того, что в этом случае их ответственность выглядит вполне логичной. Так, представители первого подхода утверждают, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства несовершеннолетними вины законных представителей нет, поскольку любая ответственность лица может вытекать только из таких действий, которые зависят от него [1]. Сторонники второй позиции усматривают вину родителей (лиц, их заменяющих) в допущении неосмотрительности при изъявлении согласия на совершение сделки, поэтому вопрос о привлечении к ответственности законных представителей должен ставиться не только при наличии заключенного договора поручительства [2]. В законодательстве целого ряда стран (например, ст. 25 Гражданского кодекса Республики Беларусь) установлены случаи привлечения к субсидиарной ответственности родителей по совершенным несовершеннолетними сделкам, на которые было получено согласие родителей. Такое легальное решение следует признать обоснованным, поскольку с нашей точки зрения нет причин освобождать от ответственности лиц, которые дали согласие на совершение сделки и тем самым сделали возможным само участие несовершеннолетнего в гражданском обороте.

По смыслу статьи 26 ГК РФ речь идет о праве несовершеннолетнего на совершение сделок, а право родителей (и иных лиц) здесь выступает не в качестве самостоятельного права, а лишь как способ реализации права несовершеннолетнего. Однако, такой подход законодателя не лишает резонности установления субсидиарной ответственности указанных лиц, поскольку именно их согласие, как отмечалось, «запустило» сделку в гражданский оборот. Согласие на совершение сделки – это важное юридическое действие, которое должно даваться на основе оценки способности несовершеннолетнего не только быть субъектом сделки, но самостоятельно и ответственно ее исполнять. Совершать сделку имеет смысл только с целью ее последующего исполнения. Поэтому при даче согласия со стороны родителей (лиц, их заменяющих) на совершение сделки они, прежде всего, должны оценить правооуществительную способность (способность самостоятельно осуществлять гражданские права) и правоисполнительную способность (способность своими действиями исполнять гражданские обязанности) несовершеннолетнего.

Предлагаем в качестве самостоятельного основания субсидиарной ответственности родителей (лиц, их заменяющих) в договорных отношениях считать их собственное виновное поведение, поскольку, с одной стороны, они халатно подошли к реализации права несовершеннолетнего на совершение сделки, поскольку неверно оценили способности ребенка ее исполнять, а, с другой стороны, сам факт виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства несовершеннолетним свидетельствует о просчетах в его воспитании со стороны указанных лиц. Последнее обстоятельство

определенным образом сближает основания субсидиарной внедоговорной и договорной ответственности родителей (лиц, их заменяющих). Важно также иметь в виду, что на момент дачи согласия на совершение сделки родители (лица, их заменяющие) вполне могут оценить возможность ее исполнения не только с точки зрения умения и старания со стороны несовершеннолетнего, но и с позиции имущественных возможностей этого лица исполнить свою договорную обязанность. Кроме того, на практике нередко не сами несовершеннолетние непосредственно исполняют договорные имущественные обязанности, а их родители (например, вносят свои собственные денежные средства при покупке квартиры). Поэтому неисполнение и ненадлежащее исполнение сделки часто связано с фактическим поведением родителей. И это обстоятельство также должно быть учтено при правовом регулировании ответственности родителей (лиц, их заменяющих) по заключаемым несовершеннолетними договорам. Представляется, что доводы относительно обоснованности привлечения к субсидиарной ответственности родителей, усыновителей и попечителей за вред, причиненный несовершеннолетним, также можно применить для поиска резона в их субсидиарной ответственности и в договорных отношениях. В современных условиях актуальность данной проблемы возрастает в связи с возможностью приобретения несовершеннолетними статуса «самозанятых» и предполагаемым ростом числе заключаемых ими сделок.

Продолжает обсуждаться в доктрине и не нашедший легального решения вопрос о том, согласие обоих (точка зрения большинства ученых) или одного из родителей достаточно для совершения сделки несовершеннолетним. Актуальность данной проблемы не ослабевает в силу необходимости защиты прав кредиторов и исключения неправильного толкования на практике норм о недействительности таких сделок [3].

Следует сказать, что целый ряд проблем в сфере правосубъектности несовершеннолетних можно решить путем совершенствования отсылочного правового регулирования. Так, считаем необходимым распространить правило об учете вины потерпевшего и на граждан в возрасте от 14 до 18 лет, сделав в п. 3 ст. 26 ГК РФ соответствующую отсылку к ст. 1083 ГК РФ. Полагаем, что вполне допустимо возложение на этого субъекта обязанности по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, легализовав это отсылкой в п. 1 ст. 1074 ГК РФ к п.3 ст. 1064 ГК РФ. При этом субсидиарная обязанность родителей и иных лиц должна быть исключена.

Требуют своего легального решения и другие вопросы в этой сфере. Так, необходимо закрепить в ст. 1087 ГК РФ принцип приоритетного применения ГК РФ для расчета выплат, осуществляемых несовершеннолетнему гражданину в порядке социального страхования; установить презумпцию «максимально возможного неблагоприятного последствия» причинения вреда здоровью несовершеннолетнего гражданина и руководствоваться «принципом опережающего возмещения», реализация которого предполагает применение коэффициента «возрастной реабилитации», указание о котором следует внести в ст. 1087 ГК РФ.

В доктрине широко обсуждается вопрос об институте предупреждения причинения вреда, однако, вектор его исследования практически не связан с правами несовершеннолетних граждан [4]. Полагаем, что сегодня необходимо самым активным образом приступить к формированию межотраслевого института предупреждения причинения вреда в направлении охраны прав и интересов несовершеннолетних граждан и разработать правовые подходы, определяющие степень вмешательства государства в отношения родителей и детей. Одно из центральных мест в нем должны занять нормы института опеки и попечительства, дополненного положениями, регламентирующими предупреждение причинения вреда несовершеннолетнему, распространяющими свое действие и на детей, не лишенных родительского попечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернова Г.Ш. Некоторые вопросы гражданско-правового положения несовершеннолетних по новому гражданскому законодательству России. Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 1997. – 193 с.
2. Савельев Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно - правовой аспекты. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006. – 151 с.
3. Шалакина Ю.Е. Согласие законных представителей на совершение сделки несовершеннолетним: проблемы правоприменения // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2019 : сборник докладов по материалам Международной научно-практической конференции / отв. ред. И. П. Зиновьев ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2019. – С. 280-283.
4. Летута Т.В. Жизнь и здоровье как объекты гражданских прав при предупреждении причинения вреда // Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации: монография /отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. – Москва: Проспект, 2019. – С.117-127.

Саркисян Вероника Вартановна
преподаватель кафедры гражданского права
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: veronika.sarkisian@yandex.ru

СТОРОНЫ ПЕРЕГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СПОСОБЫ ИХ УЧАСТИЯ В ПЕРЕГОВОРАХ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Согласно статье 434.1 ГК РФ субъектами переговорных правоотношений могут выступать граждане и юридические лица [1]. Толкуя данное положение, следует прийти к выводу, что термин «гражданин» законодатель использует в широком смысле согласно статье 4 Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2], в данном случае под гражданином следует понимать также и иностранных граждан, и лиц без гражданства.

Отметим, что согласно пункту 6 статьи 434.1 ГК РФ мера ответственности в форме возмещения убытков, предусмотренная за недобросовестное ведение переговоров и за распространение конфиденциальной информации, полученной в результате ведения переговоров, к гражданам, признаваемым потребителями, не применяется. Термин «потребитель» используется в данном случае в классическом смысле, предусмотренном Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», поэтому потребителем следует считать лицо, ведущее переговоры о заключении договора, направленного на удовлетворение личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [3]. Данное исключение соответствует законодательной тенденции защиты прав «слабой» стороны. Отметим однако, что если между гражданином-потребителем и другим участником переговорных отношений заключено соглашение о порядке ведения переговоров, то закрепленная в нём неустойка за нарушение положений соглашения всё равно подлежит взысканию.

Вместе с тем, на практике часто сложно определить статус физического лица – участника переговоров и его цель вступления в переговоры. Речь идет о гражданах, которые желают приобрести товар не для потребительских нужд, или об индивидуальных предпринимателях, которые желают приобрести товар для личных нужд. Сама по себе регистрация гражданина в качестве индивидуального предпринимателя не означает, что с этого момента он не может участвовать ни в каких отношениях как потребитель и, наоборот, гражданин может приобретать товар для нужд юридического лица, например, на выданные подотчетные суммы.

Контрагент не имеет возможности определить и проверить цель вступления другой стороны в переговоры, в связи с чем рискует неблагоприятными последствиями, в частности распространением переданной в ходе переговоров информации без каких-либо правовых последствий. В связи с чем подобное законодательное исключение для потребителей может привести к злоупотреблению правом со стороны участника переговоров-физического лица, и, более того, юридические лица-конкуренты могут нанимать физических лиц для ведения переговоров с целью получения конфиденциальной информации и дальнейшего её распространения.

Итак, определяющим моментом при определении статуса и возможности привлечения к ответственности за недобросовестное ведение переговоров является характер возникших отношений и поставленные цели.

Таким образом, на данном этапе законодательного регулирования переговорных отношений ответственность за недобросовестное ведение переговоров несут лишь профессиональные участники оборота, то есть лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность. Полагаем, что подобное правило может привести к злоупотреблениям со стороны граждан-потребителей, и для соблюдения баланса интересов участников переговорных правоотношений не следует полностью исключать их ответственность.

На наш взгляд, если субъектами переговорных отношений выступают лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, то при доказанности факта недобросовестного ведения переговоров, ответственность будет применена независимо от вины и не будет устанавливаться её форма. Иначе следует

относиться к ситуациям, когда субъектами переговорных отношений выступают физические лица. Если цель вступления в переговоры невозможно установить, при доказанности факта нарушения принципа добросовестности следует исходить из формы вины согласно п. 1 ст. 401 ГК РФ, и в зависимости от того, было нарушение допущено умышленно или в результате неосторожности, дифференцировать объём ответственности, а не исключать её вовсе.

Помимо сложности определения статуса участников переговоров, часто возникают трудности при установлении собственно момента вступления сторон в переговоры и наличия между сторонами переговорных правоотношений, так как переговоры могут проводиться в различных формах. В литературе в зависимости от способа обмена информацией выделяют прямое общение, то есть непосредственный контакт, будь то личная встреча или телефонный разговор, и косвенное, когда между сторонами существует пространственно-временная дистанция, чаще всего здесь имеется в виду обмен письмами, в том числе электронными.

Среди доказательств наличия факта возникновения и ведения переговоров, равно как и обстоятельств, имевших место в процессе их ведения, подтверждающих действительную волю сторон спора, превалирует деловая переписка, представляющая собой совокупность волеизъявлений, выраженных в письменной форме. К таковой, во-первых, относятся письма, как электронные, так и на бумажном носителе, содержащие позиции сторон по вопросам согласования условий планируемого к заключению договора, во-вторых, различные предварительные документы (чертежи, проектная документация, проекты договоров и/или дополнительных соглашений к уже заключенному договору), которые также подтверждают намерение той или иной стороны спора прийти к соглашению.

К примеру, главным доказательством, на основании которого было принято решение Арбитражного суда г. Москвы от 27 февраля 2019 г. по делу № А40-250123/2018, оставленное в силе постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 мая 2019 г. № 09АП-18178/19, были чертежи установки витрин вместе с нотариально заверенными доказательствами переписки по электронной почте. [4] В указанном деле поставщик взыскал с покупателя, который на завершающем этапе переговоров уклонился от заключения дополнительного соглашения к договору, убытки в виде стоимости стекла, уплаченной заводу-изготовителю. При этом согласованные покупателем чертежи имели доказательственное значение в связи с тем, что в ходе переговоров стороны в целях ускорения процесса исполнения обязательств поставщика договорились о необходимости производства стекла до момента заключения дополнительного соглашения сразу после подписания чертежей, о чём велась соответствующая переписка.

На примере вышеприведенного и других дел (решение Арбитражного суда Московской области от 4 апреля 2017 г. по делу № А41-90214/2016, оставленное в силе в апелляционной и кассационной инстанциях, решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 июля 2019 г. по делу № А40-35714/19, оставленное в силе постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 октября 2019 г. № 09АП-55674/19) следует сформулировать несколько следующих выводов:

– для подтверждения факта наличия переговоров электронная переписка не обязательно должна заверяться нотариально, достаточно того, чтобы ее достоверность не оспаривалась другой стороной;

– электронная переписка, отражающая позиции сторон в ходе переговоров, может вестись работниками организаций со своих личных или корпоративных электронных адресов, использование официальной электронной почты (указанной на сайте в сети «Интернет» и т.п.) не обязательно, однако в таком случае суд может потребовать, чтобы сторона, представляющая подобные доказательства, предоставила также протокол осмотра нотариусом переписки сотрудников;

– ключевое доказательственное значение имеют проекты договоров, направляемые сторонами друг другу в процессе согласования условий будущей сделки, а также сопровождающие их комментарии участников переговоров, выражающие контроль над ходом подписания договоров и заинтересованность в заключении итогового соглашения.

Таким образом, современное развитие и использование информационных технологий, повсеместное распространение сети «Интернет», в том числе на деловые контакты участников гражданского оборота, позволяют утверждать, что основными доказательствами наличия волеизъявления на вступление в переговорные отношения и намерения заключить в будущем сделку, позволяющими определить момент возникновения переговоров, являются электронные сообщения, поскольку в настоящее время практически каждый субъект оборота перед тем, как совершить сделку, для удобства в электронном виде согласовывает ее условия с потенциальным контрагентом, именно следы такого согласования позволят в будущем определить момент начала ведения переговоров. Вместе с тем, не утратили свое доказательственное значение и другие способы доказывания, такие, как свидетельские показания, правомерная запись переговоров и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 12.05.2020) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" // Российская газета, 31.07.2002, № 140.
3. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 "О защите прав потребителей" // Российская газета, 7.04.1992.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.05.2019 № 09АП-18178/2019 URL: <http://www.v2b.ru/documents/postanovlenie-devyatogo-arbitrazhnogo-apellyatsionnogo-suda-ot-07-05/>(дата обращения: 22.09.2020).

Сафронова Татьяна Николаевна
кандидат юридических наук, доцент
(Воронежский государственный университет)
г. Воронеж
e-mail: stn71@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: НЕДОСТАТКИ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

1. Реформа института юридических лиц в Гражданском кодексе РФ сохранила являющееся стержнеобразующим деление организаций по целевому критерию на коммерческие и некоммерческие. Российский законодатель с этой классификацией по-прежнему связывает весомые правовые последствия. Так, организация, отнесенная к некоммерческой, обладает специальной правоспособностью и вынуждена соблюдать требования об указании конкретных целей деятельности в учредительных документах. Соответствие осуществляемой ею деятельности, приносящей доход, обозначенным целям, рассматривается в качестве критерия допустимости такой деятельности. Ст. 61 ГК РФ в числе оснований принудительной ликвидации ряда некоммерческих организаций обозначает систематическое осуществление ими деятельности, не соответствующей основным целям.

При этом критерий деления организаций на коммерческие и некоммерческие продолжает оставаться весьма условным и нечетким, что давно отмечается в юридической литературе [4, 237]. Терминология «основная» цель несет элемент субъективности, также как и установление соответствия осуществляемой деятельности такой цели. Определенные противоречия обнаруживаются в нормах о специальной правоспособности некоторых некоммерческих организаций, в частности в положениях ст. 296 ГК РФ об учреждениях. Применительно к бюджетным и автономным учреждениям законодатель подчеркивает, что осуществление приносящей доход деятельности возможно лишь при ее соответствии основным целям, что выглядит дублированием общей нормы ст. 50 ГК РФ о характере деятельности некоммерческой организации. Применительно к частным учреждениям такой оговорки в п.1 ст.298 ГК не содержится. Вряд ли это означает неограниченную свободу частного учреждения в осуществлении деятельности, приносящей доход, поскольку норма о целевой правоспособности некоммерческой организации в ст. 50 ГК РФ носит императивный характер.

Критерий разграничения выглядит условным и по причине наделения некоторых коммерческих организаций специальной правоспособностью. Так ст. 113 ГК РФ требует определять в уставе унитарного предприятия цель и предмет деятельности. Использование одновременно терминов «предмет» и «цель» вызывает вопросы, поскольку категория предмет не имеет легального определения. Специальной правоспособностью законодатель наделил и относительно новую организационно-правовую форму юридического лица – хозяйственное партнерство. В пункте 3 ст. 2 Федерального закона «О хозяйственных партнерствах» для обозначения специальной правоспособности также используются оба названных термина [3].

Гражданский закон запрещает распределение прибыли между участниками некоммерческой организации, в то время как это является нормой для организации

коммерческой. До реформирования этот критерий последовательно не выдерживался в самом ГК РФ. Так норма ст. 116 ГК РФ допускала распределение прибыли между членами потребительского кооператива, в результате чего данная форма приобретала гибридный характер на стыке коммерческой и некоммерческой организации. Несмотря на упразднение этой нормы после реформы, законодательство о потребительских кооперативах, не претерпевшее существенных изменений и отличающееся хаотичностью, по-прежнему наделяет пайщика потребительского общества правом на получение кооперативных выплат (ст. 11 закона РФ «О потребительской кооперации» [1]. Правда, ст. 24 этого же закона, пытаясь учесть некоммерческую природу такой организации, устанавливает предельный размер распределяемых между членами кооператива доходов кооператива [1].

2. Одна из ключевых идей реформирования системы юридических лиц состояла в закреплении перечня некоммерческих организаций в самом кодексе по тому же закрытому принципу, по которому в нем перечислялись коммерческие юридические лица [5, 67-68]. К моменту реформы федеральные законы «породили» более 30 организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц [6, 32]. Стремление создать в ст. 50 ГК РФ закрытый круг организаций, положив предел творчеству законодателя на уровне отдельных федеральных законов, можно оценить как позитивную новеллу. Однако за несколько лет и без того не слишком компактный перечень стал разрастаться за счет выделения отдельных видов, обозначенных Гражданским кодексом внутри формы, в самостоятельные организационно-правовые формы. Скажем, такая метаморфоза произошла с адвокатскими палатами и адвокатскими образованиями, являющимися юридическими лицами, затем их «порыв» подхватили нотариальные палаты.

Во многом такое «умножение» связано с неглубоким пониманием конструкции «организационно-правовая форма», признаки которой не имеют прямого законодательного закрепления. На наш взгляд, среди черт, в совокупности отличающих формы юридических лиц друг от друга, следует называть: особенности состава и статуса учредителей (участников), специфику структуры и формирования первоначального капитала, особенности управления, возможности и пределы субсидиарной ответственности участников, допустимость и последствия выхода из состава участников, порядок передачи своей доли участия и возможные ограничения в этой части. С точки зрения этих признаков вряд ли адвокатские и нотариальные палаты могут иметь принципиальные отличия как друг от друга, так и от другой ассоциации, созданной по профессиональному признаку, в лоне которой они и находились в первой постреформенной редакции ст. 50 ГК РФ. Критерий специфики деятельности не должен выступать признаком организационно-правовой формы, иначе эти формы можно будет исчислять тысячами.

Е. А. Суханов отмечает, что европейское законодательство выработало универсальные модели корпоративных и унитарных юридических лиц, допуская вариации с учетом национальных особенностей и современных тенденций экономического развития [7, 26-28]. Отечественный же законодатель с перебором и зачастую без должных оснований «плодит» формы некоммерческих организаций.

Скажем, выделение казачьих обществ в качестве самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица продиктовано скорее политическими, нежели правовыми соображениями. Такое объединение граждан с точки зрения признаков организационно-правовой формы вполне может быть объято конструкцией общественной организации. Заслуживает критики закрепление такой организационно-правовой формы, как община коренных малочисленных народов Российской Федерации. Кровнородственный (семья, род) или территориально-соседский принцип, обозначенный в ГК РФ как ключевой для построения такой организации, вызывает большое изумление применительно к субъекту гражданских правоотношений. Придание семье или роду, пусть и состоящих из представителей малочисленного народа, статуса юридического лица – правовой нонсенс.

3. В определенной мере на классификацию организаций по целевому критерию накладывает отпечаток и деление юридических лиц на корпоративные и унитарные, которое, не будучи новым для отечественной доктрины, впервые получило законодательное закрепление в ходе реформы ГК РФ. Вызывает вопросы отнесение законодателем некоторых организаций к унитарным. Отсутствие членства объяснимо применительно к унитарным предприятиям и учреждениям, имеющим единственного учредителя-собственника. На Западе некорпоративная модель применима и к фондам, где отсутствие членства связано с направленностью на общественно полезные цели и значительным устранением учредителя от участия в деятельности фонда. В дореформенном виде религиозная организация рассматривалась как близкая общественной организации форма, что подтверждалось законодательной формулировкой «общественные и религиозные организации». Теперь модель религиозной организации отнесена к унитарной, несмотря на возможность учреждения ее несколькими лицами. Определение в законе религиозной организации как добровольного объединения граждан для совместного исповедования веры, с одной стороны, заставляет задуматься о ее корпоративной сути, связанной с интересами определенного круга лиц. Возможно, унитарный характер обусловлен другим конститутивным признаком этой организации, отраженным в определении, - распространение веры, что перестает замыкать ее исключительно на внутренние интересы группы учредителей.

Терминология, используемая для обозначения государственных корпораций и публично-правовых компаний, способна ввести в заблуждение относительно их природы и намекать на корпоративную сущность, в то время как названные организации, имея единственного учредителя, являются унитарными юридическими лицам. Сама целесообразность такой модели также вызывает сомнения.

Часть проблем правовой регламентации некоммерческих организаций связана и с тем, что блок специальных законов после реформы ГК РФ так и не был приведен в соответствие с ним. Обратим внимание, что общественное движение, рассматривавшееся в реформированном ГК РФ как вид общественной организации, а затем выделенное в отдельную форму, отнесено к корпоративным юридическим лицом. Такой подход не соответствует классическому пониманию движения как некорпоративной организации. Никакой критики не выдерживает его

определение, данное в ст. 9 Федерального закона об общественных объединениях, где оно определяется одновременно как состоящее из участников, но не имеющее членства [3]. Проводимое названным законом разграничение членов и участников общественного объединения не соответствует Гражданскому кодексу РФ, использующему эти категории в качестве синонимов.

Избыточность форм некоммерческих организаций может быть устранена закреплением в ГК РФ наиболее универсальных моделей, имеющих принципиальные различия между собой и позволяющих объединить под одной «вывеской» сходные вариации. Добровольное объединение лиц с общими целями по модели общественной организации вполне способно охватить собою казачьи общества и ряд других подобных организаций; ассоциация, построенная по критерию объединения профессионалов, вполне подходит для многочисленных вариантов таких союзов, включая адвокатские и нотариальные палаты. Целесообразно сохранение имеющих давнюю историю и служащих социальным и духовным целям фондов и религиозных организаций. Модель учреждения, основанная на ограниченном вещном праве, порожденном советской действительностью, нуждается в переосмыслении, однако реформа весомого количества учреждений страны не является вопросом ближайшего будущего. Таким образом, значительное количество выделенных сегодня законодателем организационно-правовых форм вполне может быть сведено им же к пяти-шести базовым классическим конструкциям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О потребительской кооперации: закон Российской Федерации от 19 июня 1992 г. №3085-1 // Российская газета. – 1992. – №139.
2. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. №82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №21. – Ст.1930.
3. О хозяйственных партнерствах: Федеральный закон от 3 ноября 2011 №380-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – №49 (ч.5). – Ст.7058.
4. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие / Н.В. Козлова. – Москва: Статут, 2003. – 318 с.
5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. – Москва: Статут, 2009. – 160 с.
6. Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008-2012 г.г. / Е.А. Суханов. – Москва: Статут, 2013. – 494 с.
7. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. – Москва: Статут, 2014. – 456 с.

Сухарева Елена Ромуловна
кандидат юридических наук, доцент
(Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия)
г. Воронеж
e-mail: elenasuh65@mail.ru

РАСШИРЕНИЕ И ФИКСАЦИЯ ДОГОВОРНЫХ НАЧАЛ В ОТНОШЕНИЯХ СОБСТВЕННИКА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ И ЧЛЕНОВ ЕГО СЕМЬИ (ВКЛЮЧАЯ БЫВШИХ)

Права на жилое помещение собственника и членов его семьи являются формой реализации конституционного права на жилище. При этом отнесение права собственности к основному виду вещных прав предопределяет приоритет интересов собственника жилого помещения

Не умаляя значения правомочия распоряжения собственника, именно реализация правомочия пользования обеспечивает ему возможность прежде всего удовлетворять свой интерес. Вместе с тем сегодня, на наш взгляд, законодатель гарантирует стабильность титула собственника прежде всего в части его распорядительной свободы, что подтверждается и материалами судебной практики. Так согласно п.2 ст. 292 ГК РФ [1] отчуждение собственником жилого помещения влечет прекращение правомочия пользования у члена семьи собственника данного объекта. При этом законодатель конечно гарантирует сохранение права на жилое помещение за бывшими членами семьи собственника, наделенными правом получения алиментов от последнего (п.4 ст.31 ЖК РФ) [2], а также за лицами, указанными в п.4 ст. 292 ГК РФ. Хотя, с другой стороны, все же очевидно, что позиция законодателя направлена, в первую очередь, на укрепление правового статуса именно собственника жилого помещения. Это становится понятным после анализа динамики изменения содержания п.4 ст. 292 ГК РФ. Да и бывшие члены семьи, имеющие алиментные требования в отношении собственника жилого помещения, могут достаточно просто утратить права на данный объект благодаря изменению субъекта права собственности на жилое помещение, у которого таких алиментных обязательств уже не будет.

Однако ратуя за укрепление и стабильность правомочия пользования у собственника жилого помещения, нельзя отрицать необходимость учета интересов и членов семьи собственника, включая бывших. Вот здесь и возникает, на наш взгляд, проблема поиска рационального соотношения интересов указанных лиц на данный объект.

Представляется, что есть два пути поиска. Первый связан с анализом правовой природы прав членов семьи собственника жилого помещения, включая бывших, второй путь базируется на стремлении автора статьи реально законодательно зафиксировать приоритет интересов собственника жилья.

Правовая природа прав членов семьи собственника жилого помещения исторически оценивалась двояко. Так уже в Юстиниановом праве констатировалась вещно-правовая природа права члена семьи собственника жилого помещения, которое рассматривалось в качестве личного сервитута [3, с.116], что находит свое отражение и в современных научных исследованиях [4, с.252-258].

С другой стороны, признав вещно-правовую природу права члена семьи собственника жилого помещения, включая бывших, и с учетом анализа динамики изменения ст. 292 ГК РФ придется доказывать факультативность права следования как важнейшего признака иного вещного права, что приведет к необходимости

пересмотра концептуальных положений теории и законодательства о вещных правах. Не исключено, что подобная динамика в совокупности с другими факторами сформировала представление об обязательственно-правовой природе прав членов семьи собственника жилого помещения. Данную позицию поддерживают, в частности Е. А. Суханов [5, с.599], Ю. К. Толстой [6, с.36-37], С. И. Сулов [7, с.116-117] и другие ученые.

Представляется, что подобный анализ имеет скорее теоретическую перспективу. Нас же интересует законодательное решение, которое реально создаст условия для приоритетного положения собственника жилого помещения. Таковым является предложение прежде всего ограничить круг лиц, имеющих или сохраняющих право на жилое помещение собственника.

Сегодня такой приоритет реально ограничен действующей редакцией п.1 ст. 31 ЖК РФ, согласно которому все иные лица, кроме родителей, супруга и детей, при отсутствии специального оформления отношений с собственником жилого помещения договором найма либо безвозмездного пользования вполне могут в судебном порядке доказывать факт вселения в качестве члена семьи и тем самым считать себя имеющими право на жилое помещение [8].

С другой стороны, основанием прекращения права на жилое помещение собственника членом его семьи является приобретение последним статуса «бывшего», что достаточно сложно доказывать. При этом велик круг тех бывших членов семьи, в отношении которых собственник сохранит алиментные обязательства и, следовательно, обязан будет обеспечить их жильем (п.4 ст.31 ЖК РФ) либо же окажется вынужденным отчуждать его.

В соответствии с Проектом изменений ГК РФ (далее Проект ГК) супруги, родители и исключительно несовершеннолетние дети, а также бывшие члены семьи, не сохраняющие право на получение алиментов от собственника жилого помещения, оценивались авторами Проекта ГК в качестве наделенных вещным правом, имеющим срочный и договорный характер [9, с.135-139].

В этой связи полагаем, что отношения собственника жилого помещения с супругами и родителями должны действительно носить сугубо договорный и вполне допустимо срочный характер, а для этого потребуются фиксация отношений в письменной форме и последующей регистрацией прав в реестре прав на недвижимость. Несовершеннолетние же дети (включая усыновленных) должны автоматически приобретать право на жилое помещение того родителя, с которым ребенок реально проживает. Однако это не должно исключать необходимости фиксации их прав в реестре прав на недвижимость.

В отношении всех иных лиц речь может идти только о срочном договоре, а права из него возникшие должны будут обязательно регистрироваться в реестре прав на недвижимость.

При этом также следует закрепить в ст. 31 ЖК РФ для совершеннолетних нетрудоспособных нуждающихся детей и нетрудоспособных нуждающихся родителей возможность признания за ними права на жилое помещение, хотя бы и срочного, на основании решения суда. Это же может касаться и детей, достигших совершеннолетия, но обучающихся на дневной форме обучения. За совершеннолетними детьми и родителями также в судебном порядке может быть

признано право на жилое помещение, если у них нет возможности иначе реализовать свое конституционное право на жилище. Подобное судебное решение будет являть собой лишь понуждение к заключению обязательного договора с последующей регистрацией права. В отношении же бывшего супруга, подобное судебное решение должно будет иметь сугубо исключительный характер. Это может касаться, например, супруга, который отказался от права стать собственником жилого помещения в момент его приватизации, а также такого «отказавшегося» бывшего супруга, который приобрел право на получение алиментов, что можно прямо оговорить в ст.31 ЖК РФ.

Для упрощения доказывания статуса бывшего члена семьи целесообразно в ст. 31 ЖК РФ определить необходимые юридические факты для принятия подобного решения судом. К ним следует отнести: прекращение совместного проживания, расторжение брака, достижение совершеннолетия, истечение срока договора на проживание с родителем. Общими основаниями прекращения права могут стать и основания, указанные в Проекте ГК: смерть члена семьи, истечение срока права, гибель (уничтожение) жилого помещения, судебное выселение на случай виновного поведения члена семьи [10, с.139]. Отношения с этими лицами собственник будет строить исключительно на договорной основе.

Таким образом, отметим, что предложение автора строить жилищные отношения в семье на договорной основе и фиксировать эти права в реестре прав на недвижимость безусловно носит дискуссионный характер прежде всего исходя из пока еще сохраняющихся этических представлений современного российского общества об отношениях в семье. Однако в условиях копирования европейских стандартов жизни вносимое автором предложение по совершенствованию ст.31 ЖК РФ может приобрести актуальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст] : [принят Гос. Думой Российской Федерации 21 октября 1994 года (в ред. Федер. закона Российской Федерации от 12 мая 2020 года)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст.3301.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации [Текст] : [принят Гос. Думой Российской Федерации 22 декабря 2004 года (в ред. Федер. закона Российской Федерации от 31 июля 2020 года)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. №1 (часть 1). Ст.14.

3. Корнеева И.Л. Жилищное право в Российской Федерации. М.: Юрайт, 2016.

4. Бабаев А. Б. Система вещных прав: монография. М., 2006.

5. Российское гражданское право: учебник; в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. М.: Статут, 2011.

6. Толстой Ю. К. Жилищное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011.

7. Сулова С. И. Жилищные права: понятие и система. М.: Юриспруденция, 2011.

8. Зайцева Н.В. Правовое регулирование отношений собственника с членами его семьи // Юристъ - Правоведъ, 2009. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-vzaimootnosheniy-sobstvennika-zhilogo-pomescheniya-s-chlenami-ego-semi> (дата обращения 13.10.2020).

9. Рахвалова М.Н. Проект изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации о правах членов семьи собственника жилого помещения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 2 (39).

10. Рахвалова М.Н. Проект изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации о правах членов семьи собственника жилого помещения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 2 (39).

Федорова Инна Владимировна
аспирант кафедры гражданского права
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: fedorova.inna.vl@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И (ИЛИ) ТКАНЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Трансплантация органов и тканей человека с момента своего появления вызвала острый социальный отклик и породила множество проблем как медицинского, так и правового характера. Являясь на сегодняшний день высокотехнологичной отраслью медицины и обыденным клиническим явлением, донорство органов и тканей решает многие вопросы, связанные с сохранением жизни и восстановления здоровья граждан. Но стремительные научные достижения в указанной сфере не находят должного правового обеспечения, что стало причиной отсутствия единой нормативно-правовой регламентации данного вида оперативного вмешательства, в частности в отношении донорских органов несовершеннолетних.

Отечественное законодательство допускает две формы изъятия органов или тканей, в том числе и у детей: у живого донора либо у лица, у которого констатирована смерть мозга. Ч.3 ст. 47 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее - Закон об основах охраны здоровья граждан) [1], абз.1 ст. 3 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее - Закон о трансплантации) [2] содержит запрет на изъятие органов и тканей у живого лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, за исключением случаев пересадки костного мозга. Принятие данного исключения объяснимо: трансплантация клеток костного мозга применяется в основном при лечении онкологических заболеваний и порой подходящим донором является исключительно брат или сестра реципиента [3]. Возможность проведения данной операции объясняется способностью

костного мозга к регенерации, и в связи с этим, отсутствием необратимого вреда здоровью донора.

Поскольку при проведении указанной манипуляции происходит активное вмешательство в жизнедеятельность детского организма, которое в дальнейшем может повлечь за собой непредвиденные осложнения, считаем целесообразным установить ограничения для изъятия костного мозга, заключающиеся в распространении на данную медицинскую процедуру требования о нахождении с реципиентом в генетической связи, а также ее проведение исключительно при непосредственной угрозе жизни реципиента.

Пересадка органов и тканей несовершеннолетнему возможна при наличии информированного добровольного согласия одного из родителей или иного законного представителя (ч.5 ст.47 Закона об основах охраны здоровья граждан). Данная норма вызывает множество споров, поскольку ч.2 ст. 54 Закона об основах охраны здоровья граждан закрепляет право несовершеннолетних старше пятнадцати лет (для лиц, больных наркоманией – старше шестнадцати лет) на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него. Проведение процедуры пересадки органов или тканей не попадает под указанные в норме исключения, что дает нам основание утверждать о несоответствии требования о необходимости наличия согласия законного представителя, закрепленного ч.5 ст. 47 Закона об основах охраны здоровья граждан, для трансплантации органов и тканей лицам, достигшим пятнадцатилетнего возраста (шестнадцатилетнего – для лиц, больных наркоманией). Последствием подобной правовой неопределенности может стать как отказ одного из родителей или иных законных представителей от проведения соответствующей процедуры несовершеннолетнему, даже при наличии его согласия, так и напротив, в случае несогласия несовершеннолетнего на проведение данной медицинской манипуляции, его принуждение к фактически насильственной трансплантации только лишь по причине наличия информированного добровольного согласия законного представителя. Считаем обоснованным закрепить в ч.5 ст. 47 Закона об основах охраны здоровья граждан необходимость получения информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство при проведении процедуры трансплантации органов и тканей или на отказ от него непосредственно у несовершеннолетних старше пятнадцати лет (для лиц, больных наркоманией – старше шестнадцати лет), для закрепления принципа автономии пациента.

Возможность изъятия органов и тканей у несовершеннолетних посмертно предусмотрена в ч.8 ст. 47 Закона об основах охраны здоровья, которая закрепляет требование о наличии испрошенного согласия одного из родителей на проведения соответствующей операции. Данное правило является исключением из установленной презумпции согласия на изъятие органов и тканей (ч.10 ст.47 Закона об основах охраны здоровья, ст.8 Закона о трансплантации). Считаем, что данное исключение из презумпции согласия следует внести и в ст. 8 Закона о трансплантации [4].

Законодатель значительно ограничил круг лиц, имеющих право давать согласие на изъятие органов и тканей несовершеннолетнего: выразить свое

волеизъявление по данному вопросу могут исключительно один из родителей умершего. Все иные лица, в т.ч. иные законные представители, не вправе решать данный вопрос.

Далеко не бесспорным представляется требование о наличии испрошенного согласия на проведение соответствующего медицинского вмешательства только одного из родителей. С целью учета мнения обоих родителей представляется целесообразным закрепить требование о наличии письменного согласия обоих родителей в отношении изъятия органов и тканей у умершего ребенка для их последующей трансплантации.

Одним из основных условий для правомерного посмертного изъятия органов и тканей как у взрослого человека, так и у ребенка, является констатация диагноза смерти мозга. Понятие смерти мозга закреплено в ч.2 ст.66 Закона об основах охраны здоровья, где сказано, что смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких. Приказом Минздрава России от 25.12.2014 № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека» (далее – Приказ Минздрава) [5] впервые был разрешен вопрос об установлении диагноза смерти мозга несовершеннолетних. Так на основании анализа пп.2 п.5 и абз.3 п.11 Приказа Минздрава мы можем сделать вывод о том, что диагноз «смерть мозга» устанавливается ребенку в возрасте с 1 года, а, значит, с данного возраста возникает возможность стать посмертным донором. В связи с этим представляется рациональным закрепить на законодательном уровне минимальный возраст для констатации смерти мозга у несовершеннолетних.

Еще одним препятствием для развития детского донорства в России является отсутствие единых национальных реестров пациентов, как нуждающихся в пересадке донорских органов, так и потенциальных доноров. Решение данной проблемы имеет принципиальное значение: не все органы могут быть пересажены несовершеннолетнему. Так сердце и легкое в виду размера грудной клетки детей не могут быть получены от совершеннолетних доноров. Создание общегосударственной системы посмертного донорства значительно бы облегчило координационную деятельность по обнаружению соответствующего донора для реципиента и по дальнейшей транспортировке органов в рамках различных регионов страны, что позволило бы спасти не одну маленькую жизнь.

Несмотря на отсутствие законодательных препятствий для осуществления детского посмертного донорства, на сегодняшний день данные манипуляции проводятся в семи регионах России и являются единичными операциями. По словам С.В. Готье, главного специалиста трансплантолога Минздрава России, еще одной из основных проблем для развития детской трансплантологии является особая ментальность общества в отношении указанного вопроса. На данном этапе мы еще не готовы принять тот факт, что пересадка может потребоваться каждому и в любой момент, так же и все мы являемся источником донорских органов [6].

На основании вышеизложенного, мы можем сделать вывод о наличии чрезвычайно острой и болезненной проблемы правового регулирования детского донорства в России. Сложившиеся правовые проблемы значительно тормозят развитие трансплантологии, забирая самое дорогое – жизнь детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020) // Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.
2. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ, 14.01.1993, № 2, ст. 62.
3. Останина Е.А. Право на свое тело: распоряжение в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиции гражданского права // СПС «КонсультантПлюс».
4. Пospelова С.И. Проблемы правового регулирования волеизъявления относительно использования тела, органов и тканей человека после смерти в условиях нового законодательства об охране здоровья граждан // Главный врач: хозяйство и право. 2013. №3. С. 39.
5. Приказ Минздрава России от 25.12.2014 № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.05.2015 № 37230) // Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14.05.2015.
6. Козко И.С. Совершенствование законодательства Российской Федерации в области детской трансплантологии [Электронный ресурс] // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2012/11/30/sovershenstvovanie_zakonodatelstva_rossijskoj_federacii_v_oblasti_detskoj_transplantologii (дата обращения: 22.10.2020г.).

Храпунова Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданского права
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: khrapunova@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Современный гражданский оборот в РФ характеризуется не только усложнением уже привычных правоотношений за счет включения в них новых, ранее неизвестных элементов, появлением новых институтов, но и определенными вызовами практики правоприменения, являющимися зачастую индикаторами «отставания» актуального гражданского законодательства от требований и ожиданий участников сделок. Очевидно, что одним из таких вызовов проявляется в ускорении гражданского оборота - следствия технического прогресса, и стремлением экономики к цифровизации. Одним из аспектов этой проблемы мы хотели бы выделить правовое регулирование заключения гражданско-правового договора в новых условиях.

Прежде всего, полагаем, что реформа ГК РФ, длящаяся уже 7 лет, и призванная привести гражданское законодательство в состояние, отвечающее

актуальной юридической практике, по непонятным причинам на этапах принятия законопроектов не всегда отражало фактическое положение вещей, происходящих при заключении гражданско-правовых сделок. Ревизия положений ГК РФ о сделках уже должна была привести к новому регулированию формы сделки в 2013 году, ведь, по сути, заключение сделок с использованием обмена электронными документами существует уже очень длительный период.

Последние новеллы в области договорного права демонстрируют желание законодателя учесть практику гражданского оборота в части обмена электронными документами. В соответствии с п. 2 ст. 434 ГК РФ договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, а также путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору.

На практике очень давно заключение договора, если только специально не предусмотрено законодательством или соглашением сторон составление одного документа, подписанного обеими сторонами, происходит посредством обмена сканированными образами документов [3]. Судебная практика в целом поддерживала такой порядок как надлежащее выполнение правил о форме договора. Однако в судебных постановлениях имеются и противоположные примеры, что говорит об отсутствии единства взглядов судебных органов

Мы же однозначно полагаем, что переписка по электронной почте, как равно и свидетельства передачи документов любыми иными средствами связи, позволяющими идентифицировать отправителя, посредством которых стороны обсудили существенные условия договора, может свидетельствовать о возникновении договорных отношений, разумеется, если ее содержание позволяет установить, что документ исходит от стороны по договору.

Изменения законодателем были сделаны и в ст. 160 ГК РФ (имеется ввиду норма в ред. ФЗ РФ №34 от 18.03.2019г.), установив, что сделка в письменной форме считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю.

В литературе имеется дискуссия относительно тождества письменного и электронного документа, высказываются критика понимания этих документов как тождественных [2]. Нам же представляется данная дискуссия несколько надуманной, так как очевидно, что законодатель правильно понимает, что технические средства восполняют для участников договорного процесса именно письменную форму, электронный образ документа служит именно восполнением письменного документа. В противном случае и напечатанный документ не следует в полной мере считать письменной формой, хотя такое его исполнение по сути

отражает технический прогресс общества на определенном его, доцифровом, этапе. В любом случае главным при обмене документами остается вопрос – как трактовать намерения субъекта гражданского оборота, направившего корреспонденцию любым способом – как обычное письмо или как намерение заключить договор?

Судебная практика выработала рекомендации для разрешения споров в обозначенной сфере в целях исключения различного понимания правовой составляющей действий субъектов переписки. Так, в своем Постановлении, посвященном проблемам заключения договора [1], ВС РФ указал, что в случае направления конкретному лицу предложения заключить договор, в котором содержатся условия, достаточные для заключения такого договора, наличие намерения отправителя заключить договор с адресатом предполагается, если иное не указано в самом предложении или не вытекает из обстоятельств, в которых такое предложение было сделано. Более того, ВС РФ, учитывая современные реалии, указал, что при заключении договора путем обмена документами для целей признания предложения офертой даже не требуется наличия подписи оферента, если обстоятельства, в которых сделана оферта, позволяют достоверно установить направившее ее лицо (пункт 2 статьи 434 ГК РФ). Полагаем, что в данном случае могут иметь место передача документов как доказательства процесса переговоров, так и заключения договора посредством любых, позволяющих достоверно установить корреспондентов средств связи – от электронной почты до сообщений в мессенджерах, хотя к последнему способу суды еще относятся настороженно. На наш же взгляд, поскольку переписка в таких сообщениях уже успешно применяется как доказательство при рассмотрении гражданских дел судом, вполне возможно ее использовать как способ доказательства выражения воли участников переговоров или сторон договора, разумеется, с учетом всех заслуживающих внимания обстоятельств. И, конечно, переговоры о заключении договора могут вестись дистанционно, в настоящее время они чаще всего и проводятся именно таким способом. Следовательно, полагаем, что в качестве доказательств содержания переговоров в суде можно использовать не только документы, но и записи видео-конференц связи, такой порядок фиксации переговоров можно вполне указать в договоре.

Поскольку мы уже упомянули переговоры о заключении договора как новеллу договорного права РФ, хотелось бы остановиться и на новом взгляде законодателя на процесс заключения договора. К сожалению, законодатель совершил серьезное упущение – не дал легального понятия института переговоров, не обозначил хотя бы основные правила их проведения. По сути, норма о переговорах о заключении договора сводится к правилам об ответственности за нарушение нормы о добросовестном поведении участников переговоров (под которым понимается, например, внезапный выход из переговоров, использование конфиденциальной информации, полученной во время их проведения и проч.), тем самым породив доктринальные споры о моменте возникновения переговоров как правоотношения, попыток разделить переговоры их на доправовую и правовую стадию, а также соотнести переговоры со сходными правоотношениями (заверения обстоятельств). Полагаем, что с того момента, когда законодатель ввел в действие

норму о переговорах о заключении договора, традиционное представление о стадиях заключения договора и их сущности требует пересмотра.

Имеется серьезная дискуссия о соотношении переговорного процесса и стадий заключения договора. Известно, что в литературе указывается, что в гражданском праве РФ выделяют две основные стадии заключения договора: оферта и акцепт, дополнительными стадиями в литературе считаются ведение переговоров о заключении договора (преддоговорная), уточнение условий договора и устранение разногласий (встречная оферта, или протокол разногласий) и т.п..

Полагаем, что процесс уточнения условий договора путем обмена офертой и акцептом на новых условиях теперь может относиться только к стадии переговоров о заключении договора. На этом этапе и происходит именно то, ради чего проводятся переговоры – формулируются условия договора и детали прав и обязанностей сторон по договору. Указанные действия участников гражданского оборота не считается рядом ученых составляющей стадией переговоров ошибочно, акцепт на новых условиях не включался в стадию переговоров ранее только потому, что такой стадии в ГК РФ не было. Следовательно, действия сторон по направлению оферты, уточнению условий оферты следует считать происходящими в процессе переговоров. Переговоры прекращаются или заключением договора, или собственно выходом одной стороны из переговоров, либо же отказом обеих сторон от их продолжения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского Кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» //СПС «КонсультантПлюс»
2. Идрисов Х.В. Электронная форма договора : доктрина и правовое регулирование // Российский юридический журнал. 2020.№ 3
3. Киселев А. О соблюдении письменной формы договора. Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс»// СПС «КонсультантПлюс»

Шелудяев Владислав Васильевич
преподаватель кафедры гражданского права
(Российский государственный университет правосудия)
г. Москва
e-mail: vladislav.sheludyaev@mail.ru

ДИСТАНЦИОННАЯ ТОРГОВЛЯ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ

В цифровую эпоху все сферы общественной жизни подверглись значительным изменениям. Цифровые технологии стали все чаще находить свое применение в медицине и фармацевтике. К медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий (телемедицине), рецептам в форме электронных документов добавилась возможность осуществлять торговлю лекарственными средствами дистанционным способом (в сети Интернет).

До 2020 года дистанционная торговля лекарственными средствами в России была запрещена. Запрет основывался на системном толковании Указа Президента

РФ от 22.02.1992 № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена», которым было установлено, что лекарственные средства не могли свободно продаваться на рынке, и п. 5 Постановления Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом», запрещающим дистанционную продажу продукции, свободная реализация которых запрещена в Российской Федерации.

Указом Президента РФ от 17.03.2020 № 187 «О розничной торговле лекарственными препаратами для медицинского применения» (далее – Указ № 187) розничная торговля лекарственными средствами, отпускаемыми без рецепта, была разрешена, а указанные лекарственные средства были исключены из перечня видов продукции, свободная реализация которых запрещена. Соответствующие изменения в действующее законодательство были внесены Федеральным законом от 03.04.2020 № 105-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств», а также Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом».

Государство осуществляет повышенный контроль за обращением лекарственных средств в стране, что выражается, в частности, в предъявлении повышенных требований к лицам, осуществляющим розничную торговлю лекарственными средствами. Так, Федеральным законом от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – Закон «Об обращении лекарственных средств») осуществлять торговлю могут только исчерпывающий перечень субъектов (например, аптечные организации, индивидуальные предприниматели, медицинскими организациями) и только при наличии лицензии на фармацевтическую деятельность.

Указанные выше правила были ужесточены для осуществления дистанционной торговли лекарственными средствами. Во-первых, дистанционную торговлю могут осуществлять только аптечные организации согласно ч. 1.1 ст. 55 Закона «Об обращении лекарственных средств», а во-вторых, лицо должно обладать не только лицензией на осуществление фармацевтической деятельности, но и разрешением на осуществление дистанционной торговли от органа исполнительной власти – Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения.

Необходимо отметить, что перечень лекарственных средств, которые могут реализовываться дистанционно, ограничен. Дистанционно не могут быть реализованы не только рецептурные лекарственные средства, но и наркотические и психотропные, а также спиртосодержащие лекарственные препараты, имеющие в своем составе свыше 25 процентов этилового спирта.

Жесткое регулирование обращения лекарственных средств во многом вызвано особым гражданско-правовым режимом лекарственных средств как объектов гражданских прав. Признаки и свойства лекарственных средств как объекта материального мира влияют на правовую характеристику объекта, в

первую очередь признавая за ними наличие признаков источника повышенной опасности.

Особое внимание стоит уделить внимание правам покупателя на возврат лекарственных средств продавцу, приобретенных дистанционно.

Так, возврат или обмен лекарственных средств надлежащего качества Постановлением Правительства РФ от 19.01.1998 № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» (далее – Постановление № 55) и Постановлением Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» (далее – Постановление № 612) не допускается.

В тоже время Постановлением Правительства РФ от 16.05.2020 № 697 «Об утверждении Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом» (далее – Постановление № 697), которое закрепляет специальные правила розничной торговли лекарственными средствами дистанционным способом, установлено, что покупатель вправе отказаться от лекарственных средств надлежащего качества если еще не совершил их оплату (в таком случае оплачивается только доставка). Следовательно, отказ от оплаченных лекарственных средств (совершена предоплата) надлежащего качества не допускается.

Представляется, что порядок возврата лекарственных средств надлежащего качества, закрепленный Постановлением № 697, ограничивает права потребителя на возврат товаров надлежащего качества, оплаченного в безналичной форме путем предоплаты, но еще не переданного покупателю.

Учитывая, что Постановление № 697 допускает возможность возврата товара надлежащего качества, в отличие от Постановления № 55 и Постановления № 612, то к случаям розничной продажи лекарственных средств дистанционным способом надлежащего качества, оплаченных по предоплате, но еще не переданных покупателю, необходимо применять общие положения ГК РФ и Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) о продаже товара дистанционным способом. Так, согласно требованиям, закрепленным в п. 4 ст. 497 ГК РФ покупатель до передачи товара вправе в любой момент отказаться от исполнения договора розничной купли-продажи, заключенного дистанционным способом, компенсировав расходы продавцу. Закон о защите прав потребителей в ст. 26.1 предусматривает обязанность продавца вернуть денежные средства за проданный товар надлежащего качества в случае отказа покупателя от товара. Возврат товара

надлежащего качества возможен при сохранении товарного вида, потребительских свойств, а также документов, подтверждающих покупку товара.

В случае дистанционного приобретения по договору розничной купли-продажи лекарственных средств ненадлежащего качества потребитель может столкнуться с рядом трудностей.

Во-первых, ненадлежащее качество лекарственных средств может быть визуально определимым (нарушение первичной и вторичной упаковки, количество и ассортимент лекарственных средств, срок годности) или неопределимым (фальсифицированное, недоброкачественное лекарственное средство). Во втором случае установить нарушения качества покупателю самостоятельно практически невозможно.

Во-вторых, покупатель, в соответствии со ст. 503 ГК РФ, в случае приобретения некачественного товара, если только его недостатки не были сообщены продавцом (для лекарственных средств продажа некачественных лекарственных средств запрещена, а значит таких недостатков быть не должно), вправе по своему выбору требовать замены товара на качественный, соразмерно уменьшить стоимость товара, безвозмездно устранить недостатки товара или возместить расходы на устранение недостатков.

Польза лекарственных средств состоит в их физико-химических свойствах, которыми наделяются лекарственные средства при их создании. Данное обстоятельство делает невозможным потребителю требовать устранения недостатков товара или требовать компенсацию за самостоятельное устранение недостатков.

Постановление № 697, согласно ст. 26.2 Закона о защите прав потребителей, содержит правила, обязательные для исполнения сторонами при заключении договора.

В указанном постановлении закреплено, что в случае доставки лекарственных средств ненадлежащего качества покупатель вправе вернуть такое лекарственное средство работнику, осуществляющему доставку, без оплаты как лекарственного средства, так и услуг доставки и (или) потребовать надлежащего исполнения заказа. Доставка лекарственных средств может осуществляться двумя способами – собственной курьерской службой и курьерской службой, с которой заключен договор на оказание соответствующих услуг.

Работником, согласно ст. 20 Трудового кодекса Российской Федерации, является физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем. Отношения между сторонами, заключающими договор оказания услуг, не носят характера трудовых. Следовательно, возникает вопрос, обладает ли покупатель правом не оплачивать товар ненадлежащего качества и услуги доставки сотруднику курьерской службы, с которой у аптечной организации заключен договор оказания услуг, и правом требовать надлежащего исполнения заказа?

Подводя итог вышесказанному, стоит сказать, что возможность розничной торговли лекарственными средствами дистанционным способом является прогрессивным, продиктованным временем и развитием общественных отношений. Однако в настоящее время действующее законодательство, регулирующее такую торговлю, не в полной мере отвечает требованиям защиты

прав потребителей. Разработка законодательства в данной сфере требует поиска баланса, с одной стороны, защищенности прав потребителей, и, с другой, учета высокой социальной значимости и особого гражданско-правового режима лекарственных средств как объекта гражданских прав.

СЕКЦИЯ № 6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аргунов Всеволод Владимирович

кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданского процесса
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)
г. Москва
e-mail: argunov@mail.ru

СУЩЕСТВОВАНИЕ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ» ФАКТОВ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

В последние 20 лет электронная и цифровая среда стали одним из распространенных средств существования фактов, имеющих юридическое значение, как в сфере частных, так и публичных правоотношений. С помощью аппаратных средств, используемых в информационной технологии при обработке, хранении и передаче данных, моделируется реальная действительность, в том числе социальная среда с ее субъектами и взаимосвязями. Правовое моделирование общественных отношений все чаще дополняется логическим моделированием на основе математических законов [1].

В отечественной процессуальной науке имеется, в общем, единое понимание доказательственного факта. Так, М.К. Треушников под ним понимает «выводное доказательство» [13], т.е. факт, связанный с искомым и могущий быть доказанным с помощью судебных доказательств. Такие факты приобретают значение «предпосылок для выводов о наличии юридически значимых фактов» [6, с. 93-100; 7, с. 165-168; 8, с. 80-81]. Примерно также понимал доказательственные факты П.Ф. Елисейкин применительно к делам особого производства [2]. Е.А. Нахова, исследуя факты предмета судебного доказывания, подразделяет исследуемые факты на искомые и доказательственные, отводя последним «роль вспомогательных фактов ввиду их чисто процессуально-правовой природы» [4, с. 241]. Такое видение близко к распространенному в уголовно-процессуальной науке пониманию доказательственных фактов как промежуточных фактов, своего рода средств установления искомых обстоятельств, промежуточных тезисов относительно конечных целей доказывания по уголовному делу [12, с. 140-142]. Различая искомые и доказательственные факты, мы, однако далеки от мысли в использовании применительно к каждой группе разной методики доказывания и соглашаемся с М.А. Фокиной, что «доказывание не может подразделяться на

основное и подсобное», т.к. в доказывании обеих групп фактов работают одни и те же гносеологические законы [14, с. 491]. По верному замечанию В.В. Молчанова, «все обстоятельства в конечном итоге приобретают значение фактов, имеющих значение для дела» [8, с. 79].

Учитывая, что доказательственные факты есть некоторое промежуточное звено для установления искомого факта, для темы настоящего исследования принципиально важно, что в правовой науке давно разработаны методы их целесообразного создания человеком исключительно с целью облегчения установления искомых фактов, т.е. признана и практикуется официальная фиксация одного факта с помощью другого факта. Например, создание и ведение официальных реестров ЕГРН, ЕГРЮЛ, ЕГРИП, ЕГРЗАГС, а также данные, в них содержащиеся – есть ни что иное, как системы искусственно созданных доказательственных фактов с формальными доказательствами их существования. То же можно сказать о нотариальных реестрах и документах, а также протоколах, оформляемых в порядке уголовного и гражданского судопроизводства. При наличии спора, неочевидности, такого рода искусственно созданные юридические факты легко доказать с помощью искусственно же созданных для них доказательств (например, свидетельств, выписок и пр.), а значит, облегчается и вывод об основном искомом факте (например, о регистрируемом праве или правовом статусе). Такие доказательства называются в науке «производными доказательствами», сформированными не стихийно, а искусственно [11, с. 123-124]. Обычно это доказательства, созданные методом официального документирования информации, львиную долю среди которых все еще составляют письменные доказательства - официальные документы, созданные на бумажном носителе и имеющие юридическую силу [8, с. 258]. Однако тенденция замены бумажных носителей на электронные, налицо. Особенно применительно к официальным реестрам [9, с. 3-6]. А вместе с тем, налицо и проблема исследования и оценки таких электронных носителей судом в процессе разбирательства по делу, т.к. формирование любого доказательственного факта есть преобразование информации, сопровождающееся более или менее значительным ее искажением. Какая форма фиксации доказательственного факта более «точна» - бумажная или электронная, еще предстоит выяснить современной науке.

Однако уже сейчас можно поставить на обсуждение ряд вопросов, ответы на которые, по нашему мнению, способны повысить быстроту и эффективность гражданского судопроизводства без затрагивания его принципиальных основ.

-Возможно ли подтверждение искомых обстоятельств по делу исключительно доказательственными фактами, зафиксированными в электронной среде и доказательствами в электронной форме? Или всегда требуется их «конвертация» в бумажную форму? Положительное решение данного вопроса, позволит частично отказаться от архаичной и ненадежной процедуры обеспечения доказательств нотариатом (протоколы осмотра сайтов и пр.), дублирования информации, содержащейся в электронной форме, на бумажных носителях, но потребует введения новых правил исследования и оценки электронных документов;

-Возможно ли подтверждение доказательственных фактов, зафиксированных в электронной среде доказательствами в неэлектронной форме? Приоритет какому доказательству следует отдавать при наличии противоречий? Последний вопрос, может быть, отпадет сам собою при первичном создании доказательственных фактов исключительно электронными средствами, однако ответ на первый вопрос, возможно, потребует установления дополнительных правил допустимости в гражданском судопроизводстве;

-Возможно ли исследование и установление доказательственных фактов, зафиксированных в форме официальных электронных реестров с публичной достоверностью (ЕГРН, ЕГРЮЛ, ЕГРИП, ЕГРЗАГС, нотариальные реестры, иные базы данных) без конвертации их доказательств в бумажную форму (и представления сторонами) напрямую судом путем личного обращения к электронным базам данных (далее – ЭБД) по системе межведомственного электронного взаимодействия, т.е. «онлайн - судебного свидетельствования»? Положительное решение данного вопроса позволит устранить «искусственное бумажное звено», способное исказить информацию (как и любое производное доказательство), облегчить деятельность сторон и третьих лиц, но потребует новых исключений из принципа состязательности гражданского судопроизводства применительно к обязанности доказывания и распределения его бремени между сторонами, усиления следственных полномочий суда. Примером здесь могли бы служить правила, уже зафиксированные в законе применительно к нотариальной деятельности в ст. 47.1 Основ законодательства РФ о нотариате. Первоначально можно опробовать такое правило в делах особого производства;

-Каково значение доказательственных фактов и электронной информации о них, уже не существующих в электронной форме на момент разбирательства дела, но существовавших ранее, в момент возникновения, изменения или прекращения материального правоотношения, являющегося предметом судебного разбирательства? Возможна ли какая-либо процедура, направленная на восстановление такой информации или эти сведения навсегда исключаются из объема судебного познания и доказывания? Вероятно, это – явление с обратной стороны медали использования в судопроизводстве информации в электронной форме;

-Что представляет собой информация, закрепленная в ЭБД в отсутствие бумажного носителя? Ведь документ по меткому выражению С.В. Никитина, здесь приобретает значение юридического факта и факт «по существу не отделим от документа» [5, с. 35]. Как разграничить доказательственный факт, находящийся в электронной среде и доказательство его наличия (отсутствия)? Можно ли считать такую информацию электронным доказательством? Будет ли прямое обращение суда к ЭБД доказыванием? Или же это – непосредственное судебное познание, которое было заброшено на «дальнюю полку» судопроизводства еще в эпоху формальных доказательств [10, с. 69], о котором в советское время писал С.В. Курылев в надежде на его возрождение [3, с. 414-425], и которому сегодня практически не уделяется места в науке? По нашему мнению, сейчас вновь надо поставить вопрос о значении результатов личного восприятия судьи тех или иных

фактов для выносимого решения. Электронные доказательственные факты вполне могли бы стать «пилотными» в этом смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Для настоящего сообщения не принципиальны различия между «электронной средой» и «цифровой средой», существующие по ГОСТу Р 52292-2004 «Информационная технология (ИТ). Электронный обмен информацией. Термины и определения».
2. Елисейкин П.Ф. Судебное установление фактов, имеющих юридическое значение. М., 1973.
3. Курылев С.В. Избранные труды. М., 2010.
4. Нахова Е.А. Доказательственное право в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Общая часть. СПб, 2012.
5. Никитин С.В. Разграничение документов-юридических фактов и документов-источников доказательств в гражданском процессе/Методологические проблемы теории юридических фактов. Тезисы V областной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов 3-6 февраля 1988г. Ярославль, 1988.
6. Подробнее см. Иванов О.В. Доказательственные факты в гражданском процессе/Правоведение. 1970. №6.
7. Подробнее см. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.
8. Подробнее см. Молчанов В.В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве. М., 2012.
9. Подробнее см., например: Лобурёв С.Н. Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния: ожидания против реальности // Семейное и жилищное право. 2020. № 2.
10. Подробнее см.: Аргунов В.В. Салогубова Е.В. Развитие теории формальных доказательств и ее влияние на современное гражданское судопроизводство// Вестник гражданского процесса. 2019. №1.
11. Подробнее см.: Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е издание. М., 1973.
13. Треушников М.К. Судебные доказательства. Пятое издание. М., 2018.
14. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. М., 2010.

Афанасьев Сергей Федорович

доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
г. Саратов
e-mail: af.73@mail.ru

Токарева Анна Алексеевна

аспирант кафедры арбитражного процесса
(Саратовская государственная юридическая академия)

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ ПРАВОСУДИИ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ ИСКОВ¹

В связи с правовой цифровизацией отечественный законодатель значительно обновляет правовое регулирование в области процессуальных прав и обязанностей участников цивилистического судопроизводства, прежде всего принадлежащих сторонам, чьи материально-правовые требования подлежат рассмотрению и разрешению. Так, на основании норм Гражданского процессуального кодекса РФ [5] вправе подавать документы в электронном виде посредством заполнения формы на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; стороны и третьи лица могут давать объяснения, а свидетели показания, путем использования систем видеоконференц-связи; передавать суду различную документацию, а равно получать от органа правосудия электронные копии постановлений, извещений и вызовов. По положениям Арбитражного процессуального кодекса РФ [3] границы использования новейших цифровых технологий еще более широкие. Например, кроме всего перечисленного лица, участвующие в деле, после вынесения определения о принятии искового заявления самостоятельно предпринимают меры по получению информации о движении дела, прибегая к любым источникам и средствам связи.

Реализуя право на иск при конкуренции исков, субъект самостоятельно совершает выбор наиболее результативного (в его видении) способа защиты нарушенного права или интереса, охраняемого законом. При избрании способа судебной защиты права приоритет отдается тому иску, цель которого непреложно соотнобразовывается с правовой реальностью.

Безусловно, этим правилом можно руководствоваться и при конкуренции исков, направленных на защиту нарушенных прав или интересов субъектов спорных страховых правоотношений. Практика судов общей и арбитражной юрисдикции по спорам из отношений страхования противоречива в плане установления надлежащего способа защиты субъективных прав и правомерности выбора между договорным и деликтным исками, фактическое основание которых совпадает. Впрочем, есть удостоверяющие конкуренцию исков казусы, когда в условиях отказа страховой компанией в выплате страхового возмещения и реального причинения ответчиком вреда (ущерба) суды оставляют за истцом право выбора либо иска о признании случая страховым и взыскании страхового возмещения, либо деликтного иска к непосредственному причинителю ущерба [2].

Таким образом, совместное и последовательное предъявление договорного и деликтного исков при их конкуренции значило бы отступление от принципа неопозволительности двойной ответственности. Кроме того, осуществление права

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

на обращение в суд, в том числе в электронной форме, при типичной для спорных страховых правоотношений конкуренции названных исков о присуждении корреспондируется с соблюдением принципов равноправия и соразмерности защиты права.

Наконец, в качестве еще одной иллюстрации конкуренции между исками о присуждении можно привести имеющееся у истца право выбора иска в спорах о защите интеллектуальных прав. Следует сделать оговорку, что на законодательном уровне за истцом закреплено право выбора способа защиты, как например на основании п. 3 ст. 1252 ГК РФ [4] правообладатель вправе обратиться в суд за защитой нарушенного исключительного права (касательно отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации) с требованием о взыскании компенсации вместо возмещения убытков. Одновременное взыскание убытков и компенсации, комментировал Верховный Суд РФ, не дозволительно [6]. Но вернее было бы подразумевать под этой возможностью выбора альтернативность способов защиты нарушенного интеллектуального права без конкуренции исков.

О конкуренции исков, вытекающих из обязательственных (договорных) и деликтных правоотношений в области интеллектуальной собственности, упоминал Суд по интеллектуальным правам в деле по иску Общества, обратившегося за защитой нарушенного исключительного права на архитектурный проект, о взыскании компенсации. Несмотря на факт удовлетворенного вступившим в законную силу решением суда договорного иска о взыскании с ответчика задолженности по контракту, Общество предъявило деликтный иск, мотивировав вторые свои исковые требования ненадлежащим исполнением ответчиком обязательств по контракту и последующим за ним нарушением исключительного права на спорный архитектурный проект. В итоге кассационную жалобу Общества Суд по интеллектуальным правам оставил без удовлетворения [7].

Непременно, субъектами частных правоотношений, включая и сферу интеллектуальной собственности, производится относительно свободный выбор рационального способа достижения поставленной цели. Вместе с тем на них же возлагается и бремя рисков ожидаемой результативности этого выбора.

Важно заметить, что механизм подачи искового заявления в суд в электронной форме требует детальной проработки как с технической, так и нормативной стороны. Можно утверждать, что одним из основополагающих принципов, которыми следует руководствоваться законодателю в этом вопросе, – это принцип процессуальной экономии, поскольку в противном случае, как верно подчеркнуто А.Ф. Абдулвалиевым, «возможность обращения в суд в электронной форме приведет лишь к увеличению объема работы сотрудников судов и судей, а также к увеличению расходов на отправление правосудия» [1, с. 58-65].

В завершение благоразумно зафиксировать, что на выборе субъектом нарушенного права одного из конкурирующих исков прямо отражается содержание спорных материальных правоотношений. Обращаясь в суд, в том числе в электронной форме, и оценивая риски, истец правомочен выбирать эффективную стратегию защиты своих прав и охраняемых законом интересов, не нарушающую при этом общий баланс прав субъектов спорных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулвалиев А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Право и политика. 2013. № 1 (157). С. 58-65.
2. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 17 июля 2019 г. по делу № 33-9976/2019. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2020).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 08 июня 2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2020. № 24. Ст. 3745.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496; 2019. № 30. Ст. 4132.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5004
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 7.
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 декабря 2019 г. № С01-1353/2019 по делу № А56-157453/2018. Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.10.2020).

Борисова Виктория Федоровна

кандидат юридических наук, доцент

(Саратовская государственная юридическая академия)

г. Саратов

e-mail: vfb2709@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ПРЕЗУМПЦИЙ В ЭЛЕКТРОННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ¹

Современное развитие цифровых технологий в сфере правосудия привело к нарушению сбалансированного механизма взаимодействия категорий «правовое регулирование - судебная практика». Опережение создания электронных судебных платформ и их оснащение процессуальными опциями повлекло за собой усиление судебного правотворчества. Регулирование зарождающихся «электронных» процессуальных правоотношений сместило «центр тяжести» в сторону ведомственных документов, таких как постановления Верховного Суда РФ, приказы Судебного департамента РФ, инструкции судебного делопроизводства. Недостатки правового регулирования сглаживаются путем формирования технико-юридических приемов – предположений вероятностного или прогностического

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

характера, которые могут быть опровергнуты в ходе доказывания, то есть процессуальных презумпций, не обладающих свойством легитимности, как предположений, не закрепленных на уровне нормативно-правового акта.

Целый ряд новых презумпций возник при цифровизации процедуры судебного извещения. Согласно ст. 113 ГПК РФ вызов в суд участников гражданского судопроизводства осуществляется посредством заказного письма с уведомлением о вручении, судебной повестки, телефонограммы, телеграммы, факса, либо при помощи иных средств связи, обеспечивающих возможность фиксации извещения и подтверждения получения информации адресатом. Помимо традиционных способов извещения, судами активно используются электронные платформы для уведомления и самостоятельного получения информации субъектами гражданских процессуальных правоотношений. Вопрос о легитимности процедуры извещения посредством СМС-сообщений в литературе решается по-разному. Одни ученые утверждают, что применение механизма СМС-извещения не противоречит норме ст. 113 ГПК РФ и вытекает из ее смысла, другие авторы высказывают несогласие с легитимной оценкой процедуры СМС-извещения в силу недостаточности ее правового регулирования [1, с. 14 – 15]. Верховный Суд РФ предъявляет следующие требования к надлежащему способу извещения: достоверность фиксации передаваемого сообщения и факт его доставки адресату [6]. Указанные факты фиксируются автоматически в государственной автоматизированной системе «Правосудие», а отчет о доставке СМС-сообщения распечатывается и приобщается к материалам гражданского дела.

Регламент организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений, утвержденный Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257, устанавливает условия извещения участников, к которым относится: согласие извещаемого лица, оформленное распиской с указанием действующего номера сотового телефона, пригодного для получения СМС-сообщений от суда; соблюдение законных сроков уведомления, достаточных для явки в суд и подготовки к судебному заседанию; фиксация судом отправки и доставки сообщения адресату [5]. Пункт 2.3. Регламента фактически вводит в процессуальный оборот новую презумпцию, не предусмотренную гражданским процессуальным законодательством: лицо считается надлежаще извещенным с момента поступления СМС-сообщения с указанием времени и места судебного заседания или проведения процессуального действия, на номер телефона, указанный лицом в расписке. Существующее положение вещей достаточно спорно. Несмотря на то, что адресат выразил свою волю на получение СМС-уведомления в расписке, нельзя исключать возможности утраты телефонного аппарата с соответствующей СИМ-картой или прочтения электронного сообщения иным лицом. Ученые задаются и другими вопросами: что делать, если адресат сменил номер телефона, намеренно или нечаянно изменил его при заполнении расписки [3, с. 16]? Риск недоставки СМС-сообщения по субъективным и объективным причинам снижает эффективность такого способа извещения и заставляет задуматься о необходимости опровержения не узаконенной процессуальной презумпции, что представляет собой юридический нонсенс – опровергать то, чего не существует. Отсюда вытекают определенные последствия:

оспаривание законности перехода суда к разрешению спора в порядке заочного производства, рассмотрения гражданского дела и вынесения судебного решения в отсутствие лица, не надлежаще извещенного о времени и месте проведения судебного заседания при помощи СМС-уведомления.

Несмотря на все изложенные обстоятельства, СМС-уведомление остается одним из наиболее удачных способов электронного извещения по степени достоверности фиксации отправки и доставки сообщений. Пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» описывает новый способ судебного извещения: посредством направления сообщений по e-mail лицам, участвующим в деле [4]. В этом положении Верховный Суд РФ изобрел довольно слабую презумпцию – судебное извещение считается полученным адресатом в день его направления. Предположение о получении юридически значимой информации строится на указании адреса электронной почты в обращении, предъявляемом в суд в традиционном или электронном формате, которое толкуется как согласие на получение электронной судебной корреспонденции. Само по себе указание электронного почтового адреса не свидетельствует о выражении волеизъявления на получение извещений от суда и не гарантирует их получения адресатом, поскольку лицо может не иметь регулярного доступа к почтовому ящику, указать не принадлежащий ему почтовый ящик, забыть пароль и создать новый электронный адрес. Использование электронной почты в качестве способа судебного извещения можно было признать рациональным при условии оформления согласия адресата на использование электронной почты посредством расписки.

Пункт 2.1. ст. 113 ГПК РФ и пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 апеллируют к предположению наличия у органов местного самоуправления, иных органов и организаций технической возможности получения информации о времени и месте судебных заседаний на официальных сайтах судов. Презумпция заключается в том, что самостоятельное отслеживание информации о ходе судебного разбирательства через сеть «Интернет» считается надлежащим извещением при обладании судом информации о получении субъектом гражданского судопроизводства сведений о первом судебном заседании. Формулировка п. 2.1. ст. 113 ГПК РФ трактуется скорее в пользу права, а не обязанности органов и организаций по «самоизвещению», однако при этом норма предусматривает латентную санкцию в виде неблагоприятных последствий за непринятие мер по получению информации о движении дела. Представляется, что применение презумпции в подобном русле существенно снижает гарантии прав участников процесса. Если органы и организации, заявят об отсутствии технической возможности на получение судебной информации через электронные ресурсы, за ними сохраняется право на подачу ходатайства о традиционном способе судебного извещения. Неудачная попытка «самоизвещения» может быть обусловлена не только недобросовестным поведением или технической неоснащенностью сторон. Нередко поиск информации на портале ГАС «Правосудие» затруднен либо сведения размещены

несвоевременно. Использование презумпции приводит к необходимости ее опровержения посредством предоставления суду дополнительной информации, не связанной с объектом материального спора. Следует согласиться с Е.В. Зайченко в том, что все участники гражданского и административного судопроизводства, включая юридических лиц, должны иметь право на заявление немотивированного ходатайства о получении судебных извещений по почте [2, с. 135-156].

В настоящее время наряду с государственной автоматизированной системой «Правосудие», в судах г. Москвы параллельно апробируется и эксплуатируется Комплексная информационная система судов общей юрисдикции. Правовое регулирование процессуальных опций КИС СОЮ осуществляется на основе ГПК РФ. Методическое сопровождение обеспечивают две инструкции: инструкция к сервису «Подача документов в суд в электронном виде» и инструкция к сервису «Доступ к материалам судебного дела в электронном виде». Доступ к материалам судебного дела реализуется путем отправления через систему ходатайства на предоставление доступа. В классической схеме правового регулирования данное ходатайство выглядит как реализация права на ознакомление с материалами дела. При этом заявитель, отправляя заявку, соглашается с тем, что получение доступа означает ознакомление с оригинальными материалами судебного дела. Фактически вводится новая презумпция из нескольких составляющих. Доступ к делу предполагает, что электронные материалы полностью укомплектованы всеми процессуальными документами, включая средства доказывания и процессуальные документы суда. Вопрос несоответствия бумажного и электронного дела не обсуждается, а последствия их различий не известны. Вторым важным моментом – отказ в получении доступа или истечение срока доступа. Срок предоставления доступа и причины отказа в доступе к делу не регламентируются ни законом, ни Инструкцией к сервису «Доступ к материалам судебного дела в электронном виде», ни какими-либо иными документами. Дефицит информации при условии использования презумпции создает предпосылки для нарушения реализации права на ознакомление с материалами дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев С.Ф., Жирнова Н.А., Филимонова М.В. Информационно-правовая составляющая СМС-извещения участников гражданского судопроизводства // Администратор суда. 2018. № 3.

2. Зайченко Е.В. Информационные технологии и обеспечение прав участников гражданского судопроизводства // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М., 2019.

3. Молева Г.В., Гуськов Д.А. Проблемы извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве // Научные тенденции: Юриспруденция. Сборник научных трудов по материалам XIII международной научной конференции. С-Пб.: 2018.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего

использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 (ред. от 27 августа 2019 г.) «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

6. Пункт 5 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ. 2015. № 4, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.

Воронцова Ирина Викторовна

доктор юридических наук, доцент
(Казанский филиал «Российский государственный
университет правосудия»)
г. Казань
e-mail: odiv@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПОРУЧЕНИЙ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ИНОСТРАННЫЙ ОПЫТ)¹

В связи с настоящим стремительным развитием электронного правосудия в стране и в мире, перед органами правосудия и государством в целом, стоит задача по принятию оперативных мер для полного перехода на автоматизированные системы с целью улучшения взаимодействия между судебными органами и внутри них, повышения результативности и эффективности, прозрачности. Чтобы в конечном итоге прийти к электронному правосудию, необходимо продумать работу многочисленных элементов в едином полностью автоматизированном механизме.

Одним из таких элементов является институт судебных поручений. Выработывая наиболее совершенные подходы в использовании тех или иных институтов в рамках применения информационных технологий в российском судопроизводстве, необходимо изучить опыт иностранных государств и международный опыт.

Согласно ст. 62 ГПК РФ суд, рассматривающий дело, при необходимости получения доказательств, находящихся в другом городе или районе, поручает соответствующему суду произвести определенные процессуальные действия. Согласно ст. 73 АПК РФ арбитражный суд, рассматривающий дело, в случае невозможности получения доказательств, находящихся на территории другого субъекта Российской Федерации, вправе поручить соответствующему арбитражному суду произвести определенные процессуальные действия.

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

В области международного правового регулирования судебных извещений и судебных поручений особую значимость представляют Гагская конвенция о вручении судебных документов 1965 года и Гагская конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам в 1970 года. Однако даты их принятия свидетельствуют о невозможности прогнозирования в то время мощного развития цифровых технологий, которые наблюдаются нами в настоящее время.

Комментируя положения Конвенции, Р.М. Ходыкин отмечает, специальная комиссия рекомендовала принимать запросы о правовой помощи, полученные посредством современных средств связи, например, по электронной почте. Он также отмечает, что многие центральные органы и суды иностранных государств уже начали принимать судебные документы из-за границы, поступившие посредством электронной почты, поэтому в целях ускорения получения доказательства из-за границы можно рекомендовать судебным органам направлять копию судебного поручения по электронной почте с одновременным направлением оригинала по почте или посредством курьерской службы [2].

Однако правовое регулирование с той поры остаётся неизменным. Так, в п. 6.7 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде "Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде" от 29.04.2003 № 36 в ред. от 21.10.2019 содержится только положение о направлении судебных поручений через территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации.

Опыт иностранных государств показывает, что для оповещения судом участников процесса, обмена иной информацией и организации системы электронного документооборота используются следующие технические средства:

- электронная почта;
- информационные ресурсы и электронные системы судов, в том числе ресурсы и электронные сервисы, доступ к которым осуществляется с помощью сети «Интернет»;
- служба смс-сообщений [1]

Так, ещё начиная с марта 2005 года в Окружном суде США Восточного округа штата Луизиана действует система извещений по электронной почте. Зарегистрировавшись в системе CM/ECF, пользователь тем самым выражает согласие на получение извещений и процессуальных документов по электронной почте. В электронной форме он указывает основной и дополнительный адрес электронной почты и в дальнейшем информация будет направлять по всем указанным им адресам.

В Италии каждый судебный район вправе запустить электронную систему гражданского судопроизводства и оповещения участников процесса, но только в качестве дополнения к традиционному судопроизводству. Это свидетельствует о том, что стороны сами могут выбирать между электронной или «бумажной» процедурой. Но, выбрав электронное гражданское судопроизводство, участники тем самым соглашаются на получение уведомлений и процессуальных документов исключительно в электронном виде, как это сделано в США. Аналогичным образом электронная коммуникация между судом и участниками процесса не является

обязательной в Германии. Данная форма выступает лишь дополнением к традиционному порядку' судопроизводства.

В то же время в Финляндии, поскольку повестка необязательно должна быть подписана, и в большинстве случаев не требуется отправлять оригинал заявлений, суд может направить извещение по электронной почте, так как отправка файлов давно уже автоматизирована и в системе SANTRA, и в системе TOOMAS. В Южной Корее также сохраняются элементы бумажного документооборота, однако повестки гражданам страны могут быть направлены и при помощи SMS. А в английском гражданском процессе, если сторона сообщает адрес электронной почты или номер факса, считается презумпцией, что она будет надлежащим образом уведомлена посредством данных технических средств.

В России есть разные примеры использования технических средств. Так, в российском судопроизводстве система извещений регламентирована в отношении SMS уведомлений. Порядок извещения участников судопроизводства данным способом отражен в Регламенте организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений, утвержденном Приказом Судебного департамента при ВС РФ от 25.12.2013 № 257. Однако, отправка судебного извещения по почте, пусть и по всем правилам, не гарантирует, что оно будет получено, и иногда может лишить возможности принять участие в разбирательстве. Проблема СМС-уведомлений заключается в том, что суд не получает сведений, что извещение действительно получено и именно адресатом [3].

Кроме того, электронные способы уведомления также применяются. Так, согласно ч. 2.1 ст. 113 ГПК РФ органы государственной власти, органы местного самоуправления и иные органы и организации могут извещаться судами лишь посредством размещения соответствующей информации на официальном сайте суда, если они были извещены надлежащим образом о времени и месте первого судебного заседания. Согласно ч.6 ст.121 АПК РФ лица, участвующие в деле, после получения определения о принятии искового заявления или заявления к производству и возбуждении производства по делу, а лица, вступившие в дело или привлеченные к участию в деле позднее, и иные участники арбитражного процесса после получения первого судебного акта по рассматриваемому делу самостоятельно предпринимают меры по получению информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи.

Практический интерес представляет способ извещений, регламентированный Постановлением Правительства РФ от 29.06.2016 № 606 в редакции от 20.11.2018 "О порядке направления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, и об использовании федеральной государственной информационной системы "Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)" для подачи ходатайств, объяснений, отводов и жалоб". В данном постановлении установлено, что извещение считается доставленным с момента, когда лицо, участвующее в исполнительном производстве, входило в личный кабинет с использованием единой системы

идентификации и аутентификации. Данный способ извещения представляется наиболее оптимальным, так как прохождение идентификации позволяет с большей степенью достоверности убедиться в получении соответствующей информации, адресованной конкретному лицу.

Последнее время можно наблюдать стремительное развитие электронного правосудия. Так, появилось множество элементов электронного правосудия, удобных опций и возможностей. Постепенный переход на электронное правосудие влияет на все гражданское судопроизводство, его стадии и виды. Не смотря на то, что на пути становления электронного правосудия в Российской Федерации очень многое уже сделано, предстоит сделать ещё очень много.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). М., 2017. С. 87.
2. Ходыкин Р.М. Вопросы применения Гаагской конвенции 1970 года о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам // "Арбитражный и гражданский процесс", 2009, № 1.
3. Шарапова Д.В. Электронная коммуникация между судом и адвокатом: проблемы и перспективы // Адвокатская практика. 2019. № 5. С. 53.

Дегтярева Виктория Сергеевна

аспирант

(Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации)

г. Москва

e-mail: victoria.kub@gmail.com

ПРОЦЕДУРА ПЕРЕГОВОРОВ ПРИ СОДЕЙСТВИИ АДВОКАТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Изобилием процедур дружественного решения споров характеризуется как материальное, так и процессуальное законодательство Французской Республики, анализ и оценка которого может представлять интерес в свете реформирования примирительных процедур в гражданском судопроизводстве России.

Французский законодатель, вдохновленный «коллаборативным правом», известным в Северной Америке, предусмотрел в национальном законодательстве положения, регулирующие условия, порядок и последствия проведения процедуры переговоров при содействии адвокатов (*la procédure participative*).

Идея о создании процедуры впервые была выдвинута в докладе «Разумное стремление к дружественному правосудию» от 30 июня 2008 г., представленном комиссией под руководством профессора С. Гиншара.

Предложение комиссии заключалось в создании такой процедуры, которая позволила бы сторонам посредством проведения переговоров с участием адвокатов урегулировать разногласия, а, в противном случае, предполагала бы упрощенный

переход к судебному разбирательству и оперативное рассмотрение и разрешение спора [2].

Законом № 2010-1609 от 22 декабря 2010 г., по ироничному выражению Ж.-Ф. Трикуа, «по заказу» был создан инструмент для адвокатов [4], представляющий собой соглашение о проведении процедуры, которое стороны при содействии своих адвокатов заключают в целях организации переговоров, направленных на достижение дружественного решения их спора [1].

Характерной особенностью рассматриваемой процедуры, проводимой как до, так и после передачи судье спора в целях его разрешения, является участие в ней адвокатов. За исключением адвокатов никто не может оказывать содействие стороне, участвующей в процедуре. При этом такое содействие является обязательным для каждой из сторон соглашения.

С одной стороны, роль адвокатов в процедуре сводится к обмену требованиями и доводами фактического и правового характера, документами и информацией между сторонами в порядке, предусмотренном соглашением. С другой стороны, различные действия, осуществляемые в рамках переговоров, основываются на скрепленных подписями адвокатов документах.

Положения, касающиеся соглашения, вступили в действие с 1 сентября 2011 г. и в настоящее время содержатся в статьях 2062 – 2068, 2238 ГК Франции.

При выборе данной процедуры стороны заключают на определенный срок письменное соглашение, к существенным условиям которого относятся срок его действия, предмет разногласий, документы и сведения, необходимые для урегулирования разногласий, порядок их обмена, а также имена, фамилии и адреса сторон и их адвокатов (п. 1 ст. 1545 ГК Франции).

Соглашение имеет определенный срок действия, даже если продолжительность переговоров оставлена на усмотрение сторон.

В соответствии с соглашением стороны в споре обязуются при содействии своих адвокатов и на условиях, установленных таким соглашением, совместно и добросовестно работать над достижением соглашения, которое положит конец спору, существующему между ними, или подготовкой спора к судебному разбирательству (ст. 1544 Нового ГПК Франции).

Особое внимание следует уделить определению предмета разногласий, поскольку соглашение может заключаться только в отношении разногласий, связанных с правами, которые находятся в свободном распоряжении сторон.

Возможность проведения процедуры исключается в случаях, когда публичный порядок запрещает по воли сторон изменять нормы, например, регулирующие вопросы правового статуса лиц. Как отмечает Н. Фрисеро, сложности в определении публичного порядка иногда могут ограничивать сферу соглашения [3].

Относительно семейных споров проблема заключается в установлении того, что входит в сферу свободного распоряжения сторон. Разногласия могут касаться супружеского режима, однако не допускается заключение соглашения в отношении вопросов лишения родительских прав, происхождения детей.

Кроме того, достигнутое супругами в рамках процедуры соглашение о расторжении брака или раздельном проживании не подлежит утверждению судьей,

тогда как заявление о расторжении брака или раздельном проживании после проведения процедуры рассматривается судьей в соответствии с нормами, предусмотренными Новым ГПК Франции для этих категорий дел.

По мнению Л. Кадье, такая ограниченная сфера применения вызывает серьезные сомнения о целесообразности рассматриваемой процедуры по семейным спорам, поскольку преимущественно ориентирована на бездетные пары ввиду того, что родительские права не охватываются Гражданским кодексом Франции и не подлежат свободному распоряжению [1].

В зависимости от предмета соглашения, определяемого сторонами, существуют два сценария проведения договорной процедуры поиска соглашения (статьи 1542 – 1564-7 Нового ГПК Франции).

1. Процедура переговоров, проводимая при содействии адвокатов до обращения в судебное учреждение, носит характер внесудебной процедуры, за которой при необходимости следует процедура рассмотрения и разрешения дела судьей в части неурегулированных разногласий.

Подписание соглашения вне рамок рассмотрения дела судебным учреждением влечет неприемлемость любого обращения к судье в период его действия, но не препятствует обращению любой из его сторон в судебное учреждение для принятия специальным судьей временных или обеспечительных мер. Однако неисполнение одной из сторон соглашения позволяет другой стороне обратиться к судье для принятия решения по спору, то есть разрешить спор в соответствии с применимыми к нему нормами права.

Заключение соглашения и проведение переговоров освобождает сторон от обязательного предварительного обращения к процедурам медиации и примирения, если такое обращение предусмотрено законом. Однако это положение не касается споров, относящихся к компетенции советов по рассмотрению индивидуальных трудовых споров.

2. В целях примирения сторон, которое закреплено в статье 21 Нового ГПК Франции в качестве одного из руководящих принципов гражданского судопроизводства, Законом «О модернизации правосудия XXI века» от 18 декабря 2016 г. и Декретом № 2019-1333 от 11 декабря 2019 г. усовершенствован порядок осуществления подготовки дела к судебному разбирательству.

Проведение процедуры переговоров при содействии адвокатов выступает одним из возможных способов проведения подготовки дела к судебному разбирательству наряду с подготовкой дела, осуществляемой судьей, не рассматривающим дело по существу (п. 2 ст. 1543 Нового ГПК Франции).

В ходе предварительного судебного заседания в суде первой инстанции (*tribunal judiciaire*) (с 1 января 2020 г. суды большой инстанции и окружные объединены) судья уточняет намерение сторон заключить соглашение о проведении рассматриваемой процедуры, и при их желании предпринять попытку урегулировать спор выносит определение об исключении дела из очередности дел, подлежащих рассмотрению.

Цель договорной подготовки дела заключается в том, что документы, составленные и подписанные адвокатами обеих сторон в ходе переговоров, в случае недостижения сторонами соглашения, прекращающего их разногласия,

представляются судье для исследования, упрощают и ускоряют рассмотрение и разрешение спора.

Так, в документах, скрепленных подписями адвокатов, указываются, в частности, обстоятельства и документы, с содержанием и толкованием которых стороны согласны, вопросы права, которыми они намерены ограничить обсуждение, заключение специалиста, если обращались в рамках данной процедуры к нему и т.д.

Заключение сторонами соглашения о проведении процедуры влечёт утрату права на возражения относительно правомерности возбуждения производства по спору, в частности, право ссылаться на отсутствие компетенции у судьи.

Мотивирующим фактором обращения сторон к рассматриваемой процедуре как до, так и после обращения в суд является возможность сторон или одной из них представить судье на утверждение соглашение, полностью или частично устранившее их разногласия, без изменения последним его условий, а в случае неуспешного окончания переговоров рассмотрения спора по существу.

Имеющая своей целью дружественное решение разногласий рассматриваемая процедура, по мнению некоторых французских исследователей, не лишена недостатков. Неудовлетворительный итог переговоров не запрещает адвокату, участвовавшему в процедуре, представлять интересы своих клиентов в суде. Тогда как конфиденциальность процедуры должна соблюдаться сторонами и их адвокатами только при наличии оговорок, включённых в соглашение.

Предусмотренное Новым ГПК Франции право сторон на обращение к судье с целью придания достигнутому в рамках процедуры соглашения исполнительной силы, а также договорная подготовка дела к судебному разбирательству в форме проведения сторонами переговоров с участием адвокатов позволяет сделать вывод о материально-процессуальном характере рассматриваемой процедуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cadiet L., Clay Th. Les modes alternatifs de règlement des conflits. 3e éd. Paris: Dalloz, coll. Connaissance du droit, 2019. 180 p.
2. Guinchard S. L'ambition raisonnée d'une justice apaisée, Rapport au garde des Sceaux, Paris, 2008. P. 168 – 171.
3. Fricero N. Procédure civile. 16e éd. Paris: Gualino, coll. Mémentos, 2020. P. 43 – 46.
4. Tricoit J.-Ph. Droit de la médiation et des modes amiables de règlement des différends 2019/20. 1re éd. Issy-les-Moulineaux: Gualino, coll. Mémentos, 2019. P. 153 – 158.

Жаглина Марина Евгеньевна

кандидат юридических наук
доцент

(Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия)

г. Воронеж

e-mail: mzhaglina@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

Наметившаяся в последнее десятилетие явно выраженная тенденция к унификации процессуальных норм и институтов, имела следствием многочисленные изменения в процессуальных кодексах, направленные на устранение двойственных подходов к регулированию однотипных отношений. Как отмечалось в «Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [1], в арбитражном и гражданском судопроизводстве имеется много общих институтов. В то же время некоторые положения АПК РФ [2] и ГПК РФ [3] серьезно конкурируют друг с другом, что недопустимо, поскольку ставит в неравное положение субъектов материальных отношений.

С этих позиций представляется интересным проанализировать соотношение принципов двух «родственных» процессов, имеющих общую цивилистическую природу.

Многие процессуалисты отмечают фактическую идентичность принципов гражданского и арбитражного процессов, свидетельствующую об их общности. Действительно, название принципов, форма их закрепления, основания классификации практически одинаковы в гражданском и арбитражном процессуальном праве, в связи с чем, можно говорить об отсутствии специфическим отраслевым принципам в данных отраслях права, поскольку они дублируют друг друга. В то же время, реализация одноименных принципов в гражданском и арбитражном процессах может обладать определенной спецификой и учитывать особенности разрешаемых споров. Так, А.Т. Боннер, говоря о принципах арбитражного процессуального права, отмечал, что, с одной стороны, они отражают дублирующее положение данной отрасли в системе российского права, а с другой – специфические особенности применения одноименных с гражданским процессуальным правом принципов в практике деятельности арбитражных судов [4].

Рассмотрим содержание некоторых одноименных принципов гражданского и арбитражного процессуального права, отличающихся спецификой применения в общих и арбитражных судах.

Прежде всего, здесь стоит отметить традиционный для цивилистического процесса принцип состязательности.

Общее выражение сути данного принципа в гражданском и арбитражном судопроизводстве заключается в том, что бремя доказывания своей правовой позиции возлагается на самих спорящих: в соответствии со ст. 56 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ каждый должен доказать то, на что ссылается. При этом, по общему правилу, суд лишь определяет обстоятельства, которые следует доказать для правильного разрешения дела, и в собирании доказательств не участвует. Задача суда в состязательном процессе – разрешить дело правильно применительно к собранным и представленным заинтересованными лицами доказательствам.

В закреплении данного принципа в ГПК РФ и АПК РФ есть существенные различия. Так, в соответствии со ст. 9 и ст. 65 АПК РФ, лицо, участвующее в деле, должно раскрыть свои доказательства перед другими лицами до начала судебного

заседания или в сроки, установленные судом. Впоследствии лица, участвующие в деле, могут ссылаться только на «раскрытые» доказательства. Подобного правила гражданское процессуальное законодательство не содержит, хотя в ч.3 ст. 71 ГПК РФ говорится о необходимости отправки копий представленных письменных доказательств всем лицам, участвующим в деле. Однако, каких-либо последствий невыполнения данной обязанности ГПК РФ не содержит. Представляется, что институт «раскрытия доказательств» в состязательном процессе имеет свои сильные и слабые стороны: так, например, возможны злоупотребления сторон в виде получения с другой стороны интересующей информации с целью ее использования для собственной защиты и подготовки к процессу, но, с другой стороны, раскрытие информации до процесса может способствовать оценке собственных шансов на выигрыш дела и примирению. С этих позиций существование данного института оправдано, однако, требуется более четко и единообразно урегулировать последствия неисполнения данной обязанности сторонами или различного рода злоупотреблений в рассматриваемой области.

Следующим принципом, который различным образом реализуется в гражданском и арбитражном процессе, является принцип сочетания единоличного и коллегиального рассмотрения дел (ст. ст. 7, 14 ГПК РФ, ст. 17 АПК РФ).

В соответствии со ст. 7 ГПК РФ, в суде первой инстанции дела могут рассматриваться единолично или коллегиально, при этом случаи коллегиального рассмотрения гражданских дел предусматриваются только федеральным законом и судебный состав формируется исключительно из трех профессиональных судей. Фактически сегодня в гражданском процессе дела в первой инстанции рассматриваются единолично, поскольку в федеральном законе предусмотрен коллегиальный состав только для некоторых категорий дел, относящихся к компетенции военных судов, которые дел из гражданских правоотношений в настоящее время не разрешают [5]. Поэтому о сочетании единоличных и коллегиальных начал в гражданском процессе можно говорить лишь применительно к некоторым стадиям пересмотра судебных постановлений, например, апелляционной инстанции.

В арбитражном процессе данный принцип реализуется более последовательно. В соответствии со ст. 17 АПК РФ, в суде первой инстанции дела могут рассматриваться как единолично (общее правило), так и коллегиально, в случаях, предусмотренных этой же статьей. При этом возможны два варианта коллегиального рассмотрения: в составе трех профессиональных судей и в составе судьи и двух арбитражных заседателей. Рассмотрение дел в составе трех профессиональных судей является обязательным в случаях, указанных в ч.2 ст. 17 АПК РФ. Что же касается арбитражных заседателей, они могут быть привлечены к участию в рассмотрении дел, возникающих из гражданских правоотношений при соблюдении следующих условий: 1) наличие ходатайства стороны о привлечении к рассмотрению дела арбитражных заседателей; 2) отсутствие прямого запрета на рассмотрение данного дела с участием арбитражных заседателей (ч.2,3 ст. 17 АПК РФ).

В этой связи, в отличие от арбитражного процесса, можно сделать вывод о формальном закреплении данного принципа в ГПК РФ, по крайней мере, на уровне суда первой инстанции.

Некоторые различия между арбитражным и гражданским процессами прослеживаются и в закреплении ряда принципов судебного разбирательства. Так, в отличие от ГПК РФ, который закрепляет принцип устности судебного разбирательства (ч.2 ст. 157), в арбитражном процессуальном законодательстве прямо данное положение не закреплено. Представляется, это связано с тем, что приоритетное значение в арбитражном процессе имеют различные письменные документы. Поэтому можно сделать вывод об определенной специфике арбитражного судопроизводства, где главенствующую роль играет письменная процессуальная форма. Тем не менее, достаточно широко используется в арбитражных судах и устная форма процесса: устно ведется судебное заседание, даются объяснения лиц, участвующих в деле, исследуются доказательства. Таким образом, арбитражный процесс характеризуется стабильной письменной формой, поскольку решающую роль в судьбе заявленного иска играют надлежаще оформленные документы. Объяснения, как правило, нужны для разъяснения связи одного документа с другими документами, для изложения итоговой правовой оценки представленных доказательств [6].

Особо следует отметить исключение принципа непрерывности судебного разбирательства из гражданского и арбитражного процессов. Так, прежняя редакция ст. 157 ГПК РФ запрещала суду рассматривать другие дела до окончания рассмотрения начатого дела или до его отложения. Однако, в современных условиях, когда во главу угла ставится «процессуальная экономия», оперативность процесса, от данного запрета законодатель отказался: в ч.3 ст. 157 ГПК РФ сказано, что во время перерыва суд может рассматривать другие дела, причем после перерыва рассмотрение начатого дела продолжается, повторное исследование доказательств не производится.

Ст. 163 АПК РФ буквального запрета или разрешения на рассмотрение других дел во время перерыва не содержит, однако, учитывая необходимость правовой регламентации любых процессуальных действий, можно сделать вывод о том, что рассмотрение во время перерыва других дел в арбитражном процессе не допускается. В то же время, например, в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [7] сказано, что в период объявленного перерыва не исключается возможность рассмотрения судом других дел (ч. 4 ст. 2 КАС РФ, ст. 163 АПК РФ).

Представляется, что в условиях унификации цивилистического процесса, вопрос о возможности (либо невозможности) рассмотрении других дел во время перерыва, должен быть решен в процессуальных кодексах единообразно, исключая различное толкование соответствующих норм. Отметим, что не все процессуалисты приветствуют отказ от принципа непрерывности в гражданском судопроизводстве. Так, по мнению В.М. Шерстюка, «исключая принцип непрерывности из арбитражного судопроизводства, законодатель все-таки допустил ошибку, которую все равно придется исправлять, ибо этот принцип

прямо связан с качеством разрешения споров и укреплением авторитета арбитражного суда среди организаций и граждан» [8].

Таким образом, несмотря на отсутствие принципиальных различий в системе принципов арбитражного и гражданского процессуального права, следует признать, что их законодательной закрепление имеет некоторые существенные различия, что свидетельствует об определенной специфике соответствующих судебных процедур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/ (дата обращения 07.10.2020).

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. – № 30. – Ст. 3012.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. – № 46. – Ст. 4532.

4. Арбитражный процесс: учебник / под ред. Р.Е. Гукасяна. – М.: Проспект, 2008. – 448 с.

5. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 28.06.1999. – № 26. – Ст. 3170.

6. Фурсов Д.А. Процессуальный режим деятельности арбитражного суда первой инстанции. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 319 с.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 11.

8. Шерстюк В.М. Арбитражный процесс в вопросах и ответах. – М., 2010. – 240 с.

Зайцев Алексей Игоревич

кандидат юридических наук, доцент

арбитр МКАС при ТПП РФ

г. Саратов

e-mail: alex_sgap@mail.ru

НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОПЕРАТИВНОСТИ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из общепризнанных преимуществ рассмотрения дела третейским судом перед судопроизводством в государственных судах во все времена и во всех государствах признавалась его оперативность. Согласно нормативным

предписаниям и правоприменительной практике третейских судов рассмотрение в них дел осуществлялось в максимально короткие сроки. Это в полной мере соотносилось с содержанием ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на ... разбирательство дела в разумный срок ...». И хотя это относилось, в первую очередь, к деятельности государственных судов, тем не менее и законодательство о третейских судах должно было, как нам представляется, базироваться на тезисе о разумности сроков рассмотрения и разрешения ими дел.

На данное обстоятельство неоднократно обращалось внимание отечественными процессуалистами. Так, еще в начале XX в. В.Н. Седашев одним из основных преимуществ третейского суда справедливо считал скорость рассмотрения им дел. [1] Развивая эту мысль А.П. Вершинин более 20 лет тому назад указывал, что «... предпринимательская деятельность направлена на извлечение прибыли и требует соизмерения временных и материальных затрат с доходами ... для защиты предпринимательских прав нужны простые и скорые меры и процедуры». [2]

Но прошло время ... и все изменилось отнюдь не в лучшую сторону.

Что же в плане оперативности разрешения споров предлагает ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)»? Как, по мнению законодателя, должна «выглядеть» эта оперативность? Следует отметить, что в законе нормативно предусмотрены не ко всем процессуально значимым аспектам третейского разбирательства соответствующие сроки. Тем не менее, постараемся проанализировать имеющиеся нормативные предписания по данному вопросу.

Первое: формирование состава третейского суда

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 11 ФЗ «Об арбитраже» сторонам спорного правоотношения дается месяц на избрание кандидатур арбитров, а также еще 1 месяц на избрание арбитрами председательствующего. Таким образом, формирование состава третейского суда на законном основании может продолжаться 2 месяца. Кроме того, сторона в силу каких-либо обстоятельств может уклониться от избрания арбитра, либо избранные сторонами арбитры не смогут единогласно избрать себе председательствующего. В такой ситуации заинтересованная сторона вправе обратиться в течение месяца в государственный суд с соответствующим заявлением (ч. 5 ст. 427.1 ГПК РФ, ч. 5 ст. 240.1 АПК РФ), который в течение месяца с момента поступления заявления должен его рассмотреть (ч. 1 ст. 427.3 ГПК РФ, ч. 1 ст. 240.3 АПК РФ). Следовательно, только процесс формирования состава третейского суда может затянуться на вполне законных основаниях на 4 месяца.

Но это далеко не все! Согласно ч. 2 ст. 13 ФЗ «Об арбитраже» стороны имеют право заявлять в течение 15 дней после формирования состава третейского суда отводы арбитрам. В случае удовлетворения указанного заявления процедура формирования состава третейского суда начинается сначала, что с неизбежностью повлечет за собой ничем неоправданное увеличение и так больших сроков.

Второе: рассмотрение третейским судом дела по существу

В соответствии с п. 8 ч. 5 ст. 45 ФЗ «Об арбитраже» срок рассмотрения третейским судом дела устанавливается правилами постоянно действующего

арбитражного учреждения.

Аналогичный подход использовался в законодательстве практически на всем протяжении развития третейских судов в нашей стране. Еще А. Вицын в середине XIX в. отмечал, что срок рассмотрения дела третейскими судьями в договорных грамотах русских князей XIV-XVI вв. и позднейшим законодательством никогда не закреплялся. Однако в нормативных актах нередко имелось в виду оперативное рассмотрение дел третейскими судами, так как он создавался именно для «... скорого рѣшенія споровъ». [3]

Казалось бы, именно здесь и должна проявиться оперативность третейского разбирательства. Но увы! При необходимости получения доказательств третейский суд вправе обратиться с запросом о содействии в этом в государственный суд, который обязан рассмотреть подобное заявление в течение 30 дней (ч. 4 ст. 63.1 ГПК РФ, ч. 4 ст. 74.1 АПК РФ) и в 3-хдневный срок направить в третейский суд собранные материалы (ч. 7 ст. 63.1 ГПК РФ, ч. 7 ст. 74.1 АПК РФ).

Кроме того, стороны обладают правомочием на заключение соглашения о проведении процедуры медиации, вследствие чего рассмотрение третейским судом дела может быть отложено на срок до 60 дней (ч. 3 ст. 13 ФЗ «О медиации»).

Третье: самоконтроль третейского суда

В соответствии с ФЗ «Об арбитраже» третейский суд, принявший решение, при определенных обстоятельствах вправе его дополнить, разъяснить или отчасти исправить. Названный институт является унифицированным, вследствие чего единообразно закреплен как в нормах цивилистического процессуального законодательства, так и ФЗ «Об арбитраже».

После окончания рассмотрения дела и принятия третейским судом решения выигравшая сторона ни в коей мере, как это не покажется парадоксальным, не получает возможности на обращение в государственный суд за исполнительным листом. Обусловлено это тем, что в согласно ч. 1 и 4 ст. 37 ФЗ «Об арбитраже» стороны могут инициировать в течение 30 дней [4] после получения решения одну из следующих процедур (или несколько из них): исправления в нем ошибок в подсчетах, описок или опечаток либо иных ошибок аналогичного характера; разъяснения какого-либо пункта или какой-либо части решения; вынесения дополнительного решения. Таким образом, после принятия третейским судом решения оно, как минимум, еще на протяжении 30 дней (плюс времени на получение сторонами текста решения) остается в «подвешенном» состоянии.

Если стороны в этот срок инициируют какую-либо из указанных самоконтрольных процедур, третейский суд: в течение 30 дней должен произвести исправление указанных ошибок; в течение 30 дней дать необходимые разъяснения; в течение 60 дней принять дополнительное решение.

Для справки отметим, что согласно ч. 4 ст. 179 АПК РФ по аналогичным вопросам арбитражный суд выносит определение в 10-тидневный срок со дня поступления соответствующего заявления. Чем объяснить установление законодателем для третейского суда, как минимум, в 3-6 раз большего времени по сравнению с арбитражными судами на реализацию указанных полномочий, остается не объяснимой загадкой. Мы считаем, что ранее действовавший ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», устанавливавший единый 10-

тидневный срок для исправления перечисленных недостатков, был более продуманным и вполне оптимальным.

В общей сложности в соответствии с действующим законодательством суммарная продолжительность, условно говоря, самоконтрольной стадии третейского разбирательства превышает 2-3 месяца. Но и это еще не конец третейского разбирательства. Согласно ч. 5 ст. 37 ФЗ «Об арбитраже» третейский суд в случае необходимости может продлить сроки реализации самоконтрольных полномочий. При этом законодатель обошел вниманием вопрос: что именно может повлечь необходимость увеличения этих сроков, а также – на какой срок третейский суд может продлить 30-60-тидневные сроки? Все это остается на усмотрение самого третейского суда!

Можно было бы вздохнуть с облегчением «добравшись» до этого момента – наконец-то рассмотрение спора в третейском суде завершено. Но подобный вывод окажется преждевременным, так как в согласно ч. 7 ст. 37 ФЗ «Об арбитраже» если третейский суд произвел исправление или разъяснение решения, или вынес дополнительное решение – в отношении вновь постановленных решений снова применяются вышеперечисленные нормы о сроках и порядке осуществления им самоконтрольных полномочий (т.е.: получение решения + подача просьбы + ее рассмотрение + продление срока рассмотрения просьбы). И, если строго следовать букве закона, так может продолжаться до бесконечности!

Если суммировать вышеизложенное, то мы получим следующий срок: формирование состава третейского суда 4 месяца + рассмотрение дела как минимум 1 месяц + 2-3 месяца самоконтроля = 7-8 месяцам рассмотрения третейским судом дела. И это еще без: переизбрания / переназначения арбитров; обращения с запросом о содействии в получении доказательств; обращения к медиатору; повторного самоконтроля третейского суда; злонамеренной волокиты со стороны недобросовестного участника третейского разбирательства; повторности осуществления тех или иных правомочий по инициативе сначала одного участника третейского разбирательства – допустим ответчика, а затем другого – истца.

Не следует забывать и еще об одном крайне важном обстоятельстве – процедурах оспаривания в государственных судах решения третейского суда и получения исполнительного листа на его принудительное исполнение. В результате реальный срок от обращения в постоянно действующее арбитражное учреждение для разрешения спорного правоотношения до получения исполнительного листа на принудительное исполнение постановленного третейским судом решения легко перевалит за 1-1,5 года, что никак не согласуется с одним из основных преимуществ третейского разбирательства – его оперативностью, о которой, судя по всему, стоит забыть на долгие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седашевъ В.Н. Третейскій судъ по земельнымъ дѣламъ / Вопросы межеванія и землеустройства. Книга 8. Москва, 1906.

Шрифт и орфография в цитатах и сносках здесь и далее в соответствии с

первоисточником – авт.

2. Вершинин А.П. Способы защиты гражданских прав в суде. СПб., 1997.

3. Вицын А. Третейский судъ по русскому праву. Историко-догматическое разсужденіе. Москва, 1856.

4. Следует отметить алогичность законодателя при нормативном закреплении сроков в ФЗ «Об арбитраже». В одних случаях (см., например, п. 1 ч. 3 ст. 11, ч. 3 ст. 13, ч. 3 ст. 16 и др.) сроки исчисляются месяцами, в других – сроки, кратные месяцам, по совершенно необъяснимым причинам исчисляются днями (см., например, ч.ч. 1-4 ст. 37, п. 6 ч. 8 ст. 45). При всем желании нам не удалось обнаружить каких-либо объективных предпосылок к использованию различных систем исчисления аналогичных по времени сроков в рамках одного нормативного акта.

Записная Татьяна Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры «Юриспруденция, философия и история»

(Южно-Российский государственный политехнический

университет им. М.И. Платова)

г. Новочеркасск

доцент кафедры медицинского права

(Ростовский государственный медицинский университет

Министерства здравоохранения Российской Федерации)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: ztv061@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИНЯТИЯ СУДАМИ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

К. Карчмер, американский эксперт-экономист отмечает, что отмывание денег представляет собой процесс сокрытия наличности, которая была получена в результате совершения преступления. Данная наличность, впоследствии, конвертируется в иную форму платежа, преследуя цель искажения истинной природы ее получения [1, с. 100].

Согласно Федеральному закону от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, - придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления.

Работа по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, носит сложный характер ввиду постоянного изменения средств и способов, используемых для в рамках данной противозаконной деятельности. В Отчете о взаимной оценке Российской Федерации отмечается, что в России расследования деятельности, связанной с отмыванием денег, частично соответствуют характеру существующих в стране рисков, имеется надежная правовая база, которая в

значительной степени соответствует международным стандартам, но в некоторых сферах имеются недоработки и недостатки [2].

Активные действия Росфинмониторинга и Центрального Банка России привели к значительным результатам в противодействии легализации средств, полученных преступным путем, с использованием банковского сектора. Однако, сразу же на смену вскрытым схемам приходят другие, в том числе, с использованием судебной системы, несовершенства процессуального законодательства, системы принудительного исполнения решений судов, нотариальных надписей. Росфинмониторинг признал, что не может побороть схемы по обналичиванию с использованием судов, судебных приставов и нотариусов. За 10 месяцев 2019 года объем таких сомнительных достиг 5 млрд руб., что почти в 2,5 раза превышает показатели прошлого года.

Министерству юстиции Российской Федерации при участии Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности, Федеральной службы судебных приставов, Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Центрального банка Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации было рекомендовано ускорить подготовку предложений о внесении изменений в законодательство Российской Федерации в части выработки дополнительных мер, направленных на пресечение использования физическими лицами и юридическими лицами исполнительных документов в целях совершения финансовых операций, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма.

Однако, совершенствование правового механизма противодействия легализации средств полученных преступным путем в части использования судебной системы задача достаточно сложная и требующая тщательной проработки каждого положения, предполагаемых законодательных изменений. На протяжении последних лет Росфинмониторинг регулярно проводил совещания с руководителями судов различных звеньев по вопросам противодействия использованию судебной системы для легализации доходов, полученных преступным путем.

Как ответ на злободневность данной проблемы 8 июля 2020 года появился «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям» [3]. Если обратиться к ФЗ № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», то будут очевидным то, что данный закон предназначен для контроля финансовых институтов, его положений явно не хватает, чтобы противостоять незаконной деятельности по отмыванию денежных средств в иных сферах. Этот факт также послужил основанием для принятия Президиумом ВС РФ обзора, касающегося вопросов противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем.

Президиумом ВС РФ отмечает, что арбитражные суды и суды общей юрисдикции вправе по своей инициативе в рамках руководства процессом проверять обстоятельства, касающиеся возможного обращения участников

оборота к судебному порядку разрешения споров в целях легализации доходов, полученных с нарушением законодательства, и учитывать данные обстоятельства при разрешении отдельных процессуальных вопросов (процессуальное правопреемство, изменение порядка и способа исполнения судебного акта и т.п.), при рассмотрении дел по существу. Наличие данного права выводится из одной из задач судопроизводства, а именно из задачи укрепления законности и предупреждение правонарушений.

Осознавая всю значимость работы по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, все же хотелось бы обратить внимание на ряд спорных моментов «Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям».

Президиум ВС РФ подтверждает право судов привлекать к участию в деле Росфинмониторинг, налоговые органы, органы прокуратуры, если обстоятельства дела свидетельствуют о наличии признаков легализации доходов, полученных незаконным путем. Наиболее проблематично реализовать это положение в рамках арбитражного и административного судопроизводства, так как в отличие от гражданского, в них отсутствует возможность привлечения в дело государственных органов с целью дачи заключения по делу. Президиум РФ рекомендует привлекать указанные государственные органы в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, в арбитражном процессе, и в качестве заинтересованных лиц в административном судопроизводстве. Однако стоит заметить, что привлечение государственных органов в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, в случае возникновения у арбитражного суда подозрения использования судебной системы для легализации доходов, полученных преступным путем, не соответствует сути процессуального института третьих лиц. В административном судопроизводстве заинтересованные лица есть, по сути, те же третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, поэтому и проблема та же.

Привлекает к себе внимание и установка отказывать в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа в случае, если обращение в суд с данным заявлением может быть связано с намерением совершения незаконных финансовых операций. Перечень оснований для отказа в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Президиум ВСС РФ поясняет, что в данном случае отказ будет базироваться на основании пункта 3 части 3 статьи 229.4 АПК РФ, часть 3 статьи 125 ГПК РФ, т.е. наличие спора о праве. Далее суд приводит пример такого отказа. Арбитражный суд усмотрел признаки направленности действий заявителя на совершение финансовых операций, обладающих признаками подозрительности, наличие которых согласно пунктам 2 и 11 статьи 7 Закона № 115-ФЗ могло являться препятствием для совершения таких финансовых операций в отсутствие судебного приказа. Далее последовал вывод, о возможном нарушении публичных интересов и, соответственно, невозможности считать предъявленные требования

беспорными. Таким образом арбитражный суд напрямую увязал нарушение публичных интересов с наличием спора о праве.

Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям, содержит достаточно много положений, требующих осмысления в целях дальнейшей работы по совершенствованию процессуального и материального законодательства для предотвращения использования судебной системы в противоправных целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпов А.С. Необходимость совершенствования системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в Российской Федерации. Бизнес в законе. 2012. № 4. С. 99-102.
2. FATF (2019), Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures – Russian Federation, Fourth Round Mutual Evaluation Report, FATF, Paris// <http://fedsfm.ru/preparation-fatf-fourth-round>
3. «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020)// <http://вс.рф>

Исрепилова Лолита Руслановна

аспирант

(Северо-Кавказский федеральный университет)

г. Ставрополь

e-mail: lolita260797@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ФИКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В теории права есть понятие «правовой фикции» как особого приема нормотворчества. Суть ее заключается в том, что определенные юридические последствия закон связывает с заведомо несуществующими фактами и смысл фикции выражается вводными словами «как бы», «как если бы», «допустим».

Правовые фикции известны различным отраслям права, но более всего их в гражданском судопроизводстве. Это связано с детальностью процессуального регулирования правосудия по гражданским делам и отказом от объективной истины в состязательном процессе. При этом процессуально-правовые фикции — это всегда исключение из общих правил производства по делу, без которых нельзя правильно и справедливо рассмотреть, и разрешить гражданское дело.

Так, непреложным требованием является обязательное извещение судом лиц, участвующих в деле, о времени и месте заседания (ст. 167 ГПК РФ). В противном случае решение подлежит безусловной отмене (пп. 2 п. 2 ст. 364 ГПК РФ). Если заинтересованное лицо во время производства по делу сменило место жительства, не известив об этом суд, в таком случае есть достаточные основания полагать, что гражданин уклоняется от суда. И в подобной ситуации возможен и целесообразен один - единственный вариант - выслать судебную повестку по ранее известному адресу, после чего полагать выполненной процессуальную обязанность

извещения гражданина и продолжать рассматривать гражданское дело - по существу.

Данный вариант как правовая норма закреплен в ст. 118 ГПК РФ, которая определяет, что при отсутствии сообщения о перемене своего адреса во время производства по делу повестка посылается по последнему известному суду адресу и считается доставленной, хотя бы адресат по этому адресу более не проживал. Аналогичное правило определено и в ст. 119 ГПК РФ, которая устанавливает, что при неизвестности места пребывания ответчика суд приступает к рассмотрению дела после поступления в суд сведений об этом с последнего известного места жительства ответчика.

Указанные нормы представляют собой правовые фикции. Суд исходит из того, что сторона извещена надлежащим образом, хотя в действительности судебная повестка не дошла до адресата и это известно судье. Налицо очевидное исключение из правила ст. 167 ГПК РФ. И оно объективно необходимо, иначе невозможным будет разбирательство спора о праве.

П. 3 ст. 79 ГПК РФ определяет, что при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым [1].

В указанных случаях фиктивным будет вывод суда о признании стороной сведений, содержащихся в непредставленном средстве доказывания, а также об установлении или опровержении факта, по которому экспертиза не была проведена. Выводы суда с очевидностью не соответствуют реальной действительности, т.к. непредставленное средство доказывания не исследовалось, экспертиза не проводилась, но они необходимы, чтобы преодолеть невыполнение одной из сторон своих процессуальных обязанностей и осуществить правосудие по делу.

Отказ законодателя от использования части данных фикций, носящих доказательственный характер представляется вполне обоснованным.

Так ст. 12 ГПК РФ закрепляет принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон.

Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Рассмотренные фикции абсолютно не соответствуют сущности состязательного процесса, т.к. в случае использования данных фикций суд фактически утрачивает роль арбитра и принимает сторону одного из участников

процесса.

При этом использование рассмотренных фикций противоречит ст. 51 Конституции РФ, которая закрепляет право граждан не свидетельствовать против себя и своих близких родственников.

Так представление суду против своей воли доказательств самим участником процесса, которые свидетельствуют против него и ухудшают его положение как участника процесса, противоречит положениям ст. 51 Конституции РФ, и обход этого права путем применения доказательственных фикций является прямым нарушением ст. 51 Конституции РФ[2].

Представляется, что в этом случае в соответствии со ст. 56 ГПК РФ стороны должны изыскивать другие методы доказывания.

Применение правовых фикций не способствует установлению судом объективной истины по делу. Но они целесообразны в определенной степени, разумны и потому нужны в системе гражданско-процессуальных средств осуществления правосудия.

Все фикции по сути своеобразные нормы, закрепленные в ГПК. Они дополняют обычные процессуальные нормы и предназначены для преодоления негативных последствий процессуальной недисциплинированности лиц, участвующих в деле, представляя собой своеобразные юридические санкции - гражданскую процессуальную ответственность в отношении названных участников судопроизводства, что соответствует положениям ст. 35 ГПК РФ, и отвечает предписанию п. 1 данной статьи, который определяет, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.

В известной степени фикции упрощают производство по делу, обеспечивая учет судом позиции лишь одной спорящей стороны. Вместе с тем применение фикции ставит другую сторону в привилегированное положение.

Так, при применении ст. ст. 118 - 119 ГПК РФ явившееся в суд заинтересованное лицо получает очевидную процессуальную льготу: никто не будет опровергать его доводы, а суд при вынесении решения будет основываться на представленных доказательствах.

Практическое значение процессуальных фикций предопределено их воздействием на судопроизводство. Фикции, установленные ст. ст. 111 - 112 ГПК, служат юридическим основанием для возбуждения заочного производства и постановления заочного решения (ст. 233-244 ГПК РФ).

Как видно из изложенного, законодатель пошел по пути отказа от использования большинства доказательственных фикций в гражданском процессе, оставив только одну доказательственную фикцию, касающуюся предоставления материалов для судебной экспертизы, и одну процессуальную фикцию, касающуюся факта извещения надлежащим образом лиц, участвующих в деле о дне и месте судебного заседания.

Представляется, что данная тенденция правильная, т.к. вынесение решения на основании предположений путем применения доказательственных фикций нарушает принцип состязательности сторон в гражданском процессе, а также ущемляет право граждан не свидетельствовать против себя и своих близких,

закрепленное в ст. 51 Конституции РФ, т.к. применение доказательственных фикций позволяет обойти это право. Ввиду этого автор полагает, что необходимо и исключение доказательственной фикции, предусмотренной п. 3 ст. 79 ГПК РФ, касающейся обхода отказа от предоставления материалов для экспертизы [3].

Таким образом, в целом фикции являются мерами, обеспечивающими процессуальную экономию юридических средств и сил судей, а также лиц, участвующих при отправлении правосудия по гражданским делам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нахова Е. А. К вопросу о роли презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2017. – № 2. – С. 50-54.
2. Жуйков В. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. – 2018. – № 6. – С. 24-29.
3. Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. – М.: Норма. – 2019. – С. 74.

Казарина Тамара Николаевна

кандидат юридических наук, доцент
(Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета правосудия)
г. Краснодар
e-mail: profgivi@mail.ru

Гаврик Павел Викторович

магистрант курса 2/18
(Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета правосудия)
г. Краснодар
e-mail: Paul.gavrik@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Принцип диспозитивности выражается в свободе распоряжения с помощью соответствующих процессуальных средств не только объектом защиты права в суде первой инстанции, но и правом на судебную защиту, в соответствии с формами его реализации, в стадиях проверочных инстанций [1].

Однако, следует заметить, что проявление принципа диспозитивности на стадиях пересмотра судебных актов является специфичным и обусловлено целями и задачами каждой стадии проверочной инстанции.

Наиболее широко, на наш взгляд, принцип диспозитивности проявляется в стадии апелляционного производства. Полагаем, это объясняется тем обстоятельством, что задачей суда апелляционной инстанции является повторное рассмотрение дела в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции. Такая задача не свойственна кассационному и надзорному производствам.

От волеизъявления сторон и других лиц, участвующих в деле, а также прокурора будет зависеть переход (движение) гражданского (арбитражного) процесса в другую его стадию. Этим правом законодатель наделил и лиц, не участвовавших в деле, в отношении которых суд вынес решение, затрагивающее их права и обязанности.

Одним из проявлений принципа диспозитивности (а в данном случае еще и состязательности) является направление лицом, участвующим в деле, отзыва на апелляционную жалобу с приложением документов, подтверждающих возражения относительно жалобы. Данное процессуальное действие демонстрируется арбитражным процессуальным законодательством в виде отдельной нормы - статьи 262 АПК РФ.

ГПК РФ и КАС РФ аналогичное по содержанию правомочие обозначает как «возражения относительно апелляционной жалобы» и включает его в норму содержания более общего характера (ст. 325 ГПК РФ, ст. 302 КАС РФ).

Ярким примером действия принципа диспозитивности является отказ от апелляционных жалобы, представления, который допускается до вынесения судом апелляционного определения.

Так, например, в районных судах, выступающих апелляционной инстанцией, оконченных производством - 183,7 тыс. дел, из которых истец отказался от апелляционной жалобы – 2,1 тыс. дел. [2]

Право на отказ от апелляционной жалобы не следует смешивать с правом на отказ истца от иска по следующим основаниям: во-первых, по субъектному составу; во-вторых, по своему содержанию.

Отказаться от апелляционной жалобы может лицо, подающее ее – это, как было отмечено ранее, может быть любое лицо, как участвующее, так и не участвовавшее в деле.

Отказаться же от иска может только истец (соистец). Истец, отказываясь от иска, демонстрирует отказ от материально-правового требования к ответчику, которое было предметом рассмотрения в суде первой инстанции.

Принцип диспозитивности усилил свое действие в стадии апелляционного пересмотра в связи с появлением статьи 326¹ ГПК РФ. [3]

Так, в суде апелляционной инстанции истец может отказаться от иска; ответчик может признать иск; стороны могут заключить мировое соглашение.

При разрешении вопроса о порядке и последствиях совершения данных действий законодатель отсылает к частям 2 и 3 статьи 173 ГПК РФ. Так, при принятии отказа истца от иска или при утверждении мирового соглашения сторон суд апелляционной инстанции отменяет принятое решение суда и прекращает производство по делу.

В случае признания иска ответчиком и принятия его судом апелляционной инстанции принимается решение об удовлетворении заявленных истцом требований.

Судебная статистика свидетельствует, что стороны используют предоставленную им возможность реализовать указанные полномочия. Так, в районных судах в отношении 0,7 тыс. постановлений производство прекращено в

связи с заключением мирового соглашения и в отношении 0,9 тыс. в связи с отказом от иска на стадии апелляционного рассмотрения.

Апелляционной инстанцией областных и приравненных к ним судов из окончанных 82,4 тыс. производств в отношении почти 1,5 тыс. дел производство прекращено в связи с заключением мирового соглашения на стадии апелляционного рассмотрения; по 2,2 тыс. дел истец отказался от иска [4].

На наш взгляд, совершение отмеченных распорядительных действий в суде апелляционной инстанции не отвечает целям и задачам гражданского судопроизводства в целом и апелляционной инстанции, в частности [5].

Так, одной из задач гражданского судопроизводства является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, которая непосредственно разрешается в суде первой инстанции. При логическом завершении процесса суд принимает решение о защите нарушенного или оспоренного права, или об отказе в таковой.

Задачей суда апелляционной инстанции является пересмотр не вступившего в законную силу судебного акта с целью проверки его законности и обоснованности.

Является очевидным, что цели и задачи отмеченных стадий различны [5].

Полагаем, что предоставленная законом возможность совершения сторонами распорядительных действий в суде апелляционной инстанции, нивелирует всю правосудную деятельность суда первой инстанции, в том числе и сам акт правосудия.

Истец, ответчик и стороны, обоюдно, должны строго подчиняться гражданской процессуальной форме и четко определиться в своем «процессуальном поведении» до удаления суда в совещательную комнату. [5]

В связи с этим, полагаем, что в плане возможности совершения сторонами распорядительных действий в суде апелляционной инстанции, как-то: отказ истца от иска, признание иска ответчиком, заключение сторонами мирового соглашения, принцип диспозитивности действует необоснованно широко.

Аналогичные возможности в административном судопроизводстве предоставляет статья 304 КАС РФ. Полагаем, что совершение распорядительных действий в административном судопроизводстве в суде апелляционной инстанции является более нелогичным, чем в гражданском процессе, поскольку, если рассматривать данные действия в соотношении с пределами рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции, то следует отметить, что суд в административном судопроизводстве имеет большие полномочия, не связан основаниями и доводами апелляционной жалобы и возражений и рассматривает дело в полном объеме, что ограничивает принцип диспозитивности.

Следует отметить, для сравнения, что АПК РФ свободен от аналогичной нормы и не регламентирует возможность совершения распорядительных действий истца, ответчика и сторон по поводу защиты своих материальных прав.

Данное правовое регулирование видится более приемлемым. Полагаем, что ограничение действия принципа диспозитивности в арбитражном процессе в данном виде является логичным и отвечает задачам судопроизводства в арбитражном суде.

Принцип диспозитивности воздействует на пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции (ст. 327¹ ГПК РФ, ст. 268 АПК РФ, ст. 308 КАС РФ).

Суд апелляционной инстанции рассматривает дело в пределах доводов, изложенных в апелляционных жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы, представления.

Суд апелляционной инстанции в интересах законности вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объеме.

Вне зависимости от доводов, содержащихся в апелляционных жалобе, представлении, суд апелляционной инстанции проверяет, не нарушены ли судом первой инстанции нормы процессуального права, являющиеся в соответствии с частью 4 статьи 330 ГПК РФ основаниями для отмены решения суда первой инстанции.

В приведенных законодательных положениях мы видим взаимосвязь и взаимозависимость принципов диспозитивности и законности, что, на наш взгляд, создает баланс в гражданских процессуальных правоотношениях и не допускает нарушения прав его субъектов. В положениях, в которых суд связан пределами доводов жалобы и возражений, и в которых присутствует запрет на рассмотрение новых требований, превалирует принцип диспозитивности. А в положениях, где суд вправе выйти за пределы в интересах законности, а также, когда обязан выйти, в случае выявления, оснований, перечисленных в части 4 статьи 330 ГПК РФ ключевая роль отводится принципу законности.

Таким образом, подводя итог, можно сформулировать следующий вывод: в суде апелляционной инстанции принцип диспозитивности проявляется достаточно широко, наделяя сторон правом на совершение распорядительных правомочий. В то же время принцип диспозитивности взаимосвязан и взаимодействует с принципом законности, создавая при этом баланс в гражданских процессуальных правоотношениях между судом – органом правосудия – и лицами, участвующими в деле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М. Волтерс Клувер. 2008. С. 144.

2.Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // СПС Консультант Плюс.

3.Федеральный закон «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 9 декабря 2010 г. //Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 50. - Ст.6611.

4.Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году //СПС Консультант Плюс.

5. Казарина Т.Н. Проблемы реализации сторонами распорядительных полномочий в суде апелляционной инстанции //Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Саратов, 16 сентября 2017 г.). Саратов. 2017. С. 163-164.

Князькин Сергей Игоревич
кандидат юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия)
г. Москва
e-mail: knyazkin-sergei@mail.ru

НАДЛЕЖАЩЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА КАК КРИТЕРИЙ ПРАВОСУДНОСТИ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Проблема определения критериев правосудности судебных актов в цивилистическом процессе и их понимания согласно конституционному праву на судебную защиту продолжает оставаться чрезвычайно актуальной, несмотря на внешнюю решённость этой проблемы на доктринальном и практическом уровнях.

Законность и обоснованность – два основных требования к судебным актам, предъявляемые доктриной [1, 2, 3, 4, 5, 6] и судебной практикой. Определяющее влияние на понимание требований к судебным актам оказывает доминирующий тип правопонимания. Отечественная сфера правотворчества и правоприменения многие десятилетия, испытывает влияние позитивного понимания права, конкурирующего с естественно-правовым подходом к праву. В части обоснованности судебных актов противоречия менее очевидны. В то же время, законность судебных постановлений понимается представителями каждой из школ по-разному.

Следует обратить внимание на такие компоненты законности судебных постановлений как применение судом надлежащих норм права и их надлежащее толкование. Применение надлежащих норм права в современной судебной практике сводится к отысканию судом нормативного правового акта, чаще всего, закона или подзаконного акта, соответствующего спорному правоотношению и установлению логической связи между самим нормативным актом и спором. Подобный подход применяется в отношении норм и материального, и процессуального права. В качестве ключевого аспекта, влияющего на судебную защиту права, выступает факт фиксации этого права в законе или подзаконном акте. Отсутствие такого закрепления в отношении материального права влечёт отказ суда в удовлетворении исковых требований, а отсутствие аналогичного закрепления в положениях процессуального закона влечёт невозможность реализации стороной своих процессуальных прав, которые стороне видятся естественными.

Например, процессуальный закон не позволяет иностранному гражданину, не проживающему в России, и не зарегистрировавшему своё место жительства в России, обратиться в суд с заявлением об установлении юридически значимого факта рождения на территории России или РСФСР, поскольку заявление об установлении юридического факта подаётся лицом в районный суд по своему месту жительства. Подобная ситуация часто возникает, когда иностранный гражданин желает принять гражданство России в упрощённом порядке по так называемому праву почвы. Можно привести огромное количество аналогичных примеров в материальном праве.

Решение проблемы отсутствия права в нормативных правовых актах, применяемых судом, может быть решено частным и общим способами. Частным способом, реализуемым даже в рамках позитивного понимания права, является непосредственное применение судом при разрешении спора иных форм права, включая, Конституцию Российской Федерации [7] и Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Верховный Суд Российской Федерации в постановлениях Пленума 1995, 2003 и 2013 годов разъяснил судам необходимость именно такого подхода. В таком понимании надлежащее применение судом норм права будет означать восхождение суда в иерархии форм права к актам высшей юридической силы, закрепляющим права, о судебной защите которых было заявлено истцом. То есть суд осуществляет поиск форм права, которые закрепляют нарушенное право, не ограничиваясь законами и подзаконными актами. Но такой способ – лишь частичное решение проблемы.

Общий способ решения проблемы узкого понимания правильности применения судом норм права состоит в принципиально ином алгоритме дачи ответа на вопрос о необходимости судебной защиты права. При принятии иска к производству и подготовке дела к слушанию суд для начала должен дать ответ на вопрос не о том, на каких положениях законодательства и подзаконных актов основываются требования истца, а о том, имело ли место нарушение права, о защите которого просит истец. В первом случае речь идёт о верховенстве закона, которое как критерий конституционного права на судебную защиту не способствует полноценной реализации этого права. Во втором случае речь идёт именно о верховенстве права, о необходимости достижения которого многократно упоминал Европейский Суд по правам человека. Если нарушение права судом установлено, то следующим шагом будет отыскание тех форм права, как национальных, так и международных, которые способствуют его судебной защите и их применению. Закрепление не всех, а лишь основных прав и свобод в актах высшей юридической силы, не должно препятствовать суду в их непосредственном применении и разрешении спора по существу. В этом случае от суда требуется толкование Конституции и Европейской Конвенции применительно к заявленному спору, в том числе, с учётом правовых позиций, выработанных в результате толкования Конституции и Конвенции Конституционным Судом Российской Федерации и Европейским Судом по правам человека соответственно.

Проблема надлежащего толкования норм права как критерий правосудности судебных постановлений определяется не только толкованием более высоких в иерархии форм права, но и качественным подходом к самому судебному толкованию. Он состоит не в банальном наложении отысканных судом положений законодательства на спорное правоотношение. В судебной практике чаще всего оно объективно проявляется в цитировании применяемого положения закона или подзаконного акта и кратком выводе суда, содержащем попытку установить связь с фактическими обстоятельствами спора и заявленными требованиями.

Но буквального толкования недостаточно для адекватной судебной защиты нарушенного права. Буквальное толкование закона в качестве конечной цели в лучшем случае рассматривает раскрытие того смысла закона, который ему придавал законодатель при его принятии. Проблема состоит в том, что, во-первых,

законодатель в силу естественного опережающего развития общественных отношений не могут предусмотреть все ситуации, которые могут возникнуть в практике применения этого закона. Во-вторых, даже правильно понятые судом цели законодательного регулирования могут идти вразрез с объективными потребностями граждан и организаций в защите и восстановлении нарушенного права. Суд не может пониматься как ретранслятор слов закона [8]. Поэтому требуется толкование закона, которое раскрывает его смысл применительно к заявленному спору. Одним из объективных отражений такого подхода в судебном решении будет развёрнутая мотивировочная часть, содержащая судебную оценку каждого из обстоятельств дела, доказательств, каждого из доводов сторон и выводы суда, по которым было невозможно применить одни нормы права, и целесообразно применить другие положения нормативных правовых актов или других нормативных правовых актов.

Толкование норм права через раскрытие их смысла позволит решить указанную выше проблему незакреплённости права в нормативных актах, о защите которого просит истец.

Для проверочных судебных инстанций, включая суды первой и второй кассационных инстанций это означает неизбежное и необходимое вмешательство в вопросы судебной оценки вопросов факта, выражение согласия с данной предшествующими инстанциями оценкой. В этой связи иное понимание будет придано проверке законности судебных постановлений, под которой, в том числе, будет пониматься применение тех норм права, которые способствуют эффективной судебной защите прав и принятию справедливого судебного решения, учитывающего индивидуальные обстоятельства каждого конкретного спора. Надлежащий характер норм права не должен определяться исключительно их отраслевой принадлежностью к какой-либо группе общественных отношений. Надлежащим следует придавать такое толкование применимых форм права, которое раскрывает их смысл, учитывающий заявленные спорные правоотношения, пусть даже эти нормы будут обладать общим характером.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдюков М. Г. Судебное решение. М., 1959.
2. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966.
3. Лебедь К. А. Решение арбитражного суда. М., 2005.
4. Чечина Н. А. Норма права и судебное решение // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004.
5. Хахалева Е. В. Обоснованность решения суда общей юрисдикции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
6. Щеглов В. Н. Законность и обоснованность судебного решения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1955.
7. Ершов В. В. Теоретические и практические проблемы прямого применения Конституции Российской Федерации // Российское правосудие. 2007, № 7 (15). С. 12-24.
8. Монтескье Ш. Л. О духе законов. СПб., 1900. С. 160.

Моисеев Сергей Владимирович
кандидат юридических наук, доцент
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)
г. Москва
e-mail: legist@bk.ru

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ НА СТОРОНЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ, НЕ ЗАЯВЛЯЮЩИХ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДМЕТА СПОРА: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В абз. 4 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 [1] по делам о сносе самовольной постройки в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, на стороне ответчика судам предписано привлекать лиц, чьи права обременен спорный объект, поскольку судебный акт может повлиять на их права.

Невыполнение данных разъяснений и непривлечение, например, залогодержателей или арендаторов, является на практике основанием для отмены судебных актов на основании п. 4 ч. 4 ст. 270, п. 4 ч. 4 ст. 288 АПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 330, п. 4 ч. 4 ст. 379.7 ГПК РФ [2].

Принимая во внимание, что спорным может быть довольно крупный объект, число таких третьих лиц рискует оказаться весьма значительным, как, например, в деле № А40-159778/2009 Арбитражного суда города Москвы, где число арендаторов спорного объекта превысило полсотни [3], или деле № 2-1477/2016 Минераловодского районного суда Ставропольского края, где число пострадавших от самовольной постройки превысило тридцать [4].

Не исключена и обратная ситуация в случае предъявления собственником помещения в многоквартирном жилом доме иска о сносе самовольной пристройки или о приведении в прежний вид самовольно реконструированной части жилого дома, когда на стороне истца в качестве третьих лиц могут вступить или быть привлечены десятки, а то и сотни других собственников помещений в этом доме.

При оспаривании решений общих собраний собственников недвижимости число третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, также может исчисляться десятками, а то и сотнями. Не исключена подобная множественность и при оспаривании решений общих собраний корпораций, поскольку лицам, возражающим против предъявленного иска и/или голосовавшим за оспариваемое решение, Верховным Судом прямо предлагается вступить в дело в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, на стороне ответчика [5].

Аналогичное предложение закреплено в ч. 2 ст. 225.10-2 АПК РФ, ч. 2 ст. 244.23 ГПК РФ для лиц, не согласных с предъявленным требованием о защите прав и законных интересов группы лиц.

Данные разъяснения на практике приводят к многократному и не всегда оправданному увеличению участников судопроизводства по конкретному делу, к постоянному изменению их состава и, как следствие, к бесконечному привлечению

судом все новых и новых третьих лиц или замене их правопреемниками, к росту нагрузки на суд и его аппарат из-за необходимости извещения каждого из таких третьих лиц, направления в их адрес копии определения суда или судебной повестки, копии судебного акта, к увеличению судебных расходов для истца и ответчика, поскольку каждому из таких третьих лиц необходимо направлять или вручать копии процессуальных документов и письменных доказательств и т.д.

Применительно к множественности субъектов на истцовой или ответной стороне процессуальные кодексы устанавливают четкие основания процессуального соучастия (ч. 2 ст. 46 АПК РФ, ч. 2 ст. 40 ГПК РФ), поскольку любая множественность лиц усложняет процесс, вынуждая суд разбираться в хитросплетениях правоотношений не одного истца и одного ответчика, а гораздо большего их круга. При этом требования или возражения соучастников не исключают друг друга, что предопределяет появление у соучастников специального права – поручения ведения дела одному из них (ч. 3 ст. 46 АПК РФ, ч. 3 ст. 40 ГПК РФ).

В отношении третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, подобные основания для вступления или привлечения к участию в деле в законе отсутствуют, равно как нет и норм, хоть как-то регламентирующих участие в деле множества третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, норм, определяющих отличие участия множества третьих лиц от обычного, единичного их участия. Законодатель оперирует менее определенной категорией «если решение суда может повлиять на права и обязанности лица по отношению к одной из сторон», что неудивительно, потому как предусмотреть и перечислить в законе все возможные случаи такого влияния невозможно.

Отсюда в потенции допустимо участие в качестве не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора третьих лиц субъектов, основания участия которых и влияние решения на права и обязанности которых может быть весьма разноплановым, чем может быть обусловлено не только различие в составе и правовом положении субъектов, но и их диаметрально различное отношение к рассматриваемому спору, могущее поставить их в разряд не «пособников», а, скорее, «вредителей» той стороны, на которой они участвуют.

Данное обстоятельство не исключает возникновение противоречия позиций как между самими третьими лицами, так и между третьим лицом и стороной, которой оно призвано помогать, что может затруднить или сделать невозможным их единодушие как в отношении существа рассматриваемого спора, так и в отношении стороны, на которой они участвуют.

На основании ч. 2 ст. 51 АПК РФ, ч. 1 ст. 43 ГПК РФ третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, пользуются всеми правами и обязанностями стороны.

Допускаемая ч. 5 ст. 3 АПК РФ и ч. 4 ст. 1 ГПК РФ аналогия закона, думается, не ставит под сомнение возможность поручения участвующими на одной стороне третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора, ведения дела одному из них.

Относительно новым для отечественной процессуальной реальности является институт группового производства, подразумевающий обращение гражданина или организации в суд в защиту прав и интересов группы лиц (ст. 225.10 АПК РФ, ст. 244.20 ГПК РФ), именуемых в доктрине в случае принадлежности их к членам группы истцом-представителем [6]. Именно данное лицо наделяется правами и обязанностями истца, на него возлагается обязанность представления в суде интересов всей группы, уплаты судебных расходов, что исключает обозначенные выше сложности в работе суда.

В отечественном правопорядке можно обнаружить и другие примеры законодательного определения лиц, полномочных действовать в суде от имени некоторого множества субъектов с аналогичными материально-правовыми интересами. Например, п. 9, подп. 6 п. 12 ст. 29.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» наделяет такими полномочиями представителя владельцев облигаций, который, бывает, привлекается к участию в деле и в качестве третьего лица [7].

Подобных норм в отношении третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, процессуальные кодексы не содержат, хотя в случае большой множественности субъектов на стороне третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, как видно из приведенных выше примеров, особенно в делах об оспаривании решений собраний корпораций, о защите прав и интересов группы лиц, назначение или избрание лица, полномочного представлять их интересы, было бы весьма оправданным и значительно упростило бы работу судов, связанную с извещением большого числа таких лиц, заслушиванием их объяснений, исследованием доказательств, проведением судебного заседания и т.д.

По этой причине, думается, одной из задач современной процессуальной науки является разработка таких конструкций, которые обеспечивали бы участие в деле больших групп третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, и в то же время способствовали бы достижению цели цивилистического судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6 (с последующими изменениями).

2. См., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05 декабря 2014 г. по делу № А41-11016/2014; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 июня 2015 г. по делу № А56-41162/2014; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05 августа 2020 г. по делу № А12-32024/2018; постановление Президиума Брянского областного суда от 23 декабря 2015 г. № 44Г-60/2015; постановление Президиума Краснодарского краевого суда от 28 августа 2019 г. по делу № 44Г-519/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Архив Арбитражного суда города Москвы.

4. URL: https://mineralovodsky-stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=137809790&case_uid=23b433b3-6692-4323-963f-6cd4297fc6bd&delo_id=1540005&new=
(дата обращения – 04 ноября 2020 г.)

5. Абзац 7 п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015 г. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

6. См., например: Аболонин Г.О. Групповые иски. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 160; Долганичев В.В. Возбуждение группового производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 9. С. 18-23 // СПС «КонсультантПлюс».

7. См., например: решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 05 апреля 2016 г. по делу № А75-14813/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Олейник Сергей Александрович

кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданского права и процесса
(Международный юридический институт)
e-mail: oleynik.s.a@mail.ru

Олейник Екатерина Петровна

преподаватель кафедры гражданского права и процесса (Международный
юридический институт)
e-mail: lavkat-27@mail.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Построение правового государства является одним из приоритетов современного российского социума, которому уделяется внимание как со стороны высших органов государственной власти, так и представителями общества [6]. При этом, вопросы обеспечения защиты прав от незаконных действий со стороны органов государственной власти, так и органов местного самоуправления были и, к сожалению, продолжают оставаться актуальными.

Такое положение вещей обуславливается особенностями складывающихся общественных отношений, в которых одна сторона (государство) наделена существенными властными полномочиями, а другая сторона (личность, общество), не являются центром принятия решений, что порождало и будет порождать ряд противоречий, при этом разрешение вопроса несомненно будет происходить в большинстве случаев в интересах властного визави.

В 2015 году, с принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [2] (далее – Кодекс), одним из наиболее заметных способов судебной защиты нарушенных органами публичной власти прав и законных

интересов гражданина или юридического лица стало административное судопроизводство.

В контексте рассмотрения феномена взаимоотношений власти и общества, личности, с учетом необходимости соблюдения публичных и частных интересов и продолжающейся научной дискуссии по данной проблематике [3], представляется, что наиболее существенной причиной появления нового кодекса является недостаточно эффективная организация правовой регламентации процедуры обжалования неправомερных правовых актов, властных указаний и решений, действий (бездействия) представителей властных структур.

Принятие Кодекса привело к тому, что в настоящее время организации, граждане и общественные объединения могут обжаловать неправомερные действия лишь по правилам выше названного законодательного акта [2].

Но вместе с тем, введение в действие Кодекса стало детерминантой для проявления ряда вопросов, которые непосредственно связаны с реализацией данного закона в практической плоскости.

Одним из наиболее заметных, спорных и значимых вопросов является так называемый институт представительства в административном судопроизводстве.

В качестве обоснования актуальности как непосредственно рассматриваемого института в современном юридическом дискурсе (а особое значение он приобретает и непосредственно для тех лиц, чьи интересы отстаивают представители в судебном процессе), так и институциональных основ его функционирования и взаимосвязи с другими правовыми институтами.

Приведем лишь один, но получивший достаточно большой общественный резонанс, пример – дело актера М. Ефремова и его защитника Э. Пашаева [7].

В предлагаемом к рассмотрению формате полагаем необходимым вернуться к исследованию одного из элементов института судебного представительства – представительства в административном судопроизводстве.

В данной связи, полагали бы возможным согласиться с мнением Е.В. Карпеевой, что представительство в административном судопроизводстве на сегодняшний день представляет собой самостоятельный, обособленный вид судебного представительства. И этот вид обладает специфическими, присущими именно ему признаками, назначением, обособленностью нормативной регламентации и системы субъектов представительства [4].

При этом, закрепленное в основном законе нашей страны (ст. 45) право каждого индивида на защиту своих прав и свобод всеми доступными способами (которые естественно не должны нарушать нормы закона), в контексте принятого пять лет назад Кодекса, вступает в определенной степени в противоречие и диссонанс, – с принятием КАС РФ [2] уже не каждый гражданин может быть допущен в качестве представителя к участию в административном судопроизводстве.

И в этом ключе представляется спорным вывод исследователя о том, что соответствующие основания участия в судопроизводстве могут быть установлены федеральными конституционными законами и федеральными законами, поскольку Конституция РФ [1] прямо закрепила право на защиту и ухудшение положения индивида, по общему правилу не может быть признано законным.

Более того, в обоснование своей позиции хотели бы заметить, что не всегда в качестве представителя в административный процесс, согласно формальной логики, следовало бы привлекать специалиста юридического профиля, несмотря на прямое указание, содержащееся в соответствующей норме закона.

Например – в качестве судебного представителя могли бы привлекаться специалисты, обладающие особыми, специфическими знаниями, навыками и опытом, в частности специалисты из других областей знаний (инженеры, строители, врачи, и другие – имеющие соответствующий уровень знаний о предмете спора).

При этом, складывающаяся судебная практика свидетельствует об отказе судебных инстанций в участии в процессе представителей по формальным признакам, однако имеется здесь и логическое противоречие с позицией, которой придерживается Верховный Суд Российской Федерации, по мнению которого, в силу норм Кодекса от лица представителей власти вправе выступать в суде руководители этих организаций (даже при отсутствии у них высшего юридического образования) [5].

При этом, привлечение указанной категории лиц в процесс в качестве экспертов, специалистов, лишь в какой-то мере и отчасти оправдано, поскольку анализ прав судебного представителя и иных лиц, участвующих в административном деле, позволяет сделать вывод, что первый имеет более широкий спектр выбора для волеизъявления. Одновременно же с ним, исходя из буквы закона, права участника процесса, представленного властной стороной, несомненно шире, чем права обжалующего его решение.

Таким образом, не обладая широким спектром полномочий судебного представительства, лицо, обладающее более глубокими познаниями в соответствующей области, потенциально способно было бы оказать большую пользу своему доверителю (при условии его допуска в процесс в качестве представителя). В данной связи актуальность изучения судебного представительства в административном процессе продолжает оставаться на научной повестке дня и является открытой для широкой дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном референдуме 12.12.1993 г. (в действ. ред.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в действ. ред.) // Российская газета от 11 марта 2015 г. № 49.
3. Бит-Шабо И.В. Публично-правовая и частно-правовая природа института государственно-частного (муниципально-частного) партнерства // Безопасность бизнеса. 2020. № 4. С. 3-7.
4. Януш Е.В. Представительство в административном судопроизводстве Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. С. 54-61.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 "О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного

судопроизводства Российской Федерации" (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 17) // Российской газете" от 3 октября 2016 г. № 222.

6. Стенограмма выступления Президента Российской Федерации Путина В.В. // Интернет ресурс. Дата обращения 01.10.2020. Код обращения: <https://tass.ru/politika/9529685>

7. Адвоката Эльмана Пашаева лишили статуса адвоката на один год // Официальный сайт Российской газеты. Дата обращения: 01.10.2020. Код обращения: <https://rg.ru/2020/09/20/reg-skfo/advokata-elmana-pashaeva-lishili-statusa-advokata-na-odin-god.html>

Ротко Светлана Владимировна
кандидат юридических наук, доцент
(Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: rotko_sv@bk.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТОРА СУБЪЕКТОМ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

В настоящее время в эпоху повсеместной цифровизации положение п. 6 Преамбулы Регламента (ЕС) 2016/679 Европейского Парламента и Совета ЕС от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (далее - Регламента об общей защите данных), обращающее внимание на появление новых проблем, связанных с защитой персональных данных ввиду увеличения масштаба сбора и обмена персональными данными, выражает остроту проблематики инструментов по защите персональных данных.

В Директиве (ЕС) 2016/680 Европейского Парламента и Совета ЕС от 27 апреля 2016 года предусматривается необходимость установления ответственности и обязательства контролера в отношении любой обработки персональных данных, осуществляемой контролером или от его имени. Риски для прав и свобод физических лиц, разной степени вероятности и серьезности, могут возникать в результате обработки персональных данных, которая может привести к физическому, материальному или нематериальному ущербу.

Статьей 17 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ «О персональных данных») декларируется право субъекта персональных данных обжаловать действия или бездействие оператора как в уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных, так и судебном порядке.

В нашей стране Роскомнадзор фактически выступает таким «надзорным органом», так как является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соответствием обработки

персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных.

Тем самым указанное положение ФЗ «О персональных данных является соответствующим как требованиям ст. 33, 46 Конституции РФ, провозгласивших гарантии права на обращения в государственные органы и судебной защиты прав и свобод каждого, так и нормам европейского права, закрепившим правило о том, что каждый человек имеет право на защиту относящихся к нему персональных данных, что прямо предусмотрено статьей 8(1) Хартии Европейского Союза об основных правах и статьей 16(1) Договора о функционировании Европейского Союза (TFEU). Реализация данного гарантированно права человека осуществляется в том числе в рамках Регламента об общей защите данных и Директивы (ЕС) 2016/680 Европейского Парламента и Совета ЕС от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных компетентными органами в целях предотвращения, расследования, выявления или уголовного преследования преступлений или исполнения уголовных наказаний, о свободном обращении таких данных.

Защита субъективных прав в рамках действующего законодательства может осуществляться посредством самозащиты; административной защиты; а также судебной (процессуальной) защиты.

«Право на защиту» является сопутствующим любому субъективному праву человека. Конституция РФ провозглашает право каждого человека защищать принадлежащие ему субъективные гражданские права. В данном случае верными представляются выводы А.И. Базилевича о том, что право на защиту является самостоятельным субъективным гражданским правом, установленным Конституцией РФ, ГК РФ, иными федеральными законами, и международно-правовыми актами, и существует объективно, т.е. независимо от того, нуждается в нем носитель этого права в данный конкретный момент или нет, а защита субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется посредством применения всей совокупности элементов защиты в установленном законом порядке, то есть посредством применения надлежащей формы, средств и способов защиты [1].

В.М. Жуйков в своем диссертационном исследовании дал характеристику права на судебную защиту как не подлежащего ограничениям конституционного право каждого заинтересованного лица на беспрепятственное обращение за защитой своих прав, свобод или охраняемых законом интересов на рассмотрение его дела в разумный срок беспристрастным и независимым судом, а также и на исполнение судебного акта [2].

Между тем весьма правильная оговорка содержится в п. 4 Преамбулы Регламента об общей защите данных, предусматривающая необходимость рассмотрения права на судебную защиту с иными субъективными гражданскими правами. Так право на защиту персональных данных не является абсолютным правом; его необходимо рассматривать относительно его функции в обществе, оно должно быть уравнено с другими основными правами в соответствии с принципом пропорциональности. Регламент соблюдает все основные права, свободы и принципы, признанные в Хартии и закрепленные в Договорах, в частности,

уважение частной и семейной жизни, жилища и переписки, защиту персональных данных, свободу мысли, совести и вероисповедания, свободу выражения мнения и распространения информации, право ведения хозяйственной деятельности, право на эффективное средство правовой защиты и на справедливое судебное разбирательство, культурное, религиозное и языковое разнообразие.

Уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных является Роскомнадзор.

В соответствии со статьей 51 Регламента об общей защите данных каждое государство-член ЕС должно предусмотреть один или несколько независимых органов государственной власти, ответственных за мониторинг применения настоящего Регламента, для защиты основных прав и свобод физических лиц при обработке данных и для содействия свободному движению персональных данных в Союзе («надзорный орган»).

Важно учитывать, что сбор, обработка, передача, распространение персональных данных возможны только с согласия субъекта персональных данных, при этом согласие должно быть конкретным. Под персональными данными понимается любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу.

Субъект персональных данных должен воспользоваться правом на обжалование действий оператора только в случае если обработка персональных данных действительно нарушает его права.

Аналогичные правила закреплены и в п. 142 Преамбулы Регламента об общей защите данных, постановляющем, что только в случае если субъект данных считает, что его права нарушены, то вправе передать некоммерческому органу, организации или объединению право подавать в надзорный орган жалобу от его имени, осуществлять права на судебную защиту от имени субъектов данных или в случаях, предусмотренных законодательством государства-члена ЕС, осуществлять право на получение компенсации от его имени субъектов данных.

Отметим, что на практике реализация декларируемого права обжалования действий или бездействия оператора приводит к безосновательному заявлению субъектом персональных данных требований. Зачастую такие споры возникают в рамках трудовых правоотношений (см, например, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2020 по делу № 88-16257/2020, Апелляционное определение Московского городского суда от 26 августа 2019 года по делу № 33-38193/2019).

Согласно итогам работы Роскомнадзора за 2019 год отмечается, что наблюдается резкий рост активности граждан в части реализации ими законодательно закрепленных прав в сфере защиты персональных данных.[3]

В 2019 году доля поступивших обращений граждан, содержащих жалобы в сфере защиты персональных данных, в общем объеме обращений занимает первое место (35%) (52 375 обращений), однако впервые с момента реализации Роскомнадзором функций регулятора в сфере защиты персональных данных, годовое количество поданных жалоб в сфере защиты персональных данных превысило количество поданных жалоб в сфере связи (24%). Подавляющее количество жалоб касалось защиты персональных данных в связи с их

размещением в сети Интернет, организацией деятельности банков и передача персональных данных граждан коллекторским агентствам.

При подаче жалобы (искового заявления в суд) на осуществление оператором обработки персональных данных с нарушением установленных требований заявитель (истец) должен приложить документы, подтверждающие нарушение установленных требований, а также документы, подтверждающие нарушение его прав и законных интересов. При непредставлении указанных документов заявителю (истцу) в удовлетворении его требований будет отказано.

Тем самым субъект персональных данных в соответствии с действующим законодательством правомочен сам определять способ защиты своего права (административный или же судебный порядок). По нашему мнению, лучше использовать административный ресурс, поскольку Роскомнадзор является специализирующимся на данных делах органе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базилевич А.В. защиты субъективных гражданских прав: автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Казан. гос. ун-т. Ульяновск, 2001. 29 с.
2. Жуйков В.М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту: Дис. ... доктора юрид. наук. М., 1997. С. 4, 5.
3. Отчет об итогах работы с обращениями граждан в Роскомнадзоре в 2019 году / Обращения граждан и юридических лиц // Официальный сайт Роскомнадзора // URL: <https://rkn.gov.ru/treatments/p436/> (дата обращения: 13.10.2020).

Сараев Николай Вячеславович

кандидат юридических наук
доцент кафедры «Процессуальное право»
(Донской государственной технической университет)
доцент кафедры теории и истории права и государства
(Ростовский филиал Ростовского государственного
университета правосудия)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: snv_571978@mail.ru

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Принципы – основа любой отрасли права, в том числе и гражданского процесса. Являясь «каркасом» отрасли, они определяют содержание других её норм, в соответствии с принципами должно происходить развитие отраслевых норм, в соответствии с ними трактуются нормы отрасли, принципы применяются непосредственно, их изучение и понимание – это основа изучения и правильного восприятия права в целом.

Для того, чтобы принципы гражданского процесса эффективно исполняли свои функции в области правоприменения, правотворчества, обучения и воспитания, все они должны быть сформулированы в виде отдельных правовых норм. Указанные правовые нормы должны позиционироваться в источниках

гражданского процессуального права именно как принципы, то есть нормы главные, исторически определённые, наиболее стабильные, определяющие в совокупности содержание других процессуальных норм, раскрывающих особенности содержания принципов, устанавливающих исключения из действия принципов, гарантирующих их исполнение и содействующих их соблюдению [1].

Суд в качестве правоприменителя должен выявлять смысл принципов правосудия по гражданским делам, опираясь на практику Европейского суда по правам человека. Справедливое судопроизводство осуществляется в соответствии с требованиями закона в условиях состязательного процесса, при «равенстве исходных условий», т.е. равной возможности участников спора отстаивать свою позицию перед независимым и беспристрастным судом. Процессуальное равенство сторон, так же как и мотивированность судебных постановлений, является одной из основополагающих процессуальных гарантий справедливости судебного разбирательства и входит в качестве требования в норму ст. 6 Конвенции [2].

Именно поэтому реализация принципа законности обеспечивается целым рядом процессуальных гарантий, к которым относятся, прежде всего, гарантии, составляющие содержание других принципов гражданского процессуального права, например, независимость судей и подчинение их только Конституции РФ и федеральному закону, равенство сторон перед законом и судом, состязательность процесса, равноправие сторон, гласность судебного разбирательства [3].

Следует отметить, что задачами гражданского судопроизводства в соответствии со статьей 2 ГПК являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений; гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду. Однако, из-за отсутствия включения в данную статью слова «справедливое» решение задач гражданского судопроизводства должны регулироваться в конкретных статьях ГПК.

В связи с имплементацией норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в российскую правовую систему (Российская Федерация присоединилась к Конвенции в 1998 г.) указанный международный договор стал составной частью правовой системы нашей страны. Гарантии права на справедливое судебное разбирательство, закрепленные в статье 6 «Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей... на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» таким образом, стали не только внутренним делом России.

Это право реализуется, например, путем применения правового института отвода судьи: порядок, основания и последствия применения таких заявленных отводов, регламентированы в соответствующих статьях главы 2 ГПК. Однако, как может осуществляться правосудие беспристрастным судом, если в соответствии с

пунктом 2 статьи 20 ГПК «вопрос об отводе, заявленном судьей, рассматривающему дело единолично, разрешается тем же судьей». Если отводы, заявлены несколькими судьям или всему составу суда, то согласно этому же формализованному правилу данный вопрос об отводах «разрешается этим же судом в полном составе простым большинством голосов».

При этом одним из оснований для отвода судьи, перечисленное в статье 16 ГПК, является, если судья «лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности». Это основание является трудно доказуемым и следовательно реально осуществимым в процессе судебного разбирательства.

В соответствии с п. 2 ст. 156 ГПК председательствующий руководит судебным заседанием, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств и обстоятельств дела, устраняет из судебного разбирательства все, что не имеет отношения к рассматриваемому делу. В случае возражений кого-либо из участников процесса относительно действий председательствующего эти возражения заносятся в протокол судебного заседания. Председательствующий дает разъяснения относительно своих действий, а при коллегиальном рассмотрении дела разъяснения даются всем составом суда. Однако на практике не обращается внимание на данное правило.

В целях осуществления именно «справедливого» гражданского разбирательства надо учитывать Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

Согласно п. 10 указанного Постановления «Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации. Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод». Вся деятельность суда по рассмотрению конкретного дела находит свое отражение в судебных решениях, которыми заканчиваются рассмотрение дел по существу либо решаются другие вопросы. В качестве обязательных требований к судебному решению в соответствии со ст. 195 ГПК РФ, являются законность и обоснованность [4].

В условиях быстроразвивающихся общественно-экономических отношений, стремительного роста новых технических коммуникаций, в том числе компьютерных технологий, законодателю необходимо принять неотложные меры по усовершенствованию и законодательному закреплению дополнений, направленных на реализацию принципа публичности гражданского процесса.

В противном случае процессуальные нормы не смогут соответствовать современным потребностям, будут тормозить ход общественно-экономического развития и вызывать недоверие к судам со стороны общества.

Сложность решения этой проблемы состоит в недостаточной разработанности теоретических вопросов публичности процесса, различиях во мнениях ученых и практиков по вопросам толкования исследуемого принципа, неподготовленностью судов и судей к практической реализации принципа публичности [5].

Поскольку отечественное судопроизводство осуществляется в постоянно меняющихся внешних условиях, проблема определения принципов права остается одной из основных в науке и должна осмысливаться сообразно темпам развития отраслевого знания. При формулировке понятия принципов гражданского процессуального права необходимо принимать во внимание не только систему уже устоявшихся теоретических взглядов, но и европейские стандарты отправления правосудия. Нормы международного права значительное внимание уделяют основным характеристикам права на судебную защиту, которое традиционно определяется через разветвленную систему мер, дающих возможность его полноценного осуществления, что предполагает эффективность правосудия, соответствующего основным демократическим стандартам. Международным пактом о гражданских и политических правах, Всеобщей декларацией прав человека и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод установлено, что все равны перед законом и судом. Каждый имеет право на справедливое и публичное судебное разбирательство в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона [6].

Следует законодательно закрепить не только функциональные принципы гражданского процесса в виде отдельных норм, но и гарантии их исполнения, главной из которых могла бы быть норма о том, что нарушение принципа гражданского процесса является существенным нарушением процессуального законодательства и, следовательно, основанием к отмене судебных актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронов А.Ф. Эволюция функциональных принципов гражданского процесса: автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 2009.
2. Нурбалаева А.М. К вопросу о справедливости в гражданском процессе [Электронный ресурс]. URL: // <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=3&art=5851> (дата обращения: 25 октября 2020 года).
3. Соотношение законности и справедливости судебных решений [Электронный ресурс]. URL: // <https://yandex.ru/turbo/jurkom74.ru/s/ucheba/sootnoshenie-zakonnosti-i-spravedlivosti-sudebnich-resheniy> (дата обращения: 25 октября 2020 года).
4. Матвеева Т. Принцип справедливости при осуществлении гражданского правосудия в России [Электронный ресурс]. URL: // <https://regnum.ru/news/polit/1438190.html> (дата обращения: 25 октября 2020 года).
5. Фоменко Е.Г. Принцип публичности гражданского процесса: истоки и современность: автореф. дисс... канд. юрид. наук. Томск, 2006.

6. Томина А.П. Понятие принципов гражданского процессуального права: историко-правовой аспект // Вопросы российского и международного права. 2015. № 8-9. С. 66-81.

Смагина Елена Сергеевна
кандидат юридических наук
заведующая кафедрой гражданского процессуального
и трудового права
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: esmagina@yandex.ru

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ И УНИФИЦИРОВАННЫЙ ПОДХОДЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее также - ФЗ № 451) установил для лиц, участвующих в деле, обязанности по раскрытию доказательств, их направлению другим лицам, подтверждению такого направления, указанию в исковом заявлении одного из идентификаторов ответчика, соблюдению досудебного порядка урегулирования спора.

Указанные изменения требуют оценки с точки зрения эффективности применения унифицированного или дифференцированного подхода к установлению вышеназванных обязанностей по отношению к различным участникам судопроизводства.

1. Раскрытие доказательств. Стремление к развитию института раскрытия доказательств, следующее из новелл ФЗ № 451, должно, видимо, предполагать расширение объема и средств раскрытия в направлении, аналогичном представленному англосаксонской моделью [4]. Однако на этом пути стоят препятствия объективного и субъективного характера. Объективно: на суд процессуальным законом возложена обязанность установления действительных обстоятельств дела. В этих условиях установление сколько-нибудь действенной санкции за нераскрытие доказательств (запрет ссылаться на них, признание фактов в интерпретации противоположной стороны, возложение бремени доказывания и др.) сделает затруднительным реализацию полномочий суда, а раскрытие доказательств оставит декларативным. Убедительное тому подтверждение – правовая позиция ВАС РФ, допустившая принятие и исследование арбитражными судами первой инстанции доказательств, не раскрытых до начала судебного заседания [3]. Субъективно, передача процессуальному сопернику доказательств, подрывающих собственную правовую позицию, выглядит для многих совершенно неприемлемо. Это, однако, не означает неприменимости начал сотрудничества, добросовестного взаимодействия в процессе [2], а лишь свидетельствует о необходимости поэтапного внедрения таких основ не только в нормы, но и в сознание участников процесса.

Такое внедрение, как нам представляется, должно базироваться на дифференцированном подходе, учитывающем специфику субъектов, вступающих в материальные и процессуальные правоотношения. Обязанности по отысканию, обозначению и полноценному раскрытию содержания и даже оценки доказательств могут быть возложены на первом этапе на сторону, занимающую в материальных правоотношениях более сильную позицию (публично-правовые образования в лице их органов, а возможно – и организации). В литературе совершенно верно отмечается, что одной из важнейших составляющих принципа солидарности или сотрудничества является помощь «слабой» стороне правоотношения [1].

При предлагаемом подходе будут на практике отрабатываться принципы процессуальной добросовестности, сотрудничества. Наглядно продемонстрировав преимущества полноценного раскрытия доказательств, можно будет планомерно вводить его и для других участников процесса.

2. Направление копий процессуальных документов участникам процесса и приложение к заявлениям, направляемым в суд, доказательств такого направления. Заблаговременное направление копий документов участникам процесса является одним из способов раскрытия доказательств – усеченным и начальным. Вместе с тем, кардинально ФЗ № 451 ситуацию с раскрытием доказательств не меняет. Основные доказательства сторона может удержать, приложив лишь второстепенные. Познакомиться же с материалами дела лицо могло и по ранее действовавшему законодательству. Добавив к этому возможные трудности и злоупотребления, получаем весьма ограниченную меру по доведению процессуальной информации до участников процесса.

Выход видится нам в комплексном регулировании обязанности по раскрытию, включающей направление копий, на первом этапе «сильной» стороной. За этим должно следовать установление реального взаимодействия сторон в ходе подготовки дела под контролем суда и доведение до участников не только наличия, но и содержания всех, а не только приложенных к заявлению доказательств. Весьма удобен и перспективен тут электронный формат общения сторон [5].

3. Указание в исковом заявлении, заявлении о вынесении судебного приказа одного из идентификаторов ответчика. При введении этой новой обязанности законодатель изначально использовал разделяемый нами дифференцированный подход, оттолкнувшись от возможностей отдельных субъектов, хотя, как оказалось, не в достаточной степени. Для публично-правовых образований в лице их органов и юридических лиц указание идентификаторов было обязательно во всех случаях, для граждан указание было обязательно, только, если такие идентификаторы им известны. Вступление соответствующих норм ФЗ № 451 в силу было отложено изначально до 30.03.2020, затем ФЗ от 01.04.2020 г. № 98-ФЗ приостановил их действие до 01.01.2021 в части указания одного из идентификаторов в заявлениях, подаваемых занятыми в сфере ЖКХ юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Препятствия в выяснении информации об индивидуальных номерах ответчиков оказались труднопреодолимыми как для граждан, так и для отдельных организаций, что опять возвращает нас к мысли о необходимости заблаговременного анализа реалий

доступности информации для конкретных лиц и введении обязанностей только для тех, кто действительно способен их исполнять.

4. Соблюдение досудебного порядка урегулирования спора. Указанная обязанность существовала и ранее, но в редакции ФЗ № 451 для гражданского процесса получила новое содержание. Обязанность должна быть исполнена, если досудебный порядок предусмотрен федеральным законом для данной категории споров (ч. 4 ст. 3 ГПК РФ). Снятие необходимости соблюдать досудебный порядок, предусмотренный договором, это очевидное послабление и повышение доступности правосудия, в частности, для граждан. Для сравнения, ч. 5 ст. 4 АПК РФ сохранила требование о соблюдении досудебного порядка, предусмотренного федеральным законом или договором. Хотя, как нам представляется, для большей последовательности и синхронности норм ГПК РФ и АПК РФ, обязанность по соблюдению досудебного порядка, предусмотренного договором, можно было бы и в гражданском процессе сохранить для публично-правовых образований в лице их органов и организаций. Временные и иные затраты на досудебное решение спора вполне перевешиваются возможностью его урегулирования до суда.

Подытоживая, следует признать, что изменения ФЗ № 451 в рассматриваемой области действительно достаточно четко отражают курс на развитие состязательных начал, процессуальной активности участников процесса, принципов добросовестности, сотрудничества. Однако без надлежащего дальнейшего укрепления этих начал на основе дифференциации для отдельных субъектов новые обязанности так и останутся номинальными, в то время как реальное, полноценное их действие для отдельных субъектов вполне могло бы стать пилотным, демонстрирующим явные преимущества соответствующего поведения в процессе, позволило бы закрепиться новеллам для дальнейшего их распространения на иных лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ем В.С., Яценко Т.С. Функциональное назначение и сфера применения принципа солидарности в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2018. № 6.

2. О сущности и значении принципов добросовестности, сотрудничества, солидарности см.: Ситдинов З.Б. Некоторые особенности судебной практики, связанной с реализацией принципа добросовестности в Гражданском кодексе Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 8; Аболонин В.О. Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8; Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом // Юрист. 2013. № 8; Проблемы развития процессуального права России / под ред. В.М. Жуйкова. М., 2016; Греггер Р. Сотрудничество как процессуальная максима // Закон. 2016. № 1; Ем В.С., Яценко Т.С. Функциональное назначение и сфера применения принципа солидарности в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2018. № 6; Данилов Д.В. Характеристика добросовестного поведения лица в рамках гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 5.

3. П. 25. Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

4. Подробнее см.: Кудрявцева Е.В. Раскрытие доказательств в российском и английском гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1; Будылин С.Л. Рентгеновский луч права. Раскрытие доказательств в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 7; Решетникова И.В. Судебные реформы и новые горизонты гражданского судопроизводства // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 33 - 34.

5. Реалии пандемии коронавируса остро обозначили вопросы скорейшего и эффективного внедрения информационных технологий в цивилистический процесс. Подготовка дела к судебному разбирательству, убеждены, может быть переведена на новые рельсы с наименьшим ущербом для действия основных процессуальных принципов и институтов. См., например: Смагина Е.С. Обозначенные пандемией проблемы гражданского судопроизводства. Тезисы выступления на круглом столе, проводимом МГЮА, 15 мая 2020 «Преимущества и риски применения современных технологий в гражданском процессе»; Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). М., 2017.

Терехова Лидия Александровна
доктор юридических наук, профессор
(Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского)
г. Омск
e-mail: lydia@civpro.info

ПОЛУЧЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О СУДЕБНЫХ АКТАХ

Сведения о судебных актах для заинтересованных лиц должны быть доступны в силу принципа гласности судопроизводства. Для широкого круга лиц, для общества в целом, возможность ознакомления с содержанием судебных вердиктов представляют сайты соответствующих судов. Тексты судебных актов размещаются на сайтах судов в соответствии с требованиями Федерального Закона № 262 от 22.12.2008 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Лицам, участвующим в деле, их процессуальный статус гарантирует получение копии судебного акта.

В отношении самой возможности получения сведений о судебных актах все лица могут быть разделены на три группы: 1) лица, участвующие в деле; 2) лица, не принимавшие участия в деле, но полагающие, что их права затронуты решением; 3) иные заинтересованные лица. Понятно, что само наличие процессуального статуса в деле обеспечивает лицо совокупностью прав, которые он реализует в процессе рассмотрения дела и, соответственно, лица первой группы с точки зрения информированности имеют преимущества перед остальными.

Первая группа. О принятом судебном акте лица, участвующие в деле, могут узнавать, присутствуя в зале суда при оглашении решения. Здесь же они могут

получить и необходимые разъяснения судьи по поводу вынесенного решения (ст.193 ГПК). Но так происходит не всегда. Например, решение по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, принимается путем вынесения резолютивной части и размещается на официальном сайте суда (ч.1 ст.232.4 ГПК).

Гарантией для лиц, участвующих в деле, является установленное в ч.1 ст.35 ГПК право получать копии судебных постановлений, в том числе, и в электронном виде. Законом предусмотрена как высылка копий решений, так и размещение их в Интернете (ст.214 ГПК). Лица, участвующие в деле, имеют все необходимые идентификаторы дела.

Казалось бы, преимущества данной группы лиц очевидны, а возможности получить сведения о содержании судебного акта, как минимум, продублированы. Тем не менее, ситуации, когда лицо, даже обладая процессуальным статусом в деле, не имело возможности ознакомиться с судебным актом, встречаются. Например, по одному из дел, рассмотренных судом, истец утверждал, что не получал копию решения по почте, и в сети Интернет текст решения отсутствовал. В связи с чем он просил восстановить пропущенный срок на подачу апелляционной жалобы. Проверка доводов заявителя подтвердила его утверждения [1]. Подобные ситуации означают, что система доведения текста решений до заинтересованных лиц не отработана и дает сбои. На наш взгляд, первопричиной является отсутствие достаточного числа технических работников в судах, таких, кто обеспечивал бы именно надлежащее и своевременное размещение необходимых сведений на сайтах судов. Добавим к этому, что сами сайты судов по своей структуре вызывают нарекания с точки зрения удобства пользования и доступности значимой информации. Суды, следуя Закону 2008 г., декларируют необходимые сведения, но до реального доступа к тексту судебных актов – дистанция огромного размера. Разделов «судебные акты» на сайтах может не быть вообще, либо они не функционируют. Раздел «Судебное делопроизводство» информирует о назначенных делах, через него можно выйти на тексты принятых актов, но этот путь требует времени и определенных усилий. Имея в виду, что лица, участвующие в деле, представляют различные категории населения и не обязаны быть продвинутыми пользователями Интернета, следует признать, что даже фактическое размещение текста судебного акта на сайте суда не гарантирует, что участник процесса с ним ознакомится. При сбое с отправкой копии решения почтой получается ситуация, описанная выше: заинтересованный участник вынужден восстанавливать срок на подачу апелляционной жалобы. Помимо прочих издержек такой процедуры, может оказаться, что решение уже вступило в силу (по истечении срока обжалования или в связи с завершением апелляционного производства по жалобе другого лица).

Установка российского законодателя на перенесение бремени отслеживания сведений о судебных актах на самих лиц, участвующих в деле, представляется преждевременной в силу технической неготовности как судов, так и участников к бесперебойному и доступному функционированию электронных сервисов. К тому же, хотелось бы напомнить о позиции Европейского Суда по правам человека, высказанной, правда, в до-цифровую эпоху, но смысл которой не связан с формой

существования решения (обычная или электронная): нельзя требовать от тяжущегося, чтобы он приходил день за днем справляться о наличии решения, о котором ему никогда не сообщалось [2]. Система обязана работать слаженно. Только по достижении подобной слаженности и доступности в пользовании электронными сервисами можно перекладывать ответственность за отслеживание информации на самих граждан.

Вторая группа - лица, не привлеченные к участию в деле, вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом, затронуты их права и интересы. В настоящее время они имеют право обжалования судебных актов (ч.3 ст.320; ч.1 ст.376; ч.1 ст.390.2; ч.1 ст.391.1 ГПК). Подобное законодательное решение представляется спорным, учитывая, что у таких лиц имеются возможности использования ч.4 ст.13 ГПК (обязательность судебных постановлений не лишает права заинтересованных лиц, не участвовавших в деле, обратиться в суд, если принятым судебным постановлением нарушаются их права и законные интересы) и ч.2 ст.209 ГПК (о распространении преюдициальности решения только на лиц, участвовавших в деле). В числе прочих минусов предоставления таким лицам права обжалования высказывалось и сомнение в том, *как именно они узнают о наличии решения, затрагивающего их права*. Идеальный вариант ознакомления – обращение к сайту суда. Но в реальной жизни мало кто из граждан ежедневно изучает сайты судов на предмет наличия решений, их затрагивающих. Кроме того, лица, не принимавшие участия в деле, неизбежно столкнутся с теми же сложностями, с которыми сталкиваются и лица, признанные участвующими в деле, описанными выше.

И, наконец, *третья группа* – иные заинтересованные лица. Принцип гласности судопроизводства предполагает, что деятельность судов и содержание их постановлений должны быть доступны широкому кругу заинтересованных (в силу профессии или общественной деятельности) кругу лиц. Это научные работники, преподаватели, эксперты, журналисты, студенты юридических вузов, из которых и вырастают будущие судьи, и другие. Присутствие в самом судебном заседании ознакомит их, скорее всего, с резолютивной частью решения. Не имея процессуального статуса в деле, они не имеют возможности требовать его копию (законом не предусмотрена, к примеру, возможность получения интересующего документа из материалов дела при условии оплаты пошлины за такое действие).

О том, что поиск интересующего судебного акта может быть трудозатратен, выше уже отмечено. Добавим, что профессионально заинтересованных лиц может интересовать не столько конкретное дело у конкретного судьи (такой поиск значительно проще), сколько, например, практика рассмотрения судами определенных категорий дел (научные работники, аспиранты, студенты) или практика оценки определенных доказательств судом (эксперты). Например, сайт Куйбышевского суда г.Омска имеет кликабельную ссылку – «судебные акты», но по ней пользователь попадает на страницу «Судебное делопроизводство» о назначенных к слушанию делах [3]. То есть, сайты судов настроены на получение информации лицами, участвующими в деле, по их конкретному делу. Для журналиста, студента, научного работника или эксперта, желающих увидеть «картину» рассмотрения определенной категории дел, придется затратить очень

много времени на выискивание нужных постановлений. Это путь возможный, но имеется явная несоразмерность между его трудозатратностью и продекларированными «цифровыми возможностями».

В итоге, следует признать, что даже имеющиеся технические и законодательные возможности по получению сведений о судебных актах, не до конца отработаны. В этих условиях дальнейшее углубление цифровизации в сфере судопроизводства углубит обозначенные проблемы и добавит новые. Технологии должны облегчать работу судов и коммуникацию граждан с судами, а не усложнять её. Из широкого спектра существующих технологий судопроизводство *должно выбирать* только те, что ему удобны и необходимы как инструменты, совершенствующие судебную деятельность. Все прочие «цифровые кирпичи» должны быть отвергнуты либо за ненужностью, либо за несоответствие основополагающим принципам судопроизводства, прежде всего, гласности. Внедрение цифровых технологий в судопроизводство требует также увеличения в судах числа специалистов, отвечающих за работу техники и программное обеспечение, за размещение на сайтах судов необходимого контента. Правоприменение и его техническое обеспечение необходимо разграничивать. Ни судьи, ни помощники судей не должны выполнять, помимо своих прямых обязанностей, ещё и функции, связанные с работой сайтов судов и доведением информации через сайты до заинтересованных лиц. Если возлагать эти функции на секретаря судебного заседания – то тогда следует изменить требования к образованию этого работника, он должен быть специалистом в компьютерных технологиях, а не юристом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Определение Омского областного суда от 12.03.2020 дело № 33-1549/2020 // КонсультантПлюс.
2. Постановление Европейского Суда по правам человека «Папагеоргиу против Греции» от 22 октября 1997 г. § 32 // <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=caselaw&c=>
3. <http://kuybcourt.oms.sudrf.ru> (дата обращения – 23.10.2020).

Фокина Марина Анатольевна
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры гражданского
и административного судопроизводства
(Российский государственный университет правосудия)
г. Москва
e-mail: Fok_mar@mail.ru

КАТЕГОРИЯ «ДОБРОСОВЕЩНОСТЬ» В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

На протяжении длительного времени в доктрине обсуждается вопрос о добросовестности в судопроизводстве. В дореволюционный период известны публикации Е.В. Васьковского[1], И.Б. Новицкого[2], А. Бугаевского[3], и др[4].

Вопрос о добросовестности в гражданском процессе в советской науке гражданского процессуального права разрабатывал В.М. Семенов, предлагая придать статус межотраслевого принципу «добросовестного ведения дел» в гражданском и уголовном процессах. Содержание принципа сводилось к обязанности добросовестного осуществления права сторонами и другими участниками судопроизводства, «создания атмосферы сотрудничества сторон с судом, в котором суд имеет наилучшие возможности осуществления справедливого и законного правосудия»[5]. В более поздний период, исходя из содержания ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, добросовестность стала рассматриваться в качестве общеправового принципа[6]. К специфическим отраслевым принципам гражданского процессуального права относит добросовестность М.Ю. Лебедев[7]. В современной литературе требование закона о добросовестном осуществлении процессуальных прав рассматривается как «общий принцип недопустимости злоупотребления правами процессуально-правового порядка»[8], выражение конституционного принципа недопустимости злоупотребления процессуальным правом[9].

Нормативным обоснованием добросовестности в цивилистическом процессе служат ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 6 ст. 45 КАС РФ и ч.2 41 АПК РФ, в соответствии с которыми лица, участвующие в деле, обязаны добросовестно осуществлять свои процессуальные права. Лица, действующие в интересах группы лиц, обязаны добросовестно защищать права и законные интересы группы лиц (ст. 225.20-1 АПК РФ, ст. 244.22 ГПК РФ). Специалист обязан давать консультацию добросовестно (ч.2 ст. 87.1 АПК РФ). Недобросовестное заявление неосновательного административного иска, противодействие, в том числе систематическое, лиц, участвующих в деле, правильному и своевременному рассмотрению и разрешению административного дела, а также злоупотребление процессуальными правами в иных формах влечет наступление для этих лиц неблагоприятных последствий (ч. 7 ст. 45 КАС РФ).

«Добросовестность», а тем более «недопустимость злоупотребления процессуальными правами» нельзя рассматривать в качестве принципов гражданского и арбитражного процессов, административного судопроизводства. Указанные понятия не соответствуют пониманию процессуального принципа как главного, наиболее общего, системообразующего, исторически определенного, стабильного нормативного положения, определяющего содержание всех остальных гражданских процессуальных или административных процессуальных норм [10].

Доктрина и законодательство при определении понятия «добросовестное осуществление процессуальных прав» используют противоположность – «недобросовестное осуществление процессуальных прав, в частности злоупотребление процессуальными правами. Такой подход явно недостаточен для характеристики поведения субъекта процесса как добросовестного. Не претендуя на

исчерпывающее решение данного вопроса, хотелось бы обратить внимание на два момента.

Во-первых, поведение субъекта процесса будет добросовестным только тогда, когда будет соответствовать целям и задачам гражданского и арбитражного процессов, административного судопроизводства. В литературе справедливо отмечается, что характеристика поведения стороны, как её действий, так и бездействия, с учетом их необходимости и достаточности для достижения цели процесса служит свидетельством ее добросовестности[11]. В соответствии со ст. 2 ГПК РФ задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации и ее субъектов. В АПК РФ прямое указание на задачу правильного рассмотрения дела отсутствует. Однако, как справедливо отмечает Г.А. Жилин, «такая общая установка наряду с требованием своевременности судебного разбирательства реально стоит перед арбитражным судом и другими субъектами процесса. В совокупности задачи по правильному и своевременному рассмотрению дел являются средством достижения конечных целей для всего судопроизводства в арбитражных судах...»[12].

Для юридической деятельности характерен определенный порядок, который должен быть оптимальным для совершения тех или иных процессуальных действий[13]. При этом следует исходить из правильности рассмотрения гражданского дела, выработанного в теории гражданского процессуального права. Так, Г.А. Жилин понимает правильность рассмотрения гражданского дела как полное и точное соблюдение требований права в процессе рассмотрения дела, учет правовых позиций, выработанных судебной практикой, а также соблюдение требований справедливости, разумности и целесообразности[14]. А.А. Богомолов правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел определяет как соответствие процессуальной деятельности суда и иных участников процесса нормативным предписаниям, а также законность, обоснованность и справедливость выносимых судебных постановлений[15].

Понятие правильности рассмотрения и разрешения гражданского или административного дела с точки зрения механизма судебной защиты права отражает результат функционирования как механизма в целом, так и всех составляющих его элементов. Для того чтобы сделать вывод о правильности рассмотрения и разрешения гражданского или административного дела должны быть выполнены следующие условия: а) соблюдение процессуальной формы в рамках правовой регламентации процессуальной отрасли; б) правильное применение норм материального и процессуального права; в) учет правовых позиций, сформированных судебной практикой; г) надлежащее (в соответствии с законом) осуществление субъективных прав и обязанностей участников судопроизводства в виде совершения процессуальных действий, не противоречащих нормам права.

Проблема добросовестного поведения тесно связана с беспристрастностью суда. Европейский суд по правам человека исходит из того, имеются ли в национальном законодательстве процедуры, обеспечивающие беспристрастность судебного разбирательства. В частности ЕСПЧ указал: «Несмотря на то, что

беспристрастность обычно означает отсутствие предубеждения или пристрастия, ее отсутствие или, наоборот, наличие может быть проверено различными способами в соответствии с ч. 1 ст. 6 Конвенции. В данном контексте можно провести различие между субъективным подходом, отражающим личные убеждения данного судьи по конкретному делу, и объективным подходом, который определяет, имелись ли достаточные гарантии, чтобы исключить какие-либо сомнения по этому поводу» (п. 30 решения по делу «Пьерсак против Бельгии» от 01.10.1982)[16].

Обязательной характеристикой любой юридической деятельности является своевременность. В основе понятия своевременности лежит философская категория «время». В науке гражданского процессуального права временные связи и отношения используются в форме длительности, последовательности, одновременности, момента времени и датирования[17]. В юридической литературе под своевременным рассмотрением и разрешением судом гражданских дел принято понимать рассмотрение их в установленные гражданским процессуальным (арбитражным процессуальным) законом сроки[18]. Аналогичное толкование дает и судебная практика. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» судам общей юрисдикции предписано принять необходимые меры по устранению ошибок и упущений в применении законодательства о процессуальных сроках рассмотрения уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях, влекущих увеличение сроков судебного разбирательства дел, а также принимать иные меры воздействия вплоть до прекращения полномочий судей, допускающих факты волокиты [19]. В постановлении указывается, что при осуществлении правосудия следует исходить из того, что несоблюдение установленных законом сроков производства по уголовным и гражданским делам существенно нарушает право граждан на судебную защиту, гарантированное Конституцией РФ и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Следует обратить внимание на то, что в ст. 2 АПК РФ указания на своевременность рассмотрения и разрешения дела не содержатся, однако формулируется требование судебного разбирательства в установленный законом срок.

Таким образом, законодательство, судебная практика и доктрина исходят из понимания своевременности как соблюдения установленных законом сроков для совершения отдельных процессуальных действий, так и рассмотрения и разрешения дела в целом.

А.А. Богомолов предпринял попытку более широкого определения понятия «своевременность». По его мнению, своевременность есть «требование по совершению процессуальных действий в рамках предусмотренных процессуальным законом либо установленных судом сроков и по упорядочению гражданских процессуальных правоотношений во времени в целях обеспечения рассмотрения и разрешения гражданских дел в предусмотренные процессуальным законом

сроки»[20]. К сожалению, автор не поясняет, в чем состоит «упорядочивание гражданских процессуальных правоотношений во времени».

Традиционно в теории гражданского процессуального права считалось невозможным совершение процессуальных действий вне процессуальных правоотношений. Современное законодательство изменило ситуацию. В частности, допускается подача заявления об обеспечении иска одновременно с исковым заявлением (ст. 92 АПК РФ) или до подачи иска (ст. 99 АПК РФ), изменение подсудности пророгационным соглашением (ст. 32 ГПК РФ, ст. 37 АПК РФ), и др. Следовательно, такие действия считаются совершенными добросовестно.

Своевременное совершение процессуальных действий означает, во-первых, совершение в срок, установленный законом для отдельной стадии процесса или судопроизводства в целом; во-вторых, в срок, установленный судом для совершения отдельных действий.

Во-вторых, не всякое недобросовестное поведение является злоупотреблением процессуальным правом. Только умышленное недобросовестное поведение, направленное на создание препятствий в достижении задач и целей судопроизводства, затягивание судопроизводства и причинение вреда другой стороне должно рассматриваться в качестве злоупотребления процессуальным правом. Соответственно, процессуальные действия только тогда будут признаваться добросовестными, когда они не будут нарушать процессуальные права и интересы других лиц, и не будут препятствовать правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела.

В частности, ч. 3 ст. 79 ГПК РФ предоставляет право суду при уклонении стороны от участия в экспертизе (неявки на экспертизу, непредставления экспертам необходимых предметов исследования и т. п.), когда по обстоятельствам дела без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Уклонение стороны от участия в экспертизе означает, что она не заинтересована в установлении определенных обстоятельств дела. В этом смысле следует согласиться с указанием КС РФ, данным в определении от 09.04.2002 № 90-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тихомирова Дмитрия Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 74 Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (применительно к ГПК РСФСР 1964 года), на то, что ч. 3 ст. 79 ГПК РСФСР предусматривает возможность применения судом в случае уклонения стороны от участия в экспертизе правовой презумпции, состоящей в признании факта, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Данная норма, как и статьи 65 и 70 ГПК РСФСР, определяет полномочия суда по установлению обстоятельств, имеющих значение для дела, в случаях уклонения одной из сторон от выполнения процессуальных обязанностей и требований суда [21].

Презумпция, аналогичная той, которая содержится в ч.3 ст. 79 ГПК РФ, Арбитражным процессуальным кодексом не предусмотрена. В этом смысле АПК РФ консервативнее, чем ГПК РФ. Последствия уклонения стороны от экспертизы одинаковы последствиям непредставления любых доказательств, и выводятся в

результате системного толкования норм статей 9, 65, ч.1 ст.156 АПК РФ. Введение аналогичной презумпции в арбитражное процессуальное законодательство более рельефно выветило бы состязательный характер современного арбитражного процесса, дисциплинировало недобросовестную сторону и закрепило возможность вынесения решения с элементом вероятности, которая и так присутствует на практике в случае вынесения решения по имеющимся доказательствам (ч.1 ст. 156 АПК РФ.), способствовало бы предотвращению фактов недобросовестного поведения лиц, участвующих в деле.

Таким образом, добросовестность по своей правовой природе является процессуальной обязанностью участников судопроизводства, определяющая процессуальную модель их поведения. Добросовестное поведение является одно из гарантий справедливого судебного разбирательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. Краснодар. 2003. С. 224.
2. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6.
3. Бугаевский А. Ложь в гражданском суде. // Право: Еженедельная юридическая газета. 1909. № 12. Стлб. 733-742.
4. См.: Есенова В.П. Недобросовестность в гражданском судопроизводстве: исторический аспект//Проблемы реализации норм, регулирующих доказывание и доказательства в гражданском судопроизводстве. СПб: СЗ РГУП, 2016. С. 121-127.
5. См.: Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. С. 99.
6. Аболонин В.О. Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс.- 2013. - № 8. С. 5.
7. Лебедев М.Ю. Диффузия цивилистических принципов в гражданское процессуальное право (на примере принципа добросовестности) // Вестник гражданского процесса. – 2020. - № 3. С. 259.
8. См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2. М., 2001. С. 209.
9. См.: Зайков Д.Е. Понятие и содержание злоупотребления процессуальными правами в арбитражном и гражданском процессах // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 9. С. 49; Соловьева Т.В. Добросовестное поведение сторон в гражданском судопроизводстве// Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 9. С.8.
10. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое настоящее будущее. М.: Городец, 2009. С. 39.
11. Данилов Д.В. Характеристика добросовестного поведения лица в рамках гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 5. С. 8-12.
12. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Жилина. — М., 2005. С. 19 (автор комментария Г.А. Жилин).

13. См.: Карташов В.Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1990. С. 11.
14. См.: Жилин Г.А. Понятие целевых установок в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. 1998. № 6.
15. См.: Богомолов А.А. Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел: Дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2004. С. 36.
16. Европейский суд по правам человека: Избр. решения. М.: Норма, 2000. Т. 1. С. 417—421.
17. См.: Терпугова Е.М. Проблемы оперативности судебного разбирательства гражданских дел // Проблемы совершенствования советского законодательства: Тр. Вып. 31. — М., 1985. С. 92—104; Богомолов А.А. Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 41—42.
18. См.: Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. — М., 2003. С. 79; Жилин Г.А. Своевременность защиты прав в гражданском судопроизводстве. // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процессов и исполнительного производства. - Краснодар: СПб.: Юрид. Центр-Пресс, 2005. С. 45.
19. Бюллетень ВС РФ. 2008. № 2.
20. Богомолов А.А. Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 43.
21. См. Вестник КС РФ. 2002. № 5.

Чупилин Дмитрий Александрович
преподаватель кафедры гражданского процессуального
и трудового права
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: dchupilin@sfnedu.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «БЕСШОВНОГО» ПЕРЕХОДА МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ СУДОПРОИЗВОДСТВОМ

Тенденции развития современной процессуальной формы таковы, что при усложнении регулирования и увеличении количества процессуальных режимов рассмотрения юридических дел наблюдается одновременное перераспределение бремени определения надлежащего вида судопроизводства с участников процесса (истцов, заявителей) на непосредственно судебный орган.

Так, одним из достижений состоявшейся «процессуальной революции» [1] стал отказ от института подведомственности при разграничении компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по гражданским и административным делам, что в целом следует оценить положительно для граждан и организаций. Однако не менее значимым стало появление «бесшовного» перехода между различными видами судопроизводства в рамках одной системы судов.

Речь идет о ст. 33.1 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) и о ст. 16.1 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее - КАС РФ), соответственно, введенных в процессуальные кодексы Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ. Обе статьи регулируют правила перехода из одного вида судопроизводства в другой без участия истца и без необходимости повторной подачи искового заявления. Суть правил сводится к следующему:

1. При обращении в суд с заявлением, содержащим несколько связанных между собой требований, из которых одни подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, другие - в порядке административного судопроизводства, если разделение требований невозможно, дело подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

2. При предъявлении в суд искового заявления, содержащего несколько требований, одни из которых подлежат рассмотрению по правилам гражданского судопроизводства, а другие - по правилам административного судопроизводства, если возможно их раздельное рассмотрение, судья разрешает вопрос о принятии требований, подлежащих рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, основываясь на нормах ГПК РФ, а требований, подлежащих рассмотрению в порядке административного судопроизводства, основываясь на нормах КАС РФ.

Такое разъединение исковых требований и возбуждение двух дел возможно лишь в том случае, если все они относятся к подсудности данного суда.

При неподсудности данному суду каких-либо из заявленных требований он должен вернуть исковое заявление в соответствующей части.

3. Суд, установив в ходе подготовки дела к судебному разбирательству или судебного разбирательства, что оно подлежит рассмотрению в порядке гражданского (административного) судопроизводства, выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского (административного) судопроизводства.

В связи с введением указанных норм выскажем несколько соображений критического и аналитического характера:

1. Неизбежность появления правила о «бесшовном» переходе между гражданским и административным судопроизводством обусловлена несколькими факторами, определяющими из которых являются:

- крайне размытые критерии разграничения гражданских и отдельных категорий административных дел (в первую очередь речь идет о делах, рассматриваемых в порядке гл. 22 КАС РФ, а также о делах, прямо не отнесенных КАС РФ к административным делам);

- отсутствие обязательного профессионального представительства в гражданском и административном судопроизводстве (за исключением административных дел об абстрактном нормоконтроле);

- общий тренд, направленный на упрощение доступа к получению государственных услуг для граждан и организаций.

Ранее действующие нормы законодательства необоснованно перекладывали на истца риски неправильного определения вида судопроизводства. Если учесть, что последствием этого неправильного определения являлся отказ в принятии

искового заявления и, соответственно, потеря времени, возможный пропуск срока исковой давности (срока обращения в суд) либо в случае отказа в принятии как гражданского, так и административного иска полная блокировка дальнейшего права на судебную защиту, то введение «бесшовного» перехода представлялось абсолютно необходимым.

2. Правило о «бесшовном переходе» между видами судопроизводства появилось в процессуальном законодательстве с очевидным опозданием и было обусловлено уже сформированной правоприменительной практикой, ведь еще до его появления Верховный суд РФ (далее - ВС РФ) высказывал позиции о необходимости в случае прекращения производства по административному (гражданскому) делу, принятому им ошибочно к рассмотрению в ином судебном порядке передать дело для рассмотрения в порядке гражданского (административного) судопроизводства, если не имеется иных препятствий для рассмотрения дела в том же суде в ином судебном порядке [2].

3. Появление правила о «бесшовном» переходе между режимами судопроизводства в том случае, если гражданское (административное) дело подсудно одному и тому же суду, подтверждает тезис о единстве цивилистического процесса и весьма условной дифференциации процессуальной формы, особенно с учетом отечественных исторических правовых традиций. Речь идет о том, что до 2015 года дела, рассматриваемые в порядке КАС РФ, успешно разрешались по правилам ГПК РФ с соответствующими особенностями. Более того, в арбитражном процессе оба вида судопроизводства продолжают и сегодня сосуществовать в рамках Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ). Появление ст. 33.1 ГПК РФ, 16.1 КАС РФ, на наш взгляд, демонстрирует тесную, неразрывную связь гражданского и административного судопроизводства, избыточность принятия отдельного процессуального кодекса, посвященного рассмотрению исключительно административных дел.

4. Как было сказано выше, нормы о «бесшовном» переходе появились в двух процессуальных кодексах синхронно, содержательно они также идентичны. При этом структурное расположение норм о переходе между режимами судопроизводства оказалось различным. Так, в ГПК РФ статья содержится в главе 3 «Подсудность», а в КАС РФ в главе 1 «Основные положения». В условиях общей направленности на сближение и гармонизацию всех трех типов цивилистического процесса (гражданского, арбитражного и административного [3]) было бы логичным закрепить правила о переходе к другому виду судопроизводства в наиболее близких друг к другу по содержанию главах обоих процессуальных кодексов. Наиболее правильным, на наш взгляд, было бы закрепление исследуемых правил в главах, посвященных предъявлению иска в суд, подготовке дела к судебному разбирательству, судебному разбирательству, но никак не в общих положениях и, тем более, не среди правил о подсудности.

5. Правило о рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства дел по нераздельным взаимосвязанным требованиям, вытекающим из гражданских и административных правоотношений, демонстрирует кризис законодателя в части определения оптимальной процессуальной формы рассмотрения споров.

Пытаясь разграничить гражданское и административное судопроизводство, органично связанные между собой едиными целями, задачами, институтами, стадиями, законодатель одновременно сам же и обесценивает такое разграничение, отдавая в случае нераздельных требований приоритет гражданскому судопроизводству. Очевидно, что в данном случае приоритет при определении вида судопроизводства отдается предмету требований истца, связанному с возникновением, изменением либо прекращением у него гражданских прав и обязанностей. Однако же гражданско-правовое требование истца в данном случае невозможно удовлетворить без предварительного разрешения административного спора с властным субъектом. Таким образом, истец заявляющий два неразрывно связанных требования, вытекающих как из гражданских, так и из административных правоотношений, по сути лишается тех дополнительных процессуальных возможностей и гарантий, которые ему предоставляются КАС РФ.

Если правило о рассмотрении неразрывно связанных требований, подсудных как суду общей юрисдикции, так и арбитражному суду судами общей юрисдикции (ч.4 ст.22 ГПК РФ, ч.7 ст.27 АПК РФ) объяснимо, во-первых, собственно общим, базовым характером компетенции судов общей юрисдикции в сравнении со специализированной системой арбитражных судов, и во-вторых, что важнее, более мягкими правилами гражданского процесса по сравнению с арбитражным, то чем объяснить приоритет гражданского судопроизводства перед административным не вполне понятно. Едва ли можно говорить о том, что законодатель рассматривает административное судопроизводство как специализированный вид гражданского (хотя и, очевидно, отдает приоритет последнему).

Возможность одновременного, гибкого применения при рассмотрении дела и ГПК РФ, и КАС РФ ни в законодательстве, ни в разъяснениях ВС РФ пока что не легализована, а значит, не только «слабая» сторона процесса лишается тех преимуществ, которые предоставляются ей КАС РФ, но и сам суд теряет достаточно внушительный инструментарий, ограничивающий состязательность в административном судопроизводстве активной ролью суда для достижения законности и справедливости при разрешении административных дел (ст. 9, 14 КАС РФ).

6. Избавляя истцов от необходимости определения корректного вида судопроизводства, законодатель, на наш взгляд, проявил излишний патернализм. Исходя из смысла ст. 16.1 КАС РФ, 33.1 ГПК РФ стороны не только не вправе обжаловать соответствующее определение суда, но их мнение даже не учитывается при решении вопроса о выборе судебного порядка рассмотрения дела. Единственной возможностью не согласиться с избранным судом режимом судопроизводства является подача апелляционной жалобы на итоговый судебный акт по делу. При этом необходимо учитывать, что вероятность такой ошибки со стороны суда всё же достаточно велика, о чем косвенно свидетельствуют и сами правила «бесшовного» перехода, позволяющие решить вопрос об изменении порядка рассмотрения дела не только на этапе его возбуждения, но и в дальнейшем – до окончания рассмотрения дела по существу.

Подводя итоги, можно сказать, что недостаточно четкая разграниченность, тесная взаимосвязь, а зачастую и абсолютная неразрывность гражданского и административного судопроизводства приводят к системным проблемам определения корректного вида судопроизводства, которые с недавних пор должен решать суд самостоятельно и без учета мнения участников процесса. В условиях отсутствия внятных критериев, позволяющих отнести разрешение юридических дел к тому или иному виду судопроизводства, именно судебское усмотрение (дискреция) будет играть определяющую роль в выборе надлежащего судебного порядка. Такой механизм не способствует созданию единой и предсказуемой системы правил рассмотрения юридических дел в судах. Однако не только судебные ошибки могут привести к возникновению проблем, - провозглашаемая ценность административного судопроизводства как самостоятельного процессуального режима зачастую не достигается и из-за того, что при нераздельности требований дело рассматривается целиком в порядке гражданского судопроизводства, равно как и из-за того, что ряд дел фактически и сущностно относящихся к административным, напрямую исключен из их числа в разъяснениях ВС РФ (например, социальные споры).

В целях достижения единообразного регулирования, упрощения доступа граждан к правосудию, повышения доверия к судебной системе целесообразным представляется принятие единого гражданского процессуального кодекса, устанавливающего базовые общие правила гражданского судопроизводства и специальные нормы относительно арбитражного и административного судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. При этом должен предусматриваться «бесшовный» переход не только между гражданским, арбитражным и административным судопроизводством, но также и между их внутренними разновидностями (например, особым и исковым). Процессуальные же особенности производства по отдельным категориям дел, обусловленные материально-правовым характером спорных правоотношений (как частных, так и публичных), целесообразно, по сложившейся в отечественном законодательстве практике, закреплять в нормах материального, а не процессуального законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Процессуальной революцией» в доктрине звучно обозначили концептуальные изменения, внесенные в процессуальное законодательство Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ. См.: Борисова Е., Головки Л., Ярков В., Тай Ю., Ключевант В., Туманов Д., Юдин А., Ямпольский В. Осенние изменения в работе судов: новая процессуальная революция? // Закон. 2019. № 10. С. 19 - 29.

2. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 26.01.2018 № 81-КГ17-27 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2020).

3. О чем свидетельствует как синхронное внесение изменений в правовое регулирование соответствующих видов судопроизводства, в том числе уже упомянутым Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ, так и принятие

единых актов толкования для трех процессуальных кодексов, например, Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела».

СЕКЦИЯ № 7

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ И СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Александрова Анна Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
(Пензенский государственный университет)
г. Пенза
e-mail: ann-alexandrova@mail.ru

О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ПЕНСИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

Цифровизация – процесс, затрагивающий все сферы общественной жизни, в том числе сферу социально-обеспечительных отношений, связанных с назначением и выплатой пенсий. Несмотря на то, что цифровизация касается преимущественно процедурных аспектов (поскольку предполагает использование информационных технологий и онлайн-сервисов в процессе выявления субъектов пенсионного обеспечения и предоставления им соответствующих благ), в перспективе она способна поменять саму суть пенсионной защиты, так как уже сейчас наблюдается серьезное ее влияние на отношения в сфере производства, обмена, потребления и на характер труда.

В настоящей статье будут рассмотрены основные угрозы системе пенсионного обеспечения, проявляющие себя сегодня, и предложены некоторые концептуальные решения, которые могут способствовать если не устранению, то смягчению названных угроз.

Под цифровизацией, как правило, понимается повсеместное внедрение информационных технологий (интернет-платформ, цифровых профилей и др.) в различные сферы общественных отношений. Ее связывают с Четвертой промышленной революцией (последовавшей за Третьей, которая знаменовала собой переход к постиндустриальному обществу).

Процессы цифровизации в разной степени охватили большинство стран мира, при этом их влияние на сферу социально-экономических отношений далеко не однозначно. В числе негативных аспектов цифровизации можно назвать: 1) рост безработицы (которая и до этого в глобальных масштабах представляла серьезную проблему [1]); 2) увеличение числа лиц, работающих дистанционно, на условиях неполной занятости, по гражданско-правовым договорам и др., и связанная с этим

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

прекаризация труда (возрастание его нестабильности [2]); 3) обусловленное изменением характера труда снижение роли коллективно-договорного регулирования и коллективных форм защиты интересов работников; 4) атомизация, индивидуализация трудящихся, кризис социальной солидарности [3]. Перечисленные факторы вкупе с изменениями демографической ситуации (ростом продолжительности жизни и снижением рождаемости) самым негативным образом влияют на пенсионную систему. По данным, представленным В.Д. Роиком [4], за весь XX в. доля пожилых граждан (65+) в экономически развитых странах увеличилась в 2 раза; при этом за период 1950-2020 г. доля лиц старше 80 лет выросла в 4 раза. К 2040 г. ожидается увеличение доли пожилых лиц (65+) до 30 % от общей численности населения.

Как известно, в настоящий момент существуют такие основные источники финансирования пенсионного обеспечения, как бюджетное финансирование, взносы по социальному страхованию и личные накопления граждан. Различные сочетания данных источников формируют модели пенсионного обеспечения, складывающиеся в конкретных странах [5].

В XX в. социальное страхование стало ведущей формой пенсионного обеспечения: если до XX в. «для большинства трудящихся быть инвалидом или престарелым означало быть бедным и в значительной степени материально зависимым от своих взрослых детей», то впоследствии введение обязательного социального страхования «позволило создать высокоэффективные страховые системы социальной защиты населения» [6]. Однако система социального страхования, основанная на понятии социального риска и солидарного распределения финансовой нагрузки, оказывается неэффективной перед лицом таких масштабных угроз, как массовая безработица или пандемия. Подобные явления влекут резкое увеличение числа нуждающихся лиц при одновременном снижении поступлений страховых взносов. Средств социального страхования оказывается недостаточно для обеспечения установленных законодательством выплат, и проблема эта может быть решена лишь при поддержке государственного бюджета. На кризис традиционной системы социального страхования указывалось уже в конце XX в. [7]; сейчас, в условиях пандемии, эта проблема еще более обострилась.

На рубеже XX-XXI вв. в качестве одного из решений финансовых проблем пенсионного обеспечения было предложено расширение накопительных начал (переход от принципа распределения к принципу капитализации пенсионных средств). Во многих странах (особенно с переходной экономикой – странах Восточной Европы и СНГ) были проведены реформы, направленные на внедрение обязательного накопительного элемента в структуру пенсии. Однако в силу того, что часть страховых взносов стала поступать не в страховые фонды, а на индивидуальные лицевые счета работников, возник дефицит средств для финансирования выплат нынешним пенсионерам. По мнению экспертов Международной организации труда (МОТ), «ошибки, допущенные при проектировании и осуществлении этих реформ, привели к значительным переходным расходам, которые в условиях бюджетного дефицита заставили ряд стран пересмотреть эти реформы и повернуть назад к первоочередному развитию

государственного страхования» [8]. Такая ситуация сложилась и в России, где с 2002 г. 6% страховых взносов направлялось в обязательном порядке на формирование накопительной части пенсии, а с 2014 г. по настоящее время действует «заморозка» пенсионных накоплений.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в сегодняшних условиях эпидемиологической нестабильности, экономических ограничений, роста безработицы и падения доходов населения основным источником финансирования пенсий остается государственный бюджет.

В качестве концептуальных основ совершенствования пенсионного законодательства в рассмотренных условиях можно предложить следующие.

Во-первых, опора на безусловный базовый доход как на источник средств существования большинства граждан, в том числе пенсионеров. Концепция безусловного базового дохода стала оживленно обсуждаться в российских научных кругах несколько лет назад, сегодня на ее позитивные стороны обращают внимание не только ученые [9], но и государственные деятели [10], [11]. Безусловный базовый доход может рассматриваться как «социальная пенсия для всех» (уже не требующая соответствия критерию нетрудоспособности), устанавливаемая исходя из показателя прожиточного минимума. Источниками его финансирования могут выступать налоговые платежи; средства, сэкономленные на сокращении административного аппарата, обеспечивавшего назначение и выплату социальных пособий и пенсий; доходы, связанные с ростом производительности труда (в этом многим видится позитивный аспект цифровизации) и др.

Во-вторых, дополнительным уровнем социальной защиты пенсионеров будут выступать страховые (трудовые) пенсии, которые могут быть переведены на отраслевой и локальный уровень (формироваться в рамках отрасли, организации за счет взносов социальных партнеров). В структуру страховой пенсии не должны включаться такие изначально чуждые ей элементы, как фиксированная выплата и накопительная часть. Главным критерием для выплаты страховой пенсии должен являться страховой стаж, предполагающий определенную продолжительность работы и уплаты страховых взносов. В связи с этим возможно будет отказаться от возрастного порога как условия назначения пенсии (это предложение уже высказывалось учеными [12]); данная мера позволит решить и проблему досрочных пенсий, правом на которые пользуется сегодня в России значительное число граждан.

В-третьих, в качестве еще одного уровня пенсионного обеспечения может выступать добровольное пенсионное страхование, осуществляемое с использованием гражданско-правовых механизмов, а также формирование специальных пенсионных вкладов, приобретение ценных бумаг и др. [13]

Действующее российское пенсионное законодательство, представляющее сегодня значительный массив документов – неупорядоченных, порой противоречащих друг другу, ряд положений которых унаследован от советского прошлого, а иные неудачно скопированы из зарубежных законов, – сегодня это законодательство нуждается в коренной переработке, которая должна начаться с четкого определения концептуальных основ, принципов, уяснения его будущей структуры. Возможно, в этом процессе будут полезны предложенные в данной

статье решения, исходящие из идеи социальной солидарности и уважения личности, признания права каждого на достойное человека существование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глобальная безработица остается на беспрецедентно высоком уровне, несмотря на значительный экономический рост (доклад Международного бюро труда) // Человек и труд. 2007. № 3. С. 29-30.
2. Лушников А.М. Прекаризация и трудовое право // Трудовое и социальное право. 2018. № 4. С. 16-21.
3. Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния. М.: Издательство «Ad Marginem», 1997. С. 11.
4. Роик В.Д. Организационные и финансовые механизмы долговременного ухода в Китае, Японии и России: комментарии к докладу Всемирного Банка и Института социальной политики НИУ ВШЭ // URL: https://isp.hse.ru/data/2020/02/26/1562226308/04%20Roik_HSE_25-02-2020.pdf (дата обращения: 28.09.2020)
5. Lavigne A. Économie de retraites. Paris: Éditions La Découverte, 2013. P. 12-13.
6. Роик В.Д. Социальное страхование: экономика, финансы и управление. М.: ИД «АТиСО», 2014. С. 5.
7. Розанваллон П. Указ. соч. С. 14.
8. Пенсионные реформы в странах Центральной и Восточной Европы и роль Международной организации труда (Вступительное слово со стороны МОТ) / Международные и российские нормы пенсионного обеспечения: сравнительный анализ. Под ред. Э.Г. Тучковой. М.: Проспект, 2013. С. 3.
9. Мачульская Е.Е. Роботизация производства и сферы услуг: новые вызовы для социального обеспечения // Трудовое и социальное право. 2018. № 4. С. 26.
10. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 17.
11. Медведев предложил обсудить введение в России базового дохода // URL: <https://www.rbc.ru/society/08/09/2020/5f57acbd9a7947fc9ba4d3c8> (дата обращения: 14.10.2020)
12. Тучкова Э.Г. Повышение пенсионного возраста в России: причины и реализация / Конституция и правопорядок в сфере труда и социального обеспечения: сборник докладов. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 220.
13. Тучкова Э.Г. Итоги реформ и перспективы формирования многоуровневой национальной пенсионной системы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 10. С. 20-25.

Губенко Марина Ивановна
кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданского права
(Ростовский филиал Российского государственного
университета правосудия)
судья Арбитражного суда Ростовской области
г. Ростов-на-Дону

РАЗРЕШЕНИЕ СУДАМИ СПОРОВ О ПРИЗНАНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА (УСЛОВИЙ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА) НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ

В настоящее время ни в юридической науке, ни в судебной практике нет единства мнений относительно возможности признания трудового договора недействительным.

В отличие от гражданского в трудовом законодательстве отсутствует понятие недействительности трудового договора, поскольку законодатель предусмотрел право включить в трудовой договор дополнительные условия, не ухудшающие положение работника по сравнению с установленным трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами (ст. 57 ТК РФ).

Механизмы, заложенные в трудовом законодательстве, позволяют не применять условия договоров, ухудшающие положение работников по сравнению с нормами трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (ст. 8 ТК), ограничивающие права или снижающие уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права (ст. 9 ТК РФ).

Следовательно, включение в трудовой договор условий, повышающих уровень гарантий работников, в том числе в виде компенсаций, дополнительных выплат при увольнении, премий является допустимым и признать условия трудового договора недействительным в рамках трудового спора нельзя.

Верховный суд РФ в определении по спору о взыскании денежных средств по трудовому договору и встречному иску о признании отдельных условий трудового договора недействительными указал, что регулирование трудовых отношений с помощью прямого или по аналогии закона применения норм гражданского законодательства не предусмотрено ст. 2 ГК РФ, противоречит ст. 5 ТК РФ и основано на неправильном толковании и применении норм этих двух самостоятельных отраслей законодательства. Таким образом, трудовое законодательство не содержит механизма признания трудового договора недействительным. В нем нет аналога ст. 168 ТК РФ [4].

В рамках дела по иску работника о взыскании вознаграждения за труд и обязанности предоставить квартиру как часть вознаграждения за выполнение ею трудовой функции, Верховный суд РФ отметил, что трудовое законодательство не содержит норм о недействительности трудового договора в силу специфики предмета и метода регулирования, а также поскольку не имеется возможность вернуть стороны в первоначальное положение после исполнения работником условий трудового договора [5].

Поскольку законодатель допускает включение в трудовой договор повышающих уровень гарантий работников, в том числе в виде дополнительных

выплат при увольнении, требование о признании условий трудового договора не действительным не подлежит удовлетворению.

Трудовое законодательство предусматривает возможность досрочного одностороннего немотивированного прекращения юридическим лицом трудовых отношений со своим руководителем.

Законодатель гарантирует руководителю организации, его заместителям и главному бухгалтеру при расторжении трудового договора в связи со сменой собственника имущества организации законодательно выплату компенсации в размере не ниже трехкратного среднего месячного заработка (ст. 181 ТК РФ).

Повсеместно споры о признании недействительными условий трудового договора с руководителями организаций в части вознаграждения за труд в рамках корпоративных споров рассматриваются арбитражными судами.

Если судом установлен факт несоответствия предназначению выходного пособия размера «золотого парашюта», акт нарушения справедливого баланса интересов кредиторов организации или бенефициаров и прав руководителя организации, с которым прекращаются трудовые отношения, требования о признании условия трудового договора в части размера вознаграждения подлежат удовлетворению [7].

С целью исключения конфликта интересов законодатель обязывает извещать о совершении крупных сделок и сделок с заинтересованностью незаинтересованных участников общества.

Гражданским законодательством достаточно подробно урегулированы отношения по оспариванию крупных сделок и сделок с заинтересованностью, в отличие от трудового законодательства, где отсутствует механизм оспаривания условий трудового договора и признаний их недействительными.

Арбитражные суды активно применяют по аналогии нормы гражданского законодательства по требованиям арбитражного управляющего о признании недействительными условия трудового договора в части заработной платы и взыскании необоснованно начисленной заработной платы [3].

В юридической литературе неоднократно ставился вопрос о возможности применения к трудовым отношениям норм гражданского законодательства о недействительности сделок [8].

Существует мнение, что имеется правовая возможность для суда признать гражданско-правовой сделкой не трудовой договор в целом, а отдельное условие о выходном пособии, поскольку оно носит гражданско-правовой характер [9].

Следует признать, что судебная практика, активизированная Высшим Арбитражным Судом РФ в постановлении Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью», в части возможности применения арбитражными судами норм о недействительности сделок применительно к условиям трудовых договоров о вознаграждении за труд руководителей организации, противоречит доктрине трудового права.

Нормы трудового права, содержащиеся в иных федеральных законах, должны соответствовать ТК РФ. В случае противоречий между настоящим

Кодексом и иным федеральным законом, содержащим нормы трудового права, применяется настоящий Кодекс (ст. 5 ТК РФ).

Субсидиарное применение (межотраслевая аналогия), при котором суд исходит из конкретных предписаний норм смежной (родственной) права, является одним из способов восполнения пробелов в праве. Но субсидиарное применение норм смежной отрасли права исключено, если между рассматриваемыми отношениями нет сходства в методе регулирования.

Следует согласиться с мнением Головиной С.Ю. о том, что правило о недействительности трудового договора (без квалификации его в качестве сделки), если и может быть установлено, то только на уровне федерального закона – в ТК РФ [2].

До тех пор пока соответствующие законодательные изменения не приняты, вместо использования гражданско-правовой конструкции недействительности сделок в арбитражных судах следует обращаться с требованием в суды общей юрисдикции с иском о признании не подлежащими применению условий трудовых договоров в части размера вознаграждения за труд, выплате выходных пособий и компенсаций при увольнении [1].

Данный способ защиты не будет вступать в противоречие с основными положениями трудового права и будет соответствовать сложившейся практике применения постановления от 02.06.2015 № 21.

Если же судом будут установлены нарушения условиями трудового договора требований трудового законодательства, а также иных нормативных правовых актов, законных интересов других работников, организации, иных лиц, суд вправе отказать в удовлетворении иска о взыскании в пользу руководителя организации компенсации при увольнении или уменьшить ее размер.

Аналогичный способ защиты (обращение в суд общей юрисдикции с иском к работнику о признании не подлежащими применению условия трудовых договоров в части размера вознаграждения за труд, о взыскании в конкурсную массу переплаченных работодателем - должником сумм) может применяться и арбитражным управляющим при установлении соответствующих оснований.

Для внедрения предложенного правоприменительного подхода и единообразного применения его судами необходимы соответствующие разъяснения по вопросам судебной практики применения корпоративного законодательства к трудовым отношениям Верховного Суда РФ, поскольку данные Пленумом ВАС РФ, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом ВС РФ, что прямо предусмотрено ч. 1 ст. 3 ФКЗ от 4 июня 2014 г. № 8-ФКЗ, в соответствии с которым полномочия Высшего Арбитражного Суда РФ перешли к Верховному Суду РФ.

В отличие от гражданского законодательства в трудовом законодательстве отсутствует понятие недействительности трудового договора, поскольку трудовые договоры представляют особый вид договоров, объект которых – выполнение трудовой функции (работы по определенной специальности или в должности) с подчинением правилам внутреннего трудового распорядка.

Для сохранения доктрины трудового права и баланса интересов участников судебных процессов, а также в целях эффективного правосудия предлагается

корпорациям, а также арбитражным управляющим в интересах защиты прав кредиторов использовать право на обращение в суд общей юрисдикции с иском к работнику-руководителю о признании не подлежащими применению условия трудовых договоров в части размера вознаграждения за труд, о взыскании в переплаченных сумм.

До соответствующих разъяснений Верховного суда РФ предлагается судам общей юрисдикции приостанавливать производство по делу о взыскании с работодателя вознаграждения за труд до вынесения арбитражным судом постановления по иску о признании недействительным условий трудового договора в части размера вознаграждения за труд недействительным или о признании недействительным решения об освобождении работника от исполнении обязанностей руководителя организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев П.В. Проблемы судебной практики по трудовым и корпоративным спорам руководителей организаций: монография. Москва: Проспект, 2020. С. 15.

2. Головина С.Ю. Использование частноправовых конструкции при кодификации российского трудового законодательства / Кодификация российского частного права 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгалло и др.; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2019. С. 56.

3. Определение Верховного Суда РФ от 24.05.2019; Определение Верховного Суда РФ от 24.08.2018 № 306-ЭС18-12095, Определение Верховного Суда РФ от 18.02.2020 № 305-ЭС19-27629// Документы официально опубликованы не были. Доступ из справочной правовой системы "Консультант Плюс".

4. Определение ВС РФ от 14.11.2008 № 5-В08-84. // Документ официально опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы "Консультант Плюс".

5. Определение ВС РФ от 24.12.2009 № 48-В09-13, Определение ВС РФ от 14.12.2012 № 5-КГ12-61// Документы официально опубликованы не был. Доступ из справочной правовой системы "Консультант Плюс".

6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.07.2017 № Ф01-2253/2017// Документ официально опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы "Консультант Плюс".

7. Постановление Пленума от 16.05.2014 № 28 (ред. от 26.06.2018) «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью»//Вестник ВАС РФ. 2014 № 6.

8. См.: Болдырев В.А. Категория «трудовая сделка» и проблема оспаривания юридических актов, определяющих содержание отношений наемного труда // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 56-64. Микрюков В.А. О межотраслевой аналогии в практике преодоления пробелов правового регулирования выплаты «золотых парашютов» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 100-107.

9. Шиткина И.С. Что такое золотой парашют? В каких целях используется этот инструмент? Как его правильно применять? Всегда ли необходимо

выплачивать золотой парашют? // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2013. № 1. С. 56-61.

Ерёмина Светлана Николаевна
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: sneremina@bk.ru

ВЫЗОВЫ ТРУДОВОМУ ПРАВУ: УДАЛЕННАЯ И ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА В УСЛОВИЯХ COVID-19

Сегодня человечество столкнулось с беспрецедентной проблемой, которая связана с опасной эпидемиологической ситуацией, вызванной со вспышкой коронавирусной инфекцией, получившей название COVID-19 [1]. Не избежала этой участи и наша страна.

Время перемен, которое мы переживаем в настоящее время, заставляет РФ предпринять определенные антикризисные меры, которые позволят преодолеть сложившуюся ситуацию. Или, по крайней мере, «смягчить» её. В таких условиях наше государство с учетом сложившейся ситуации адекватно отреагировало на возникшую для здоровья россиян угрозу, приняв ряд нормативных правовых актов, которые определенным образом урегулировали ряд вопросов, ставших проблемой для граждан РФ [3]. Вопросы правового регулирования трудовых отношений в условиях стремительного распространения новой опасной инфекции не оставило без внимания и научное сообщество [2].

Мерами, предпринятыми государством, стали специфические особенности применения: удаленной и дистанционной работы; надомного труда; гибкого режима рабочего времени; гибкого режима рабочего времени; режима разделения рабочего дня на части и сменной работы. И в каждом случае требуется соблюсти соответствующие требования, которые предполагают использование труда в сложившихся обстоятельствах.

И это требует особых мер безопасности организации труда работников, которые продолжают работать на своих рабочих местах. В частности, согласно рекомендациям Роспотребнадзора работодатель обязан предотвратить занос инфекции в пределах организации и принять меры по недопущению распространения COVID-19 в среде работников. В связи с этим необходимо: организовать ежедневный перед началом рабочей смены «входной фильтр» с проведением бесконтактного контроля температуры тела работника и обязательным отстранением от нахождения на рабочем месте лиц с повышенной температурой тела и (или) с признаками инфекционного заболевания; мест обработки рук кожными антисептиками, предназначенными для этих целей (в том числе с помощью установленных дозаторов или дезинфицирующих салфеток); ограничение доступа на территорию работодателя лиц, не связанных с его деятельностью, за исключением работ, связанных с производственными процессами (ремонт и обслуживание технологического оборудования) и многие другие меры безопасности [4].

А если работники могут работать вне пределов работодателя, то наиболее распространенными мерами, позволяющими значительно снизить или даже прекратить стремительное распространение нового опасного вируса, являются – удаленная и дистанционная работа. Минтрудом России работодателям рекомендовано в период пандемии предпринять возможность перехода на *удаленную работу* всех работников, для которых это осуществимо по техническим возможностям. При этом такая возможность, прежде всего, касается лиц, которые попадают в категорию риска – беременные женщины, родители с малолетними детьми и детьми-инвалидами, инвалиды и лица, достигшие возраста 65 лет и старше. Кроме того, такой переход должен касаться лиц, чьи трудовые функции позволяют выполнять работу удаленно. И главное, - технические возможности работодателя и работников позволяют осуществлять данные функции без ущерба для результатов труда. В данном случае не следует забывать о том, что работникам, которые используют личные средства контакта (взаимодействия) с работодателем, имеют право на компенсацию за использование, износ (амортизацию) оборудования, других технических средств и материалов, принадлежащих работнику, а также им возмещаются расходы, связанные с их использованием. Размер возмещения расходов определяется соглашением сторон трудового договора, выраженным в письменной форме (ст.188 ТК РФ). Однако само изменение рабочего места в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, не требует заключения подобного дополнительного соглашения [5].

На практике такие изменения осуществляются работодателями неоднозначно: как правило, большинство работодателей в случаях меняют традиционную занятость работников (на территории его расположения) – на дистанционную работу. Это происходит по указанию работодателя (прямому или негласному) написать работникам заявления с просьбой перейти на дистанционную работу. После этого сторонами заключается дополнительное соглашение.

Фактически речь идет о «смешивании» понятий – «удаленная» и «дистанционная» работа, которые не являются синонимами. И происходит это не случайно: действующее законодательство и, прежде всего ТК РФ, не устанавливает понятия «удаленная работа». Что касается «дистанционной работы», то правовое регулирование отношений, связанных с данным специфическим видом трудовой деятельности, регулируется нормами Главы 49.1 ТК РФ. Анализ норм указанной главы ТК РФ дает основание сделать следующий вывод: при дистанционной работе, как и при удаленной – у работника меняется рабочее место. При этом рабочим местом в ТК РФ признается место, где работнику необходимо находиться или прибыть в связи с осуществлением им своих трудовых функций. И данное рабочее место должно прямо или косвенно находиться под контролем работодателя (см.: ч. 6 ст. 209 ТК РФ).

Но ключевое различие между ними заключается в том, что *удаленная* работа не связана с какими-либо экстраординарными ситуациями, которые не позволяют работнику сохранить трудовые отношения с работодателем на его территории. Как правило, в данном случае, изменение места работы вызвано *временной* невозможностью работника выполнять свои трудовые функции на территории

работодателя по существенным причинам. Но с изменением ситуации (причины изменения рабочего места), – все должно вернуться в исходное состояние.

При *дистанционной* работе – либо изначально работник выполняет свои трудовые обязанности вне территории работодателя и это может осуществляться не обязательно, как имеет место при пандемии, на дому. Это может происходить в любом другом месте, позволяющим работнику выполнять обусловленную заключенным с ним трудовым договором функцию. И переход на дистанционную работу или изначально обусловленность подобного труда – связаны с невозможностью работником выполнять свои трудовые обязанности, как в настоящий момент, так и в будущем на территории работодателя. В результате этого (если это происходит как переход на дистанционный труд) вполне применимы положения ст. 74 ТК РФ.

В этом случае работодатель (по собственной инициативе) по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда (изменения в технике и технологии производства, структурная реорганизация производства, другие причины), когда определенные сторонами условия трудового договора не могут быть сохранены, может выступить с инициативой по их изменению, за исключением смены трудовой функции работника. Более того, такие изменения должны быть доведены до сведения работника в письменной форме, не позднее, чем за два месяца (ч. 2 ст. 74 ТК РФ). Исключения (о менее продолжительном сроке предупреждения) предусмотрены ТК РФ в случаях, если работник трудится у работодателя-физического лица (ст. 306 ТК РФ) или в религиозной организации (ст. 344 ТК РФ). Поэтому применение ст. 74 ТК РФ возможно исключительно по инициативе работодателя. В случае инициативы работника изменение рабочего места предполагает, как правило, установление дистанционной работы на неопределенно продолжительное время (постоянно) (за редким исключением). И работник в этом случае меняет место выполнения своих трудовых обязанностей по причинам, которые могут быть вызваны различными обстоятельствами (ухудшение физического состояния, трудности, связанные с общением и неприязненные отношения в коллективе, болезнь близких, переезд в другую местность и т.п.), т.е. не обязательно связанную с опасностью для жизни, как при пандемии, которая не носит постоянного характера. Более того, применение дистанционного труда не может носить массового характера, который мы наблюдаем в период распространения коронавирусной инфекции. Более того, при переходе на дистанционный труд в рамках применения ст. 74 ТК РФ, возможно увольнение работников в соответствии с процедурой, предусмотренной ч. 4 данной статьи. И только в данном случае фиксация конкретного рабочего места находит отражение в тексте дополнительного соглашения к трудовому договору. Когда же работник трудится в месте расположения работодателя, рабочее место, как правило, не указывается в трудовом договоре (см.: ст. 57 ТК РФ).

В сложившейся ситуации (распространение COVID-19) дистанцирование работников вызвано медицинскими причинами, которые связаны с временными трудностями, обусловленными ограниченным числом «привитых» сотрудников (невозможность одновременно вакцинировать население всей страны, недостаточное длительное наблюдение за вакцинированными добровольцами,

проблемы с больнично-коечным фондом, максимальное предупреждение распространения инфекции и т.п.). Ведь совершенно очевидно, что эпидемия гриппа и других инфекций не приводят к «закрытию» стран, отдельных территорий внутри страны и повышенным мерами безопасности, носящим чрезвычайный характер.

Все эти вопросы, по нашему мнению, должны получить свое отражение в действующем ТК РФ, и мы полагаем, что законодателью в обязательном порядке необходимо включить в ТК РФ нормы, которые раскрывают понятийную категорию «удаленная работа», а также условия её применения в непрерывно меняющемся мире. По крайней мере это позволит «снять» разночтения, которые в определенной степени создают сложности для применения норм трудового права в период пандемии и умаляют права работников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Название вирусу дала Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). См.: официальный сайт ВОЗ. URL: https://www.who.int/topics/coronavirus_infections/ru/ (дата обращения – 26.09.2020).
2. См., напр.: Вербицкая Т. В. Совершенствование механизмов правового регулирования, применяющихся в Российской Федерации в условиях возникновения экстраординарных ситуаций // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 2. С. 41–47; Зотова В.А., Шигвалеева В.Ю., Иванова А.Е. Влияние пандемии на регулирование трудовых отношений // Столица науки. 2020. № 6 (23). С. 207-215; Гурова И. М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11. № 2. С. 128–147; Головина С.Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как новый вызов трудовому праву//Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С.3-8 и др.
3. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» //СПС Консультант Плюс; Постановление Правительства РФ от 31.03.2020 № 373 «Об утверждении Временных правил учета информации в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Консультант Плюс и др.
4. Письмо Роспотребнадзора от 07.04.2020 № 02/6338-2020-15 "О рекомендациях по профилактике коронавирусной инфекции (COVID-19) среди работников"// СПС Консультант Плюс.
5. Письмо Минтруда России от 23.04.2020 № 14-2/10/П-3710 «О направлении Рекомендаций по применению гибких форм занятости в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ» // Официальные документы в образовании. 2020. № 13.

Скрипочка Валентина Евгеньевна
педагог-психолог
аспирант юридического факультета

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО РАБОТУ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В настоящее время в связи с нарастающей необходимостью в профессионалах, квалифицированных кадрах, остро стоит необходимость в качественной подготовке студентов.

Профессиональная подготовка предполагает профессиональное обучение, в результате которого молодые специалисты овладевают системой научных знаний, познавательных умений и необходимых навыков [1].

С приходом психолога в систему образования связаны большие социальные ожидания. Они не всегда адекватны статусу психолога и задачам психологической службы.

Образовательная организация с нарушенной системой отношений видит в психологе помощника по борьбе с конфликтными педагогами, трудными учащимися и неблагополучными семьями, ожидает от него карательных санкций.

Педагоги пугают провинившихся и несостоятельных обучающихся, поэтому бывают весьма разочарованы, если психолог вдруг занимает позицию «Защитника» и «Опекуна» [1].

Психологу порой приходится «рисковать» собственным здоровьем и репутацией, чтобы отстаивать интересы детей и семьи перед учителями, и администрацией.

Молодые специалисты часто испытывают сложности приступая к практической деятельности. А старшее поколение вынуждены добиваться в судах назначения досрочной трудовой пенсии.

К сожалению, выпускники вузов, приступая к работе в службе практической психологии системы Министерства образования Российской Федерации (далее - Служба), оказываются юридически неподготовленными к решению тех или иных задач правового характера.

Под Службой понимается организационная структура, в состав которой входят педагоги - психологи образовательных учреждений всех типов, образовательные учреждения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи (ППМС - центры), психолого-педагогические и медико-педагогические комиссии (ПМПК), научные учреждения, подразделения высших учебных заведений, учебно-методические кабинеты и центры органов управления образованием и другие учреждения, оказывающие психологическую помощь участникам образовательного процесса [1].

Актуальной задачей Вуза, становится поиск методологических основ, механизмов, технологий, законов способных организовать обучение специалистов в соответствии с современными требованиями Федерального государственного образовательного стандарта.

Таким образом, цель нашего исследования: нормативно-правовые акты законодательной базы, регламентирующие работу педагога-психолога в образовательной организации.

На первом этапе нашего исследования организовано изучение основных документов, регламентирующих работу психолога в системе образования.

1. Закон Российской Федерации №3266-1 от 10.06.92 (в редакции Федерального Закона от 13.01.96 №12-ФЗ) «Об образовании» (статьи 53, 54, 55, 56).

2. Инструктивное письмо №16 от 27.04.89 Госкомитета СССР по народному образованию «О введении должности психолога в учреждениях народного образования».

3. Приказ Министерства образования РФ от 22.10.99. №636 «Об утверждении положения о службе практической психологии в системе Министерства образования РФ».

4. Письмо Министерства образования РФ от 1.03.99. №3 «Об использовании рабочего времени педагога-психолога образовательного учреждения».

5. Решение коллегии Министерства образования РФ от 29.03.95 №7/1 «О состоянии и перспективах развития службы практической психологии образования в РФ».

6. Тарифно-квалификационные характеристики по должностям работников учреждений и организаций образования.

7. Постановление Министерства труда и социального развития РФ от 27.09.96 №1 «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации» введено в действие инструктивным письмом Министерства общего и профессионального образования РФ №7 от 28. 01.97 [5].

Теоретический анализ законодательной базы, проведённый нами, позволяет увидеть, что основные документы, регламентирующие работу психологов в службе практической психологии системы Министерства образования Российской Федерации, были разработаны более 10 лет назад и требуют внесения изменений.

Второй этап нашего исследования, был посвящён рассмотрению конкретных статей действующего законодательства РФ, касающихся должности педагог-психолог.

- Постановление Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 781 «О списках работ, профессий, должностей, специальностей и учреждений, с учетом которых досрочно назначается трудовая пенсия по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», и об утверждении правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)[2].

- «Положение о режиме рабочего времени и времени отдыха работников образовательных учреждений», утверждённое приказом Минобразования России от 01.03.2004г. № 945 режим рабочего времени педагогов-психологов в пределах одной ставки при пятидневной рабочей недели составляет 36 часов в неделю.

Таким образом, рабочий день психолога с учетом 30 минутного перерыва на обед составляет 7 часов 42 минуты [3].

На третьем этапе исследования, полученная нами информация позволила предложить изменения в законодательстве о труде и социальном обеспечении в новых условиях. Нами рассмотрены вопросы:

1. Назначение досрочной трудовой пенсии всем педагогам-психологам образовательных учреждений [4].

Учитывая особенность профессии, педагогу-психологу в современной системе образования приходится работать с различными категориями населения, имеющими разный уровень физического и умственного развития.

Это даёт дополнительные основания включить педагогов-психологов в список профессий, имеющих право на назначение досрочной трудовой пенсии без необходимости обращаться в суд.

2. Сокращение продолжительности рабочего времени педагогам-психологам в образовательной организации до 20 часов в неделю за ставку заработной платы (наравне с дефектологом, учителем-логопедом, логопедом) [3].

В образовательной организации педагогу-психологу во время выполнения трудовых обязанностей приходится контактировать с конфликтными, агрессивными, буйными, гиперактивными и т.д. категориями граждан – это очень отрицательно влияет на здоровье. Сокращение продолжительности рабочего времени, позволит уменьшить профессиональное выгорание и повысит эффективность психологической помощи участникам образовательного процесса.

Резюмируя выше сказанное, заметим, что реализация данного проекта положительно скажется на работе специалистов в области психологии образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психология образовательного пространства [Текст]: сб. науч. Ст. VIII Всерос. студ. олимпиады по спец. «Педагогика и психология», Екатеринбург, 18-21 окт. 2011г. /Урал. гос. пед. ун-т.; сост. А.М. Скотникова: отв. ред. С.А. Минюрова. – Екатеринбург, 2011. – 84с.

2. <https://base.garant.ru/185191/>

3. <https://pravoved.ru/question/619567/>

4. <https://katsaylidi.ru/blog/lgotnaya-pensiya-pedagoga-psihologa/>

5. http://golubevaelenav.narod.ru/psych_L/polojenije.htm

Степанова Елена Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: eastepanova@sfnedu.ru

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА «ПЕРЕЗАГРУЗКУ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ И СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Значение Конституции Российской Федерации в реализации задач социального государства трудно переоценить. Будучи нормативным документом высшей юридической силы, Конституция РФ содержит наиболее принципиальные положения, конкретизация которых в отраслевом законодательстве осуществляется с учетом не только содержания, но и смысла, в них воплощенного. На встрече с руководителями фракций Государственной Думы Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что, хотя нормы Конституции обладают прямым действием, каждая из них должна корректно и ясно раскрываться в ходе законодательных инициатив по реализации ее положений [1].

Попытаемся обозначить основные направления законодательных преобразований в социальной сфере в связи со вступлением в силу Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

Направления совершенствования трудового законодательства

Наименование Закона РФ, внесшего поправки в Конституцию РФ, отражает общую тенденцию ужесточения требований к лицам, олицетворяющим государственную власть, в целях обеспечения доверия граждан к ее институтам. Пункт «т» статьи 71 Конституции РФ дополнен указанием на отнесение к исключительному ведению РФ установления ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы. Указанные ограничения, выступая препятствием к реализации права на труд в форме служебной деятельности, должны устанавливаться федеральным законом или в порядке, им предусмотренном. Трудовой кодекс РФ, признавая государственных и муниципальных служащих субъектами трудового права (ч.7 ст.11), подчеркивает определяющую роль федеральных законов, законов субъектов и нормативно-правовых актов аналогичных уровней в определении особенностей их правового статуса. Принятая поправка расширяет сферу федерального регулирования, что повлечет изменения федеральных законов о государственной и муниципальной службе.

В дополнение к основным гарантиям реализации права на труд (статья 37) статья 75 Конституции РФ в новой редакции возводит в ранг конституционного принципа установление минимального размера оплаты труда (МРОТ) на уровне не ниже прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации. Надо отметить, что в Трудовом кодексе данное правило появилось с момента его принятия, однако реализация его была обусловлена поэтапным повышением МРОТ, устанавливаемым федеральным законом (ст.421). На момент принятия анализируемых поправок величина МРОТ уже достигла величины прожиточного минимума. Однако Конституция РФ на будущее время определила невозможность существования разрыва между этими двумя величинами, что несомненно повышает уровень покупательной способности заработной платы. Представляется, что статья 421 Трудового кодекса РФ должна быть теперь исключена.

В новых положениях Конституции РФ неоднократно подчеркивается уважительное отношение к человеку, который трудится («Российская Федерация

уважает труд граждан...» (часть 5 статьи 75), «в Российской Федерации ... гарантируются ... уважение человека труда» (статья 75.1)). Понятие «труд» несомненно охватывает все виды трудовой деятельности, а не только попадающие в сферу действия трудового права. Более того, законодательство развивается в направлении признания и защиты новых форм занятости, ярким примером чему является правовое положение самозанятых граждан, определяемое Федеральным законом от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».

Представляется, что в анализируемых конституционных новеллах заложена идея о поощрении легальных форм занятости в противовес «скрытым отношениям» на рынке труда. Однако выбор индивидом той или иной формы напрямую определяет объем предоставленных ему прав и гарантий. В то же время, устанавливая дифференцированную защиту человека труда, определяемую характером его занятости, не следует забывать о наличии «пограничного положения», при котором трудно провести четкий водораздел между традиционными трудовыми отношениями и иными формами использования труда. Как отмечает О.В. Чесалина, «появляется большое количество как псевдосамозанятых, так и экономически зависимых самозанятых (без наемных работников), которые так же, как и работники, нуждаются в социальной защите и находятся в сопоставимом с работником положении» [2]. Хотелось бы верить, что дальнейшее развитие российского трудового права будет иметь в качестве вектора необходимость сближения уровня правовой защищенности для лиц, чья трудовая деятельность не имеет явных признаков предпринимательской.

Направления совершенствования законодательства в области социального обеспечения

Российская система социального обеспечения «стоит на трех китах»: государственное обеспечение за счет средств бюджетной системы РФ, обязательное социальное страхование и добровольные взносы в целях защиты от социальных рисков. Очевидно, что в условиях экономической рецессии, вызванной в 2020 году, прежде всего, глобальной борьбой с распространением новой коронавирусной инфекции, повышенная социальная защита граждан будет реализована в форме бюджетного финансирования соответствующих выплат.

Конституция РФ дополнена новой статьей 67.1, определяющей, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей». В научной литературе справедливо подчеркивается, что государство должно нести ответственность за надлежащее исполнение принятых на себя обязательств перед гражданами, особенно когда речь идет о правовом государстве, претендующем в данной области на совершенство [3]. В Российской Федерации функционирует система пособий гражданам, имеющим детей, которая в 2020 году была дополнена ежемесячными денежными выплатами на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет за счет средств субъектов РФ (Указ Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»); ежемесячными и единовременными выплатами на ребенка, финансируемыми из

федерального бюджета, обращение за назначением которых должно было иметь место до 1 октября 2020 года (Указ Президента РФ от 7 апреля 2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей»).

Важные конституционные новеллы определяют сегодня необходимость реформирования системы пенсионного обеспечения. Согласно части 6 статьи 75 Конституции РФ в Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом. В данной правовой норме особого внимания заслуживают два момента.

Во-первых, возведение в основополагающую идею принципа солидарности поколений. Специалисты в области права социального обеспечения неоднократно подчеркивали, что взимание обязательных страховых взносов на формирование накопительной пенсии разрушило принцип солидарности застрахованных лиц и привело к необоснованным рискам потери денежных средств либо снижения их покупательной стоимости вследствие непредсказуемой ситуации на финансовых рынках [4].

Вторым важным положением является закрепление на конституционном уровне требования о ежегодной индексации пенсий. Представляется, что реализация данного положения в отраслевом законодательстве должна распространить этот механизм повышения реального уровня содержания пенсии как источника средств к существованию нетрудоспособного индивида и на лиц, продолжающих трудовую деятельность после назначения страховой пенсии. А вот порядок такой индексации уже будет устанавливаться федеральным законом. Очевидно различие между данной нормой и нормой части 7 статьи 75 Конституции РФ, которая, напротив, отдает на откуп федеральному законодателю индексацию социальных пособий и социальных выплат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Встреча Президента РФ с руководителями фракций Государственной Думы // <http://duma.gov.ru/news/49654/> (дата обращения: 12.10.2020)
2. Чесалина О.В. К вопросу о незыблемости правового статуса работника и правового статуса самозанятого лица // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 26.
3. Высоцкая Л.П. Некоторые аспекты закрепления принципа ответственности государства и личности в законодательстве современной России // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2020. № 3. С.94.
4. Тучкова Э.Г. Итоги реформ и перспективы формирования многоуровневой национальной пенсионной системы // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 10. С.20.

Тропина Ольга Николаевна
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Квалификация медицинских работников имеет огромное значение не только для пациента. От уровня подготовленности медицинских кадров зависит деятельность всей отрасли здравоохранения, через которую реализуется государственная функция по охране жизни и здоровья граждан, обеспечение права граждан на качественную и доступную медицинскую помощь [1]. Право на медицинскую деятельность имеют лица, получившие медицинское (иное) образование и успешно прошедшие процедуру аккредитации специалиста [2].

Медицинское образование предполагает получение специальности высшего образования по направлению подготовки «Здравоохранение и медицинские науки» по профессиональным образовательным программам среднего специального образования, специалитета, бакалавриата, магистратуры и ординатуры и присвоение определенной квалификации после успешного прохождения процедуры государственной итоговой аттестации.

Полученные в результате обучения специальность и квалификацию медицинского работника подтверждает документ об образовании - диплом [3]. Однако для работодателя в сфере здравоохранения информации, содержащейся в указанном документе, будет не достаточно для определения квалификации медицинского работника и рассмотрения его кандидатуры для занятия определенной должности (работы по определенной специальности).

Такая ситуация сложилась по причине правовой коллизии норм подзаконных ведомственных нормативно-правовых актов, устанавливающих квалификационные требования и наименования специальностей в сфере здравоохранения. Присвоение специальности и квалификации после завершения освоения соответствующей образовательной программы производится в соответствии Приказом Минобрнауки России от 12.09.2013 № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» и Приказом Минобрнауки России от 29.10.2013 № 1199 «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования». То есть, обучающиеся получают медицинское образование не по медицинским и фармацевтическим специальностям. И, к сожалению, специальности и квалификации в указанных приказах не совпадают со специальностями, установленные Министерством здравоохранения Российской Федерации в Приказе Минздрава России от 07.10.2015 № 700н «О номенклатуре специальностей специалистов, имеющих высшее медицинское и фармацевтическое образование» и Приказе Минздравсоцразвития РФ от 16.04.2008 № 176н «О номенклатуре специальностей специалистов со средним медицинским и фармацевтическим образованием в сфере здравоохранения Российской Федерации».

Таким образом, работодатель не может принять медицинского работника на должность по специальности вследствие несовпадения информации о специальности и квалификации медицинского работника в документе об образовании и штатном расписании медицинской организации, хотя компетенции, полученные в процессе освоения образовательной программы, позволяют это сделать.

Для нивелирования указанной ситуации Минздравом России были изданы Приказ Минздрава России от 08.10.2015 № 707н «Об утверждении Квалификационных требований к медицинским и фармацевтическим работникам с высшим образованием по направлению подготовки «Здравоохранение и медицинские науки» и Приказ Минздрава России от 10.02.2016 № 83н «Об утверждении Квалификационных требований к медицинским и фармацевтическим работникам со средним медицинским и фармацевтическим образованием». Данные документы являются «переходником», позволяющим идентифицировать «образовательные» специальности и медицинские специальности. К сожалению, приказы не достаточно эффективно справились с этой задачей, т.к. содержат многочисленные пробелы. В настоящее время законодатель начал работу по внесению соответствующих изменений. Так, 04.09.2020 был подписан приказ Минздрава России № 940н о внесении изменений в Приказ Минздрава России от 08.10.2015 № 707н: внесена специальность «Стоматология», для ряда специальностей добавлены новые должности. Но, указанной деятельности не достаточно, т.к. нужно дополнительно вносить корректировки в нормативно-правовые акты, устанавливающие номенклатуры специальностей специалистов, имеющих высшее и среднее медицинское и фармацевтическое образование и профессиональные стандарты.

Возможно, в настоящее время есть инструмент, позволяющий на практике разрешить указанную коллизию. Речь идет о процедуре аккредитации специалиста (процедура соответствия лица, получившего то или иное образование, требованиям к осуществлению медицинской деятельности по определенной медицинской специальности). В свидетельстве об аккредитации специалиста указывается информация как о специальности (направлении подготовки) согласно приказам Минобрнауки России, так и наименование специальности согласно приказа Минздрава России, а также указывается наименование профессионального стандарта. Однако при пробельности или коллизии норм аккредитационная комиссия не имеет полномочий устанавливать соответствие квалификации, если «образовательной» специальности нет в нормативных актах.

Таким образом, складывается ситуация, когда обучающийся, имея образование по направлению подготовки «Здравоохранение и медицинские науки», не сможет реализовать себя в медицинской деятельности. Специалисты в сфере медицинского права уже давно говорят о необходимости связующего нормативно-правового акта, устанавливающего соответствие «образовательных» и «медицинских» специальностей [4].

Другим аспектом при рассмотрении проблем, связанных с правовыми коллизиями при квалификации медицинских работников является

«интерпретация» компетенций - результатов обучения по образовательным программам бакалавриата и магистратуры.

В более двух десятков образовательных организаций высшего профессионального образования, подведомственных Минздраву России проводится подготовка по трем специальностям магистратуры: 32.04.01 Общественное здравоохранение, 33.04.01 Промышленная фармация, 34.04.01 Управление сестринской деятельностью. Обучающиеся получают квалификацию «магистр» [5].

В настоящее время только выпускники направления подготовки 34.04.01 Управление сестринской деятельностью могут работать в соответствии с полученной квалификацией, т.к. совпадает наименование образовательной и медицинской специальности. Для обучающихся двух других направлений подготовки пока нет такой возможности: их специальность и квалификация «магистр» в рамках профессионального образования «Здравоохранение и медицинские науки» не позволит им занимать должности медицинских и фармацевтических работников.

Возникает вопрос о целесообразности отнесения этих специальностей к медицинскому и фармацевтическому образованию, особенно в условиях отмены деления магистратуры на академическую и прикладную. Этот же вывод напрашивается в связи с отсрочкой на неопределенное время начала аккредитации специалистов выпускников магистратуры[7]. Еще одним аспектом при рассмотрении вопроса о том является ли образование по магистерским программам направления подготовки «Здравоохранение и медицинские науки» медицинским образованием возникает в связи с отсутствием закрепления в законодательстве обязательной преемственности в «профильности» относительно ранее полученного образования. Сегодня выпускник специалитета (бакалавриата) любого направления подготовки имеет право получить медицинское и фармацевтическое высшее образование – магистратуру.

С 2013 года в российском образовании по направлению подготовки «Здравоохранение и медицинские науки» готовят медицинские кадры по специальности 34.03.01 Сестринское дело (бакалаврит). Наименование образовательной и медицинской специальности совпадают. Выпускникам присваивается квалификация «бакалавр». При этом в профессиональном стандарте «Специалист по организации сестринского дела» в требованиях к образованию и обучению уровень бакалавриата фактически приравнен к уровню среднего профессионального образования. А в некоторых случаях, даже уступает уровню, полученному в медицинском колледже или училище. Так, работник со средним медицинским образованием может занять должность директора хосписа, а с высшим образованием уровня бакалавриата – нет. К слову, эту же должность также может занять претендент, имеющий высшее образование - магистратура по специальности «Управление сестринской деятельностью». В данном случае, Минтруд России узаконил девальвацию уровней высшего медицинского образования – бакалавриата и магистратуры. Примечательно, что в описании медицинской специальности «Организация сестринского дела» уровень профессионального образования – бакалавриат вовсе отсутствует.

Таким образом, в сфере подготовки кадров по медицинским специальностям и при определении квалификации медицинских работников имеются проблемы, связанные с правовыми коллизиями, истоки которых лежат в межведомственном правовом регулировании соответствующих общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» // СПС КонсультантПлюс.

3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

4. Габай П. 327н или все смешалось в доме Облонских // URL: <https://kormed.ru/baza-znaniy/nashi-analiticheskie-zaklyucheniya/vnov-o-prikaze-minzdrava-327n-ili-vse-smeshalos-v-dome-oblonskih/> (дата обращения: 20.10.2020).

5. Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» // СПС КонсультантПлюс.

6. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 июля 2020 № 479н Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по организации сестринского дела»// СПС КонсультантПлюс.

7. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 22 декабря 2017 г. № 1043н «Об утверждении сроков и этапов аккредитации специалистов, а также категорий лиц, имеющих медицинское, фармацевтическое или иное образование и подлежащих аккредитации специалистов»

СЕКЦИЯ № 8

ИЗМЕНЕНИЯ В КОНСТИТУЦИИ РФ И ДИНАМИКА УГОЛОВНОГО ПРАВА

Берестовой Дмитрий Александрович
помощник прокурора Южной транспортной прокуратуры
г. Ростов-на-Дону
e-mail: berestovoy_7@mail.ru

ГЕТЕРО- И АУТОАГРЕССИЯ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СРЕДЕ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО- ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Семья является одним из основных социальных институтов, формирующих личность человека, определяющих модель его поведения. Согласно ст. 38 Конституции РФ материнство, детство, семья находятся под защитой государства (ч.1); забота о детях, их воспитание являются правом и обязанностью родителей

(ч.2); трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях (ч.3).

К сожалению, одним из индикаторов высокого социального неблагополучия российского общества, являются высокие показатели агрессивного и аутоагрессивного поведения в семье.

Аутоагрессивное поведение подразделяется на аутоагрессивное суицидальное поведение, т.е. намеренные и осознанные действия индивида, направленные на лишение себя жизни и аутоагрессивное несуйцидальное поведение, т.е. различные самоповреждающие действия индивида, не представляющие угрозы для его жизни и не связанные со стремлением к смерти.

Официальная статистика фиксирует только сведения, касающиеся аутоагрессивного суицидального поведения. Судя по данным Росстата РФ, опубликованным в докладе "Естественное движение населения", в последние годы прослеживается тенденция к сокращению количества самоубийств. Так, в России в 2015 г. было зарегистрировано 25 476 самоубийств, а в 2019 году - 17192. Коэффициент смертности от самоубийств, т.е. число погибших от самоубийств на 100 000 человек населения, также имеет отрицательную динамику: в 2015 г. – 17,1, а в 2019 год - 11,6.

Аутоагрессивное поведение представляет собой сложный социально-психологический и криминологический феномен, который детерминирован как внутренними (когнитивными, эмоциональными, поведенческими и др.), так и внешними (социальными) факторами [1, 129].

Следует подчеркнуть, что на формирование аутоагрессивной, в том числе и суицидальной направленности личности сильнейшее влияние оказывают гетероагрессивные действия преступного характера, совершаемые в семейно-бытовой среде.

Это неудивительно. Характер отношений между родителями и детьми, родителей между собой и с другими членами семьи, совместно проживающими с ними — это те факторы, которые способны предопределить аутоагрессивное поведение в семье и вне ее.

Между тем, как свидетельствуют исследования, те или иные формы противоправного воздействия на потерпевших имеют место практически в каждой четвертой семье [2; 3]. При этом уровень латентности противоправных деяний в семейно-бытовой сфере оценивается криминологами в диапазоне от 76 % [4] до 97 % [5].

Гетеро-агрессия в семейно-бытовой сфере обладает свойствами регулярности, систематичности, цикличности. Многие жертвы семейно-бытового насилия, находясь в состоянии психологического стресса, пытаются снять нервное напряжение и разрешить неразрешаемый семейный и внутриличностный конфликт, избирают стратегию «ухода». Кто-то из потерпевших начинает употреблять алкоголь, наркотические средства и психотропные вещества, кто-то пытается сбежать из дома, кто-то совершает аутоагрессивные действия или заканчивает жизнь самоубийством.

Наиболее распространенной формой преступной причастности к аутоагрессивному поведению в семейно-бытовой среде является доведение до

самоубийства (покушения на самоубийство) различными способами. Уголовная ответственность за это деяние предусмотрена ст. 110 УК РФ. Исследователи указывают на следующие распространенные разновидности противоправных деяний в семейно-бытовой сфере, итогом которых может стать аутоагрессия потерпевшего: 1) физическое насилие (причинение физической боли, нанесение телесных повреждений, лишение возможности удовлетворения физиологических потребностей); 2) сексуальное насилие; 3) психологическое насилие (оскорбления, угрозы); 4) экономическое насилие (лишение средств к существованию; запрет на трудоустройство или, напротив, принуждение к труду); 5) регулярное неисполнение обязанностей по удовлетворению жизненных потребностей члена семьи, находящегося в беспомощном состоянии (ребенка, престарелого, инвалида); 5) изоляция от общества (ограничение свободы передвижения, препятствование общению с родственниками, друзьями). Описание объективной стороны состава преступления в диспозиции ст. 110 УК РФ с помощью использования абстрактных и обобщенных формулировок «доведение», «угрозы», «жестокое обращение», «систематическое унижение человеческого достоинства» позволяет привлечь виновного к ответственности за все вышеперечисленные деяния, если они связаны причинно-следственной связью с самоубийством или покушением на самоубийство потерпевшего.

Акты агрессии в семье совершаются в отношении физически более слабых, незащищенных членов семьи, которые не в состоянии им противостоять. Потерпевшими от преступлений в семье чаще всего становятся женщины (их доля составляет около 60%) и дети (их доля составляет около 20%) [6].

С точки зрения уголовного права доведение до самоубийства или покушения на самоубийство образует квалифицированный состав, если деяние, совершено: в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (п. а ч.2 ст. 110 УК РФ); в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. б ч.2 ст. 110 УК РФ); в отношении двух или более лиц; (п. в ч.2 ст. 110 УК РФ); группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. г ч.2 ст. 110 УК РФ).

К гетеро-агрессии в семье в 80% случаев прибегают мужчины, в возрасте от 18 до 29 лет, с невысоким уровнем образования, рабочие, систематически употребляющие алкоголь или наркотические средства [7]; в 20% случаев женщины – матери несовершеннолетних потерпевших, в возрасте от 26 до 36 лет, имеющие специальное образование, рабочие, ранее не судимые, систематически употребляющие спиртные напитки [8].

Социальный портрет преступника, на первый взгляд, позволяет сделать вывод о том, что насилие более распространено в семьях, имеющих низкий социальный и экономический статус, невысокий уровень образования и культуры, характеризующихся девиантным или правонарушающим поведением членов семьи, их склонностью к употреблению алкоголя или наркотических средств.

Однако это не совсем так. Насилие может применяться в семьях с различным социальным статусом и уровнем доходов, с различными этническими и религиозными укладами, с разным уровнем образования. Ученые, исследовавшие

проблему семейного насилия, пришли к выводу, что в уголовную статистику попадают в основном насильственные преступления, совершаемые люмпенизированными преступниками, а в латентную часть семейного насилия (не будем забывать, что она превышает 90%) входят преступления, совершаемые в так называемых благополучных семьях.

В заключение отметим, что в России, как и в развитых демократических странах, официальное отношение к семейному насилию резко отрицательное. Однако на уровне обыденного сознания до сих пор распространены патриархальные взгляды на женщину как объект мужской власти; на детей – как объект родительской власти, сохраняются представления о том, что насилие является допустимым средством разрешения любых внутрисемейных проблем. Именно эта негативная социальная психология легитимизирует и воспроизводит насильственную модель поведения в семейных взаимоотношениях, выступает основной причиной стабильно -высокого уровня преступной причастности к аутоагрессивному поведению в семейно-бытовой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук - Рязань, 2011. С. 114.
2. Ситковский А. Л. Концептуальные основы виктимологической защиты жертв насильственной преступности : учеб. пособие. — М. : ВНИИ МВД России, 2012;
3. Штефан А. В. Насилие в отношении несовершеннолетних в семье: уголовно-правовой и криминологический аспекты – Челябинск, 2011.
4. Зарубина К. Д. Социальное неблагополучие и насилие в семье (Криминологическое исследование): Автореф. дис.... канд. юрид. наук - М., 2013.
5. Харламов В. С. Преступное насилие в семьях мигрантов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2 (49).
6. Ситковский А.Л. Концептуальные основы виктимологической защиты жертв насильственной преступности: учеб. Пособие - М. : ВНИИ МВД России, 2012.
7. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex russica(Русский закон). 2018. №9.
8. Шахов В.И. Насилие в семье. Уголовно-правовое и криминологическое значение : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук - Казань, 2003.

Витвицкий Андрей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент
(Донской государственный технический университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: fishbrook@yandex.ru

Витвицкая Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент
старший юрисконсульт ООО «Военный Вестник»

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТРАБАНДЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ

Справедливость как конституционный принцип лежит в основе всех отраслей права, в том числе и уголовного. В уголовном кодексе РФ содержание принципа справедливости раскрывается в ст. 6, в соответствии с которой наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Под экономической (товарной) контрабандой в теории уголовного права понимается незаконное перемещение через таможенную границу товаров и иных предметов, находящихся в свободном гражданском обороте, с целью уклонения от уплаты таможенных платежей.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. в первоначальной редакции содержал как норму, устанавливающую ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194), так и норму, предусматривающую ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу товаров и иных предметов, находящихся в свободном гражданском обороте (ч.1 ст. 188).

В этот период ученые вели бесконечные споры о наиболее правильном подходе к применению указанных норм. Целый ряд авторов настаивал на необходимости квалификации содеянного в этих случаях по правилам идеальной совокупности преступлений [1, 28; 2, 192; 3, 24]. Другие правоведы считали, что применение виновным хотя бы одного из способов, характеризующих контрабанду для того, чтобы избежать уплаты таможенных платежей, свидетельствует о наличии в действиях виновного состава ст.188 УК РФ, а не ст. 194 УК РФ [4, 575]. Третьи специалисты указывали на то, что контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей, посягают на разные объекты, имеют разную направленность умысла, действия по уплате таможенных платежей и по перемещению не совпадают во времени. Поэтому исключается как «поглощение» контрабандой неуплаты таможенных платежей, так и идеальная совокупность этих преступлений и возможна лишь их реальная совокупность [5,10].

Конец этой дискуссии, казалось бы, положил Федеральный закон от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ, которым «экономическая контрабанда», предусмотренная ч.1 ст. 188 УК РФ была исключена, нормы о специальных разновидностях «неэкономической контрабанды» были включены в главу 25 (ст. 226.1) и главу (ст.229.1) УК РФ, а состав уклонения от уплаты таможенных платежей был дополнен особо квалифицирующими признаками: «совершение деяния должностным лицом с использованием своего служебного положения (п. а ч.3 ст. 194 УК РФ) и «с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль» (п. б ч.3 ст. 194 УК РФ).

Это решение вызвало одобрение у ученых, усматривавших неразрешимую конкуренцию между экономической контрабандой и уклонением от уплаты таможенных платежей и серьезные протесты со стороны специалистов, посчитавших, что в результате реформирования уголовный закон стал пробельным.

Однако вскоре законодатель вновь изменил свою позицию и ФЗ от 31 декабря 2014 г. ввел в УК РФ ст. 200.2, установив в ней ответственность за такую специальную разновидность экономической контрабанды как контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий.

Как известно, введение специальной нормы обуславливается изменением уголовно-правовой оценки общественной опасности деяния и необходимостью трансформации его наказуемости в сторону ужесточения или смягчения. Примечательно, что законодатель признал контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий более опасным преступлением по сравнению с уклонением от уплаты таможенных платежей и даже с контрабандой стратегически важных товаров и ресурсов. Об этом свидетельствуют результаты сопоставления размеров криминообразующих признаков в диспозициях анализируемых норм и размеры наказаний, предусмотренных в их санкциях.

Так, за контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий в крупном размере (на сумму свыше 250 тыс. руб.) в санкции ст. 200.2 УК РФ предусмотрены лишение свободы на срок до 5 лет (медиана 2 года 7 мес.), либо принудительные работы на тот же срок (медиана 2 года 7 мес.), либо штраф от трехсот тысяч до одного миллиона рублей (медиана – 650 тыс. руб.).

За уклонение от уплаты таможенных платежей в крупном размере (на сумму, превышающую 2 млн. руб.) в санкции ч.1 ст. 194 УК РФ предусмотрены лишение свободы на до двух лет (медиана 1 год 1 месяц), принудительные работы на тот же срок (медиана 1 год 1 месяц), либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо штраф в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей (медиана – 300 тыс. руб.) или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет.

За контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов, к которым, в частности, отнесен спирт этиловый неденатурированный с концентрацией спирта 80 об.% или более; этиловый спирт и прочие спиртовые настойки, денатурированные [7] в крупных размерах (на сумму более 1 миллиона рублей) установлено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет (медиана 5 лет) со штрафом в размере до 1 миллиона рублей или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

На наш взгляд, суровость санкций ст.200.2 УК РФ явно завышена, предусмотренные в ней наказания по своему содержанию и строгости не соответствуют уровню общественной опасности содеянного, не согласованы с санкциями за совершение таких близких по виду общественной опасности преступлений, как контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов (ст. 226. 1 УК РФ) и уклонение от уплаты таможенных платежей (ст.226.1 УК РФ). Кроме того, этой санкции присущи такие недостатки законодательной техники, как

необоснованно большой разрыв между нижним и верхним пределами наказания в виде лишения свободы и принудительных работ.

Следует отметить, что введение специальной нормы о контрабанде алкогольной продукции и (или) табачных изделий не только заставляет задуматься о справедливости сконструированных в ней санкций, но и вновь ставит на повестку дня вопрос об уголовно-правовой оценке незаконного перемещения через таможенную границу вышеуказанной подакцизной продукции и уклонения от уплаты таможенных платежей.

Заметим, что в некоторых документах, разъясняющих вопросы применения уголовного законодательства, охраняющего внешнеэкономическую деятельность, говорится о необходимости квалификации содеянного по правилам совокупности. Так, в «Методических рекомендациях по актуальным вопросам возбуждения уголовных дел и уголовно-правовой квалификации контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов» [8], есть положения, касающиеся квалификации контрабанды СВСТ по совокупности с уклонением от уплаты таможенных платежей в случае, если такая контрабанда влекла за собой неуплату в федеральный бюджет таможенных платежей в крупном или особо крупном размерах.

На наш взгляд, в правильности этих рекомендаций можно усомниться. Как известно, таможенное оформление импортируемой алкогольной продукции и (или) табачных изделий предполагает выполнение требований по маркировке продукции акцизными марками и уплате обязательных таможенных платежей: ввозной таможенной пошлины, акцизного сбора и НДС [8]. Соответственно контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий неизбежно будет сопряжена с нарушением всех перечисленных требований, поэтому квалификация содеянного по правилам совокупности будет явно избыточной и несправедливой (особенно с учетом высоких санкций ст. 200.2 УК РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлева Е. К вопросу о разграничении контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей // Уголовное право 2005 №2 С. 28.
2. Пинкевич Т.В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 192.
3. Тюнин В.И. Юридическая конструкция деяний в сфере экономической деятельности. – СПб., 2000. С. 24-25.
4. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону. С.575.
5. Рогатых Л. Ф. Контрабанда: проблемы уголовно-правовой характеристики. Автореф. канд. дисс. - СПб., 1999. С.10, 11.
6. Постановление Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» с изменениями и дополнениями от: 16 декабря 2014 г., 9 августа 2016 г., 31 августа, 19 сентября, 22 октября 2018 г., 5 апреля, 7 июня 2019 г. // СПС Консультант-плюс».

7. Письмо ФТС России от 19.07.2013 № 18-12/31135 "О направлении методических рекомендаций" (вместе с "Методическими рекомендациями по актуальным вопросам возбуждения уголовных дел и уголовно-правовой квалификации контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов") // СПС «Консультант плюс».

8. Письмо ФТС России Министерства финансов Российской Федерации от 6 апреля 2020 г. № 01-11/19309 «О взимании и учете акцизов, уплачиваемых в доход федерального бюджета» // СПС «Консультант плюс».

Горенко Максим Геннадьевич

аспирант

(Кубанский государственный университет)

г. Краснодар

e-mail: maxim_gko@mail.ru

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА И ПОСОБНИЧЕСТВА В СТАТЬЯХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Пандектная система построения уголовного законодательства Российской Федерации предопределяет деление последнего на Общую и Особенную части. Общеизвестно, что в Общей части содержатся установления фундаментального и основополагающего характера, которые в дальнейшем лежат в основе применения норм Особенной части УК РФ. Правовая природа уголовного закона не должна подвергаться сомнению факт взаимного согласования положений обеих частей УК. Однако действующее российское уголовное законодательство в некоторой своей части не придерживается вышеуказанного принципа.

Одним из наиболее давних институтов уголовного права России является институт соучастия, по сей день вызывающий научные дискуссии, связанные со сложностью применения его положений. Нормы, регламентирующие соучастие в преступлении, расположились с 32 по 36 статью в гл. 7 УК РФ. Они имеют разное содержание. Так, ст. 33 УК РФ перечисляет виды соучастников преступления. К таковым относятся: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник [3]. Каждый из них обладает определенным набором признаков, детальным образом отраженных в их дефинициях в указанной статье.

Казалось бы, соответствующих положений вполне достаточно для успешного применения норм Особенной части УК РФ при уголовно-правовой оценке преступления, совершенного теми или иными соучастниками. Вместе с тем некоторые статьи Особенной части УК РФ имеют своим содержанием самостоятельную полную или частичную регламентацию подстрекательства и пособничества, которая *de jure* дублирует положения Общей части УК и функционирует в отрыве от последних.

Подтверждением сказанного служат положения статей 205.1 («Содействие террористической деятельности»), 291.1 («Посредничество во взяточничестве»), 282.3 («Финансирование экстремистской деятельности») УК РФ и некоторых других.

В ключе рассматриваемой проблематики стоит выделить ст. 205.1 УК РФ. Данный состав преступления с момента своего введения неоднократно подвергался критике в связи с тем, что его положения дублируют норму, содержащуюся в ч. 4 ст. 33 УК РФ. Предлагалось либо полностью исключить состав, предусмотренный ст. 205.1 УК РФ [1], либо убрать из нее признаки, дублирующие положения ст. 33 УК РФ [2].

Определенный интерес представляет ч. 3 ст. 205.1, устанавливающая ответственность за пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ. Введение данной нормы обусловило ситуацию, при которой исполнителем теперь стал, по сути, носитель функции пособничества. Прежде такое лицо признавалось бы только пособником. Кроме того, примечание 1.1. к ст. 205.1 УК РФ, раскрывающее понятие пособничества, идентично понятию, установленному в ч. 5 ст. 33 УК РФ. В свою очередь примечание 2 к ст. 205.1 УК РФ входит в противоречие с общими положениями, регламентирующими добровольный отказ от преступления (ст. 31 УК РФ), придавая иную правовую природу описанным в нем действиям. Возникает вопрос об обоснованности и целесообразности такой законодательной конструкции.

Элементы пособничества «разбросаны» по многим статьям УК РФ. Помимо выше названных к таковым относятся: ст. ст. 127.1, 173.2, 185.6, 275, 359 УК РФ. Существуют ситуации, при которых признаки пособничества, определенные в Общей части, не совпадают с признаками, сформулированными в статьях Особенной части УК РФ. Это связано с тем, что определение, содержащееся в ч. 5 ст. 33 Кодекса, носит исчерпывающий характер. Несмотря на это, по нашему мнению, положения, регламентирующие специальные виды пособничества в статьях Особенной части УК РФ, следует признать недопустимыми, так как они нарушают системность изложения уголовно-правовых норм.

Несмотря на очевидно неуместное, с точки зрения юридического изложения, «присутствие» положений о подстрекательстве и пособничестве в статьях Особенной части УК РФ, законодатель посчитал такой подход обоснованным.

В результате стремительно развивающихся общественных отношений, роста технического прогресса подстрекатели и пособники стали использовать все более изощренные формы и способы склонения и содействия совершению преступлений. Законодатель криминализовал отдельные разновидности подстрекательства и пособничества в ряде статей Особенной части УК РФ в связи с частым совершением соответствующих преступных действий и их повышенной общественной опасностью. Большинство террористических актов совершаются в соучастии, где пособник реализует такие значимые функции, как посредничество, вооружение, финансирование. Следовательно, из «рядового» помощника он трансформируется в важное звено соучастия в преступном деянии. При этом действия подстрекателя и пособника зачастую носят латентный характер. Представляется, что причиной сложившейся ситуации является несовершенство норм Общей части УК РФ, регламентирующих подстрекательство и пособничество, их несоответствие современным реалиям. К примеру, общие

установления относительно действий пособника не подлежат расширительному толкованию, в связи с чем законодателю приходится оперативно внедрять новые его признаки в статьи Особенной части УК РФ.

Таким образом, указанные изменения, внесенные в УК РФ, носят неоднозначный характер. Казалось бы, введение ответственности за отдельные разновидности подстрекательства и пособничества, не лишено логики. Однако, пойдя по такому пути, законодатель фрагментарно дискредитировал смысл существования ч. ч. 4, 5 ст. 33 УК РФ. Ряд случаев пособничества он необоснованно трансформировал в исполнительство.

Наличие в Особенной части УК РФ норм, самостоятельно криминализующих отдельные проявления подстрекательства и пособничества, не может быть оправдано. Повторение или дублирование в ней положений Общей части УК РФ нецелесообразно как с точки зрения законодательной, так и правоприменительной техники. Оно «ломает» четко выстроенную ранее систему уголовного законодательства. На наш взгляд, регламентация подстрекательства и пособничества должна осуществляться исключительно в нормах Общей части УК РФ. Другое дело, что они требуют определенного корректирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 36.
2. Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Проблемы уголовно-правовой регламентации склонения, вербовки или иного вовлечения в осуществление террористической деятельности (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ) // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 352.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Донская (Кавелина) Ольга Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: donskayaog@yandex.ru

ДВОЙНАЯ ФОРМА ВИНЫ КАК ФЕНОМЕН УГОЛОВНОГО ПРАВА

По общему правилу умысел и неосторожность при квалификации преступлений рассматриваются как самостоятельные формы вины. Деление вины на умышленную и неосторожную позволяет оценить степень общественной опасности содеянного конкретной личностью. Особенность преступлений с двойной формой вины заключается в том, что один состав содержит два самостоятельных преступления, одно из которых является умышленным, а другое – неосторожным. Объединение умысла и неосторожности в одном составе преступления представляет своеобразный феномен уголовного права. Можно согласиться с А.И. Коробеевым в том, что «в сочетании друг с другом умысел и

неосторожность образуют качественно иное преступление со специфическим субъективным содержанием» [1, с. 485]. Своеобразие преступлений с двойной формой вины заключается в том, что виновный осознанно стремится к конкретному преступному результату своих действий, однако фактически наступают иные последствия (вред здоровью, смерть потерпевшего и др.), наступление которых для виновного является определенной «неожиданностью», в связи с чем законодатель регламентирует необходимость их квалификации по неосторожности. Общее правило об ответственности за преступления, совершенные с двумя формами вины, содержится в ст. 27 уголовного закона, в соответствии с которой в целом такие преступления признаются совершенными умышленно. Действительно, анализ объективной стороны данных преступлений посредством метода социального моделирования, а также исследование соответствующих материалов судебной практики свидетельствуют о крайне вероятном причинении тяжких последствий в результате умышленных противоправных деяний. Однако «у виновного отсутствует сознательное моделирование причинно-следственной связи между своим поведением и наступившими последствиями» [2, с. 12]. Вина в форме легкомыслия, в отличие от небрежности, содержит интеллектуальный компонент, следовательно, представляет собой наиболее опасную форму неосторожной вины. При наличии вины в форме легкомыслия следует предположительно установить могли ли быть у виновного убедительные основания, в связи с которыми он предполагал предотвращение опасных последствий, учитывая при этом имеющиеся объективные и субъективные факторы. Вместе с тем, виновное лицо может рассчитывать не только на свои действия, но и на предполагаемые действия других лиц (например, нарушая скоростной режим, водитель надеется, что пешеход успеет перебежать дорогу), внешнюю обстановку и другие обстоятельства. Такое девиантное поведение правонарушителя, прежде всего, свидетельствует о том, что «в психике личности, которая его допустила, имеются дефекты психической регуляции, такая психика индивида не соответствует сложившимся основам социального регулирования» [3, с. 121]. Характеризуя легкомыслие как вид неосторожности, В.В. Лунеев указывает: «проявленная самонадеянность субъекта свидетельствует о том, что его предвидение носит абстрактный и неопределенный характер без достаточного представления развития причинных связей между своим поведением (нарушением) и возможными последствиями» [4, с. 213].

Сущность любого деяния есть одновременно и показатель общественной опасности преступника. В обществе сложилось искаженное представление о криминальных чертах личности преступника. Считается, что это всегда агрессор, с ярко выраженными внешними атрибутами криминального мира (татуировки, жаргон, криминальный образ жизни и др.). Поэтому проблеме неосторожной преступности в криминологии и уголовном праве в России уделялось не достаточно внимания. Данная проблема прорабатывается в нашей стране активно только в последние годы. Толчком тому послужили катастрофические для общества последствия, наступившие в результате небрежности и легкомыслия. Ярким примером являются трагические события в г. Кемерово, произошедшие 25 марта 2018 года: в результате пожара в ТЦ «Зимняя вишня» погибло более 60

человек [5]. Только в 2019 г. совершено 164358 ДТП, в результате которых погибло 16981 человек, ранены и пострадали в разной степени тяжести – 210877 человек [6]! Очевидно, что преступления, связанные с нарушением правил безопасности, являются глобальной угрозой для всего общества. Парадокс современного законодательства заключается в том, что нарушение правил безопасности само по себе не является преступным. В «поле» уголовной юстиции данные деяния попадают только после наступления определенных (чаще всего, существенных и не обратимых), последствий (вред здоровью, смерть и др.). Лицо, осознанно нарушающее соответствующие законодательные нормативы, приобретает криминальные черты только тогда, когда причиняет существенный вред обществу! Если этого не произошло, данный гражданин числится в законопослушной части общества. Объективные характеристики такой личности применимы к любому среднестатистическому гражданину. В качестве субъективных факторов следует учитывать опыт, возраст, образование и иные обстоятельства, позволяющие в конкретном случае правильно оценить роль личности, ответственной за соблюдение регламентированных законом правил. «Неумение прогнозировать возможные отрицательные последствия своих действий, отсутствие жизненного и профессионального опыта – характерная черта личности неосторожного преступника» [7, с. 537]. Отмеченные выше проблемы подчеркивают актуальность исследования преступлений с двойной формой вины, необходимость оценки их эффективности.

Законодательная регламентация перечня преступлений с двойной формой отсутствует, что вызывает различные споры как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике. Несмотря на то, что методом буквального толкования норм уголовного закона, возможно выделить преступления с двойной формой вины, данный вопрос остается дискуссионным. Так, С.В. Складов высказал мнение, что в Уголовном кодексе РФ содержится 15 таких статей (однако, автор не конкретизировал их перечень) [8, с. 203]. При этом он выделяет отдельно группу преступлений, совершаемых с двумя формами вины, которая включает в себя преступления с так называемыми формальными составами. В таких преступлениях вина характеризуется умыслом в отношении действий (бездействия), являющихся преступлениями независимо от наступления последствий, и неосторожностью в отношении квалифицирующих последствий (30 статей Уголовного кодекса РФ) [8, с. 204]. При этом ни С.В. Складов, ни его современники, которые также исследовали данный аспект, не приводят наименований данных составов преступлений [9, с. 223].

И.Я. Гонтарь и Т.С. Коваленко выявили в уголовном законе законодательные положения, имеющие такие описания общественно опасных деяний, которые соответствуют конструкции, закрепленной статьей 27 УК РФ, и которым законодатель приписывает статус умышленных (всего 31 статья): 111, 123, 126, 127, 127.1, 127.2, 128, 131, 132, 167, 205, 206, 211, 215, 215.2, 215.3, 217, 220, 227, 228.2, 230, 238, 247, 248, 250, 251, 252, 254, 273, 274, 283 [2, с. 12]. И.И. Бикеев и Э.Ю. Латыпова перечисляют пункты, части, статьи, которые, по их мнению, предусматривают деяния, относящиеся к преступлениям с двумя формами вины, пытаются их классифицировать по конструкции составов (материальные и

формальные), по родовому объекту правовой охраны, по категории их тяжести, по характеру общественно опасных последствий, по признакам, присущим субъектам, совершающим такие преступления [10, с. 51].

Содержание статьи 27 Уголовного кодекса РФ подлежит критике в юридической литературе. Так, И.Я. Гонтарь и Т.С. Коваленко считают, что оно не соотносится с реальностью социального моделирования [2, с. 13]. Буквально данную норму можно понимать следующим образом: лицо осознает, что его поведение с большой долей вероятности может причинить вред, однако идет на его совершение. Это означает, что этот индивид морально готов к возможным результатам своего поведения. Конечно, он рассчитывает, что такие последствия не наступят по счастливому стечению обстоятельств. При этом он не отказывается от реализации задуманного деяния! Совершая те или иные действия, любой законопослушный гражданин старается их реализовывать во избежание негативных последствий для себя и других, действует с учетом писанных и не писанных запретов, установленных в обществе. Указанная обязанность закреплена в ч. 3 ст. 26 Уголовного кодекса Российской Федерации, дающей понятие уголовно-правовой небрежности. Любое поведение может быть прогнозируемым, каждый гражданин занимается планированием своей повседневной жизни, профессиональной деятельности. Чтобы избежать в своих действиях преступной небрежности каждый гражданин должен быть предельно внимательным и предусмотрительным. Эта концепция законопослушного поведения способствует предотвращению наступления общественно опасных последствий для граждан и общества в целом. Лица, совершающие неосторожные преступления, отличаются пренебрежительным отношением к своим социальным обязанностям, именно это свойство в определенных ситуациях приводит их к криминальному поведению.

Следует заметить, что группа преступлений с двойной формой вины не обладает однородной общественной опасностью, в ней выделяется подгруппа деяний, в которых активные негативные действия сами по себе являются преступными и несут повышенную общественную опасность, которая усугубляется дополнительными глобальными последствиями (ч. 4 ст. 111, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, п. «а» ч. 3 ст.127.1, ч. 3 ст. 127.2, п. «б» ч. 3, п. «а» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 3, п. «а» ч. 4 ст. 132, ч. 3 ст. 206, ч. 3 ст. 211, ч. 3 ст. 227, п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ). Однако исходя из законодательного подхода к сущности преступлений с двойной формой вины, совершение основного преступления с ярко выраженными элементами агрессии, не должно восприниматься в качестве прямой причины наступления смерти потерпевшего. Негативный исход посягательства предлагается рассматривать в качестве неосторожного явления. Такой подход противоречит социальному содержанию, свойственному умышленным преступлениям. Например, причинение тяжкого вреда здоровью с большой вероятностью может повлечь смерть потерпевшего. Большинство последствий, регламентированных ч. 1 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, не совместимы с жизнью без оказания своевременной медицинской помощи. Оставление причинителем вреда жертвы на месте совершения преступления чаще всего приводит к смерти. Это является закономерным следствием содеянного. При этом отношение виновного к такому последствию характеризуется

неосторожностью!

Также, если сексуальный агрессор решил подавить волю жертвы посредством причинения ей тяжкого вреда здоровью, который по своим масштабам тесно граничит с причинением смерти, сложно представить, что он мог при этом надеяться на благополучный исход сугубо криминальной ситуации. С учетом современных подходов к квалификации преступлений с двойной формой вины данное последствие нельзя обозначить как преступный результат, к которому стремился виновный. Доминирующим в этом случае является стремление удовлетворить сексуальные потребности. Представляется, что вероятное последствие в виде смерти жертвы находится в прямой причинной связи с сексуальным посягательством, т.к. виновный морально готов к его восприятию. В подобных примерах, сложно говорить о случайности, небрежности и неожиданности по отношению к последствиям. В таких случаях между насилием и последствиями имеется прямая причинно-следственная связь, осознаваемая виновным. Считаем, что регламентация таких деяний по неосторожности не подлежит логическому объяснению и с трудом воспринимается обществом (ст. 111, 126, 127, 127.1, 127.2, 131, 132, 205, 206, 211, 227, 230). Для обеспечения принципа социальной справедливости необходимо исключить упоминание о неосторожности в данных составах преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. I: Преступление и наказание. - С. 485.
2. Гонтарь И.Я., Коваленко Т.С. Содержание преступлений с двумя формами вины // Адвокат. - 2012. - № 10. - С. 9 - 25.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 121.
4. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: Сборник очерков / Под ред. В.В. Лунеева. - М., 2010. - С. 213, 214.
5. Пожар в торговом центре в Кемерово [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/story/293> (дата обращения: 01.10.2020).
6. Статистика ДТП в России за 2019, 2020 год и прошлые периоды [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/dtp/> (дата обращения: 01.10.2020).
7. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Аванесова. – 6-е изд., перераб. И доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. - С. 537.
8. Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 203, 204.
9. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 304; Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002. - С. 223.
10. Бикеев И.И., Латыпова Э.Ю. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины. Казань, 2009. - С. 51.

Кравцова Елена Александровна
старший преподаватель
(Ростовский филиал «Российский государственный
университет правосудия»)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: elenochka9900@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

1 июля 2020 года состоялось общенародное голосование, которое утвердило легитимность внесенных в Конституцию РФ поправок. С этого момента государственная власть задала новый вектор развития законодательства в целом, приведение его в соответствие с основным законом государства. Не стало исключением и уголовное законодательство. Так работа по его совершенствованию ведется уже не первый год. И ее основным направлением выступает усиление соблюдения принципов, закрепленных уголовным законодательством, уменьшение карательной стороны уголовной ответственности и наказания, выбор индивидуального подхода при назначении наказания.

Первым этапом коренных преобразований уголовного законодательства стала разработка так называемой «дорожной карты» дальнейшего развития уголовной политики. 4 апреля 2017 года в Совете Федерации была вынесена на обсуждение «Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.)» [1].

Итогом слушаний стало поэтапное преобразование уголовного законодательства. Первым из них был выделен этап повсеместной гуманизации уголовной политики, который должен был быть реализован до 2018 года. Изменения затронули отдельные категории преступлений в части смягчения наказания за них, а также в 2017 г. статью 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» дополнили статьями 199.3 и 199.4, а уже в 2018 году статья 80 УК РФ подверглась корректировке, в результате чего стало возможным производить замену лишения свободы на более мягкий вид наказания.

Второй этап получил название систематизации уголовно-правовой области. Этот этап начал реализовываться с 2019 года и должен продлиться по 2021 год. Необходимость совершенствования системы уголовного и уголовно-процессуального законодательства проявилась прежде всего в том, что в 2018 году в Уголовно-процессуальный кодекс было внесено 19 редакций и столько же - в Уголовный кодекс. Тогда как ГК РФ редактировался 11 раз, а ГПК - всего 6 раз.

Третий этап - «новая пенализация». Этот этап планируется провести с 2022 по 2025 год. Санкция играет важную роль в оценке общественной опасности деяний, помогает реализовать цели уголовного закона. Изначально санкции Особенной части Уголовного кодекса были целостными логическими конструкциями, но из-за многочисленных поправок они стали несбалансированными, более того, суды не исправляют подобные ситуации, не дают знать законодателю о существующей проблеме.

В Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 года Президент

Российской Федерации отметил, что в последние годы усилия были сосредоточены на укреплении макроэкономической стабильности. Федеральный бюджет снова стал профицитным, государственные резервы уверенно покрывают общий внешний долг. Президент РФ отметил, что в 2020 году необходимо сделать работу бизнеса удобнее и проще. В связи с этим Президент РФ просил поддержать поправки, устраняющие расплывчатые нормы уголовного законодательства в части так называемых экономических структур. Так, предприниматели не раз обращали внимание на статью 210 УК РФ, согласно которой любая компания, руководители которой нарушили закон, может квалифицироваться как организованное преступное сообщество, а значит, под эту статью подпадают практически все сотрудники. При этом были установлены более строгие меры пресечения и наказания. Отныне правоохранительные органы будут обязаны доказывать, что организация, компания изначально преднамеренно создавалась в незаконных целях. Эти действия необходимы для стимулирования инвестиций в экономику России [2].

В связи с этим, в течение 2020 года произошли заметные изменения законодательства в части регулирования экономических отношений.

Верховный суд России предложил отнести нетяжкие преступления предпринимателей к разряду уголовного проступка, за который суд освобождает от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Об этом говорится в одобренном 13 октября 2020 года Пленумом ВС РФ законопроекте о внесении изменений в УК и УПК, который будет внесен в Госдуму. В частности, под понятие уголовный проступок подпадут 7 составов преступлений небольшой тяжести, посягающих на собственность, включая кражу и мошенничество без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 158 и ч. 1 ст. 159 УК РФ - только по ним в 2019 году в России было осуждено свыше 55 тыс. человек). Кроме того, к уголовному проступку предлагается отнести 29 составов преступлений небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Это статьи о незаконном образовании юридического лица, уклонении от уплаты таможенных платежей, нарушении авторских прав, незаконном использовании товарного знака или маркировки товара, мошенничестве в сфере кредитования или с использованием электронных средств платежа, растрате, причинении имущественного ущерба, незаконном предпринимательстве, уклонении от уплаты кредита, злоупотреблении при эмиссии ценных бумаг, неправомерных действиях при банкротстве и ряд других. При отсутствии отягчающих обстоятельств и возмещении вреда их предполагают отнести к уголовному проступку с освобождением от уголовной ответственности и назначением судебного штрафа. По этим статьям в 2019 году в России было осуждено порядка 1 тыс. человек [3].

В начале года вступили в силу статьи об уголовной ответственности за превышение должностных полномочий при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ). Кроме того, усилена уголовная ответственность за нарушения в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (ст. 285.4 УК РФ). Появление данных составов связано с тем, что злоупотребления, наносящие значительный ущерб бюджетной системе, часто совершаются представителями заказчика - сотрудниками контрактной службы,

членами закупочной комиссии, которые не всегда являются должностными лицами. В результате в 2020 году последовал шквал соответствующих уголовных дел [4].

30 марта 2020 года вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2020 года № 491-ФЗ, внесший изменения в два уголовных кодекса Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Поправки касаются возможности предоставления наркозависимым отсрочки отбывания наказания, а также отсрочки исполнения наказания для той же категории лиц. Россиянам, отбывающим наказание, будет предоставлена возможность замены части наказания, которое они не отбыли в виде заключения под стражу, на работы принудительного порядка.

На сегодня в действующем уголовном законодательстве изменения в большей мере имеют спонтанное, неорганизованное течение.

Реформы уголовного законодательства, осуществляющиеся в стране, не способствуют в полном объеме разрешить вопрос первостепенной важности - как значительно понизить число совершаемых преступлений [5].

На современном этапе развития проводимая уголовная политика носит карательный характер. Следует также сказать, что нельзя подходить к оценке уголовного права с позиций карательности или либеральности, поскольку проблемы носят комплексный характер. Ведь у социальных групп разного статуса есть свои претензии к уголовным нормам. Очень сложно дать беспристрастный ответ на вопрос, каким должно быть уголовно-правовое законодательство. Уголовно-правовое законодательство следует оценивать с точки зрения его эффективности, а именно с точки зрения защиты прав человека, уровня защиты бизнеса и других социальных слоев.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что на данный момент общего вектора развития уголовного законодательства нет, поскольку принятые законы носят бессистемный характер. В связи с этим требуется четкая разработка направлений развития уголовной политики, которая должна заключаться, в частности, в гуманизации уголовного законодательства, а также в упорядоченной и систематической кодификации проводимых реформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ревин В.П. О разработке концепции уголовной политики Российской Федерации и совершенствовании законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 262.

2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. № 7. 16.01.2020.

3. Ковалев П. ВС РФ предложил отнести нетяжкие преступления предпринимателей к уголовному проступку. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://tass.ru/obschestvo/9701197>

4. Фадеичев С. Госдума приняла пакет законов о продлении амнистии капиталов. 16 мая 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://tass.ru/ekonomika/6437062> (дата обращения 08.10.2020).

5. Кудин Н.С. Уголовное законодательство Российской Федерации на современном этапе // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» - 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018021222>

Лавринов Вячеслав Викторович

кандидат юридических наук

(Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета

Российской Федерации

Ростовский филиал Российской таможенной академии)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: vvl-rostov@mail.ru

ПРОБЛЕМА ДИНАМИКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОНТРАБАНДУ

Уголовное право является одной из динамично развивающихся отраслей права, что имеет под собой логичное обоснование. Его развитие должно соответствовать развитию всего общества в целом отражать возникающие в обществе социально-экономическими и политические обществ, так как уголовное право охраняет как сложившуюся систему общественных ценностей, так и те изменения, полезные для общества, которые сформировались в определенный период. Но при этом, законодатель, вводя определенные уголовно-правовые запреты либо модернизируя их, должен учитывать как общее направление уголовной политики, так и существующие в обществе определенные институты, а также нормы иных отраслей права. Только такое гармоничное сочетание позволяет как выполнять уголовному праву соответствующие функции, в том числе карательного характера, так и не допускает необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших соответствующие деяния, обладающие признаками повышенной общественной опасности.

При этом формулировка соответствующих уголовно-правовых запретов в соответствии с принципами правового государства должна быть конкретной, четкой, не допускать двойного толкования и неясных формулировок, допускающих их альтернативное толкование. Более того, в таких нормах, в первую очередь бланкетных, используемые термины, понятия и определения должны соответствовать существующим нормам иных актов как законодательного характера, так и подзаконного. Только такой подход к формулирование уголовно-правовых норм будет соответствовать основополагающему нормативному акту нашего государства - Конституции Российской Федерации, в том числе согласно ст. 1 которой Россия является правовым государством [1]. Данный принцип получил в принятых в 2020 году поправках к Конституции РФ, в том числе включении ст. 75.1, согласно которой, в том числе, в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия государства и общества, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина.

Безусловно, уголовное право и его нормы должны соответствовать конституционным положениям. Однако, исследуя отдельные уголовно-правовые

нормы, мы видим, что, к сожалению, не все из них соответствуют указанным требованиям. В том числе указанный вывод относится к нормам, предусматривающим уголовную ответственность за контрабанду.

В 2011 году вместо ст. 188 в УК РФ введены две новые нормы, предусматривающие ответственность за контрабанду - ст.226.1, 229.1, а впоследствии законодатель включил в Уголовный кодекс РФ еще две статьи, предусматривающих ответственность за отдельные виды контрабанды - 200.1 и 200.2. Данные нормы предусматривают ответственность за нарушение таможенного законодательства, в связи с чем мы их можем отнести к числу бланкетных, подразумевая необходимость их соответствия действия нормам таможенного права, так как нелогично предусматривать уголовную ответственность за нарушение недействующих норм. Более того, это прямо противоречит Конституции Российской Федерации, о чем мы говорили выше.

Однако, к сожалению, приходится констатировать, что законодатель допускает такое нарушение, игнорируя как исчезновение ранее действующих межгосударственных институтов в таможенной сфере, так и появление новых, в том числе такой межгосударственной организации как Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Так, статья 200.2 УК РФ, описывая объективную сторону деяния, предусматривает уголовную ответственность за «незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза» (без идентификации такового), несмотря на то, что в мире существует несколько различных таможенных союзов (например, Таможенный союз Европейского союза, Южноафриканский таможенный союз, Таможенный союз в рамках Карибского сообщества), тем самым допуская неопределенность в формировании уголовно-правового запрета, в связи с чем, с точки зрения конституционных и уголовно-правовых положений, запрещающих применение уголовного закона по аналогии, и препятствуя квалификации действий лиц, совершивших контрабанду алкогольной продукции и табачных изделий, по данной норме.

Другая статья 200.1 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное перемещение денежных средств и денежных инструментов через «таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС».

Еще одна норма, также предусматривающая ответственность за контрабанду предметов (представляющих определенную общественную опасность) - статья 226.1 УК РФ, устанавливает уголовную ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Аналогичным образом сформулирована четвертая уголовно-правовая норма о контрабанде - статья 229.1 УК РФ (предусматривающая ответственность за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ).

Надо отметить, что в момент включения в УК РФ ст. 226.1, ст. 229.1 (2011 г.), а затем и ст. 200.1 (2012 г.), ст. 200.2 (2014 г.), указание на существование таможенной границы Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственной границы Российской Федерации с государствами - членами

Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС была оправдана, в связи с наличием в тот момент времени Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС).

Однако использования терминов «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» и «Государственная граница Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС», могла иметь место только до определенного периода времени, а именно до появления нового межгосударственного института в таможенной сфере и вступления в силу нового Таможенного кодекса (01.01.2018). Однако эти изменения законодателем были проигнорированы, на что обращает внимание ряд других исследователей [2], [3].

29.05.2014 подписан Договор, вступивший в силу с 01.01.2015, в соответствии с которым Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация учредили Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международную организацию региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью [4]. С этого момента прекратил свое существование Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС.

Кроме того, с 01.01.2018 вступил в силу новый Таможенный кодекс ЕАЭС [5], пришедший на смену ТК ТС. В новом ТК ЕАЭС используются такие понятия как «Евразийский экономический союз (он же - Союз)», «таможенная граница Союза», «таможенная территория Союза», «перемещение товаров через таможенную границу Союза». Соответственно, термины, которые использовал ТК ТС - «таможенная граница Таможенного Союза», «Таможенный союз», «Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС», являются юридически несостоятельными, не могут использоваться в правоприменительной деятельности, в том числе при квалификации контрабанды.

Действующее таможенное законодательство не содержит вышеупомянутых понятий, используемых в настоящее время УК РФ: «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС», «таможенная граница Таможенного союза» и «Государственная граница Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС». Как существующий институт закреплена только таможенная граница Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в отличие от ныне отсутствующей таможенной границы Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Таким образом, следует сделать вывод, что ст. 200.1, ст. 200.2, ст. 226.1, ст. 229.1 УК РФ, являясь бланкетными нормами, используют несуществующие понятия и определения, что, является недопустимым, нарушая как положения, закрепленные в Конституции России, так и положения уголовно-правового характера.

Данная проблема требует своего незамедлительного законодательного разрешения путем внесения соответствующих изменений в диспозиции уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за контрабанду, в соответствии с действующими положениями таможенного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»:

[Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». - Посл. обновление 13.10.2020.

2. Подройкина И.А., Кругликова Д.А. Проблемы регламентации уголовной ответственности за контрабанду в современном законодательстве // Современное право. 2018. № 9. С. 100–105.

3. Рябко Н.В. Уголовная политика в сфере противодействия контрабанде // Бизнес. Образование. Право. Волгоград, 2018. № 3 (44).

4. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». - Посл. обновление 13.10.2020.

5. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (подписан в г. Москве 11.04.2017) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». - Посл. обновление 13.10.2018.

Ныrkова Наталья Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: nyrkowa@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В УК РФ ПОСЛЕДНЕЙ «ПЯТИЛЕТКИ»: ПОПЫТКА ДИАГНОСТИКИ

«Техническое несовершенство есть несовершенство
всего права, недостаток, который наносит
ущерб всем формам, задачам и целям права».
(Рудольф фон Иеринг)

Критика отдельных изменений в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ, кодекс), как и качества всего законодательного текста в целом, давно стали общим местом различных научных публикаций: от отдельных статей до монографий и сборников [1, 2, 3]. В условиях, когда должностные лица, скрывающиеся за собирательным образом «законодатель», практически никак не реагируют на эту критику, продолжать ее как будто не имеет смысла. Однако полагаем, что может существовать и иная (кроме как достучаться до нормотворца) мотивация выявления несовершенств УК РФ, а именно – зафиксировать свое личное понимание глубины проблемы и – тем самым – дистанцироваться от профессиональных иллюзий, связанных с реализацией задач и принципов уголовного права.

Нормативной основой для анализа стала динамика изменений уголовного законодательства за последние пять лет, с 2016 по 2020 годы. При этом ставилась задача обнаружить наиболее вызывающие корректировки УК РФ, которые без дополнительных обоснований, *per se*, могут свидетельствовать о серьезных нарушениях законодательной техники. Оказалось, что эта задача выполнима: о ее достижении, на наш взгляд, свидетельствуют следующие полученные результаты:

Количество правок УК РФ. В течение последних пяти лет был принят 71 федеральный закон (далее – законы, ФЗ), которые вносили изменения в УК РФ: в 2016 г. это количество составило 14, в 2017 – 16, в 2018 – 19, в 2019 – 14, в 2020 – 8 (но впереди декабрь – один из самых востребованных для законодательной работы месяцев в году). Оказалось, что усилия законодателя в течение года распределяются неравномерно. Так, пик законодательной активности в 2016 г. приходился на июль – 7 ФЗ, в т.ч. 3.07.2016 г. – 6 ФЗ. Аналогичная картина наблюдалась в 2017 г.: в июле было принято 6 законов, в т.ч. 29.07.2017 г. – 5. «Любимым» месяцем законодателя в 2018 г. стал декабрь – 27.12.2018 принято 6 ФЗ, а в 2020 г. – апрель – 1.04.2020 принято 4 ФЗ. 2019 год оказался не столь показательным: в апреле, июне, августе, декабре – по 2 закона; в июле – 3.

Содержание правок УК РФ. В рассматриваемый период времени бо́льшая часть законодательной активности была сосредоточена на направлении корректировки текста УК РФ: в 2016 году изменения и дополнения были внесены в 48 статей, в 2017 – в 28, в 2018 – в 33, в 2019 и 2020 годах рука законодателя коснулась 23 статей кодекса. Несколько скромнее (что естественно) показатели введения в УК РФ новых статей: в 2016 г. – 12 (в том числе новая глава – «Судебный штраф»), в 2017 г. – 11, в 2018 г. – 5, в 2019 г. – 2, в 2020 г. – 3. Декриминализация коснулась двух преступлений, предусмотренных статьями 159.4 (в 2016 г.) и 269 (в 2018 г.). Причем в первом случае, с учетом дополнения ст. 159 УК РФ новыми частями 5 – 7, ее можно считать условной.

Системный подход к изменениям УК РФ. Впечатление системности создает законодательная динамика 2016 года – в этом году принимается 5 законов из 14, вносящих изменения в 2 и более статьи УК РФ. В 2017 году подобных законов уже 4 из 16, в 2018 году – 4 из 19; в 2019 году – 4 из 14, в 2020 – 4 из 8. При этом таких объемных ФЗ, как, например, законы от 03.07.2016 № 323-ФЗ, от 03.07.2016 № 324-ФЗ, 03.07.2016 № 325-ФЗ (они коснулись более чем десятка статей кодекса) в последующие годы вообще не принимается: в подавляющем большинстве, изменения в УК РФ, оформленные в виде отдельного ФЗ, затрагивают лишь одну статью или даже часть статьи. Можно ли на фоне этих данных сделать вывод о том, что системный подход к изменениям уголовного закона утрачен после 2016 года? Думается, что нет, поскольку впечатление системности при ближайшем рассмотрении оказывается обманчивым. Проиллюстрируем это содержанием закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ. Он коснулся статей о давности привлечения к уголовной ответственности, побоях, неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, краже, мошенничестве. Кроме того, кодекс был дополнен новой главой, посвященной судебному штрафу, новой статьей об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа; криминализованы нанесение побоев лицом, подвергнутым административному штрафу, мелкое хищение, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Как видим, из всего массива корректировок, внесенных в УК РФ данным законом, можно увидеть некоторую связь между изменениями лишь применительно к судебному штрафу и побоям. С учетом этого, допустимо сделать вывод, что большой объем законодательных изменений не всегда позволяет исключить их фрагментарность.

Иные маркеры качества изменений УК РФ. На фоне интенсивной динамики уголовного законодательства в целом выделяются отдельные статьи, в которые вносились изменения и дополнения неоднократно. Например, ст. 76.1: ч. 2 корректировалась в 2016, 2018, 2019 и 2020 годах – практически ежегодно; п. «а» ч.1 ст. 104.1 изменялся дважды – в 2016 г., дважды – в 2017; Примечание к ст. 170.2 – в 2016 г., в 2017 г. – дважды, в 2018 г. – дважды.

Весьма красноречива, на наш взгляд, содержательная часть некоторых законодательных изменений кодекса. Так, статьи 199.3 и 199.4 вводятся в УК РФ в 2017 году, а уже в 2020 – в новой редакции даются понятия крупного и особо крупного размера как признака объективной стороны преступлений, предусмотренных данными статьями.

Статья 110 излагается в новой редакции 7.06.2017 г., а 29.07 2017 г. (через 22 дня) ужесточаются санкции за квалифицированные виды доведения до самоубийства, причем это ужесточение весьма впечатляюще: минимальный срок лишения свободы увеличен на три года, а максимальный – на семь лет (было – «от 5 до 8 лет» лишения свободы, стало – «от 8 до 15 лет» лишения свободы). Аналогичная картина вырисовывается по статьям 110.1 и 110.2: они вводятся в УК РФ законом от 7.06.2017 г., а законом от 29.07.2017 г. также существенно ужесточаются санкции по частям 4, 5, 6 ст. 110.1 и по частям 1, 2 ст. 110.2. Возникают вполне естественные вопросы: что, собственно, произошло за эти два десятка дней? Какие объективные обстоятельства легли в основу такого радикального пересмотра санкций? Думается, вразумительный ответ на них вряд ли возможен.

Ещё более показательный пример дает нам ст. 226.1 УК РФ: 27.06.2018 г. вносятся изменения в п. 2 примечаний (уточняется крупный размер). В этот же день, 27.06.2018 г. принимается другой ФЗ, который вносит изменения в ч. 1 ст. 226.1. При этом история рассмотрения и принятия этих двух федеральных законов отличается и по субъектам законодательной инициативы, и по всем этапам нормотворческого процесса. Это означает, что две корректировки одного и того же состава преступления внесены в кодекс независимо друг от друга [4, 5].

Помимо этого, на очень коротком отрезке времени (неполных 4 года) законодатель демонстрирует диаметрально противоположные решения в области оценки общественной опасности деяний. Так, 3.07.2016 г. вводится ч. 1.1 ст. 193 УК, а 1.04.2020 г. данная часть признается утратившей силу. Более детальное рассмотрение изменений позволяет выявить, что ч. 1.1 ст. 193 в редакции 2016 г. предусматривала в качестве квалифицирующего признака преступления группу лиц по предварительному сговору. К особо квалифицирующим признакам, в свою очередь, были отнесены особо крупный размер, организованная группа, использование заведомо подложного документа и использование юридического лица. Новая редакция 2020 г., исключив ч. 1.1 ст. 193 УК РФ, одновременно предусмотрела группу лиц по предварительному сговору в п. «б» ч. 2 ст. 193, т.е., в качестве признака, альтернативного (а значит, в какой-то степени, равнозначного с точки зрения общественной опасности) четырем вышеперечисленным. Чем обоснован такой отказ от дифференциации ответственности – еще одна неразгаданная тайна законодательного процесса.

В завершение – обещанная в названии статьи попытка диагностики. Полагаем, что «болезнь» динамики уголовного законодательства последних пяти лет – не нова. Она хорошо известна отечественному праву и являет собой противоположность того, что юристы XIX века именовали «систематическим исправлением» уголовного закона, понимая его в качестве процесса, в рамках которого «надлежало, обзрев все статьи, все постановления кодекса законов гражданских или уголовных в их совокупности, составить общие начала для исправления их и усовершенствования и произвести сие исправление общим положением» [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов В.М., Сырых В.М. Законотворческие ошибки: понятие и типология // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: в 2 т. Нижний Новгород, 2000. Т. 1. С. 384 – 395.
2. Гаухман Л.Д. Нужен новый УК // Законность. 1998. № 7. С. 22-25.
3. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: монография. СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000.
4. Паспорт проекта федерального закона № 374523-7 "О внесении изменения в статью 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».
5. Паспорт проекта федерального закона № 356397-7 "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».
6. Общая объяснительная записка к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1844. С. 44, 45.

Огородникова Нина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
профессор кафедры уголовного права и криминологии
(Кубанский государственный университет)
г. Краснодар
e-mail: onv23@mail.ru

Коновалов Александр Константинович

аспирант кафедры уголовного права и криминологии
(Кубанский государственный университет)
г. Краснодар
e-mail: aleksander_konov4@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЗАРАЖЕНИЯМ ИНФЕКЦИОННЫМИ БОЛЕЗНЯМИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

По итогам общероссийского голосования о поправках в Конституцию РФ, завершившегося 1 июля 2020 г. и получившего 77-процентную поддержку граждан, Президент РФ в соответствии с п. 8 ст. 3 Закона РФ о поправке к Конституции РФ

от 14.03.2020 № 1-ФКЗ [1] издал Указ «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» [2]. В частности, согласно п. «е» ст. 71 Конституции РФ к ведению Российской Федерации, в числе прочих, отнесен вопрос об установлении единых правовых основ системы здравоохранения.

Потребность в названной централизации полномочий назрела давно, но своеобразным катализатором для принятия этого решения послужили пандемия, вызванная неизвестной ранее коронавирусной инфекцией (2019-nCoV), и неспособность субъектов РФ оперативно и самостоятельно реагировать на сложившуюся чрезвычайную ситуацию и принимать соответствующие эффективные меры.

Справедливости ради надо признать, что мировое сообщество, не сталкивавшееся в новейшей истории с такого рода масштабными инфекциями, в целом оказалось не готово к беспрецедентно массовой заболеваемости. По данным Центра системных наук и инженерии Университета Джона Хопкинса с 31 декабря 2019 года по 13 октября 2020 года в мире зарегистрировано 39 758 766 случаев заражения 2019-nCoV [3].

Появление этого вида инфекции – новой атипичной пневмонии (2019-nCoV) – отразилось и на правовой базе. Прежде всего, в связи с обострившейся проблемой, вызванной неконтролируемым распространением названного вируса, Правительство РФ в перечень заболеваний, представляющих угрозу для окружающих, вносит и коронавирусную инфекцию (2019-nCoV) [4]. Такое дополнение полностью соответствует характеристикам названных инфекционных заболеваний. Они представляют опасность для общества, поскольку, согласно ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», характеризуются тяжелым течением, высоким уровнем смертности и инвалидности, быстрым распространением среди населения [5].

Соответственно увеличение списка таких заболеваний автоматически расширяет содержание бланкетных норм. Поэтому названные коррективы коснулись и других отраслей законодательства, в частности уголовного, применительно к норме, предусмотренной ст. 236 УК РФ – «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил». Чаще при бланкетном способе формулирования норм внешне ничего в них не меняется. Такую незаметность обеспечивает приём законодателя, отсылающий к актам иной отраслевой принадлежности, при котором редакция диспозиции уголовно-правовой нормы статична, но внутреннее её содержание может претерпевать существенные изменения, как в сторону криминализации, так и, напротив, декриминализации деяния. Именно таким способом сформулирована норма, предусмотренная ст. 236 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил. Подобные деяния, связанные с нарушением правил (каковых в уголовном законе немало), признаются преступными при условии наступления определенных последствий (чаще смерти человека или иных тяжких последствий), то есть такие составы преступлений сконструированы по типу материальных.

Именно так и была сконструирована ст. 236 УК РФ, представленная ранее двумя частями и содержащая нормы об основном и квалифицированном составах нарушения санитарно-эпидемиологических правил, где криминообразующим признаком назывались альтернативные последствия в виде массового заболевания людей либо их отравления, а дифференцирующим ответственность признаком – смерть человека. В то же время в уголовном законе присутствуют нормы о нарушении тех или иных правил, сконструированных по типу составов опасности, т.е. не требующих фактического причинения вреда и устанавливающих уголовную ответственность лишь за реальную опасность причинения такового, за создание угрозы наступления последствий. Однако такие последствия должны быть конкретизированы законодателем и обозначены как потенциально наиболее вероятные и наиболее опасные при нарушении определенных правил. Примером такого сочетания может служить преступление, предусмотренное ст. 215 УК РФ: основной состав нарушения правил безопасности на объектах атомной энергетики сконструирован по типу состава опасности, а квалифицированный – по типу материального. Третий вариант описания преступления избрал законодатель после дополнения вышеназванного Постановления Правительства РФ от 1 декабря 2004 года № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих». Появление такого смертоносного вируса, каким признали «ковид-19», повлекло за собой и радикальные изменения как структуры ст. 236 УК РФ (выделение еще одной квалифицированной разновидности этого преступления), так и содержания изложенных в ней норм. Статья 236 УК РФ в редакции Федерального закона от 01.04.2020 № 100-ФЗ включает в себя три части. Одно из существенных изменений касается описания основного состава преступления, представленного теперь альтернативной конструкцией. С одной стороны, состав по конструкции остается материальным, по-прежнему нуждающимся для признания преступления оконченным в одном из двух последствий: массовом заболевании или отравлении людей. Дуалистичность описания обеспечивает дополнение этой же части составом опасности, поскольку в действующей редакции достаточно создания угрозы наступления таких последствий. Также более детальная дифференциация ответственности позволила учесть тяжесть последствий и выделить смерть двух и более лиц в качестве квалифицирующего признака II степени, обособив его в части третьей ст. 236 УК РФ.

Следует заметить, что судебная практика уже имеет прецеденты применения новой редакции ст. 236 УК. Так, согласно публичной информации, размещенной на официальном сайте Прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа, житель г. Лабытнанги, зная о наличии у него положительного диагноза COVID-19, самовольно покинул инфекционный стационар ГБУЗ ЯНАО «Лабытнангская городская больница», в который он был помещен на основании постановления Роспотребнадзора, выпрыгнув из окна второго этажа лечебного учреждения. Суд назначил ему наказание в виде шести месяцев лишения свободы по ч. 1 ст. 236 УК РФ за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности угрозу массового заболевания людей [6].

Как и любая оценочная категория, признак «массовости заболевания» может вызвать сложности в применении данной нормы и возможные расхождения в её определении (считать ли массовым заболевание 10-20 человек либо это должно выражаться в трехзначных цифрах). Определённые ориентиры поступили от Президиума Верховного Суда РФ, утвердившего «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2». В частности, в Обзоре рекомендуется учитывать не только количество заболевших, но и качественные характеристики (тяжесть заболевания) [7].

Поддерживая в целом произведенные законодателем изменения и дополнения в ст. 236 УК, представляется, что реформирование норм, предусмотренных этой статьей, следует признать незавершенным и, более того, нуждающимся в обособлении в разных частях и, соответственно, с разным уровнем наказуемости таких деяний, которые лишь создают угрозу наступления последствий, и деяний, повлекших реальное их наступление. На наш взгляд, различная степень общественной опасности разных проявлений нарушений санитарно-эпидемиологических правил должна быть основанием выделения самостоятельных составов преступления. Применительно к ст. 236 УК РФ состав опасности представляется возможным предусмотреть в её части первой, остальные три разновидности, сконструированные по типу материальных, изложить соответственно в частях 2-4 данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обр.: 18.10.2020).
2. Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками: Указ Президента РФ от 3 июля 2020 года № 445 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обр.: 18.10.2020).
3. Панель мониторинга COVID-19 Центра системных наук и инженерии (CSSE) Университета Джона Хопкинса (JHU) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/> (дата обр.: 18.10.2020).
4. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 года № 715 (ред. от 31.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обр.: 18.10.2020).
5. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30 марта 1999 № 52-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обр.: 18.10.2020).

6. Прокуратура Ямало-Ненецкого автономного округа. Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_89/mass-media/news/archive?item=54291142 (дата обр.: 18.10.2020).

7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 // СПС «КонсультантПлюс». – URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обр.: 18.10.2020).

Петровский Антон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент
(Кубанский государственный университет)
г. Краснодар
e-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С УЧЕТОМ ИЗМЕНЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РФ

Большинство внесенных изменений в Конституцию Российской Федерации, которые закрепили дополнительные гарантии граждан, принципы государственного строительства, функционирования органов власти достаточно актуальны и призваны стать поворотной страницей в жизни нашей страны. Для криминологов, интерес представляют новеллы, утверждающие основные идеи антикриминальной превентивной политики страны, определяющие приоритеты превентивно-правоохранительной деятельности системы публичной власти. Для криминологов важно, каким образом в Конституции РФ отражаются профилактические полномочия регионов и муниципальных образований, которые являясь субъектами профилактики, должны выявлять и устранять криминогенные детерминанты, а также оказывать воспитательное воздействие на население с целью удержания его от совершения правонарушений и/или преступлений [1].

Первоначально необходимо отметить следующий факт – Российская Федерация декларируется как социальное государство, развивающее систему социальных служб (ст. 7). Указанная позиция подразумевает, в том числе, развитие социальных учреждений, которые должны оказывать помощь людям, попавшим в зависимость от наркотиков (алкоголя); лицам, освобожденным из мест лишения свободы; гражданам, пострадавшим от преступлений и находящимся в трудной жизненной ситуации. Государству следует обратить внимание на указанную категорию населения, привести систему законодательства в соответствие с положениями основного закона и принять нормативные правовые акты: «О социальной поддержке лиц, освобожденных из мест лишения свободы» [2, 128–129], «О виктимологическом воздействии на преступность и помощи жертвам преступлений» [3, 20], «О наркологической помощи больным наркоманией и алкоголизмом, а также их социальной реабилитации» [4, 157]. Представляется, что в социальной помощи могут участвовать, как публично-правовые –

государственные, муниципальные учреждения, так и негосударственные – коммерческие организации или общественные группы, изъявившие намерение добровольно оказывать экономическую, психологическую, образовательную поддержку ранее осужденным, деликвентам, потерпевшим. Это все предполагает создание системы нормативных правовых актов, которые конкретизируют основания оказания помощи, права и обязанности сторон, пределы воздействия, вопросы финансирования и компенсации участвующим лицам.

Конституция РФ в общих чертах регулирует все внутренние отношения, представляет собой источник для создания и развития криминологического законодательства. Закрепляя в ст. 71 вопросы ведения (компетенции), Конституция РФ определяет, что основные отрасли законодательства, конструируемые Российской Федерацией – это уголовное, уголовно-исполнительное, гражданское, процессуальное и регулирующее интеллектуальную собственность. В совместном ведении Российской Федерации и субъектов, согласно ст. 72, находится создание административного, административно-процессуального, трудового, семейного, жилищного, водного, лесного, законодательства о недрах и об охране окружающей среды. Тем не менее, отсутствие упоминания о криминологическом законодательстве в содержании нормы, не исключает права на его существование. Появление антикриминального профилактического законодательства предначертано содержанием п. «б» ст. 72 Конституции РФ, в котором говорится о том, что вопросы обеспечения правопорядка и общественной безопасности находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов. К административному законодательству относятся правовые акты управления, которые устанавливают обязательные правила поведения, нормы права в сфере управления либо регламентирует конкретные (единичные) отношения, в нашем случае – механизм публичного и социального воздействия на причины и условия преступности и преступного поведения [5, 103–104; 6, 82–83]. Таким образом, субъекты федерации могут создавать самостоятельное законодательство, которое будет регулировать общественные отношения в сфере познания криминогенных детерминантов с целью их устранения либо нейтрализации.

Таким образом, необходимость отражения в Конституции РФ идеи, провозглашающей факт существования криминологического законодательства, продиктован следующим:

Во-первых, обеспечение правопорядка и общественной безопасности, в общем, соответственно предупреждение преступлений, изучение криминогенных детерминантов, криминологический анализ и учет, в частности, относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов;

Во-вторых, вне пределов ведения и полномочий по предметам совместного ведения РФ и субъектов, российские регионы обладают всей полнотой государственной власти и имеют полное право на создание всей системы криминологического законодательства. Создание криминологического законодательства именно субъектами федерации предпочтительнее, так как будут учитываться местные культурные, национальные, религиозные, социально-экономические особенности при разработке программ предупреждения, виктимологической помощи, изучения преступности и криминогенных

детерминантов. Кроме того, криминологическое законодательство на региональном уровне начало формироваться раньше, чем федеральное [7; 8];

В-третьих, если местное самоуправление может осуществлять охрану общественного порядка по причине возможности передачи отдельных государственных полномочий (ст. 132), то эта деятельность должна регулироваться нормативными актами, относящимися к области антикриминального превентивного законодательства.

Исходя из перспектив развития криминологического законодательства п. «к» ст. 72 Конституции РФ требует внесения дополнения и должен быть изложен в следующей редакции: «1. В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: к) административное, административно-процессуальное, криминологическое, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды». Создание эффективного антикриминального превентивного законодательства должно происходить в субъектах федерации и муниципальных образованиях. Российская Федерация со своей стороны должна регламентировать основные понятия, положения, права объектов и субъектов, обязанности объектов и субъектов, основания и пределы мер предупредительного воздействия, выполнять координационные и контрольные функции.

Задачи криминологического законодательства будет заключаться в официальной регламентации изучения разнообразной информации о преступности, преступлениях, криминогенных детерминантах, личностях совершающих преступления, правонарушения и ведущих антиобщественный образ жизни, в регуляции процедур (практик) предупреждения и пресечения действий, нарушающих общественную безопасность и порядок, планирования предупредительной деятельности и прогнозирования, деятельности субъектов профилактики, оказания помощи жертвам преступлений и содействия лицам, совершившим преступления и правонарушения, желающим возобновить социально-полезную жизнь. Предметом криминологического законодательства можно признать совокупность общественных отношений, обуславливающих порядок регулирования и функционирования физических лиц, организаций и учреждений, осуществляющих сбор, изучение, использование и хранение информации о преступности, преступных детерминантах и преступных личностях, физических и юридических лиц в области предупреждения, пресечения, профилактики антиобщественного поведения, правонарушений и преступлений, социальной адаптации, ресоциализации и реабилитации криминогенного контингента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ, 27.06.2016, № 26 (Часть I), ст. 3851 // СПС КонсультантПлюс.
2. Кленова Т.В., Адоевская О.А. Проблема правовой определенности политики ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных

от него // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45) С. 124–129.

3. Майоров А.В. Правовые основы защиты жертв преступности в России // Виктимология. 2016. № 2 (8). С. 16–21.

4. Куликова М.С., Кулаков А.В. Деструктивное поведение лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией // в сб: Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара. 2017. С. 155–157.

5. Галлиган Д., Полянский В.В., Стариллов Ю.Н. Административное право: история развития и основные современные концепции. М., 2002. 410 с.

6. Чиркин В.Е. Государственное и муниципальное управление: Учебник. М., 2003. 320 с.

7. Закон Чеченской республики от 15.06.2010 г. № 16-РЗ «О профилактике правонарушений в Чеченской Республике» // Вести Республики. 05.07.2010. № 126, от 09.09.2010 г. № 174 / ИПС «Гарант».

8. Закон Краснодарского края от 01.11.2013 г. № 2824-КЗ «О профилактике правонарушений в Краснодарском крае» // URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/885/88547ff2575495b60b8677c3f56fd849.pdf> [дата обращения 25.09.2020].

Прохоров Леонид Александрович

доктор юридических наук, профессор
Заслуженный работник высшей школы РФ
Заслуженный юрист РФ
(Кубанский государственный университет)
г. Краснодар

Прохорова Марина Леонидовна

доктор юридических наук, профессор
(Кубанский государственный университет)
г. Краснодар
e-mail: hooligang@mail.ru

ИНСТИТУТ ПОМИЛОВАНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ГУМАНИТАРНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ

Прошлое, настоящее и будущее этого уникального гуманитарного правового института «милосердия» не просто интересует, а волнует российское общество. Как известно, впервые его «вплетение» в систему уголовного законодательства было осуществлено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 170-172 [1, с. 496 -497]. За прошедшие 175 лет институт претерпел существенные изменения, особенно в УК Советской России.

В настоящее время он представляет собой комплексный институт, включающий нормы конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного права, а также нормы правовых актов глав субъектов РФ (например, принято 18

постановлений губернатора Краснодарского края, связанных с реализацией института помилования).

Постановку проблемы реализации института помилования на сегодняшней конференции мы бы признали символической. Так, 22 мая 2019 г. именно в г. Ростове-на-Дону Управление Президента РФ по обеспечению конституционных прав граждан проводило координационное совещание по проблемам реализации института помилования. По итогам обсуждения было принято решение, содержащее рекомендации высшим должностным лицам субъектов РФ о принятии мер по совершенствованию работы комиссий по вопросам помилования на их территории:

1) рассматривать в приоритетном порядке материалы в отношении осужденных, относящихся к социально незащищенным группам (несовершеннолетние, многодетные и др.);

2) оказывать меры социальной поддержки помилованным осужденным с целью их скорейшей адаптации после отбытия наказания;

3) изучить возможности разработки государственных программ (подпрограмм), направленных на повышение эффективности деятельности государственных органов по вопросам социальной адаптации лиц, отбывших наказание.

При этом особо обращено внимание высшего должностного лица субъекта Федерации на то, чтобы в обязательном порядке направлять вместе со своим представлением о рекомендации к помилованию осужденного «копию протокола заседания комиссии в целях определения легитимности рассмотрения ходатайства осужденного и мотивов рекомендации о его помиловании» [2].

Проведение этого совещания, несомненно, входит в систему мер повышения гуманитарного потенциала отечественной уголовной политики. Эта тенденция находит реализацию, прежде всего, в практике судов (значительное сокращение числа несовершеннолетних, осуждаемых к реальному лишению свободы, более широкое применение наказания в виде ограничения свободы; сокращении количества осужденных к реальному лишению свободы и др.).

В формирующуюся ситуацию повышения гуманитарного потенциала отечественной уголовной политики, несомненно, должны быть «вписаны» и указанные ранее меры по совершенствованию работы комиссий по вопросам помилования, утвержденные Администрацией Президента РФ. Однако имеющие место количественные показатели применения в России института помилования заставляют задуматься, даже настораживают. Для сравнения рассмотрим тенденцию его функционирования с 1996 по 2020 гг. Так, за пять лет (с 1996 по 2001 гг.) был помилован 36901 осужденный. За время действия Указа Президента РФ № 1500 от 28 декабря 2001 г. «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (с 2002 по 2020 гг.) всеми комиссиями России помиловано всего около 1000 осужденных. Эта тенденция ограничения применения помилования начала проявляться с начала реализации Указа № 1500. Так, в 2002 г. региональные комиссии по помилованию рассмотрели 8 тыс. прошений осужденных, из них были поддержаны 1100 прошений, обращенных к Президенту РФ. Однако из этого числа были помилованы всего 182

человека (16,4 %). В 2003 г. региональные комиссии по помилованию рассмотрели 4,5 тыс. прошений, поддержали 1000 прошений, из них были помилованы только 228 человек (22,8 %) [3]. К сожалению, отмеченная тенденция в последующие 2004–2020 гг. во всероссийском масштабе получила еще большее выражение [4].

При этом нельзя не отметить снижение внимания администрации Президента РФ к организации деятельности комиссий. Так, в 2002, 2003 и 2007 гг. проводились Всероссийские совещания председателей комиссий по вопросам помилования. В последующие годы, несмотря на внесение существенных коррективов во все отрасли законодательства и в направления реализации уголовной политики, а равно на изменения в общественной и политической жизни общества, аналогичных обсуждений не проводилось.

Тенденция сокращения числа Указов Президента РФ о помиловании характерна и для соответствующих статистических показателей работы комиссии по вопросам помилования на территории Краснодарского края. За прошедшие 18 лет ею рассмотрено ходатайств осужденных о помиловании – 2632; отклонены – 2167; рекомендовано поддержать ходатайство о помиловании – 465; из них помиловано Указами Президента РФ – 61 (13,1 %). Не изменилась ситуация и после отмеченного совещания в г. Ростове-на-Дону. Так, комиссия на заседаниях с октября 2019 г. по май 2020 г. рекомендовала к помилованию 14 осужденных, но все решения комиссии были отклонены, причем, к сожалению, без обоснования.

Приведенные необоснованно низкие показатели реализации указа Президента РФ № 1500 2001 г. пытаются оправдать на страницах печати, говоря о том, что решения о помиловании являются исключительными, не могут носить массовый характер, который имеет амнистия.

Такая позиция представляется весьма неубедительной. Следует иметь в виду, что «исключительность», о которой говорят, обосновывая скромное количество помилованных лиц, в уголовном праве базируется на конкретных основаниях: это характер и степень общественной опасности совершенного преступления, характеристика осужденного до совершения преступления, во время отбытия наказания, степень его исправления в результате воспитательных мероприятий, проводимых администрацией исправительного учреждения. В процессе помилования принимают участие более тысячи авторитетных граждан – членов комиссий по вопросам помилования. Комиссия имеет возможность обобщить и представить Президенту РФ объективный характеризующий материал по каждому осужденному.

В этой связи возникает вопрос, почему при реализации решения Государственной Думы об амнистии количество освобожденных от наказания преступников в десятки тысяч больше, чем помилованных. Складывается довольно странная ситуация, когда тысячи осужденных по коллективному правовому акту (амнистии) оказались достойными освобождения от наказания, но не могли быть помилованы Президентом РФ. И это при условии, что институт помилования в социально-правовом отношении более широк, более общественно полезен и гуманен по сравнению с институтом амнистии.

В заключение отметим, что тенденция существенного сокращения числа Указов о помиловании осужденных, нарушение сроков прохождения материалов

комиссии в администрации Президента РФ в определенной степени девальвирует саму идею помилования и выхолащивает концепцию реализации института помилования, закрепленную Указом Президента РФ, придавая ей черты псевдолиберализма [5]. Это также негативно влияет на авторитет главы соответствующего субъекта Федерации и комиссии, принявших решение поддержать ходатайство осужденного о помиловании [6, с. 4]. Однако самое главное заключается в том, что сложившееся положение дел существенно принижает роль главы государства в принятии акта милосердия, прощения преступника. Помилование всегда признавалось не только целесообразным, но и справедливым актом, уменьшающим дефицит милосердия в обществе. Тем более что оптимизация процесса реализации его гуманитарного потенциала будет соответствовать общему заявленному государством, в том числе и при внесении последних известных изменений в Конституцию России, «тренду» государственной политики в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Том 2. Тула, 2001. С. 496-497.
2. Материалы Координационного совещания по обобщению опыта работы комиссии по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации Южного федерального округа. Краснодар, 2003.
3. Витебская Т., Гритчин Н., Демченко В., Турьялай С. Воля Ваша // Известия. 2003. 13 сентября.
4. Кашеварова А., Теслова Е. За год помиловано пять человек // Известия. 2013. 27 декабря.
5. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Комиссия по вопросам помилования в системе субъектов социальной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы // Российский следователь. 2008. № 22.
6. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Институт помилования в России: пути совершенствования правового регулирования // Научный вестник Южного федерального округа. 2007. № 1. С. 4.

Саядян Сусанна Григорьевна
старший преподаватель
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: Susanna-sayadyan@mail.ru

ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ЗАЩИТЫ МАТЕРИНСТВА

С предоставлением отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и родителям, имеющим малолетних детей, государство, реализуя конституционное положение (ст. 38 Конституции) [1], обеспечивает физическое и нравственное

развитие детей в семье, поскольку нормальное развитие ребенка может пострадать, если воспитанием будут заниматься не родители.

Отсрочка отбывания наказания в соответствии со 82 УК РФ [2] - одна из специальных мер, направленных на реализацию государственной политики в области охраны материнства, отцовства и детства.

В качестве целей отсрочки можно назвать сохранение социально-полезных связей, в первую очередь, семьи. Отсрочка предполагает также невозложение наказания на лиц, рожденных в неволе. Речь идет о детях, которые могут оказаться в местах, где невозможно обеспечить их нормальное развитие и воспитание. Дети, находящиеся в местах лишения свободы, крайне уязвимы с точки зрения ухода, физического и психического здоровья, нормального физического и психического развития.

Осуждение беременной женщины или женщины, имеющей малолетних детей, имеет дополнительное карательное содержание, так как влечет за собой определенные ограничения в реализации ее родительских прав. Такого рода ограничения для матери фактически играют роль дополнительного наказания (ограничение родительских прав).

В связи с этим представляет интерес круг лиц, к которым может быть применена отсрочка отбывания наказания.

Исходя из буквального толкования фразы «женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет», закрепленной в ч. 1 ст. 82 УК РФ, остается непонятным, должна ли женщина иметь право на ребенка, основанное на родстве (или право, приравненное к родству: усыновление) или осужденная может претендовать на отсрочку и в случае воспитания ребенка, но при отсутствии юридического оформления их отношений (например, фактическое воспитание племянника, внука и т.д.). На наш взгляд, предоставлять отсрочку осужденной, воспитывающей ребенка, при отсутствии юридического оформления не вполне целесообразно, так как в уголовном законе имеются другие инструменты, которые могут учитывать это обстоятельство при назначении наказания. Уместно напомнить, что законодатель возможность предоставления отсрочки мужчине связывает исключительно с правом, основанным на родстве («... мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем ...» ч. 1 ст. 82 УК РФ).

Отсрочка отбывания наказания может быть предоставлена не только генетическим родителям, имеющим детей в возрасте до 14 лет, но и усыновителям. Согласно Семейному кодексу РФ, усыновители в своих правах и обязанностях приравниваются к родителям. Усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению (ч. 1 ст. 137 СК РФ) [3].

Вопрос о возможности предоставления отсрочки лицам, взявшим ребенка под опеку или в приемную семью, не имеет такого однозначного ответа. Семейный Кодекс РФ содержит перечень лиц, которые не могут быть назначены опекунами (приемными родителями). В их числе лица, имеющие неснятую или непогашенную

судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления, лица, имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности, мира и безопасности человечества (ст. 146 СК РФ). Следовательно, приемные родители (опекуны), совершившие преступление, утрачивают право быть таковыми, и, соответственно, вопрос о предоставлении им отсрочки не может быть поставлен.

Отсрочка недопустима в отношении лиц, лишенных родительских прав. Согласно семейному законодательству, родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав (ст. 71 СК РФ).

Представляет интерес вопрос о возможности представления отсрочки беременной суррогатной матери. СК РФ называет родителями ребенка лиц, состоящих в браке и давших свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона. Эти лица могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери) (ч. 4 ст. 51 СК РФ). Таким образом, суррогатной матери, несмотря на то, что она не является генетической матерью ребенка, формально может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания в случае совершения ею преступления. Но период (срок) такой отсрочки будет определяться до момента письменного оформления родителями ребенка (в книге записей рождений) лиц, состоящих в браке и давших свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона.

Суд может применить положения ст. 82 УК РФ к мужчине в случае смерти или лишения родительских прав матери ребенка, тяжелого психического заболевания матери. Подтверждением факта о том, что мужчина – единственный родитель, является свидетельство о смерти матери либо решение суда о лишении ее родительских прав.

По-нашему мнению, отсрочка может быть также применена в отношении осужденных мужчин, имеющих детей в возрасте до 14 лет, и в случае ограничения в родительских правах матери. К сожалению, этот вопрос не нашел должного освещения в исследованиях, посвященных отсрочке отбывания наказания. В соответствии с СК РФ родители, родительские права которых ограничены судом, утрачивают право на личное воспитание ребенка (ст. 74). В таком случае все обязанности по уходу за ребенком и его воспитанием полностью могут быть возложены на отца и, следовательно, мужчина в таком случае должен иметь право на отсрочку. Так, если ограничение в родительских правах связано с тем, что оставление ребенка с родителем опасно для него по обстоятельствам, от родителя не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие), то в данной ситуации, по нашему мнению, суд может предоставить осужденному мужчине отсрочку отбывания

наказания. Однако возникает вопрос как должен поступить суд в случае, если у матери отбирают ребенка без лишения ее родительских прав (ограничение родительских прав на шесть месяцев, пока она не изменит своего поведения), если оставление ребенка с матерью вследствие ее поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения ее родительских прав. Если уголовное дело в отношении отца ребенка рассматривается в шестимесячный период, пока мать ребенка ограничена в правах, по нашему мнению, он имеет право претендовать на отсрочку отбывания наказания. Но если женщина по истечении шести месяцев изменит свое поведение и не будет лишена родительских прав, то необходимо будет рассмотреть вопрос о сохранении либо отмене отсрочки отбывания наказания, так как отпадут основания ее предоставления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954, Российская газета, № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16, Российская газета, № 17, 27.01.1996.

Семенцова Ирина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент
(Ростовский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России))

г. Ростов-на-Дону

e-mail: irina_semen@inbox.ru

ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА ЛИЦАМ, СОВЕРШИВШИМ ТЯЖКИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рост числа лиц, имеющих те или иные психические расстройства, в России стабильно растёт. Психические расстройства, не исключаяющие вменяемости лица, в обыденном понимании представляют собой легкие расстройства психики, несвязанные с искажённым восприятием лицом действительности в его сознании.

Статистические данные свидетельствуют о том, что «74-75% лиц, которые виновны в совершении преступления, на основе результатов и судебной психолого-психиатрической экспертизы, проводимой в Институте им. В. П. Сербского, имеют

те или иные психические расстройства, не устраняющие вменяемости», из них «около 63-68 % лиц, совершивших насильственные преступления, имеют серьёзные психические отклонения» [1].

Согласно опросу, проведённому среди судебных экспертов-психиатров Ростовского психоневрологического диспансера, в формировании личности особо жестокого преступника психические аномалии, не исключющие вменяемости, играют роль условий [2, с.9].

Уголовное законодательство [3] закрепляет категории лиц, к которым могут быть применены принудительные меры медицинского характера (далее – ПММХ), но этот перечень, по нашему мнению, является открытым.

Современное уголовное законодательство выработало подход, согласно которому при решении вопроса о назначении ПММХ учитывается только психиатрический критерий, но не принимается во внимание характер и тяжесть совершенного деяния [4, с.173]. Ч. 2 ст. 97, ст. 100, 101 УК РФ указывает исключительно на характер расстройства и психическое состояние лица.

С.В. Полубинская считает, что учёт характера и тяжести совершенного лицом с психическим расстройством уголовно наказуемого деяния, «привносил бы в принудительное лечение элементы кары за содеянное, что принципиально неверно» [4, с.173].

Однако отметим, что ранее действовавший УК РСФСР 1960 г. [5] закреплял такие условия, принимаемые во внимание при назначении ПММХ: в ст. 60 регламентировалось, что избрание вида принудительной меры медицинского характера является прерогативой суда «в зависимости от душевного заболевания лица, характера и степени общественной опасности совершенного им деяния».

Итак, мы предлагаем редакцию ч. 2 ст. 97 изложить следующим образом:

«Лицам, указанным в части первой настоящей статьи, принудительные средства медицинского характера назначаются только тогда, когда психические расстройства и характер совершенного деяния либо преступления связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда, либо с опасностью для себя или других лиц».

Вместе с этим не можем не затронуть вопрос, касающийся довольно-таки широкой интерпретации понятия опасности лица с психическим расстройством, присущую отечественной судебной психиатрии и сложившейся судебной практики.

А.В. Коршунов и А.В. Никитин [4, с.26] также обращают внимание на то, что часто лица совершают преступные деяния, относящиеся к тяжким или особо тяжким, но они, учитывая имеющееся заболевание не опасны для себя и окружающих. Встречается и противоположная ситуация – лицо по своему характеру и степени общественной опасности совершило преступление небольшой тяжести, но комиссия СПЭ признала его опасным, ввиду чего оно помещается в медицинское учреждение соответствующего типа. Это подтверждает и положения ст. 100 УК РФ, в соответствии с которой, как было сказано ранее, принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях может быть назначено при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УК РФ, если лицо по своему психическому состоянию не нуждается в помещении в медицинскую

организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Таким образом, применение указанной меры не связано с тяжестью совершенного уголовно наказуемого деяния.

Стоит отметить, что, как и в юридической науке, так и в психиатрии существуют мнение, что тяжкие и особо тяжкие преступления способны совершать лица, имеющие те или иные психические расстройства, не исключающие вменяемости.

Среди лиц, совершающих преступления насильственной направленности, высок процент имеющих психические расстройства, а также различные формы девиаций и психических аномалий. Зачастую у них диагностируют парафилии расстройства сексуального предпочтения, которые опосредуют мотивацию поведения этих лиц.

Научные исследования, проведенные в последние десятилетия в России и за рубежом, показывают, что психическое расстройство при совершении лицом преступления против жизни и здоровья является криминогенным фактором, т.е. детерминирует совершение жестокого насильственного преступления. Это могут быть такие нарушения психики, которые стали итогом травматизации лица ещё в детстве или юношестве.

Но как мы знает к лицам, имеющим подобные расстройства психики, ПММХ могут быть, и не назначены.

Лечение психических расстройств для лиц, совершающих насильственные преступления в связи с наличием психических расстройств независимо от признания вменяемым должно быть обязательным и принудительным, а для этого необходимо выявление психических расстройств на стадии предварительного расследования. Обвинение лица, осуждение и отбывание наказания без принудительного лечения не устранил одну из детерминант совершения данного преступления - наличия психического расстройства, не исключающего вменяемости. Противоречия в правовой регламентации применения принудительных мер медицинского характера являются препятствием в комплексной профилактике данной категории общественно опасных деяний.

На наш взгляд, в законодательстве стоит закрепить императивную норму, согласно которой к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления, следует применять принудительные меры медицинского характера наряду с наказанием. Поэтому предлагаем п. «е» ч. 1 ст. 97 УК РФ дополнить фразой: «совершившим насильственное преступление».

Не нужно ждать совершения ими повторных преступных деяний, только комплексное воздействие на личность, совершившую тяжкое насильственное преступление, способно предотвратить совершение ими в будущем более жестоких преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. URL: http://serbsky.ru/i№dex.php?optio№=com_co№te№ot&view=article&id=118&Itemid=89 (дата обращения: 10.09.2020).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

3. Гриценко Т.В., Диденко Н.С. Актуальные проблемы предупреждения насильственной преступности в России // Вестник КРУ МВД России.- 2019. - №3 (45). - С.7-13.

4. Полубинская С.В. Назначение принудительных мер медицинского характера // Труды Института государства и права РАН. - 2016. - №4 (56). - С.173-186.

5. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. - №40. – Ст.591.

6. Коршунов А.В., Никитин А.В. Проблемы досудебного производства по применению принудительных мер медицинского характера // Пролог: журнал о праве. - 2020. - №1 (25). - С.26-31.

СЕКЦИЯ № 9

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Апостолова Наталья Николаевна

доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры процессуального права
(Южно-Российский институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: napostolova@yandex.ru

СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Согласно данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ в 2020 году наблюдается постоянный рост числа преступлений совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных. Их удельный вес от общего количества зарегистрированных преступлений в июне 2020 года составлял 22,3 % [3].

Вне сомнений, дальнейшее расширение сферы применения IT-технологий будет увеличивать их число. Тем более, если учесть имеющиеся организационные, технические и процессуально-правовые трудности, возникающие в ходе собирания (поиска, обнаружения, изъятия и фиксации) электронных доказательств. Дело в том, что такие доказательства обладают целым рядом особых свойств, в силу которых их собирание посредством проведения привычных закрепленных в УПК РФ следственных действий все меньше представляется возможным.

Как известно, электронная компьютерная информация легко, быстро и незаметно создается, копируется, модифицируется, повреждается, скачивается,

уничтожается в сети интернет на большом расстоянии от ее места нахождения и с большой скоростью. Ее поиск, обнаружение и изъятие требует применение специальных цифровых технических средств и технологий. Часто, без помощи IT-специалиста сделать это не представляется возможным.

Серьезной проблемой является и то, что размещена данная информация может на электронном носителе на территории другого государства. При существующем порядке оказания взаимной правовой помощи в получении доказательств по уголовным делам, оперативно ее обнаружить и изъять не реально.

Действующим УПК РФ при производстве таких следственных действий как осмотр, обыск и выемка (в определенных случаях это может быть и проверка показаний на месте, следственный эксперимент и опознание) предусмотрена возможность изъятия электронных носителей информации или копирования с них информации (статья 164.1 УПК РФ).

Однако в условиях стремительной цифровизации практически всех сфер нашей жизни и такого же стремительного роста преступлений, совершенных с использованием современных цифровых технологий и интернета, имеющихся в распоряжении органов расследования законных способов поиска, обнаружения, изъятия и фиксации доказательств явно недостаточно. Существующая система следственных и иных процессуальных действий нуждается в обновлении и совершенствовании в соответствии с реалиями нашего времени.

В связи с чем, звучат предложения от отказе от «следственного стандарта формирования доказательств» (отказ от протокола следственных действий) и допустить возможность получения, хранения и передачи пригодной для суда информации любыми лицами (IT-специалистами), любыми носителями и через любые технические каналы связи. Суд в ходе судебного разбирательства по уголовному делу пусть сам решает, что из представленного сторонами он примет в качестве доказательства, а что нет. Такой подход позволит полностью перейти на состязательную модель уголовного судопроизводства, решит проблемы чрезмерной формализации процесса доказывания, а также получения и представления электронных доказательств по уголовным делам [1].

Такие предложения на первый взгляд выглядят весьма заманчиво и привлекательно. Но их авторы забывают о том, что конституционные права и свободы граждан, равно как и общепризнанные принципы осуществления уголовного правосудия никто не отменял, и что согласно части 2 статьи 50 Конституции РФ не допускается использование полученных с нарушением закона доказательств.

Такой радикальный отказ от установленных УПК РФ «формальностей» в ходе расследования по уголовному делу приведет к нарушению Конституции России и общепризнанных принципов уголовного судопроизводства. Судебные процессы превратятся в сложные и длительные тяжбы сторон по поводу достоверности или недостоверности непонятно кем и как полученных сведений. Да и смогут ли судьи, не будучи специалистами в области IT-технологий, разобраться в представленной им массе электронной информации так, чтобы они были способны принимать на ее основе законные, обоснованные и справедливые решения?

Тогда пусть IT-специалисты сами не только сами находят и получают соответствующую информацию, но и сами же выносят приговоры по уголовным делам о киберпреступлениях. Так будет логичней и правильной. А еще «лучше», если искусственный интеллект будет сам находить, анализировать и оценивать всю относящуюся к уголовному делу электронную информацию и выносить решения (осуществлять правосудие). Пусть беспристрастный, объективный, незаформализованный и бездушный Бот-судья вершит судьбы людей. Вот только стоило ли ради этого развивать все эти цифровые технологии?!

При создании и внедрении любых цифровых технологий следует четко знать и понимать цели всего этого. Для чего они создаются? Для человека или против него? Искусственный интеллект сродни атому. Есть атомное оружие, способное уничтожить, практически, все человечество, а есть мирный атом, несущий людям свет, тепло и комфортную жизнь. Все разговоры о том, что научный прогресс невозможно остановить – лукавы. Его не надо останавливать, надо посредством четких и понятных юридических правил и ответственности направить в позитивное и благоразумное русло. Технологии для человека, а не наоборот.

Внедрение и применение цифровых технологий в юриспруденции (равно как и в других сферах жизнедеятельности человека) должно осуществляться на основе соблюдения общепризнанных принципов, закрепленных в Конституции России и международных правовых актах.

Понятно, что в условиях «цифровой» юриспруденции практически все эти принципы и гарантии их реализации претерпят определенные изменения и трансформацию, но отказываться от них ни в коем случае нельзя. Отказ от гуманистических основ нашей жизни равносильен отказу человека от самого себя, своей сущности со всеми вытекающими из этого последствиями.

Многовековой опыт оправления правосудия над людьми подтверждает, что для его справедливости наличия логического мышления и применения формально-юридических норм явно недостаточно. Нужны еще и внутреннее убеждение (сложное взаимодействие разума, чувства и воли) [2] и совесть (способность человека критически оценивать поступки, мысли, желания исходя из общечеловеческих нравственных ценностей). Ни внутреннего убеждения, ни, тем более, совести ни у какой цифровой технологии нет и быть не может по определению.

Значит, никакая цифровая технология не сможет заменить человека при осуществлении уголовного правосудия в отношении него. Ее назначение состоит в помощи и содействии деятельности следователя, дознавателя, прокурора, суда и адвоката в ходе производства по уголовному делу, в минимизации формализма в ходе доказывания, в повышении степени достоверности полученных доказательств и т.д.

В ходе расследования киберпреступлений по решению суда или с согласия лиц, чьи конституционные права и свободы ограничиваются, с помощью соответствующего IT-специалиста следует проводить осмотры, обыски и выемки содержимого сайтов, блогов, страничек в социальных сетях, смартфонов, айфонов, планшетов, ноутбуков, компьютеров и т.п. Полученные в результате данных

следственных действий электронные материалы приобщать к письменному протоколу в соответствии с требованиями статьи 166 УПК РФ.

Проводить опознания посредством просмотра камер наружного наблюдения (как в записи, так и в режиме реального времени), допросы и очные ставки с помощью веб-конференцсвязи. Чаще прибегать к видеозаписи допросов, что даст возможность ведения краткого письменного протокола данных следственных действий, так как основное их содержание и результаты будут зафиксированы в наглядной электронной форме.

Конечно, это далеко не полный перечень возможных вариантов применения цифровых технологий, с помощью которых можно и нужно усовершенствовать и оптимизировать процесс доказывания по уголовным делам, особенно, по делам о киберпреступлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности.// Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. - №1. - С. 9-18. /URL:<http://www.iauaj.net/node/2433>

2. Смотри, например: Левченко О.В. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве./ Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 2(78)./ <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-ubezhdenie-kak-metod-otsenki-dokazatelstv-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer>

3. Смотри: Ежемесячный сборник за апрель, май, июнь 2020. Портал правовой статистики. / URL:crimestat.ru/analytics

Арзумянн Андрей Арсентьевич
кандидат юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: andreirnd@mail.ru

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЕЛАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ

Расследование уголовного дела требует определенных временных затрат, поэтому очень важно на стадии предварительного расследования получить как можно больше доказательственной информации. Одними из наиболее продуктивных способов получения доказательств являются такие следственные действия как обыск и выемка.

В соответствии со ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1] обыск проводится, если имеются достаточные основания полагать, что в каком-то месте или у какого-то лица могут присутствовать орудия либо иные средства, с помощью которых было совершено преступление, прочие предметы, документы и ценности, имеющие значение для уголовного дела.

Обыск и выемка обладают схожим порядком осуществления. При этом главным отличием является то, что в ходе обыска неизвестно, где спрятаны определенные предметы, а при выемке известно точное их местонахождение.

Глубокое изучение рассматриваемого следственного действия, позволяет констатировать, что его производство всегда связано с затрагиванием личных прав, гарантированных каждому человеку Конституцией РФ [2]. В связи с этим отметим, что для производства обыска важно обладать информацией об определённом человеке, месте и заранее определиться с местом его проведения [3, с.52].

В юридической литературе до сих пор ведётся дискуссия о процессуальном положении обыска и выемки. Одни учёные полагают, что выемка является лишь результатом производства обыска, и между ними нет принципиальных отличий, другие утверждают, что выемка это отдельное следственное действие. Автору близка позиция А.Н. Новицкого [4, с.86] убеждённого, что между этими двумя следственными действиями отличия существуют. Так первое отличие состоит в том, что при обыске подлежат изъятию предметы, предположительно находящиеся в определённом помещении, а при производстве выемки нужно обладать достоверными сведениями о том, где и у кого находятся документы или предметы, которые необходимо изъять.

В этой связи обозначим проблему определения объектов поиска при производстве обыска. Так, согласно УПК РФ к ним относятся: орудия преступления (холодное и огнестрельное оружие; орудие взлома); предметы, документы, ценности (похищенное имущество, поддельный паспорт); разыскиваемые лица (похищенное лицо; обвиняемый, скрывшийся от органов предварительного расследования); трупы (например, потерпевшего). Следует отметить, что перечисленные объекты поименованы в УПК РФ бессистемно, разрозненно. К примеру, в ч. 1 ст. 182 УПК РФ указываются только орудия преступления, предметы, документы, ценности; в ч. 16 ст. 182 УПК РФ - трупы и разыскиваемые лица; а в частях 5, 10, 13, 14 ст. 182 УПК РФ, собственно регламентирующих процедуру проведения обыска, - документы, ценности.

На основании этого можно прийти к выводу, что к иным объектам поиска указанные положения не относятся.

Учитывая вышеизложенное представляется целесообразным все объекты поиска при проведении обыска перечислить в ч. 1 ст. 182 УПК РФ и далее по УПК РФ обозначить их как «объекты обыска» [5, с.162].

Зачастую в практической деятельности происходит подмена понятий обыска и выемки осмотром места происшествия. Большинство заявителей указывают на то, что на самом деле осуществлялся не осмотр места происшествия, а обыск или выемка, производство которых до возбуждения уголовного дела запрещено. Судебная практика по разрешению таких жалоб противоречива, в связи с отсутствием в законодательстве четких критериев разграничения рассматриваемых следственных действий. Проблема отграничения данных действий имеет место в конфликтных ситуациях, когда уголовное дело еще не возбуждено, однако имеются веские основания полагать, что после получения определенных предметов, будет принято решение о возбуждении уголовного дела. К примеру ситуация очень распространена при проверке сообщения о незаконной

предпринимательской деятельности, когда происходит поиск бухгалтерских документов, файлов, дисков с информацией. Под видом проведения осмотра места происшествия, следователь производит их обыск и/или выемку в кабинете у руководителя или главного бухгалтера, что выходит за пределы обозначенного следственного действия.

Ещё одним пробелом в уголовном законодательстве является отсутствие пояснения о том, что следует понимать под безотлагательными обстоятельствами, допускающими производство обыска или выемки без соответствующего постановления суда. Согласно ст. 165 УПК РФ в этом случае следователь либо дознаватель самостоятельно выносят постановление о производстве следственного действия, а только после его проведения суд признаёт его законным. Кроме этого отметим, что ввиду недоработки уголовно-процессуального законодательства непонятно насколько достаточны фактические основания, в соответствии с которыми, собственно, принимается решение проводить выемку или обыск.

В ходе осуществления рассматриваемых следственных действий достаточно часто выявляются личные или же семейные тайны, поэтому следователь должен не допустить их разглашение, приняв соответствующие меры. Прежде всего, как справедливо отмечают М.А. Меркулов, И.И. Абросимов, «следователь не должен акцентировать внимание участников на предметах, документах и информации, которые затрагивают личную жизнь, если таковые не относятся к расследуемому уголовному делу и не подлежат изъятию» [6, с. 42]. Вместе с тем, законом не установлен перечень определённых мер, обязанных к принятию следователем, что негативно отражается на практике.

Лишь ст.161 УПК РФ устанавливает, что следователь берёт подписку о неразглашении данных предварительного следствия, а также предупреждает о наступлении уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ [7] («Разглашение данных предварительного расследования»).

Кроме того, необходимо уделить внимание и порядку вручения следователем обыскиваемому лицу копий соответствующих постановления и судебного решения, дабы обеспечить большую защиту прав, в частности в ходе обжалования соответствующего решения. Так, в ч. 4 ст. 182 УПК РФ необходимо внести соответствующие изменения, которые установят обязанность следователя по вручению соответствующих постановления и судебного решения под расписку. В ч. 7 ст. 182 УПК РФ также рекомендуется прописать конкретные меры, направленные на неразглашение личной и семейной тайны, которые обязан принимать следователь.

Обозначенные в данной статье проблемы правового регулирования обыска и выемки, а также сформулированные автором предложения по совершенствованию законодательства должны быть рассмотрены на законодательном уровне для повышения эффективности проведения рассматриваемого процессуального действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. - 22.12.2001. - №249.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. - 25.12.1993. - № 237.

3. Раджабов Ш.Р., Келеметова З.М. Проблемные вопросы производства обыска // Проблемы науки. - 2019. - №10 (46). - С.52-55.

4. Новицкий А. Н. Проблемные вопросы производства обыска и выемки в уголовном процессе Российской Федерации // Молодой ученый. - 2017. - № 38 (172). - С. 86-87.

5. Воробей С.Н. Проблемные вопросы производства обыска в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. - 2020. - №3. - С.160-162.

6. Меркулов М.А., Абросимов И.И. Актуальные проблемы производства обыска и выемки в контексте обеспечения безопасности прав участников уголовного процесса // Вестник Прикамского социального института. - 2020. - №1 (85). - С.40-44.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

Бабенко Светлана Владимировна
кандидат юридических наук, доцент
(Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России))
г. Ростов-на-Дону
e-mail: babenkoosokina@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

Важная роль в применении правовых средств, обеспечивающих защиту прав граждан, общества и государства принадлежит прокуратуре, на которую согласно ст. 1 закона о прокуратуре от 17.01.92 № 2202-1[1] возложена обязанность осуществлять надзор за соблюдением основного закона страны и исполнением законов, соответствием законам правовых актов.

В январе 2016 года, обсуждая на заседании Совета по противодействию коррупции, вопросы совершенствования антикоррупционной политики Глава государства В.В. Путин акцентировал внимание на модернизацию такого антикоррупционного механизма, как изъятие и обращение в доход государства имущества, которое приобретено на незаконные или сомнительные деньги.

По данным статистической отчетности в 2020 г. в сфере экономики прокурорами выявлено более 653 тыс. нарушений, для устранения которых 10 тыс. должностных лиц предостережены о недопустимости нарушений закона, в суды общей юрисдикции направлено около 38 тыс. исков и заявлений [2].

Результаты прокурорских проверок показали, что выявленные прокурорами факты коррупционных правонарушений в основном допускаются при распоряжении полученными из бюджета средствами и госимуществом, при предоставлении гос. и муниципальных услуг, а также в рамках осуществления

закупок для государственных (муниципальных) нужд, что послужило основанием выделить сферу надзора за исполнением законов о контроле за соответствием расходов госслужащих и работников организаций государственного сектора за полученным ими доходами, как одно из приоритетных направлений деятельности надзорного ведомства.

В этой связи важно отметить, что с момента предоставления Законом от 03.12.2012 №230-ФЗ [3] соответствующих полномочий, по искам прокуроров судами общей юрисдикции из 76 тыс., 46 тыс. заявлений удовлетворено, в доход государства обращено имущество, в отношении которого чиновниками не представлены сведения, подтверждающие его приобретение на законные доходы совокупной стоимостью в размере, превышающем 11 млрд. руб.

Так, решением суда, исковые требования Генпрокуратура РФ удовлетворены в полном объеме, дорогостоящее имущество бывшего зам. руководителя Управления Росрезерва по Сибирскому федеральному округу и его денежные средства обращены в доход государства. Основанием для обращения в суд явились материалы уголовного дела в отношении экс-чиновника согласно которым последний, занимая названную должность, отнесенную Указом Президента РФ от 31.12.2005 № 1534 (ред. 30.07.2020) к высшей группе должностей федеральной гос. гражданской службы, не представил сведений, подтверждающих приобретение и владение объектами недвижимого имущества, транспортными средствами, предметами роскоши и денежными средствами на общую сумму более 120 млн. руб. [4].

И все же следует отметить, что на сегодняшний день механизм изъятия и обращения в доход государства имущества, приобретенного на незаконные (сомнительные) доходы, не отвечает требованиям реалий, а попросту, он фактически отсутствует, действующее в настоящее время законодательство, нуждается не то чтобы в совершенствовании, а в коренной его переработке.

Опыт практической работы показал, что одним из распространенных видов нарушений со стороны чиновников является недостоверное декларирование сведений о своем имуществе и сделках с ним. При подаче деклараций о доходах и расходах, госслужащие совершают умышленные действия по сокрытию имущества и денежных средств, перечисляя их на счета других лиц, которые не подлежат проверке, и (или) передают им объекты своего недвижимого имущества по фиктивным договорам дарения или купли-продажи.

В этом смысле интерес представляет дело, рассмотренное по иску прокурора с которым он обратился в суд к В.С. – специалисту-эксперту отдела инспекции ФНС, и ее супругу В.Р. с заявлением об обращении имущества в доход государства.

Судом установлено, что по договору купли-продажи супруги приобрели по доли в праве собственности на земельный участок и жилой дом, в сентябре 2014 года гр-н. В.Р. приобрел автомобиль стоимостью более 1 млн. руб. В ноябре этого же года В.С. и В.Р. заключили брак.

Отказывая в удовлетворении исковых требований прокурора суд мотивировал свое решение тем, что действующее законодательство не предусматривает возможности осуществления контроля за расходами лица, произведенными им до вступления в брак с лицом, в отношении которого

осуществляется контроль за расходами, в течение отчетного периода, но до вступления в брак с этим лицом, а стало быть, п.п. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ применению не подлежит [5].

Таким образом, основываясь на анализе правоприменительной практики полагаем целесообразным внести изменения в Закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ [3] в части расширения круга субъектов, к числу которых, необходимо отнести не только супруга (супругов) и несовершеннолетних детей, но и иных членов семьи (родители, родные братья, сестры, ...) госслужащего в отношении которых так же необходимо проводить проверку их доходов и расходов.

Так, прокуратурой начата проверка в отношении бывшего Главы регионального департамента архитектуры и строительной политики гр. С. о наличии нарушений закона о противодействии коррупции. Например, как стало известно суду в рамках бракоразводного процесса экс-супругов, у бывшего чиновника не только открыт расчетный счет в Испании, но и то, что последний является владельцем дорогостоящей недвижимости и долями в компаниях, которые он оформил на свою мать (3 участка площадью 2,8 тыс. кв.м., 3 участка 3,2 тыс. кв.м., здание в 342,8 кв. м, и тетю, владеющую землей и зданием, двумя помещениями, а также долями в нескольких компаниях.

Обращаясь к международному опыту отметим, что в законодательстве более чем в 50 странах мира, включая и Китай, одной из составляющих в борьбе с коррупцией является установление уголовной ответственности юридических лиц, что обусловлено ростом и масштабами коррупционных преступлений, которые совершаются физическими лицами от имени, или за счет либо в интересах юридических лиц.

В отечественном законодательстве возможность привлечения юр.лиц за совершение деяний коррупционной направленности предусмотрена лишь административным законодательством по ст. 19.28 КоАП РФ (незаконное вознаграждение от имени юридического лица). Анализ практики применения положений названной статьи КоАП РФ показал, что судами общей юрисдикции РФ в 2018 году было рассмотрено всего 689 дел, а в 2019 году – 485 дел совершение правонарушений по которым выражалось, в основном, в осуществлении таких действий (бездействие) как, например, предоставление преимуществ в ходе разрешительных процедур, содействие в заключении различных договоров, в том числе гос.контрактов, подписание актов приемки выполненных работ по договорам, неприменение мер принудительного исполнения[6]. Сравнительно-правовой анализ и опыт зарубежных стран позволяют прийти к выводу о необходимости внедрения в отечественное законодательство уголовную ответственность юр.лиц за преступления в рассматриваемой сфере.

Что же касается вопросов, требующих уголовно-правовой оценки, отметим, что наиболее подверженной коррупции была и продолжает оставаться сфера экономики. Прокурорами различного уровня систематически выявлялись факты: злоупотребления служебными полномочиями при освоении бюджетных средств, организации торгов, предоставлении государственных услуг и мер поддержки субъектам предпринимательства.

Так, приговором районного суда к уголовной ответственности за совершение 8 эпизодов коррупционного преступления привлечена директор районного фонда поддержки малого и среднего предпринимательства, которая присвоила денежные средства фонда в размере 12 млн. руб. [7].

Резюмируя изложенное отметим, что существующая в российском законодательстве коллизия норм, нуждается в законодательном регулировании и устранении пробелов и противоречий, а также в совершенствовании механизма проведения прокурорских проверок, производства предварительного расследования и отправления правосудия по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности.

В этой связи, действенной мерой реагирования в указанной сфере будет являться право прокурора на возбуждение уголовного дела, которого он лишён в связи с изменениями в УПК РФ, внесенными Законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ существенным образом ограничившего полномочия прокурора. В связи с чем, полагаем необходимым п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ изложить в редакции, которая будет содержать право прокурора выносить постановление о возбуждении уголовного дела по фактам выявленных им нарушений уголовного законодательства.

В целях преодоления несогласованности, аналогичные изменения следует внести и в часть 2 ст. 27 Закона № 2202-1, закрепив положение, что в случаях выявления нарушений, имеющих характер уголовно-наказуемого деяния, прокурор принимает решение о возбуждении уголовного дела и незамедлительно направляет его для производства предварительного расследования следователю СК России.

Кроме того, в целях совершенствования механизма уголовного судопроизводства, полагаем необходимым выработать четкую систему нормативного правового регулирования, в частности, решить вопрос о применении к лицам, совершившим преступления коррупционной направленности, а также к членам его семьи (и не только в отношении имущества супруга (супругов) и несовершеннолетних детей, но и в отношении родителей, родных братьев, сестер и иных членов семьи), конфискацию имущества, которое приобретено на доходы, легальность происхождения которых не подтверждена, в доход государства. В этих целях внести изменения в ст. 44 и ч. 3 ст. 45 УК РФ, предусмотрев, что конфискация имущества, должна применяется в качестве, как основных, так и дополнительных видов наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 27.12.2018 № 536-ФЗ) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2020) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. - № 8. - 20.02.1992. - Ст. 366.
2. Статистические данные Генпрокуратуры Российской Федерации об основных показателях деятельности органов прокуратуры за 7 мес. 2020 г. и Судебная практика по гражданским делам за 2018 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1888262/>; <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1716824/> (дата обращения – 27.09.2020).
3. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные

должности, и иных лиц их доходам» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.09.2018) // Собр. законодат. Рос. Федерации. - № 50 (часть 4). - 10.12.2012. - Ст. 6953.

4. Решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области № 2-340/2017 от 15.03.2017 по делу № 2-340/2017/ Банк судебных решений // [Электронный ресурс]. URL: www.zaelcovsky.nsk.sudrf.ru/ (дата обращения – 21.09.2020).

5. Судебная практика по гражданским делам за 2018 г. Документ опубликован не был. // Доступ на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ. // [Электронный ресурс]. URL: www.genproc.gov.ru/anticor/ (дата обращения – 21.08.2020).

6. Обзор судебной практики рассмотрения дел о привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьей 19.28 КоАП РФ, утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации от 08.07.2020. // Доступ на официальном сайте Верховного суда РФ. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/all/29109/> (дата обращения – 25.09.2020).

7. Новости Генпрокуратуры РФ от 08.10.2019. Документ опубликован не был. / Доступ на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ. // [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1716824/> (дата обращения – 23.09.2020).

Веретенников Николай Викторович

кандидат юридических наук
адвокат филиала «Защита и Доверие»
Ростовской областной коллегии имени Д.П. Баранова
г. Ростов-на-Дону
e-mail: vernik.78@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТОЧНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КРИТЕРИЕВ СЛОЖНОСТИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Среди уголовно-процессуальных категорий, существенно влияющих на права участников уголовного судопроизводства, отдельного внимания заслуживает такая категория как особая сложность уголовного дела.

Несмотря на то обстоятельство, что особая сложность уголовного дела предоставляет возможность руководителю следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их заместителям принимать решения о продлении срока предварительного следствия до 12 месяцев, а также возможность судам принимать решения о продлении по ходатайству следователя с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации меры пресечения в виде заключения под стражу до 12 месяцев, никаких критериев отнесения уголовных дел к категории особой сложности законодатель не устанавливает.

На практике это приводит к серьезным проблемам ввиду того, что процессуальные оппоненты приводят свои аргументы и доводы относительно сложности уголовного дела лишь с учетом своих процессуальных интересов.

Следователь, не имея возможности в силу различных обстоятельств закончить уголовное дело в установленный законом срок, преодолев 6- месячный рубеж расследования, подробно описывает комплекс следственных действий и иных мероприятий, проделанных в ходе расследования уголовного дела, при этом делая вывод о том, что по делу проведена значительная работа.

Сторона защиты же, напротив вынуждена доказывать тот факт, что все следственные действия, проведенные на момент обращения следователя с соответствующим ходатайством о продлении соответствующего процессуального срока, возможно выполнить в срок, не превышающий 6- месяцев.

Недостаточное правовое регулирование данного вопроса не позволяет судам выносить законные, основанные на нормах уголовно-процессуального законодательства, решения. Вызывают вопросы обстоятельства, которые суду необходимо выяснять при рассмотрении ходатайств следователя о продлении меры пресечения.

Так, при рассмотрении очередного ходатайства следователя о необходимости продления меры пресечения в виде запрета определенных действий в отношении Г., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст.30, ч.4 ст.159, ч.2 ст.306 УК РФ Первомайским районным судом г. Ростова-на-Дону поставлен вопрос о том, в чем заключается сложность уголовного дела, находящегося в производстве. На данный вопрос следователем дан ответ, что по делу выполнен значительный объем следственных действий. Поскольку данный ответ удовлетворил суд, стороной защиты был задан уточняющий вопрос о том, является ли значительный объем произведенных следственных действий критерием, в силу которого можно отнести уголовное дело к категории особой сложности. В этой связи суд дополнил ответ следователя, указав, что следователь расследует "многоэпизодное" уголовное дело, в связи с чем оно представляет по мнению суда особую сложность. В связи с изложенными обстоятельствами судом вынесено очередное решение о продлении меры пресечения.

Таким образом, приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство, устанавливая в продлении процессуальных сроков по делам, не представляющим сложность, позволяет правоприменителям толковать данные критерии сложности по своему усмотрению, что фактически исключает возможность апелляции.

Представляется, что определенную ясность в сложившейся ситуации возможно внести через призму толкования и применения ст.6.1 УПК РФ, а также с учетом полномочий такого участника уголовного судопроизводства как прокурор.

Не случайно в интервью газете «Коммерсантъ» Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов указал, что, по его мнению, прокурор – связующее звено между участниками уголовного процесса, координирующее их работу [1].

Итак, ст.6.1 УПК РФ говорит о том, что уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. При определении разумного срока досудебного производства, который включает в себя период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному пунктом 1 части первой статьи 208 УПК РФ, наряду с иными

учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела.

В полномочия органов прокуратуры при осуществлении прокурорского надзора за предварительным следствием входит в том числе надзор за соблюдением разумного срока при осуществлении предварительного следствия.

Так, с целью обеспечения реализации норм федеральных законов от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», прав граждан на доступ к правосудию, надлежащего надзора за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания издан Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 12 июля 2010 г. № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [2].

В соответствии с данным приказом органы прокуратуры обязаны требовать от правоохранительных органов в целях обеспечения неуклонного исполнения уголовно-процессуального законодательства соблюдения сроков рассмотрения сообщений о преступлениях и расследования уголовных дел, предупреждения фактов нарушения разумных сроков на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

В пределах своей компетенции прокуроры осуществляют системный анализ причин продления сроков предварительного следствия и дознания.

В случае установления фактов волокиты со стороны органов предварительного следствия, прокурор должен принять соответствующие меры реагирования. В соответствии с п.3 ч.2 ст.37 УПК РФ такой мерой реагирования является требование устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при производстве дознания или предварительного следствия. В соответствии с требованиями ст.24 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 31.07.2020) "О Прокуратуре Российской Федерации" также вносится представление об устранении нарушений закона в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения с постановкой вопроса об ответственности виновных должностных лиц.

Поскольку ведомственные правовые акты прямо предписывают прокурору осуществлять непосредственный и постоянный надзор за соблюдением разумных сроков на досудебной стадии уголовного судопроизводства, проводить системный анализ причин продления сроков предварительного следствия, представляется логичным законодательное наделение прокурора в случаях рассмотрения ходатайств следователя о продлении процессуальных сроков свыше 6 месяцев полномочиями давать суду заключение, содержащее обязательные сведения о подробном системном анализе причин продления сроков следствия, принятых мерах прокурорского реагирования и сведениях об их рассмотрении.

В противном случае такая уголовно-процессуальная категория как особая сложность уголовного дела подлежит исключению из уголовно-процессуального законодательства, поскольку отсутствие критериев особой сложности уголовного дела неминуемо влечет за собой нарушение прав участников уголовного судопроизводства из-за произвольного толкования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/interview/1889214/
2. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257411/>

Демидченко Юрий Викторович

кандидат юридических наук, доцент
(Ростовский филиал Российского государственного
университет правосудия)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: ydemid_76@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ПОКАЗАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Развитием в уголовном судопроизводстве инструментов, направленных на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе расследования уголовного дела, явилось включение в 2003 году в систему видов доказательств - заключение и показания специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Однако, процедура привлечения специалиста для дачи заключения, порядок получения показаний законодатель не определил. Данное обстоятельство сформулировало ряд актуальных вопросов в теории уголовного судопроизводства.

В чем сущность исследования, проводимого специалистом, при подготовке заключения, и чем оно отличается от исследования, проводимого экспертом?

Возможно ли получать заключение специалиста в ходе проверки сообщения о преступлении в соответствии со ст. 144 УПК РФ?

В полной мере ли положения Уголовно-процессуального кодекса РФ регламентируют процедуру вовлечения в уголовное судопроизводство специалиста и возможности использования его специальных познаний в процессе доказывания?

Постараемся проанализировать сформулированные вопросы.

Согласно толковому словарю Ожегова исследовать - значит подвергнуть научному изучению что-либо, осмотреть для выявления, изучения чего-нибудь [4]. Отсюда можно заключить, что исследование есть система действий, проводимая лицом, обладающим знаниями не доступными широкому кругу лиц, не являющиеся обыденными, связана с применением разработанных методов осмотра и познания объекта, его сущности, свойств, отнесение его к той или иной группе однородных объектов и выделение из данной группы устанавливая признаки, свойства присущие только изучаемому объекту.

Применительно к процедуре исследования, проводимого экспертом, криминалистика формирует следующую систему этапов научного познания объекта.

Получение общего представления об объекте исследования его состоянии, достаточности объектов и их пригодности для проведения исследования, определении методов и приемов исследования, проводимых в рамках подготовительного этапа исследования.

Далее в ходе аналитического этапа исследования устанавливаются общие и частные признаки объектов их качественная и количественная определенность, свойства признаков. Данный этап связан с применением технических средств различной степени сложности, направленной на установление внутренней структуры объекта.

Кроме того, представленные объекты могут подвергаться экспертному эксперименту для выявления механизма слеодообразования и (или) механизма взаимодействия объектов экспертного исследования в условиях максимально приближенных к условиям, в которых происходило взаимодействие двух объектов и слеодообразования.

Экспертный эксперимент позволяет весьма полно и всесторонне познать сущность объекта, его внутреннюю структуру, сопряженного с искусственным созданием исследуемых фактов, процессов.

В литературе под экспериментом понимается «метод научного познания, при помощи которого исследуются явления реально-предметной действительности в определённых (заданных), воспроизводимых условиях путём их контролируемого изменения» [1].

Выявленные в ходе предыдущих этапов признаки позволяют произвести сравнительное исследование установив как признаки, которые объединяют объекты так и признаки их различающие, при этом эксперт учитывает пределы допустимости изменений исследуемых признаков.

Завершающим этапом исследовательской деятельности эксперта является формулировка выводов, которые должны быть логичными исходить из полученных результатов в ходе исследования.

Специалист в ходе проведения исследования придерживается той же системы процесса изучения объекта, связанных с осмотром представленных объектов, выявлением их признаков, выделяющих из группы однородных объектов. Проводит исследования объектов, использует реактивы для экспресс-анализа, направленные на установление свойств объекта, отнесение его к той или иной группе объектов, веществ.

Отличие исследований проводимых специалистом от исследований эксперта в том, что он не использует сложное техническое оборудование, требующее специальных условий его применения, а также не производит экспериментальных действий связанных с получением экспериментальных образцов в условиях схожих с образованием объекта исследования.

Так, например, при выявлении сомнительных, неплатежеспособных денежных знаков Банка России сотрудники банка сообщают о данном факте в правоохранительные органы, которые в рамках проверки поступившей

информации в соответствии со ст. 144 УПК РФ привлекают в качестве специалиста сотрудника соответствующего отдела банка, который производит исследование денежного знака Банка России, путем визуального ее осмотра и применения технических средств находящихся в распоряжении кредитной организации в соответствии с Положением Банка России [5]. После чего, представляет заключение, в котором указывает признаки, свидетельствующие о несоответствии исследуемого предмета денежному знаку Банка России. Данное обстоятельство указывает на признаки состава преступления предусмотренного ст. 186 УК РФ, что влечет возбуждение уголовного дела в порядке ст. 146 УПК РФ. В ходе расследования уголовного дела следователь назначает экспертизу в отношении данной купюры и на разрешение эксперту ставит вопросы о способе изготовления, используемых красителях, структуре бумаги и другие вопросы, разрешение которых возможно только при использовании сложного технического оборудования применяемого в соответствующих условиях.

Уголовно-процессуальный кодекс в ст. 74 УПК РФ определил заключение и показание специалиста как вид доказательства, однако исходя из положений статьи 57 УПК РФ законодатель не предоставил такого права рассматриваемому субъекту уголовного судопроизводства. В связи с чем, первоначально необходимо предоставить право специалисту давать заключения и показания по вопросам относящимся к его области профессиональных знаний, дополнив ч.3 ст. 57 УПК РФ соответствующим пунктом. Вместе с предоставлением данного права необходимо установить и меру уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, включив в ч.4 ст.57 УПК РФ положение согласно которому специалист несет ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения. Обозначенная статья Особенной части Уголовного Кодекса, обращает на себя внимание, ввиду отсутствия в диспозиции нормы, указания на уголовно-правовую наказуемость дачи заведомо ложного заключения. Данное обстоятельство нуждается в дополнительной теоретической проработке в целях соответствия современному положению правоприменительной практики.

Ввиду того, что уголовно-процессуальное законодательство, не определяет процедуру назначения исследований, проводимых специалистом, правоприменитель не имеет возможности активно использовать заключения, представленные рассматриваемым участником уголовного судопроизводства. Учитывая то обстоятельство, что исследования, проводимые специалистом, как правило производятся в короткое время и не связаны с применением сложных технических устройств, то результаты его деятельности могли бы способствовать раскрытию преступлений «по горячим следам», своевременности принятия процессуальных решений.

Говоря о процедуре привлечения специалиста для проведения исследования и дачи заключения по вопросам относящимся к его сфере профессиональных знаний, следует выработать процессуальный порядок при, котором лицо в производстве или рассмотрении, которого находится уголовное дело в случае необходимости использования специальных познаний, в отсутствие оснований обязательного назначения экспертизы, предусмотренных ст. 196 УПК РФ, а также, исходя из следственной ситуации, в которой принимается данное решение,

выносил бы постановление об исследовании объектов специалистом. Полагаю, учет обстановки, в которой принимается решение об исследовании объекта именно привлечением специалиста, имеет существенное значение, так как данные исследования, как уже было сказано выше, не связаны с длительной процедурой изучения объекта, и в условиях ограниченного времени принятия процессуального решения, выработки системы следственных действий в ходе расследования уголовного дела и проверочных мероприятий, особенно в рамках проверки информации о подготавливаемом, совершённом, либо совершаемом преступлении, являются наиболее рациональным. В связи с чем, предлагается расширить перечень субъектов имеющих право собирать образцы для сравнительного исследования и включить в ч.1 ст. 202 УПК РФ, таких участников, как дознавателя и судью. При необходимости получением образцом для сравнительного исследования, указанным участникам уголовного судопроизводства, на основании измененной ч.1 ст. 202 УПК РФ предоставить право выносить постановление о сборе образцов для сравнительного исследования, закрепив данное положение в ч.3. ст. 202 УПК РФ. Выносимое постановление должно содержать данные инициатора исследования, специалиста, сведения о разъяснении ему прав и обязанностей, предупреждении его об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования, соответствии со ст. 310 УК РФ и за заведомо ложное заключение специалиста, в соответствии со ст. 307 УК РФ, перечень вопросов подлежащих разрешению, а также мерные единицы передаваемого на исследование объекта. Учитывая положение ч.1 ст. 202 УПК РФ, указанный выше порядок, возможно применять в период рассмотрения сообщения о преступлении в соответствии с ч.1 ст. 144 УПК РФ.

Учитывая сформулированные предложения, относительно процедуры привлечения специалиста для проведения исследования и дачи им заключения, а также имеющиеся положения уголовно-процессуального законодательства, появится возможность использовать специальные познания, не прибегая к назначению экспертизы.

В частности, позволит разрешить проблему использования заключения специалиста, полученного до возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в процессе доказывания по уголовному делу и включать весь объем изъятого, в момент задержания наркотического вещества в обвинительное заключение и приговор. В настоящее время, исходя из положений уголовно-процессуального законодательства в части вовлечения специалиста, практика идет по следующему пути. В случае привлечения специалиста для установления вида, количества наркотического вещества и получение документального подтверждения - оформляется акт, справка, либо предварительное криминалистическое исследование. При наличии признаков состава преступления, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров возбуждается уголовное дело. Однако, документы, предоставленные специалистом до возбуждения уголовного дела, не используются в процессе доказывания, а также объем израсходованного вещества не учитывается при квалификации деяния.

Так же, законодатель, весьма расплывчато формулирует, цели вовлечения специалиста в уголовный процесс, - ...применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела... (ч. 1 ст.58 УПК РФ), тем самым с одной стороны не определяет какой результат ожидает инициатор привлечения специалиста от проведенного исследования, с другой искусственно ограничивает возможность привлечения специалиста для дачи заключения в рамках доследственной проверки повода, предусмотренного ч.1 ст. 144 УПК РФ. Представляется целесообразным заменить слова части первой статьи 58 УПК РФ - «...материалов уголовного дела...» на слова «...и давать заключения и показания по вопросам в пределах своей компетенции...».

Относительно процедуры вовлечение специалиста в уголовное судопроизводство Уголовно-процессуальный кодекс определяет, что следователь по собственной инициативе вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста при этом анализ ч.5 ст.164 УПК РФ и ст. 168 УПК РФ указывает на то, что данный субъект вовлекается в следственное действие, как дополнительный участник, так как самостоятельного следственного действия предусматривающего допрос специалиста, в рамках которого даются показания, уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает. На данное обстоятельство указывает А.А. Давлетов «в стадии предварительного расследования дозволения на производство допроса специалиста вообще нет, в судебном же разбирательстве подобный вопрос упоминается лишь в частной норме (ст. 271 УПК РФ) без закрепления порядка его проведения в главе 37 УПК РФ «Судебное следствие», что фактически также означает отсутствие явно выраженного разрешения на его проведение» [2].

Учитывая то обстоятельство, что ч.4 ст.80 УПК РФ определяет показания специалиста как сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний. Необходимо в соответствующих разделах Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих следственные действия на предварительном расследовании и в суде первой и апелляционной инстанции, включить допрос специалиста. При этом, учитывая общие положения допроса предусмотренные уголовно-процессуальном законодательством, предоставить возможность давать показания по вопросам, требующим специальные познания, в том числе без предварительного проведения исследования и дачи соответствующего заключения, если это возможно исходя из целей привлечения специалиста. Аналогичной точки зрения придерживается Лазарева Л.В., не исключая допроса специалиста без составления им соответствующего заключения. Объясняя это тем, что специалисту не нужно проводить какие-либо исследования, и он порой в состоянии путем простого осмотра и ознакомления с предметами или документами, используя свои специальные знания, ответить на вопросы следователя или суда. Специалист может быть привлечен для оказания помощи при отсутствии требования о даче заключения, то есть при отсутствии последнего, в этом его принципиальное отличие от эксперта [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юрид. лит. 1964.
2. Давлетов А.А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Российская юстиция. 2003. № 9.
3. Лазарева Л.В. Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве: необходимо законодательное регулирование // Российская юстиция №3 2009 год С. 37-40.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000.
5. Положение Банка России от 29 января 2018 года № 630-П (в ред. 10 июня 2020 г. № 58625) «О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации».

Ванян Кристина Дживановна

кандидат юридических наук, доцент
(Северо-Кавказский федеральный университет)
г. Пятигорск
e-mail: vkd4@yandex.ru

Гильманов Ильяс Рашидович

соискатель учёной степени кандидат юридических наук
(Северо-Кавказский федеральный университет)
г. Пятигорск
e-mail: ilyas-734@yandex.ru

Костерин Владимир Владимирович

соискатель учёной степени кандидат юридических наук
(Управляющая Компания «Группа «ГАЗ»)
г. Нижний Новгород
e-mail: vvkosterin@yandex.ru

Лысов Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор
(Северо-Кавказский федеральный университет)
г. Пятигорск
e-mail: Lnn-nn@yandex.ru

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ КАК ИНСТИТУТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В русском языке «неприкосновенность» происходит от прилагательного «неприкосновенный», одно из значений которого является определение «нельзя трогать», «не подлежащий суду» [1, 530].

Юридическая литература не содержит общее определение «неприкосновенности», как и не представляет логически проистекающие из него термины - «неприкосновенность судьи, прокурора, следователя, адвоката» [14]. Замещающие термины также не найдены.

Под уголовно-процессуальной гарантией института неприкосновенности общепринято понимать систему правовых средств, установленных в законе для надлежащего отправления правосудия, защиты прав и свобод в уголовном процессе, осуществление задач уголовного судопроизводства [2, 111]. Соответственно, к лицам, обладающим особым процессуальным статусом, не применимы те криминалистические приёмы задержания и ареста, которые успешно используются в отношении всего остального населения России.

«Иммунитет – комплексная правовая категория, включающая в себя, как правило, правовую неприкосновенность и свидетельский иммунитет. Необходимо разграничивать правовую неприкосновенность и иммунитет» [3, 161]. При этом иммунитет является более широким понятием, чем неприкосновенность. Следовательно, неприкосновенность выступает элементом иммунитета процессуального.

В литературе высказано мнение, что существует два института неприкосновенности: общий, касающийся отдельных категорий лиц, указанных в гл. 52 УПК РФ и отдельный, касающийся какой-то одной категории лиц.

На наш взгляд, решение об исключительном характере неприкосновенности отдельной категории лиц противоречит Конституции РФ, ее положениям в области защиты прав человека – о равенстве всех перед законом и судом, об охране государством достоинства личности и гарантированности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ (ст.ст. 19, 21, 45) и международно-правовым актам. Так, согласно Пакту о гражданских и политических правах, государство обязано предоставить потерпевшему средства правовой защиты даже в том случае, если лицо пострадало в результате действий официального лица, действующего в рамках своих должностных обязанностей (ст. 2). Ни один субъект не обладает правом на осуществление деятельности, направленной на нарушение прав и свобод (ст. 5). Все равны перед законом и без всякой дискриминации имеют право на равную защиту закона (ст. 26). Подобные нормы содержатся в ст. 30 Всеобщей декларации прав человека. Кроме того, можно говорить и о нарушении ст. 52 Конституции РФ, согласно которой права лиц, потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, охраняются законом. Но вместо этого УПК РФ по сути дела резко ограничивает права потерпевших, если преступление совершено кем-либо из лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ. В таких ситуациях нарушается и право доступа потерпевших к правосудию, и соответственно – на неопределенный срок откладывается их право на компенсацию причиненного ущерба.

В целом при внимательном изучении текста главы 52 УПК РФ создается впечатление, что в ней созданы идеальные условия для узкой группы граждан России, к которым правосудие более чем снисходительно. Доказывать их преступления – сложно и долго, уклониться от суда и следствия – просто, а стандартные наказания, как правило, не слишком обременительны. Теоретики правосудия, вероятно, заметят, что всё вышперечисленное относится к так называемому «колониальному» праву, которое создаёт идеальные условия жизни для колонизаторов.

Противоречия между главой 52 УПК РФ и остальным текстом данного закона неоднократно отмечались Уполномоченным по правам человека в РФ. Так,

в одном из его выступлений было озвучено, что в идеальной модели правового государства люди равны перед законом независимо от степени какого-либо качества их характеризующего и каких-либо внешних обстоятельств. При этом правовое неравенство может возникать и при отсутствии целенаправленного принижения, дискриминации, но и в результате предоставления ограниченными группам лиц особых привилегий в совершенно иных целях. Российская Федерация охарактеризована в своей Конституции, как правовое, демократическое, светское государство, в котором народ – единственный источник власти. «Поглощенные повседневными делами и заботами, мы редко всерьез задумываемся о том, как, когда и при каких условиях эта гордая декларация может стать реальностью. Ответ тем не менее весьма прост – это случится не раньше, чем нам удастся обеспечить или хотя бы заметно приблизить подлинное равенство всех перед законом и судом» [4]. Мы разделяем данную точку зрения. Правосудие не должно выделять привилегированные категории лиц. Понятно, что нашу точку зрения разделяют далеко не все юристы. Так, по мнению профессора М.В. Баглая, «равноправие ...не означает, что право вообще не может устанавливать привилегий и льгот» [5, 173]. Мы можем согласиться с данным суждением только в том случае, когда привилегии и льготы не противоречат Конституции страны.

Наличие неприкосновенности отдельных категорий лиц «обычно связывают с необходимостью обеспечить беспрепятственное выполнение профессиональных обязанностей» [6, 163]. Так, Конституционный Суд РФ, рассматривая вопросы необходимости должностных иммунитетов депутатов Государственной Думы РФ, Совета Федерации РФ и судей, указал, что неприкосновенность (парламентский иммунитет), закрепленная в ст. 98 Конституции РФ, – один из основных элементов статуса парламентария, важнейшая правовая гарантия его деятельности. По своему содержанию это гарантия более высокого уровня по сравнению с общими конституционными гарантиями неприкосновенности личности. Она не является личной привилегией, а имеет публичный характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым – парламента, их самостоятельности и независимости. Единственной целью существования парламентского иммунитета является обеспечение полноценной защиты депутата, которая является противовесом возможных рисков и противодействий, возникающих в процессе реализации им своих полномочий и исполнения обязанностей. Основой такой защиты является особый порядок привлечения лица к уголовной или административной ответственности. Установления ст. 98 Конституции РФ являются определенным исключением из общей конституционной нормы о равенстве всех перед законом и судом, что обусловлено необходимостью конституционной защиты специального статуса парламентария как члена федерального представительного и законодательного органа [7]. Существование судебной неприкосновенности Конституционный Суд РФ прокомментировал, как определенное исключение из принципа равенства всех перед законом, которое создано в результате обеспечения государством дополнительных гарантий независимости судьи и предоставления

ему возможности беспрепятственно, надлежащим образом осуществлять свою профессиональную деятельность [8].

Нельзя не согласиться с мнением Д. Коткова, который считает, что «отменить полностью иммунитет депутатов в современных условиях было бы ошибкой. Нельзя делать депутата беззащитным (выделено мной – ВК). Тогда он не сможет бороться, например, с коррупцией, потому что в результате этой борьбы он может запросто угодить за решетку... Депутата, который слишком далеко углубился в расследование деятельности какого-то высшего чиновника, вполне могут остановить, если лишить его депутатского иммунитета» [9]. При этом, трудно согласиться с доводами уважаемого учёного, ибо исходя из его рассуждений можно сделать вывод о том, что все остальные граждане России беззащитны перед законом.

Наличие такого широкого объема иммунитета для отдельных категорий лиц характерно только для России. Так Т.Н. Москалькова приводит количественное выражение рассматриваемых категорий лиц, общая численность которых составляет 3,5-4 миллиона человек [10, 64]. Подобные цифры немыслимы для всех остальных стран мира. Например, в Австрии единственными субъектами особого уголовного порядка являются члены Национального Совета. Причём, особый порядок применяется только в тех случаях, когда совершенное деяние напрямую связано с политической деятельностью депутата (ст. 57 Австрийского Федерального конституционного закона). В Соединённых Штатах Америки иммунитет ещё более конкретизирован (ограничен рамками времени и конкретными деликтами). Раздел 6 ст. 1 Конституции США устанавливает, что сенаторы и члены Палаты представителей не могут быть арестованы по пути на сессию палаты, нахождения на сессии и по пути обратно. Этим обеспечивается возможность члена Конгресса обозначить и защитить интересы представляемой им группы граждан. При этом иммунитет не действует, если речь идёт о совершении измены, тяжкого преступления или нарушения общественного порядка. В Японии, аналогично, депутатам предоставляется иммунитет только в период работы сессии (ст. 50 Закона о Парламенте Японии).

Зарубежные судьи, в отличие от российских, не наделены столь широким иммунитетом от уголовного преследования. Зарубежные законодательства практически не содержат конкретных норм, регламентирующих процедуры предъявления обвинения, ареста, производства следственных действий и др., хотя при этом содержат в себе общие тезисы о независимости судей (ст.ст. 97, 98 Конституции ФРГ, ст. 45 Конституции Франции и др.) [10, 64-65].

Основные гарантии неприкосновенности ранее перечисленных нами лиц были внедрены в УПК РФ на рубеже тысячелетий. Этот период времени юристы нередко называют «правовым беспределом». На эти обстоятельства обращает внимание В.А. Задорожная, которая отмечает, что «в современной России для установления такого количества трудно преодолимых должностных иммунитетов не существовало объективных предпосылок. Ранее государство жестко ограничивало перечень исключений из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Осуществленному в 1994-1996 г.г. кардинальному изменению законодательства не предшествовали ни массовые репрессии

депутатов, судей и других должностных лиц, ни иные события, хоть сколько-нибудь оправдывающие такие перемены» [6, 167]. В настоящее время период «правового беспредела» закончился. Большинство законодательных актов, не отвечающих Конституции РФ, принятых в начале XXI века, отменено. Полагаем, что в ближайшее время законодатель внесёт поправки в УПК РФ, касающиеся особенностей производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Однако до тех пор, пока существуют данные особенности расследования уголовных дел, криминалисты обязаны создать оптимальные методики расследования уголовных дел указанной категории, в том числе касающиеся задержания подозреваемых и ареста обвиняемых.

Существование института неприкосновенности не только расширяет круг отступлений от принципа равенства всех перед законом и судом (теоретический уровень), но и существенно осложняет работу следователя по делам данной категории (практический уровень), поскольку его работа не находит поддержки у граждан. Большинство жителей страны уклоняется от дачи показаний против «отдельных категорий лиц», перечисленных в ст. 447 УПК РФ, не верит в справедливость следственно-судебной системы.

Для того, чтобы нормы, регламентирующие неприкосновенность отдельных категорий лиц, по праву могли называться дифференцированными нормами, необходимо, чтобы они отвечали требованиям, среди которых следует выделить следующие:

1. она должна соответствовать нормам Конституции РФ.
2. нормы должны быть конкретными, не двусмысленными, должны отвечать целям их применения.
3. не должна нарушать иные принципы уголовно-процессуального судопроизводства.

Соответственно норма, не отвечающая требованиям, представленным выше, считается нарушением принципа равенства всех перед законом и судом.

Таким образом, к числу исключений из принципа равенства всех перед законом и судом является наличие дифференцированных норм российского законодательства, регламентирующих порядок уголовного преследования лиц, наделенных неприкосновенностью. В виду того, что необходимость закрепления иммунитета лиц, обладающих неприкосновенностью, обусловлена тем, что они призваны обеспечивать беспрепятственное осуществление их профессиональной деятельности, в том числе деятельность парламента России, а также защищать интересы правосудия, полное искоренение их невозможно. Обусловленные необходимостью, сложившейся практикой, продиктованной мировым опытом, нормы, регламентирующие порядок уголовного преследования, должны отвечать принципам уголовного судопроизводства. Совершенно справедливо отметил М.Н. Козюк: «вводимые ограничения и льготы должны четко соответствовать поставленной цели, использовать их только потому, что «так принято», «исторически сложилось», «есть в цивилизованных странах» - недопустимо» [11, 66].

Интересны выводы журналистского сообщества относительно участия в преступной деятельности одной из категорий «неприкасаемых лиц», входящих в

перечень ч. 1 ст. 447 УПК РФ – адвокатов. Журналисты обобщили уголовные дела в отношении адвокатов России в 2018 году и опубликовали результаты своей подборки в Интернете [12]. Всего приведены данные по 57 уголовным делам, по которым вынесены приговоры. Судя по этим материалам, «любимая» статья Уголовного кодекса РФ, по которым привлекаются адвокаты – это мошенничество (ст. 159 УК РФ), за совершение этого преступления привлечены адвокаты по 40 уголовным делам, т.е. 2/3 от общего числа. В единичных случаях адвокаты направляли ложные доносы в правоохранительные органы, склоняли потерпевших и свидетелей к даче заведомо ложных показаний, вмешивались в деятельность суда, клеветали на судей, участвовали в даче-получении взяток, принимали участие в уничтожении чужого имущества путём поджога, били соседей, стреляли в ресторане, распространяли наркотики в СИЗО, занимались вымогательством, участвовали в рейдерских захватах.

При этом в 31 из 57 случаев адвокаты были задержаны сотрудниками правоохранительных органов во время получения денежных сумм от 100 тысяч рублей до 2 миллионов долларов США за свои незаконные услуги. Причём задерживались адвокаты на своих рабочих местах, дома, около дома, в автомобиле, в ресторане и т.д.

Приговоры в отношении адвокатов особой суровостью не характеризуются. Лишь по 33 уголовным делам осуждённые получили реальные сроки отбывания наказания (от 1,5 до 10 лет), в остальных случаях суды ограничивались штрафами (причем, как правило, штрафы в разы меньше, чем те суммы, о которых речь шла в приговорах), исправительными работами, условными мерами наказания или обязательными работами на срок до 400 часов. Самое интересное – по пяти уголовным делам к уголовной ответственности были привлечены те адвокаты, которые уже были судимы за совершение подобных преступлений! Иными словами, никто из адвокатов по изученным журналистами уголовным делам, не привлекался к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с осуществлением ими профессиональной деятельности, предусмотренной Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» [13]! Вместе с тем, как нам представляется, адвокаты были включены в перечень «неприкасаемых лиц» именно с целью обеспечения им идеальных условий для выполнения своих профессиональных функций. Это даёт нам право предложить законодателю, во-первых:

- пересмотреть перечень отдельных категорий, о которых идёт речь в главе 52 УПК РФ и исключить из него те категории, которые должны привлекаться к уголовной ответственности наравне с основной массой граждан России;

- по мере решения ряда социально-экономических проблем, рекомендовать законодателю вернуться к ревизии текста главы 52 УПК РФ с целью его исключения из закона, т.к. он существенно противоречит нормам Конституции РФ. Те нормы УПК РФ, в которых регламентируется порядок производства уголовного преследования в отношении лиц, в силу конституционных норм, пользующихся неприкосновенностью, закрепить в соответствующих нормах УПК РФ, определяющих порядок производства следственных или иных процессуальных действий по уголовному делу.

До тех пор, пока действуют нормы главы 52 УПК РФ, предлагаем изменить формулировку, регламентирующую производство в отношении «отдельных категорий лиц». Если в Основном Законе – Конституции Российской Федерации – четко закреплено наличие неприкосновенности, то предлагаем лиц, в отношении которых применяются исключения, именовать, как «лица, наделенные неприкосновенностью». Это не позволило бы законодателю расширять список лиц, подлежащих уголовному преследованию в особом порядке, потому как лиц, обладающих неприкосновенностью сравнительно немного, и перечень их закреплен в Конституции РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 2. СПб.: Диамант, 1996. – 779 с.
2. Большой юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. – 789 с.
3. Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: дисс. ...к.ю.н. Саратов. 2002. – 187 с.
4. Доклад Уполномоченного по правам человека за 2010 год. [Электронный ресурс] КонсультантПлюс.
5. Баглай М. В. Конституционное право России. Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. – 739 с.
6. Задорожная В.А. Производство по уголовным делам на началах равенства всех перед законом и судом: дисс. ...к.ю.н. Челябинск, 2006. – 217 с.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П «О проверке конституционных положений ч.1 и 2 ст. 18, ст. 19 и ч.2 ст. 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. №9. – Ст. 828.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П «О проверке конституционности п.3 ст. 16 закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барабаша // Собрание законодательства РФ. 1996. № 14. – Ст. 1549.
9. Котков Д. Зачем депутату иммунитет // Труд. 2000. (24 февраля)
10. Москалькова Т.Н. Нравственные основы уголовного процесса (стадия предварительного расследования): дисс. ...д.ю.н. М., 1997. – 464 с.
11. Козюк М.Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования: Учебное пособие. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – 87 с.
12. Самые громкие уголовные дела в отношении адвокатов России в 2-18 году. [Электронный ресурс] Дата обращения 16.03.2020.
13. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». № 63-ФЗ. Принят Государственной Думой 28 апреля 2002 г. одобрен Советом Федерации 15 мая 2002. [Электронный ресурс].
14. Например, нет этого определения в «Юридическом энциклопедическом словаре», изд-ва «Сов. энциклопедии», 1984 г., в «Большом юридическом словаре» 1997, 2000 гг., в «Энциклопедическом юридическом словаре» изд-ва Инфра-М., 1999.

Ляхов Юрий Алексеевич
доктор юридических наук
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Заслуженный работник высшей школы РФ
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
email: lyakhoff.yu@yandex.ru

КРИТЕРИЙ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Постоянно изменяющаяся социальная жизнь России влечет за собой и изменение всех ее социальных институтов, в том числе и уголовного судопроизводства. Эти изменения происходят под влиянием большого количества объективных и субъективных факторов. Но изменения уголовного судопроизводства только тогда исторически целесообразны, когда они совершенствуют, развивают уголовное судопроизводство. Каковы же критерии действительного развития российского уголовного процесса, на что должны ориентироваться и строго соблюдать законодатель и практикующие юристы в своей столь ответственной деятельности?

Как нам представляется, таким критерием является сущность уголовного процесса, соответствие ему и является показателем совершенствования, развития российского уголовного процесса. Об этом мы неоднократно и обстоятельно писали в том числе и в статье десятилетней давности «Приоритеты уголовно-процессуального законотворчества»[1]. С тех пор актуальность рассматриваемой проблемы не только не снизилась, но, по нашему мнению, даже возросла. Объясняется это продолжающимся невниманием ученых к исследованию сущности уголовного процесса, непониманием, а нередко, прямым игнорированием сущности уголовного процесса законодателем и правоприменителями.

Многие авторы искренне полагают, что понятия, определения уголовного процесса вполне достаточно, чтобы судить о сущности уголовного процесса. Вот почему в специальной и учебной литературе соответствующий раздел даже нередко якобы посвящают сущности уголовного процесса, в названии раздела указывают на это, но в содержании раздела анализируется только понятие уголовного процесса[2][3]. Не лишне будет подчеркнуть для данного случая различие рассматриваемых категорий теории познания.

Так, для обоснования понятия предмета или явления достаточно будет определить отличительные его черты, свойства, выделяющие этот предмет или явление из круга ему подобных. Да, эти черты или свойства являются существенными, важными, в силу чего определяемый предмет или явление индивидуализируются. Применительно к уголовному процессу такими отличительными чертами, выделяющими его из многочисленной и многообразной государственной деятельности государственных органов и должностных лиц,

является расследование уголовных дел и рассмотрение их по существу. Для понятия уголовного процесса изложенного достаточно.

Однако понятие уголовного процесса не дает ответа на вопрос о том, что должно достигаться деятельностью по расследованию и рассмотрению по существу уголовных дел, ради чего существует эта деятельность, какой должен быть характер этой деятельности. Ответы на все эти вопросы можно получить только тогда, когда не ограничишься лишь отличительными чертами изучаемого предмета – первой ступенькой в познании сущности предмета. Для этого необходимо выявить и определить наиболее глубокие свойства предмета, связанные с возникновением предмета, его социальным назначением, характером существования и направлением развития.

Проводимые нами исследования российского уголовного процесса позволяют сделать вывод, что его сущностью является направленность уголовного процесса на установление действительно виновных в совершении преступлений лиц и защиту личности, вовлеченной в орбиту уголовного процесса в любом качестве, от незаконных и необоснованных ограничений ее прав и законных интересов.

Последнее сегодня становится особенно актуальным, поскольку нарушения законности предварительного расследования и судебного разбирательства носят распространенный характер. Нередко и законодатель, при внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, не считается с сущностью уголовного процесса.

В качестве последнего по времени примера можно привести находящийся сейчас в Государственной Думе РФ законопроект Верховного Суда РФ о внесении изменений в ст. 401.3 УПК РФ. Принятый в первом чтении этот законопроект устанавливает «двухмесячный срок для обжалования в порядке сплошной кассации»[4]. Очевидно, что возвращение к выборочной кассации серьезно ущемляет права осужденных за преступления лиц на «пересмотр приговора вышестоящим судом» (часть 3 ст. 50 Конституции РФ). Возведение серьезного барьера в виде предварительной проверки судьей кассационной жалобы приводит к тому, что подавляющее большинство жалоб так и не доходит до судебного заседания суда кассационной инстанции. А жалобщик в таких случаях получает отписку из кассационной инстанции о том, что нет оснований для рассмотрения жалобы по существу в судебном заседании кассационного суда. Введение законодательных ограничений процессуальных прав участников уголовного процесса противоречит сущности уголовного процесса. Поэтому оно является неправовым и недопустимым.

К сожалению, приведенный пример в российском законодательстве не является исключением, а игнорирование законодателем сущности уголовного процесса встречается и в других случаях.

На тесную связь понятия и сущности уголовного процесса мы уже обращали внимание. Но именно это обстоятельство требует, чтобы и понятие уголовного процесса было точным, четким, научно обоснованным. Только тогда оно может служить оптимальной основой для определения действительной сущности уголовного процесса.

По нашему мнению, широко используемое в учебной литературе для ВУЗов понятие уголовного процесса в двух различных значениях методологически неправильно. Так, например, в учебнике по уголовному процессу, подготовленном коллективом авторов Самарского госуниверситета, утверждается, что «в самом общем виде уголовный процесс – это процедура производства по уголовному делу». А далее уголовным процессом называется и «деятельность соответствующих государственных органов и должностных лиц по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел»[5]. Аналогичные утверждения содержатся в учебнике по уголовному процессу Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)[6] и в ряде других.

Ошибочность такого двухзначного определения понятия уголовного процесса заключается в том, что понятия строятся на выделении разнопорядковых его свойств. В одном случае – это характеристика формы – процедура, а в другом – характеристика содержания – деятельность. Но сущностное значение может иметь лишь содержательная характеристика уголовного процесса. Она и должна определять понятие уголовного процесса. Мы уже отмечали, что методологически неверно вводить в понятие уголовного процесса на равных указание как на форму уголовного процесса, так и указание на его содержание[7].

Изложенное показывает настоятельную необходимость исследования проблем, связанных с сущностью уголовного процесса. Мы убеждены в том, что многие недостатки российского уголовного процесса могут быть изжиты, если в уголовном судопроизводстве будут работать профессионалы, четко понимающие сущность уголовного процесса, его правозащитную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ляхов Ю. А. Приоритеты уголовно-процессуального законотворчества // Государство и право. – 2010. - №8. – С. 43-48.
2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. - Том1. - М., 1968. – С. 29-30.
3. Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. – Лен., 1963. – С. 86 – 87.
4. Отмена бессрочной кассации вызвала бурю [Электронный ресурс] // Сайт МК.РУ. URL <https://www.mk.ru/social/2020/08/04/otmena-bessrochnoy-kassacii-v-sudakh-vyzvala-buryu.html>
5. Уголовный процесс / под ред. В. А. Лазаревой. - М., 2015, - С. 17.
6. Уголовный процесс / под ред. Л. А. Воскобитовой. – М., 2016. – С.8-9.
7. Уголовный процесс. Общая часть / под ред. Ю. А. Ляхова. – Ростов-на-Дону, 2018. – С. 11-12.

Малина Максим Александрович
кандидат юридических наук
старший преподаватель
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
email: bestar@yandex.ru

ПОДСУДНОСТЬ СУДА ПРИСЯЖНЫХ СОГЛАСНО КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1991 ГОДА

В соответствии с положениями Концепции судебной реформы 1991 года (далее - Концепция) для максимальной демократизации и гуманизации судопроизводства необходимо обеспечить полноценное участие населения в отправлении правосудия. Отмечалось, что наилучшим, оптимальным образом такое участие можно обеспечить только в суде с участием присяжных заседателей, где население страны, народ самостоятельно решают основные вопросы уголовного дела, то есть самостоятельно вершат правосудие. Недаром разработчики Концепции считали его символом нового суда, устанавливали для него чрезвычайно широкую подсудность (по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые превышает 1 год лишения свободы), указывали, что «хорошо сделанная машина останется лишь оболочкой, если не будет одухотворена» [1].

Очевидно, что авторы Концепции предлагали учреждение в России суда с участием присяжных заседателей именно классического, англо-саксонского типа. Об этом свидетельствует и сравнение кандидатов в присяжные с пассажирами «клефемского омнибуса», и столь широкая компетенция данной модели суда, и предложение по его использованию для рассмотрения определенной категории гражданских дел (что присуще, например, правовой системе США [2]), и многое другое.

Что касается подсудности суда с участием присяжных заседателей, то следует отметить, что одним из ориентиров здесь явно выступили положения Конституции США о необходимости предоставить право на рассмотрение дела в данной форме судопроизводства каждому лицу, которому грозит наказание свыше шести месяцев лишения свободы (Поправка № 6).

Вместе с тем, при таком подходе к определению подсудности суда с участием присяжных заседателей нельзя не учитывать вопросы материального и организационного характера. Причем неважно, какое финансовое положение у той страны, которая попытается учредить такую модель суда без одновременного введения определенных сдерживающих инструментов, то есть без установления соответствующих ограничений. Навряд ли сегодня это сможет «позволить» себе какое-либо государство.

Введение сдерживающих компетенцию суда с участием присяжных заседателей ограничений может быть осуществлено следующими способами.

Во-первых, следует на законодательном уровне ограничить круг дел, которые могут разрешаться в данной форме судопроизводства. Такой подход характерен в основном для стран романо-германской правовой семьи, в том числе и для России.

Во-вторых, необходимо активно использовать такие институты, как «сделки с правосудием». Это практикуется в странах англо-саксонской правовой семьи, где при помощи сделок (без рассмотрения дела по существу судом с участием присяжных заседателей) разрешается порядка 97% уголовных дел [3].

Поскольку отечественное уголовное судопроизводство по своей природе ближе к уголовному процессу континентального типа, для нашей страны

характерен первый подход к своеобразной локализации действия суда с участием присяжных заседателей. Поэтому нормативное ограничение его подсудности не является каким-то негативным явлением. При этом предложения авторов Концепции по учреждению столь широкой его компетенции реализовать в России сегодня вряд ли возможно. Но это отнюдь не означает, что и реформировать здесь нечего, не означает, что то мизерное количество уголовных дел, разрешаемое у нас в данной форме судопроизводства, является нормой. Конечно же нет. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в 2017 году с участием присяжных заседателей рассмотрено 278 уголовных дел, в 2018 году разрешено 224 уголовных дела[4]. Благодаря введению суда с участием присяжных заседателей в районное звено российской судебной системы данная картина улучшилась, но совсем незначительно: в 2019 году в судах уровня субъекта с участием присяжных рассмотрено 273 уголовных дела (в отношении 417 подсудимых), а в районных судах - 474 дела (в отношении 581 подсудимого) [5].

Указанные данные судебной статистики свидетельствуют о том, что оптимальный предел подсудности российского суда с участием присяжных заседателей еще не найден. Необходимо дальнейшее расширение его компетенции. Иначе слова о действительной демократизации судопроизводства, о его реальной гуманизации останутся лишь лозунгами. Об этом свидетельствует и недавнее предложение Председателя Верховного суда Российской Федерации В. М. Лебедева: в целях расширения подсудности суда присяжных отнести к его компетенции рассмотрение уголовных дел об особо тяжких преступлениях и уголовных дел в сфере предпринимательской деятельности [5].

По нашему мнению такой шаг заслуживает исключительно положительной оценки. Более того, считаем целесообразным здесь воспользоваться и предложениями разработчиков Концепции о рассмотрении с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных должностными лицами при исполнении своего служебного долга – о превышении власти. Особо хочется отметить подход авторов Концепции, согласно которому такие уголовные дела будут разрешаться в суде с участием присяжных заседателей не по ходатайству обвиняемого, а в обязательном порядке [1]. Полагаем, что в этом ключе сегодня можно вести речь о таких преступлениях, как: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (286 УК РФ).

Благодаря такому подходу наши граждане, являясь согласно положениям Конституции Российской Федерации единственным источником власти в стране, смогут проверить, насколько добросовестно исполняются должностными лицами их властные полномочия, доверенные им российским народом. Это в полной мере можно будет назвать одним из действенных, полноценных видов общественного контроля в сфере государственной службы. Представляется, что такой шаг послужит решению следующих задач.

Во-первых, предоставление должностным лицам при выполнении ими своих обязанностей возможности действовать исключительно в интересах граждан, не опасаясь стать, так сказать, «козлом отпущения», не опасаясь воздействия извне в виде «ложных» обвинений, каких-либо влияний

коррупционного характера, давления «сверху» и др. Должностное лицо всегда будет знать, что в случае возникновения таких негативных явлений именно присяжные будут решать прав он был или нет, то есть разрешат спор по справедливости.

Во-вторых, необходимо защитить и самих граждан от злоупотреблений представителей власти своими должностными полномочиями - от произвола власти. Используя суд с участием присяжных заседателей, само общество сможет призвать к ответу должностных лиц, не оправдавших его доверия. Данная форма судопроизводства позволит населению напрямую вершить правосудие [6] и, тем самым, участвовать в управлении делами государства [7] – участвовать в разрешении правовых конфликтов, возникающих в сфере действия государственной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция судебной реформы в РСФСР [Электронный ресурс] // base.garant.ru: Информационно-правовая система «Гарант». – 2020. – URL: https://base.garant.ru/6318369/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_1000.

2. Правовая система США. Вып. 3 / Бернам У.; Науч. ред.: Власихин В.А. - М.: Новая юстиция, 2006. – С. 181.

3. Головки Л. В. Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Российское правосудие. – 2015. - №8. - С. 43.

4. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // cdep.ru: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – 2020. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80>.

5. Доклад Председателя Верховного суда Российской Федерации В. М. Лебедева [Электронный ресурс] // advgazeta.ru: сайт «Адвокатская газета». – 2020.- https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/74d/Prezentatsiya_k_dokladu_Lebedeva_2020_.pdf.

6. Ляхов Ю. А., Филимонов Г. А. Суд присяжных: Российская действительность и традиции. – М.: «Экспертное бюро», 1998. - С.22.

7. Малина, М. А. Участие населения в отправлении правосудия как средство повышения эффективности судебной деятельности : автореферат дис. ... кандидата юрид. наук: 12.00.11 / Малина Максим Александрович. – Ростов-на-Дону, 2019. - С.8

Миллерова Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент

(Ростовский государственный университет путей сообщения)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: MillerovyEVEA@yandex.ru

Напханенко Игорь Павлович

кандидат юридических наук, доцент

(Ростовский государственный университет путей сообщения)

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО СУДОМ ПРИСЯЖНЫХ В СУДАХ РАЙОННОГО УРОВНЯ

История зарождения суда присяжных в России уходит в далекое прошлое, а именно в 18 век, во времена правления Екатерины II. Свое официальное подтверждение суд присяжных получил в 1864 году. Затем его работа приостановилась на довольно долгий срок и только лишь в СССР в 1990 году он возобновился. В постсоветское время суды присяжных действовали не везде, а в качестве эксперимента только лишь в некоторых регионах: с 1 ноября 1993 года в Ивановской, Московской, Рязанской, Саратовской областях, Ставропольском крае, а с 1 января 1994 года в Алтайском и Краснодарском краях, Ростовской и Ульяновской областях. После введения в действие Уголовно-процессуального кодекса РФ (в 2002 г.), уже через год в 2003 г. по всей стране были образованы суды присяжных. Последним регионом, где он был введен, в 2010 г. стала Чеченская республика.

Сущность суда присяжных заключается в том, что при осуществлении уголовного производства определенный круг вопросов относительно виновности или невиновности подсудимого решают обычные граждане, без юридического образования.

Этот институт уголовного судопроизводства в настоящее время активно развивается в России, о чем свидетельствует реформирование института присяжных заседателей, изменения его полномочий. Так, Федеральный закон РФ № 190 от 23.06.2016 г. расширил его участие при рассмотрении уголовных дел [4], а именно, сфера использования данной формы судопроизводства распространилась не только на областные (краевые), но и районные суды. Несмотря на такое активное его реформирование, практика последнего времени показывает, что он «слабо» приживается в районных судах и в некоторых случаях вызывает проблемы совершенствования уголовного судопроизводства, в частности связанные с формированием коллегии присяжных заседателей в районных судах, что ведет к нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства, объективности выносимых присяжными вердиктов.

Расширение сферы деятельности суда присяжных, распространение ее на районные суды потребовало привлечение большого числа граждан для участия в отправлении правосудия. Количество присяжных заседателей по новому закону разнится, исходя из следующих обстоятельств: 6 человек из 12 кандидатов в районных и гарнизонных судах; 8 человек из 14 кандидатов в областных судах и приравненных к ним. Дела, в которых подсудимый не достиг 18-летнего возраста, не могут быть рассмотрены присяжными заседателями.

Согласно ст. 30 УПК РФ «судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из шести присяжных заседателей – по ходатайству обвиняемого рассматривают уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст.105 ч. 2, ст.

228.1 ч. 5, 229.1 ч.4, ст. 277, 295, 317 и 357 УК РФ, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, а так же уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст.105 ч.1 и ст. 111 ч.4 Уголовного кодекса РФ» [3].

Набрать 6 человек присяжных вместо 12 (как это было до 01.06.2018 г.) гораздо проще, однако практика применения новой формы уголовного судопроизводства выявила ряд проблем, основная из которых связана с тем, что по вызову районных судов при формировании коллегии присяжных не является достаточное количество кандидатов, позволяющих отобрать данную коллегию. Многие кандидаты, из тех, кто явился, заявляют самоотводы, мотивируя свое нежелание участвовать в рассмотрении дела по личным причинам, занятостью на работе, состоянием здоровья. В некоторых случаях численность населения в районе не позволяет должным образом сформировать коллегию, потому что фактически лица не проживают в этих районах, а только лишь прописаны. Соответственно рассмотрение уголовных дел часто неоправданно затягивается, что не соответствует содержанию ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства».

Отрицательным моментом рассмотрения уголовных дел судами районного звена с участием присяжных заседателей является тот факт насколько беспристрастным, справедливым и объективным будет решение, вынесенное этими шестью «судьями», ведь коллегию формируют из числа местных жителей, где друг друга все знают. Так, например, в 2019 г. в Свердловской области районный суд присяжных вынес оправдательный приговор боксеру В., который одним ударом убил незнакомого мужчину на улице [1]. По обстоятельствам дела «в первом судебном процессе из шести присяжных четверо были жителями поселка Буланаш, а некоторые даже учились с обвиняемым В. в одной школе. Поселок небольшой, всего 12,5 тысячи человек, здесь все знакомы друг с другом. Просмотрев видео и ознакомившись с результатами судебно-медицинской экспертизы, выслушав признательные показания подсудимого В. о том, что он ударил человека, присяжные заседатели все же не признали самого факта нанесения потерпевшему смертельной травмы. На основании этого «отсутствия события преступления» В. оправдали» [1]. Как можно в данном случае объяснить поведение присяжных? Только лишь страхом перед этим «боксером», который и повлиял на постановление ими такого решения.

В 2019 г. в Ростовской области с начала действия нового судебного порядка по 15 уголовным делам обвиняемыми были заявлены ходатайства о рассмотрении уголовных дел судами районного звена с участием присяжных заседателей. При этом по большинству дел присяжные заседатели согласились с мнением государственного обвинителя, в связи с чем, постановили обвинительные вердикты, на основании которых были вынесены соответствующие приговоры. Так, в январе 2019 года Октябрьским районным судом г. Ростова на Дону с участием присяжных заседателей было рассмотрено уголовное дело по обвинению Ж. в совершении убийства своего знакомого, с которым у него возникла ссора, в ходе распития спиртных напитков, перешедшая в избиение потерпевшего с причинением последнему несовместимых с жизнью телесных повреждений.

Обвиняемый отрицал свою причастность к совершению преступления, а участвующий в деле прокурор на основании анализа представленных коллегии присяжных заседателей доказательств убедил их в виновности подсудимого в совершении убийства, и ими был вынесен обвинительный вердикт [2]. На наш взгляд, сказанное еще раз подтверждает, о нецелесообразности введения института присяжных заседателей в районных судах, потому что в некоторых случаях это вызывает проблемы совершенствования уголовного судопроизводства, связанные формированием коллегии присяжных, нарушением разумного срока уголовного судопроизводства, вынесением присяжными заседателями немотивированного вердикта. Полагаем, что наличие этого института носит экспериментальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Свердловской области боксера, убившего мужчину одним ударом, дважды оправдали судом присяжных: <https://www.newsru.com/russia/25nov2019/bulanashmrd.html>
2. Результаты работы по реализации в судах районного звена института присяжных заседателей: <http://old.prokuror-rostov.ru>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // base.garant.ru
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» от 23.06.2016 № 190-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

Сиротинин Дмитрий Алексеевич

(Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
Российской Федерации)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: sd-9885123131@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА МЕДИЦИНСКИХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ, НАЗНАЧАЕМЫХ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДРУГИХ СУБЪЕКТОВ РФ

Защита прав и законных интересов потерпевших по уголовным делам является одной из приоритетных составляющих деятельности следственных органов. Статьей 2 Конституции Российской Федерации установлено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства. Также, согласно ст.52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию [1].

Согласно ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территории Российской Федерации установлен единый порядок производства по уголовному делу независимо от места совершения преступления [2].

Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве характерен широким использованием допускаемых уголовно-процессуальным законодательством доказательств. В их числе важная роль отводится предусмотренному п.3 части второй ст.74 и частью первой ст.80 УПК РФ заключению эксперта. Действительно, сложно представить уголовное дело без данного вида доказательств. Судебная экспертиза проводится по постановлению следователя, и порядок её назначения по уголовному делу регламентирован. Согласно части второй ст.195 УПК РФ экспертиза проводится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. Нормы уголовно-процессуального законодательства не устанавливают дополнительных требований либо ограничений в выборе следователем экспертного учреждения или эксперта. Как свидетельствует практика, производство экспертиз осуществляется в основном экспертами государственных экспертных учреждений различных ведомств. Производство экспертиз иными экспертами получило значительно меньшее распространение. Как правило, выбор экспертного учреждения не вызывает сложностей, учитывая, что система государственных экспертных учреждений обеспечивает практически весь спектр требуемых видов судебных экспертиз.

Не всегда достаточно однократного заключения эксперта. При необходимости производства дополнительных или повторных экспертиз они могут быть назначены другому эксперту, в том числе в другие экспертные учреждения. Правовые и организационные механизмы этих процессов отлажены за годы взаимодействия следственных органов и экспертных учреждений и не выявляли значительных сложностей.

Следует признать, что возрастающая экспертная нагрузка и формирующаяся в связи с этим длительность производства судебных экспертиз безусловно влияют на продолжительность предварительного следствия. Эти факторы не всегда позволяют обеспечивать соблюдение разумных сроков расследования.

В таких условиях следователи вынуждены изыскивать пути для скорейшего проведения экспертиз, не ограничиваясь региональным территориальным расположением экспертных учреждений. Так, в следственной практике стала чаще использоваться возможность назначения судебных экспертиз в экспертные учреждения других регионов, где экспертная нагрузка ниже. Это не противоречит уголовно-процессуальному законодательству и ведомственным методическим рекомендациям.

В особенности, такая практика стала расширяться в последние годы в связи с наблюдающимся увеличением числа судебных экспертиз по уголовным делам и материалам проверок сообщений о преступлениях ятрогенного характера. Этому способствовало увеличение числа соответствующих ходатайств участников уголовного судопроизводства, мотивированных ими необходимостью назначения дополнительных и повторных экспертиз в целях полноты, объективности и исключения возможного влияния на «качество» экспертных заключений

субъективных факторов, обусловленных теснотой так называемых «этических» региональных корпоративных связей между медицинскими работниками, имевшими отношение к оказанию медицинской помощи по расследуемому факту, с одной стороны, и экспертами, с другой стороны, в условиях, когда, и те, и другие работают в единой системе регионального министерства (департамента) здравоохранения.

Вариантом, удовлетворяющим потребности следственного органа и непосредственно участников уголовного судопроизводства, явилось назначение экспертиз именно в экспертные учреждения других регионов (субъектов РФ).

Однако, несмотря на положительный результат в аспекте полноты и объективности расследования, данная практика выявила недостаточно конкретную урегулированность этого механизма, в том числе на уровне актов федерального законодательства, позволяющих иметь место различным противоположным трактовкам.

Как уже было отмечено выше, следователь не ограничен УПК РФ в выборе экспертного учреждения, в связи с чем назначение медицинской судебной экспертизы в государственное экспертное учреждение (Бюро СМЭ), расположенное в другом субъекте РФ, представляется законным, вне зависимости от каких-либо дополнительных условий.

Вместе с тем, согласно части восьмой ст. 11 Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебная экспертиза для органов дознания, предварительного следствия и суда, расположенных на определённой для них территории, производится в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем указанную территорию [3]. И лишь в случае отсутствия в данном экспертном учреждении эксперта конкретной специальности либо необходимой материально-технической базы или специальных условий экспертиза может быть произведена в экспертном учреждении, обслуживающем другую территорию. Данная норма также содержится в приказе Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н "Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации" [4]. Также, в данном приказе отдельно отмечено, что организация и порядок производства экспертиз в государственных судебных экспертных учреждениях осуществляется по административно-территориальному принципу.

Кроме этого, несогласованность указанных толкований норм федерального законодательства «подкреплена» различием точек зрения в оценке законности финансирования производства экспертиз в интересах следственных органов других субъектов РФ. Так, ввиду финансирования указанных государственных медицинских экспертных учреждений за счет средств бюджетов субъектов РФ, расходование ими средств на производство экспертиз по постановлениям следователей других субъектов РФ оценивалось как нецелевое, за исключением вышеуказанных предусмотренных случаев (отсутствие специалистов, технической базы и условий).

Наряду с такой точкой зрения, характерной для сторонников внутриведомственной (Минздрава РФ) оценки ситуации, существует и

противоположное мнение, основанное на концепции единой бюджетной системы РФ, в которую входят, и федеральный бюджет, и бюджеты субъектов РФ. Такой трактовки придерживаются следственные органы, основываясь на мнениях органов финансового контроля и контроля за исполнением бюджета (Счётная палата РФ, Федеральное казначейство РФ), в которых содержатся анализ правовых и организационных аспектов деятельности медицинских экспертных учреждений субъектов РФ (в частности, по вопросам финансирования) и выводы о целевом характере расходов средств на все проводимые данными учреждениями экспертизы, независимо от территориальности следственных органов, их назначивших. Однако, единая позиция в этих вопросах не выработана.

Вместе с тем, в сложившихся условиях следственные органы, дислоцирующиеся в разных субъектах РФ, находят способы взаимодействия, направленные на обеспечение производства медицинских судебных экспертиз в экспертных учреждениях этих субъектов, на условиях так называемого «правового компромисса» и «практического паритета». Подобные положения содержатся в ведомственных методических материалах СК России, согласно которым рекомендуется применять положительный опыт взаимодействия некоторых следственных управлений по субъектам РФ, которые оказывают взаимную помощь следователям близлежащего региона в проведении экспертиз в Бюро судебно-медицинской экспертизы другого региона.

Таким образом, представляется необходимым внесение дополнений в действующее законодательство с целью уточнения (с учетом доводов обеих изложенных позиций) вопросов производства медицинских экспертиз в экспертных учреждениях других субъектов РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». - Посл. обновление 13.10.2020.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». - Посл. обновление 13.10.2020.

3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». - Посл. обновление 13.10.2020.

4. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». - Посл. обновление 13.10.2020.

Цыганенко Сергей Станиславович
доктор юридических наук, доцент
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: zer0ss@mail.ru

ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО ПЕРЕСМОТРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Вопросы процессуальной формы в уголовном процессе обладают фундаментальным характером. Однако, они касаются не только главного содержания механизма уголовно-процессуального регулирования, доказательственной и правоприменительной процессуальной деятельности субъектов властеотношений, но и собственно порядка того или иного вида процессуальной деятельности.

Очевидно, что значительные изменения, внесенные за последнее время в УПК, а также в другие нормативные акты, относящиеся ранее к деятельности судов второй инстанции в российском уголовном процессе, несомненно, востребуют все в большей и большей степени их оценку и с точки зрения положений учения о процессуальной формы.

На что хотелось бы в этом плане, прежде всего, обратить внимание.

Во-первых, вследствие современных изменений в той части уголовного процесса, начинающейся после судебного разбирательства, уже предусмотрено несколько видов самостоятельных процессуальных форм: апелляционное производство, кассационное производство, надзорное производство, и производство в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами.

Думается, что рассмотрение судом вопросов, возникающих при исполнении приговоров, не относится к такого рода процессуальной форме в силу того, что не может затрагивать установление материального уголовного правоотношения.

Уже даже исходя из этого, нынешняя модель (порядок) судебного пересмотра уголовных дел обладает несомненной исторической новизной. Начиная с эпохи судебной реформы XIX века в системе уголовного процесса не было такого обширного применения соответствующих процессуальных форм. В связи с чем достаточно важно определить с местом в системе уголовного процесса комплекса элементов, обладающих значительной вариативностью.

С исторических позиций, можно предположить начало этапа развития правосудия, для которого становятся значимы принципы о доступе граждан к судебной защите, неотъемлемости состязательности, расширение подсудности суда присяжных, укрепление начал равенства и справедливости в судебном разбирательстве, апелляционное производство, Все это номинально направлено на применение определенных формальных стандартов и соответствующих им форм в ходе рассмотрения уголовных дел.

В ходе судебной реформы XIX века сложилась, как принято считать, смешанная модель уголовного процесса. Однако, несмотря на утверждение суда присяжных (приговоры, основанные на вердикте, могли пересматриваться только по формальным основаниям в кассационном порядке) как ведущей формы судебного разбирательства, существование предварительного расследования в системе уголовного судопроизводства потребовало апелляции в качестве элемента обеспечения верховенства судебной власти.

В последующем советский период исходил из двух основных задач – упрощения порядка деятельности суда второй инстанции и стремления добиться исполнения приговора суда как главной цели движения уголовного дела.

В связи с чем, несмотря на выдвижение принципа объективной истины в качестве цели советского уголовного процесса, на самом деле ее ресурс был ограничен и подчинен доминирующей общей цели уголовной политики – применению наказания.

В связи с чем апелляционная форма была исключена и оставлена только право для судов второй инстанции по отмене приговоров в том числе в связи с их содержанием (по фактическим основаниям).

Поэтому ведущим стало формальное начало – соблюдение условий и требований производства по делу (законность). Отсюда – происходит обоснование единственной формы деятельности судов второй инстанции в уголовном процессе – кассации. Правда при этом в связи с реальными потребностями практики уголовного процесса была использована гибридизация как механизм ее конструирования, определившая включение признаков апелляции и ревизионного начала в процедуру.

Также реальное положение востребовало и так называемые исключительные формы – надзор как пересмотр в интересах закона (опять же достижение общей цели уголовной политики) и другой исключительный институт – пересмотр по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Во-вторых, существенное влияние на механизм пересмотра оказывает процесс развития судебной системы и формирование в современный период ее новых отдельных звеньев – 5 апелляционных и 9 кассационных судов, приступивших к своей работе с начала октября 2019 года.

Но из соотношения количества новых судебных инстанций можно сделать предварительный вывод о том, что кассация как форма все равно доминирует. Вероятно, в силу складывавшейся в течение длительного времени судоустройственной практики.

По взглядам установившегося в ходе судебной реформы XIX российского правоведения апелляция была признана необходимой для, прежде всего, правосудия без участия народного элемента.

Отсюда происходит получившее общее признание идея второй гарантии в системе уголовного процесса. Для советского периода в силу поставленной цели упрощения уголовного судопроизводства такая необходимость была отброшена.

Однако, произошло сохранение надзора как пересмотра в интересах закона, ставшим, вне всякого сомнения, важным элементом системы уголовного судопроизводства.

По сути, в современный период свою вторую жизнь получило и производство по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, представляющего собой действительно в полной мере исключительный процессуальный порядок.

В третьих, как показывает анализ положений УПК, именно апелляционный порядок рассмотрения уголовного дела стал основной моделью судебной деятельности при пересмотре.

Апелляция в российском уголовном судопроизводстве представляет собой новое явление, хотя ее истоки связаны с Судебными уставами 1864 года.

До начала советской судебной реформы, пересмотревшей порядок деятельности суда второй инстанции, ее порядок представлял собой воплощение целого ряда обладавших новизной процессуальных и судоустройственных начал данной эпохи.

Отказ от апелляционной формы проверки решений судов первой инстанции в полном объеме на самом деле не произошел, а был в части элементов исследования включен в кассационный порядок судебного пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу.

В дальнейшем положение с институтом апелляции принципиально изменилось в связи с принятием в 2010 году ФЗ №433, предусмотревшего утрату юридической силы главы 43 и 44 УПК, и введение с 1 января 2013 года главы 46.1 «Производство в суде апелляционной инстанции» (с.389.1-389.36).

Чупилкин Юрий Борисович

кандидат юридических наук, доцент
(Южно-Российский институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: chupilkin@rambler.ru

КАЧЕСТВО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Правовое регулирование ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») отстает от жизни и не соответствует требованиям качества закона. Об этом неоднократно отмечалось, как в правовой литературе, так и в решениях Европейского суда по правам человека.

Отсутствие в законе четкого понятия и порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий способствуют злоупотреблению полномочиями лиц, производящих оперативно-розыскную деятельность.

Наглядным примером является постановление по делу, рассмотренному в ЕСПЧ, «Александр Новоселов против России» от 28 ноября 2013 года. В отношении заявителя был проведен оперативный эксперимент, в ходе которого сотрудники милиции, действовавшие под видом частных охранников фирмы, в отношении владельца которой было совершено покушение на убийство, совершили похищение А. Новоселова. Заявителя вывезли в лес и путем

применения пыток заставили дать признательные показания о причастности к преступлению [1].

Очевидность того, что такого рода действия не могут рассматриваться в качестве оперативного эксперимента и должны быть квалифицированы как преступление, не вызывает сомнения.

Однако, на протяжении тринадцати лет многочисленные ведомственные проверки по линии следственного комитета и прокуратуры показывали, что в отношении Новоселова был проведен оперативный эксперимент, спланированный и проведенный в строгом соответствии с законом об оперативно-розыскной деятельности и секретными инструкциями. Более того, план такого эксперимента был утвержден начальником криминальной милиции [2].

Незаконность мероприятия проводимого в отношении гражданина Новоселова фактически была признана российскими органами прокуратуры и судом только после того, как ЕСПЧ усмотрел в действиях сотрудников правоохранительных органов нарушения ст.3 ЕКПЧ.

Данный факт свидетельствует о том, что назрела необходимость закрепления в ФЗ «Об ОРД»: понятия, процедуры проведения оперативного эксперимента и подобных действий (проверочной закупки, оперативного внедрения); содержания сведений, которые являются основаниям для проведения указанных ОРМ; порядка их получения и документирования; алгоритма действий оперативных сотрудников при реализации результатов оперативно-розыскных мероприятий.

ЕСПЧ систематически обращал внимание России на несоответствие норм ФЗ «Об ОРД» требованиям качества закона. Прежде всего, это касается вопросов оценки действий участников ОРМ, в целях определения пределов допустимого их поведения, позволяющей исключить провокационные действия.

Первые постановления по этим вопросам ЕСПЧ вынес в 2005 и 2006 годах по делам «Ваньян против России» и «Худобин против России». В 2007 году российским законодателем были внесены дополнения в статью 5 ФЗ «Об ОРД», согласно которым провокация при производстве ОРД была признана незаконной и недопустимой. Вместе с тем, ЕСПЧ в своих решениях на протяжении последних 13 лет указывает на продолжающийся характер использования в российской правоприменительной деятельности провокационных способов, при проведении ОРМ [3]. Таким образом, запрет в ФЗ «Об ОРД» на проведение провокации носит исключительно декларативный характер.

Представляется правильным, чтобы особенности проведения оперативного эксперимента, проверочной закупки, контролируемой поставки, оперативного внедрения были детально регламентированы подзаконным нормативным актом, в виде межведомственной инструкции.

В российском законодательстве остаются не урегулированными вопросы ограничения частной жизни. Так, Большая Палата ЕСПЧ 10.03.2009 единогласно признала при рассмотрении дела «Быков против России», что положения ФЗ «Об ОРД» не создает должных гарантий для заявителя от произвольного вмешательства в его права, т.е. положения закона соответствуют требованиям «качества закона». ЕСПЧ напомнил, что для целей полицейского расследования закон должен быть

сформулирован достаточно ясно, чтобы граждане имели адекватное представление об обстоятельствах, при которых государственные органы могут осуществлять тайное вмешательство в сферу права на уважение личной жизни и корреспонденции (п.78 «Быков против России») [4].

В деле «Роман Захаров против России» ЕСПЧ пришел к выводу о том, что абоненты сотовой связи в России не защищены от произвольного вмешательства в их права, что необходимо в демократическом обществе, а кроме того, положения закона, призванные обеспечить законодательные гарантии защиты от такого произвола, не отвечают критериям качества закона [5].

Позже на эти факты ЕСПЧ обратил внимание в постановлениях по делам «Ахлюстин против России», «Дудченко против России», «Москалев против России» и «Зубков и другие против России».

Не имеется в настоящее время в российском законодательстве должного нормативного регулирования механизм возможности, как обжалования судебных решений о проведении оперативных мероприятий, так и самих оперативно-розыскных мероприятий. На эту проблему указывал Европейский Суд по правам человека в постановлении от 18.09.2014 по делу «Аванесян против России». Российские суды отказывают в принятии жалоб по ст.125 УПК РФ, в отсутствие возбуждённого уголовного дела, и отказывают в принятии административного иска, после того как отказали в принятии жалоб по статье 125 УПК РФ.

А. Брестер справедливо отмечает, чтобы суды приняли жалобу на решение суда о проведении ОРМ, уходят месяцы борьбы. И это при том, что оперативно-розыскная деятельность стала всё чаще выходить на авансцену уголовного процесса, порою подменяя следственную работу [6].

Поскольку процедура обжалования судебного решения о разрешении проведения ОРМ в российском законодательстве не предусмотрена, то получается, что граждане лишены конституционного права на доступ к правосудию. Данная ситуация может быть изменена путем законодательного закрепления процедуры обжалования судебных решений, разрешающих проведение ОРМ в ФЗ «Об ОРД».

В этой связи следует отметить, что в российском правоведении не сформировалось единого определения понятия «качество закона», поскольку оно было введено в научный оборот сравнительно недавно и в значительной мере является дискуссионным [7]. В российской юриспруденции категория «качество закона» исследуется обычно в теории права. В основном исследования посвящены структурным компонентам закона.

ЕСПЧ при рассмотрении жалобы исследует правовое регулирование с позиции «качества закона», т.е. тестирует закон на предмет того, какие гарантии законодателем установлены для обеспечения и защиты прав личности.

Российские ученые и практики не используют комплексный анализ, т.е. целостный взгляд на проблематику качества закона [7], а национальные суды не наделены полномочиями на проведение правовой экспертизы качества закона. Категория «качество закона» не употребляется в российских законодательных актах и не используется в судебной и правоохранительной деятельности для определения нарушений прав граждан.

ЕСПЧ обладает более эффективными способами при рассмотрении жалоб

на нарушение прав личности, что позволяет ему выявлять данные нарушения и обращать на это внимание отдельных государств для приведения в соответствие национального законодательства. Вместе с тем российский законодатель не спешит приводить в соответствие с требованиями ЕСПЧ законодательство об оперативно-розыскной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление ЕСПЧ от 28.11.2013 "Александр Новоселов против России" (жалоба № 33954/05) URL.: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=373327#029575970166066856> (режим доступа 10.09.2020).

2. Защита Олега Сорокина считает его невиновным и будет обжаловать приговор. URL.: <https://polit.ru/article/2019/03/07/sorokin/> (режим доступа 10.09.2020).

3. Например см.: Постановления ЕСПЧ: от 02.10.2012 по делу «Веселов и другие против России»; от 24.04.2014 по делу «Лагутин и другие против России»; от 27 ноября 2014 г. по делу «Еремцов и другие против России»; от 30 апреля 2015 г. по делу «Сергей Лебедев и другие против России»; от 9 февраля 2016 г. по делу «Ульянов и другие против России»; от 15 марта 2016 г. по делу «Егоров и другие против России»; от 22 марта 2016 г. по делу «Акулин и другие против России»; от 30.11.2017 г. по делу Климов и другие против России».

4. Постановление ЕСПЧ от 10.03.2009 «Быков против России» (жалоба №4378/02. URL.: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=106441#033766226550456535> (дата обращения: 17.09.2020).

5. Постановление ЕСПЧ от 04.12.2015 «Роман Захаров против России» (жалоба № 47143/06) URL.: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=405944#0016797792319506843> (дата обращения: 17.09.2020).

6. Брестер А. «Обжаловать нельзя обыскать»: как суды принимают разные решения по одинаковым жалобам? URL.: <https://academia.ilpp.ru/obzhalovanie-orm/?fbclid=IwAR0nsGSGCGPzLNablNejodH3k4OjmS9dMH3mylXrWlk2IL-yDAp58W1dFq8> (дата обращения 13.10.2020).

7. Гатилова А.С. Качество законов как объект прогнозирования // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 4-7. 235.

8. Червонюк В.И. Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 488-503.

Яровая Светлана Алексеевна
аспирант кафедры процессуального права
(Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: swetlana-best@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Привлечение к участию в отправлении правосудия представителей общественности – это феномен, который появлялся практически, как на всех этапах развития судебной власти, так и типах, а также стадиях уголовного судопроизводства. Если обратиться к вопросу о развитии суда присяжных через призму накопленного исторического опыта, то можно сделать однозначный вывод, что современная модель судопроизводства по уголовным делам с участием присяжных заседателей не является простым копированием дореволюционной модели. Во многом влияние на формирование современной модели оказал факт отрицательного отношения к институту народных заседателей, скомпрометировавший себя в условиях ангажирования идеологии советского государства.

Что касается нашего времени, то современная модель отправления правосудия по уголовным делам с участием присяжных заседателей находится в динамике. Это подтверждается принятием и введением соответственно в правовой оборот нескольких федеральных законов от 23 июня 2016 г., которые между собой в содержательном аспекте являются взаимосвязанными. Эти нормативные акты создали нормативную основу для расширения применения института присяжных заседателей. Однозначно распространение с июня 2018 г. на районное звено судебной системы суда присяжных стало новым импульсом не только для актуализации имеющихся научных дискуссий, но и для появления новых.

Обновленная модель отправления правосудия с участием присяжных была сохранена в своем классическом понимании, то есть сохранено было отдельное принятие решений по вопросу факта присяжными заседателями и по вопросам права судьями, реализующими свои полномочия на профессиональной основе (здесь стоит сказать, что законопроект о коллегии присяжных, которые выносят вердикт с судьей совместно, не был одобрен главой государства). Для современного уровня развития правосознания такое решение законодателя представляется наиболее оптимальным.

После проведенных реформаторских преобразований с 1 июня 2018 г. в впервые в истории российского государства действие суда присяжных свое распространение получило в беспрецедентных масштабах, позволив использовать институт присяжных и на уровне районных судов, а также судов приравненных к ним.

Таким образом, массовое распространение суда присяжных заседателей на систему федеральных судов России позволяет говорить о своего рода революции в российском правосудии. Концептуальная суть данных революционных изменений - обеспечить активный и самый главный постоянный контакт судебной власти с обществом. Все это обосновывает важность изучения особенностей реализации присяжными заседателями функции общественного контроля.

Здесь вполне уместно обратиться к правовой позиции Конституционного Суда РФ, где указано на взаимосвязь таких категорий правовой действительности

как институт присяжных заседателей и общественного контроля: применимо к сфере правосудия мероприятия по общественному контролю реализуются присяжными заседателями. Присяжные заседатели, являясь институтами народовластия, призваны обеспечить, с одной стороны, предоставленное в Конституции РФ право на участие граждан при отправлении правосудия. А с другой стороны, они обеспечивают реализацию функции общественного контроля в процессе отправления по уголовным делам правосудия. При проведении мероприятий по контролю приоритетная цель их деятельности состоит в следующем: обеспечить в деятельности судебной власти, как независимость, так и открытость и демократичность. [3] Из этого следует, что правосудие является еще одной значимой сферой, где контроль со стороны общественности играет важнейшую роль. Субъекты контроля применительно к данной плоскости отношений - присяжные заседатели.

Высшая судебная инстанция указала, что наделение судьей, реализующим свои полномочия на профессиональной основе, правом отклонить по основанию не согласия с выводами, которые были сделаны по вопросам, входящим в компетенцию заседателей, оправдательный вердикт ограничивало бы существенно не только предоставленное законодателем полномочие по самостоятельному принятию решения, но и противоречило бы самому духу суда присяжных, который по своему предназначению представляет собой специфический институт реализации прямого народовластия. Руководствуясь буквальным пониманием позиции высшей судебной инстанции, можно сделать следующие выводы: по крайней мере общественный контроль в сфере правосудия по уголовным делам осуществляться должен присяжными заседателями. Довольно интересным является тот факт, что в отличие от других форм контроля, субъекты принимают непосредственное участие в отправлении правосудия, то есть осуществлении деятельности, являющейся объектом контроля.

Для полноты исследования необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ позднее аналогичную позицию обозначил и применительно к обвинительному вердикту присяжных [4].

Итак, Конституция РФ в части 5 статьи 32 закрепляет право российских граждан на принятие участие в отправлении правосудия [1]. Это право реализуется путем их участия в качестве присяжных заседателей. Стоит обратить внимание и на тот обстоятельство, что также как и иные основные права и свободы, указанное право ограничено может быть федеральным законом в той мере, в какой это допускается Основным законом России. Данные ограничения закрепляются в статьях 3 и 7 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции РФ» [2].

Из обозначенных выше правовых позиций высшей судебной инстанции можно сделать следующие выводы: указывается необходимость осуществления над правосудием общественного контроля. Правом на реализацию контрольной деятельности применительно к данной плоскости отношений наделены присяжные заседатели. Поскольку заседатели реализуют контрольные полномочия как представители общественности то, соответственно, при отправлении правосудия они принимают участие на непрофессиональной основе. Именно это позволяет

сделать вывод об общественном характере контроля за судебной властью. Само по себе участие присяжных в судебном процессе существенно повышает уровень доверия к судебной власти со стороны гражданского общества.

Не стоит забывать и о целом ряде проблем, которые возникли в связи с распространением компетенции присяжных заседателей на суды районного звена. Среди них: наличие сложностей при поиске независимых присяжных заседателей, поскольку граждане по большей части знакомы, в результате чего будет иметь место конфликт интересов. Также отсутствуют в районных судах помещения, которые приспособлены исключительно для проведения судебных заседаний данного вида. Кроме того, имеет место недостаточный уровень материально-технического обеспечения судебного разбирательства по уголовным делам с участием присяжных. Представители Общественной палаты РФ еще до проведения реформ говорили, что привлечение к рассмотрению в районных судах дел с привлечением присяжных столкнуться может с определенными трудностями [5]. Реализация нововведений предполагает затраты на переоборудование зданий в судах районного звена. Финансирование для этих целей осуществляется из федерального бюджета. При этом необходимо повышать и квалификацию судей, так как сам по себе суд присяжных предполагает наличие у судьи высокого профессионализма, поскольку от судьи данный процесс требует одновременно, как квалификации, так и умения на протяжении всего судебного разбирательства донести по присяжным информацию правильно и без эмоций. Кроме того, необходимо строго соблюсти законодательно установленную процедуру отбора присяжных и формирования вопросов, а также выступить с напутствующим словом. Названы лишь некоторые наиболее актуальные проблемы. Их решение предполагает проведение комплексной работы по оптимизации модели судебного разбирательства с участием присяжных как субъектов реализующих на этапе судебного следствия функцию общественного контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Собрание законодательства Российской Федерации от 14 апреля 2014 г. № 15 ст. 1691

2. Федеральный закон "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации" от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 01.10.2019)// Собрание законодательства Российской Федерации от 23 августа 2004 г. № 34 ст. 3528

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рябушкиной Веры Григорьевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 348, пунктом 2 статьи 350, частью второй статьи 385 статьей 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение КС РФ от 08.02.2011 № 116-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение КС РФ от 08.02.2011 № 116-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1052-О. // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision135884.pdf>

5. Кирьянов А.Ю. ОП РФ материалы круглого стола, посвященного принятому Федеральному закону № 190 "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей" // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.rapsinews.ru/incident_news/20171027/280707491.html#ixzz4x3zZot7c (07.10.2020).

СЕКЦИЯ № 10

ФИНАНСОВОЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ

Андреева Елена Михайловна
доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
г. Санкт-Петербург
e-mail: Elenaandreeva09@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГРАНТОВ

Понятие грант имеет несколько легальных дефиниций, приспособленных для разных целей, при этом универсального определения грантов нет. Например, в ст. 2 Федерального закона от 23.08.1996г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», гранты определены как средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами... на проведение конкретных научных исследований на условиях, предусмотренных грантодателями. В Бюджетном кодексе Российской Федерации (статьи 78, 78.1) гранты рассматриваются как форма субсидий, предусматриваемых в законе (решении) о бюджете и предоставляемых юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам. При этом, из статьи следует, что эти субсидии также носят безвозмездный и безвозвратный характер и могут предоставляться как коммерческим, так и некоммерческим организациям. Далее, в Федеральном законе от 11.08.1995г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» закреплено понятие «благотворительные гранты», которые являются частной составляющей благотворительных пожертвований, носящих целевой характер и предоставляемых гражданами и юридическими лицами в денежной или натуральной форме. В Федеральном законе от 19.05.1995г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» встречается понятие государственные гранты, которые там понимаются как целевое финансирование отдельных общественно полезных программ общественных объединений. В приказах Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, в свою очередь, предусмотрены гранты инновационным компаниям, а также начинающим малым предприятиям, которые обозначены как субсидии,

предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе на условиях долевого финансирования определенных целевых расходов (см. приказы Минэкономразвития России от 24.04.2013г. № 220 и от 16.02.2010г. № 59). Присутствует также порядка 4-5 видов грантов Президента Российской Федерации, которые предоставляются в форме субсидий из федерального бюджета на разные цели. Например, это гранты на поддержку обучающихся, проявивших выдающиеся способности и поступивших на обучение в образовательную организацию высшего образования. Кстати, получатели могут использовать их на любые цели (Указ Президента РФ от 07.12.2015г. № 607 «О мерах государственной поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности»); гранты некоммерческим неправительственным организациям, участвующим в развитии институтов гражданского общества, реализующим социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина (Указ Президента РФ от 30.01.2019г. № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества»). Эти гранты также не имеют целевого назначения. Имеется ввиду, что некоммерческие организации расходуют их на любые цели, соответствующие их видам деятельности, а не на конкретные мероприятия.

Проанализировав приведенные выше нормативно установленные определения грантов, можно выделить следующие критерии для их сравнения и установления различий:

- источник, за счет которого они предоставляются – бюджет либо частные средства;
- сфера деятельности грантополучателя предоставления – от коммерческой до некоммерческой;
- форма предоставления грантов – денежные средства либо иное имущество;
- правовой статус грантополучателей – граждане, юридические лица, в том числе коммерческие;
- требование о целевом использовании грантов получателем – в некоторых случаях устанавливается, в некоторые нет;
- условие софинансирования со стороны грантополучателя – как показано выше, присутствует в некоторых актах, регламентирующих порядок получения грантов;
- возмездность – большинство грантов не предполагает представление какого-либо конкретного результата их использования, например, проведенного культурного мероприятия, научного исследования или реализованного проекта иного рода, однако имеются и примеры обратного;
- способ определения получателя – либо конкурс, либо некий специальный отбор, либо без таковых.

Примечательно, что ни в одном документе автору не удалось найти среди получателей грантов публично-правовые образования (например, муниципальные образования), к чему нет нормативно установленных запретов.

Есть общие черты грантов, которых крайне мало. К ним можно отнести, во-первых, безвозвратность гранта (исключением, конечно, будет случай его использования не по обусловленному назначению). Во-вторых, в любом случае к

получателям грантов всегда выдвигаются определенные требования – к видам деятельности, к их личной репутации и др. В-третьих, взаимоотношения грантодателя и грантополучателя по предоставлению и использованию гранта оформляются специальным соглашением (договором).

Такое разнообразие интерпретаций понятия грантов со стороны законодателя создает почву для научных изысканий, предметом которых является уяснение сущности и признаков грантов. Например, С.С. Курбатова отмечает, что гранты - это всегда целевые выплаты, которые могут предоставляться разными субъектами, в том числе и публично-правовыми образованиями [4]. Кумаритова А.А. указывает на общепользные цели гранта [3]. Провалинский Д.И. рассматривает гранты как особый правовой стимул, проявляющийся в безвозмездной и безвозвратной передаче на конкурсной основе денежных средств или иного имущества на общественно-полезные и значимые цели с последующим предоставлением отчета об их использовании [5]. Бибаров-Государев А.П. предлагает считать грант безвозмездным, безвозвратным предоставлением средств с целью поощрения, развития значимого направления деятельности [2]. Есть и другие мнения.

Автор настоящей работы также подробно исследовал понятие и правовую природу грантов и пришел к выводу, что существенными признаками грантов должны быть признаны - безвозмездный характер; - безвозвратность гранта; - целевое назначение гранта; - применение грантовой поддержки исключительно в некоммерческой сфере; - ограничение по кругу грантополучателей – физическими лицами, некоммерческими организациями, публично-правовыми образованиями; - проектный характер грантовой поддержки, т.е. предоставление гранта под конкретный проект или мероприятие; - обязательность процедуры отбора заявок на грант; - отчетность о затратах и достижении результата, который финансировался за счет гранта; - обособленный учет средств гранта (если он предоставляется авансовыми платежами) [1]. Но особо хочется подчеркнуть, что главное отличие грантов от иных схожих правовых явлений (например, пособий, субсидий) – это проектная направленность грантов. То есть, все-таки грантовая поддержка предполагает некую отдачу в форме разработанного проекта, проведенного мероприятия либо осуществлённого исследования. В этой связи, безвозмездность здесь необходимо понимать как отсутствие у грантодателя любой выгоды, имеющей материальную оценку, и отсутствие любого встречного предоставления со стороны грантополучателя в пользу грантодателя. Соответственно, правообладателем плодов осуществленной деятельности в любом случае будет получатель грантовой поддержки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Е.М., Запольский С.В. Отличительные признаки грантов и концепция правового регулирования грантовой деятельности. // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1. С. 87-104.

2. Бибаров-Государев А.П. Понятие и сущность гранта в гражданском праве. // Сборник: 25 лет гражданскому кодексу российской федерации: традиции и новации частноправового развития. Материалы международной научно-

практической конференции (с элементом школы молодого ученого). 2019. С. 257-263.

3. Кумаритова А.А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве. // Журнал российского права, 2008, № 7.

4. Курбатова С.С. Правовое регулирование грантов в системе расходов бюджета // Закон. 2015. № 3. С. 141 - 149.

5. Провалинский Д.И. Гранты в системе правовых стимулов: общетеоретический и сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Пенза, 2017.

Бармин Вадим Геннадьевич
помощник адвоката Черниковой А.А.
(Адвокатский кабинет Черниковой А.А.)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: VadimBarmin@bk.ru

ИНСТИТУТ ФИНАНСОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Создание института уполномоченного по правам потребителей услуг финансовых организаций связано с увеличением спектра страховых и финансовых услуг вызванных развитием общественных отношений, необходимостью повышения качества таких услуг, а также – расширением прав потребителей и гарантированием таких прав. Опыт досудебного урегулирования споров граждан-потребителей с финансовыми организациями в мировой практике доказал свою востребованность и эффективность, так, на сегодняшний день, институт омбудсмена финансовой системы действует уже во многих странах мира: Германия, Великобритания, Франция, Нидерланды, Дания, Швеция, Норвегия, Португалия, Италия, Ирландия, Бельгия, ЮАР, Литва, Венгрия, Польша, Пакистан, Шри-Ланка [5].

Увеличение загруженности государственных судов, снижение скорости рассмотрения ими дел, повсеместное усложнение коммерческих отношений и применяемых правовых конструкций и повышение требований к квалификации лиц [3], рассматривающих соответствующие категории споров в Российской Федерации, обусловили необходимость реорганизации порядка рассмотрения споров, возникающих между финансовыми организациями и их клиентами: в Российской Федерации процедура внесудебного разрешения споров с участием омбудсмена, по аналогии с Германией, была предложена, Ассоциацией российских банков (АРБ): В 2010 году был разработан и принят «Регламент Общественного примирителя на финансовом рынке (Финансового омбудсмена)» (утв. Советом АРБ, протокол от 20.09.2010 № 2) [5].

Урегулирование образовавшихся споров между потребителями и исполнителями финансовых услуг, согласно утвержденного регламента, носило характер «пилотного» проекта - с этого момента потребители могли обращаться

к финансовому омбудсмену, но не обязаны были это делать, а финансовые организации могли, но не обязаны были учитывать мнение омбудсмена по этим обращениям.

Правовой статус Службы финансового омбудсмена был внедрен в правовую систему Российской Федерации принятием Федерального закона № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 4 июня 2018 г. Основными принципами деятельности финансового омбудсмена является его независимость, и обязательность принятого им решения к исполнению финансовой организацией, в отношении которой данное решение принято.

Под принципом независимости понимается, с одной стороны, отсутствие связи финансового уполномоченного с потребителем и финансовой организацией по рассматриваемой жалобе, с другой стороны – свобода принимаемого им решения в рамках действующего законодательства.

Задачи института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг:

- более быстрое решение возникшего спора, по сравнению с судебным разбирательством;
- менее затратное разбирательство, по сравнению с судебным;
- снижение загруженности государственных судов по отдельной категории дел;

Цели уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг:

- создание ясной и доступной процедуры, позволяющей потребителю осуществлять защиту своих прав без обращения к юристу, то есть самостоятельно;
- обеспечение добровольного исполнения обязательств финансовыми организациями;
- оказание консультативной помощи клиентам, разъяснение им их прав и обязанностей, таким образом формируя правосознание населения в области потребления финансовых услуг;
- формирование практики применения норм законодательства;
- обобщение практики применения рассмотрения споров с целью формирования системы законодательства;
- ведение публичной разъяснительной работы по вопросам применения законодательства о финансовых услугах и повышения правовой грамотности населения в области потребления финансовых услуг.

В службу уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, в 2019 году поступило 91 359 обращений, из которых по 37 428 обращениям было принято решение (30 909 решений и 6 519 прекращений рассмотрения) [2].

Институт финансового уполномоченного является новеллой в правовой системе Российской Федерации, однако, анализ статистически данных, полученных в период с момента вступления в силу федерального закона, позволяет выявить ряд практических вопросов, рассмотрение и разрешение которых необходимых для совершенствования механизма практической реализации целей

и задач института уполномоченного по правам потребителей услуг финансовых организаций в Российской Федерации:

Рассмотрение обращений финансовым уполномоченным является бесплатным для потребителей финансовых услуг. Для составления обращения к нему не требуется специальных юридических знаний (в отличие от составления искового заявления в суд), однако, с учетом полученной официальной статистики о деятельности финансовых уполномоченных в 2019г. в производство финансового уполномоченного было принято 40,96% заявлений от общего числа поданных потребителями, что говорит о непрозрачности и неясности системы подачи заявлений потребителями финансовых услуг. Этот факт, нередко приводит к обращению за помощью к квалифицированному специалисту на коммерческой основе. Так же, с учетом того, что в рамках судебного производства удовлетворялось до 90% исков по категориям дел, которые в настоящее время рассматриваются финансовым омбудсменом, в практическом плане потребители не получили систему, в полной мере защищающую их законные права.

Как считает заместитель председателя Комитета Государственной Думы по финансовому рынку Антон Гетта, нововведение способствует значительному упрощению процедуры защиты своих прав гражданами в досудебном порядке, позволяя решать проблемы, которые появляются при обращении за кредитами, а также споры в страховой сфере. Но и это далеко не все преимущества: такие изменения позволят разгрузить судебную систему, на которую сваливается огромное количество мелких дел. А рынок теперь будет эффективно избавляться от так называемых «псевдозащитников» [1]. Однако, в соответствии с пунктом 6 статьи 16 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» определить размер платы за рассмотрение финансовым уполномоченным обращений третьих лиц, которым уступлено право требования потребителя финансовых услуг к финансовой организации, в сумме 15 000 (пятнадцать тысяч) рублей за каждое обращение, что порождает ситуацию для потребителя, в которой он должен пройти все стадии урегулирования самостоятельно, при условии того, что рассмотрению подлежат менее 50% поданных обращений. Не исключены случаи, при которых потребители, помимо досудебного урегулирования, вынужден воспользоваться судебной гарантией защиты своих интересов, в результате - закрепление обязательного досудебного порядка урегулирования не приведет к реализации задачи института уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг.

Подводя итоги, следует отметить, что формирование института финансового уполномоченного, выступающего в роли примирителя, имеет огромное значение для повышения качества и степени защиты прав потребителей рынка финансовых услуг, однако, для практической реализации задач, поставленных перед данным институтом, необходим систематический анализ правоприменительной деятельности, повышение уровня грамотности потребителей финансовых услуг и совершенствование регламентирующих данный институт нормативных правовых актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гетта А.: осенью надо вернуться к законопроекту о наделении ЦБ полномочиями в сфере аудиторской деятельности URL: <http://duma.gov.ru/news/27785/> (дата обращения 16.10.2020).
2. Ежегодный отчет Главного финансового уполномоченного о деятельности финансовых уполномоченных в 2019 году URL: <https://finombudsman.ru/wp-content/uploads/2020/05/Otchet-Glavnogo-finansovogo-upolnomochennogo-o-deyatelnosti-finansovyh-upolnomochennyh-v-2019-godu.pdf> (дата обращения 18.10.2020).
3. Емелин А.В., Создание института Общественного примирителя (Финансового омбудсмена) на финансовом рынке России // Деньги и кредит: Интернет журн. 2011 № 1 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15585644> (дата обращения 10.10.2020).
4. Жуковска Х. Роль банковского омбудсмена в защите интересов клиентов в Польше // Банковские услуги: Интернет-журн. 2005 № 4 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11532423> (дата обращения 15.10.2020).
5. Шелищ П.Б., Койтов А.В. Права потребителя в мире финансов: что нужно знать страхователю, должнику и каждому, кто рассчитывает на помощь. Москва: Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 17. 176 с.

Бочарова Наталья Николаевна
старший преподаватель
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: nbocharova@sfedu.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В течение длительного времени финансово-правовое регулирование государственного долга остается одной из актуальных проблем экономической и финансовой деятельности государства. В настоящее время, в условиях постоянных изменений международной обстановки, особенно важную роль приобретает эффективное управление долговым механизмом для обеспечения финансовой устойчивости государства.

Современными государствами данный инструмент признан одним из мощных механизмов макроэкономической политики, поскольку с его помощью государство успешно решает не только текущие задачи, но и повышает в целом инвестиционный климат в стране, а также интерес к государственным финансовым инструментам. За исключением нескольких государств, не имеющих государственного долга [6], большинство стран мира приняли на себя долговые обязательства в том или ином объеме.

Безусловно, высокий уровень долговых обязательств существует не только в Российской Федерации, однако модернизация экономики на данный момент не позволяет установить единую системную концепцию бюджетной, и, в частности, долговой, политики государства в перспективе. Поступление доходов в бюджет не

покрывает рост расходов, что в итоге формирует дефицит бюджета на всех уровнях бюджетной системы [3].

Из этого следует, что исключительную важность приобретает долговая политика, путем осуществления которой будет обслуживаться государственный долг, ее приоритеты, направления, а также правовое регулирование.

Российская Федерация не относится к государствам-лидерам по объемам долговых обязательств, который является критерием оценки национальной безопасности государства [4]. При этом возможное увеличение соотношения государственного долга Российской Федерации к ВВП не повлияет на резкое изменение степени угрозы национальной безопасности государства, оставаясь в рамках «низкой» (на конец 2019 года процентное соотношение составило 12,2% [1]).

Следует отметить, что долговая политика Российской Федерации реализуется в рамках разработанных Министерством финансов «Основных направлений государственной долговой политики Российской Федерации на 2017 - 2019 года» [5]. Более актуального документа подобной направленности на сегодняшний день нет. Однако, вместе с Федеральным законом от 29.11.2018 N 459-ФЗ (ред. от 02.12.2019) "О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов" была принята Программа государственных внутренних заимствований Российской Федерации на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов; вместе с Федеральным законом от 02.12.2019 № 380-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О федеральном бюджете на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов» была принята Программа государственных внутренних заимствований Российской Федерации на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов. Подобные документы на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годы в настоящее время находятся на рассмотрении в Государственной Думе РФ и прошли II чтение.

Согласно «Основным направлениям...», Минфин России должен вести обновленную долговую политику ввиду низкого роста ВВП и запланированного дефицита бюджета, что влечет за собой изменение источников его финансирования.

Помимо этого, важной чертой нынешней долговой политики является размещение Россией еврооблигаций (до 2026 года) с номинальной стоимостью 1,25 и 1,75 млрд долларов США¹.

Также стоит отметить увеличение в 2016 году объема внутреннего долгового рынка до 16,2 трлн рублей, в том числе и увеличение доли государственных ценных бумаг до 6,1 трлн рублей. При этом основные держатели ценных бумаг, а именно облигаций федерального займа, - это российские кредитные организации (их доля составляет 58%), а также Внешэкономбанк с долей 6% и Банк России с долей 1%. Таким образом, основным источником заемных средств для Минфина России был и остается внутренний рынок капитала.

В ближайшие три года Российская Федерация планирует привлечь беспрецедентный объем заемных средств – порядка 2,5 трлн руб. в 2020 и 2021 гг.,

---

¹ Процент по этим еврооблигациям составляет соответственно 3,90% и 4,75%.

а в 2022 г. данная цифра может приблизиться к 3 трлн руб. Что же касается внешних заимствований, то проектом бюджета на 2020–2022 гг. они предусмотрены в ограниченном объеме – в эквиваленте 3 млрд долл. США ежегодно.

Также поддержка федерального бюджета, стабильности финансового состояния государства будет осуществлена путем не только гибкой налоговой политики, но и налоговым маневром в нефтяной отрасли (например, законопроект о федеральном бюджете на 2021 год и плановый период 2022 и 2023 годов предполагает доходы от НДС, в отношении которых при налогообложении установлен рентный коэффициент, отличный от 1, зачислять в федеральный бюджет по нормативу 83%, в бюджеты субъектов РФ - по нормативу 17% [2]). Безусловно, это связано с ожиданием продолжения санкционной политики иностранных государства и возможных колебаний цен на сырье, что в итоге может оказать влияние на уменьшение доходов бюджета.

В рамках «Основных направлений...» исполнение федерального бюджета (а значит и нормативов государственного долга) будет происходить с учетом измененного «бюджетного правила», использование которого позволяет сдерживать рост расходов бюджета при росте цен на нефть и всей экономики. Применение бюджетного правила обосновано важностью становления финансовой стабильности и ослабления соотношения с нефтегазовыми доходами. Итогами реализации нового бюджетного правила стали уменьшение чувствительности колебаний курса рубля к изменению цен на нефть, уменьшение связанности нефтегазового сектора и цен на нефть, а также уменьшение влияния цен на нефть на государственные финансы.

С 2022 года предельные расходы будут определены в соответствии с «бюджетными правилами», что позволит сохранить уровень доверия инвесторов к проводимой макроэкономической политике и обеспечить доступность финансового ресурса для внебюджетного сектора. Кроме того, предусматривается возможность использования средств Фонда национального благосостояния (ФНБ) сверх объема, предусмотренного законом о федеральном бюджете, в случае снижения цен на нефть ниже базового уровня. При этом объем использования средств ФНБ на эти цели предлагается ограничить 1% ВВП. Норма позволит в качестве меры оперативного реагирования в 2021 году при необходимости использовать средства ФНБ на покрытие недополученных нефтегазовых доходов федерального бюджета и выполнить принятые расходные обязательства.

Вышесказанное еще раз подчеркивает мысль о том, что иметь разумный объем государственного долга, эффективно управлять им и поддерживать собственный суверенитет и национальную безопасность возможно для современного государства даже с учетом сложной международной экономической обстановки. Однако управление государственным долгом является актуальной задачей как с правовой, так и с экономической точки зрения, что обеспечивает повышенное внимание к данному институту.

Первостепенной задачей Российской Федерации на данном этапе является обеспечение соблюдения ее финансовых интересов во взаимоотношениях с государствами-кредиторами. Это возможно путем непрерывного нахождения России на рынках долгового капитала и сотрудничестве с существующими и

потенциальными инвесторами для повышения интереса к российским финансовым инструментам.

Также следует отметить важность именно стратегического управления государственным долгом во избежание смещения ориентации для решения текущих вопросов. Необходимо учитывать специфику бюджетной, денежно-кредитной, валютной политики, чтобы в совокупности формировать правильный курс и придерживаться его, несмотря на внешние кризисы и проблемы международного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/government-debt-to-gdp>
2. <https://tass.ru/ekonomika/9578927>
3. Бабич И. В. Методы управления государственным долгом // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. №5
4. Международный валютный фонд предлагает следующие пороговые показатели данного значения: 30% для низкой степени риска, 40% - для средней, 50% - для высокой.
5. Основные направления государственной долговой политики Российской Федерации на 2017 - 2019 гг. // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. - URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/policy/
6. По данным Справочника ЦРУ на 2014 год, государства Макао, Лихтенштейн, Бруней, Андорра, Британские Виргинские острова не имели государственного внешнего долга. Это небольшие по территории государства, экономика которых базируется на развитии туризма, сельского хозяйства или какой-то одной производственной сферы. Официальный сайт ЦРУ URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2079rank.html>

Волова Лариса Ивановна

доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры международного права
Заслуженный работник Высшей школы РФ
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: volova-li@yandex.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЫЗОВАМ МЕЖДУНАРОДНОМУ НАЛОГОВОМУ ПРАВУ

В современных усложненных условиях появляется все больше вызовов международному налоговому праву, входящему в систему международного финансового права. Первый вызов состоит в том, что на развитие норм международного налогового права влияет так называемая «экспансия»

международного финансового права, заключающаяся в расширении пределов его регулирования и распространении его воздействия на все новые налоговые правоотношения, например, влияние института банковской тайны на реализацию норм института обмена налоговой информацией. Это приводит к необходимости корректировки международных налоговых соглашений с целью уточнения налоговой юрисдикции государств, распределения их налоговых прав, согласования налогового законодательства различных стран и установления того, какое из государств - партнеров по соглашению имеет право определять источники налоговых поступлений, а также режим налогообложения имущества, доходов, прибыли, сверхприбыли, дивидендов и процентов.

Цель данной статьи состоит в определении эффективности правовых средств, противодействующих вызовам международному налоговому праву. Они были выработаны и закреплены в двухсторонних международных налоговых соглашениях и в имеющей большее практическое значение Многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения, подписанной в 2017 году и вступившей в силу в июле 2018 года. Российская Федерация ратифицировала ее в 2018 году.

Названная Конвенция в статье 7 «Предотвращение злоупотреблений положениями договоров» закрепила принцип «основной цели» сделки компаний налогоплательщика в качестве важной меры противодействия налоговому правонарушению, суть которого состоит в предъявлении к сделке требования быть «деловой» и способствовать улучшению экономических показателей работы компании, а не преследовать цель снижения налоговых платежей и получения необоснованных льгот при налогообложении, что является серьезным вызовом международному налоговому праву. Конвенция предусмотрела необходимость имплементации ее нормы о принципе «основной цели» сделки в национальное законодательство государства.

Следующей важной мерой противодействия вызовам международному налоговому праву является закрепленный в рассматриваемой Многосторонней конвенции принцип «теста» основной цели сделки, использование которого должно привести к сокращению случаев неправомерного использования налогоплательщиками льгот и преимуществ, предусмотренных международными налоговыми соглашениями.

Принцип «основной цели» сделки, призванный ограничить получение нерезидентами льгот по «искусственным сделкам», был взят на вооружение и Российской Федерацией.

Так же следует особо выделить имеющее принципиальное значение для противодействия вызовам международному налоговому праву положение, содержащееся в статье анализируемой Многосторонней конвенции, определившей меры по устранению двойного налогообложения, но не создающее при этом возможности для так называемого «неналогообложения» вообще.

Изменения в правовом регулировании международных налоговых отношений потребовали проведения корректировки налоговых договоров, правила проверки «основной цели» сделки были включены во множество из них. Так было

обеспечено единообразие применения налоговыми администрациями правил проверки «основной цели» сделки, которые также именуют налоговым стандартом.

Как видим, ценность рассматриваемой Многосторонней конвенции заключается еще и в том, что она позволила модифицировать содержание значительного количества двухсторонних налоговых соглашений, в том числе Российской Федерации, а также некоторых институтов международного налогового права.

Далее государства обратились к решению проблемы противодействия незаконному установлению режима льготного налогообложения доходов в оффшорных зонах, особенно в банковской, страховой, финансовой и инвестиционной сферах.

Важным нововведением, направленным на противодействие выводу прибыли из-под налогообложения с использованием оффшорных механизмов, является предоставление права компетентным органам государства ограничивать применение налоговых льгот и права отказывать в предоставлении таких льгот любому лицу в отношении сделки, если, по мнению налогового органа, предоставление льготы приведет к злоупотреблению целью сделки, если получение льгот при выплате дивидендов, роялти и процентов является целью совершения сделки.

Как известно, большинство злоупотреблений касается налогообложения процентов, дивидендов, роялти, выплачиваемых за рубеж и устанавливаемых у источника дохода.

Именно поэтому Российская Федерация в своем налоговом законодательстве статьи о налогообложении указанных видов доходов привела в соответствие с Типовой конвенцией ОЭСР 1977 года.

Руководствуясь, в соответствии с положениями Многосторонней конвенции 2016 года, своим правом на корректировку двухсторонних налоговых соглашений, Россия и Кипр летом 2020 года внесли изменения в содержание двухстороннего Договора об избежании двойного налогообложения, что было связано с проведением мер по противодействию укрывательства бизнеса от уплаты налогов в офшорах. В соответствии с внесенными изменениями, налог с процентов был увеличен и теперь составляет 15 %. Сейчас ведутся переговоры на правительственном уровне о возможности внесения подобных изменений в аналогичные договоры с Мальтой, Нидерландами и Люксембургом. Характерно, что пресечение случаев применения хозяйствующими субъектами незаконных методов уклонения от уплаты налогов является приоритетной задачей не только ОЭСР, являющейся в последние годы признанным лидером в разработке новых защитных механизмов в сфере налогообложения, но и ООН, которая внесла реальный вклад в обновление положений Конвенции ООН об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами 1980 года.

Так называемое двойное «неналогообложение» стало новым вызовом международному налоговому праву, так как позволяло субъектам хозяйственной деятельности уклоняться от уплаты налогов. Возникновение фактов неналогообложения возможно чаще всего при ненадлежащем применении

налогоплательщиками норм национального законодательства государств и при несоблюдении норм международных налоговых договоров. Основанием для этого может быть также «конфликт квалификаций», содержащихся в разных модельных налоговых конвенциях и пробелы в национальном законодательстве государств.

На практике чаще всего субъекты хозяйственной деятельности искусственно создают ситуацию, при которой их доходы выпадают из налогообложения обоих государств, применяя для этого изощренные схемы.

Это свойственно в первую очередь некоторым крупным международным компаниям, добивающимся незаконным способом отсрочки уплаты налога на доход головной компании до получения дивидендов от своих дочерних компаний. В связи с этим особенно важно осуществлять эффективный контроль за так называемыми «контролируемыми иностранными компаниями», призванные не допустить указанных нарушений. Для противодействия этому вызову государствами были разработаны правила налогообложения контролируемых иностранных компаний, так как участились случаи уклонения транснациональных компаний от уплаты налогов с незаконным использованием их структур. Россия также приняла такие правила, в соответствии с которыми контролируемой иностранной компанией признается иностранная организация не являющаяся российским налоговым резидентом, а её контролирующим лицом признается организация или физическое лицо, считающиеся налоговыми резидентами Российской Федерации (п.1 и п.2 ст. 25.13 НК РФ).

В российском законодательстве применен более широкий подход при квалификации иностранных компаний в качестве контролируемых, поскольку ими признаются также иностранные структуры без образования юридического лица. Такой порядок позволяет противостоять еще одному вызову международному налоговому праву, т.е. не допустить неуплаты налога за счет преднамеренного изменения организационно-правовой формы контролируемой организации.

Существо этой правовой меры противодействия выводу прибыли из-под налогообложения заключается в том, что прибыль контролируемой иностранной компании приравнивается к прибыли, полученной контролирующим лицом, и учитывается при определении его налогооблагаемой базы. Рассмотренные правовые механизмы призваны не допустить потерь государственного бюджета, применение их охватывает только те ситуации, в которых цель налоговых субъектов состоит в том, чтобы с помощью «искусственных» сделок добиться снижения налогов или отсрочки по времени их уплаты. В большой мере это свойственно контролируемым иностранным компаниям.

Достижением нашей страны является то, что российскому законодателю удалось с помощью Модельных актов ОЭСР и учета опыта зарубежных стран разработать свои Правила налогообложения контролируемых иностранных компаний, принятые в соответствии с Федеральным законом от 24.11.2014 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». Цель данного закона состоит в том, чтобы воспрепятствовать получению иностранными компаниями необоснованной налоговой выгоды.

Такая мера защиты была своевременной, так как транснациональные корпорации и в первую очередь цифровые, благодаря своей сложной структуре, а также факту размещения офисов в нескольких налоговых юрисдикциях и постоянному перемещению финансовых ресурсов из одной страны в другую, имеют больше возможностей для налоговых правонарушений.

Эти факты убедили государства в необходимости разработки нового международного соглашения, в котором был бы определен порядок распределения прибыли между головными компаниями и их дочерними предприятиями, ведущими коммерческую деятельность в разных юрисдикциях.

В рамках программы по подготовке такого соглашения ОЭСР в 2019 году направила государствам-членам Политическую записку с целью изучения их мнений по вопросу распределения налоговых прав и прибыли между составными частями крупных международных компаний. Сейчас идет обобщение этих данных, результаты которого позволят согласовать на международном уровне единый подход к решению вышеназванных проблем для противодействия вызовам международному налоговому праву.

В заключении можно констатировать, что, несмотря на угрозы, есть все основания для дальнейшего развития международного налогового права, поскольку остается еще определенное количество не урегулированных в международно-правовых актах и национальном законодательстве налоговых случаев, регламентация которых позволит увеличить суммы налоговых поступлений в бюджет.

Проведенный выше анализ приводит нас к выводу о том, что активизируется процесс противодействия государствами и международными организациями совершению налоговых правонарушений.

Зиновьева Ольга Петровна
кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданского процессуального
и трудового права
(Южный федеральный университет)
г. Ростов-на-Дону
e-mail: Zinovieva-dialog@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В 2016 году был принят Федеральный закон № 237-ФЗ "О государственной кадастровой оценке" (далее – **ФЗ №237-ФЗ**), который вступил в силу 1 января 2017 года. Указанный федеральный закон установил переходный период, в который продолжали применяться нормы Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" (далее – **ФЗ №135-ФЗ**). Однако в этом году была внесена определенность по вопросу перехода к новому порядку правового регулирования отношений, связанных государственной кадастровой оценкой. Было решено, что в 2022 году в России должна быть проведена

государственная кадастровая оценка земельных участков без учета ограничений по периодичности проведения государственной кадастровой оценки. В 2023 году во всех субъектах Российской Федерации должна быть проведена государственная кадастровая оценка зданий, помещений, сооружений, объектов незавершенного строительства, машино-мест без учета ограничений по периодичности проведения государственной кадастровой оценки, а с 1 января 2023 года мы полностью переходим к порядку оспаривания кадастровой стоимости, установленному последними изменениями.

Несмотря на то, что закон еще полноценно не работает, в него продолжают вноситься изменения, которые существенно меняют суть правового регулирования государственной кадастровой оценки недвижимости. К сожалению, не все из них можно оценить однозначно.

Очередной пакет изменений был разработан во исполнение перечня поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от марта 2018 г. и Перечня поручения Президента Российской Федерации от февраля 2016 г. и был нацелен, по заявлению разработчиков, на комплексное совершенствование порядка определения кадастровой стоимости объектов недвижимости. Федеральный закон от 31.07.2020 № 269-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" был опубликован и вступил в силу с 11.08.2020 года (далее – **ФЗ №269-ФЗ**).

Одной из основных задач законопроекта явилось создание механизма, позволяющего оперативно и без дополнительных затрат исправлять неточности в утвержденных результатах кадастровой оценки.

Напомним, что существенным изменением законодательства о государственной кадастровой оценке последних лет явилось то, что был создан специальный субъект, выполняющий функцию кадастровой оценки на постоянной основе – государственное бюджетное учреждение субъекта РФ (далее – **ГБУ**). В Ростовской области таким учреждением стало государственное бюджетное учреждение Ростовской области "Центр содействия развитию имущественно-земельных отношений Ростовской области", подведомственное министерству имущественных и земельных отношений, финансового оздоровления предприятий, организаций Ростовской области.

Внесенные ФЗ №269-ФЗ изменения передали бюджетному учреждению полномочия по рассмотрению заявлений об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости и принятию решений по ним. Предполагалось, что изменение механизма внесудебного установления кадастровой стоимости в размере рыночной позволит завершить переход от формального рассмотрения соответствующих заявлений в комиссиях по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости к их детальному и подробному рассмотрению в государственных бюджетных учреждениях субъектов Российской Федерации, осуществляющих определение кадастровой стоимости. Однако при ближайшем рассмотрении это решение не является однозначным и не может не вызывать сомнений. С момента вступления в силу изменений один и тот же субъект выполняет функции по установлению

кадастровой стоимости и ее изменению в дальнейшем. Это не может полностью исключить заинтересованность такого учреждения как на этапе кадастровой оценки, так и на этапе корректировки ее результатов. Следует помнить, что ГБУ создается субъектом РФ и полностью подконтрольно ему, а это значит, что существует возможность влияния административного ресурса на принятие таким учреждением решений.

Кроме того, новые законодательные изменения вводят возможность судебного обжалования только после отказа бюджетного учреждения в удовлетворении заявления заинтересованного лица. Думается, что указанная процедура является даже более сложной, чем существующая ныне, согласно которой физическое лицо может оспорить кадастровую стоимость непосредственно в суд, минуя комиссию. И только для юридического лица установлен обязательный досудебный порядок обжалования.

Внесенными изменениями также сокращен срок для оспаривания кадастровой стоимости. Так, заявление об установлении рыночной стоимости может быть подано ГБУ в течение шести месяцев с даты, по состоянию на которую проведена рыночная оценка объекта недвижимости и которая указана в приложенном к такому заявлению отчете об оценке рыночной стоимости объекта недвижимости. В настоящий момент с требованием об установлении кадастровой стоимости в размере рыночной можно обратиться в любой момент, пока оспариваемая стоимость применяется, а в ряде случаев оспорить можно и архивную кадастровую стоимость. На наш взгляд, эта норма является завуалированным способом сокращения срока оспаривания кадастровой стоимости, ограничивающим возможность ретроспективного применения результатов такого оспаривания.

Однако есть и большое различие в том, с какого момента применяется кадастровая стоимость, измененная решением комиссии по рассмотрению споров, суда или решением бюджетного учреждения.

Так, в настоящий момент при расчете налога на имущество организаций, земельного налога и налога на имущество физических лиц сведения о кадастровой стоимости, установленной решением комиссии по рассмотрению споров или судом, внесенные в Единый государственный реестр недвижимости, учитываются при определении налоговой базы начиная с даты начала применения для целей налогообложения кадастровой стоимости, являющейся предметом оспаривания (ст. 378.2, 391 и 403 НК РФ). То есть, пересчитать налоговые обязательства после оспаривания можно за предшествующие три года.

Федеральная налоговая служба РФ уже разъяснила [1], что Налоговым кодексом РФ не предусмотрен порядок применения сведений о кадастровой стоимости в случае установления ее уполномоченным бюджетным учреждением субъекта Российской Федерации в размере рыночной в соответствии со статьей 22.1 Закона № 237-ФЗ. В связи с этим, налоговый орган полагает, что применение для целей налогообложения объектов недвижимости кадастровой стоимости, установленной в соответствии со статьей 22.1 Закона № 237-ФЗ, осуществляется с 1 января года, в котором в бюджетное учреждение подано заявление об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его

рыночной стоимости. Тем самым была исключена возможность пересмотра налоговых обязательств лица за предшествующие налоговые периоды.

Если законодатель не внесет уточняющие указанную процедуру изменения, популярность указанной процедуры у налогоплательщиков будет небольшой, а основная масса споров опять сосредоточится в судах. И произойдет это не потому, что судебный порядок проще (он не проще, так как вначале все равно необходимо обратиться в бюджетное учреждение), а потому, что судебный порядок влечет иные налоговые последствия. По крайней мере, это явно следует из обновленной редакции закона и разъяснений налогового органа.

Решение бюджетного учреждения в отношении заявления об установлении рыночной стоимости может быть оспорено в суде в порядке административного судопроизводства. Поправки установили, что одновременно с оспариванием решения ГБУ в суд может быть заявлено требование об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости. Однако выглядит это дозволение очень странно, поскольку упомянутые требования друг друга исключают, а закон не разъясняет, в какой момент истец может заявить альтернативное требование.

Еще одним спорным нововведением является то, что ошибка теперь может быть исправлена в сторону увеличения. Можно сказать, что государство пытается сбалансировать частные и публичные интересы, однако это изменение можно оценить только негативно, поскольку первоначальная редакция этого закона этого не предусматривала. Ситуацию не может исправить даже то, что новая кадастровая стоимость не может применяться ретроспективно - увеличившаяся кадастровая стоимость применяется с года, следующего за годом ее исправления.

Крайне дискуссионными являются изменения, которыми определена персональная ответственность руководителя государственного бюджетного учреждения субъекта Российской Федерации за качество принимаемых ими решений по заявлениям заинтересованных лиц об исправлении ошибок и об установлении кадастровой стоимости объектов в размере их рыночной стоимости.

Помимо общих оснований, предусмотренных законодательством для расторжения трудового договора с руководителем государственного бюджетного учреждения субъекта Российской Федерации, поправками предусмотрено его расторжение по инициативе работодателя в месячный срок в случае принятия судом в соответствующем календарном году ста и более решений, вступивших в законную силу, которыми были удовлетворены заявления об оспаривании решений бюджетного учреждения об отказе в пересчете кадастровой стоимости, при условии, что доля таких решений бюджетного учреждения превышает двадцать процентов от общего количества решений этого учреждения в указанном календарном году.

Эта норма вызывает больше вопросов, поскольку неясно, как считать эти показатели и будут ли учитываться судебные решения, в которых заявлено требование не об оспаривании решения ГБУ, а об установлении кадастровой стоимости в размере рыночной. Кроме того, для того, чтобы понять, соблюдены ли все условия, необходимо после окончания календарного года дожидаться вступления в силу всех судебных актов, заявления по которым поданы до 31

декабря соответствующего года. То есть дожидаться истечения временного периода от нескольких месяцев до года. При этом закон не дает ответа на вопрос, что делать, если решения нижестоящих судов в дальнейшем были отменены вышестоящим судом, и это существенно повлияло на выполнение установленных показателей.

Безусловно, заслуживает одобрения попытка законодателя сделать процедуру государственной кадастровой оценки проще и доступней, однако в стремлении создать новые инструменты и ввести неизвестные ранее процедуры важно не навредить всем заинтересованным лицам и не усложнить отработанный годами механизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письмо ФНС России от 07.08.2020 № БС-4-21/12820@ "О применении сведений о кадастровой стоимости в целях налогообложения объектов недвижимости после вступления в силу Федерального закона от 31.07.2020 № 269-ФЗ" // СПС «Консультант Плюс».

Канюк Юлия Алексеевна
преподаватель кафедры финансового права
(Южный федеральный университет)
специалист-эксперт министерства цифрового развития, информационных технологий и связи Ростовской области
г. Ростов-на-Дону
e-mail: kanyuk.umk.rf@bk.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Документы стратегического планирования и развития Российской Федерации [1], как и национальные проекты 2019-2024 годов [2], определяют в качестве одних из приоритетных задач – цифровизацию и цифровую трансформацию ключевых отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления, а также реализацию национальных целей в области сквозных технологий и предоставления социально-значимых услуг. Переход в «цифру» государственного и экономического секторов, в рамках реализации целей и достижения показателей национального проекта «Цифровая экономика» [3], способствует внедрению цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества и государства, что особенно актуально в период пандемии. Не исключением стало и налоговое администрирование, где активно внедряются новейшие цифровые технологии с целью обеспечения прозрачности и автоматизации процессов уплаты налогов, обеспечение «незаметного» и эффективного налогового контроля.

Так, например, в 2014 году был учрежден институт личного кабинета налогоплательщика [4] – цифровой сервис, который разрешает такие задачи как: организация электронного документооборота и перевод всех процессов налогового администрирования в цифровую форму, снижение расходов ресурсов (как экономических, так и временных) участников налоговых правоотношений,

повышение доверия к налоговым органам и налоговой грамотности граждан. Функционал данного сервиса ежегодно расширяется как для юридических, так и для физических лиц.

Онлайн-кассы – еще одна внедренная Федеральной налоговой службой (ФНС) технология, основанная на применении современных автоматизированных систем, позволяющая налогоплательщику передавать данные о расчетах в налоговые органы в режиме онлайн через оператора фискальных данных. Применение данной технологии позволило снизить ежегодные расходы на контрольно-кассовую технику, освободило предпринимателей от форм кассовой отчетности, способствовало сокращению числа выездных налоговых проверок, применению новых форм контрольных мероприятий, повысило эффективность контроля со стороны покупателей, увеличило поступления НДС в розничном секторе на 38% за первый год работы.

В 2019 году наряду с установлением специального налогового режима «налог на профессиональный доход» [5] на рынке появляется официальное мобильное приложение, разработанное ФНС, - «Мой налог». Так, благодаря цифровым технологическим решениям, регистрация и ведение деятельности самозанятых граждан стала возможной в режиме онлайн – без посещения инспекции, с кассой и налоговой отчетностью «в кармане».

Разработка и запуск автоматизированной информационной системы «Налог-3» является еще одним этапом цифровизации налогового администрирования, в котором уже применяются технологии искусственного интеллекта, позволяющие отслеживать цепочки движения денежных потоков между юридическими и физическими лицами. Система объединяет сервисы и программы ФНС, государственные базы данных и реестры (например, база данных ГИБДД, реестр недвижимого имущества и т.д.), создавая единый информационный массив о налогах, налогоплательщиках и денежных потоках на территории Российской Федерации, позволяя автоматизировано вычислять недобросовестных налогоплательщиков, «серый» бизнес, признаки от уплаты налогов и нарушение налогового законодательства.

Как видим, внедренные цифровые технологии существенно трансформировали налоговое администрирование, усовершенствовали некоторые налоговые процессы, способствовали созданию новых бизнес-моделей, обеспечили прозрачность бизнеса, минимизировали риски нарушения налогового законодательства, способствовали уменьшению количества выездных проверок и привели к увеличению роста налоговых поступлений в 2019 году почти вдвое [6].

Тем не менее, в условиях постоянного роста налоговой нагрузки, цифровизации экономики, усложнения отслеживания финансовых и налоговых потоков, стремления минимизации налоговых платежей стало очевидным необходимость перехода налоговых органов к адаптивным цифровым платформам и создание виртуальной транзакционной среды, способной автоматически исчислять и удерживать налоги в момент транзакции по сделкам. Именно такой вектор дальнейшей цифровой трансформации налогового

администрирования был представлен руководством ФНС, в рамках XII пленарного заседания Форума по налоговому администрированию ОЭСР [7].

Предполагается, что на базе единой адаптивной цифровой платформе будут функционировать все разработанные IT-сервисы и проекты ФНС, адаптированные под реалии цифровой экономики, а транзакционная среда будет представлять собой замкнутую цифровую экосистему, в которой субъекты будут «открыто» совершать сделки с помощью мобильных приложений и иных цифровых инструментов. Как итог – тотальный контроль и надзор за всеми денежными операциями и финансовыми потоками, автоматизация некоторых налоговых процессов и исполнение налоговой обязанности, выявление рисков нарушения законодательства и сокрытия доходов с помощью искусственного интеллекта, минимизация налоговой нагрузки на ФНС, прозрачный и открытый бизнес.

Положительный эффект от цифровизации налоговых органов для государства очевиден, реакция бизнес сообщества и граждан на цифровые новшества - неоднозначная. Принятие «Глобальной стратегии цифрового развития налоговых органов до 2030 года», проект которой находится на стадии разработки в ФНС, внесет некоторую ясность относительно технологических решений и возможностей искусственного интеллекта, которые ФНС планирует интегрировать в налоговые правоотношения в дальнейшем. Налоговое право как регулятор налоговых правоотношений испытывает на себе воздействие цифровизации и трансформации ключевых сфер общественной жизни, демонстрируя необходимость формирования детального правового регулирования процессов использования цифровых технологий в налоговом администрировании, определения границ возможностей их применения, в эпоху стремительного развития и внедрения новейших технологических разработок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество».
3. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7).
4. Приказ ФНС России от 22.08.2017 № ММВ-7-17/617@ «Об утверждении порядка ведения личного кабинета налогоплательщика».
5. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».
6. URL: <https://rg.ru/2019/03/27/mishustin-ocenil-effekt-ot-cifrovizacii-nalogovogo-administrirovaniia.html> (дата обращения 01.11.2020).

7. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8587982/ (дата обращения 03.11.2020).

Кожан Игорь Васильевич
коммерческий директор
(ООО «Интерплэй»)
e-mail: i.kozhan@ra-interplay.ru

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПОДДЕРЖКИ БИЗНЕСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Период пандемии сформировал целый ряд послаблений, которые стали рассматриваться как меры поддержки субъектов предпринимательской деятельности в сложный период. Введенные и до сих пор действующие меры поддержки включают в себя: невозвратные субсидии на выплату части зарплат за апрель и май текущего года, финансовые компенсации для компаний, действующих в сфере услуг, в форме денежных средств, выделенных на профилактику коронавируса.

Ряд послаблений распространяется на субъектов МСП, не включенных в перечень пострадавших отраслей, например, в форме уменьшения ставок страховых взносов с доходов, превышающих МРОТ. Также продлен срок действия разрешений и лицензий, приостановлены проверки и меры взыскания, введен мораторий на банкротство.

Компании, действующие в отраслях, признанных пострадавшими, могут воспользоваться такими мерами поддержки как рассрочка на погашение долгов, право на досрочный разрыв договора аренды или пересмотр условий аренды, получение кредита, который может стать невозвратным.

ИП и компании из реестра МСП, которые работают в пострадавших отраслях могут получить годовую рассрочку по выплате долгов до 15 млн рублей [1]. Это касается долгов, по которым возбуждены исполнительные производства по искам, поданным до 1 октября 2020. Чтобы получить рассрочку, компании должны обратиться к судебному приставу, однако при этом необходимо, чтобы организацией соблюдался предусмотренный график платежей, так как в противном случае рассрочка будет отменена. Стоит учесть, что правило рассрочки не распространяется на выплату выходных пособий, зарплаты сотрудников, вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности. Ограничениями, вводимыми для таких компаний, является запрет на выплаты дивидендов по ценным бумагам, распределение прибыли между участниками и иные запреты.

Воспользоваться правом на односторонний разрыв договора смогут арендаторы из списка пострадавших отраслей, чьи доходы снизились на 50% и заключившие договор до введения режима повышенной готовности в связи с коронавирусом [2]. Фактически арендатор может выступить с требованием сократить плату хоть на 99%, закон этого не запрещает. Никаких дополнительных экономических обоснований не требуется. Если в течение 14 рабочих дней требования арендатора не были удовлетворены, расторгнуть действующий договор

можно без неустоек и штрафных санкций. Однако, если в договоре аренды не определены его сроки, права на односторонний разрыв не будет. В случае разрыва договора депозит останется у арендодателя, арендодатель, скорее всего, не вернет деньги, потраченные на благоустройство помещения.

Такой способ как снижение арендной платы оптимален для всех видов бизнеса – крупного, среднего, малого – вне зависимости от отнесения к пострадавшим отраслям экономики. Например, можно попросить арендодателя об уменьшении арендной платы, если во время действия режима самоизоляции «пользование арендованным имуществом было невозможным в связи с введенными государством ограничениями». Такая формулировка дана ВС РФ.

Более того, если у организации остались долги по аренде за апрель, май и июнь (время всеобщих ограничений на работу бизнеса), снизить их сумму не поздно еще и сейчас. Правовая ситуация такова, что дата заключения дополнительного соглашения к договору аренды не имеет значения, плата может быть уменьшена задним числом. Данный способ может быть использован и в перспективе, например, если будут опять вводиться «нерабочие дни».

Плата за аренду снижается с момента, когда наступила невозможность использования недвижимости по указанному в договоре назначению. Оформляется дополнительным соглашением к договору аренды [3]. Порядок снижения платы определяется по соглашению сторон с арендодателем. Важным является то, что арендодатель обязан снизить стоимость аренды, что подтверждается ВС РФ. Естественно, от таких изменений могут сильно пострадать арендодатели, которые, с одной стороны, могут вообще потерять арендаторов, а с другой, скидка, на которой настаивает арендатор, и вызвавшая разногласия, может быть ниже, чем расходы, связанные с ее оспариванием.

Наиболее сложным является вопрос, связанный с льготными кредитами на зарплату. Здесь, например, варьируется процент одобрения по кредитам от 10 до 65% в зависимости от региона. Программа займов действует с 1 июня до 1 ноября и даже предполагает возможность не возвращать кредит. Соответственно, на данный момент данная мера государственной поддержки доступна. Но нужно учитывать, что данные средства должны направляться именно на выплату заработных плат, хотя строго говоря, данные кредиты не являются целевыми в традиционном понимании, так как в нормативных актах они фигурируют в качестве кредитов на восстановление деятельности. Ограничения по кредиту связаны с деятельностью МСП по ОКВЭД из списка пострадавших отраслей, социально-ориентированных НКО. Кредитный договор содержит в себе две ставки: льготную и стандартную. То, по какой ставке будет осуществляться погашение кредита, зависит от ряда факторов. Фактически можно определить следующие шесть сценариев развития событий. Если в период с 1.06 по 1.12.2020 численность сотрудников компании сократилась более чем на 20% в сравнении с данными ПФР на 1 июня 2020 года, то кредит должен быть погашен по стандартной ставке. Если субъект предпринимательской деятельности (как организации, так и ИП) до 25 ноября текущего года попал под процедуру банкротства, либо приостановил предпринимательскую деятельность, то период погашения также начнется 1 декабря.

Если к 1 декабря численность сотрудников компании не опускалась ниже 80% от показателей, зафиксированных на 1 июня, наступает период наблюдения, который продлится до 1 апреля 2021-го, и производить оплату по кредиту в указанный период не требуется. Начисление процентов осуществляется по ставке 2% годовых. Но если в период наблюдения субъект не смог выдержать норматив 80% от штата, то ставка по кредиту станет стандартной. Если же норматив выдержан, то половина кредита и процентов по нему будет списана. График платежей в этот период Правительством в настоящее время не утвержден. Полное списание процентов получают лишь те субъекты, кто на 1.03.2021 сохранит более 90% сотрудников компании, а размер заработных плат не опустится ниже МРОТ. Кроме того, заемщик до 1 апреля не должен попасть под банкротство.

С одной стороны, данная мера содержит в себе явные элементы финансовой поддержки отраслей, однако фактически здесь явно прослеживается проблема снижения маневренности бизнеса, в том числе, посредством сокращения штата, реорганизации юридического лица, а в случае приостановки деятельности, либо наступления иных событий из ранее приведенного перечня, кредит необходимо будет погашать в полном объеме по стандартным ставкам. При этом нужно учитывать элементы субсидиарной ответственности собственников и топ-менеджмента. Ухудшить ситуацию может и то, что организации, имеющие налоговую отсрочку, могут столкнуться с необходимостью выплат одновременно [4].

Среди наиболее рискованных мер поддержки для субъектов предпринимательской деятельности можно выделить кредитные каникулы по займам и отсрочки по уплате налогов. В апреле именно эти меры были одними из первых, разработанных правительством. Их неоднозначность связана с тем, что они фактически сохраняют имеющиеся финансовые обязательства, которые просто были перенесены на будущие периоды, а в настоящее время они оборачиваются такими проблемами как:

- за кредитные каникулы заплатит сам заемщик. Ведь на период отсрочки банками начислялись проценты, общая сумма долга росла, а график погашения чаще всего составлялся не в пользу кредитополучателя;

- окончание периода налоговой отсрочки фактически удваивает сумму обязательств компании перед бюджетом. Налоги, которые не платились весной и летом, нужно отдавать — и при этом текущие обязательства тоже никто не отменял;

- объем выручки большинства бизнес-структур так и не вернулся на прежний уровень, а сейчас начинает снижаться. Тысячи предпринимателей, воспользовавшихся отсрочкой, оказались на грани банкротства.

Перспективами массового дефолта и кризиса неплатежей обеспокоен и Центробанк. Уже продлена часть введенных на фоне пандемии антикризисных мер, срок действия которых истекал 30 сентября. В частности, ЦБ рекомендовал кредитным организациям и микрофинансовым институтам продолжать реструктурировать кредиты предприятий малого и среднего бизнеса до 31 декабря 2020 г. и не назначать в период до 31 декабря 2020 г. пени и штрафы по ним.

Таким образом, предпринятые государством меры поддержки далеко не однозначны. Часть из них может негативно отразиться на предпринимательской деятельности участников таких мер. Более того, неисполнение определенных требований, таких как поддержка определенного уровня занятости, может привести и в одном, и в другом случае к банкротству субъекта МСП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 215-ФЗ «Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции» // СЗ РФ. 2020 г. № 30. Ст. 4741.

2. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» // СЗ РФ. 2020 г. № 24. Ст. 3740.

3. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций" // СЗ РФ. 2020 г. № 14 (часть I). Ст. 2028.

4. Чебанян С.Б., Козлова В.А. Налогообложение малого бизнеса // Правовое образование. Сборник научных статей. Под общей редакции Магомедова Б.М., Сизько И.А., Ростов-на-Дону, 2018. С. 390-393.

Козлова Валерия Александровна

кандидат экономических наук, доцент

(Филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России))

г. Ростов-на-Дону

e-mail: lera.konf@ya.ru

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЕ НАЛОГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблемы правового регулирования налогообложения давно вышли за пределы границ отдельных государств. Ключевые вопросы налоговой сферы, в том числе, уклонение от уплаты налогов, избежание двойного налогообложения и иные проблемы сложно решить путем применения национального законодательства.

Международная глобализация оказала сильнейшее влияние на развитие межстранового экономического сотрудничества, торговли, формирования новых корпораций. Сделав границы практически прозрачными для перемещения товаров, труда, и, конечно же, капитала, государства столкнулись и с проблемами «глобализации» налоговых проблем, которые невозможно решить самостоятельно. Для этого значительное внимание стало уделяться различным международным договорам, затрагивающим те или иные вопросы налогообложения. В этой связи

Налоговый кодекс Российской Федерации пережил несколько редакций статьи 7, носящей название «Международные договоры по вопросам налогообложения». Редакция 2018 года позволила актуализировать понятийный аппарат – в настоящее время применяется только понятие, представленное в названии ст. 7 НК РФ. Ранее помимо него использовались и иные термины, подразумевающие международные договоры, затрагивающие вопросы налогообложения.

В научной литературе представлены различные классификации международных договоров по вопросам налогообложения. Но стоит отметить, что в течение долгого времени в их структуре по количеству и значимости доминировали договоры об избежании двойного налогообложения. Действительно, в течение всего XX века в целях определенной гармонизации законодательства, а также для создания максимально благоприятных условий для ведения бизнеса государства стремились максимально быстро и эффективно ликвидировать проблему двойного налогообложения. Основным способом, на тот момент времени, являлось заключение соответствующего международного договора.

Однако под влиянием глобализационных процессов двойное налогообложение постепенно уходит на второй план, так как международный бизнес стал обнаруживать новые пути ухода от уплаты налогов, начиная от использования офшоров и вплоть до отдельных пробелов в национальном законодательстве конкретных стран. Как результат, усилия отдельных стран или даже их совместные действия региональными группами не дали нужного результата.

Усиление национальной правовой базы могло привести к оттоку капиталов за рубеж, где законодательство было не столь суровым к налогоплательщикам. В целях решения данной проблемы основной упор был сделан на формирование и реализацию предложений, сформулированных на глобальном уровне в рамках международных организаций. К настоящему моменту основным игроком в борьбе с уклонением от уплаты налогов стала Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). Важной является и попытка работы в рамках Основ Мирового налогового кодекса.

В любом случае, проблема имплементации заключается не только в непосредственной работе по направлению развития национального законодательства с учетом международных трендов, но и в понимании того, что считать имплементацией. Например, ряд авторов считают, что под имплементацией нужно понимать ратификацию различных международных договоров. Другие же авторы считают, что имплементация выражается в трансформации национального законодательства, позволяющей постоянно обновлять собственную правовую систему.

Но проблема Основ Мирового налогового кодекса – отсутствие аутентичного русского текста. Фактически, вся ответственность по вопросам соответствия смысла русской версии оригиналу будет лежать на переводчике. Нужно учесть, что при переводе норм Мирового Налогового кодекса можно и нужно адаптировать перевод к терминологии, содержащиеся в Налоговом кодексе Российской Федерации, таким образом подстраивая его под российскую

действительность. Однако, достаточно сложно обнаружить ту тонкую грань в отношении принципиальных моментов, в результате изменения которых, можно потерять весь смысл нормы на английском языке.

Более того, при переводе отдельных терминов, их трактовка в русском и английском тексте могут не совпадать достаточно сильно. Наиболее известным является пример перевода Устава ООН, где в русском тексте говорится о территориальной неприкосновенности, а английская терминология используют понятие территориальной целостности. Именно по этой причине в российской правовой доктрине используется такое словосочетание, как «территориальная целостность и неприкосновенность государства». Данный вопрос наиболее остро раскрывается в тех случаях, когда предполагается обмен международными нотами, посредством которых достигаются международные соглашения.

Третья проблема связана с особенностями мировоззрение российских юристов и западных юристов, которые чаще всего привыкли к юридическим документам, нормативным актам, которые достаточно сложны для восприятия. Подобной чертой обладают и Основы Мирового налогового кодекса, наполненного специфическими налоговыми терминами. Причем, при его составлении авторы исходили из принципа «экономии слов», который не используется в российском налоговом законодательстве. Это становится дополнительным препятствием не только в плане имплементации норм, но и даже в понимании положений, ведь представители российской правовой науки в сфере налогового законодательства привыкли к так называемому «изобилию излишних выражений» [1].

Для наглядности несоответствия можно обратиться к налоговому праву Великобритании, характерной проблемой которого является отсутствие внутренней структуры, а также структурной дифференциации налогового права, что создает определенные сложности с его изучением и иногда даже правоприменением.

Также нельзя не учитывать тот момент, что Мировой налоговый кодекс – это документ, не носящий официального характера. Не существует необходимости его обязательной имплементации, что, впрочем, можно сказать и о многих других международных актах. Например, план BEPS также не является юридически обязательным, носит рекомендательный характер. Также особенностью международной правосубъектности ОЭСР является мягкий характер ее правовой базы, который не позволяет вводить столь модные сейчас санкции. Но не стоит недооценивать важность данного документа, так как в случае отказа внесения изменений в национальное законодательство ОЭСР ограничивает взаимодействие с такими странами и может применит еще ряд косвенных мер, вплоть до политического давления. Как показывает практика последних лет, страны, которые на первый взгляд не заинтересованы в имплементации плана BEPS, осуществили соответствующие мероприятия и включились, в том числе, в международный обмен налоговой информацией.

Отношения России и ОЭСР по вопросам имплементации норм международного налогового права имеют долгую историю. Практически сразу после распада СССР начался переговорный процесс и активное взаимодействие. Например, первые соглашения были подписаны еще в 1992 году. Очередная

активная фаза началась в 2009 году, когда начались переговоры о вступлении России в ОЭСР, в рамках которых было подтверждено соответствие требованиям международной организации национального законодательства.

Один из самых сложных вопросов, связанный с трансфертным ценообразованием, был решен путем совершенствования правовой базы - были внесены изменения в раздел V.1 НК РФ. Все правки находятся в тесной взаимосвязи с подходами, заложенными в соответствующем Руководстве ОЭСР, которые широко используются в работе ведущих зарубежных налоговых администраций. В 2015 г. в НК РФ были внесены уточнения, касающиеся порядка применения соглашений об избежании двойного налогообложения. В частности, было введено понятие «лица, имеющего фактическое право на доход» [2].

Развитие национального налогового законодательства сегодня стоит развивать с учетом опыта не только международных структур, таких как ООН, ОЭСР и других, но и с учетом опыта интеграционных группировок, в частности, ЕАЭС. К сожалению, страны ЕАЭС испытывают существенные потери от легального и нелегального вывоза капитала, что требует усиления совместной работы по вопросам оптимизации налогообложения и гармонизации налоговых систем. Тем более, что соответствующий опыт, например, по вопросам таможенного законодательства у стран имеется. Считаем важным развивать опыт низконалоговых зон [3] на территории государства и имплементировать имеющийся опыт других стран, а также рекомендации ОЭСР по данным вопросам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожан И.В. Технологии оценки организациями налоговых рисков и пути их снижения // Наука и технологии: стратегия развития. Сборник научных статей. Под общей редакцией В.А. Козловой, И.В. Кожан. Ростов-на-Дону, 2019. С. 51
2. Козлова В.А. К вопросу о проблеме реализации концепции фактического получателя дохода в практике налогоплательщиков в Российской Федерации // Национальное гуманитарное знание. Сборник научных трудов. центр научных исследований «Интерплэй». Ростов-на-Дону, 2019. С. 116.
3. Кожан И.В. К вопросу о правовом регулировании специальных административных районов в Российской Федерации // Национальное гуманитарное знание. Сборник научных трудов. Центр научных исследований «Интерплэй». Ростов-на-Дону, 2019. С. 108.

Кузьменко Элла Юрьевна

доктор юридических наук, доцент

(Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина)

г. Тамбов

e-mail: ella.yurevna1010@mail.ru

НЕЗАКОННАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КРИМИНОЛОГО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В современных условиях развития государства и общества отмечается тенденция увеличения количества преступлений, совершаемых в финансовой

сфере. К условиям, способствующим данной тенденции можно отнести экономический кризис, увеличивающийся уровень безработицы, а также иные социальные и политические проблемы, существующие в современном обществе.

Одним из наиболее серьезных и причиняющих вред государству и обществу преступлений в сфере финансов является незаконная банковская деятельность, представляющая собой «осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере»[1].

Финансовые правоотношения подлежат, наряду с гражданско-правовой и административно-правовой, уголовно-правовой охране, однако в данной сфере возникают определенные сложности, поскольку при квалификации незаконной банковской деятельности правоохранительные органы и правоприменитель зачастую ошибочно квалифицируют данное преступление как незаконное предпринимательство, либо наоборот, путая и подменяя данные понятия одно другим.

Так, например, кассационным определением Московского городского суда от 13.05.13 № 22-2539 действия бухгалтера компании, через которую происходило обналичивание денежных средств, были переквалифицированы со ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность) на ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство), указав при этом, что «подсудимую необходимо привлечь к ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, организованной группой, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере»[2].

Однако, на сегодняшний день государстве решило усилить борьбу с незаконным обналичиванием денежных средств и ужесточить ответственность за совершение данного деяния, вменяя в вину обвиняемым в совершении данных противоправных действий ст. 172 УК РФ и привлекать их к ответственности за незаконную банковскую деятельность.

Так, «судом первой инстанции в отношении подсудимых был вынесен обвинительный приговор по ст. 171 УК РФ за незаконное обналичивание денежных средств. Однако Постановлением Президиума Московского городского суда от 20.02.15 № 44у-14/15 данное деяние было переквалифицировано на ст. 172 УК РФ – незаконная банковская деятельность. При этом, суд указал, что члены организованной группы привлекали и учитывали денежные средства физических и юридических лиц. Д.А. и иные участники организованной группы фактически создали структуру, в которой выполняли все те функции, которые выполняют сотрудники кредитных организаций при открытии и ведении счетов юридических лиц - достигали соглашения с клиентами, сообщали им реквизиты счетов подконтрольных фиктивных организаций, открытых в кредитных учреждениях, куда в дальнейшем переводились денежные средства. За эти действия осужденные получали комиссионное вознаграждение.

Осуществляя преступную деятельность, участники организованной группы использовали «нелегальный банк», который не регистрировали в установленном

законом порядке, лицензию на осуществление банковских операций они не получали» [3].

Таким образом, виновными фактически осуществлялась незаконная банковская деятельность.

Если говорить о мотивации виновных к совершению именно такой противоправной деятельности, то одной из основных причин будет выступать корыстный мотив – то есть желание быстрой наживы – разбогатеть в довольно короткие сроки путем незаконных действий с нарушением правил осуществления финансовой деятельности. Причем доходы от незаконной финансовой деятельности в несколько десятков раз превышают доходы от легального осуществления деятельности в данной сфере.

Кроме того осуществление незаконной банковской деятельности очень тесно сопряжено с такими противоправными деяниями, как уклонение от уплаты налогов, незаконный вывод денежных средств и капитала за рубеж, легализация и отмывание денежных средств, полученных преступным путем, а также развитие механизмов, которые обеспечивают функционирование «черного рынка» и коррупции.

Данные противоправные деяния создают угрозу экономической безопасности, а также правам и законным интересам граждан, общества и государства.

По оценкам экспертов центрального банка России незаконная банковская деятельность, выражающаяся в операциях по незаконному переводу безналичных денежных средств в наличную форму, принимает угрожающие масштабы, поскольку исчисляется десятками миллиардов рублей [4].

Борьба с данными преступлениями должна стать приоритетной сферой деятельности правоохранительных органов и приоритетным направлением российской уголовной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

2. Воронков Е.В. Санкции и незаконная банковская деятельность [Текст] / Е.В. Воронков // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2019. – С. 115-117.

3. Шилов Д.О., Меркулова В.В., Голуб М.Г. Незаконная банковская деятельность: некоторые проблемы толкования и применения ст. 172 УК РФ [Текст] / Д.О. Шилов, В.В. Меркулова, М.Г. Голуб // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: Материалы Международной научной конференции. – Красноярск, 2020. – С. 182-185.

4. Скорик Е.Н., Бециев А.У. Незаконная банковская деятельность: основные направления борьбы [Текст] / Е.Н. Скорик, А.У. Бециев // Общество, экономика и право в процессе развития: Сборник научных статей по материалам XI

Луконина Юлия Андреевна
старший юрист АИС «Компания «ЗНАКОВ»
преподаватель кафедры гражданского процессуального права
(Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия)
преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса
(Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
г. Казань
e-mail: julia-lukonina@mail.ru.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Развитие информационных технологий как одной из ключевых предпосылок модернизации явлений социальной действительности оказывает возрастающее влияние на современное общество. Ведущая роль в этом процессе принадлежит праву, которое, как предполагается, должно своевременно отражать потребности технического прогресса.

Дефиниция «информационных технологий» содержится в федеральном законодательстве [1]. Классификация имеет доктринальное закрепление. Так, по степени охвата задач управления выделяют такие виды информационных технологий, как обработка данных, управление, автоматизация офисной деятельности, поддержка принятия решения и экспертные системы [2].

Одним из самых наиболее распространенных видов информационных технологий принято считать информационные технологии автоматизированного офиса, под которыми понимается организация коммуникационных процессов на базе компьютерных сетей. Данные технологии являются неотъемлемой частью гражданского и арбитражного судопроизводства (система электронной подачи документов, электронные документы как надлежащее доказательство по делу, видеоконференц-связь и др.), трудового процесса (трудовой договор, подписанный усиленной квалифицированной подписью), исполнительного производства (элементы электронного документооборота). Соответственно, инновации затронули практически все сферы правовых отношений, и, как следствие, налоговые правоотношения не стали исключением.

Так, несколько лет назад Федеральная налоговая служба России ввела в эксплуатацию программное обеспечение по заполнению налоговой декларации 3-НДФЛ [3]. Как следствие, были внесены изменения в налоговое законодательство, в соответствии с которыми у граждан появилась возможность подачи налоговых деклараций в электронной форме [4]. Для этого пользователю необходимо зайти в свой «Личный кабинет налогоплательщика», находящийся на сайте ФНС России, выбрать вкладку «3-НДФЛ» и строку «Заполнить/отправить декларацию онлайн». При этом необходимо обратить внимание на то, что воспользоваться

достижениями технического прогресса могут только те граждане, кто имеет сертификат ключа проверки электронной подписи.

Следовательно, совершенствование налоговой системы происходит за счет внедрения современных информационных технологий, что позволяет использовать все возможности налогового контроля, упростив и модернизировав процедуру его осуществления.

Аналогичные новации нашли свое отражение в законодательстве зарубежных стран. Сегодня электронная система подачи налоговых деклараций успешно функционирует в таких странах, как Австралия, Канада, Италия, Великобритания, Чили, Ирландия, Германия, Франция, Нидерланды, Финляндия, Швеция, Швейцария, Норвегия, Сингапур, Бразилия, Мексика, Индия, Китай, Таиланд, Малайзия, Турция, Нигерия и Кения [5].

Это свидетельствует о том, что во всем мире налоговые органы используют элементы электронного налогового администрирования. Как следствие, тенденция к расширению сферы применения технических средств в налоговых правоотношениях кажется, на наш взгляд, достаточно целесообразной, поскольку взаимодействие с налогоплательщиками посредством современных технологий не только позволяет ускорить процесс управления налоговой системой, повысить эффективность контроля, но и упрощает для граждан процедуру реализации налоговых прав наряду с исполнением налоговых обязанностей.

Между тем следует отметить, что электронные инновации продолжают действовать наравне с бумажным документооборотом, что существенно затрудняет процесс модернизации. Так, например, в России всё ещё существует система представления налоговых деклараций лично или в виде почтового отправления [6].

В нашем понимании, внедрение информационных технологий должно осуществляться с учетом уже имеющихся форм информационного обеспечения. Но в то же время задача законодателя – создать все необходимые условия для использования прогрессивных технологий, а возможность выбора между электронными и бумажными носителями делает эту задачу невыполнимой. В России причина технической стагнации сводится к низкому уровню условий для использования информационных технологий: есть граждане, не имеющие компьютеров, а также есть те, кто не обладает навыками работы с ними. Однако в регионах России продолжают работать многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг, через которые граждане могут подать налоговые декларации в надлежащей форме. В связи с этим возникает вопрос о необходимости внесения изменений в ст. 80 Налогового кодекса РФ, в силу которых следует исключить из закона возможность представления налоговых деклараций лично или в виде почтовых отправлений, поскольку указанные способы устарели и уже не соответствуют реалиям современной действительности.

Таким образом, информационные технологии становятся ключевым триггером создания наиболее эффективной системы налогообложения. Автоматизация процесса исчисления налогов и сборов, контроля над их перечислением позволяет модернизировать налоговые правоотношения, тем самым упрощая процедуру реализации налоговых прав и исполнения налоговых

обязанностей. При этом первостепенной остается задача правовой регламентации, поскольку без нормативно-правового закрепления информационные технологии остаются лишь фикцией, не соответствующей требованиям российского законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
2. Громов Ю.Ю. Информационные технологии: учебник / Ю. Ю. Громов, И. В. Дидрих, О.Г. Иванова, М. А. Ивановский, В.Г. Однолько. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. – С. 56.
3. О вводе в эксплуатацию программного обеспечения по заполнению в режиме онлайн и представлению налоговой декларации по форме 3-НДФЛ, подписанной квалифицированной электронной подписью налогоплательщика, в интерактивном сервисе «Личный кабинет налогоплательщика для физических лиц»: приказ ФНС России от 16.12.2013 г., № ММВ-7-6/595 [Электронный ресурс]. – СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2020).
4. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 04.11.2014 г., № 347-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 45. – Ст. 6157.
5. Oloaye Clement Olatunji, Kehinde Busayo Ayodele Impact Of Information Technology On Tax Administration. – USA: Global Journals Inc, 2017. – С. 2.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

Разгильдиева Маргарита Бяшировна

доктор юридических наук, доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)
г. Саратов
e-mail: razgildieva@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВВЕДЕНИЕМ КАЗНАЧЕЙСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТОВ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ¹

Обращение к вопросу о тенденциях правового регулирования бюджетных отношений обусловлено значительным числом изменений, которые произошли за последнее время в бюджетной сфере: более 20 законов о внесении изменений в текст Бюджетного кодекса РФ было принято за период 2019-2020 годов. Одно из наиболее примечательных в этом ряду изменений – корректировка бюджетного регулирования в связи с введением казначейского обслуживания исполнения

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16102.

бюджетов бюджетной системы. Примечательно оно, прежде всего, оформлением института управления остатком средств на едином бюджетном счете, механизм реализации которого основан на внедрении в бюджетный процесс цифровых технологий.

Одна из базовых задач, определенных документами стратегического планирования в Российской Федерации, связывается с повышением эффективности и качества государственного управления экономикой, в том числе за счет снижения издержек и неэффективных бюджетных расходов, борьбы с нецелевым использованием и хищением государственных средств и повышения эффективности управления принадлежащими государству активами [1]. Решение этой задачи в рамках формирования информационного общества и цифровой экономики естественным образом предполагает внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, что выступает в настоящее время федеральным проектом «Цифровое государственное управление» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [2].

Сфера бюджетных отношений является объектом цифровизации достаточно давно. Электронный формат учета и совершения операций с бюджетными средствами развивается с момента формирования Федерального казначейства и его территориальных органов (далее – Казначейство) и приняло устойчивый характер с 2009 г. – начала формирования информационной системы в сфере государственного управления [3]. Внедрение информационных технологий, как ожидается, должно привести к большей степени прозрачности и открытости бюджетных отношений [4]. Но не только. Информационные технологии способны обеспечить эффективность аналитических процессов и учета денежных потоков. Как отмечено в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, применение в органах государственной власти новых технологий должно обеспечивать повышение качества государственного управления и мониторинга во всех сферах общественной жизни [5]. В полной мере можно согласиться с утверждением, что цифровизацию можно рассматривать, с одной стороны, как информационно-электронный формат отражения данных о явлениях и действиях, т.е. как электронный способ отражения действительности, наряду с бумажным способом фиксации информации. С другой стороны, более сложный механизм цифровизации предполагает, что информационный продукт не только фиксирует данные о действительности, но и оказывает на нее обратное воздействие в виде возникновения у субъектов правоотношения прав или обязанностей исходя из решения, принятого программой (электронным сервисом) на основе учета изначально определенных факторов [6]. В сфере бюджетных отношений зон такого применения информационных технологий достаточно много: это вопросы экономического прогнозирования в рамках бюджетного планирования доходов и расходов бюджетов бюджетной системы, проблема отсутствия единой методологии планирования, прогнозирования, контроля и аудита эффективности реализации государственных программ [7], [8], [9] и других параметров бюджетной деятельности. Однако второй тип цифровизации, направленный на решение подобных проблем, как представляется, должен иметь юридическую проработку не

только в аспекте достаточности аккумулируемой информации и ее сохранности, но и с позиции обеспечения должного уровня защиты прав и интересов иных субъектов складывающихся в результате функционирования таких процессов правоотношений.

Обращение к этому вопросу актуализируется в связи с переходом с 1 января 2021 года от кассового обслуживания исполнения бюджетов бюджетной системы к казначейскому обслуживанию [10]. В данном случае речь идет не о терминологическом уточнении названия функции Казначейства, а об изменении функционала данной структуры, существенно отличающего его от иных органов государственной власти: Казначейство приобретает функции оператора платежной системы как элемента национальной платежной системы.

Данные изменения не спонтанны, они были предусмотрены Концепцией реформирования системы бюджетных платежей, утвержденной Министерством финансов России в 2013 году [11]. Основная цель реализации данной Концепции заключалась во внедрении правового оформления расширения возможности управления свободными остатками денежных средств бюджетов бюджетной системы, что требовало ряда организационных мероприятий, связанных с функционированием единого банковского счета Казначейства, а также наделения Казначейства соответствующими полномочиями. В научной литературе отмечалось, что осуществление Казначейством операций по учету поступающих доходов и осуществлению расходов с единых счетов бюджетов бюджетной системы соответствует функциям оператора платежной системы [12]. Нормативное оформление этого функционала и было осуществлено введением в пространство бюджетно-правового регулирования института казначейского обслуживания и системы казначейских платежей (главы 24.2 и 24.3 БК РФ).

По данным Казначейства интеграция системы казначейских платежей с платежными системами позволит внедрять цифровые платежные технологии при осуществлении государственных и муниципальных платежей уже с 2021 года, в том числе расширить расчетно-платежные сервисы за счет проведения операций на лицевых и казначейских счетах с использованием мобильных приложений [13].

Одновременно с этими изменениями в структуре Бюджетного кодекса РФ появляется институт управления остатком средств на счетах бюджетов. Возможность размещения бюджетных средств на депозитах была предусмотрена в Кодексе и ранее. Статья 236 БК РФ определяла условия размещения бюджетных средств на депозитах или их передачу в доверительное управление как исключение из общего запрета на размещение бюджетных средств на банковских депозитах. Позднее Федеральным законом от 07.05.2013 г. № 104-ФЗ в содержание статей 94, 95, 96 БК РФ было введено понятие «операции по управлению остатками средств». В настоящее время «операции по управлению остатками средств» превращается в полноценный правовой институт, регламентируемый ст. 236.1 БК РФ (вступает в силу с 01.01.2021).

Несколько типов операций допускается в рамках такого управления: привлечение на единый счет бюджета остатков средств; размещение этих средств на депозитах и их возврат (ст. 236 БК РФ); предоставление бюджетных кредитов на пополнение остатка средств на едином счете бюджета и их возврат (ст. 93.6 БК

РФ); другие операции по управлению остатками средств на едином счете бюджета (допускаются в порядке, установленном Правительством РФ для средств федерального бюджета; правительством субъекта РФ для средств регионального бюджета).

Новый тип операции, возникающий в практике бюджетной деятельности, - операции по привлечению средств на единый счет бюджета (и их возврат). Так, на единый счет федерального бюджета привлекаются временно свободные, не востребовавшие в ближайшей перспективе средства с единых счетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, средства, поступающие во временное распоряжение получателей средств федерального бюджета, федеральных бюджетных и автономных учреждений, юридических лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса, средства которых находятся на счетах Казначейства. Допускается совершение аналогичных операций по привлечению денежных средств на единый счет бюджета субъекта РФ и на единый счет бюджета муниципального образования.

Совершение подобных операций направлено на повышение эффективности использования ликвидности бюджетных счетов для получения дополнительных доходов. Их совершение предполагает ежедневный мониторинг остатка ресурсов на банковском счете Казначейства и денежных обязательств организаций, лицевые счета которым открыты в Казначействе. Как отмечалось в Концепции реформирования системы бюджетных платежей [11] такой мониторинг будет осуществляться на основе платежного календаря, базирующегося на кассовых планах исполнения бюджетов бюджетной системы. Это позволит определять суммы избыточной ликвидности и направлять ее на получение дополнительных доходов через пополнение остатка средств на едином счете конкретного бюджета. Вполне очевидно, что реализация этого инструмента невозможна в ручном режиме и потребует соответствующего программного ресурса. Таким образом, цифровизация обеспечивает не только аналитические задачи прогнозного характера в части использования бюджетных средств, но и в части получения дополнительных доходов.

Но в этой связи возникает и другая проблема, которая пока не получила освещения в правовом поле – проблема гарантированности исполнения денежных обязательств субъектов, чьи средства были привлечены на единый счет. Отмечается, что в порядке эксперимента выплаты на исполнение денежных обязательств получателей средств федерального бюджета осуществляются в срок, не превышающий 5 дней с момента представления платежных документов [14]. Представляется необходимым сформировать более четкие правовые механизмы защиты интересов получателей бюджетных средств в случаях невозможности исполнения ими своих денежных обязательств по техническим причинам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" (п. 62).
2. Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации", утв. президиумом Совета при Президенте РФ

по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7.

3. Постановление Правительства РФ от 25.12.2009 № 1088 «О государственной автоматизированной системе «Управление»».

4. Веремеева О.В. Совершенствование бюджетного законодательства в условиях построения цифровой экономики в Российской Федерации // Финансовое право. 2019. № 1.

5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы".

6. Омелихина Н.В. Цифровизация бюджетной сферы как предмет правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 8.

7. Понкратов В.В. Бюджетное планирование и стратегическое прогнозирование в России: повышение качества и координации. В сб.: Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований: материалы VII Международной научно-практической конференции. Уфа: РИК УГАТУ, 2018. С. 58-60.

8. Ражапова А.М. Проблемы прогнозирования доходов федерального бюджета. В сб.: Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований: материалы VII Международной научно-практической конференции. Уфа: РИК УГАТУ, 2018. С. 62-65.

9. Степанова Д.Ю., Терехина С.А. Осуществление аудита (контроля) исполнения и эффективности реализации государственных программ. В сб.: Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований: материалы VII Международной научно-практической конференции. Уфа: РИК УГАТУ, 2018. С. 153-158.

10. Федеральный закон от 27.12.2019 № 479-ФЗ (ред. от 15.10.2020) "О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части казначейского обслуживания и системы казначейских платежей".

11. Приказ Минфина России от 29.08.2013 № 227 "Об утверждении Концепции реформирования системы бюджетных платежей на период до 2017 года".

12. Матьянова (Губенко) Е.С. Платежная система Федерального казначейства: основные направления развития // Финансовое право. 2018. № 3.

13. "Стратегическая карта Казначейства России на 2020 - 2024 годы (Портфель проектов Федерального казначейства на 2020 - 2024 годы)".

14. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов (пункт 3.2).

Рыбинцева Елена Владимировна

кандидат юридических наук
преподаватель кафедры финансового права
(Южный федеральный университет)

г. Ростов-на-Дону

e-mail: Lena_R2005@list.ru

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В РФ

Пандемия новой коронавирусной инфекции внесла коррективы в жизнь каждого гражданина Российской Федерации. Весной 2020 года в условиях нахождения в режиме самоизоляции многие граждане не смогли осуществить свои права привычным способом.

Социальная сфера – сфера, в которой находятся наиболее уязвимые категории граждан. Своевременная защита их прав, финансовая поддержка со стороны государства напрямую влияет на качество жизни людей.

Последние несколько лет граждане привыкли за решением большого перечня вопросов в социальной сфере обращаться в многофункциональные центры, а также непосредственно в сами государственные органы, такие как органы социальной защиты, органы занятости, пенсионный фонд и т.д. Однако в условиях режима самоизоляции это было сделать невозможно. При этом государство должно было продолжить обеспечивать социальные права граждан и в таких условиях.

Ряд граждан, у которых до введения ограничений, были оформлены все льготы, пособия, субсидии и выплаты не испытали трудностей, однако многие в данный период лишились по объективным причинам работы, потеряли доход, в семьях появился ребенок. Данные граждане также имели право претендовать на социальную поддержку, однако у них возникали сложности из-за введенного запрета на передвижение по улицам городам, а также между субъектами федерации. Люди стояли перед выбором: посещать непосредственно органы власти, осваивать новые технологии или ждать пока закончится режим самоизоляции?

Очевидно, что с развитием общества, в современных условиях жизни важно внедрять дистанционный формат предоставления максимально возможного спектра услуг. Однако это невозможно без повышения уровня информационной грамотности населения, а также освоения им новых технологий. В тоже время не все права граждан могут быть обеспечены исключительно дистанционным способом.

Рассмотрим обеспечение некоторых социальных прав в обозначенный период. Так, право граждан на образование государство обеспечило тем, что перевело обучение в дистанционный режим. Школьники и студенты получали, а некоторые до сих пор получают, знания, находясь дома, с техническим устройством, позволяющим выйти на связь со своим местом учебы. Несомненно, данный выход имел наибольшую эффективность в сложившейся ситуации, поскольку учебный процесс не был остановлен, занятия продолжались, и школьники и студенты смогли успешно закончить учебный год. Однако нельзя не обратить внимание и на проблемные стороны вопроса. Так, не все школьники в настоящее время имеют доступ к компьютеру, ноутбуку, планшету, который может быть в их распоряжении для обучения. Часть семей имеют более одного ребенка-школьника или студента, а техническое устройство в распоряжении семьи единственное. Такие лица выпадали из образовательного процесса. Кроме того, часть ВУЗов имеют специфическую творческую направленность, ввиду чего

дистанционное обучение студентов таким профессиям, как артист, музыкант, танцор, представляется малоэффективным. Более того, финансовая нагрузка на студентов, обучающихся на платной основе не уменьшилась, хотя качество получаемого ими образования снизилось. Также необходимо отметить увеличившуюся нагрузку на учителей и преподавателей в период дистанционного обучения, рабочие часы которых увеличились из-за необходимости постоянной проверки выполненных самостоятельно студентами и школьниками заданий.

Еще одним социальным правом граждан является их право на охрану здоровья, в том числе на бесплатной основе. В период пандемии большая часть государственных и муниципальных лечебных учреждений были перепрофилированы под «ковидные» госпитали. Прием граждан с другими заболеваниями не осуществлялся. Зачастую единственной возможностью получить медицинскую помощь было обращение в коммерческие клиники, что требовало финансовых затрат. Кроме того, отмечалось, что из-за пандемии больные онкологическими заболеваниями не могли быть госпитализированы, получить надлежащее лечение. В этой связи представляется необходимым, на законодательном уровне закрепить гарантированное количество многопрофильных больниц на каждой территориальной единице, которые будут продолжать прием больных, в том числе в условиях пандемии. Целесообразно также развивать надомное обслуживание больных серьезными заболеваниями и внедрять возможности телемедицинских технологий в тех случаях, когда такое оказание помощи возможно. Не стоит подвергать риску онкобольных граждан, которые хотят проконсультироваться по какому-либо вопросу с лечащим врачом, у них должна быть возможность связаться с врачом одним из современных дистанционных способов и получить консультацию удаленно. Кроме того, необходимо законодательно проработать и закрепить возможность дистанционной продажи рецептурных лекарств. Контроль за осуществлением такой продажи и доставки обозначенных лекарств должен быть повышенным и обеспечивать целевую, адресную доставку больным гражданам [4]. Данные меры помогут оградить людей со слабым здоровьем от контактов с потенциально больными гражданами.

Наконец, рассмотрим право на социальное обеспечение. В условиях пандемии государство старалось обеспечить финансовыми ресурсами всех граждан. Так, в апреле, мае и июне были введены меры поддержки для семей с детьми. Лицам, имеющим ребенка до трех лет, выплачивалось 5000 рублей ежемесячно, лицам, имеющим детей от 3 до 16 лет в мае и июне выплатили по 10000 рублей на каждого ребенка. При этом данная мера поддержки не зависела от финансового положения семья и наличия статуса малоимущих.

Тем не менее, в период самоизоляции многие граждане лишились работы. Портал «Госуслуги» предусматривает возможность постановки на учет в качестве безработного дистанционно, однако дальнейшая процедура работы вызывает вопросы. Граждане могли получать пособия, которые были государством существенно повышены, как безработные только выполняя условия, предписанные законом. В данном случае вопрос вызывает такое условие, как являться на собеседование к потенциальным работодателям, если орган занятости предлагает

вакансию. Стоит отметить, что в период самоизоляции выполнить такое условие было сложно и опасно для здоровья. Именно поэтому необходимо внести изменения в законодательство и предоставить возможность работодателю и соискателю проходить такие собеседования в дистанционном формате, с помощью специальных программ аудио- и видеосвязи.

Таким образом, новые условия жизнедеятельности в условиях самоизоляции выявили многочисленные проблемы в законодательном регулировании социальных прав человека. Государство и общество должны адаптироваться к новым реалиям и в кратчайшие сроки внести соответствующие изменения в законодательство, которые помогут избежать тех сложностей с реализацией права на образование, на охрану здоровья, на социальное обеспечение и защиты от безработицы, которые возникли в 2020 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.

3. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.

4. Ключевская Н. Защита прав человека в период пандемии: повышенная стипендия, отмена штрафов за нарушение самоизоляции, дистанционная продажа рецептурных лекарств и другие предложения СПЧ // Электронный доступ: <https://www.garant.ru/article/1400284/> (дата обращения 25.09.2020)

Садчиков Михаил Николаевич

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой
(Саратовская государственная юридическая академия)
г. Саратов
e-mail: taxprofy@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЛОГОВО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЛОГОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Правовая политика в сфере налогообложения является частью налоговой культуры государства. Одним из признаков налогового суверенитета является правовая форма его реализации. Принцип законности налогообложения обуславливает правовую форму реализации налогового суверенитета. Вне права взимание платежей, имеющих признаки налогов, влечет незаконность налогообложения, а также нарушает истоки налогового суверенитета

демократического государства. Таким образом, право является неотъемлемым условием реализации налогового суверенитета. Роль государства в данной сфере заключается в проведении эффективной налогово-правовой политики.

Ярким примером данного тезиса являются действия Российского государства, направленные на изменение международных договоров об избежании двойного налогообложения в той части, в которой такие договоры создают условия для злоупотребления правом и уклонению от налогообложения.

Президент России в рамках обращения к нации 23 марта 2020 года дал поручение Правительству РФ организовать работу по пересмотру действующих международных договоров в части увеличения налогообложения выплачиваемых из России дивидендов до 15 процентов. В.В. Путин предложил «начать с тех стран, через которые проходят значительные ресурсы российского происхождения, что является наиболее чувствительным для нашей страны» [4]. Министерство финансов России сообщило о подписании 08 сентября 2020 года соответствующего протокола с Республикой Кипр [5] и 01 октября 2020 года с Мальтой [5]. Информационное агентство Росбизнесконсалтинг, ссылаясь на статистику Центрального Банка, отмечает, что в 2018 году отток инвестиций из России в Кипр составил 10,3 миллиардов долларов США [3].

Вывод капитала из России, среди прочих негативных последствий, сопряжен с не поступлением в Российский бюджет налогов, в случаях, когда такой вывод осуществляется с использованием международных соглашений об избежании многократного налогообложения. Как правило, соглашения об избежании двойного налогообложения предусматривают налоговую ставку по налогу на доход от источника в отношении дивидендов 10% или 5% [6]. Владимир Гидирим достаточно четко ставит проблему: «Инвестор, резидент высоконалоговой страны, занимаясь комплексным международным налоговым планированием, преследует двоякую цель: сократить налоги у источника в странах инвестирования и налог на доходы в стране своего резидентства, т. е. там, где доход получен. Последнее представляет собой комплекс действий по перенаправлению дохода (*diversion of income*) из стран, где прибыль зарабатывается, в третьи страны, промежуточные, для накопления прибыли до ее распределения в страну нахождения инвестора. Третьими странами могут быть офшорные юрисдикции и страны с благоприятным холдинговым режимом. Страна резидентства инвестора, не желающая мириться с такой ситуацией, заинтересована в законодательстве, ограничивающем подобную практику» [9].

Государство, реализуя свой налоговый суверенитет, применяет различные инструменты для противодействия подобным практикам. К таковым практикам можно отнести системный подход судебной власти в рассмотрении дел, связанных с применением правил о налогообложении дивидендов. Системный подход формирует правовую позицию, которая выражает волю государства на запрет использования положений международных соглашений для уклонения от уплаты налогов. Одним из обстоятельств, подлежащих установлению по такого рода делам, является выявление лица имеющего фактическое право на доход. Подробный научный анализ формирования судебной практики приведен в

монографии «Фактическое право на доход в налоговом праве: комментарий законодательства и судебной практики» А.В. Демина и А.В. Николаева [2].

Однако базовыми инструментами противодействия незаконной минимизации налогообложения дивидендного дохода является национальное законодательство и международные договоры. Применительно к дивидендным выплатам от источников в Российской Федерации к таким инструментам можно отнести положения статьи 54.1 Налогового кодекса РФ [8] и статьи 8 Многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения [7]. Закрепление в нормах позитивного права соответствующих положений безусловно делает регулирование налоговых отношений более транспарантным и понятным для налогоплательщиков.

Однако рассмотрение приведенных мер налоговой политики будет неполным, если не обратить внимание на действия Российского государства, направленные на создание благоприятной налоговой среды для международных групп компаний в части налогообложения дивидендного потока. Так, в соответствии с пунктом 1.2. пункта 3 статьи 284 Налогового кодекса РФ налоговая ставка 5% применяется к доходам, полученным иностранными лицами в виде дивидендов по акциям (долям) международных холдинговых компаний, которые являются публичными компаниями на день принятия решения такой компании о выплате дивидендов. Кроме того, Министерство финансов разработало законопроект, согласно которому льготная ставка применяется также к компаниям, не обладающим статусом публичных компаний. Очевидно, что такая российская альтернатива иностранным низконалоговым юрисдикциям отвечает интересам Российского государства. Однако представляется, что без реализации концепций «основной цели» и «лица, имеющего фактическое право на доход» применение указанных положений может привести к нарушению таких принципов налогообложения как налогообложение бенефициара государственных услуг и равенства (с позиции публичной справедливости применительно к Российской Федерации) [1].

Целью приведенного обзора является обращение внимания научного сообщества, а также лиц, непосредственно участвующих в реализации налоговой политики, на необходимость обеспечения основных начал налогового законодательства независимо от меняющихся внешних условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винницкий Д.В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2017. 463 с.
2. Демин А.В., Николаев А.В. Фактическое право на доход в налоговом праве: комментарий законодательства и судебной практики // СПС КонсультантПлюс. 2018.
3. Интернет версия Ежедневной деловой газеты РБК <https://www.rbc.ru/finances/24/05/2019/5ce65c1b9a79477e01ba658c> (дата обращения 01.10.2020)

4. Интернет сайт Международного информационного агентства «Россия сегодня» <https://ria.ru/20200325/1569140863.html> (дата обращения 01.10.2020).

5. Интернет сайт Министерства финансов России https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37175# (дата обращения 01.10.2020).

6. Конвенция между Правительством РФ и Правительством Королевства Бельгии от 16 июня 1995 года «Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество». Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 18 декабря 1996 № 157-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 34. Ст. 3434; Конвенция между Правительством РФ и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 15 февраля 1994 года «Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и прирост стоимости имущества» (вместе с обменом нотами от 15 февраля 1994 «Между чрезвычайным и полномочным послом Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Российской Федерации и заместителем министра иностранных дел Российской Федерации»). Ратифицированы Федеральным законом от 19 марта 1997 № 65-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 27. Ст. 3188.

7. Многосторонняя Конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (ратифицирована Федеральным законом от 01.05.2019 № 79-ФЗ «О ратификации многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения» // СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2203.

8. Налоговый кодекс РФ. Часть первая (с изм. и доп. на 20 июля 2020 года №219-ФЗ) // СЗ РФ. 1998. №31. Ст.3824; СЗ РФ; 2020. №30. Ст.4745;

9. Основы международного корпоративного налогообложения / В. А. Гидирим — «Автор», 2016. С.554

Черникова Елена Вадимовна

доктор юридических наук
кандидат экономических наук, профессор
заведующая кафедрой правового регулирования экономики и финансов,
арбитр Арбитражного Центра при РСПП
судья в отставке
(Институт государственной службы и управления Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ)
г. Москва
e-mail: ev.chernikova@igsu.ru

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ В ЧЕШСКОЙ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Стройная теория права оказывает свое воздействие на формирование законодательства, а последнее – на практику правоприменения [1]. Потребность в

разработке теоретических проблем финансового права дополнительно обусловлена обстоятельствами стремительного внедрения цифровых технологий, возникновения новых финансовых явлений. «Цифровая валюта», «криптовалюта», «цифровой рубль», «виртуальная валюта», «электронные деньги». Профессор М.В. Карасева справедливо заметила, что научное исследование категорий науки финансового права с точки зрения их системности, обоснованности и т.д. никогда не проводилось [2]. В этой связи, позволю себе обратить Ваше внимание на последние теоретические разработки чешской финансово-правовой теории. Коллективом кафедры финансового права и финансовой науки Карлова Университета в Праге под руководством профессора Марии Карфиковой была подготовлена и издана Wolters Kluwer в 2018 году правовая монография «Теория финансового права и финансовой науки» [3]. Монография состоит из трех частей, исключительно теоретического содержания: «А». Основы финансового права и финансовой науки; «В». Основы подотраслей финансового права; «С» Основы специфических областей, относящихся к финансовому праву. Согласно заявленной теме Вашему вниманию представляю краткий обзор первого параграфа первой части монографии «Основные финансовые категории», дающей четкое представление о развитии категорий науки финансового права в Чехии. В современном финансовом праве Чешской Республики к таковым относятся: **финансовая деятельность, финансовые отношения, финансы и общественное управление финансами. Финансовую деятельность определяют, как деятельность, заключающуюся в формировании, распределении и использовании денежных фондов на уровне отдельных экономических единиц.** Понятие «единица» используется как обобщающее понятие для всех лиц, являющихся субъектом объективного права. В зависимости от типа единицы, которая данной деятельностью занимается, а также в зависимости от иных специфик данной деятельности, различают: финансовую деятельность общественно-правовых корпораций (в частности, государства и его органов территориального самоуправления), финансовую деятельность предпринимателей (в частности, коммерческих корпораций, физических лиц – предпринимателей или субъектов без юридической личности) и финансовую деятельность лиц, не вовлеченных в предпринимательство (в частности, домашних хозяйств). В чешской финансово-правовой теории также выделяется понятие финансовой деятельности в более широком смысле, и это такая деятельность, когда отсутствуют реальные денежные движения и операции, и когда формирование, распределение или использование денежных фондов лишь планируется, прогнозируется или предполагается, или же, наоборот, подвержено реверсивному описанию, анализу и оценке. Сюда, например, относится вся область финансового планирования (включая, например, составление госбюджета или местных бюджетов), финансовые отношения в рамках бухгалтерского учета, контроль ведения и расходования общественных фондов или суммирование данных, полученных в результате обязательного предоставления данных и т.п. Чешские теоретики считают неважным, что в данных случаях отсутствует прямое отношение к денежным средствам, составляющим денежные фонды, всегда можно данное отношение выявить хотя бы косвенно, опосредствованно. Финансовую

деятельность классифицируют по различным критериям, и главным является категоризация по секторам народного хозяйства, в которых осуществляется финансовая деятельность. Выделяют два сектора: общественный и частный. В **финансовую деятельность общественного сектора** включают, прежде всего, финансовую деятельность государства и органов государственной власти и управления, а также деятельность других публично-правовых субъектов. В рамках финансовой деятельности в общественном секторе возникают **финансовые отношения**, входящие в понятие **общественные финансы**. В общественные финансы входит: часть денежных отношений, касающаяся, в частности, госбюджета и местных бюджетов, государственных целевых фондов, государственных и территориальных субъектов (в частности бюджетных организаций или организационных звеньев государства и территориальных самоуправленческих структур, образовательных юридических субъектов и общественных научно-исследовательских учреждений)[4]. Следующая основная финансовая категория - это **финансовые отношения**, определяемые как денежные отношения, связанные с формированием, распределением (дистрибуцией), перераспределением (редистрибуцией) и использованием (реализацией) денежных фондов. Данное определение предвосхищает основной вопрос, каково соотношение понятий финансовые отношения и денежные отношения. Чешские ученые поясняют это так. Денежные отношения, как отношения, касающиеся денег, определяются как более широкое понятие. При этом, деньги являются носителем финансовых отношений и, одновременно, их предметом. Если денежные отношения классифицируем с точки зрения распределительной функции, которую необходимо в финансовой науке ставить на первое место, так как финансы являются категорией распределения и входят в общую систему экономических инструментов распределения, то к денежным отношениям относим помимо финансовых отношений также отношения цены и отношения заработной платы. Каждая из указанных категорий распределения является самостоятельной категорией, и одновременно, все три действуют совместно и взаимосвязано. Таким образом, денежные отношения и финансовые отношения – не синонимы, и они не тождественны. Финансовые отношения всегда одновременно являются денежными отношениями, но не все денежные отношения, при этом, являются одновременно финансовыми отношениями. Следовательно, финансовые отношения в соотношении с денежными отношениями, являются более узким понятием. Финансовые отношения, будучи денежными отношениями, касаются денежных средств, т.е. денег. Деньги могут иметь две главные формы: **наличную**, когда действуют в качестве средства обращения (банкноты и монеты, в некоторых странах также казначейские билеты), и форму **безналичную**, т.е. в виде положительного баланса на счетах (текущих, депозитных, расчетных и др.) в банках и иных финансовых учреждениях (в частности, в сберегательных и кредитных учреждениях, учреждениях, предоставляющих платежные услуги и т.п.). В настоящее время данные традиционные формы денег дополняют новые формы, современные, связанные с развитием информационных технологий и электронной коммуникацией. К таковым можно отнести: - виртуальные денежные единицы, для которых используется название **виртуальная валюта** (например,

биткойн), которые в принципе не регулируются объективным финансовым правом и у которых нет конкретного эмитента; - **электронные деньги**, которые деноминированы в традиционной валюте, но, в отличие от виртуальной валюты, регулируются позитивным финансовым правом, причем для них типично наличие конкретного эмитента. Названные понятия, представляющие новые формы денег, на наш взгляд, требуют финансово-правового определения и обеспечения. Следующая представляемая нами финансовая категория – финансы. Под понятием **финансы** чешские ученые представляют определенный комплекс финансовых отношений, т.е. отношений, касающихся денег, отношений, материальным носителем которых являются деньги. Как уже было пояснено выше, не все денежные отношения являются отношениями финансовыми. Поэтому и понятие финансы необходимо свести лишь к некоторым отношениям, касающимся денег. Чешские правоведы наиболее важной категорией финансов выделяют **государственные финансы**, помимо них еще существуют местные финансы, общественные финансы. **Общественные финансы** определяются как совокупность денежных отношений, связанных с формированием, распределением и использованием денежных фондов в общественном секторе. Понятие **финансы** – это довольно широкое понятие, которое в наших условиях и для наших нужд обозначает совокупность денежных отношений, возникающих при формировании, распределении и использовании денежных фондов, и связанных как с общественным сектором (общественные финансы, включающие в себя, в частности, государственные и местные бюджеты на всех уровнях, в том числе и их доходы от налогов и другие доходы), так и с частным сектором (частные финансы включают в себя, в частности, денежные отношения на финансовых рынках). **Общественное управление финансами**, конечная финансовая категория, представляемая нами в рамках данного исследования. Как правило, оно связано как с финансовой деятельностью, которая в его рамках осуществляется, так и с финансовыми отношениями и общественными финансами, которые в его рамках возникают, меняются и прекращаются. В чешской финансово-правовой теории данная категория рассматривается как подмножество, составная часть общественного управления. Общественное управление является ключевым понятием административного права, поэтому для определения финансового управления основополагающим является определение общественного управления [5]. Чешские административисты указывают, что общественное управление можно определить **позитивно** как деятельность, при исполнении которой административные органы в своих действиях ограничены не только правовыми предписаниями, но также решениями вышестоящих органов, или **негативно** как совокупность действий, которые невозможно квалифицировать как законодательство или правосудие [6]. Общественное управление можно воспринимать как деятельность государства, субъектов территориального самоуправления и иных субъектов и исполнителей общественного управления, осуществляемую **в общественных интересах**. **Общественным управлением** можно считать исполнение такой деятельности государства, субъектов территориального самоуправления и иных общественно-правовых или же частноправовых лиц/субъектов и их исполнителей, которая связана с управлением

на центральном и местном уровне, а также с предоставлением услуг общественности в общественных интересах [7]. В заключение можно сказать, что современное финансовое право развивается в ногу со временем, и в его теории актуальны системные исследования новых и традиционных финансовых категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Худяков А.И. Избранные труды по финансовому праву. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2010. С.3-5.
2. Актуальные проблемы финансового и налогового права: учебное пособие/ отв.ред.М.В.Карасева.-Москва:Прспект,2020. С.18-19.
3. Карфикова Мария и коллектив. Теория финансового права и финансовой науки. Прага: Wolters Kluwer ČR, 2018. С.3-14.
4. Юречка Вацлав и коллектив. Макроэкономика. 2-ое актуализированное издание Прага: Града, 2013. С. 82.
5. Генрих Душан и коллектив. Административное право, Общая часть. 9-ое издание. Прага: С.Н.Веck, 2016. С. 1-3.
6. Помагач Ричард и коллектив. Общественное управление. 1-ое издание. Прага: С.Н.Веck, 2016. С. 335-336.
7. Мркывка Петр и коллектив. Финансовое право и управление финансами. 1-ая часть. Брно: Университет им. Масарика, 2004. С.113-114.

СОДЕРЖАНИЕ:

СЕКЦИЯ № 1 КИБЕРПРАВО, ЦИФРОВОЕ ПРАВО, РОБОПРАВО: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Батиев Левон Владимирович МОРАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА: СТАРЫЕ СПОРЫ И НОВЫЕ РЕАЛИИ.....	3
Беляев Валерий Петрович Беляева Галина Серафимовна ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ...	6
Бондаренко Инна Александровна ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	9
Власов Василий Иванович МИРОВОЙ ДУХ, ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И Г.В.Ф. ГЕГЕЛЬ (К 250 – ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО МЫСЛИТЕЛЯ)	11
Вовк Елена Викторовна ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СФЕРЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	13
Дзидзоев Валерий Дударович АБХАЗИЯ И ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ – СУВЕРЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА	17
Ермолова Ольга Николаевна ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	25
Желдыбина Татьяна Анатольевна ДЕЙСТВИЕ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	29
Кравцов Николай Александрович ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ ПРАВА.....	30
Ларионов Алексей Николаевич НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И КИБЕРНЕТИКИ В УСЛОВИЯХ ТЕНДЕНЦИИ К ЦИФРОВИЗАЦИИ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА.....	34
Лунёва Екатерина Владимировна ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	36
Мазуренко Андрей Петрович ПРАВОВОТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	38
Маслова Ирина Сергеевна ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТВОРЧЕСТВО» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ	41
Нинциева Тамила Магомедовна ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЦЕССУОЛОГИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	44

Овчинников Алексей Игоревич ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРОГРАММА И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ	46
Осинский Александр Сергеевич КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	50
Павлов Вадим Иванович ЧЕЛОВЕК В ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	53
Плотникова Татьяна Владиславовна Харин Вадим Витальевич ТЕХНОЛОГИЯ «BIG DATA»: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	56
Серегин Андрей Викторович ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА	59
Стабровский Егор Игоревич ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	64
Фастович Галина Геннадьевна СОДЕРЖАНИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	67
Федорова Марианна Христефоровна СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕОРИЮ КОДИФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВТОРОЙ КОДИФИКАЦИИ СОВЕТСКОГО ПРАВА)	71
Хабиева Заира Докуевна К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	74
Шатковская Татьяна Владимировна «ЦИФРОВОЕ» ПРАВО ИЛИ ЦИФРОВИЗАЦИЯ БЕСПРАВИЯ: К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	77
Шматова Елена Сергеевна ЦИФРОВОЕ ПРАВО В ОБЪЕКТИВНОМ И СУБЪЕКТИВНОМ СМЫСЛЕ: ОСНОВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	81
Шошин Сергей Владимирович ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА	84

СЕКЦИЯ № 2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА О ПОПРАВКЕ К КОНСТИТУЦИИ РФ ОТ 14.03.2020 Г

Берлявский Леонид Гарриевич	
КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2020 Г. В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ.....	88
Булуктаева Киштя Юрьевна	
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НАРОДОВ РОССИИ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РФ	91
Данихно Светлана Николаевна	
ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	94
Дюжиков Сергей Александрович	
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ .	97
Жело Валентина Валентиновна	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ РЕДАКЦИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ.....	101
Ирхин Игорь Валерьевич	
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И БИОЭТИКА В КОНСТИТУЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ	104
Кротов Андрей Владиславович	
ВКЛЮЧЕНИЕ В ТЕКСТ КОНСТИТУЦИИ РФ УКАЗАНИЯ НА ВЕРУ В БОГА, КАК РЕЗУЛЬТАТ ТЕНДЕНЦИИ КЛЕРИКАЛИЗАЦИИ СОЦИУМА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	108
Лусегенова Зинаида Сергеевна	
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ В УСЛОВИЯХ НОВЕЙШИХ ПРАКТИК ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	112
Малиненко Эльвира Владимировна	
ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО (УСТАВНОГО) ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РФ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ.....	115
Миροшник Светлана Валентиновна	
СТАТУС СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	117
Овсепян Жанна Иосифовна	
О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РФ.....	120
Чушенко Дмитрий Николаевич	
О ВЛИЯНИИ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РФ ОТ 14.03.2020 ГОДА НА СУДЕБНУЮ ВЛАСТЬ.....	123
СЕКЦИЯ № 3	
ПУБЛИЧНЫЕ И ЧАСТНЫЕ НАЧАЛА В МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВОМ И ПРИРОДООХРАННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: В ПОИСКАХ БАЛАНСА	
Абрамова Марина Алексеевна	
К ВОПРОСУ О ПЛАНОВЫХ (РЕЙДОВЫХ) ОСМОТРАХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО КОНТРОЛЯ.....	127

Алимов Дмитрий Александрович ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ 2020 Г. НА ЭКОЛОГО-ПРАВОВУЮ СФЕРУ	131
Баринов Эмиль Эдуардович ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	134
Джагарян Наталья Владимировна ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ – УНИВЕРСАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ НАРОДОВЛАСТИЯ....	137
Джикия Михаил Давидович ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЧИНЕНИЯ И ВОЗМЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	140
Жегалова Анна Андреевна МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ	143
Жуков Алексей Петрович ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	145
Закаталова Анастасия Сергеевна РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП	148
Капранова Юлия Витальевна О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ И ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА	151
Колесникова Кира Владимировна ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЛЕСОВ ИНОСТРАННЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ И ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС.....	154
Маркина Елена Владимировна МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ.....	157
Микулина Екатерина Вячеславовна СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА В СФЕРЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА	158
Навасардова Элеонора Сергеевна Захарин Андрей Николаевич О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕАЭС.....	162
Соболева Елизавета Андреевна КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА РЕГИОНАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ: НОВОЕ В СВЕТЕ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РФ 2020 ГОДА.....	165

Филимонова Елена Алексеевна ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОГО РАВЕНСТВА ГРАЖДАН ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ	168
---	-----

СЕКЦИЯ № 4

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО 2020 – СТАБИЛЬНОСТЬ, ОБНОВЛЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА?!

Абдуллаева Лалита Мирхамидовна СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К КОНВЕНЦИИ СОВЕТА ЕВРОПЫ О ЛАНДШАФТАХ 2000 Г.	171
---	-----

Амирова Алия Алиевна ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ	174
--	-----

Арзуманян Анна Борисовна НОВАЯ ПАРАДИГМА РЕГУЛИРОВАНИЯ РОБОТОТЕХНИКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ	178
--	-----

Бреский Олег Валентинович СТАТУС МИГРАНТА В ЛОКАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ: МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	181
--	-----

Василенко Екатерина Владимировна К ВОПРОСУ О ВОСПОЛНЕНИИ ПРОБЕЛОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЕГО ОБНОВЛЕНИИ В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19.....	185
---	-----

Власова Галина Борисовна ОБРАЗОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (К 75- ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ООН)	188
--	-----

Гибадуллин Тимур Дамирович НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	190
---	-----

Грачева Светлана Александровна КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРАВА: ФОРМАЛИСТИЧЕСКИЕ И РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ	193
--	-----

Гриневич Анжела Владимировна ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ДОСТИЖЕНИЮ «МОРСКИХ» ЦУР	197
--	-----

Денисенко Светлана Васильевна ГЛАВНЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ XX ВВ. (К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РАБОТЫ НЮРНБЕРГСКОГО И ТОКИЙСКОГО МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ).....	200
--	-----

Драгунова Елена Юрьевна ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ И ФОРМАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ВЫБОРА В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ НОРМЕ	203
Ежова Татьяна Геннадьевна «ЭКОЛОГИЗАЦИЯ» МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	206
Козлов Денис Валерьевич ОБЩИЙ ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК ЕАЭС	209
Костин Сергей Андреевич МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	212
Левицкая Елена Алексеевна МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19	215
Мансуров Умед Абдуфаттохович К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ СОГЛАШЕНИЙ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ И АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ СИЛАМИ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕГО СОГЛАШЕНИЕ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МИРА И НАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ 1997 Г.).....	217
Махаматов Махмуд Махаматаминович ПРАВО НА ТРУД: КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ.....	221
Мещерякова Ольга Михайловна ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА.....	224
Мороз Елена Владимировна МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ	227
Мухамеджанов Омон Закирович УЗБЕКИСТАН И ООН: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА, ИНИЦИАТИВЫ	231
Нагиева Амина Алиевна КОНСУЛЬСКАЯ ЗАЩИТА В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	234
Нгуен Тхи Ким Ань ПРОЦЕДУРА УВЕДОМЛЕНИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ И СОГЛАШЕНИЯ В РАМКАХ КОМИССИИ ПО РЕКЕ МЕКОНГ – ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	237
Павельева Эвелина Анатольевна ВЗАИМОВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ	241

Пасикова Татьяна Алексеевна	
О ПРАВЕ ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЫ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РФ.....	243
Рахман Анита Зульфизуровна	
ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ ИЗ ЧИСЛА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В РАМКАХ МЕЖАМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	245
Смирных Сергей Евгеньевич	
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРОПОРЯДКЕ	248
Тарасова Анна Евгеньевна	
УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: УРОКИ 2020	252
Титова Татьяна Александровна	
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЁНКА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПАКТА О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ.....	256
Филатова Виктория Викторовна	
ИЗМЕНЕНИЯ В КОНСТИТУЦИЮ РФ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ОБНОВЛЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА?	259
Хаббабх Аммар	
КОНСУЛЬСКАЯ ЗАЩИТА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.....	263
Чинь Минь Зуен	
АЗИАТСКИЙ БАНК РАЗВИТИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ	265
Шамарин Петр Алексеевич	
К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ СОВЕТА ИКАО, КАК ОРГАНА ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ СПОРОВ НА ПРИМЕРЕ РЕШЕНИЯ ПО ДЕЛАМ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В ОТНОШЕНИИ ЮРИСДИКЦИИ СОВЕТА ИКАО(БАХРЕЙН, ЕГИПЕТ, САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ОАЭ vs КАТАРА)....	269
Шиянов Алексей Владимирович	
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ И ФРАГМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	271

СЕКЦИЯ № 5

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аксюк Инна Васильевна	
САМОЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	275
Алиев Тигран Тигранович	
АВТОРСКОЕ ПРАВО НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ	279

Бакаева Ирина Владиленовна НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА И ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВЕ	282
Батрова Татьяна Александровна ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО СБОРА, ОБРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ, РАЗМЕЩЕННОЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	286
Бочаров Андрей Николаевич КОМПЕНСАЦИЯ УЩЕРБА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИЛИ УТОПИЯ?	289
Волос Алексей Александрович ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В СФЕРЕ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА	291
Демьяненко Елена Владимировна К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СМАРТ-КОНТРАКТА..	294
Долинская Владимира Владимировна РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	297
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	297
Жирикова Ксения Александровна ЭМБРИОН: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИЛИ ПРАВОВОЙ СТАТУС?.....	301
Зайцева Юлия Алексеевна СОБРАНИЯ КРЕДИТОРОВ ГРАЖДАНИНА-БАНКРОТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	304
Зубарева Ольга Григорьевна АЛИМЕНТЫ В БАНКРОТСТВЕ: ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАНИНА-БАНКРОТА И ЕГО ДЕТЕЙ	307
Келарева Екатерина Владимировна АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	310
Клеветова Евгения Юрьевна НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: БЫЛЬ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?	314
Кубрава Аинар Бадриевич ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ОТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ С УЧЕТОМ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	317
Лапач Лада Владимировна ЦИФРОВЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	321
Левушкин Анатолий Николаевич ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ СЕМЕЙНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	324
Муравьева Елена Викторовна ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭМБРИОНА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ...	327

Поваров Юрий Сергеевич	
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В КАЧЕСТВЕ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА	329
Пономаренко Лидия Анатольевна	
ФИНАНСОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ КРЕДИТОВАНИЕ	332
Рудик Инна Евгеньевна	
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД	335
Рузанова Валентина Дмитриевна	
О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВЫХ «ОХРАНИТЕЛЬНЫХ» МЕР ПО ЗАЩИТЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ	339
Рузанова Евгения Владимировна	
ВОПРОСЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	342
Саркисян Вероника Вартановна	
СТОРОНЫ ПЕРЕГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СПОСОБЫ ИХ УЧАСТИЯ В ПЕРЕГОВОРАХ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ	345
Сафронова Татьяна Николаевна	
ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: НЕДОСТАТКИ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	349
Сухарева Елена Ромуловна	
РАСШИРЕНИЕ И ФИКСАЦИЯ ДОГОВОРНЫХ НАЧАЛ В ОТНОШЕНИЯХ СОБСТВЕННИКА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ И ЧЛЕНОВ ЕГО СЕМЬИ (ВКЛЮЧАЯ БЫВШИХ)	353
Федорова Инна Владимировна	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И (ИЛИ) ТКАНЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	356
Храпунова Екатерина Александровна	
ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	359
Шелудяев Владислав Васильевич	
ДИСТАНЦИОННАЯ ТОРГОВЛЯ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ	362

СЕКЦИЯ № 6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аргунов Всеволод Владимирович	
СУЩЕСТВОВАНИЕ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ» ФАКТОВ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	366
Афанасьев Сергей Федорович	
Токарева Анна Алексеевна	
К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ ПРАВОСУДИИ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ ИСКОВ	370
Борисова Виктория Федоровна	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ПРЕЗУМПЦИЙ В ЭЛЕКТРОННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	372

Воронцова Ирина Викторовна НАПРАВЛЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПОРУЧЕНИЙ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ИНОСТРАННЫЙ ОПЫТ).....	376
Дегтярева Виктория Сергеевна ПРОЦЕДУРА ПЕРЕГОВОРОВ ПРИ СОДЕЙСТВИИ АДВОКАТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	379
Жаглина Марина Евгеньевна ПРИНЦИПЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ.....	383
Зайцев Алексей Игоревич НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОПЕРАТИВНОСТИ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	386
Записная Татьяна Валерьевна АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИНЯТИЯ СУДАМИ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ.....	390
Исрепилова Лолита Руслановна ПРАВОВЫЕ ФИКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	393
Казарина Тамара Николаевна Гаврик Павел Викторович РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ....	396
Князькин Сергей Игоревич НАДЛЕЖАЩЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА КАК КРИТЕРИЙ ПРАВОСУДНОСТИ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	400
Моисеев Сергей Владимирович МНОЖЕСТВЕННОСТЬ НА СТОРОНЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ, НЕ ЗАЯВЛЯЮЩИХ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДМЕТА СПОРА: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	403
Олейник Сергей Александрович Олейник Екатерина Петровна ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	406
Ротко Светлана Владимировна РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБЖАЛОВАНИЕ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТОРА СУБЪЕКТОМ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ	409
Сараев Николай Вячеславович К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	412
Смагина Елена Сергеевна ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ И УНИФИЦИРОВАННЫЙ ПОДХОДЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	416

Терехова Лидия Александровна
ПОЛУЧЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О СУДЕБНЫХ АКТАХ 419

Фокина Марина Анатольевна
КАТЕГОРИЯ «ДОБРОСОВЕЩНОСТЬ» В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
.....423

Чупилин Дмитрий Александрович
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «БЕСШОВНОГО» ПЕРЕХОДА МЕЖДУ
ГРАЖДАНСКИМ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ СУДОПРОИЗВОДСТВОМ 428

СЕКЦИЯ № 7

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ И СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Александрова Анна Викторовна
О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ПЕНСИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В
УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....433

Губенко Марина Ивановна
РАЗРЕШЕНИЕ СУДАМИ СПОРОВ О ПРИЗНАНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА
(УСЛОВИЙ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА) НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ.....437

Ерёмина Светлана Николаевна
ВЫЗОВЫ ТРУДОВОМУ ПРАВУ: УДАЛЕННАЯ И ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА
В УСЛОВИЯХ COVID-19 441

Скрипочка Валентина Евгеньевна
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО РАБОТУ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 445

Степанова Елена Анатольевна
ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА «ПЕРЕЗАГРУЗКУ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ И
СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ 447

Тропина Ольга Николаевна
ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ
МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ 451

СЕКЦИЯ № 8

ИЗМЕНЕНИЯ В КОНСТИТУЦИИ РФ И ДИНАМИКА УГОЛОВНОГО ПРАВА

Берестовой Дмитрий Александрович
ГЕТЕРО- И АУТОАГРЕССИЯ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СРЕДЕ:
КОНСТИТУЦИОННЫЕ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ.....454

Витвицкий Андрей Анатольевич
Витвицкая Светлана Сергеевна
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТРАБАНДЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП
СПРАВЕДЛИВОСТИ 458

Горенко Максим Геннадьевич СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА И ПОСОБНИЧЕСТВА В СТАТЬЯХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ	461
Донская (Кавелина) Ольга Геннадьевна ДВОЙНАЯ ФОРМА ВИНЫ КАК ФЕНОМЕН УГОЛОВНОГО ПРАВА.....	463
Кравцова Елена Александровна ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ.....	468
Лавринов Вячеслав Викторович ПРОБЛЕМА ДИНАМИКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОНТРАБАНДУ	471
Ныркова Наталья Анатольевна ИЗМЕНЕНИЯ В УК РФ ПОСЛЕДНЕЙ «ПЯТИЛЕТКИ»: ПОПЫТКА ДИАГНОСТИКИ.....	474
Огородникова Нина Владимировна Коновалов Александр Константинович УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЗАРАЖЕНИЯМ ИНФЕКЦИОННЫМИ БОЛЕЗНЯМИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ.....	477
Петровский Антон Владимирович ФОРМИРОВАНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С УЧЕТОМ ИЗМЕНЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РФ.....	481
Прохоров Леонид Александрович Прохорова Марина Леонидовна ИНСТИТУТ ПОМИЛОВАНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ГУМАНИТАРНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ	484
Саядян Сусанна Григорьевна ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ЗАЩИТЫ МАТЕРИНСТВА.....	487
Семенцова Ирина Анатольевна ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА ЛИЦАМ, СОВЕРШИВШИМ ТЯЖКИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	490

СЕКЦИЯ № 9

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Апостолова Наталья Николаевна СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ ..	493
Арзуманян Андрей Арсентьевич О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЕЛАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ.....	496
Бабенко Светлана Владимировна К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ.....	499

Веретенников Николай Викторович	
К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТОЧНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КРИТЕРИЕВ СЛОЖНОСТИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	503
Демидченко Юрий Викторович	
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ПОКАЗАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	506
Ванян Кристина Дживановна	
Гильманов Ильяс Рашидович	
Костерин Владимир Владимирович	
Лысов Николай Николаевич	
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ КАК ИНСТИТУТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	511
Ляхов Юрий Алексеевич	
КРИТЕРИЙ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ	518
Малина Максим Александрович	
ПОДСУДНОСТЬ СУДА ПРИСЯЖНЫХ СОГЛАСНО КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1991 ГОДА	521
Миллерова Елена Александровна	
Напханенко Игорь Павлович	
ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО СУДОМ ПРИСЯЖНЫХ В СУДАХ РАЙОННОГО УРОВНЯ	524
Сиротинин Дмитрий Алексеевич	
НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА МЕДИЦИНСКИХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ, НАЗНАЧАЕМЫХ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДРУГИХ СУБЪЕКТОВ РФ	526
Цыганенко Сергей Станиславович	
ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО ПЕРЕСМОТРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ	530
Чупилкин Юрий Борисович	
КАЧЕСТВО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ОТПРАВЛЕНИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ.....	536

СЕКЦИЯ № 10

ФИНАНСОВОЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ

Андреева Елена Михайловна	
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ГРАНТОВ	539
Бармин Вадим Геннадьевич	
ИНСТИТУТ ФИНАНСОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	542

Бочарова Наталья Николаевна	
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	545
Волова Лариса Ивановна	
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЫЗОВАМ МЕЖДУНАРОДНОМУ НАЛОГОВОМУ ПРАВУ	548
Зиновьева Ольга Петровна	
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	552
Канюк Юлия Алексеевна	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	556
Кожан Игорь Васильевич	
К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПОДДЕРЖКИ БИЗНЕСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ....	559
Козлова Валерия Александровна	
ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЕ НАЛОГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	562
Кузьменко Элла Юрьевна	
НЕЗАКОННАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КРИМИНОЛОГО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	565
Луконина Юлия Андреевна	
ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	568
Разгильдиева Маргарита Бяшировна	
ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВВЕДЕНИЕМ КАЗНАЧЕЙСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТОВ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ.....	570
Рыбинцева Елена Владимировна	
ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В РФ.....	575
Садчиков Михаил Николаевич	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЛОГОВО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЛОГОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА.....	577
Черникова Елена Вадимовна	
ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ В ЧЕШСКОЙ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ	580

Научное издание

РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ: ЕДИНСТВО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник докладов
по материалам Международной
научно-практической конференции

Подписано в печать 04.12.2020 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 100.
Усл. печ. лист. 34,88. Уч. изд. л. 41,64. Заказ № 7795.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

